КОЛЛОНТАЙ

Леонид Млечин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), первая в России женщина-министр и женщина-посол, относится к категории людей, которые творят историю. В революционные годы она пользовалась фантастической популярностью — тысячи людей собирались послушать ее выступления. Она буквально властвовала над аудиторией и легко завоевывала сердца понравившихся ей мужчин. Можно утверждать, что Коллонтай осуществила свою собственную революцию — в семейных отношениях. Она использовала министерский пост для того, чтобы дать женщинам России свободу. И своим примером неустанно доказывала, что женщина способна добиться равенства с мужчинами — в карьере, в браке, в любви.

В роли посла Коллонтай проявила себя как чистый прагматик, исключающий всякое морализаторство и прекраснодушие. Она считала, что исходить надо из реально существующей расстановки сил и ставить перед собой только достижимые результаты. Ее политическая карьера представляет собой серию радикальных перевоплощений — процесс, который друзья называли ростом политика, а противники — циничным приспособленчеством. Но она не была циником. Она просто всегда трезво оценивала происходящее и видела, как быстро меняется окружающий мир. Вероятно, поэтому Коллонтай прожила долгую, очень интересную и вполне благополучную жизнь, избежав жестоких испытаний, выпавших на долю ее друзей и любимых.

[Адаптировано для AlReader]

- Леонид Млечин
  -
  - ОТ АВТОРА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья

- Глава четвертая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- ИЛЛЮСТРАЦИИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
-

Жизнь ® замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1649

(1449)

Леонид Млечин

КОЛЛОНТАЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Млечин Л. М., 2013
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2013

ОТ АВТОРА

Жизнь Александры Михайловны Коллонтай могла бы стать сюжетом для телевизионного сериала — увлекательного, авантюрного, со множеством интереснейших, в том числе любовных, линий. Чего стоит только история ее расставания со вторым мужем, Павлом Дыбенко, балтийским матросом, который при советской власти стал военно-морским министром!

Александра Михайловна не была ханжой. Влюбляясь, расставалась с прежним избранником. Но не привыкла к чужим изменам. Когда ей стало известно, что Павел Дыбенко завел роман на стороне, твердо решила порвать с ним. Слишком высоко себя ценила, чтобы быть второй…

После мучительного объяснения с женой и ее слов «Между нами всё кончено» Дыбенко выстрелил из револьвера себе в грудь. Он чудом остался жив — «орден Красного Знамени отклонил пулю, и она прошла мимо сердца».

Александра Михайловна всегда была такой, какой ей хотелось быть. Именно поэтому она добилась столь многого в жизни: первая женщина-министр и первая женщина-посол в истории России.

Она еще и совершила свою собственную революцию — в семейных отношениях. Использовала свой министерский пост для того, чтобы дать женщинам свободу. Заставила мужчин — коллег по правительству — согласиться с ней. И своим примером неустанно доказывала, что женщина должна и может добиться равенства с мужчинами — в карьере, в браке, в постели.

Дочь царского генерала-аристократа, свободно владевшая многими языками, Александра Коллонтай оказалась незаменимой в сложнейшей дипломатии военного времени. Она была своей для европейских политиков и потому легко устанавливала доверительные отношения, которые только и позволяли найти выход из ситуаций, казавшихся безнадежными. Она участвовала в самых тайных переговорах времен Второй мировой, когда записи не велись и разговоры проходили один на один, так что и теперь мы не можем сказать, все ли секреты той эпохи нам открыты…

Сейчас даже трудно представить себе, какой фантастической популярностью она пользовалась в революционные годы. Она властвовала над огромными залами, где собирались ее послушать, и завоевывала сердца понравившихся ей мужчин.

«Рвалась всегда куда-то в будущее, не успокаивалась ни в работе, ни в любви. Всё-то мне мало было, — записала Коллонтай в дневнике. — Оглядываюсь: всегда-то я шагала через

препятствия. Смолоду была «мятежная». Никогда не останавливалась перед тем, как на это посмотрят «другие», что скажут. Не боялась ни горя, ни трудностей. И опасности не пугали. Захочу — добьюсь. И достигала. Была холеная девочка в благополучной семье. Могла прожить, как другие. Так нет же, смолоду, с детства рвалась куда-то, искала чего-то нового, другого, не того благополучия, как у сестер. И ненавидела «несправедливость». Не успокаивалась ни в работе, ни в любви…»

В личной жизни она желала абсолютной свободы и добилась этого. Что касается всего остального…

В роли посла она была сторонником политики, которую немцы называют «Real politik». Это чисто прагматическая линия, исключающая всякое морализаторство и прекраснодушие; исходить надо из реально существующей расстановки сил и ставить перед собой только достижимые результаты.

Ее политическая карьера представляет собой серию радикальных перевоплощений — процесс, который друзья называют ростом политика, а противники — циничным приспособленчеством.

Была ли она циником? Нет. Цинизм — не следствие разочарования. Цинизм — это презрение к нравственным нормам, присущее тем, кто не способен на что-либо надеяться, а потому не способен даже на разочарование. Она всегда трезво оценивала происходящее и видела, как быстро меняется окружающий ее мир. В молодые годы боролась за свои идеалы. В зрелые — за благополучную жизнь, свою и своей семьи.

Она сделала всё возможное, чтобы остаться в истории. Не только потому, что была крупной политической фигурой в самую драматическую для России эпоху — она сама создавала реальность, она принадлежала к тем немногим, кто творит историю. Рядом с ней были деятели не меньшего калибра, но они ушли в небытие, оставшись упоминанием в учебнике истории… Коллонтай позаботилась о себе. Всю свою жизнь она вела дневник и писала подробнейшие письма подругам и тем самым собственноручно — до мельчайших деталей! — запечатлела свою политическую и интимную жизнь.

Вопрос, конечно, в том, в какой степени мемуарист искренен и точен. Но это уже наша задача — понять ее и оценить по достоинству.

«К прошлому — нет тропы, — писала Коллонтай одной из своих ближайших подруг. — Надо идти, идти, идти вперед, до дня, когда впереди уже не будет ничего, кроме небытия. След прошлого заметается помелом событий. Есть память о нем. Как о сне. Было ли всё это? Пережито ли? Или вычитала в книге?

Фантазия или быль? Всё одно — сейчас это дымка воспоминаний, и всё. И люди, милые люди, уже стали другими. Другие заботы. Другие задачи. Жизнь была редко к кому милосердна».

Судьба к Коллонтай была милосердна. Она жила долго и счастливо, избежав жестоких испытаний, выпавших на долю ее друзей и любимых.

Глава первая
СВЕТЛАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ЮНОСТЬ

Александра Михайловна родилась в дворянской (и преуспевающей) семье 19 марта (1 апреля по новому стилю) 1572 года в принадлежавшем ее родителям трехэтажном особняке на Средне-Подьяческой улице в Санкт-Петербурге. Она была младшим ребенком в семье инспектора Николаевского кавалерийского училища полковника Генерального штаба Михаила Алексеевича Домонтовича. Через три года после ее рождения отца произвели в генерал-майоры.

Михаил Домонтович участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов, потом был членом Военно-ученого комитета. Генерал Домонтович стал одним из председателей Военно-исторической комиссии Главного управления Генерального штаба. Под его редакцией были подготовлены первый и второй выпуски «Особого прибавления к Описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове». Это был серьезный анализ боевых действий, в котором без скидок на высокое положение военачальников критиковались и приказы Верховного командования армии, и качество и ведение войсковой разведки. Естественно, такой строгий подход многих обидел.

«После окончания Русско-турецкой войны, — вспоминал генерал-лейтенант царской армии Александр Сергеевич Лукомский, — написать ее историю было поручено небольшой комиссии под председательством генерала Домонтовича.

Составленный и представленный на просмотр старших чинов нашей армии первый том вызвал массу возражений. Указывалось, что многие факты переданы или освещены неверно, что по отношению к еще живым участникам войны допущена совершенно невозможная критика, подрывающая авторитет многих лиц, занимающих крупные посты в армии; что вообще действия высшего командного состава армии и центральных управлений военного министерства представлены в крайне неприглядном, а во многом и неверном освещении; что, наконец, этот труд является не историей, по существу, блестяще проведенной кампании, а самооплевыванием…»

Армейская верхушка всегда сопротивляется нелицеприятным оценкам. Никто не любит критики. Однако же здравый разбор, выявление причин неудач и провалов жизненно необходимы,

когда речь идет о вооруженных силах: здесь за провалы платят человеческими жизнями. Генерал Домонтович понимал, что такая позиция ему друзей не прибавит и карьере не поможет, но проявил характер. Эти твердость и воля в отстаивании принципов передались и его дочери.

«Начались нападки на генерала Домонтовича, — продолжал Лукомский. — Последний представил военному министру обширный доклад, в котором давал объяснения на нападки и доказывал, что он и его комиссия должны дать правду, а не писать превратную самовосхваляющую историю, стараясь не обидеть участников войны. В конце концов всё это дошло до государя Александра III. Государь признал, что труд генерала Домонтовича в том виде, как он был составлен, не может быть пущен в общее пользование.

Его Величество приказал историю Русско-турецкой войны написать заново, положив в основание, что труд должен заключать только правду, но избегать неуместной и резкой критики. Работа генерала Домонтовича света не увидела, и описание войны было поручено комиссии под председательством другого лица. Новое описание войны, по отзывам многих, грешило другим: было официально-казенное, без всяких серьезных выводов и представляло мало интереса…»

Генерал Лукомский быт не совсем прав. Первый, появившийся в 1899 году, и второй, вышедший годом позже, выпуски «Особого прибавления к Описанию Русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове» под редакцией генерала Домонтовича всё-таки были напечатаны в военной типографии. Но тиражом всего 100 экземпляров. На обе работы поставили ограничительный гриф «Не подлежит разглашению». Хранились эти экземпляры в секретной части, так что познакомились с плодами его труда немногие офицеры. Едва ли такое нежелание извлекать уроки из собственных ошибок пошло на пользу армии. Эта традиция, увы, закрепилась в отечественных вооруженных силах.

Но семья Михаилом Алексеевичем гордилась — здесь ценилась независимость в суждениях и поведении.

Тихая семейная жизнь не для нее

Александра Коллонтай появилась на свет вследствие невероятно романтической истории. Ее родителей связывала страстная любовь. Но им пришлось пройти через немалые испытания прежде, чем их судьбы соединились. Для ее матери,

Александры Алексеевны Масалиной, это был второй брак, причем первого она не желала.

«Мой отец, — рассказывала Коллонтай, — впервые встретил мою мать в Итальянской опере. Но моя мать была внучкой финского крестьянина. Мой дедушка был гордый человек и не позволял, чтобы легкомысленные гвардейские офицеры ухаживали за его красивыми дочерями. Он нашел для моей матери другого мужа. Только через несколько лет мои родители снова встретились на балу. Они с первого взгляда страстно влюбились друг в друга, и мама настояла на разводе, что в то время было крайне трудным делом».

Александра Алексеевна родила уже троих детей и все-таки ушла к Михаилу Домонтовичу. Для него, дворянина, женитьба на финской крестьянке была мезальянсом, но он доказал, что любовь важнее. Для дочери крестьянское происхождение матери значения не имело: статус в царской России определялся положением отца.

Между прочим, первый муж Александры Алексеевны — польский военный инженер Константин Мравинский — был обвинен в соучастии в покушении на императора Александра II и осужден. Мравинский занимался строительством водопроводов и систем канализации. Жандармы считали, что революционная организация «Народная воля» поручила ему исследовать канализацию, куда собирались заложить взрывчатку. Впоследствии выяснилось, что обвинение было ложным.

Александра Алексеевна пыталась помочь Константину Мравинскому: попросила второго мужа — генерала Домонтовича — использовать свои связи. Мравинский отделался лишением имущества и ссылкой в Сибирь. А генерал Домонтович подвергся остракизму среди сослуживцев, не простивших ему сочувствия к народовольцу. Юная Александра Коллонтай была потрясена этой историей, покушавшиеся на императора приобрели в ее глазах героический облик.

От первого брака у Александры Алексеевны было трое детей — сын Александр Мравинский и дочери Адель и Евгения.

Евгения Константиновна Мравинская (Мравина) стала примадонной Мариинского театра, среди ее поклонников был и наследник престола, будущий император Николай II. Александра Коллонтай восхищалась ее шармом, музыкальностью и чарующим тембром голоса.

«Вскоре Женя вышла замуж, — рассказывала Коллонтай. — Не столько по любви, сколько чтобы оградить себя от назойливых поклонников. Муж ее был гвардейский офицер, но начальство предложило ему покинуть полк. Гвардейский офицер не мог быть

женат на актрисе».

Этим гвардейским офицером был Людвиг Лаврентьевич Корибут-Дашкевич. Ради жены он пожертвовал военной карьерой и стал преподавать в Николаевском кавалерийском училище.

Евгения пела ведущие партии, но в 1900 году ушла из театра, а в 1906 году вообще прекратила концертную деятельность. Она серьезно болела. Лечилась в Германии в ту пору, когда там, в эмиграции, находилась бежавшая из России революционерка Александра Коллонтай…

Сын Александра Мравинского Евгений станет известным дирижером. Осенью 1932 года Коллонтай окажется в Ленинграде, и хозяин города Сергей Миронович Киров пригласит ее в свою ложу на балет, а дирижировать оркестром будет Евгений Мравинский…

У Александры Коллонтай было счастливое детство. Наверное, это в немалой степени сформировало ее цельную личность. В отличие от многих людей, с которыми сведет ее судьба, она была человеком, уверенным в себе, лишенным зависти, без комплексов и обиды на окружающих.

«Как младшая в семье, — писала Коллонтай в автобиографии, — и притом единственная дочь отца (мать моя была замужем вторично), я была окружена особой заботой всей нашей многочисленной семьи с ее патриархальными нравами».

— Не знаю, право, что из Шуры выйдет? — огорчалась мама. — Ни к чему ее не приучишь. К хозяйству нет терпения, шить и вышивать не любит, даже в куклы не умеет играть. Шура не капризная, но в ней сидит двойное упрямство — чухонское да хохлацкое. Сколько раз я ей запрещала рыться в книгах у дедушки в кабинете. Чуть недосмотришь — она там.

Шурочка много читала и мечтала стать писательницей. Она была чувствительным ребенком, склонным к состраданию и жалости. В ней жили врожденное чувство справедливости и протест против социального неравенства. Но это не мешало ей наслаждаться жизнью.

«За роялем тапер уже выстукивает веселую польку, — вспоминала она счастливую юность. — Наскоро приседаю перед хозяйкой дома и уже несусь по паркету с первым подхватившим меня кавалером.

— Ужинать, дети, ужинать! — прерывает танцы голос хозяйки.

В столовой бутерброды с толстыми ломтями холодного ростбифа, с жирной грудкой рябчика, пахнувшего кедровыми орешками. Бланманже и кремы в виде башен на шоколадном пьедестале, стаканы холодного клюквенного морса, приятно

кисленького, или миндальный напиток — оршад. К мороженому рюмка приторно-сладкого вина «Мускат-Люнель». Лихие звуки мазурки призывают снова в танцевальный зал…»

Всего этого сказочного благополучия Александру Михайловну лишит большевистская власть, установившаяся в том числе и ее усилиями. Но она не станет переживать и сожалеть об утраченном. Тем более что верно принятое решение позволит ей избежать всех тягот советской жизни, которые падут на долю других — ее друзей, ближайших подруг и любимых мужчин. Самые трудные годы она проведет за границей…

Александра Домонтович отличалась сильным характером, целеустремленностью и хотела учиться. Родители дали ей домашнее образование. Как и полагалось генеральской дочке, у нее были няня, гувернантка, приходящие учителя. В 16 лет Шурочка сдала экстерном экзамен на аттестат зрелости и получила право преподавать. Но родители ждали от нее не трудовой деятельности, а замужества и внуков. И тут у них возник первый конфликт с любимой дочерью.

Сама мысль о браке не по любви, а по расчету возмущала юную Шурочку. Ее представления о жизни были весьма наивными: «Любить? Что значит любить? Вот Мими любит дядю Леню, а выходит за Васю. Замужество? После истории с Мими я гоню всякую мысль о замужестве. Гадостно… Сестры спят в одной комнате с мужьями, а папа с мамой в одной постели. Мучительно стыдно за них, и особенно обидно за маму и папу. Если я выйду замуж, буду жить с мужем в разных комнатах».

Ее крестным отцом был генерал от инфантерии Михаил Иванович Драгомиров, крупный военачальник и военный теоретик. Сын генерала Драгомирова Иван, безнадежно влюбленный в очаровательную Шурочку, пустил себе пулю в лоб. Он стал первым в длинном ряду мужчин, которые буквально сходили с ума от любви к Александре Михайловне. Причем она продолжала покорять сердца молодых мужчин и в далеко не юном возрасте…

Она отказывала всем, кто просил ее руки. Влюбилась в своего троюродного брата Владимира Людвиговича Коллонтая, с которым познакомилась в Тифлисе, куда ездила с отцом. Роман, возможно, не выдержал бы испытания разделявшим их огромным расстоянием. Но Коллонтай приехал в Санкт-Петербург и поступил в Военно-инженерную академию: «Два года я боролась с родителями, чтобы получить их согласие на брак с красивым и веселым Коллонтаем. Он необыкновенно хорошо танцевал мазурку и умел веселить и смешить нас в течение целого вечера».

Конечно, умение хорошо танцевать и смешить девушек —

немалое достоинство, но, видимо, всё-таки не главное в семейной жизни. Однажды она призналась, что вышла замуж «в виде акта протеста против воли родителей». Они в конце концов сдались и благословили этот союз. В 1893 году Александра и Владимир обвенчались. В 1894 году у них родился сын Михаил. Шурочка его обожала, придумывала ему множество ласковых имен — Мишука, Мимулек, Михенька… Других детей у нее не будет.

Владимир Коллонтай со временем дослужился до генерала. Он бесконечно любил жену, но Александра не питала к нему столь же сильных чувств. Да она и не желала быть просто женой, которая сидит дома и ждет, когда муж придет со службы: «Хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо присматривать няня».

Ей вообще хотелось свободы, ведь ее жизнь еще только начиналась. Александру Коллонтай тянуло к ярким личностям. Отношения с мужем показались слишком пресными: «К Владимиру Людвиговичу оставалась девичья влюбленность. Но мужем он не был и никогда не стал для меня. Тогда женщина во мне еще не была разбужена. Наши супружеские отношения я называла «воинской повинностью».

У нее завязался первый роман на стороне, и они с мужем разошлись. Но его фамилию она носила до конца жизни. Развод они долго не оформляли — пока Владимир Людвигович не захотел вновь жениться. Он ушел из жизни рано, в 1917 году, столь важном в судьбе его первой жены. Александра Михайловна впоследствии позаботилась о его вдове и взяла ее под свое крыло. Вторая жена Владимира Коллонтая Мария Ипатьевна в 1923–1926 годах работала в полпредстве в Норвегии секретарем-машинисткой и вышла замуж за норвежца Лейфа Юль-Андерсена. Удивительный случай: Александре Михайловне очень нравилась вторая жена ее бывшего мужа, она высоко ценила ее душевность…

Несамостоятельность женщины рождала в Коллонтай протест. Уж если ей не просто, то каково же приходится женщинам, которые вынуждены сами зарабатывать на жизнь? Александра Михайловна заинтересовалась тяжелым положением работниц. Размышления о том, как облегчить их участь, заставили ее обратиться к марксистской литературе. Летом 1896 года она собирала деньги в помощь участникам стачки текстильщиков в Петербурге.

«Женщины и их судьба, — писала Александра Михайловна, — занимали меня всю жизнь, и их-то участь толкнула меня к социализму».

В августе 1898 года, оставив сына (он воспитывался отцом),

она отправилась в Швейцарию — за границей женщине легче было получить высшее образование. Поступила в Цюрихский университет на факультет экономики и статистики. В том же году появилась ее первая работа — «Основы воспитания по взглядам Добролюбова».

На следующий год Александра Коллонтай летом поехала в Англию изучать рабочее движение. Осенью вернулась. В 1901 году вновь отправилась за границу. Там она познакомилась с видными социал-демократами — Георгием Валентиновичем Плехановым, Карлом Каутским и Розой Люксембург. После смерти отца в 1902 году Александре Михайловне осталось имение в Черниговской губернии, что избавляло ее от забот о хлебе насущном. В отличие от других революционерок она придавала значение своей внешности, красиво и модно одевалась.

Оставаться за границей Александра Михайловна не собиралась. Бурный темперамент требовал действий. Она вернулась в Россию, чтобы бороться, во-первых, за равноправие женщин и, во-вторых, за предоставление Финляндии независимости. Она любила финнов и Финляндию. В юности обожала жить у деда по матери Александра Масалина — в его имении Куусаа под Муолаа (Куусанхови, теперь это село Климово под Выборгом). Коллежский советник сделал состояние, торгуя лесом, в Куусаа он построил красивое двухэтажное здание.

В дедовском доме была замечательная библиотека, и она очень пригодилась юной Коллонтай.

Финляндия стала частью империи в результате успешной для России войны со Швецией в 1808–1809 годах. Император Александр I объявил себя великим князем Финляндским. Великое финляндское княжество имело собственный сейм, без согласия которого император не мог принимать или отменять законы. Финляндия (как и Польша) имела собственного статс-секретаря, обладавшего правом непосредственно докладывать императору. Стараниями видного государственного деятеля-реформатора Михаила Михайловича Сперанского при дворе согласились с тем, что Финляндия — не такая же губерния, как все остальные части империи, а отдельное государство, особенности которого следует учитывать и уважать.

Николай I не позволил своим чиновникам сократить привилегии, предоставленные финнам:

— Оставьте финнов в покое. Это единственная провинция моей державы, которая за всё время моего правления не причинила мне ни минуты беспокойства или неудовольствия.

Так что лишь один народ в многонациональной Российской

империи имел реальную автономию — это финны, отмечал академик Юрий Александрович Поляков (см.: Вопросы истории. 2008. № 8). И они, как могли, отстаивали свои права. Когда очередной генерал-губернатор распорядился принимать на службу только владеющих русским языком, финны, изучающие русский, отказались посещать занятия.

Правда, в конце XIX века права автономии стали постепенно урезаться, поскольку Александр II считал финляндскую автономию инородным телом. Попытка унифицировать управление финнами привела к тому, что они стали отдаляться от России… Февральский манифест 1899 года наделял императора правом принимать законы без согласия финского сейма. В июне 1900 года появился «Высочайший манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных присутственных мест Великого княжества Финляндского».

В 1903 году император Николай II наделил генерал-губернатора Финляндии чрезвычайными полномочиями, в том числе запрещать собрания и распускать общественные организации. Первая русская революция, охватившая и Финляндию, заставила власть пойти на уступки. 20 июня 1906 года Николай II утвердил новую конституцию Финляндии. Финны получили всеобщее равное избирательное право.

Потом власть пыталась кое-что отвоевать назад. Четыре раза распускали неугодный Санкт-Петербургу сейм! Положение Финляндии волновало не только финнов. Свободомыслящие русские люди, и не только социал-демократы, считали своим долгом выступать за права и свободы финнов, полагая, что, если в одной части империи утвердятся эти принципы, их проще будет распространить на всю огромную страну.

«Финляндия поистине демократична. — Эти слова принадлежат замечательному писателю Александру Ивановичу Куприну. — Демократична вовсе не тем, что в ней при выборах в сейм победили социал-демократы, а потому, что ее дети составляют один цельный, здоровый, работящий народ, а не как в России — несколько классов, из которых высший носит на себе самый утонченный цвет европейской полировки, а низший ведет жизнь пещерного человека».

Коллонтай изучала экономику Финляндии, опубликовала несколько солидных научных работ. В журнале «Научное обозрение» (№ 2 за 1902 год) — «Земельный вопрос в Финляндии». В 1903 году в Санкт-Петербурге вышла ее книга «Жизнь финляндских рабочих», через три года еще одна — «Финляндия и социализм. Сборник статей, не появившихся в

печати в России». Ее работами заинтересовался один из руководителей социал-демократов Владимир Ильич Ульянов, печатавшийся под псевдонимом Н. Ленин.

Девятого января 1905 года Александра Михайловна вместе с толпой демонстрантов отправилась к Зимнему дворцу. Забастовка столичных фабрично-заводских рабочих не удалась, и возникла идея подать императору петицию с изложением нужд рабочих. Помимо экономических требований были и политические, в том числе созыв Учредительного собрания. Люди, рискнувшие просить царя о милости, шли с крестами и хоругвями. Конечно, как в любой массовой демонстрации, нашлись желающие прорваться через оцепление. В результате поступил приказ открыть огонь. Солдаты стреляли в безоружных людей…

Кровавое воскресенье у многих разрушило монархические идеалы. Александру Коллонтай пролившаяся на ее глазах кровь заставила занять более радикальные позиции в социал-демократическом движении. Во время первой русской революции она писала антиправительственные листовки, участвовала в митингах. В 1907 году она создала в Петербурге организацию работниц и обнаружила, что товарищи-марксисты женским вопросом не интересуются. В социал-демократических организациях женщины составляли абсолютное меньшинство.

«Я поняла, как мало заботилась наша партия о судьбе русских работниц, как незначителен ее интерес к женскому освободительному движению… Откуда же берется это непростительное равнодушие идеологов прогрессивной социальной группы к одной из существенных задач данного класса? Как объяснить себе то лицемерное отнесение «сексуальной проблемы» к числу «дел семейных», на которых нет надобности затрачивать коллективных сил и внимания?»

Активность Коллонтай возымела действие. Социал-демократы осознали, что нуждаются и в поддержке женщин, которые только казались политически пассивными. В сентябре 1908 года Коллонтай отправила Максиму Горькому рукопись книги «Женское движение и классовая борьба» в надежде, что он ее издаст: «Необходимо, чтобы социал-демократия, ввиду нового выступления феминистов, формулировала свое отношение к женскому буржуазному движению и отмежевалась и у нас — в России — от буржуазного феминизма. Эту задачу и преследует моя работа, которая является первой попыткой самостоятельной разработки женского движения на русском языке…»

Марксисты исходили из того, что женские проблемы порождены социальным неравенством. Частная собственность лишает женщину средств к существованию и заставляет

продавать себя — в роли жены, содержанки или проститутки. Полагали, что уничтожение классового общества само собой изменит и роль женщины, избавит ее от эксплуатации.

Александра Михайловна сознавала, что ситуация сложнее. С одной стороны, она твердо стояла на марксистских позициях. «Мир женщин, как и мир мужской, также разделен на классы. Никакое формальное уравнение женщины в правах с мужчиной, ни политическое, ни профессионально-трудовое, не спасет женщину от социального и экономического рабства». В этом и состояло ее противостояние с феминистками: она считала принципиально невозможным облегчение женской доли без социалистической революции. А с другой стороны, видела: положение женщин не изменится, пока они не получат те же права, что и мужчины, и пока мужчины не признают это равенство.

Феминистское движение ставило целью полное и всестороннее равноправие женщины. «Мужчина, — писала Мария Ивановна Покровская, издательница дореволюционного «Женского вестника», — пользуясь своим господством, стремится устроить всё по-новому, руководствуясь своим представлением об общем благе, представлением часто эгоистичным и односторонним… Женщины, желая облегчить свою участь, ведут борьбу с господством мужчин… Женщины должны освободить себя от подчиненности мужчинам».

Феминистки отстаивали (не подвергаемую ныне сомнению!) точку зрения, что женщины ни в чем не уступают мужчинам, но их законодательно подвергают дискриминации, и единственная женская профессия, которая нравится мужчинам, — это проституция: «А у женщин нашлось бы достаточно мужества, храбрости и любви к своему отечеству, чтобы с оружием в руках защитить его независимость и честь».

Коллонтай как партийный публицист сражалась с «буржуазными феминистками», но ныне ее считают крупным теоретиком феминистского движения. Сейчас это очевиднее, чем прежде.

Ее книга вышла к I Всероссийскому женскому съезду, который проходил в Петербурге 10–16 декабря 1908 года. Она намеревалась участвовать в долгожданном съезде и выступать. Но именно в те дни против нее возбудили уголовное дело. В сборнике статей «Финляндия и социализм» обнаружили призыв к вооруженному восстанию. Генеральская дочка попала в поле зрения политической полиции.

В 1898 году в Департаменте полиции был создан особый отдел, который ведал агентурой, засылаемой в подпольные

антиправительственные организации, перлюстрацией переписки подозрительных лиц, розыском политических преступников и следил за настроениями в обществе.

Занимались этим губернские и областные жандармские управления. Отдельный корпус жандармов был немногочисленным. К моменту революции — всего тысяча офицеров и десять тысяч унтер-офицеров. Зачисляли в жандармы только потомственных дворян и только православных. В корпус не допускались католики и даже женатые на католичках. Жандармы носили красивую синюю форму и получали содержание минимум вдвое большее, чем строевые офицеры. Особенно видной считалась служба в Петербурге. Ежемесячно департамент приплачивал 25 рублей (в ценах тех лет — немалые деньги), и на Рождество полагались наградные — «на гуся».

В 1866 году — после первых покушений на императора Александра II — при канцелярии петербургского градоначальника появилось отделение по охранению порядка и спокойствия в столице. 1 ноября 1880 года при канцелярии московского обер-полицмейстера образовали секретно-разыскное отделение. В начале XX века такие отделения появились во многих крупных городах. Инициатором их был Сергей Васильевич Зубатов, руководитель московского охранного отделения (полное название — Отделение по охране общественной безопасности и порядка).

Охранное отделение состояло из агентурной части, следственной части, службы наружного наблюдения и канцелярии. При канцелярии заводили архив и алфавитную картотеку, в которую заносились все, кто проходил по делам охранного отделения.

Когда вспыхнула первая русская революция, власть пошла на уступки.

«После манифеста 17 октября 1905 года наше жандармское управление прекратило всякую деятельность, — вспоминал чиновник политической полиции Александр Павлович Мартынов. — Находившиеся в производстве дознания оказались за амнистией ненужными, новых не возникало, хаос был всеобщий. Нашлись офицеры в нашем управлении, которые попросту уничтожили свои дознания. Мы собирались, обсуждали слухи и… ничего не делали!

В начале декабря во главе Министерства внутренних дел стал Петр Николаевич Дурново, маленький сухонький старичок с ясным умом, сильной волей и решимостью вернуть растерявшуюся власть на местах. Сонное царство ожило. Всё заработало, машина пошла в ход. Начались аресты, запрятали

вожаков, и всё стало, хотя и понемногу, приходить в норму».

Полиция была занята в основном боевым подпольем, а не ситуацией в обществе. Охранка искала эсеров и анархистов, боевиков с бомбами и револьверами, но не они представляли главную опасность для самодержавия. И лишь группа из нескольких офицеров изучала большевиков, меньшевиков, народных социалистов и рабочее движение. Но Коллонтай взяли на карандаш.

Как она сама писала, «предстоял процесс из-за старой брошюрки и в перспективе — два-три года крепости». Сидеть за решеткой она не хотела, предпочла уйти на нелегальное положение. С середины ноября 1908 года и до отъезда из страны Коллонтай скрывалась в квартире своей ближайшей подруги Щепкиной-Куперник в доме 6 по Виленскому переулку, пока ей делали паспорт.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник — известный переводчик, поэт и прозаик. Они с Коллонтай дружили 45 лет! В Центральном государственном архиве литературы хранится 777 писем, которые Коллонтай ей адресовала. А также 599 писем, отправленных лучшей подруге — журналистке и экономисту Зое Леонидовне Шадурской, и еще 183 письма, адресованные сестре Шадурской — актрисе Вере Леонидовне Юреневой.

У Александры Михайловны был очевидный эпистолярный дар. Она обожала писать письма. К счастью для исследователей, сохранились многие сотни ее посланий. Эпистолярное наследие Коллонтай ценно прежде всего тем, что она была со своими корреспондентами откровенной.

На Всероссийский женский съезд Александра Коллонтай не попала. Вместо нее подготовленную речь прочитала Варвара Ивановна Волкова, работница с Нарвской Заставы. Коллонтай писала ей: «Вы молоды, сильны и лучше вооружены знаниями, чем многие из нашего кружка, вот почему на Вас я полагаю особенные надежды… Конечно, ребенок, служба, всё это берет время… Но не уходите от дела…»

Съезд принял резолюции о необходимости введения законодательства об охране труда женщин и детей, высказался в защиту крестьянок, но отказался одобрить резолюцию с требованием предоставить женщинам всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право.

Александра Коллонтай, опасаясь обвинительного приговора и тюрьмы, покинула Россию в ночь с 13 на 14 декабря 1908 года.

Любимые мужчины

Пограничный контроль существовал и в Российской империи. На границе жандармы просили предъявить паспорт, выдававшийся для заграничных путешествий.

«Фамилии владельцев проверялись по алфавитной регистрации, куда были занесены все лица, разыскиваемые и отмеченные в циркулярах Департамента полиции, — рассказывал генерал Павел Павлович Заварзин, много лет прослуживший в корпусе жандармов. — Когда такие оказывались, они брались тотчас же в незаметное наблюдение филеров. Некоторые же арестовывались…»

Однако улизнуть от жандармов не составляло труда. Хотя бы и с чужими бумагами. «В паспортном деле у нас был большой пробел, — свидетельствовал Заварзин, — на паспорте не требовалась фотография его владельца, что, конечно, весьма облегчало пользование чужими документами».

Александра Коллонтай выбрала Германию, страну, в которой, несмотря на кайзеровский режим, существовало сильное рабочее движение. Поселилась в Грюнвальде, пригороде Берлина, вступила в немецкую социал-демократическую партию, активно участвовала в собраниях столичной парторганизации.

«Сегодня первый вечер моей новой, скитальческой жизни, — писала она из-за границы Щепкиной-Куперник. — Мне хочется именно сегодня написать Вам, моя хорошая, нежная Татьяна Львовна, хоть несколько слов. Вы внесли столько тепла, столько милого внимания в эти последние недели моей кочевой жизни в Петербурге, что как-то невольно ощущаю сегодня, в чужом Берлине, как хорошо мне было в милом уютном Вашем гнездышке на Виленском…»

Коллонтай участвовала в международных конференциях, посвященных женскому движению. Перезнакомилась со всеми известными социал-демократами Европы. Политические симпатии иногда совпадали с личными. Среди ее любовников называют виднейших революционеров того времени. Александра Михайловна посвятила себя движению за равноправие женщин.

Историки пишут о своего рода сексуальной революции, которая происходила в России с конца XIX века. На протяжении веков женщина в обмен на замужество (потому что оно давало ей необходимый в сословном обществе статус) предлагала мужу абсолютную верность и покорность; жена — прежде всего мать и хозяйка. При этом она обязана была хранить супружескую верность. На мужа это правило не распространялось.

Сергей Иванович Франгулов, депутат Четвертой Государственной думы, описывал нравы того времени: «Положение женщины в богатой семье зависело прежде всего от

ее характера, но в общем, конечно, женщина была занята семьей, то есть была хозяйкой большого дома, была занята детьми… Большинство знало, что их мужья, разъезжая по разным городам и ярмаркам, пользовались ласками артисток, певичек, посещали кафешантаны и дома терпимости, а также имели связи от случая к случаю, а то и постоянную содержанку.

Тетка моей жены рассказывала сама, что когда она с мужем поехала в Нижний Новгород на ярмарку, ее муж хорошо заработал на ярмарке и, уезжая обратно в Астрахань на пароходе, на радостях к обеду заказал бутылку шампанского. Так она встала из-за стола и заявила мужу:

— Я тебе не шансонетка, чтобы ты меня шампанским при людях поил.

И она ушла в каюту, отказавшись от обеда. Вот как высоко она себя ценила, не желая в чем-либо походить на женщин, которых ее муж поил шампанским.

Большинство богатых купцов в возрасте содержали на стороне какую-нибудь бедную девушку или вдову. Они покупали или строили им домишко где-нибудь на окраине города и, обеспечив их всем, приезжали к этим содержанкам, когда им заблагорассудится, требуя от них верность, купленную за деньги».

Бесправное положение женщины было особенно заметно в крестьянских семьях. Жен били, но суды, как правило, отказывали им в защите и разводе. Избить жену не считалось чем-то предосудительным.

С начала XX века крестьяне устремились в города. Городская жизнь была комфортнее деревенской. Вместе с мужьями (или самостоятельно) перебирались и женщины. Они находили там работу — становились горничными, кухарками, прачками. Это вело к разрушению семей.

Консервативные силы пытались насильственно удержать женщин в деревне. Собравшийся в ноябре 1911 года Всероссийский съезд Союза русского народа потребовал «ограничить выдачу паспортов женщинам деревенским без согласия мужей и отцов… ввиду бегства жен и дочерей в города, отчего терпит ущерб крестьянское хозяйство, а женское население развращается».

Но жизнь стремительно менялась. Женщина, прежде находившая под властью мужа, жаждала личного счастья, для этого ей нужна была свобода в интимных отношениях. Отныне уже не только мужчины, но и женщины разрушали институт брака. Тайные адюльтеры случались всегда, но теперь женщины открыто уходили от мужей и начинали новую, самостоятельную жизнь.

Существовали только четыре причины для развода, который давал духовный суд (см. работу Елены Владимировны Беляковой в книге «Женщины в православии». М., 2011).

Первая. Доказанное прелюбодеяние одного из супругов или неспособность к брачному сожитию.

Вторая. Судебный приговор с лишением всех прав состояния.

Третья. Безвестное отсутствие одного из супругов.

Четвертая. Обоюдное согласие супругов принять монашество (если нет малолетних детей).

В судебном процессе требовались: показания свидетелей (двух или трех), письма, доказывающие супружескую измену, документы, свидетельствующие о наличии внебрачных детей. Но откуда же взяться свидетелям в таких деликатных делах? Кто свечку держал?

В знаменитом романе Льва Толстого адвокат объясняет ситуацию оскорбленному изменой жены Алексею Александровичу Каренину: «Дела этого рода решаются, как вам известно, духовным ведомством; отцы же протопопы в делах этого рода большие охотники до мельчайших подробностей… Улики должны быть предоставлены прямым путем, то есть свидетелями».

И что же происходило? Привлекались мнимые свидетели, которые не моргнув глазом описывали то, чего в глаза не видели:

«Актеры — два свидетеля, которые должны разыгрывать сцену перед консисторским трибуналом. Текст роли для обоих почти буквально один. Вот этот почти постоянный текст, извлеченный из многих дел синодального архива: «Я с моим товарищем зашел к г. N, с которым имел дела. Прислуги не было, и мы прошли в залу… На диване… и т. д.» Дальнейшая роль неудобна для передачи».

Все знали, что это лжесвидетели, но до 1917 года ничего не менялось. С конца XIX века число разводов неуклонно росло, однако многие пары, желавшие разойтись, всё равно не могли этого сделать. Косвенный признак — число незаконнорожденных детей. Каждый третий младенец в Санкт-Петербурге появлялся на свет вне брака.

Один из опытных юристов, А. Д. Способин в своей книге «О разводе в России» перечислял пагубные последствия невозможности развестись: «Уменьшение количества законных браков и увеличение числа незаконных связей, увеличение количества незаконных рождений, детоубийств, супругоубийств, медленное развращение всего общества, видящего и привыкающего к разврату, супружеской неверности, нравственному оскудению и искажению нравственных идеалов…

Риск огромный вступать в брак, сделать этот неисправимый и

бесповоротный шаг; масса народа рисковать не хочет, прибегая к связям незаконным, где возможно найти почти всё содержание брака без большинства его темных сторон».

Больше половины мужчин и женщин в крупных российских городах не спешили связать себя брачными узами. Зато росло количество абортов и брошенных детей. В столице каждая пятая беременность заканчивалась абортом.

Первые российские феминистки возмущенно писали: «Мужчина, пользуясь своим господством, стремится устроить всё по-своему Женщины, желая облегчить свою участь, ведут борьбу с господством мужчин. Эта постоянная борьба между полами исчезнет, когда исчезнет подчиненность женщин. Сами женщины должны стремиться освободить себя от подчиненности мужчинам и добиваться равноправности. Раскрепощение женщины должно и может совершиться только ее собственными силами — ее натиском».

Женщины требовали уравнения их в правах с мужчинами и, видя, что добиться этого невозможно, присоединялись к освободительному, революционному движению.

«Женщинам, — писала видный деятель Коминтерна Анжелика Балабанова, — приходилось бороться почти с непреодолимыми препятствиями, чтобы добиться возможностей, которые мужчины того времени получали как нечто само собой разумеющееся. Чтобы добиться интеллектуального признания, в то время женщине требовались подлинная жажда знаний, много упорства и железная воля».

В январе — марте 1909 года Коллонтай написала несколько статей на эти волновавшие ее темы: «Об организации работниц в России», «Женщина-работница на первом феминистском конгрессе в России», «Классовые и общенациональные задачи женского движения». В том же году появилась ее работа «Социальные основы женского вопроса», высоко оцененная специалистами.

Много времени и сил отняла книга «Общество и материнство. Государственное страхование материнства». Она вышла в Петрограде в 1916 году и по справедливости считается самым значительным трудом Коллонтай. Шестисотстраничный фолиант — результат глубокого исследования, за которое она взялась в 1913 году, когда социал-демократическая фракция Государственной думы попросила ее подготовить раздел о страховании материнства в законопроекте о страховании рабочих.

«Среди многочисленных проблем, выдвинутых современной действительностью, — писала Коллонтай, — едва ли найдется

вопрос большей важности для человечества, большей жгучести и настоятельности, чем рожденная крупнокапиталистической системой хозяйства проблема материнства.

Вопрос об охране и обеспечении материнства и раннего детства встает перед социал-политиками, неумолимо стучится в двери к государственным мужам, заботит гигиенистов, занимает социал-статистиков, отравляет жизнь представителей рабочего класса, ложится бременем на плечи десятков миллионов матерей, принужденных самостоятельно зарабатывать на жизнь…»

Изучая положение работающих женщин в европейских странах, Александра Михайловна доказывала, что невыносимые условия труда губят материнство. Женщина просто не в силах одновременно и работать, и растить детей. Отсюда высокая детская смертность и такое количество брошенных детей. И ее страшная фраза: «А гекатомбы детских трупиков растут и растут…»

Есть два выхода, считала Коллонтай: или вернуть женщину домой, запретив ей какое-либо участие в народно-хозяйственной жизни, или создать такую социальную систему, которая позволит женщине становиться матерью и не лишаться возможности работать. Поскольку колесо истории назад не поворачивается, то первая возможность исключается.

Она вовсе не призывала женщин выбирать: или работа, или дети. Напротив, исходила из того, что работающая женщина может и должна стать матерью. При одном условии — забота о ее здоровье и обеспечение детей становятся обязанностью государства. Экономическая самостоятельность и полноценное участие в политической и общественной жизни представлялись Коллонтай еще и средствами избавиться от унизительной для женщины необходимости вступать в брак с нелюбимым человеком только для того, чтобы родить и прокормить ребенка…

Александра Михайловна научилась выступать перед немецкой аудиторией, да так умело, что ее постоянно повсюду приглашали. Она ездила по Германии в роли партийного пропагандиста-агитатора. Хвасталась (в хорошем смысле) Екатерине Марковне Соколовой (это ее коллега-публицист) в сентябре 1909 года: «Платят хорошо: десять марок суточных, все переезды на их счет и двадцать марок «за выход». Предлагают прочесть хоть сто рефератов, ей-богу, я разбогатею!»

С 12 по 31 мая 1909 года Коллонтай путешествовала по Германии и Швейцарии, выступала с докладами. Немцам рассказывала о России, русским эмигрантам — о положении женщин. В Женеве выступила с докладом «Семья, любовь и проституция в свете научного социализма».

«Я увидел Коллонтай в Париже в 1909 году, — вспоминал известный писатель Илья Григорьевич Эренбург, — на докладе, или, как тогда говорили, на реферате. Она показалась мне красивой, одета была не так, как обычно одевались русские эмигрантки, желавшие подчеркнуть свое пренебрежение к женственности; да и говорила она о том, что должно было увлечь восемнадцатилетнего юношу, — личное счастье, для которого создан человек, немыслимо без общего счастья».

В конце декабря 1909 года Александра Михайловна ездила по Саксонии, больше месяца выступала перед немецкими рабочими и русскими эмигрантами, рассказывала об отношении социал-демократии к семье, браку, проституции и другим волнующим женщин проблемам.

Британские социал-демократы пригласили Коллонтай в Англию. Вместе с лидером левых немецких социал-демократов Кларой Цеткин (девичья фамилия Эйсснер, она родилась в семье школьного учителя в Саксонии, вышла замуж за эмигранта из России) участвовала в кампании за предоставление избирательных прав всем совершеннолетним, включая женщин.

В Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года проходил I Всероссийский съезд по борьбе с проституцией. Присутствовать на нем Коллонтай не решилась и откликнулась несколькими статьями. И вновь отправилась по Саксонии с докладом на тему «Проституция и бедствия брака в современном обществе».

В августе 1910 года Коллонтай поехала в Копенгаген на Восьмой конгресс Второго интернационала, объединявшего социалистические и рабочие партии. Перед конгрессом состоялась Международная конференция социалисток. Коллонтай выступила с докладом об охране материнства и детства. Ее избрали членом постоянного Международного секретариата по руководству женским социалистическим движением.

В январе 1911 года Александра Михайловна опять ездила по Германии. В феврале отправилась в Италию, где в Болонье выступала во Второй социал-демократической пропагандистско-агитаторской школе для рабочих. Говорила о финляндском вопросе и эволюции семьи. Сообщала Щепкиной-Куперник: «Читаю не только ежедневно, но часто по два раза в день, сверх того — практические занятия со слушателями, дискуссии и т. д. Не успеваю даже поспать нормально и от этого сильно устаю».

В марте 1911 года она вновь выступала в различных немецких городах — о положении в Финляндии («Судьба страны тысячи озер») и об отношении социал-демократов к женскому вопросу. Послушать ее собиралась немалая аудитория.

Необычная женщина из России волновала мужское

воображение. В эмиграции — она молода, свободна и открыта для любви — у нее было несколько серьезных романов. И не только с соотечественниками. Среди ее мужчин называли видного немецкого социал-демократа Карла Либкнехта.

«Карл Либкнехт был самым популярным из молодых немецких социалистов, — вспоминала Анжелика Балабанова, — и вождем левого крыла партии. Карл не только выполнял любую работу и брал на себя любые обязанности, какие от него требовались, но он постоянно искал себе новой работы и деятельности. Он отличался страстным, беспокойным и бурным характером. Мне всегда казалось, что этому человеку не суждено умереть в своей постели».

Либкнехт — не единственный, кто волновал сердце Коллонтай. В июле 1910 года она делилась с Щепкиной-Куперник: «Как странно, мои мысли так часто витают возле тебя, моя нежная Танечка с солнечной улыбкой, ты всё еще жива во мне, ясно вижу твои глаза, с их глубокой жизнью, богатой оттенками, слышу твой голос, твой смех, а письма мои стали так редки…

Не писала тебе, так как говорить с тобой о погоде, о новостях в пансионе, о выборах в Баварский ландтаг — казалось диким, а писать о другом, что лежало на душе — было страшно… Ты понимаешь, нельзя касаться того, что еще трепещет, как раненая птица, в душе и содрогается от каждого прикосновения. Но теперь уже я более или менее взяла себя в руки… Главное сейчас работа. Хочется дорваться до нее, ведь сама по себе она дает большое наслаждение. Ты это знаешь, правда? Особенно, когда веришь, что сделаешь нечто большее, чем сейчас тобою сделано…»

Через много лет, в июне 1919 года, в Мелитополе Александра Михайловна почему-то вдруг вспомнит одного из своих мужчин времен эмиграции: «Дивное утро. Цветет белая акация, пьянящий запах и знакомый. Он с чем-то связан. Ах, да: белые, душистые гроздья акации в пригороде Парижа — Пасси, 1911 год. Я живу в дешевом отеле и питаюсь больше земляникой и сырками. Почти не выхожу. С утра до вечера пишу «По рабочей Европе». В третий раз переписываю всю рукопись… А по вечерам сижу у окна, дышу белой акацией, жду к себе П. П.».

П. П. — это Петр Павлович Маслов, по взглядам меньшевик (то есть социал-демократ либеральных убеждений), по профессии — экономист-аграрий.

Петр Маслов учился в Харьковском ветеринарном институте. В 1889 году был арестован по делу марксистского кружка (одного из первых в России), организованного Николаем Евграфовичем Федосеевым (в его кружок входил и Ленин). Маслов отсидел три

года и был выслан в Самару. В 1894 году отправился за границу, изучал политэкономию в Венском университете, разрабатывал программу переустройства сельского хозяйства России. Он — автор нескольких капитальных трудов по аграрному вопросу.

В Париж Петр Павлович приехал с женой — Павлиной Масловой (для своих — Павочкой). И у него завязался роман с Коллонтай.

Александра Михайловна вспоминала: «Наши радостные встречи, наши скромные ужины, сыр, хлеб, масло, земляника. И, конечно, разговоры о падении земельной ренты и о законе народонаселения. Хорошо, радостно… Я хлопочу о переводе и издании его книги в Германии. И тут же вечный страх П. П.: а вдруг его жена, Павочка, узнает, что он у меня? Павочка безмерно ревнива.

Как я любила, страдала от его уколов, что так непонимающе, чисто по-мужски наносил мне П. П. И всё-таки я его любила со всей мукой и искренностью. И вот разлюбила. Значит, это возможно? Это только в юности веришь, что если полюбишь, то это навсегда…»

После Февральской революции Петр Маслов готовил закон о земле. Признанного ученого-агрария включили в состав Временного совета Российской республики (его называли Предпарламентом). В октябре 1917 года все надежды Петра Павловича рухнули. Он уехал на Южный Урал, обосновался в родной деревне Масловка Троицкого уезда Оренбургской губернии.

Здесь, где еще не было власти большевиков, в нем проснулся политический темперамент. В конце июня 1918 года на Челябинском уездном съезде крестьянских, казачьих, рабочих и мусульманских депутатов он был избран председателем Челябинского исполнительного комитета народной власти. С июля 1918 года исполнял обязанности комиссара Челябинского округа Временного Сибирского правительства, в которое входили эсеры, народные социалисты, беспартийные областники. Это правительство некоторые историки считают самой законной властью в истории России после осени 1917 года. Оно управляло обширной территорией от Зауралья до Забайкалья, а фактически подчинило себе и Дальний Восток.

В сентябре 1918 года Петр Маслов участвовал в Уфимском государственном совещании. Это был представительный форум антибольшевистских сил России, на котором хотели восстановить российскую государственность и образовать единое правительство. Но формирование демократической власти было перечеркнуто военным переворотом, в результате которого к

власти пришел адмирал Александр Васильевич Колчак.

Петр Маслов подал в отставку со всех постов и отказался от политической деятельности. Профессорствовал в Омском сельскохозяйственном университете. И это его спасло — впоследствии с деятелями колчаковского режима большевики расправлялись жестоко. А ему простили и меньшевистское прошлое. 12 января 1929 года его избрали действительным членом Академии наук СССР. Петр Павлович Маслов умер 4 июля 1946 года.

Расставшись с Масловым, Александра Коллонтай влюбилась в будущего наркома труда и лидера «рабочей оппозиции» Александра Гавриловича Шляпникова. Он сам подошел к ней и представился.

«Париж годов эмиграции, — вспоминала Александра Михайловна. — Дискуссии в партии… Мой разрыв с Петром Павловичем Масловым. Знакомство с Александром Гавриловичем Шляпниковым. Хорош был Париж в то лето».

Александр Шляпников, чье имя еще не раз появится на страницах этой книги, родился в Муроме. В три года остался без отца. Учился недолго, в 12 лет пошел работать на льнопрядильную фабрику. В 16 лет перебрался в Сормово, где познакомился с социал-демократами, на следующий год переехал в Санкт-Петербург, тут уже участвовал в забастовках. Устроиться нигде не мог, вернулся в родные края и в 1903 году основал в Муроме первую социал-демократическую организацию. В 1904 году был арестован. За участие в первой русской революции был осужден. В 1908 году уехал за границу. Работал во Франции, Англии, Германии — на разных заводах, везде активно участвуя в рабочем движении.

Александр Шляпников был значительно моложе Коллонтай. Но ее это не смущало. В апреле 1911 года она писала Щепкиной-Куперник: «У меня весеннее настроение, бодра, и знаешь, трепещет что-то беспричинной радостью в груди, как в семнадцать лет!..»

Коллонтай перебралась в Париж, где находилось Бюро помощи политической эмиграции под руководством Георгия Васильевича Чичерина. Пройдут годы, и Коллонтай начнет свою дипломатическую деятельность с представления наркому по иностранным делам Чичерину…

Этот человек тоже сыграл немалую роль в судьбе Коллонтай.

Чичерины — старинный дворянский род. Отец будущего наркома Василий Николаевич Чичерин был профессиональным дипломатом, служил секретарем русской миссии в Пьемонте. В 1859 году он женился на баронессе Жоржине Егоровне

Мейендорф. Свадьба прошла на российском военном корабле в генуэзской гавани — там, где через много лет взойдет дипломатическая звезда их сына. Чичерин-старший был очень своеобразным человеком. Ему рано опротивели и дипломатическая служба, и светская жизнь. Разочарование в жизни привело его к евангельским христианам — протестантской секте, близкой к баптистам.

Болезнь и ранняя смерть отца наложили мрачный отпечаток на детство Георгия Васильевича. По его словам, он рос одиноким ребенком в экзальтированной атмосфере, отрезанной от реальности. Часто, стоя у окна, с завистью наблюдал за тем, как по улице шли гимназисты. Жаждал общения. Но замкнутый образ жизни Чичериных ограничивал общение мальчика со сверстниками. Совместные молитвы, пение религиозных гимнов, чтение Библии вслух составляли главное содержание семейной жизни.

Мать научила Георгия ценить искусство и воспитала в нем романтическое восприятие несчастных. У него развилась склонность к самобичеванию и самоуничижению. На это еще наложились природная застенчивость и замкнутость. В школе ему было очень трудно — он не умел ладить с товарищами. Трудный характер, привычка к замкнутости останутся у него на всю жизнь.

Образование Георгий Васильевич получил превосходное — на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Истории учился у самого Василия Осиповича Ключевского, академика, автора «Курса русской истории». В 1897 году поступил на службу в архив Министерства иностранных дел. Через шесть лет ушел из МИДа.

Как писал потом Чичерин, он ощутил в себе зов к практической работе за освобождение страдающего человечества. Весной 1904 года уехал за границу. В Германии познакомился и сблизился с Карлом Либкнехтом, который стал для него идеалом революционера. Чичерин пришел к выводу, что революционная работа ему по душе.

Потом перебрался в Париж, где играл заметную роль среди политэмигрантов. Он жил на деньги, полученные в наследство после смерти матери. Ббльшую часть наследства передал в партийную кассу. В 1907 году в Берлине было создано Заграничное центральное бюро российской социал-демократии — в надежде наладить сотрудничество всех социал-демократических фракций за границей. Секретарем бюро стал Георгий Чичерин.

Чичерин давал Коллонтай всё те же поручения: выступайте, пропагандируйте наши взгляды. Она не отказывалась. В Бельгии она рассказывала русским эмигрантам о положении в России и о

женском вопросе. Одна из ее тем: «Сексуальный кризис и классовая мораль». Левое крыло Бельгийской рабочей партии попросило ее выступить перед бельгийцами.

Александра Михайловна жаловалась Щепкиной-Куперник: «Ежедневно без отдыха ношусь по Бельгии, среди копоти и гор каменного угля… Гнезда тяжелого упорного труда… Бледные, желтые, худые лица шахтеров, сильные и гордые типы металлистов, чахоточные и почему-то всегда воодушевленные «идеалисты» — ткачи, ткачихи… Залы, забитые тысячью и более слушателей, процессии с музыкой, с которой меня встречают на вокзале…»

Консервативные газеты требовали выдворить из страны «проповедницу свободной любви». Ее взгляды смущали добропорядочных отцов семейств, которые и помыслить не могли о том, что их жены тоже могут иметь какие-то права.

Придет ли Женский день?

Коллонтай трудилась неустанно. Писала в середине февраля 1912 года Щепкиной-Куперник: «Я уже три недели абсолютно себе не принадлежу — меня нет, есть лишь деловой манекен, который вечно торопится, спешит и так поглощен заботой о затеянном деле, что садится по рассеянности в трамвае на колени к какой-то даме; является в гости, вместо того чтобы повесить пальто на вешалку, идет и вешает пальто в чужой шкаф…»

В 1912 году появилась возможность в Лондоне поработать в Британском музее над книгой «Общество и материнство». А еще Александра Михайловна съездила в Швецию, не подозревая, конечно, какую роль эта страна сыграет в ее жизни. В конце апреля 1912 года прямо в поезде, возвращаясь в Берлин, она писала Щепкиной-Куперник: «Поездка по Швеции дала мне громадное моральное удовлетворение, так как я осязательно чувствовала, что являюсь опорой для молодого, радикального течения в Швеции (общесоциалистического, не женского), но и женщинам кое-что дала. Вся поездка — это какой-то золотой сон… Могло бы вскружить голову, если б я была моложе и менее знала жизнь. Было много и чисто внешнего успеха. Моя первомайская речь комментировалась всякими газетами…

Но быть временной знаменитостью — это тоже имеет свои неудобства: сегодня на пароходе, конечно, меня все знали, еще бы: в газетах всяческие снимки — то на трибуне, то премьер-министр и… я — два полюса первомайского дня. Проводы толпы с криками: «Александра Коллонтай, ура! Ура! Ура! Ура!» (четыре

раза, заметь! Это полагается в Швеции); одним словом, всё, как полагается, и вот на пароходе — качка. Русская агитаторша борется с приступами морской болезни, наконец, срывается с места… А пассажиры бегут смотреть, что она будет делать!!!»

В Париже Коллонтай написала книгу «По рабочей Европе» — впечатления от общения с социал-демократами разных стран. В сентябре 1912 года обратилась к Георгию Валентиновичу Плеханову как «голосу нашей партийной совести»: «Дело идет о моей книге «По рабочей Европе», которую я переслала Вам еще весною, надеюсь, Вы ее получили? Книга эта последнее время возбуждает среди немцев, не читавших ее, но доверяющих слухам, большое волнение и недовольство за то, что в ней, будто бы, заключается пасквиль на немецкий пролетариат и немецкое движение…

Я беру на себя смелость обратиться к Вам, глубокоуважаемый и дорогой Георгий Валентинович, с громадной просьбою: проглядите мою книгу, она ведь беллетристического характера и читается легко, и скажите мне свое откровенное мнение…»

Книга «По рабочей Европе» вышла на русском языке в 1912 году в Санкт-Петербурге. Она описывала бюрократизм немецкой социал-демократической партии, самомнение ее руководителей. Коллонтай критиковала их выбор в пользу медленных реформ и отказ от смелой революционности. Карл Либкнехт ей очень нравился, но он принадлежал к радикальному крылу социал-демократов. Такие, как он, составляли абсолютное меньшинство.

Коллонтай писала из Берлина Варваре Волковой: «Не хватает у немцев революционного духа, знаете, не боевых фраз, а этого стремления вперед, энтузиазма, веры во что-то светлое, что ждешь после борьбы. Конечно, они деловитее, быть может, даже более знающие, но — это всё-таки чужие…»

Александра Михайловна была искренней в своих политических взглядах. «Представь, Танюся, это Берлин! — писала она Щепкиной-Куперник. — В таких квартирах ютятся плохо оплачиваемые рабочие… Сыро, темно… Меня возили смотреть. 650 тысяч семейств живет в перенаселенных квартирах! И это в «благоустроенном» Берлине. Иногда так ненавидишь весь этот мир контрастов…»

Но ей нравилось, что в немецких семьях царил культ гигиены и здоровья. Все занимались спортом на свежем воздухе, спали при открытых окнах даже в холод, утро даже для девочек начиналось с гимнастики. Спорт, физическая активность — всё это не только ради здоровья, но и во имя подтверждения своей немецкости. Физические упражнения — моральный императив. Пренебрежение к собственному телу — недопустимо. Ходить с

опущенной головой, горбиться, опускать плечи — это не по-немецки…

Германские социал-демократы были крайне недовольны ее оценками. Коллонтай жаловалась: «Вот книга, рождающая больше «судов», чем читателей, так как ведь немцы ее даже не читали, а уже жгут ее на костре своего возмущения».

Книгу перевели на немецкий язык. Прочитав ее, от Коллонтай отвернулись даже друзья. Александра Михайловна сильно переживала. А вот Максиму Горькому книга понравилась. Он охотно отозвался: «Хотя и знал ее, но прочитал с великим интересом еще раз… Жаль, если эта неприятная история заставила Вас пережить плохие дни».

Она настроила против себя не только немцев. В книге написала, что в Копенгагене ей пожаловалась одна русская дама: писатель О. Д. попросил ее мужа перевести для него пьесу, а обещанных денег не заплатил. Кончилось тем, что писатель и театральный критик Осип Исидорович Дымов, считая, что речь идет о нем, подал на Коллонтай в суд за клевету…

У нее были огорчения и посерьезнее. Она конечно же скучала без сына, который жил у отца в Петрограде. Михаил Коллонтай приезжал иногда к матери в Германию, Швейцарию и Норвегию.

Александра Михайловна писала Щепкиной-Куперник: «На душе — относительно покойно и ясно. Жду своего сына — это праздник. Мечтаю о том, как мы с ним будем «питаться» заграничной жизнью… Это особенная радость — показать хорошее, любимое, интересное «собственному» большому сыну…» И делилась с подругой своей грустью: «Я только что проводила Мишу и шла на почту с душою, полной той холодной тоски, какую познала только здесь, за границей, в период моего одиночества. Странно, что эта холодная тоска, ощущение одиночества, никому ненужности, является у меня особенно ярко всегда в шумном и людном Париже».

Александра Михайловна жаловалась, что в Париже не может найти комнату, в которой были бы «письменный стол, не качающийся от малейшего прикосновения, и полка или хотя бы этажерка для книг. Какие глаза делают хозяйки, когда я этого спрашиваю!..».

Иногда сама себе удивлялась. «Мне приходится не только о себе заботиться, но и подумать о моих товарищах, которые приходят ко мне пить чай и обсуждать дела… — писала она Щепкиной-Куперник. — Представь себе меня, которая сама бежит в лавочку за провизией, которая варит яичницу и заготовляет бутерброды моим товарищам-мальчикам на работу…»

В конце декабря 1912 года рассказывала подруге: «Праздники

у меня вышли настоящими, как полагается, с суетой, возней, театрами, смехом молоденьких голосов. Ведь здесь мой Мишулька, а так как в пансионе несколько молоденьких девиц и юнцов, то моя студенческая келья превращается в «вертеп» неописуемого веселья молодежи…»

Весной 1913 года писала из Цюриха сыну:

«Мой дорогой Хохленыш!

Часто думаю о тебе, а писать совсем некогда…

Хохлинька! Отчего это в письмах никогда не можешь говорить тепло и хорошо? И хочется с тобою поговорить просто, а как-то пишешь всё не о том! Ведь я тебя очень люблю, мой Хохленыш! Очень!!!

Успех у меня всюду большой. Ну, целую мордочку моего Хохлиньки!»

Перебравшись в Париж, сообщила сыну:

«Мимулек, папочка тебе расскажет, как хорошо и тепло мы встретились в Париже и как хорошо провели время. О тебе говорили много и дружно на тебя радовались… Знаешь, я ужасно рада, что встретила папочку. Мы так хорошо, так тепло подошли друг к другу. И столько вспомнили далекого, прошлого…»

С 1 по 15 марта 1913 года Коллонтай провела в Швейцарии по приглашению левого крыла социал-демократической партии. Как всегда, очень успешно.

Александра Коллонтай и Клара Цеткин добились решения праздновать 8 марта как день солидарности всех женщин в борьбе за свои права. Такое решение в 1910 году принял Второй интернационал.

В нашей стране Международный женский день давно воспринимается с немалой долей иронии и стал поводом для шуток и анекдотов. Но для Коллонтай и ее единомышленниц это была мечта — хотя бы раз в год заставить общество задуматься о женских проблемах.

Коллонтай написала статью под названием «И в России будет Женский день»:

«В 1910 году на второй женской конференции в Копенгагене было вынесено решение ежегодно в каждой стране проводить социалистический женский день. Этот день должен быть демонстрацией солидарности пролетарок, проверкой их готовности к борьбе за лучшее будущее. В то время нам казалось, что осуществить это решение в России невозможно. Это было самое тяжелое время всеобщей депрессии. Разбушевалась мстительная, торжествующая реакция. Рабочие организации были разбиты…

Когда социал-демократическая партия решила в 1913 году

провести свой первый женский день, работницы решили взять это дело в свои руки. Первый женский день в России был политическим событием. Все партии, все общественные слои высказали свое отношение к этому событию: одни с ненавистью и насмешками, другие с сомнениями…

Результатом этого первого внушительного опыта работниц России громогласно заявить о своих требованиях были аресты и тюремные приговоры. Но русские работники знают, что все эти жертвы не напрасны… Мы хотим делать наше дело так, чтобы Женский день приблизил нас к главной цели — неизбежной, страстно желаемой социальной революции».

В ноябре 1913 года она писала из Висбадена Щепкиной-Куперник: «Я здесь вся живу своей работой, даже на улице думаю только о ней, почему творю непозволительные рассеянности. На днях шла к источнику минеральной воды и несла в одной руке свою кружечку, а в другой пакет писем для отправки заказным на почте. Зашла на почту, встала в очередь, а сама додумываю наиболее совершенный тип касс страхования… Дошла очередь до меня, тогда я молча ставлю перед почтовым чиновником мою кружечку… «Что вы хотите этим сказать?» — изумленный возглас добросовестного немца…»

Она стала заметным в России человеком.

Составительница «Первого женского календаря. Справочной настольной книги для женщины (матери и учащейся)» на 1914 год Прасковья Наумовна Ариан попросила Коллонтай написать автобиографию. Коллонтай охотно откликнулась:

«Отец — генерал Генерального штаба М. А. Домонтович, мать — финляндская уроженка, из крестьянской семьи… В 1898 году, разойдясь с мужем — инженером, я уехала в Цюрихский университет заниматься политической экономией и статистикой у проф. Геркнера… В 1899 году я вернулась в Петербург уже определившейся марксисткой и сошлась с друзьями одного со мной политического мировоззрения.

Первые мои литературные работы касались воспитания и педагогики. Моя первая статья «Взгляды Добролюбова на воспитание» появилась в сентябрьской книжке «Образования» 1898 года…

Угнетение Финляндии и стойкая борьба этого мужественного народа, с которым у меня всегда были тесные связи и по крови, и по симпатиям, толкнули меня на изучение рабочего вопроса в Финляндии. Итогом моих трехлетних изысканий явился первый том моего политико-экономического исследования «Жизнь финляндских рабочих»…

С 1900 года по 1908 год работала в различных областях с

целью организации женщин одного со мной направления… Говорю я свободно только на четырех языках: французском, немецком, английском и русском, немного по-шведски и фински…»

Коллонтай постоянно думала о сыне. Они с мужем разошлись, но отношения остались хорошими. Она беспокоилась не только о мальчике, но и о его отце.

В феврале 1914 года писала сыну из Берлина:

«Дорогой мой мальчик, тяжело думается о тебе, о папочке эти дни… Хочу теперь ускорить свой переезд в Россию. Мне кажется, что надо ближе к тебе, надо быть там, чтобы помочь тебе вести жизнь. Ведь я знаю, как твое сердце болит за папу и как ты живо воспринимаешь все его неудачи и невзгоды…

Хохлинька, дорогой мой! Напиши мне про все дела папины и про всё, что знаешь, невольно мучаюсь за всех вас. И так, так больно за папочку! Но верь, что если у него есть враги, то есть и друзья, которые и ценят, и уважают его.

И ведь враги-то у папы потому, что кругом старый бюрократический мир с его глубокой порчей. Папина честность и благородство им бельмо на глазу…»

Она хотела вернуться. Пожить в Финляндии, чтобы видеть Мишу.

В апреле 1914 года сообщила сыну:

«Милый, родной Хохленыш!

От тебя давно что-то нет вестей. А я начала с этой недели готовиться серьезно к отъезду. Понемногу убираю, укладываю вещи… Не тороплюсь очень только из-за погоды, боюсь попасть в Куузу, когда там еще холодно и не установилась весна, чтобы не расхвораться. Ведь мой противный ревматизм себя постоянно дает знать.

На прошлой неделе у меня был «чай со знаменитостями»: съехались на деловое совещание все самые знаменитые социалистки из Англии, Швейцарии, Австрии, Голландии и т. д. Было очень оживленно и весело. Потом мы примирились с Кларой Цеткин, с которой у меня испортились отношения после выхода моей книги. Сейчас у меня много мелких статей на душе и куча запущенных домашних дел: покупка сапог и чулок, разборка книг…»

Но ее планы не осуществились. Весной 1914 года из Грюнвальда она жаловалась Щепкиной-Куперник, которую называла «нежно любимой сестричкой»: «Знаешь ли, а ведь я была на волоске от того, чтобы приехать в Финляндию. Шла уже брать билет и через день должна была выехать… Но обстоятельства круто повернули мое решение. Против меня возбуждено новое

преследование… Мне всё снится Кууза, и тоска по родине, та тоска, которую я не знала все эти годы, окрашивает все мои деловые заботы, переживания…»

Коллонтай сообщили, что возбуждено уголовное дело в связи с ее статьей «За что борются работницы», опубликованной в «Северной рабочей газете» 23 февраля 1914 года. Это оказалось слухом. Но в Россию она не вернулась. А тут началась война, ставшая мировой. И о возвращении на родину пришлось забыть, потому что Александра Михайловна принадлежала к тем немногим социал-демократам, кто решительно выступил против участия в войне.

Нежелательная иностранка

Двадцать восьмого июня 1914 года в городе Сараево в австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда стрелял восемнадцатилетний боснийский серб по имени Таврило Принцип.

Франц Фердинанд наследовал бы австро-венгерский престол после своего тяжелобольного дяди, императора Франца Иосифа. Женатый на чешке, эрцгерцог был расположен к славянам. Сторонник предоставления больших прав всем народам империи, он хотел покончить с «приниженностью славян» в Австро-Венгрии. Убивать его было не только преступно, но и глупо. Но на Балканах эмоции часто берут верх над разумом.

После убийства наследника австрийского престола Вена обвинила Сербию в покровительстве заговорщикам. Потребовала разрешить представителям австрийской полиции принять участие в расследовании. Белград ответил отказом.

Сербский принц-регент Александр Карагеоргиевич телеграфировал Николаю И:

«Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь как можно скорее…»

«Ваше высочество, — ответил Николай II, — может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии».

Эти слова дорого обошлись нашей стране. Стоило ли обрекать на смерть миллионы людей ради того, чтобы не позволить австрийским полицейским участвовать в расследовании убийства эрцгерцога Фердинанда?

Решение, которое определит судьбу не только династии Романовых, но и всей Российской империи, далось Николаю II нелегко. Император колебался. Понимал, какая ответственность

лежит на нем. Сказал министру иностранных дел Сергею Дмитриевичу Сазонову:

— Это значит обречь на смерть сотни тысяч русских людей. Как не остановиться перед таким решением?

«Я сидел против него, — вспоминал министр, — внимательно следя за выражением его бледного лица, на котором я мог читать ужасную внутреннюю борьбу, которая происходила в нем в эти минуты… Наконец, государь, как бы с трудом выговаривая слова, сказал мне: «Вы правы. Нам ничего другого не остается делать, как ожидать нападения. Передайте начальнику Генерального штаба мое приказание о мобилизации».

Николай II подписал манифест о вступлении в войну с Германией и Австро-Венгрией:

«Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взирала на их судьбу безучастно… Ныне предстоит уже не заступиться только за несправедливо обиженную, родственную нам страну, но оградить честь, достоинство, целостность России и положение ее среди великих держав».

В Зимнем дворце устроили прием в честь офицеров Петербургского гарнизона. После молебна царь дал клятву не заключать мира до тех пор, пока хоть один вражеский солдат остается на земле России. Указом от 31 августа 1914 года Петербург переименовали в Петроград — на русский манер.

Британский министр иностранных дел Эдвард Грей печально произнес:

— В Европе гаснут огни. Мы больше никогда в нашей жизни не увидим их зажженными!

Первая мировая война стала катастрофой для Европы. Если бы не война, не случилось бы революции в России, наша страна развивалась бы эволюционным путем и миллионы людей не погибли бы во имя социализма.

Но кому дано предвидеть собственное будущее? Летом 1914 года ни одна сколько-нибудь значительная сила не выступила против начала Первой мировой войны. Даже влиятельная партия немецких социал-демократов, считавшихся противниками военных конфликтов. 4 августа 1914 года в рейхстаге предоставили слово депутату Гуго Гаазе от социал-демократической фракции.

— Нам грозят ужасы вражеского нашествия, — говорил он. — В случае победы русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших сынов своей страны, наш свободный народ может потерять многое, если не всё. Мы должны подкрепить делами наши слова о том, что в минуту опасности мы не бросим нашу

родину на произвол судьбы. При этом наши действия не противоречат принципам Интернационала, всегда признававшего право каждого народа на национальную независимость и на самозащиту. Мы надеемся, что жестокие страдания военного времени вызовут у миллионов людей нового поколения отвращение к войне и они проникнутся идеями социализма и мира. Руководствуясь этими принципами, мы голосуем за военные кредиты…

В Германии патриотический подъем в 1914 году был таков, что говорили о горячке или «мобилизационном психозе». 2 августа молодой человек без определенных занятий по имени Адольф Гитлер пришел на мюнхенскую площадь Одеон-платц, чтобы услышать объявление войны России. В тот день мюнхенский фотограф Генрих Гофман сделал панорамный снимок. Среди других лиц он запечатлел счастливое лицо Гитлера.

— Вы вернетесь домой раньше, чем листья упадут с деревьев, — напутствовал кайзер Вильгельм II своих солдат.

Русские эмигранты в Европе попали в трудное положение. В странах Антанты они рассматривались как враждебные антивоенные агитаторы. А в государствах Четверного союза их просто арестовывали как подданных противника.

Первого августа 1914 года Александра Коллонтай приехала в Берлин из Тироля и была 3 августа арестована как российская подданная берлинской полицией. На следующий день ее отпустили. Ей и другим русским социал-демократам помог депутат рейхстага Карл Либкнехт. Выданный ей мандат на III Международную конференцию социалисток доказал немецкой полиции: «Русская социалистка не может быть другом русского царя».

Из Берлина она дала знать Щепкиной-Куперник: «Только что вырвалась из немецкого плена. Пришлось пережить много ужасов и тяжелого. Даже не верю, не верю, что вырвалась…»

Шестого сентября она через Данию отправилась в нейтральную Швецию. В конце сентября из Стокгольма сообщала Щепкиной-Куперник: «Здесь такая тишина!.. И жизнь точно переносит тебя на многие десятилетия назад. Пусть дома и в стиле модерн, пусть налицо все удобства XX века — Швеция еще живет в середине XIX века: столько здесь неторопливого благодушия, приветливости… Порою мне кажется, что это не я здесь, а моя мама, так всё похоже на ее рассказы из ее молодости… После берлинской жизни с ее напряжением всех нервов, с ее ужасами и бессонными ночами — это отдых. Но странно и даже жутко сейчас находиться в этом оазисе тишины…»

Однако благодушие продлилось недолго — в середине ноября шведы ее арестовали за антимилитаристскую пропаганду. Из стокгольмской пересыльной тюрьмы Коллонтай перевели в крепость Мальмё, поскольку она «представляла угрозу безопасности страны». В конце ноября ее выслали из Швеции без права возвращения.

Двадцать восьмого ноября 1914 года Коллонтай сообщала Ленину: «Мой арест и высылка вызваны были формально статьей о войне и наших задачах в антимилитаристском шведском журнале, но, кажется, настоящим поводом послужила моя речь на эту же тему на закрытом партийном шведском собрании. Говорила я в понедельник, а в пятницу меня уже арестовали, таскали по тюрьмам (Стокгольм, Мальмё) и препроводили с полицией в Копенгаген…

Консервативная шведская пресса использовала этот инцидент, чтобы поднять травлю на шведских товарищей, особенно на Брантинга… Пишут, что Брантинг запятнал себя дружбой с русской «нигилисткой», ведущей антимилитаристскую пропаганду в ту минуту, когда Швеция должна быть «сильна»…

Депутат риксдага Карл Яльмар Брантинг руководил социал-демократической партией Швеции. В 1917 году он станет министром финансов, в 1921-м министром иностранных дел, затем премьер-министром.

Коллонтай думала, что расстается со Стокгольмом навсегда. Попрощалась с Карлом Брантингом: «Как грустно, что я не увижу больше чудесную Швецию, которая мне так симпатична, и в особенности ее народ… Я с радостью утверждаю: шведы показали себя по отношению к русским намного более человечными, чем немцы. Это я имею в виду служащих тюрем. Чувствуются ваша древняя культура и доброе человеческое сердце…»

Кто мог предположить, что именно в Швеции ей предстоит провести многие годы в роли советского посла…

Ее выслали в Данию. Из Копенгагена она написала сыну:

«Михенька, милый!

Копенгаген мне совсем не нравится. Теперь он еще грязнее, чем летом, а хороших пансионов совсем нет. С радостью уехала бы в Англию, да пугает дорога — 7 дней ехать. Не нравится мне здесь и то, что люди какие-то сухие, холодные…»

Александра Коллонтай нашла приют в соседней Норвегии, которая ей пришлась по душе. В начале февраля 1915 года обосновалась в Христиании (Осло): выступала, писала на антивоенные темы, выпустила брошюру «Кому нужна война?». Большевики, отпечатав ее на гектографе, подпольно распространяли брошюру в Петрограде.

Российские большевики принципиально выступали против войны. 5 сентября 1915 года в швейцарской деревне Циммервальд собралась первая конференция левых интернационалистов-социалистов. Ее участники, среди них Ленин, требовали, чтобы социалистические партии в своих странах голосовали против военных кредитов, а министры-социалисты выходили из состава правительств. Конференция после долгих дискуссий призвала к миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Левые социалисты образовали постоянную комиссию и секретариат в Берне.

До Первой мировой войны Коллонтай оставалась с меньшевиками, а к большевикам примкнула в 1915 году. В выпущенной в 1921 году в Одессе книге «Из моей жизни и работы» Коллонтай рассказала о непростом выборе между большевиками и меньшевиками во время первой русской революции: «По душе ближе мне был большевизм с его бескомпромиссностью и революционностью настроения, но обаяние личности Плеханова удерживало от разрыва с меньшевиками».

Она восхищалась Георгием Валентиновичем, а большевики относились к Плеханову, патриарху социал-демократии, с презрением и пренебрежением. В феврале 1915 года Сталин писал Ленину, Зиновьеву и Крупской: «Читал статейку Плеханова в «Речи» — старая неисправимая болтунья-баба. Эхма…»

В эти военные годы Александра Михайловна успела побывать и за океаном. Немецкая федерация Социалистической партии Америки пригласила ее читать лекции. В сентябре 1915 года она поставила в известность Щепкину-Куперник: «Я получила приглашение поехать читать серию лекций на три месяца. И согласилась. Сейчас — надо быть или в России, или с головой в кипучей работе».

В январе 1916 года отправила Щепкиной-Куперник письмо уже из Нью-Йорка: «Знаешь, мне кажется, мы живем в эпоху, напоминающую… переход от средних к новым векам. Это перелом человеческой истории, сдвиг. Что-то новое созидается, растет и крепнет в мире. История скажет: люди в эпоху Великой войны жили и не понимали, что они накануне всемирного исторического сдвига, что они вступают в новую историческую эру…»

В феврале 1916 года Коллонтай отправилась в обратный путь, в Европу. Писала сыну с борта парохода «Бергенсфиорд»:

«Мой милый, родной Хохленыш!..

Мне устроили грандиозный прощальный ужин, с речами, музыкой. В газетах было много теплых строк по поводу моего

отъезда. Чувствуется, что мною и моей работой остались довольны. Но и работала же я здорово. Я подсчитала: прочла сто двадцать три лекции за четыре с половиной месяца! Это рекорд! На некоторых лекциях бывало по две с половиной тысячи человек…»

Через несколько дней Коллонтай писала Щепкиной-Куперник: «Мы — маленькое плавучее царство, оторванное от мира. Изредка беспроволочный телеграф доносит жуткие вести с театра войны, пахнет страданиями, кровью, сожмется сердце, заноет душа… Но баюканье корабля нагоняет сон на душу, заволакивает мысль дымкой ленивой усталости. Спешишь на палубу, где идет своя, особая курортная жизнь, где, развалившись на креслах, греются на солнышке пассажиры всех национальностей, где оркестр заглушает шум волн мотивами американских танцев, где играют в специальные спортивные игры и распивают кофе, где флирт царит и властвует…»

В первых числах марта она вернулась в Норвегию. Спешила порадовать сына: «Стоит прелестная зимняя погода, снег, солнце. Я уже два раза пробовала ходить на лыжах. Пока валюсь и клянусь: «больше не буду», но снова карабкаюсь на холмик и спускаюсь с визгом…»

В августе 1916 года Коллонтай вновь отправилась за океан. Ее сын, окончив Петроградский технологический институт, был командирован военным министерством в Соединенные Штаты для приемки автомобилей, поставляемых в Россию. Она вновь много выступала и писала.

Ежедневная рабочая газета «Новый мир», издававшаяся русскими эмигрантами, опубликовала ее страстное обращение: «Жены рабочих, объединяйтесь!» «Холодно, тоскливо в квартире рабочего. Пригорюнилась жена его. Колотится, стучит в окна ветер, поет свою назойливую песню о том, что зима близка, что вот-вот наступят холода, а топить нечем. Разве напасешься угля при теперешней дороговизне? Скулят, плачут ребятишки: мама! Есть охота! Мама, обед сготовь!

Мужниной получки к концу недели не хватает. Всё вздорожало: яйца, молоко, овощи, мясо. Как же быть? Как обернуться? Говорят: у женщин волос долог да ум короток, а вот попробовали бы мужья с недельку похозяйничать, на получку обернуться, поняли бы, что не мало надо ума женщине, чтобы на скудный заработок хозяйство вести».

Она обращалась к русским женщинам, оказавшимся в Америке: «Закинула судьба, мачеха-злая, в чужую сторону, к людям чужим, где и обычаи непривычные и язык непонятный, ни тебе подруг, ни родных… Муж? Что толку от мужа?! День-

деньской на работе мается, вернется — усталый, голодный. О своем думает, с женой не поделится… Нахлобучил шапку вечером, да и ушел опять. Куда? Жена не спрашивает. Только рукой махнет…»

Коллонтай рисовала картину мира, как она виделась большевикам: «Земля и всё, что на ней родится, всё, что из земли получают, — уголь, руда, драгоценные металлы, — всё это принадлежит кучке богачей, капиталистам. У них в руках и заводы, фабрики, машины. Две шкуры дерут богачи с народа — не доплачивают рабочему настоящую цену за труд его, а когда товар, сработанный рабочим, окончен, пускают на рынок по такой цене, чтобы побольше, да поскорее нажиться. Прежде цену сбавляла конкуренция между капиталистами-торговцами. А теперь, и особенно в Америке, капиталисты стали объединяться, тресты устраивать, чтобы вместе, да ловчее народ, покупателей обирать…

Как с богачами тяжбу вести? Как с ними воевать?

Способ один: объединимся! Рабочих — много, мы — сила. Объединимся, образуем свою рабочую армию и пойдем походом на врагов — на хозяев, капиталистов, отнимем у них земли, фабрики, заводы и всё это сделаем собственностью народа. Тогда не будет больше дороговизны, потому что не будет больше купцов-грабителей; не будет и войны, так как исчезнут главные виновники войн — капиталисты, генералы, короли и цари».

Это программа-максимум. А пока что Коллонтай говорит о том, что следует сделать немедленно: «Мы требуем, чтобы отобраны были припасы у торговцев и скупщиков. Мы требуем, чтобы сами рабочие организации распределяли продукты для продажи, чтобы цены на продукты установлены были без барышей… Мы, жены рабочих, будем помогать нашим мужьям добиваться большего заработка».

Придя к власти, Коллонтай и ее единомышленники взялись реализовывать эту программу. Отменили торговлю и ввели распределение. Последствия для народа оказались тяжкими. Все годы советской власти прошли в вечной нехватке продовольствия. И всё было дороже, чем у американцев, которые не прислушались к этим призывам, а зарплаты много ниже…

Один из американских послов был поражен ценами в советских магазинах: «Гражданам Соединенных Штатов с супермаркетами и дешевыми магазинами на каждом шагу трудно представить себе условия жизни в Москве, где полностью отсутствуют вещи повседневного обихода, которые мы воспринимаем как данность…

Немногие в Соединенных Штатах понимают, как тяжело

приходится русскому человеку трудиться, чтобы заработать то немногое, что он получает, и какое давление на него оказывается, чтобы он увеличивал продолжительность и напряженность его труда. Советскому рабочему приходится работать почти пять часов, чтобы заработать на дюжину яиц, американскому рабочему — тридцать восемь минут. Ради пачки сигарет советский рабочий трудится два часа, американский — четыре минуты. На пару мужской обуви американец заработает за полчаса, советский за сто четыре часа…»

В Нью-Йорке Коллонтай встретилась с высланным из Европы видным российским социал-демократом Львом Давидовичем Троцким. Он не хотел ехать в США, его выслали за океан, потому что ни одна европейская страна в Первую мировую не соглашалась принять русского революционера. В Соединенных Штатах он пробыл всего два месяца. Постоянно публиковался в газете «Новый мир». Вместе с ним в газете работал Николай Иванович Бухарин, с которым они мало в чем соглашались.

В нью-йоркской библиотеке Троцкий изучал хозяйственную жизнь Соединенных Штатов. Цифры роста американского экспорта за время войны поразили его. Они были настоящим откровением. Эти цифры предопределили не только вмешательство Америки в войну, но и решающую роль Соединенных Штатов после войны.

На одном из митингов Троцкий говорил:

— Европа разоряется. Америка обогащается. И, глядя с завистью на Нью-Йорк, я, еще не переставший чувствовать себя европейцем, с тревогой спрашиваю себя: выдержит ли Европа? Не превратится ли она в кладбище? И не перенесется ли центр экономической и культурной тяжести мира сюда, в Америку?

Александра Коллонтай плохо воспринимала Льва Троцкого, и это обстоятельство потом тоже сыграет определенную роль в ее судьбе. 11 февраля 1917 года, покинув США, Коллонтай написала Ленину и Крупской: «За неделю до моего отъезда приехал Троцкий… Приезд Троцкого укрепил правое крыло… Открытое присоединение к «левому Циммервальду» встретило резкую оппозицию в лице Троцкого и дало моральную поддержку колеблющимся американцам».

Коллонтай дезинформировала Ленина. Троцкий в нью-йоркской газете «Новый мир» не писал ничего такого, что могло бы вызвать раздражение Владимира Ильича.

«В Америке, — вспоминал Троцкий, — находилась в то время и Коллонтай. Знание языков и темперамент делали ее ценным агитатором. В нью-йоркский период ничто на свете не было для нее достаточно революционно».

Она покинула Америку в середине января 1917 года. Писала Щепкиной-Куперник с борта парохода: «По целому ряду соображений — среди них финансовые — уехать надо было. Но уезжать было трудно. Начала вживаться в американскую жизнь, улавливать в ней то, что скрыто от глаз поверхностного путешественника. Полюбила ее литературу, ее несравнимые библиотеки и ее женщин. У нас еще таких нет. Это — женщины-созидательницы, деятельницы… Последние два месяца всё больше и больше ощущала своеобразие жизни американской интеллигенции, и этот слой мне удивительно по душе…»

На самом деле она вовремя пустилась в путь. До Февральской революции в России оставались считаные недели.

Букет для Ильича

Семнадцатого марта 1917 года из Христиании Коллонтай отправила Ленину и Крупской письмо:

«Дорогие друзья, так ли Вы осведомлены о том, что творится? Впрочем, телеграммы-то, верно, всюду те же самые. Каждый час приносит новое и новое. Сейчас тревожнее и мрачнее, чем было утром: на горизонте возможность диктатуры Николая Николаевича (Коллонтай имела в виду великого князя — дядю царя и недавнего главнокомандующего русской армией. — *Л. М.)* …

На завтра ожидаем приезд Ганецкого и Людмилы Сталь; с ними обсудим вопрос: кому из нас немедленно (дня через три, четыре) двигаться в Россию. Кому пока оставаться здесь, чтобы служить связью… Необходима теперь литература в Россию. Шлю Вам на просмотр набросок популярно-агитационной брошюрки-воззвания: «Нужен ли нам царь?» Или «Кому нужен царь?».

Брошюру она написала, но та не понадобилась. События развивались с невероятной быстротой. Россия перестала быть монархией.

Упомянутая Александрой Михайловной Людмила Николаевна Сталь состояла в партии с 1887 года, в первую революцию была членом Петербургского комитета. И вновь будет избрана в него в апреле 1917 года и еще войдет в исполком Кронштадтского совета. Они вместе с Коллонтай будут работать в женотделе ЦК партии большевиков.

Яков Станиславович Ганецкий (Фюрстенберг) — кандидат в члены ЦК партии большевиков. В эмиграции работал в одной коммерческой фирме, торговавшей с Россией. Через несколько месяцев его назовут немецким шпионом, и Коллонтай придется

вникать в его дело…

В марте 1917 года Александра Михайловна вернулась в Петроград. 20 марта в редакции «Правды» она участвовала в заседании русского бюро ЦК, где определялась позиция большевиков. Революция, о которой так много говорили, совершилась внезапно — и без участия профессиональных революционеров.

В царской России тоже были влиятельные сторонники политических реформ, поклонники модели британской конституционной монархии. Вполне вероятно, медленная эволюция системы позволила бы избежать тяжких потрясений. Но императорский двор старательно не допускал к власти тех, кто мог бы проводить модернизацию, постепенно улучшая жизнь. И конституционно-демократическая партия, и «Союз 17 октября» — более чем умеренные и разумные праволиберальные силы, и даже премьер-министры Сергей Юльевич Витте и Петр Аркадьевич Столыпин воспринимались как подозрительные и ненадежные элементы. Очень боялись дать свободу темному народу, не зная, к чему это приведет.

В результате грянула революция. Политикой занялись массы, решения стали приниматься не в кабинетах, а на улице. Все профессиональные революционеры были застигнуты революцией врасплох.

Пятого марта 1917 года первый председатель Временного правительства князь Георгий Евгеньевич Львов, либеральный по взглядам человек, разослал по телеграфу циркулярное распоряжение — «устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей».

Львов сказал журналистам:

— Назначать никого правительство не будет. Это вопрос старой психологии. Такие вопросы должны решаться не в центре, а самим населением. Пусть на местах сами выберут.

В результате всякая власть в стране исчезла.

Временное правительство уничтожило органы политического сыска, отпустило всех политических заключенных, упразднило всё, что подавляло политические свободы: от губернаторов до полиции. Даже Ленин считал тогда, что Россия стала «самой свободной, самой передовой страной мира». 7 марта князь Львов подписал постановление о взятии под стражу бывшего императора Николая II.

Из Петрограда Коллонтай делилась впечатлениями с Лениным и Крупской:

«Дорогой Владимир Ильич и дорогая Надежда Константиновна!

Вот уже неделя, что нахожусь в водовороте новой России, яркость и сила впечатлений такова, что передать ее даже не пытаюсь…

Народ переживает опьянение совершенным великим актом. Говорю народ, потому что на первом плане сейчас не рабочий класс, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроение диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем… «Мы — уже у власти» — таково самодовольно ошибочное настроение у большинства в Совете…»

В Петрограде Коллонтай сразу ввели в состав редакции главной партийной газеты «Правда», избрали в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов от военной организации большевиков, включили в состав исполкома Петроградского совета.

Александра Михайловна встречала вернувшегося из эмиграции Ленина на Финляндском вокзале в Петрограде. Ему устроили торжественный прием. Именно тогда Владимир Ильич впервые осознал, что он — вождь. Коллонтай вручила Ленину букет цветов, с которым тот не знал, что делать. Коллонтай пожала вождю большевиков руку, а кто-кто сказал:

— Да хоть поцелуйтесь с Ильичом!

Владимир Ильич Ленин вернулся в Россию весной 1917-го немолодым и нездоровым. Один из встречавших его на вокзале вспоминал: «Когда я увидел вышедшего из вагона Ленина, у меня невольно пронеслось: «Как он постарел!» В приехавшем Ленине не было уже ничего от того молодого, живого Ленина, которого я когда-то видел в скромной квартире в Женеве и в 1905 году в Петербурге. Это был бледный изношенный человек с печатью явной усталости».

Возвращение на родину через территорию враждебной Германии не прошло даром.

Сегодня многие историки не сомневаются в том, что Ленин совершил Октябрьскую революцию на немецкие деньги. У Ленина действительно были прогерманские настроения, но, скорее, не политического свойства. Врачи, инженеры, коммерсанты ценились в основном немецкие — таковы были российские традиции. В феврале 1922 года Владимир Ильич писал своему заместителю в правительстве Льву Борисовичу Каменеву: «По-моему, надо не только проповедовать: «учись у немцев, паршивая российская коммунистическая обломовщина!», но и брать в

учителя немцев. Иначе — одни слова».

А разве возвращение большевиков-эмигрантов в Россию весной 1917 года через территорию Германии — не доказательство преступного сговора с врагом?

Когда грянула Февральская революция, сильно возбужденный известиями из России Ленин писал любимой женщине — Инессе Федоровне Арманд: «По-моему, у всякого должна быть теперь одна мысль: скакать. А люди чего-то ждут. Конечно, нервы у меня взвинчены сугубо. Да еще бы! Терпеть, сидеть здесь…

Я уверен, что меня арестуют или просто задержат, если я поеду под своим именем… В такие моменты, как теперь, надо уметь быть находчивым и авантюристом… Есть много русских богатых и небогатых русских дураков, социал-патриотов и т. п., которые должны попросить у немцев пропуска — вагон до Копенгагена для разных революционеров.

Почему бы нет?.. Вы скажете, может быть, что немцы не дадут вагона. Давайте пари держать, что дадут!»

Подготовка к возвращению русской эмиграции из Швейцарии в марте и апреле 1917-го проходила гласно и обсуждалась в прессе. Англичане и французы (союзники России) отказались пропустить русских социалистов — противников войны — через свою территорию. Немецкие власти согласились. Не потому, что немецкой разведке удалось завербовать русских эмигрантов — не стоит переоценивать успехи немецких разведчиков. Возвращение в Россию очевидных противников войны было на руку Германии. Немцам и вербовать никого не надо было!

Очень щепетильный в вопросах морали меньшевик Юлий Осипович Мартов предложил обменять русских эмигрантов из Швейцарии на интернированных в России гражданских немцев и австрийцев. Представители Германии согласились.

Исполнительная комиссия Центрального эмигрантского комитета отправила телеграмму министру юстиции Временного правительства Александру Федоровичу Керенскому с просьбой разрешить проезд через Германию. Ленин не хотел ждать ответа. Вместе с Крупской, Арманд и группой эмигрантов он отправился в Россию через Германию и Швецию. Ничего тайного в этой поездке не было. Большевики составили подробный документ для прессы, который разослали в газеты.

Четвертого апреля 1917 года Коллонтай в Таврическом дворце слушала выступление Ленина, изложившего свои знаменитые апрельские тезисы. Отнюдь не все большевики спешили присоединиться к вернувшемуся на родину Ленину 8 апреля 1917 года газета «Правда» дала ему отпор. Откликаясь на требование Владимира Ильича — вся власть Советам, главный

орган большевиков писал: «Схема т. Ленина представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитана на немедленное перерождение этой революции в социалистическую».

А вот Коллонтай поддержала Ленина и была избрана делегатом седьмой (апрельской) конференции РСДРП(б) от Петроградской партийной организации.

Александра Михайловна была одним из самых блестящих ораторов. За неукротимый темперамент ее называли «валькирией революции». Классик социологической науки Питирим Александрович Сорокин, который позднее эмигрирует в Америку, писал летом 1917-го: «Жизнь в Петрограде становится всё труднее. Беспорядки, убийства, голод и смерть стали обычными. Мы ждем новых потрясений, зная, что они непременно будут. Вчера я спорил на митинге с Троцким и госпожой Коллонтай. Что касается этой женщины, то, очевидно, ее революционный энтузиазм — не что иное, как опосредованное удовлетворение ее нимфомании».

Александр Исаевич Солженицын в своей эпопее «Красное колесо», описывая события 1917 года, тоже без всякой симпатии рисует портрет Коллонтай: «Александра Михайловна восхищалась рискованной и блистательной тактикой Ленина; две недели назад совершенно одинокий, оттолкнутый, осмеянный, — он вот уже начинал вести за собой партию.

И вместе с необыкновенным моментом истории Александра Михайловна сама в себе чувствовала редкий расцвет, здоровье, мобилизацию душевных сил, политического соображения (да почти же равняясь с Лениным! достойный его партнер и в эпатажном выступлении в Таврическом), и жажду публичных выступлений, — и полную же личную свободу в 45 лет (уже без Саши Шляпникова), сорок лет бабий век, но в сорок пять ягодка опять, некоторые товарищи с трудом соблюдают с тобой партийное хладнокровие».

Мужской шовинизм сопровождал Александру Коллонтай на протяжении всей политической карьеры… Но не все думали так приземленно. В тот год она вызывала подлинное восхищение: «Выступление за выступлением. Говорю то на Марсовом поле, то на площадях с грузовиков, с броневика или на чьих-то плечах. Говорю хорошо, зажигающе и понятно. Женщины плачут, а солдаты перебегают от трибуны к трибуне, чтобы еще раз послушать «эту самую Коллонтай». Под моросящим дождем митинг возобновляется. Я говорю на чьих-то услужливо подставленных коленях, опираясь о чье-то плечо. И снова растет,

поднимается волна энтузиазма…»

Она хорошо выступала, искренне, с чувством. Вспоминала: «Я сама горела, и мое горение передавалось слушателям. Я не доказывала, я увлекала их. Я уходила после митинга под гром рукоплесканий. Я дала аудитории частицу себя и была счастлива».

Из тюрьмы в ЦК

Александра Михайловна Коллонтай как видный деятель большевистской партии летом 1917 года была обвинена в работе на врага — на кайзеровскую Германию.

Министр юстиции Временного правительства Павел Николаевич Переверзев передал газетам подготовленные его аппаратом документы о связях большевиков с немцами. Газета «Живое слово» опубликовала от имени бывшего большевика и депутата Государственной думы Григория Алексеевича Алексинского и бывшего народовольца, затем члена ЦК партии эсеров Василия Семеновича Панкратова материал под заглавием «Ленин, Ганецкий и компания — шпионы!».

Инициатором был журналист Евгений Семенов (Коган). Он вспоминал в эмиграции: «Я убедил издателя «Живого слова» в ночь на 5 июля опубликовать документы Переверзева о предательской деятельности Ленина, Козловского, Фюрстенберга (Ганецкого), Зиновьева, Коллонтай и других».

Вот что писало «Живое слово»: «16 мая 1917 года начальник штаба Верховного главнокомандующего препроводил военному министру протокол допроса от 28 апреля сего года прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко. Из показаний, данных им начальнику Разведывательного отделения штаба Верховного главнокомандующего, устанавливается следующее. Он переброшен 25 апреля сего года к нам в тыл на фронт 6-й армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией…

Офицеры Германского генерального штаба… ему сообщили, что такого же рода агитацию ведет в России агент Германского генерального штаба… Ленин. Ленину поручено стремиться всеми силами к подрыву доверия русского народа к Временному правительству… Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц».

Бывший прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка Дмитрий Спиридонович Ермоленко служил в военной контрразведке, потом в полиции. В ноябре 1914 года он попал в

немецкий плен. В январе 1916 года согласился работать на немцев. Он был задержан в мае 1917 года при попытке перейти линию фронта. На допросах рассказал, что обещал немцам добиться сепаратного мира с Германией и отделения Украины. Дали ему полторы тысячи рублей. Скромная сумма для такой масштабной задачи… Прапорщик утверждал, что два германских офицера сказали ему: Ленин послан в Россию с той же целью, работать будете вместе.

Профессиональные контрразведчики ему не поверили. Ермоленко был контужен еще в Русско-японскую войну и производил впечатление психически нездорового человека. Начальник контрразведки Петроградского военного округа Борис Владимирович Никитин писал: «Я увидел до смерти перепуганного человека, который умолял его спрятать и отпустить. Я его отпустил. Пробыв в Петрограде не больше суток, он уехал в Сибирь».

Но российские газеты только и писали, что о работе Ленина на врага. Немецкий посланник в Копенгагене Ульрих Брокдорф-Ранцау (будущий министр иностранных дел Германии) отправил в Берлин шифротелеграмму: служат ли в Генеральном штабе офицеры, которые рассказали прапорщику Ермоленко, что Ленин — немецкий шпион? Германский МИД секретно информировал своего посланника, что всё это выдумка.

«Газеты, — вспоминал Питирим Сорокин, — опубликовали документы, подтверждающие, что перед возвращением в Россию большевистские лидеры получили большие суммы денег от немецкого Генерального штаба. Новость вызвала всеобщее и единодушное негодование.

— Изменники! Немецкие шпионы! Убийцы! Смерть им! Смерть большевикам!»

Утром 5 июля войска захватили редакцию большевистской газеты «Правда». Толпа устроила погром в «немецком гнезде».

Ленин не отказался бы от немецких (и от любых иных) денег — в денежных делах он не был щепетилен. Он заключил бы союз с самим дьяволом, если бы это помогло ему совершить революцию и взять власть. И точно так же забыл бы о своих обязательствах. Но Ленин требовал прекратить войну не ради немецких денег, а потому что солдаты не хотели воевать! В 1917 году действующая армия насчитывала больше семи миллионов человек и от них зависела судьба страны. Они мечтали вернуться домой. Ленин понял: привлечь солдат на сторону большевиков можно только обещанием немедленно закончить войну, демобилизовать армию и отпустить одетых в серые шинели крестьян домой — к семьям и земле.

Сколько бы его ни обвиняли в отсутствии патриотизма, в пораженчестве и прямом предательстве, на митингах Ленин повторял вновь и вновь то, что от него хотели слышать:

— Товарищи солдаты, кончайте воевать, идите по домам. Установите перемирие с немцами и объявите войну богачам!

Именно поэтому большевики взяли власть и победили в Гражданской войне.

Седьмого июля были выданы ордера на арест видных большевиков, начиная с Ленина. Владимир Ильич исчез. Многие обвиняли его в трусости, в том, что он сбежал в решающий момент. Казнь старшего брата, Александра Ульянова, возможно, наложила неизгладимый отпечаток на психику Владимира Ильича.

Двадцать второго июля газеты опубликовали постановление прокурора Петроградской судебной палаты о привлечении Ленина и его соратников к суду:

«Следствием добыты данные, которые доказывают, что в России имеется большая организация шпионажа в пользу Германии… В данных предварительного следствия имеются прямые указания на Ленина как германского агента…

На основании изложенных данных, а равно данных, не подлежащих пока оглашению, Владимир Ульянов (Ленин), Овсей Гирш-Аронов-Апфельбаум (Зиновьев), Александра Михайловна Коллонтай, Мечислав Юльевич Козловский, Евгения Маврикиевна Суменсон, Гельфанд (Парвус), Яков Фюрстенберг (Куба-Ганецкий), мичман Ильин (Раскольников), прапорщик Семашко, Сахаров и Рошаль обвиняются в том, что в 1917 году, будучи русскими гражданами, по предварительному между собой и другими лицами уговору, в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошли с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла для боевой способности армии…»

Тем временем Коллонтай избрали делегатом I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Когда ей предоставили слово, она говорила о праве Финляндии на самоопределение.

ЦК партии большевиков командировал ее на девятый съезд социал-демократической партии Финляндии. 17 июня 1917 года Коллонтай выступала на съезде:

— Временное правительство уверяет, что финляндский вопрос будет окончательно решен в Учредительном собрании. Но мы не знаем, как решит его Учредительное собрание. Вместо этого мы, революционные социал-демократы, требуем, чтобы

вопрос о самостоятельности Финляндии был решен сейчас, в момент революционной ситуации. И мы выступаем за предоставление Финляндии самостоятельности вплоть до отделения от Российского государства.

В конце июня 1917 года Коллонтай отправилась в Стокгольм, чтобы участвовать в Информационном совещании левых циммервальдцев. Когда она вернулась на родину в первых числах июля, ее арестовали прямо на границе.

Временное правительство посадило ее в Петроградскую женскую тюрьму. 11 августа 1917 года она писала из тюрьмы подруге Зое Леонидовне Шадурской (они познакомились детьми — в Болгарии, где служили их отцы): «Не скрою, бывают и у меня серые часы, неизбежные в одиночке, но в общем — я ясна. Первые дни мне всё казалось, что я участвую в американском фильме, там в кинематографе так часто изображаются тюрьма, решетка и все атрибуты правосудия!

Странно, что первые дни я много спала. Кажется, выспалась за все эти месяцы напряженной работы. Но потом настали и темные дни. Трудно передать свое душевное состояние. Кажется, преобладающая нота была в те тяжелые дни — ощущение, будто я не только отрезана, изолирована от мира, но и забыта. Казалось, что кроме тебя обо мне уже никто не помнит».

Александра Михайловна сильно ошибалась. Тюремное заключение придало ей ореол героизма. Ее имя гремело в революционном Петрограде. 1917 год был ее звездным часом. Пока она сидела в тюрьме, прошел шестой съезд партии большевиков. И не кого-нибудь из видных большевиков, а именно Александру Коллонтай избрали почетным председателем.

Шестой съезд партии собрался в ситуации, когда большевиков преследовали, и проходил в полулегальной обстановке с 26 июля по 3 августа. Новый состав ЦК партии выбирали закрытым голосованием на утреннем заседании 29 июля. Протокола не вели. Всего выбрали двадцать одного члена ЦК и десять кандидатов. Результаты на съезде не объявили. Только назвали фамилии четырех человек, получивших наибольшее число голосов. Первый пленум нового партийного руководства собрался 4 августа — вместе с прежним составом ЦК. Тут зачитали список избранных. Коллонтай тоже ввели в состав Центрального комитета. Она узнает об этом, когда выйдет на свободу и вернется к политике…

Двадцать первого августа Александру Михайловну освободили из тюрьмы под залог, одной из первых — «ввиду плохого состояния здоровья». Максим Горький и его жена, известная актриса Мария Федоровна Андреева, письменно

поручились, что Александра Михайловна не сбежит.

До 9 сентября она находилась под домашним арестом. Потом Министерство внутренних дел удовлетворилось тем, что оставило ее под надзором. 7 сентября газета «Рабочий путь» поместила письмо Коллонтай: «Спешным порядком 8 августа принимается закон о внесудебном или, точнее, административном аресте… Уже три недели я испытываю на себе всю великую «мудрость» этого, с позволения сказать, закона. Судебная власть выпустила меня из тюрьмы под залог в 5 тысяч рублей 17 августа, но ночью 19 августа мудрый закон «изъял меня из обращения».

Министры-социалисты, военный — Савинков, внутренних дел — Авксентьев, скрепили приказ своей подписью. По толкованию этого мудрого закона лицо, подвергнутое «строжайшему домашнему аресту», лишается общения с товарищами, свиданий, переписки, даже прогулок, которыми пользуется каждый заключенный. День и ночь арестованный по закону 8 августа находится под бдительной охраной вооруженного милиционера…»

Потом милиционера убрали. Временному правительству было не до Коллонтай.

Александра Михайловна написала в «Правду»:

«Дорогие товарищи, работницы, рабочие и матросы!..

Теперь, когда вооруженная охрана снята с моей двери, я с радостью поспешу к Вам, дорогие друзья-товарищи, со светлым сознанием, что месяцы разлуки только укрепили нашу товарищескую сердечную связь, чтобы вместе бороться за освобождение работниц и рабочих от гнета и власти капитала, чтобы вместе отстоять новый, третий Интернационал!»

Права трудовой женщины — ее главная тема в те предреволюционные недели. Сохранились тезисы, написанные ею к III Всероссийской конференции профессиональных союзов. Что она считала наиважнейшим? Уравнять зарплату женщин и мужчин, ввести минимальные нормы охраны труда: не брать на работу девушек моложе шестнадцати лет, восьмичасовой рабочий день, не ставить женщин на ночные и сверхурочные работы, не использовать их на производстве, вредном для женского организма, обустроить мастерские, где должны быть раздевалки, умывальники, теплые туалеты с сиденьями…

Коллонтай помогала работающим женщинам Петрограда объединиться. Написала профсоюзу прачек текст забастовочной листовки: «Мы, прачки, изнемогаем под непосильным гнетом наших эксплуататоров-хозяев, которые не только не хотят подчиняться решению Совета рабочих и солдатских депутатов, но, напротив, издеваются над ним!.. Мы испробовали все мирные

средства борьбы: личные переговоры, переговоры наших выборных с выборными от хозяев, передачу дела в примирительную камеру… Не видя конца издевательству, мы прекратили переговоры и единогласно решили забастовать!»

В партийном журнале «Работница», стоившем три копейки, Александра Коллонтай разила Временное правительство за две беды, нависшие «над головой работницы и рабочего», — дороговизну и войну: «Говорят: грех роптать нам теперь, когда в России народ завоевал свободу! Но одной свободой сыт не будешь. Особенно чувствуют это женщины, работницы, жены рабочих, солдатки. Сколько теперь женщин, что не только самого себя прокормить должны, но и семью содержать. Изволь-ка солдатке на пакет семирублевый прожить!..

Но если плохо той жене, муж которой на фронте, так еще хуже, еще труднее работнице, солдатке, чей муж с фронта вернулся, да не «кормильцем», как бывало, а калекой, изувеченным… А дороговизна такая, что рассказали бы нам про такие цены до войны — не поверили бы! Раньше пяток яиц за пятиалтынный покупали, теперь одно яйцо пятнадцать копеек стоит. Прежде ситный хлеб стоил шесть или семь копеек, теперь пятнадцать. Да еще и не всё достанешь. Сколько часов зря «в хвосте» приходится нам, женщинам рабочего класса, простаивать! Небось, имущие, бары «хвостов»-то избегают, прислугу за себя дежурить шлют…»

Что делать? Коллонтай отвечает: «Надо нам, работницам, провести своих депутаток в городские и районные думы. Не желаем, чтобы нас благодетельствовали, о нас пеклись госпожи и барыни буржуазного класса! Сами сумеем позаботиться о распределении продуктов, муки, молока, сами сумеем назначить цены на товары. Сами сумеем, когда надо, через районные думы конфисковать у спекулянтов припрятанную провизию. Есть у нас верный союзник — наш же брат пролетарий, вооруженный рабочий!»

И эта немудреная, но казавшаяся справедливой программа будет реализована большевиками. Сами назначили цены — и прилавки опустели. Стали конфисковывать продовольствие у торговцев, называя их спекулянтами, — и города едва не заморили голодом… Сейчас кажется странным, что такие неплохо образованные люди, как Коллонтай, вовсе не сознавали, что экономика существует по определенным законам, но это было именно так.

Однако Коллонтай писала и справедливые вещи: «Война прекращает ввоз дешевых товаров из других стран, война уничтожает конкуренцию между купцами нашими, русскими, и

заграничными. Нас заставляют переплачивать за товар… Война еще и другим способом рождает и поддерживает дороговизну. Рабочие руки вместо того, чтобы заготовлять ситец, сапоги, одежду и т. д. — заняты производством снарядов. Мясо, мука — идут не на рынок, а на фронт… То же и во всех других странах. У нас только еще похуже, поголоднее, потому что царское правительство выпускало без числа и меры бумажные деньги, обесценивала этим рубль…»

Оказавшись у власти, большевики начисто уничтожат конкуренцию, переориентируют почти всю промышленность на военные цены и будут легко печатать ничем не обеспеченные деньги. Но возразить им уже будет некому.

Коллонтай призывала работающих женщин: «Спешите в наши ряды, в ряды социал-демократической рабочей партии. Пора строить нашу социалистическую армию!»

В сентябре 1917 года Александра Коллонтай уже присутствовала на заседаниях ЦК. Протокол одного из таких заседаний — от 20 сентября гласил: «Решено образовать группу для сношений с заграницей, в которую войдут т. Коллонтай и т. Ларин. Составление группы и налаживание связей с заграницей поручено тов. Коллонтай. На ближайшее заседание ЦК она должна представлять доклад об организации группы».

Юрий Ларин (один из будущих создателей Госплана) возглавлял группу меньшевиков-интернационалистов, которые только что, в августе 1917-го, присоединились к ленинцам.

А в протоколе заседания ЦК от 5 октября говорилось: «Тов. Коллонтай сообщает о предполагающейся конференции работниц… О «Работнице» принято, что представителем ЦК в редакции является Коллонтай…»

Александра Михайловна рассказывала товарищам о подготовке первого совещания работающих женщин Петрограда, которых большевики твердо намеревались привлечь на свою сторону. «Работница» была органом ЦК, посвященным работе среди женщин.

От имени инициативной группы при петроградском комитете партии она написала воззвание, напечатанное в виде листовки:

«Товарищи-работницы! Живем мы уже восьмой месяц в новой, «свободной России», а «горькая женская долюшка» по-прежнему гнетет наши плечи… Но, товарки-работницы, разве не мы сами во многом виноваты, что так горька, так беспросветна, так тяжела наша жизнь? Что предпринимаем, чтобы постоять за себя, чтобы сбросить женское бесправие, чтобы заставить хозяев, фабрикантов считаться с нашими требованиями? Мы умеем только роптать, причитать, да слезы лить втихомолку…»

До свержения Временного правительства большевики поддерживали созыв Учредительного собрания, поэтому Коллонтай уговаривала женщин активно участвовать в выборах: «В Учредительном собрании и работницы — через своих представителей — могут потребовать, чтобы в новой, свободной России по закону у женщины и у мужчины были те же права. Женщины должны будут потребовать, чтобы установлен был гражданский свободный брак и этим облегчен развод… Работницы могут потребовать, чтобы каждой матери, которая нуждается в помощи, дано было от государства пособие; заступиться и за свою женскую честь, отменив, уничтожив законы, клеймящие женщину, навязывающие ей «желтый билет» проститутки…»

Коллонтай призвала каждый фабричный и заводской комитет прислать своих представительниц на первое совещание работниц: «Мы выберем бюро, которое устроит курсы для тех, кто хочет научиться, как вести агитацию, которое будет устраивать митинги для работниц… Надо и нам, работницам, побороться за то, чтобы власть в России перешла в наши руки, чтобы в Учредительном собрании было наше большинство, рабочее большинство».

Александру Михайловну включили в комиссию из шести членов ЦК для подготовки к экстренному съезду партии, который хотели собрать для разработки проекта программы большевиков.

Пятого октября на заседании ЦК стали, наконец, разбираться с обвинениями большевиков в получении немецких денег: «Решено избрать комиссию для рассмотрения вопроса о Козловском и Ганецком. В комиссию избраны Троцкий и Коллонтай; третьим предполагается послать кого-либо из поляков».

Петроградская судебная палата обвинила большевиков в том, что они получали деньги от немецких властей: «Военной цензурой установлен обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами. Доверенные лица германского Генштаба в Стокгольме: Парвус и большевик Ганецкий. В Петрограде — большевик Козловский. Он главный получатель немецких денег, переводимых из Берлина через Стокгольм».

Александр Львович Парвус, бывший видный социал-демократ, после первой русской революции был отправлен в ссылку, откуда бежал. И занялся зарабатыванием денег. Во время Первой мировой войны Парвус предложил немецкому правительству устроить по всей России забастовки и подорвать Россию изнутри. Немцы дали ему небольшие деньги на антивоенную пропагандистскую работу в России. Небольшие,

потому что, во-первых, германская казна опустела и немецкие чиновники берегли каждую марку, а во-вторых, особых иллюзий на счет Парвуса в Берлине не питали и оказались правы. Через год от Парвуса потребовали отчета. Отчитаться за потраченные деньги ему было нечем.

В революционных делах Парвус не преуспел, зато основал в Стокгольме экспортно-импортную фирму и нанял нуждавшегося в деньгах большевика Ганецкого.

Яков Станиславович Ганецкий входил в состав Заграничного представительства партии большевиков в Стокгольме. Представительство образовали 31 марта 1917 года по предложению Ленина в таком составе — Вацлав Воровский, Яков Ганецкий, Карл Радек. Они издавали бюллетень «Русская корреспонденция «Правды» и «Вестник русской революции». К социал-демократам Ганецкий присоединился на год раньше Троцкого и на два года раньше Сталина, на V съезде РСДРП был избран кандидатом в члены ЦК.

Ганецкий рассказал комиссии Коллонтай, что, находясь за границей, бедствовал. Парвус взял его управляющим в экспортную фирму, которая вывозила в Россию товары, главным образом медикаменты, термометры и шприцы. В войну всё превратилось в дефицит. Ганецкий получал 400 крон в месяц и процент с прибыли. Иначе говоря, его отношения с Парвусом носили чисто деловой характер и с политикой связаны не были.

На заседании ЦК Ганецкого полностью реабилитировали.

Мечислав Юльевич Козловский был председателем Выборгской районной думы в Петрограде, членом исполкома Петроградского совета и ЦИКа первого созыва.

Комиссия Коллонтай констатировала, что с Парвусом Козловский дел не имел, а как профессиональный юрист представлял интересы компании в Петрограде: «Тов. Козловскому предложено было т. Ганецким как заведующим экспортноторговой конторой быть юрисконсультом этого общества за месячное вознаграждение. Никакого финансового участия в этом предприятии т. Козловский не принимал…»

После революции Мечислава Козловского включили в коллегию Наркомата юстиции.

Двадцатого октября 1917 года на заседании ЦК партии большевиков, говорится в протоколе, «тов. Коллонтай сообщает о положении дел в Финляндии; возможно, что социал-демократы покинут сейм; этим обострится сильно положение; финляндские с.-д. думают, что сейчас не время отделяться от России, ибо у нас идет борьба за власть».

Процесс перехода власти к большевикам осенью 1917 года

происходил постепенно. Ленинцы, собственно, и не скрывали своих намерений. В секрете ничего не держали. За десять дней до взятия Зимнего дворца, 15 октября, газета «Петроградский листок» писала: «Вчера в цирке Модерн при полной, как говорится, аудитории прекрасная Коллонтай читала лекцию. «Что будет 20 октября?» — спросил кто-то из публики, и Коллонтай ответила: «Будет выступление. Будет свергнуто Временное правительство. Будет вся власть передана Советам», то есть большевикам. Можно сказать спасибо г-же Коллонтай за своевременное предупреждение. Третьего дня Луначарский клялся, что слухи о выступлении — злая провокация».

Александра Михайловна Коллонтай участвовала в историческом заседании ЦК партии большевиков, когда было принято решение о вооруженном восстании. В ту ночь, 25 октября, она находилась в Смольном, штабе партии.

«Разве я знаю, куда меня направит моя «жадность» взять у жизни всё, что она может дать», — писала она Татьяне Щепкиной-Куперник.

Глава вторая
НАРКОМ

Пока большевики очищали Зимний дворец от последних и немногочисленных защитников Временного правительства, в Смольном институте собрался II съезд Советов. На трибуну вышел председатель Петроградского совета Лев Давидович Троцкий, руководивший красногвардейскими частями, взявшими власть в столице России:

— От имени военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!

Съезд ночью принял написанное Лениным обращение к рабочим, солдатам и крестьянам, в котором говорилось, что съезд берет власть в России в свои руки, а на местах власть переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Меньшевики и правые эсеры выразили протест против «военного заговора и захвата власти» и покинули съезд.

Съезд принял декреты о мире и о земле, избрал Всероссийский центральный исполнительный комитет (в него вошел 101 человек, из них 62 большевика). ВЦИК должен был играть роль законодательной власти между съездами Советов.

Образовали первое правительство — Совет народных комиссаров. В декрете съезда оно названо «временным рабочим и крестьянским правительством» — до созыва Учредительного собрания. Но уже через несколько дней слово «временное» забыли.

На съезде Александру Михайловну Коллонтай избрали в президиум и через несколько дней включили в состав первого большевистского правительства.

«Коллонтай рисовалась мне высокой женщиной с короткими черными волосами и вызывающими манерами — под влиянием распространявшихся о ней диких слухов, — вспоминала американская журналистка Бесси Битти, приехавшая в Россию в 1917 году вместе с ее хорошо известным соотечественником Джоном Ридом. — На самом деле это была добродушная маленькая женщина с мягким выражением больших синих глаз и волнистыми, тронутыми сединой каштановыми волосами, уложенными на затылке простым узлом».

В Смольном американку познакомили с Коллонтай, которой прочили наркомовский пост. Бесси Битти без околичностей спросила:

— Вы скоро будете министром?

— Конечно, нет, — ответила она, смеясь. — Если бы мне пришлось стать министром, я стала бы такой же глупой, как и все министры.

А 30 октября 1917 года Владимир Ильич Ленин вручил Александре Михайловне удостоверение, отпечатанное на бланке Петроградского военно-революционного комитета: «Республиканское Правительство (Совет Народных Комиссаров) уполномочивает товарища А. Коллонтай народным комиссаром общественного призрения».

На самом деле ее ведомство назвали Наркоматом государственного призрения. Это забытое ныне слово означало социальное обеспечение. Бесси Битти пришла к Коллонтай, чтобы выяснить, как будет организовано распределение сгущенного молока, полученного Красным Крестом из Соединенных Штатов. Не без ехидства напомнила наркому о недавнем разговоре.

— А я действительно глупею, — сказала Коллонтай. — Но что делать? Нас так мало, а работы много.

Наркомат госпризрения находился по адресу: Казанская улица, дом 7. Совет народных комиссаров расположился на третьем этаже Смольного института.

«Попасть на третий этаж, — писала 12 декабря 1917 года газета «Вечерний звон», — постороннему, не имеющему большевистских рекомендаций, трудно. Для охраны Совета народных комиссаров здесь дежурят днем и ночью усиленные наряды преданных большевикам солдат, матросов и красногвардейцев. Почти половина огромных комнат третьего этажа предоставлена солдатам. Здесь они едят и даже спят. Устроены нары.

Совет народных комиссаров заседает в бывшей половине светлейшей княгини Ливен. Рядом вывешено объявление о том, что Совнарком принимает посетителей от часа до четырех. Однако, чтобы проникнуть в приемную Совета народных комиссаров, надо войти в боковую комнату, у входа которой стоит матрос и требует не только пропуска, но и объяснений: по какому делу просит свидания с одним из членов совета народных комиссаров. Убедившись в «благонадежности» посетителя, матрос впускает в пустую комнату. Здесь дежурят несколько красногвардейцев.

Из этой комнаты посетитель входит, наконец, в приемную, где за столом сидит дежурный секретарь и дает посетителям нужные справки и устраивает свидания с народными комиссарами, когда это признано нужным. Сюда выходят члены Совета народных комиссаров по вызову секретаря и принимают посетителей.

Ленин и Троцкий почти совсем не выходят к посетителям. Они принимают в кабинете, в который имеют доступ только особо «почетные посетители». Приходят посетители и с «секретными» донесениями. Таких немедленно направляют в революционный комитет и следственную комиссию.

Часто приходят и просители. Общий тип их напоминает посетителей приемных митрополита Питирима, когда он был у власти, Григория Распутина и т. п. Здесь и бедные вдовы, и отставные капитаны. Раньше хлопотали о месте исправника, а теперь хлопочут о месте уполномоченного от Совета народных комиссаров в провинции. Большинство посетителей просят о командировках по большевистским делам. В приемной Совета народных комиссаров можно также встретить представителей «торгового мира» из числа тех, которые посещали кафе «Пекарь» и «Концерт».

Революция в семье

В ее руках оказалось огромное хозяйство, вспоминала Александра Коллонтай: «Это и приюты, и инвалиды войны, и протезные мастерские, и больницы, и санатории, и колонии для прокаженных, и воспитательные дома, и институты девиц, и дома для слепых».

Нарком рассказала иностранным журналистам, что в России два с половиной миллиона инвалидов войны и еще четыре миллиона раненых и больных. Все они теперь зависели от ее способности им помочь. Она сразу поставила вопрос о пенсиях инвалидам войны, многие из которых нищенствовали. Журналисты спрашивали ее, как она намеревается добыть такие большие средства.

— Находила же страна деньги на войну, — отвечала она. — Найдем и на это.

Но денег наркомату давали мало. На одном из первых заседаний правительства Коллонтай обратилась с просьбой выделить ее наркомату «сверхсметные ассигновки в размере пяти-шести миллионов рублей». В тот день денег не дали, Александру Михайловну попросили договориться с ведомством финансов. 24 ноября Коллонтай вновь обратилась к коллегам по Совнаркому с просьбой до наступления нового года выделить 10–12 миллионов рублей. Ее запрос вновь переадресовали финансистам.

Капитан Жак Садуль, сотрудник французской военной миссии в Петрограде, так описывал свою встречу с Коллонтай: «Народный комиссар государственного призрения в элегантном

узком платье темного бархата, отделанном по-старо-модному, облегающем гармонично сложенное, длинное и гибкое, свободное в движениях тело. Правильное лицо, тонкие черты, волосы воздушные и мягкие, голубые глубокие и спокойные глаза. Очень красивая женщина чуть больше сорока лет. Думать о красоте министра удивительно, и мне запомнилось это ощущение, которого я еще ни разу не испытывал ни на одной министерской аудиенции…

Умная, образованная, красноречивая, привыкшая к бурному успеху на трибунах народных митингов, Красная дева, которая, кстати, мать семейства, остается очень простой и очень мирской, что ли, женщиной…»

В первые дни после Октябрьской революции ни у кого не было уверенности, что большевики удержат государственную власть и что они будут монопольно руководить страной. Строились планы формирования коалиционного правительства различных социалистических партий. Да и в любом случае окончательное решение оставалось за Учредительным собранием, которое должно было вскоре собраться в Петрограде.

«Коллонтай не верит в окончательную победу большевиков, — писал Жак Садуль. — Над меньшевиками и большевиками должны в скором времени возобладать умеренные партии. Может быть, удастся создать подлинно демократическую республику? Однако, какую бы судьбу ни уготовило будущее революции, каким бы коротким ни было пребывание у власти русского народа, первое правительство, непосредственно представляющее крестьян и рабочих, разбросает по всему миру семена, которые дадут всходы… Коллонтай производит сильное впечатление поистине убежденной, честной, искренней женщины…»

Нарком разделяет свойственное всем большевикам ощущение безнадежности затеянного ими дела, отметила американская журналистка. Коллонтай сказала Бесси Битти:

— Даже если мы проиграем, мы всё же делаем большое дело. Мы прокладываем путь, уничтожаем отжившие идеи. Творческой же работой развития мировой культуры придется заняться другим странам.

Четвертого декабря 1917 года один из столичных журналистов опубликовал «Маленький фельетон» о Коллонтай, издеваясь над ее планами и действиями (в те дни это еще дозволялось):

«Во время беседы в кабинете находились два ближайших сотрудника комиссара: товарищ (заместитель. — *Л. М.)* министра и товарищ-подруга — Шадурская.

Ерофеич, бывший сторож воспитательного дома, — человек, по-видимому, молчаливый. Сизый нос придает его лицу добродушный вид, а распространяющийся вокруг Ерофеича приятный запах алкоголя вызывает к нему полное доверие. Товарищ — подруга Шадурская полна женственности и не лишена болтливости.

Ваш сотрудник имеет честь знать товарища Коллонтай лет тридцать. Впервые он увидел ее молодой барышней, генеральской дочкой в самых буржуазных кругах. Затем он ее часто встречал в 1905 году. Товарищ Коллонтай отличалась тогда необычайно изящными туалетами и довольно меньшевистскими взглядами.

Теперь товарищ Коллонтай значительно постарела. От старого изящества остался только один золотой лорнет, которым она изредка хлопала Ерофеича по его сизому носу, когда этот нос извлекал слишком громкие звуки.

— Я с моими сотрудниками обременена делами, — сказала вашему сотруднику тов. Коллонтай, — а потому могу уделить вам всего пять минут. Вас интересует программа моей деятельности. Скажу вам прямо: сейчас меня интересуют три вопроса. Охрана материнства, врачебное дело и карточная фабрика. Современное материнство, по моему глубокому убеждению, есть продукт капиталистического строя и частной собственности. Так как мне крайне дороги интересы будущего, большевистского поколения, то я прежде всего требую, чтобы орудия производства этого поколения были обобществлены. Декрет об этом будет на днях опубликован. Со своей же стороны я разослала циркуляр всем местным советам об устройстве при всех советах воспитательных домов и яслей. Отовсюду я получаю сочувственные телеграммы. Что касается врачебного дела, то в своем ведомстве я произвожу основательную чистку врачебного персонала. На днях я была в Обуховской больнице и сама видела, как врач-кадет выслушивает большевистское сердце. Такие возмутительные факты впредь недопустимы, и я немедленно уволила всех врачей правее левых эсеров. Кроме того, я нахожу, что медицина должна быть народной. Долой интеллигентов, продавшихся буржуазии! В связи с этим я вызвала из Самары знаменитого Кузьмича, столь плодотворно лечащего своей травой эфедрой весь русский народ. Он назначен главным врачом Обуховской больницы. Мною уже выписано при его посредстве сто вагонов эфедры. К сожалению, буржуи-помещики разграбили большинство вагонов и скормили целебную траву буржуазным лошадям. Да будет им стыдно!

— Гениальная женщина! — не утерпев, воскликнула Шадурская.

— Директором института экспериментальной медицины я

назначила всем известного дворника с Мойки, дом 9, который так успешно лечит рак при помощи коньяка. Он вылечил и Ерофеича.

Ерофеич встрепенулся и тут же подтвердил, что коньяк его совершенно вылечил.

— Что касается карточной фабрики, то дальнейшее ее ведение еще не разработано. У нас, в совете комиссаров, существует относительно этого вопроса два течения. Комиссар Менжинский ввиду недостатка денежных знаков предполагает превратить карты в кредитки. Тузы — рубль, валеты — сто рублей, дамы — пятьсот. С другой стороны, наша культурно-просветительная комиссия против этого резко возражает. По ее мнению, необходимо поддерживать культурные досуги гарнизона. Карты — одно из самых невинных и излюбленных развлечений товарищей-солдат. Я еще не знаю, как этот вопрос будет разрешен. Одно могу сказать наверное: во избежание инсинуаций из карточной колоды будут изъяты бубновые тузы и червонные валеты. И по весьма резонным требованиям моих товарищей.

Товарищ Коллонтай встала и дала понять вашему сотруднику, что аудиенция окончена. Ловко ударив Ерофеича по сизому носу, товарищ Коллонтай подала нам руку.

Ваш корреспондент спросил тов. Коллонтай, выдала ли она солдаткам восемьдесят три миллиарда пайков, которые она усиленно требовала от правительства Керенского, но товарищ-подруга Шадурская заявила нам, что этот вопрос слишком бестактен.

Шадурская провожала вашего корреспондента по длинным коридорам Смольного.

— Не правда ли, гениальная женщина? Недаром я с ней дружу вот уже сорок лет.

Ваш корреспондент вполне согласился с товарищем-подругой Шадурской и покинул Смольный ровно в 17 часов 33 минуты».

Новации Александры Михайловны Коллонтай вызывали насмешки и раздражение, особенно кадровые решения.

Известная писательница Зинаида Николаевна Гиппиус, свидетельница революционных событий, записала 22 декабря 1917 года в дневнике: «Вчера был неслыханный буран. Петербург занесен снегом, как деревня. Ведь снега теперь не счищают, дворники — на ответственных постах, в министерствах, директорами, инспекторами и т. д. Прошу заметить, что я не преувеличиваю, это факт. Министерша Коллонтай назначила инспектором Екатерининского Института именно дворника этого же самого женского учебного заведения».

На министерском посту Александра Михайловна пробыла совсем недолго. Но сделанное ею произвело своего рода

революцию в семейных отношениях.

Усилиями Коллонтай в декабре 1917 года были приняты два важнейших закона, которыми она занялась с первого дня работы министром. 19 ноября заседание Совнаркома началось с ее доклада — она представила проекты декретов о гражданском браке и разводе. Тексты передали на согласование в Наркомат юстиции. 20 ноября оба будущих закона обсуждались отдельно большевиками и левыми эсерами.

Шестнадцатого декабря появился декрет ВЦИКа и Совета народных комиссаров «О расторжении брака», а 18 декабря — «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов состояния». Оба закона были куда прогрессивнее, чем принятые к тому времени в большинстве европейских стран. За два дня новое правительство по предложению Коллонтай решило проблемы, копившиеся десятилетиями.

Развод теперь без труда мог получить любой из супругов. В декрете говорилось: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них». Задача судьи состояла только в том, чтобы решить, с кем останутся несовершеннолетние дети и кто будет давать средства на их воспитание.

Второй декрет заменил брак церковный гражданским, установил равенство супругов (в том числе в праве на общую семейную собственность и на свои доходы) и уравнял в правах внебрачных детей с законнорожденными. Рожденные вне брака тоже получили право на алименты. Причем отцовство устанавливалось судом на основе заявления матери. Как пишут современные исследователи, законодательство обеспечило презумпцию материнской правоты; вообще говоря, это называется государственным феминизмом (см.: Социальная история. Ежегодник. Женская и гендерная история: Сборник статей. М., 2003).

В декрете говорилось:

«1. Российская Республика впредь признает лишь гражданские браки.

Лица, желающие вступить в брак, словесно объявляют или подают о том по месту своего пребывания письменное заявление в отдел записей браков и рождений при городской (районной, уездной или земской) управе. Церковный брак, наряду с обязательным гражданским, является частным делом брачующихся.

2. Заявление о желании вступить в брак не принимается: а) от лиц мужского пола ранее 18 лет, а женского — 16 лет от рождения. В Закавказье туземные жители могут вступать в брак

по достижении женихом 16 лет, а невестою 13 лет; б) от родственников по прямой линии… в) от состоящих в браке и г) от умалишенных…»

Некоторые историки полагают, что поспешность принятия декрета о гражданском браке диктовалась желанием большевиков отнять у Церкви основную сферу влияния. Но едва ли это был главный мотив для Коллонтай. Ею руководило страстное желание уравнять женщину в правах с мужчиной. И как только она получила возможность реализовать свои идеи, она это сделала.

Уравнение в правах детей, рожденных вне брака, было особо благим делом. Она избавила таких детей (а их было немало) от клейма, которое на них ставили. Видный большевик, председатель Минского совета Карл Иванович Ландер писал в автобиографии: «Я имел по тогдашним условиям несчастье принадлежать к категории заклейменных презрением незаконнорожденных..»

Конечно же Первая мировая война и революционный год нанесли удар по семейной жизни.

Митрополит Московский и Коломенский Тихон (Василий Иванович Белавин) сообщал Святейшему синоду: «За последние два года (1915–1916) Московская духовная консистория несла усиленные труды по исполнению бракоразводного делопроизводства… К войне присоединилась революция, удесятерившая оплаты труда и жизненные на все продукты цены, а число бракоразводов непомерно стало расти. Если в 1916 году и даже в январе — феврале текущего 1917 года бракоразводных дел поступало пятьдесят — шестьдесят в месяц, то ныне число таковых поступлений доходит до ста тридцати и более в месяц…»

Временное правительство 14 июля 1917 года выпустило декрет «О полной свободе религиозной совести», который признавал гражданскую регистрацию браков. Но пойти дальше министры не осмелились. Рассчитывали на решения Церкви.

Религиозный философ Николай Николаевич Фиолетов оставил подробное описание открытия 15 августа 1917 года, в день Успения Пресвятой Богородицы, в Москве Первого Всероссийского церковного собора.

На литургии, которую совершили три митрополита: Киевский — Владимир, Петроградский — Вениамин и экзарх Кавказский — Платон в Успенском соборе в Кремле, присутствовали члены Временного правительства. На Красной площади отслужили торжественный молебен. Со всех концов Москвы подошли многолюдные крестные ходы с хоругвями и иконами.

Шестнадцатого августа в храме Христа Спасителя собор приступил к работе.

— Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного нашего бытия, представляющую как бы поле, усеянное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю вопросить: оживут ли кости сии? Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением всесильного Духа Божия одухотворяще их, и оживут кости сии и созиждутся, и обновится лице Свято-русския земли, — такими словами закончил свое приветственное слово митрополит Московский владыка Тихон (Белавин), будущий патриарх…

Избирали патриарха 5 ноября 1917 года под гул артиллерийской канонады — большевики брали власть в Москве. После окончания молебна старейший член собора митрополит Киевский Владимир вскрыл опечатанный ларец, в который были вложены жребии с именами кандидатов, а специально для этого вызванный из Зосимовой Пустыни старец иеромонах отец Алексий на глазах всего собора вынул из ларца один из жребиев и передал его Владимиру.

— Тихон, митрополит Московский, — при гробовом молчании всех присутствующих провозгласил митрополит Владимир.

Собор предполагал рассмотреть вопрос и о расторжении брака. Но произошла Октябрьская революция. Новая власть одобрила декреты, написанные Александрой Коллонтай. 20 января 1918 года Совнарком принял еще и декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах, отделив церковь от государства, а школу от церкви.

Нарком Коллонтай подписала приказ:

«Несмотря на провозглашенную Российской Республикой полную свободу совести, учебные заведения, подведомственные Комиссии Государственного Призрения, ссылаясь на неполучение надлежащих циркуляров, проводят политику нетерпимости.

Напоминаю, что Закон Божий служит предметом изучения только для желающих всесторонне усвоить историю происхождения религий и ознакомиться с философией существующих вероучений. Никакое принуждение к посещению уроков Закона Божьего больше допущено быть не может.

Начальство всех подведомственных Государственному Призрению учебных заведений не должно препятствовать выраженному желанию воспитанников и воспитанниц о выходе из религии…»

Поместный собор с советской властью не согласился и декларировал 4 марта 1918 года: «В этих декретах, изданных без сношения с Православной церковной властью и с полным пренебрежением к требованиям христианской веры, допускается

расторжение брака через гражданский суд, и притом только вследствие просьбы обоих супругов или хотя бы одного из них. Этим открыто попирается святость брака, который по общему правилу является нерасторжимым, согласно учению Спасителя нашего (Мф. 19:9), и только в исключительных, определенных случаях может быть расторгнут церковной властью…»

Собор обсудил доклад «О поводах к расторжению церковных браков».

Митрополит Сергий (Страгородский) призывал понять, что есть супруги, которым вместе жить нельзя и не надо их заставлять:

— Статистика показывает, что Россия по количеству мужеубийц занимает если не первое, то одно из первых мест во всем мире. Среди язычников, магометан наша христианская Русь стоит на первом месте по числу ужасных преступлений… Один батюшка говорил о снохачестве. Что это такое? Смотреть на женщину как на рабу, которую можно не только бить, но и отдать бог знает на что. И это называется святость брака?..

Другие священнослужители менять ничего не желали:

— Супруг вправе просить о расторжении брака в случае покушения другого супруга на убийство супруга-истца. Но что значит покушение? Повышенный голос, взмах руки, сердитый взгляд — всё это можно подвести под покушение… Не забывайте нрава нашей деревни: она, как известно, не отличается утонченностью. Там бывают и такие случаи. Молодая девушка вышла замуж. Проходит несколько времени, и она жалуется, что муж ее не любит, так как ни разу не поучил, то есть ни разу не побил. И вот представьте: вдруг явится адвокат и надоумит — подай в суд, проси развода за причиненные истязания…

Поместный собор отверг предложение считать поводом к разводу жестокое обращение с супругом. Предупредил, что «брак, освященный Церковью, не может быть расторгнут гражданской властью». Православные христиане, которых разведет судья и которые вступят в новый гражданский брак, будут «повинны в многоженстве и прелюбодеянии»… Но законодательство Александры Коллонтай больше отвечало потребностям общества.

В своем наркомате Коллонтай создала отдел охраны материнства и младенчества, обещая полноценную медицинскую помощь всем будущим матерям за государственный счет. Благодаря Александре Михайловне аборты перестали считаться преступлением.

Сохранился «Отчет по столу прессы Комиссариата государственного призрения за второе полугодие 1917 года». Это вырезки из газет о деятельности ведомства Коллонтай. Среди них

напечатанное в прессе распоряжение наркома Петроградской земской управе: «Настоящим предписывается выдавать суточные деньги уволенным в первобытное состояние увечным, раненым и больным, а также выздоравливающим солдатам…»

Декретом Совнаркома был образован Всероссийский союз увечных воинов — для помощи инвалидам войны и их семьям. При Наркомате государственного призрения появился Временный центральный исполнительный комитет увечных воинов. 19 ноября 1917 года Коллонтай подписала приказ о ликвидации «всех прочих обществ, комитетов и тому подобных учреждений, образованных с целью оказания помощи увечным воинам и их семьям» и о передаче их денежных средств и инвентаря ее наркомату. Решение носило политический характер. Петроградский комитет помощи военно-увечным советскую власть не признал…

Коллонтай просила 13 декабря 1917 года решить на заседании Совнаркома вопрос об уплате пенсий увечным воинам. Ей удалось выступить с этим предложением на следующем заседании, 15 декабря. Члены правительства согласились установить надбавку к пенсиям инвалидов войны.

Несколько недель Коллонтай выпрашивала 70 миллионов рублей на нужды увечных. 16 января 1918 года Совнарком — в ее отсутствие — отложил решение, пока не даст заключение Комиссариат финансов, а пока что выделил всего три миллиона авансом. Заодно Наркомату государственного призрения поставили на вид, что до сих пор не представлена смета расходов на 1918 год.

«Не было ни дня, ни ночи, — вспоминала потом Александра Михайловна. — Фронт, война, наступление и мои увечные воины, требующие новых протезов. Постановление Совнаркома о социальном обеспечении и матросы, вереницами приводящие ко мне своих жен и подруг, чтобы я «без проволочки» размещала их по еще не существующим, еще только намеченным домам для матерей.

Организуем Совдепы, и к нам являются прокаженные из Живых Ключей, желающие самоуправляться. Клубок задач и недоделанных намеченных новых начинаний. Закрою глаза — всё лица, лица, лица. Просители — люди «с идеями», люди с проектами, люди с претензиями, люди с благими намерениями…»

У Коллонтай возникла идея передать монастыри в ведение ее наркомата — для использования в качестве приютов для инвалидов и престарелых. 30 ноября 1917 года этот вопрос внесли в повестку для Совнаркома, но обсуждение отложили. Откладывали еще четыре раза! И занялись им только 29 декабря.

Третьего января 1918 года нарком Коллонтай обратилась в правительство: «Народный комиссариат государственного призрения, сильно нуждаясь в подходящих помещениях как для престарелых, так равно и для прочих призреваемых, находит необходимым реквизицию Александро-Невской лавры: как помещений, так инвентаря и капиталов».

Четвертого января Совнарком постановил реквизировать помещения лавры. Эта весть вызвала негодование верующих, которые заявили, что в воскресенье 21 января проведут демонстрацию протеста. 19 января на заседании Совнаркома обсуждался вопрос о «бестактности», допущенной подчиненными Коллонтай. Ее самой на заседании не было. Демонстрацию разрешили, обеспечение порядка возложили на управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича. А Наркомату государственного призрения поручили объяснить населению, что Александро-Невская лавра передается Союзу увечных воинов.

Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Закончили свой третий съезд с пышностью. Утвердили себя не временным, а вечным правительством. Упразднили всякие Учредительные собрания навсегда. Ликуют. Объявили, что в Берлине революция… Размахнулись в ликовании, и Коллонтайка послала захватить Александро-Невскую лавру. Пошла склока, в одного священника пальнули, умер. Толпа баб и всяких православных потекла туда. Бонч завертелся как-нибудь уладить посередке — «преждевременно!» А патриарх новый предал анафеме всех «извергов-большевиков» и отлучил их от церкви (что им!)».

Отряд красногвардейцев и матросов прибыл в Александро-Невскую лавру, чтобы забрать имущество и передать часть монастырских зданий инвалидам войны. Люди с оружием столкнулись с богомольцами, произошло трагическое событие — был убит священник отец Петр Скипетров. Владимир Бонч-Бруевич пытался погасить страсти.

Но Александра Коллонтай не отказалась от казавшейся ей разумной мысли использовать монастыри в нуждах государства. 30 октября 1918 года в «Вечерних известиях» появилась ее статья «Старость — не проклятье, а заслуженный отдых»:

«В коммунистическом государстве не может и не должно быть места для бесприютной заброшенности и одинокой старости. И Советская Республика декретом о социальном обеспечении от 1 ноября 1917 года признала, что государство берет на себя обеспечение работниц и рабочих, достигших возраста, когда трудоспособность падает, уменьшается…

Еще одна забота коммунистического государства — это

организация общежитий для пожилых, отработавших свою долю, рабочих и работниц. Разумеется, эти общежития не должны быть похожи на капиталистические богадельни-казармы, куда раньше посылали стариков и старух «помирать»… Старости близка природа с ее успокаивающей душу мудростью и величавой тишиной. Всего лучше организовывать такие общежития за городом, обеспечивая в них стареющим рабочим и работницам посильный труд…

Но где взять сейчас такие дома, здания, приспособления для намеченной цели? Дома, здания эти есть — это монастыри. Почему мы всё еще опасливо ходим вокруг этих «черных гнезд»? Почему не как исключение, а повсеместно не используем эти великолепно оборудованные сооружения под санатории, под «Дома отдыха», под «Дворцы материнства»?..»

Десятого ноября 1918 года в «Правде» Александра Михайловна продолжила тему — как помочь инвалидам, больным туберкулезом, истощенным недоеданием:

«Что может быть более подходящим для санаториев, чем раскиданные по всей России «черные гнезда» — монастыри? Обычно они расположены за чертой города, среди полей, лугов; тут же сад, огород, коровы — значит, молоко для больных!

И главное — отдельные комнаты-кельи для каждого больного! И всё тут есть: и постели, и белье, и утварь, и вместительные кухни, и пекарни, и бани. Готовые санатории! Только поселите в них усталых, изнуренных непосильной работой рабочих и работниц, дайте им набраться здоровья среди живительного воздуха полей, дайте им отогреться под лучами деревенского солнца, так скупо заглядывающего в рабочие квартиры города!..

Скажут: занять монастыри под санатории, под здравницы — кощунство! Ничуть. Разве лозунг Коммунистической России не гласит: кто не трудится — да не ест? А для кого еще тайна, что монастыри — гнезда тунеядцев?..

Монашкам и монахам в цвете сил и здоровья пора сказать: уступите ваши кельи тем, кто в них нуждается! Не лгите, не говорите, что вы отрешились от «земных радостей» и спасаете душу свою. До нас слишком часто доходят слухи о тех безобразиях, что творятся за стенами монастырскими в ваших «черных гнездах». Идите в мир трудиться, как все мы трудимся, идите работать и жить без лицемерия…»

Число монашествующих в России достигало 100 тысяч. Из них монахинь было 17 тысяч, послушниц — больше пятидесяти тысяч. Конституция РСФСР, принятая в 1918 году, лишила их избирательных прав. К 1939 году монастырей в Советском Союзе

не осталось.

Роман двух министров

О любовной связи Коллонтай и Дыбенко шушукались по всему городу. Она была дворянкой, дочерью генерала, он — простым матросом, из крестьян. Александре Михайловне было 45 лет, Павлу Ефимовичу — 28. Разница в возрасте их нисколько не смущала.

Познакомились они незадолго до революции, когда Коллонтай приехала на флот, чтобы по поручению ЦК партии большевиков сорвать среди военных моряков подписку на «Заем Свободы», выпущенный Временным правительством. Роман Коллонтай и Дыбенко привлек всеобщее внимание, потому что они оба совершенно не стеснялись своих чувств.

Александра Михайловна Коллонтай, член ЦК большевистской партии и член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, с первого взгляда влюбилась в матроса-балтийца. Она нашла мужчину, которого искала всю жизнь. Ее бывшие любовники — инженеры, ученые, профессиональные революционеры — могли только красиво говорить. А он умел любить женщину.

«Первое заседание большевистского правительства, — вспоминал первый нарком по иностранным делам Лев Троцкий, — происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми.

Из-за перегородки раздавался сочный бас Дыбенко: он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. Двадцатидевятилетний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине.

В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

— Это он с Коллонтай, с Коллонтай…

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

— Это их дело.

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились искры враждебности…»

Не только заметная разница в возрасте, но и необыкновенная пылкость чувств влюбленных друг в друга наркомов, словно нарочито выставленная напоказ, смущали товарищей по партии и правительству.

По описанию его заместителя по морскому ведомству Федора Федоровича Раскольникова, Дыбенко «был широкоплечий мужчина очень высокого роста. В полной пропорции с богатырским сложением он обладал массивными руками, ногами, словно вылитыми из чугуна. Впечатление дополнялось большой головой с крупными, глубоко вырубленными чертами смуглого лица с густой кудрявой бородой и вьющимися усами. Темные блестящие глаза горели энергией и энтузиазмом, обличая недюжинную силу воли…».

Дыбенко казался олицетворением мужественности и пользовался большим успехом у слабого пола. Александра Михайловна, что называется, по уши влюбилась в матроса-балтийца. Она откровенно признавалась: «Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности, заставляющее видеть в нем «жестокого, страшного Дыбенко»… Это человек, у которого преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия… Я верю в Павлушу и его звезду. Он — Орел… Наши встречи всегда были радостью через край, наши расставания полны были мук, эмоций, разрывающих сердце. Вот эта сила чувств, умение пережить полно, сильно, мощно влекли к Павлу…»

Жизнь казалась им увлекательным приключением. Они совершенно не понимали трагического характера происходящего вокруг них. Оказавшись в водовороте невиданных событий, наслаждались не только друг другом, но и своей ролью вершителей судеб. Накал политических страстей только усиливал их любовные чувства. Оба были склонны к красивым жестам и драматическим фразам. Коллонтай, знакомая с ужасами войны лишь понаслышке, с горящими глазами декламировала:

— Какой это красивый конец, смерть в бою. Да, это то, что нужно делать: победить или умереть…

После Октябрьской революции Дыбенко включили в состав Совета народных комиссаров и поручили ему командовать Военно-морским флотом России. Двадцативосьмилетний Дыбенко оказался самым молодым наркомом в первом советском правительстве.

Александра Михайловна Коллонтай была необыкновенно

привлекательной и эффектной женщиной. Ее внимания добивались многие мужчины. В Коллонтай влюбился и Федор Раскольников, который был моложе ее на 20 лет.

Раскольников откровенно спросил Дыбенко:

— Павлуша, какого ты мнения об Александре Михайловне Коллонтай?

— Ха-ха-ха, — рокочущим басом загоготал похожий на цыгана черноволосый великан, — я с ней живу…

Узнав, что сердце обожаемой женщины завоевано Павлом Дыбенко, Раскольников благородно отошел в сторону.

Матрос Дыбенко с его скудным образованием, надо полагать, много почерпнул у этой утонченной и искушенной женщины.

Павел Ефимович Дыбенко родился 16 февраля 1889 года в селе Людков Новозыбковского уезда Черниговской губернии (затем Гомельская). Здесь жили малоземельные крестьяне, писал Павел Ефимович в автобиографии. Семья Дыбенко — девять человек (отец, мать, шестеро детей и дедушка, который дожил до ста лет) — имела три десятины земли, одну лошадь и одну корову.

Крестьяне занимались отхожим промыслом или поденными работами у дворян, которым принадлежали в уезде лучшие земли. Многие крестьяне, отчаявшись, эмигрировали в Америку. Будущий военачальник с семилетнего возраста выходил с отцом в поле — помогал боронить, возить удобрения, пасти помещичий скот. Так что понятна природа классовой ненависти будущего наркома к помещикам, избавленным от тяжелого физического труда.

В шесть лет Павла отдали учиться к поповской дочери, которая занималась с пятью крестьянскими детишками в холодной кухне, где держали телят и овец. За неудачный ответ, жаловался потом Дыбенко, поповна нещадно лупила его линейкой. Возможно, он просто искал достойный повод объяснить, почему не хотел учиться.

На следующий год ему пришлось поступить в народную школу, где он понравился заведующей. Родители хотели, чтобы после школы Павел пошел работать, но она настояла на том, чтобы мальчик продолжил образование.

Павел поступил в трехклассное городское училище. Помогать ему родители не могли. В каникулы он работал, чтобы приобрести учебники и сшить форму. Он писал потом, что в первую русскую революцию, когда ему было всего 16 лет, примкнул к забастовке учеников реального, технического и городского училищ. В 1906 году его дело даже рассматривалось стародубским окружным судом, но обошлось. Впрочем, некоторые

биографы сомневаются в том, что Дыбенко присоединился к революционному движению в столь юные годы.

В 14 лет он окончил училище. Поскольку настала очередь среднего брата, Федора, учиться, то родители категорически потребовали, чтобы Павел пошел работать. Ему подыскали место конторщика в казначействе города Новоалександровска, где казначеем служил родственник. Но через полтора года Павла уволили. Он писал, что это были козни исправника, искоренявшего революционную заразу. Возможно, сам Дыбенко не справился или не захотел справляться с бумажной работой. Способность к систематическому труду не входила в число его достоинств.

Бросив родные края, семнадцатилетний Павел уехал в Ригу. Устроился грузчиком в порту. Более солидной работы не искал. Свободная и разгульная портовая жизнь его устраивала, а силой Бог не обидел. Правда, поступил на электротехнические курсы — эти знания пригодятся ему на военной службе. В 1910 году его взяли на работу в рижский холодильник, где он познакомился с местными социал-демократами. Участвовал в забастовке, после чего его уволили.

В июле 1910 года устроился на стройку. Но в августе и там началась забастовка. А Дыбенко уже приметила полиция. Он сбежал в Либаву, где жил нелегально до весны 1911 года. Затем вернулся в Ригу, опять работал грузчиком.

За неявку на призывной участок и уклонение от воинской повинности будущий нарком по военно-морским делам был в ноябре 1911 года арестован. Его этапировали в город Новозыбков, где передали прямо на призывной участок. Высокого и крепкого Дыбенко зачислили на Балтийский флот. Он окончил минную школу. В марте 1912 года матроса Дыбенко назначили на учебный крейсер «Двина», пишет Иван Жигалов, автор объемистой книги о Дыбенко в серии «Жизнь замечательных людей» и многих журнальных публикаций.

В декабре Павла Ефимовича определили корабельным электриком на линейный корабль «Император Павел Первый», который после революции переименовали в «Республику». Дыбенко потом с удовольствием вспоминал о морских походах, о морской романтике: «Много пасмурных и тяжелых дней в службе моряка, но есть дни удали и беспечности. Морская школа выковывает бесстрашие, силу воли и своеобразный задор… Разве нет своей прелести в безмолвной борьбе гиганта корабля с клокочущим морем, разбушевавшейся стихией, кипящими седыми грозными волнами? Среди бурных, разъяренных волн этот великан, как бы насмехаясь над стихией, чуть кренясь, прорезает

себе путь… Нет! В морской жизни есть много своих прелестей, есть то, что воспитывает из вас сурового, грубого, угрюмого человека, но в то же время есть и то, что рождает в этой суровой, грубой натуре особо мягкое, доброе, умеющее по-своему любить и ценить…»

Но свободолюбивая или, точнее, анархистская натура Дыбенко не принимала суровой флотской дисциплины. Он не мог примириться с необходимостью подчиняться командирам. Словом, служба вызывала у Дыбенко ненависть и отвращение. И он присоединился к тем, кто намеревался разрушить всю существующую систему, — к большевикам.

В разгар войны, осенью 1915 года, его включили в состав отдельного морского батальона, который бросили на Рижский фронт, чтобы поддержать сухопутные войска. Но флотское начальство на редкость неудачно подобрало личный состав. В батальоне оказались люди типа Дыбенко, которые совершенно не хотели воевать.

Моряки, вспоминал Павел Ефимович, отказались идти в наступление:

— Нас не кормят, офицеры забрали наши деньги, не хотим воевать!

Батальон отозвали в Ригу, разоружили и расформировали. Моряков под конвоем отправили в Гельсингфорс (Хельсинки), где находилась главная база Балтийского флота. Многих моряков взяли под арест. Ушлый Дыбенко под предлогом болезни остался в Риге на два месяца. Потом его всё равно арестовали и приговорили к двум месяцам тюремного заключения. От дальнейших неприятностей его спасла Февральская революция.

В революционной стихии Дыбенко чувствовал себя как рыба в воде. Он до такой степени не хотел больше никому подчиняться, что стал главным борцом за демократизацию на флоте. Высокий рост, зычный голос, умение выступать и увлекать за собой сделали его заметной фигурой среди балтийцев.

Сослуживцы делегировали Дыбенко в Гельсингфорсский совет депутатов армии, флота и рабочих. Как представитель Совета он участвовал 11–13 мая 1917 года в организационном собрании высшего выборного коллектива военных моряков — Центрального комитета Балтийского флота. В знаменитый Центробалт вошли 33 моряка, из них только шестеро были большевиками и еще пятеро им сочувствовали. Тем не менее именно большевика Дыбенко избрали председателем Центрального комитета Балтийского флота.

Павел Ефимович добился принятия устава, в котором говорилось, что Центробалт (ЦКБФ) признает Временное

правительство, но все распоряжения командования флота исполняются исключительно с разрешения Центробалта. Более того, в устав записали: «Отказываясь от предварительного контроля операций, ЦКБФ оставляет за собой право контролировать оперативные действия после их свершения…»

Временному правительству пришлось смириться с самостоятельностью Центробалта, потому что балтийские моряки были мощной силой, с которой никто не рисковал ссориться. Сухопутные войска сражались на фронте, далеко от Петрограда, а балтийцы были рядом, разгуливали по столице, и правительство понимало, что лучше иметь их в союзниках.

Дыбенко с товарищами отправились в Петроград, на прием к главе Временного правительства. Вес и роль балтийцев были таковы, что Александр Федорович Керенский незамедлительно их принял и узаконил существование Центробалта. Когда глава Временного правительства, в свою очередь, приехал на Балтийский флот, то вынужден был прийти к Дыбенко в Центробалт. Причем Павел Ефимович, понимая собственную значимость, разговаривал с Александром Федоровичем на равных, если не свысока.

Павла Ефимовича еще до революции перевели на вспомогательное транспортное судно «Ща», но он гордо носил бескозырку с ленточкой «Петропавловск». Послужить на этом линейном корабле, что считалось весьма почетным на флоте, ему не удалось, но экипаж «Петропавловска» его поддерживал.

Сохранился документ, выданный 5 сентября 1917 года судовым комитетом линейного корабля «Петропавловск»: «Судовой комитет удостоверяет, что т. Дыбенко действительно выбран и уполномочен командой л. к. «Петропавловск» на 2-й Обще-Балтийский Съезд».

В июне Керенский приказал командованию Балтийского флота сформировать из добровольцев шесть ударных батальонов. Дыбенко, ощущая собственную силу, отменил приказ (см. книгу Ивана Жигалова «Дыбенко»). Балтийцы вообще не желали считаться с Временным правительством, слабым и нерешительным. Дыбенко и другие большевики откровенно призывали свергнуть правительство и взять власть в свои руки.

Павел Ефимович встретился с Лениным. Владимир Ильич отчаянно нуждался в поддержке балтийских моряков, но с некоторой опаской посматривал на импульсивного и поддающегося эмоциям союзника. Он безуспешно пытался урезонить председателя Центробалта.

— Смотрите, не набедокурьте, — говорил Ленин, — а то я слышал, что вы там с правительством не ладите. Как бы чего не

вышло…

— Ничего, — ответил Дыбенко, — это наговоры, мы люди скромные и вперед батьки в пекло не полезем.

Но именно это Павел Ефимович и сделал в силу своего необузданного темперамента и авантюрного характера.

Первого июля 1917 года на заседании Центробалта Дыбенко предложил арестовать комиссара Временного правительства в Гельсингфорсе и взять в свои руки средства связи и контроль над оперативными действиями командования флота.

А 2 и 3 июля Дыбенко председательствовал на заседаниях судовых комитетов, где под его нажимом были приняты резолюции о свержении Временного правительства. В Петроград на миноносцах отправилась делегация с требованием передать власть в руки Советов. Делегацию задержали. Тогда в Петроград отправились еще три миноносца, на одном из них находился Дыбенко. Но июльская попытка большевиков захватить власть не удалась. 5 июля Дыбенко, как и почти все лидеры большевиков, был арестован.

Всех большевиков держали в тюрьме на Арсенальной набережной — она состояла из двух крестообразных зданий и потому называлась «Кресты». В соседней камере оказались Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, будущий нарком по военным делам, и будущий заместитель Дыбенко Федор Раскольников. 4 июля 1917 года Раскольников шел по Петрограду во главе колонны кронштадтских матросов, поэтому он провел в тюрьме на месяц больше Дыбенко.

В «Крестах» сидела и член Петроградского совета Александра Михайловна Коллонтай, с которой Дыбенко познакомился в Гельсингфорсе.

Первоначально их всех собирались судить за попытку организовать военный переворот. Но Керенскому для этого не хватило воли, решимости.

Дыбенко отсидел два месяца и был освобожден 4 сентября под залог и без права выезда в Гельсингфорс, где находилась база флота. Не обращая внимания на запрет, на следующий день Дыбенко на миноносце вернулся к своим морякам.

После июльских событий Керенский распорядился Центробалт распустить. Но его распоряжения за пределами Зимнего дворца, резиденции правительства, практически никто не исполнял. И Дыбенко вновь стал председателем Центробалта.

Два месяца за решеткой нисколько не испугали Дыбенко. Та легкость, с которой он вышел из тюрьмы, напротив, убедила его в очевидной слабости Временного правительства. В октябре 1917 года на съезде Советов Северной области Дыбенко держал речь от

имени Балтийского флота:

— Флот категорически отказывается выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства… Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжении съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению.

Николай Дыбенко и Владимир Антонов-Овсеенко договорились так. Если Антонов-Овсеенко пришлет телеграмму следующего содержания: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав» — это означает просьбу отправить в Петроград не меньше четырех миноносцев, один крейсер и отряд моряков численностью до пяти тысяч человек. В ночь на 25 октября Дыбенко получил радиограмму от Антонова-Овсеенко. Центробалт отправил на помощь большевикам крейсер «Аврору» и несколько других кораблей. Из Кронштадта в Петроград пришел отряд моряков, полных решимости взять власть.

После того как Временное правительство было арестовано, большевики на скорую руку сформировали собственное. Решили обязательно ввести в состав Совета народных комиссаров представителя балтийских моряков — главной военной силы, принявшей их сторону.

С Дыбенко связались из Петрограда по прямому проводу:

— Правительство Керенского свергнуто. Ленин избран главой правительства. Состав Военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты, Павел. Ты должен немедленно выехать в Петроград.

Дыбенко, не очень понимая, что он с этой минуты становится руководителем Военно-морского флота России, ответил:

— Считаю совершенно неправильно в данный момент отрывать меня от флота. В Петрограде вас много. Когда будете уверены в успехе и больше от флота не потребуется поддержки, тогда и выеду.

Дыбенко было всего 28 лет. Впрочем, остальные члены коллегии по военным и морским делам тоже были молоды. Антонову-Овсеенко исполнилось 37. Крыленко — 32. Утром 28 октября Павел Ефимович с отрядом моряков прибыл в Петроград.

Восемнадцатого ноября 1917 года открылся I Всероссийский съезд Военного флота. Съезд избрал Верховную морскую коллегию во главе с Дыбенко. Прямо на съезде присваивались воинские звания. Павла Ефимовича хотели произвести сразу в адмиралы. Он отказался:

— Я начал борьбу в чине подневольного матроса. Вы меня произвели в чин свободного гражданина Советской Республики, который для меня является одним из самых высших чинов. Позвольте в этом чине и продолжать борьбу…

Двадцать первого ноября Дыбенко утвердили наркомом по морским делам. Его заместителем в наркомате и в морской коллегии, а также комиссаром Морского генерального штаба стал Федор Раскольников, который к моменту революции как раз окончил Отдельные гардемаринские курсы.

Дыбенко в сопровождении вооруженных моряков явился в министерство, где на него смотрели с изумлением, плохо представляя себе корабельного электрика в роли военно-морского министра. «Примерно одна треть всего прежнего состава морского министерства, — писал Дыбенко, — отказалась работать, была арестована и вместо них назначены преданные революции моряки».

Павел Ефимович добился принятия документа, о котором давно мечтал, и мог сказать, что он исполнил волю матросов: «Существовавшие до сих пор названия чинов, подчеркивающие кастовые различия, упраздняются, и все военнослужащие флота именуются «моряк военного флота Российской Республики»… Личный состав флота Российской Республики состоит из свободных граждан, пользующихся одинаковыми гражданскими правами…

Все военнослужащие моряки имеют право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, обществ или союзов. Они имеют право свободно и открыто высказывать и исповедовать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные и прочие взгляды».

Депутат разогнанного парламента

Александра Михайловна Коллонтай принадлежала к числу самых популярных большевистских вождей, поэтому она баллотировалась в первый парламент новой России — Учредительное собрание.

После отречения царя страна ожидала, что соберется Учредительное собрание, определит государственное устройство, сформирует правительство и примет новые законы. Временное правительство потому и называлось временным, что должно было действовать только до созыва собрания.

В конце сентября 1917 года ЦК партии большевиков определил 26 официальных кандидатов, которые должны были возглавлять партийные списки. На первом месте стоял Ленин, на пятом — Коллонтай. Сталин оказался седьмым. Рейтинг (говоря современным языком) Александры Михайловны был очень

высоким. Она немногим уступала таким признанным партийным ораторам, как Троцкий и Зиновьев.

Выборы начались 12 ноября 1917 года и должны были закончиться 14 ноября, но затянулись во многих регионах до конца декабря (не стоит забывать, что еще продолжалась война, а голосование проходило и на фронте). В выборах участвовали 44 политические партии: 13 общероссийских и 31 национальная.

Избрали 767 депутатов: 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 16 меньшевиков, 17 кадет, два народных социалиста, 80 представителей национальных партий. Иначе говоря, ленинцы получили в Учредительном собрании меньше четверти голосов. Крестьянская Россия проголосовала за партию социалистов-революционеров, которая обещала крестьянам землю.

Коллонтай вместе с будущим главой правительства (после Ленина) Алексеем Ивановичем Рыковым была избрана депутатом от Ярославской губернии.

Она стала одной из десяти женщин, получивших мандаты первого в истории России свободно избранного парламента. В Учредительное собрание прошли шесть эсерок и четыре большевички. Всего один процент от общего числа депутатов, если удовлетвориться простой арифметикой. Но историки справедливо говорят о колоссальном сдвиге в российском обществе. Ведь в 1917 году женщины не избирали и не избирались ни в одной из европейских стран!

Тамбовский профессор Лев Григорьевич Протасов, автор глубокого исследования, посвященного Учредительному собранию, отмечает: «Приобщение женщин к революции шло прежде всего через «женский вопрос». Возраставшая тяга девушек к образованию не получала отклика и завершения, что явно контрастировало с общим духом прогресса, захватившим общество в те годы…

Для женщин (фактически молодых девушек) уход в революцию означал сознательный отказ от нормальной личной жизни, от возможности иметь полноценную семью, домашний очаг… Для женщин возврат к прежней жизни был если и возможен, то крайне затруднен, в отличие от мужчин, которым «грехи молодости» не слишком мешали карьерному росту… Все депутатки происходили из обеспеченных семей. В отличие от большинства выходцев из низших сословий, пополнявших ряды революционеров, им было что терять в прежней жизни».

В июне 1917 года среди тысячи делегатов I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов женщин было всего 12 (Коллонтай — одна из них). В октябре на II съезд Советов

избрали немногим больше — 30.

«Это никак не отвечало социалистическим представлениям об общественной роли женщин, — отмечает профессор Протасов. — Напрашивается вывод о гендерной дискриминации, унаследованной от монархического режима. Когда настало время делить «пирог», женщин просто отодвинули в сторону».

Кто же прошел в Учредительное собрание вместе с Коллонтай?

Среди депутатов-женщин была Вера Николаевна Фигнер, участница покушения на императора Александра II. Она принадлежала к старшему поколению революционеров, состояла еще в «Народной воле». Дворянка, она училась в Казанском, Цюрихском и Бернском университетах. Двадцать лет отсидела в Шлиссельбургской крепости. Ей было уже много лет, и после 1917 года она отошла от политических дел.

А вот «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, которая была старше Веры Фигнер, напротив, жаждала деятельности.

С детства Екатерина Константиновна Вериго, дочь черниговского помещика, ненавидела ложь и несправедливость. Вышла замуж за соседа Николая Брешко-Брешковского, чтобы получить независимость (см.: Вопросы истории. 2004. № 8). Супруги разошлись, когда за них взялась полиция. Он испугался, а она с головой ушла в революционную работу. Ходила по России, вела беседы с крестьянами. Ее посадили вместе с другими народниками. В январе 1878 года по приговору суда она стала первой в России политкаторжанкой. Ее лишили дворянства и отправили в сибирские рудники.

Ее невероятное мужество потрясало. Отбыв срок (ей уже было пятьдесят — немалый возраст по тем временам), Екатерина Константиновна стала создавать партию социалистов-революционеров. Последовал новый арест, два года в Петропавловской крепости, после чего 66-летнюю женщину отправили в вечную ссылку в тысяче верст от Иркутска. Она пыталась бежать, но безуспешно. Возвращение Екатерины Константиновны в Петроград в 1917 году было триумфальным, ее буквально носили на руках. Она была исполнена желания работать, писать законы, создавать новую жизнь.

Евгения Богдановна (Готлибовна) Бош, родившаяся в Херсонской губернии, рано присоединилась к большевикам. Два года провела в царских тюрьмах, три — в эмиграции. После Октябрьской революции боролась за советскую власть на Украине. И полгода (с декабря 1917-го по май 1918-го) возглавляла в Харькове большевистское правительство Советской

Украины — Народный секретариат. Вышла замуж за другого видного украинского большевика Георгия Леонидовича Пятакова. В Гражданскую войну проявила особую жестокость. После войны тяжело заболела, лечиться ее отправили за границу. Врачи были бессильны, и в январе 1925 года в состоянии депрессии Евгения Бош покончила с собой.

Судьба Елены Федоровны Розмирович сложилась куда удачнее. Дворянка, она, как и Коллонтай, поехала учиться за границу и окончила юридический факультет Парижского университета. Участие в большевистской партии стоило ей трех лет тюрьмы.

Розмирович была секретарем думской фракции большевиков и первой заподозрила в предательстве Романа Вацлавовича Малиновского, члена ЦК и депутата Четвертой Государственной думы. Когда ее арестовали, выяснилось, что жандармы знают о ней очень много. Некоторые факты были известны только Малиновскому. Когда Розмирович назвала Малиновского провокатором, ее поддержал муж — Александр Антонович Трояновский, будущий полпред в Японии и Соединенных Штатах (и отец не менее заметного дипломата Олега Трояновского).

Ленин категорически отвергал любые подозрения в адрес Романа Вацлавовича, которым очень дорожил. Ленин решил, что между Еленой Розмирович и Малиновским было что-то личное, а Трояновский просто ревнует жену. В провокаторство Малиновского не верили почти все видные большевики. Михаил Иванович Калинин вообще в те годы склонен был считать провокатором самого Ленина, а Малиновскому он, напротив, доверял. Однако же Елена Розмирович оказалась права: Малиновский был секретным сотрудником охранного отделения полиции.

Ее вторым мужем стал большевик Николай Васильевич Крыленко. Они вместе готовили Всероссийскую конференцию фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП(б), которая открылась 16 июня 1917 года в бывшем дворце Кшесинской. После Октябрьской революции прапорщик Крыленко стал первым главнокомандующим вооруженными силами России, но вскоре был переведен на трибунальско-юридическое поприще. А вместе с ним и Елена Розмирович, раз уж в ней обнаружился расследовательский талант. Она руководила следственной комиссией ревтрибунала.

Впоследствии Розмирович и Крыленко расстались. Вероятно, это ее и спасло. Крыленко расстреляли, а Елена Федоровна работала директором Государственной библиотеки им. Ленина и благополучно пережила эпоху репрессий и самого Сталина.

Еще одна депутат от партии большевиков Варвара Николаевна Яковлева окончила математический факультет Высших женских курсов и учительствовала. В первую русскую революцию участвовала в вооруженном восстании в Москве. Дважды была выслана и дважды благополучно бежала, в последний раз из Нарымского края. На шестом съезде партии, когда Коллонтай избрали членом ЦК, Варвару Яковлеву сделали кандидатом.

В январе 1918 года Яковлева начала службу в ВЧК, в отделе по борьбе с контрреволюцией, недолго была членом коллегии ВЧК, в августе ее отправили в старую столицу заменить убитого председателя Петроградской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого. Яковлева была ответственным секретарем Московского комитета партии, Сибирского областного бюро ЦК. Несколько лет проработала в Наркомате просвещения РСФСР, а с 1929 года была наркомом финансов России. В 1937 году ее арестовали и приговорили к двадцати годам. Расстреляли ее без суда в Орле 11 сентября 1941 года.

Немецкие войска наступали, Сталин не знал, какие города он сумеет удержать, и велел наркому внутренних дел Лаврентию Павловичу Берии уничтожить «наиболее опасных врагов», сидевших в тюрьмах. 6 сентября Берия представил вождю список. Он же придумал обоснование — расстрелять «наиболее озлобленную часть содержащихся в местах заключения государственных преступников, которые готовят побеги для возобновления подрывной работы».

Сталин в тот же день подписал совершенно секретное постановление Государственного Комитета Обороны: «Применить высшую меру наказания — расстрел к ста семидесяти заключенным, разновременно осужденным за террор, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу. Рассмотрение материалов поручить Военной Коллегии Верховного Суда».

Постановление Госкомитета Обороны поступило в Военную коллегию, там оформили приговоры за один день. Всех перечисленных Берией заочно признали виновными по статье 58-й Уголовного кодекса РСФСР, параграф 10, часть вторая, приговор — расстрел.

Одиннадцатого сентября 1941 года чекисты расстреляли 157 политзаключенных Орловского централа. Обреченных вызывали по одному. Запихивали в рот кляп и стреляли в затылок. Тела на грузовиках вывезли в Медведевский лес и закопали.

Это уже были старики и старухи, измученные многолетним заключением. Видные в прошлом революционеры, несколько

десятков немцев-коммунистов и других политэмигрантов, а также две женщины — депутаты Учредительного собрания: Варвара Яковлева и легендарная Мария Спиридонова, о которой еще пойдет речь. Обе женщины еще с 1918 года выступали против сотрудничества с Германией, и тем не менее чекисты их уничтожили из опасения, что они перейдут на сторону немцев!..

Поработать в настоящем парламенте Коллонтай так и не удалось.

До октября 1917-го большевики именовали Учредительное собрание «подлинно народным представительством», «единственным представителем русского народа» и обвиняли Временное правительство и буржуазию в том, что они пытаются сорвать созыв Учредительного собрания. Но пока шли первые в истории России демократические выборы, основанные на принципе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, ситуация изменилась. Большевики уже взяли власть. Зачем им Учредительное собрание, которое заведомо поручит сформировать новое правительство другим?

Ленин распорядился перебросить в Петроград один из латышских полков:

— Мужик может колебнуться в случае чего, тут нужна пролетарская решимость.

Планы большевиков не были секретом. В петроградских газетах мелькали тревожные заголовки: «Откроется ли Учредительное собрание?». Журналисты задавали вопросы представителям различных партий.

Меньшевик Матвей Иванович Скобелев, в прошлом депутат Думы, заместитель председателя Петроградского совета и министр труда во Временном правительстве, твердо стоял за созыв русского парламента:

— Я лично думаю, что Учредительное собрание откроется, а конфликт с большевиками произойдет в самом собрании. Большинство — почти абсолютное — будут иметь эсеры. При таких условиях большевики не решатся разогнать Учредительное собрание при помощи штыков, а попытаются дать ему бой политический… Задача Учредительного собрания заключается в том, чтобы в первую очередь поставить вопрос о мире и земле, для того, чтобы вырвать эти вопросы из грязных демагогических рук… Вся полнота власти будет находиться в руках Учредительного собрания. В какие же формы выльется организация исполнительной власти, пока говорить преждевременно. Если Ленин явится на первое заседание Учредительного собрания в качестве председателя «правительства», а не как член Учредительного собрания, то,

несомненно, все тактические шаги, которые намечаются пока, могут измениться…

В 1918 году Матвея Скобелева дважды арестовывали. Он уехал в Баку, в независимый Азербайджан. Нарком внешней торговли Леонид Борисович Красин уговорил его вернуться. Скобелев работал в наркомате и в Госплане. В 1937 году его арестовали и расстреляли.

Эсерка Мария Спиридонова говорила журналистам:

— Я никогда не даю личных интервью, но от имени своей фракции могу заявить, что мы прилагаем усилия к скорейшему открытию Учредительного собрания… Когда Учредительное собрание покажет, что готово идти по единому пути с нашей передовой революционной демократией, мы его, конечно, поддержим. Если же оно разойдется с нами и выскажется против немедленного мира, против социализации земли, против установления рабочего контроля над производством, то мы займемся «очищением» его от тех членов, которые стоят поперек дороги стремлениям трудовых масс, измученных трехлетней бойней… Если и этого окажется недостаточным — мы его разгоним и уже больше собирать не будем.

Из слов Спиридоновой следовало, что мнение миллионов людей, которые проголосовали за другие партии и другие позиции, для нее значения не имело. И пока она была у власти, ее это не смущало. Но восторжествовавшее в Советской России презрение к чужим мнениям погубит и ее…

Опрошенный журналистами член ЦК партии большевиков Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили держался крайне осторожно:

— Если большевики окажутся в меньшинстве в Учредительном собрании, они останутся в нем для внутренней органической борьбы… Левые элементы Учредительного собрания, в том числе и большевики, не собираются срывать Учредительное собрание, что было бы неразумно и непатриотично…

Прапорщик Михаил Александрович Лихач был избран депутатом от Северного фронта. Председатель солдатского комитета 12-й армии, он представлял партию эсеров:

— Что касается армии, то фронтовики, безусловно, за Учредительное собрание. О разгоне Учредительного собрания вооруженной силой, взятой с фронта, не может быть и речи, ибо такой силы там не найдется. В первую очередь должен быть поставлен вопрос о мире, но, само собой разумеется, в общеевропейских рамках.

«Чем ближе открытие Учредительного собрания, — писал

будущий партийный публицист, а тогда враг большевиков Давид Иосифович Заславский, — тем больше разгуливается эта свирепая вакханалия обысков, арестов, расправ… Есть желание застращать врага, ошеломить его арсеналом всяческого оружия и самой отборной ругани… Дикари бьют в барабаны изо всей силы, кричат, шумят перед сражением, чтобы запугать врага. Они раскрашивают свои лица, чтобы придать себе грозный вид. Они прыгают и танцуют.

Но пусть Ленин и Троцкий перестанут танцевать на манер воинственных индейцев. Скальпы на воротах Смольного и свирепые рожи верных краснорожих не испугают. Они раздражают своим оскорбляющим Россию идиотизмом. Учредительное собрание пришло. Встаньте, господа, и прекратите ваши жестокие глупости».

Дыбенко и его коллеге по наркомату Николаю Ильичу Подвойскому поручили организовать разгон Учредительного собрания. Павел Ефимович сам был избран депутатом Учредительного собрания, но не дорожил мандатом. Дыбенко вызвал в Петроград несколько тысяч матросов, которым туманно объяснил, что ожидаются контрреволюционные выступления и придется спасать столицу от врагов.

Первое заседание Всероссийского Учредительного собрания проходило 5 января 1918 года в Таврическом дворце, окруженном Красной гвардией. Сам дворец заполнили вооруженные матросы и латышские стрелки. Депутаты, оказавшись в таком окружении, почувствовали себя неуютно. Но они не предполагали, что российский парламент просуществует всего один день…

Ленин и другие видные большевики приехали на открытие первого заседания Учредительного собрания. Председатель Совнаркома расположился в правительственной ложе. По словам Владимира Бонч-Бруевича, вождь «волновался и был мертвенно бледен, так бледен, как никогда. От этой совершенно белой бледности лица и шеи его голова казалась еще большей, глаза расширились и горели стальным огнем… Он сел, сжал судорожно руки и стал обводить пылающими, сделавшимися громадными глазами всю залу от края и до края ее». Председатель ВЦИКа Яков Михайлович Свердлов огласил «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Его предложение утвердить декларацию эсеры и меньшевики отвергли. Признавать советскую власть депутаты не считали правильным, ведь им избиратели поручили определить государственный строй России и решить, кому управлять страной.

Ленин убедился, что этот состав парламента не поддержит большевиков, а, следовательно, будет только мешать советской

власти. От имени фракции большевиков заместитель наркома по морским делам Федор Раскольников объявил, что большинство Учредительного собрания выражает вчерашний день революции:

— Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания.

Уезжая вечером, Ленин распорядился выпускать всех, кто пожелает уйти, но никого назад не впускать. В половине третьего ночи дворец покинули и левые эсеры, вступившие с большевиками в коалицию, оказавшуюся недолговечной (см.: Военно-исторический журнал. 2001. № 3).

Охрану Таврического дворца поручили отряду моряков под командованием анархиста Анатолия Григорьевича Викторского (Железняка). Примерно в четыре часа утра Дыбенко приказал Железняку закрыть собрание.

Избранный председателем Учредительного собрания Виктор Михайлович Чернов в этот момент провозглашал отмену собственности на землю. Чернов был одним из основателей партии социалистов-революционеров (эсеров), которые безусловно ощущали себя победителями после выборов, потому что их поддержала деревня. Они считали своим долгом выполнить главный пункт своей программы — дать крестьянам землю.

Железняк тронул председательствующего за плечо и довольно невежливо произнес:

— Я получил инструкцию довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал.

Ошеломленный Чернов переспросил:

— Какую инструкцию? От кого?

— Я являюсь начальником охраны Таврического дворца, — пояснил Железняк, — имею инструкцию от комиссара.

Чернов попытался урезонить матроса:

— Все члены Учредительного собрания также очень устали, но никакая усталость не может прервать оглашения земельного закона, которого ждет Россия. Учредительное собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила!

Железняк равнодушно повторил:

— Я прошу покинуть зал заседаний.

Через 20 минут Чернову пришлось закрыть заседание. Депутаты разошлись. Больше их во дворец не пустили. Совнарком и ВЦИК приняли решение распустить Учредительное собрание.

Это был решающий момент в истории страны: другие партии, конкуренты и соперники насильственно устранялись из политической жизни.

Страна лишилась парламента, каковым была Государственная дума и каким должно было стать Учредительное собрание. Путь представительной демократии для России был закрыт. В следующий раз свободно избранный парламент соберется в России не скоро…

«После разгона Учредительного собрания, — вспоминал депутат от партии эсеров Владимир Михайлович Зензинов, — политическая жизнь в Петрограде замерла — все политические партии подверглись преследованиям со стороны большевистских узурпаторов. Партийные газеты были насильственно закрыты, партийные организации вели полулегальное существование, ожидая каждую минуту налета большевиков… Большинство руководителей как социалистических, так и несоциалистических партий жили на нелегальном положении».

А Ленин доказывал, что всё сделал правильно. Год спустя он писал: «Считали это «дикостью» большевизма. А теперь история показала, что это всемирный крах буржуазной демократии и буржуазного парламента, что без гражданской войны нигде не обойтись».

Александра Коллонтай нисколько не сожалела о разгоне Учредительного собрания, хотя доверие избирателей обязывало ее работать в парламенте. Она была занята делами, казавшимися ей куда более важными для судьбы России.

Прорыв в Европу

Двадцать пятого ноября 1917 года два наркома — Коллонтай и Сталин — приехали на съезд социал-демократов Финляндии (см.: Вопросы истории. 2004. № 8). Сталина командировали как наркома по делам национальностей, Коллонтай — как знатока финских дел. У Иосифа Виссарионовича остались самые приятные впечатления от общения с Александрой Михайловной. Это был счастливый для нее случай, спасший ей жизнь…

После Февральской революции Временное правительство признало за финнами только широкую автономию. Но, на счастье финнов, в октябре 1917 года Временное правительство свергли большевики. Они рассчитывали, что финские единомышленники повторят успех русских, и были готовы во всем идти им навстречу.

Сталин призвал финских социал-демократов действовать:

— В атмосфере войны и разрухи, в атмосфере разгорающегося революционного движения на Западе и нарастающих побед рабочей революции в России может удержаться и победить только одна власть, власть социалистическая. В такой атмосфере пригодна только одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость! И если вам понадобится наша помощь, мы дадим ее вам, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены!!

Шестого декабря 1917 года сейм Финляндии провозгласил независимость и сформировал правительство. Но международное признание нового государства целиком и полностью зависело от позиции Советской России.

Двадцать девятого декабря правительство Финляндии обратилось к Совету народных комиссаров:

«В числе основных начал свободы российской революцией признано и провозглашено перед всем миром право полного самоопределения народов. Это великодушное признание вызвало сочувственный отклик в финском народе… По численности он не велик. Но он чувствует себя нацией среди наций с самобытною национальною культурою, с особою общественною и политическою жизнью. Однако до сих пор сему народу приходилось довольствоваться ограниченным правом самоопределения… Освобождение русского народа принесло свободу и финскому…

Финляндия рассчитывает на признание со стороны России, от имени которой неоднократно провозглашено, что свобода —

неотъемлемое право каждого народа…»

Тридцать первого декабря советская власть признала независимость Финляндии. Глава правительства Пер Эвинд Свинхувуд, которого царская власть сослала в Нарымский край, получил этот документ из рук Ленина. Отношения между соседями могли сложиться вполне дружеские. Однако в Москве рассчитывали, что и в Финляндии победит революция.

Восьмого января 1918 года финские красногвардейцы заняли особняк генерал-губернатора в Хельсинки. 28 января захватили ключевые объекты в городе. Хотели арестовать правительство Свинхувуда, но министры благополучно исчезли.

Образовался Совет народных уполномоченных, то есть правительство Финляндской Рабочей Республики. 29 января Совет уполномоченных сообщил в Петроград: «Буржуазное правительство свергнуто революционным движением рабочего класса». Юг страны на несколько месяцев перешел под управление финских коммунистов. Но Свинхувуд контролировал северные и центральные провинции страны. Вспыхнула гражданская война.

А в Петрограде созрела новая идея — использовать известность и широкие связи Коллонтай для того, чтобы вырваться из международной изоляции.

Двадцать пятого ноября 1917 года в британском парламенте министр иностранных дел лорд Артур Бальфур изложил позицию кабинета его величества: после падения Временного правительства в России нет правительства, с которым можно иметь дело. 5 декабря советник французского посольства в Москве передал журналистам общее решение послов стран Антанты: какие-либо контакты с большевиками невозможны.

Вот в Петрограде и решили действовать — через голову правительств обратиться непосредственно к народам и мобилизовать на свою поддержку левые силы Европы.

Двадцать второго декабря 1917 года высший орган государственной власти — Центральный исполнительный комитет постановил: «Для установления тесной связи между всеми трудящимися элементами Западной Европы послать делегацию в Стокгольм. Поручить этой делегации принять все меры для подготовки созыва Циммервальд-Кинтальской международной конференции и организации Советского информационного бюро».

Большевики намеревались объяснить социалистам Западной Европы, как развивается русская революция и к чему стремится советская власть.

«Напряженное было время, — писала Коллонтай, —

хаотически нервное, полное неожиданностей, полное противоречий. В те дни не знали «входящих» и «исходящих», решения принимались на лету, часто не успевая занести даже в протокол».

Двадцать девятого января 1918 года президиум ЦИКа уточнил задачи: делегации выпускать «Вестник социалистической революции», установить контакты «со всеми элементами рабочего движения, которые стоят на точке зрения немедленной социалистической революции и ведут активную революционную борьбу против своей буржуазии за немедленный мир».

В какие страны и в каком порядке ехать — оставили на усмотрение делегации. На предварительные расходы ассигновали на первое время 100 тысяч рублей.

Состав делегации — смешанный: большевики и их союзники левые эсеры. От социалистов-революционеров: члены президиума ЦИКа Марк Андреевич Натансон (ему было 70 лет, и с ним поехала жена) и Алексей Михайлович Устинов (дворянин и родственник Столыпина). От большевиков: Коллонтай и кандидат в члены ЦК Ян Антонович Берзин (Зиемелис), будущий секретарь Исполкома Коминтерна, полпред в Финляндии и Австрии (в 1938-м его расстреляют).

Александра Михайловна взяла себе в помощь члена коллегии Наркомата государственного призрения Алексея Петровича Цветкова, рабочего, красногвардейца, участника взятия Зимнего дворца.

Секретарем поехала Евгения Григорович. «Самоотверженное существо, — характеризовала ее Коллонтай. — Если надо для революции, не задумаясь, пойдет хоть по битому стеклу. Еще очень юная, по-юному «нетерпимая» и «принципиальная». Смелая и решительная». В качестве охраны — революционные матросы.

Коллонтай как наркома утвердили главой делегации.

— Вы ведь «язычница», — сказал ей Ленин, — сумеете столковаться на разных языках. Притом вы — нарком, это придает делегации официальный характер.

«Натансон, — записала в дневнике Александра Михайловна, — в сущности, хороший старик. В нем много от народовольцев, большая «принципиальность», очень много юности и пылкости души, стойкость человека, привыкшего побеждать трудности жизни и стыдящегося отступать перед жертвами и опасностями. Но тело дряхлеет. Приходится думать о диете, иметь под рукой аптечку, кутаться. Жена его — «верный оруженосец»… В часы опасности я любовалась Натансонами. Ведь старички же оба. Но полное спокойствие, самообладание, выдержка».

Зинаида Гиппиус 31 января 1918 года отметила в дневнике с присущей ей «доброжелательностью»: «Натансон с Коллонтайкой уезжают за границу. Хоть бы навек!»

Решили, что делегация посетит Швецию, Норвегию, Англию, Францию и США. Получили въездные визы во все эти страны. Это была первая советская зарубежная делегация (ее историю подробно рассказала кандидат исторических наук Ирина Дажина в журнале «Исторический архив», № 3 за 2008 год).

Александра Коллонтай записала в дневнике: «4 февраля 1918 года. Я. М. (т. Свердлов) сказал, что паспорта готовы и что сейчас задержка только за техническими мелочами. Он думает, что поездка наша может продлиться месяца полтора-два. Больше, если попадем в Соединенные Штаты…

10 февраля. Нервирует, что вопрос о поездке делегации всё еще висит в воздухе. Я сегодня настаивала на окончательном решении. Нельзя работать, если ждешь, что тебя завтра сорвут с места. Говорят: не установлен маршрут, не ясно, можно ли пробраться еще через Финляндию? Белые теснят красных с северо-запада. Сегодня есть вести, что побережье на север от Або — уже в руках белых. Немцы держат курс на Финляндию. Ленин вызывал Павла Ефимовича (Дыбенко), чтобы посоветоваться о судьбе Аландских островов и подкреплении нашего там гарнизона…

13 февраля. Владимир Ильич был недоволен, что мы еще не выехали, и отдал распоряжение, чтобы немедленно достали визы и прочее… Он допускает мысль, что мы окажемся отрезанными от России немецким фронтом и что с нами тогда не станут церемониться. Пошутил, что попасть в шведскую тюрьму для меня не будет «сюрпризом». Он не думает, что нам удастся пробраться в Англию, но в Скандинавии мы будем полезны, главное по части разоблачений клеветы и связи с рабочими…

16 февраля. Три часа ночи. Вернулись из Таврического, была на заседании ЦИК. Зашла попрощаться, так как едем завтра, и получить последнюю информацию… Почему-то все очень трогательно со мной прощались, будто мы и в самом деле едем в «экспедицию». Спиридонова даже расцеловалась со мной и назвала меня «моя милая»…

Семнадцатого февраля 1918 года в полночь делегация отбыла с Финляндского вокзала. Получили в дорогу деньги, русские и финские, литературу, продовольствие. На прощание сфотографировались в помещении штаба Красной гвардии.

Алексей Цветков записал в дневнике экспедиции: «На платформе — пусто. Провожающих мало. Очевидно, испуганы перспективой брести домой пешком, когда трамваи уже в парках,

а извозчики теперь кусаются. Мы так и поняли. Простили всех, кто поленился бросить последний взгляд на носовой платок, который наша вежливость высунула бы им на прощание из окна вагона и благодарно махала бы им, пока не исчезнут в темноте и поезд, и стук колес, и белый цвет платка».

На следующий день делегация уже была в Гельсингфорсе, где власть находилась в руках красных финнов. Но, отметила Александра Михайловна, у них «нет уверенности в своих силах, в возможностях». Столица Финляндии показалась ей настороженной и безрадостной.

Коллонтай повезли выступать — она от души приветствовала братскую социалистическую страну. Казалось, мировая революция шагает по Европе. Финские коммунисты говорили, что судьба всей революции решается в Финляндии: если белогвардейцы победят здесь, они доберутся и до Петрограда…

Александра Михайловна лишний раз убедилась в собственной популярности. Наркома государственного призрения окружили «вдовы, увечные, сироты и будущие матери».

На нее возложили еще одну задачу: в Гельсингфорсе побывать на кораблях и убедить моряков в целесообразности роспуска Центробалта.

«Настроение у матросов возбужденное, — пометила для себя Коллонтай. — С Измайловым (комиссаром флота) — конфликты. Историческая, геройская роль Центробалта кончена. Он становится помехой. Говорят — «анархическое настроение умов» надо пресечь в корне и т. д. Центробалт станет лишь страничкой прошлого… Грустно».

Центральный комитет Балтийского флота имел огромную власть: без его согласия не исполнялся ни один приказ. Но советской власти он уже не был нужен. 29 января 1918 года Совнарком издал декрет об организации Рабоче-крестьянского Красного флота. Центробалт распустили, ввели должность главного комиссара Балтийского флота и образовали Совет комиссаров Балтфлота (Совкомбалт). Николай Федорович Измайлов руководил моряками-балтийцами после Дыбенко. В январе 1918 года его утвердили главным комиссаром Балтийского флота.

Привыкшие к свободе моряки не хотели подчиняться комиссарам, назначаемым Совнаркомом. Коллонтай, считая, что знает и понимает балтийцев, убеждала моряков покончить с анархией, подчиниться решениям Совнаркома и разоружиться: «Живописное заседание в огромной кают-компании «Штандарта». Публика задета, заинтересована, возбуждена. Лица серьезные, внимательные. Один председатель притворяется бесстрастным и

невозмутимым, а то — не сдержишь их. Горячая матросня. Речи, речи и речи… Поток, водопад… Отвечают — центробалтщики. Горячатся. Не хотят «полного роспуска»… Из-за резолюции — война, конечно, словесная. Но может дойти и до большего… Настроения у ребят, что называется, «подъемные»… С немцем там можете мириться, а вот насчет комиссаров флота — тут «мы себя отстоим».

Пока выясняли, как и куда ехать дальше, пока Алексей Цветков предусмотрительно зашивал часть денег в жилетку, пришло срочное известие из Петрограда.

«Совнарком вынес постановление о нашем согласии заключить мир с Германией. Это изменяет всю картину. После этого нам незачем ехать в Европу», — пишет в дневнике Александра Михайловна.

Вечером с помощью буквопечатающего телеграфного аппарата, изобретенного американцем Юзом, связались с Петроградом, на том конце провода — Дыбенко.

«Заседание Совнаркома, — записала в дневнике Коллонтай, — было (по словам Дыбенко) очень бурное. Прекращение войны сейчас кажется невозможным, раз мир должен быть заключен с капиталистами. Что скажут немецкие рабочие? Многие считают, что это шаг, ведущий к гибели всей революции. Мысль о мире с кайзером не укладывается в голове…

Полная неопределенность, что будет с нашей делегацией. Я считаю, что ехать следует независимо от вопроса о немцах. Именно сейчас надо информировать заграницу, разъяснять. Натансон склоняется к тому, чтобы ехать обратно. Левоэсеровское Цека резко против мира с немцами. В Совнаркоме обострение отношений…

Мне кажется, что левые эсеры очень крепки сейчас в ЦИК. В Совнаркоме тон задают наши, и эсеры там вроде «гостей», но когда придешь в Президиум ЦИК — атмосфера другая. Спиридонова господствует, распоряжается, возле нее — целый штат…»

Коллонтай переговаривалась по телеграфному аппарату с Петроградом: что ей делать — возвращаться, чтобы принять участие в острых дискуссиях, или всё-таки продолжать путь в Европу? Сталин сказал, что нужно ехать.

«Павел (Дыбенко), конечно, горячится, — записала она в дневнике, — и считает, что нельзя мириться с немецкими буржуями, надо их «добить». Обещал приехать сегодня. Просила привезти теплое платье. Очень холодно…»

Тяжело заболел простудившийся по дороге Ян Берзин. Он слег, и его решили перевезти на «Штандарт», потому что в

гостинице даже не кормят.

«Улицы слабо освещены, пустынны, — продолжает Коллонтай. — Впечатление города в осаде… Вспоминаю Гельсингфорс весною прошлого года. Тогда он кипел и бурлил. Городом владели моряки: куда ни поглядишь — белые матросские блузы, открытые, оживленные лица, радостно-напористые, волевые и бесстрашные… Тогда население, пролетарское население, шло с нами. А сейчас наших моряков возле Ловизы чуть не растерзали. Классовая вражда в Финляндии острее и беспощаднее. Лютая будет здесь гражданская война!

Был американский журналист. Спрашивал: неужели я сторонница гражданской войны? Ответила ему напоминанием о лютой, жестокой, кровавой, беспощадной гражданской войне на его родине в 1862 году между северными, прогрессивными, и южными — хозяйственно-реакционными штатами. В глазах нынешних американцев «разбойники» того времени — истые «национальные герои». Слушал, но, кажется, аналогия его не убедила».

Двадцать второго февраля на специальном поезде, где были отопление и постельное белье, двинулись в Або. И здесь — встречи с местными коммунистами, выступление на митинге.

«Час ночи. Пишу лежа — расхворалась… — записала в дневнике Коллонтай. — Поражает одно — неналаженность связи и разведки. Никто в точности не знает, где сейчас линия белой гвардии… В Або меньше чувствуешь враждебное настроение буржуазии. Может быть, буржуазия просто попряталась в своих чистеньких деревянных домиках. Не верится, когда глядишь на эти домики с окнами в белых кружевных занавесочках и цветных горшочках, что город переживает гражданскую войну. Лавки торгуют».

Из Або вышли на небольшом судне «Мариограф», с которого бесцеремонно сняли британского консула с женой. Финская команда (11 человек) охотно сменила англичан на большевиков, но потребовала в награду одну из бутылок коньяка, предусмотрительно захваченных в дорогу. Путь прокладывал ледокол «Гриф».

Двадцать четвертого февраля в дневнике Коллонтай появилась новая запись: «Удивительное, ясное, морозно-солнечное утро. Воздух по-зимнему вкусно-душистый. Лед по заливу весь в снежных блестках. Небо стеклянно-синее, четкое и удивительно покойное. Ни облачка. Двадцать градусов мороза по Цельсию, а я без пальто выскочила на борт, и солнце жгло, как в горах зимой…

Этот нетронутый снег, это обманчивое ясное, синее небо, эти

хрустящие ледяным хрустом глыбы льда, этот запах сосны, приносимый ветром с островов, даже эти безлюдные, точно заснувшие на зиму дачи, — всё тихо, ясно и безмятежно, как сны в детстве.

Война? Белая гвардия? Смольный комиссариат? Всё призрачно, нереально. Реальна, осязаема лишь вот эта тишина. Этот покой. Это горячее солнце, морозный день.

Покормили вкусным завтраком с кнэке-брэ (сухие ржаные лепешки), маслом и кофе. Во всём теле приятная лень сытости и отдохновения. Гляжу на небо и вспоминаю, что за всю эту кипучую зиму я ни разу не видела неба. Ни днем, ни ночью. Последний раз глядела на небо во дворике Выборгской тюрьмы… День удивительно долгий. Ощущаешь, что время существует, как в тюрьме. В Петрограде — времени не было».

Двадцать пятого февраля капитан ледокола «Гриф» решил, что его миссия окончена, и приказал разворачиваться. Капитан «Мариографа» наотрез отказался идти дальше без ледокола: либо судно затрут льды, либо оно подорвется на минах. Догнали «Гриф», члены делегации во главе с Коллонтай поднялись на борт и стали уговаривать команду. После четырехчасовой дискуссии команда проголосовала: большинством всего в один голос согласились следовать в Стокгольм.

Двадцать шестого февраля Коллонтай записала в дневнике: «Вчера я думала, что конец нашей экспедиции… Чувствуется к нам недоверие. Не понимают цели нашей поездки в Швецию. Во время общего собрания на «Грифе» спрашивали опять о «запломбированном вагоне», о том, правда ли, что большевики сочувствуют немцам…

Телеграмм нет. Не знаем, где фронт… Утром взорвалась слева от нас мина. Поразило, что звук слабый и только высокий фонтан воды. Идем по минному полю».

В тот же день оба судна затерло во льдах.

«Мне не верится, что «Гриф» затерт, — записала Коллонтай. — По-моему, капитаны просто не хотят идти в море. Но толковать с ними — безнадежное дело… Очевидно, немцы близко. Следует сугубо спешить. Настояла на посылке радио в Стокгольм, чтобы нам выслали навстречу ледокол…»

Коллонтай даже написала записку капитану «Грифа»: «По распоряжению Народного комиссара требуется отправка телеграммы делегации ЦИК в Швецию. За неисполнение этого приказания Вы, как ответственное лицо, будете отвечать по закону».

На следующее утро: «Что мы затерты — сегодня ясно… Ночь была беспокойная, льдины ломались, шуршали, не переставая,

напирая на стенки нашей скрипучей ладьи. От их напора «Мариограф» кренится на бок, вздрагивает и стонет, будто живой. Сейчас, когда слышны людские голоса, когда светло и кругом такая сказочная хрустальная панорама, забываешь, что «Мариограф» далеко не ледокол и что стенки его не приспособлены давать отпор ледяным остриям. Но ночью было неуютно…»

Двадцать седьмого февраля «Гриф» освободился и ушел, оставив «Мариограф» один. Пока Коллонтай, гуляя на палубе, обсуждала с норвежским коммунистом Эгеде Ниссеном шансы революции в Скандинавии, ледокол скрылся за горизонтом.

Коллонтай в тот день пометила в дневнике: «Капитан Захаров оказался явным белогвардейцем: «Гриф» ушел, оставив нас в беспомощном состоянии. Льды легко могут растереть наше суденышко в порошок. Капитан говорит, что мы можем простоять так много дней; бывало, что затертые суда оставались во льдах до весны. Зима в этом году суровая…»

Судно дрейфовало. Иногда рядом взрывались мины.

Цветков записал: «Нарком просила заготовить бутылки, чтобы «в последнюю минуту» опустить в них письма и последнее прости. Я сомневаюсь, чтобы при взрывах существовала такая «последняя минута», в которую можно еще успеть протолкнуть записки через горлышки бутылок. Но раз Нарком «распорядилась» — иду на поиски бутылок. Коньячные подходят, но в них еще нетронутая жидкость. Не выливать же ее, пока мины еще только в перспективе».

В конце дня судно вырвалось из ледяного плена. Уже за полночь 27 февраля Коллонтай сделала в дневнике еще одну запись: «Теперь, когда опасность миновала, все пережитое за этот нелепый день кажется преувеличенным, выдуманным, театральным…

Когда же ясно стало, что нас несет к берегу, к цепи минных заграждений и что мы все вместе взятые совершенно бессильны, что решает всё ветер, стало даже как-то покорно-торжественно… Мы сидели с Эгеде Ниссеном на капитанском мостике, и так необычно, так величаво было всё кругом, что с каким-то внутренним вызовом глядели на все возможности… Небо в невероятно расцветистых красках — оранжево-пурпуровых, белая пелена льдов с голубизной на переломах. Красный большевистский флаг на мачте ярким пятном алеет на бело-синем фоне льда… Необычно до театральности. И оба мы признались, что если уж и надо погибать, так, по крайней мере, погибнем в сказочно-величавой обстановке. Тогда будто не было ни страха, ни жути…

Худший час был, когда «Гриф» так неожиданно и так предательски ушел, а мы остались одни, букашкой на огромном белом поле льда. Тогда родилось и угнетало чувство неизбывной, безотчетной тоски. И жуть. Ожидание жути…»

«Мариограф» дал течь. Два летчика вылетели на помощь делегации. Но в бурю оба гидроплана разбились. Один летчик был тяжело ранен, второй погиб.

«Самоотверженные и решительные большевики, — записала в дневнике Коллонтай. — Большевики, которые никогда не читали Маркса, но которым здоровое пролетарское чутье подсказывает, что дело идет о судьбе рабочего класса. И потому, что дело идет о делегации Совдепов, она должна быть спасена, хотя бы это стоило жизни. В этой гибели летчиков тоже отсвет великой двигательной силы революции: солидарности».

Не имея сведений о судьбе делегации, руководитель заграничного представительства ЦК в Стокгольме Вацлав Вацлавович Воровский рассылал телеграммы: «Телеграфируйте подробности гибели «Мариографа», кто ехал, была ли Коллонтай с товарищами. Что слышно у вас. Нет ли затруднений».

Все-таки пристали к берегу. Дальше двинулись на санях. Добрались до Мариегампа — столицы Аландских островов. Там стояли шведские войска. «Погода чудесная, — записала Коллонтай. — Но ничто не радует. Дыханье войны близко. Мы уже среди врагов».

Шведские военные не пустили Коллонтай и других членов делегации в Стокгольм, посадили на пароход и отправили их назад в Або. Левые эсеры настаивали на новой попытке. Коллонтай путешествие надоело, она хотела назад, в Петроград. 6 марта на поезде вернулись в Россию.

«Начались знакомые картины, — записал Цветков. — Пустой буфет в Выборге, ни намека на пищу. Поезд идет без опозданий. Промелькнул Белоостров, где успели закупить газеты. Еще немного и с помощью тов. красноармейца тащим вещи по платформе Финляндского вокзала. Автомобиля нет, звоню по всем телефонам в Призрение. Выслали, надо ждать».

Когда Коллонтай уже работала полпредом в Швеции, ее верный помощник по наркомату Цветков тяжело заболел — рак. Коллонтай просила дать ему персональную пенсию. Он умер в 1938 году после операции. Ему было всего 52 года…

Первого марта 1918 года Россия и Финляндская Социалистическая Рабочая Республика заключили в Петрограде договор. С советской стороны его подписали Ленин, нарком по иностранным делам Троцкий, нарком по вопросам национальностей Сталин (причем он подписался двойной

фамилией Джугашвили-Сталин и поставил латинский инициал J — Иосиф), нарком почт и телеграфов левый эсер Проша Перчевич Прошьян. С финской стороны — свои подписи поставили социал-демократы Оскари Токой и Эдвард Гюллинг.

В тексте договора сказано, что Советская Россия «отчуждает в полную собственность Финляндской Социалистической Рабочей Республики нижеопределенную территорию, если на то будет изъявлено согласие свободно опрошенным местным населением». Отдали район Петсамо, где нашли стратегические запасы никеля, его отберут назад в 1944 году, после двух войн…

Восьмого марта «Правда» опубликовала статью «Новая Финляндия», подписанную призрачным псевдонимом «А. М. К-ай»: «Рождается новая социалистическая советская Финляндия… Финляндия сейчас советская республика, которой с севера угрожают белогвардейцы, с юга — русско-германский империализм… Бои между белой и красной гвардиями идут непрерывно. Но позиции Советской Власти в Финляндии укрепляются с каждым днем».

Советская Россия тайно помогала красным финнам оружием, туда отправились добровольцы воевать на стороне красных. Но официально — из-за Брестского мира — Красную армию пришлось вывести. Зато немцы отправили в Финляндию экспедиционный корпус.

В мае красные были подавлены с помощью немецких войск, которые высадились на Аландских островах и взяли столицу страны. Аландские острова — архипелаг из более чем шести тысяч островов и островков, которые находятся в стратегически важном районе — у входа в Ботнический залив и рядом с Финским заливом. Острова служили базой российского флота на Балтике, поэтому Германия спешила их захватить. В результате острова перешли к Финляндии.

Но вернуть назад территории, отданные Москвой Совету народных уполномоченных, уже было невозможно. Большевистское правительство (точнее, отвечавший за отношения с финнами нарком по делам национальностей Сталин) сильно промахнулось.

Глава исполкома социал-демократической партии Отто Вильгельм Куусинен бежал в Москву и здесь вместе с другими эмигрантами основал финскую компартию.

Организацию финских коммунистов в Москве раздирали острые противоречия, фракционная борьба. 31 августа 1920 года несколько членов партии, недовольных политикой руководства, пришли на заседание петроградского объединения финнов и застрелили восемь человек из числа своих оппонентов (см.

сборник документов «Коминтерн и Финляндия»).

Отто Куусинен пытался руководить нелегальной работой коммунистов в самой Финляндии. Одного из финских коммунистов, Александра Германовича Векмана, командира Красной армии, артиллериста, отправили на родину с заданием убить главу Финляндии Карла Маннергейма. Покушение не удалось, Векмана арестовали. Он просидел в тюрьме до 1926 года, после чего вернулся в Советскую Россию.

Куусинен с его финским темпераментом держался крайне осторожно. Этот застенчивый человек стал одним из руководителей Коминтерна. Штаб мировой революции, Исполком Коминтерна, со временем превратился в Министерство по делам компартий с колоссальным документооборотом. В основном это были донесения компартий с оценкой обстановки в своих странах, просьбы дать политические инструкции, помочь деньгами и принять на учебу местных активистов.

По договору от 1 марта 1918 года советское правительство широким жестом отдало красным финнам немалые территории — в надежде, что вскоре всё равно произойдет воссоединение красной России и красной Финляндии. Но не получилось. А вернуть территории было уже невозможно. Пришлось подтвердить их передачу по договору 1920 года, подписанному уже с буржуазным правительством. Эта история предопределила новый конфликт с Финляндией, который вспыхнет через два десятилетия. Для Коллонтай советско-финляндская война станет тяжелым испытанием.

Против Брестского мира

Вернувшись из неудачной заграничной поездки, Коллонтай включилась в острую политическую борьбу. Как и многие другие коммунисты, она была возмущена Брестским миром, и ее волновала судьба мужа, попавшего в беду — по собственной вине.

Девятого декабря 1917 года в Брест-Литовске начались переговоры российской делегации с представителями Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Российскую делегацию возглавил член ЦК Адольф Абрамович Иоффе. Он в 19 лет присоединился к социал-демократам, в Вене вместе с Троцким издавал газету «Правда», потом вернулся в Россию и в 1912 году был арестован и приговорен к пожизненной ссылке, которую отбывал в Сибири. Его освободила Февральская революция. Вести переговоры ему поручили, потому что он хорошо говорил по-немецки.

Но большая часть ЦК партии большевиков вообще исключала возможность подписания какого-либо документа с империалистической державой. Ленин сказал Троцкому, что остается одно — затягивать переговоры в надежде на скорые революционные перемены в Германии. И попросил это сделать самого Льва Давидовича.

Троцкий с Лениным сами не очень хотели подписывать официальный мир с немцами: и без того большевиков обвиняли в том, что они продались кайзеру. Они оказались в безвыходном положении. Изобретательный Лев Давидович придумал формулу, которую предложил Ленину:

— Войну прекращаем, армию демобилизуем, но мира не подписываем. Если немцы не смогут двинуть против нас войска, это будет означать, что мы одержали огромную победу. Если они еще смогут ударить, мы всегда успеем капитулировать.

— Это было бы так хорошо, что лучше не надо, если бы немцы оказались не в силах двинуть свои войска против нас, — отвечал Ленин. — А если немцы возобновят войну?

— Тогда мы вынуждены будем подписать мир. Но тогда всем будет ясно, что у нас нет другого исхода. Этим одним мы нанесем решительный удар по легенде о нашей закулисной связи с немецким правительством.

На заседании ЦК Сталин сказал:

— Ясности и определенности нет по вопросу о мире, так как существуют различные течения. Надо этому положить конец. Выход из тяжелого положения дала нам средняя точка зрения — позиция Троцкого.

На заседании ЦК она получила большинство голосов.

В соответствии с этим решением в Брест-Литовске Троцкий заявил:

— Мы не можем поставить подписи русской революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ. Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора.

Однако немецкое командование сообщило, что с 18 февраля 1918 года будет считать себя в состоянии войны с Россией. В Москве между лидерами большевиков шли ожесточенные споры. ЦК отказывался подписывать мир с немцами, многие требовали защищать революцию с оружием в руках.

Двадцать восьмого февраля 1918 года, когда Коллонтай еще была в плавании, Павел Дыбенко во главе 1-го Северного

летучего отряда революционных моряков отправился защищать Нарву от наступавших немцев.

Для обороны демаркационной линии, установленной после заключения Брестского мира, была развернута так называемая завеса, состоявшая из разрозненных отрядов Красной армии. Северный, Западный и Южный участки завесы потом были преобразованы в соответствующие фронты.

Военный руководитель Комитета обороны Петрограда бывший генерал Михаил Бонч-Бруевич неодобрительно сказал Дыбенко:

— Ваши «братишки» не внушают мне доверия. Я против отправки моряков под Нарву.

Но поскольку нарком Дыбенко был о себе высокого мнения, то он проигнорировал мнение какого-то золотопогонника.

В те дни под Нарвой проявились все дурные качества Дыбенко: авантюризм, импульсивность, большое самомнение. Балтийцы захватили цистерну со спиртом, что добавило им уверенности в собственных силах. Дыбенко всегда был склонен к неумеренному употреблению горячительных напитков. На поле боя это пристрастие особенно опасно.

В первом же настоящем бою моряки, привыкшие митинговать и наводить страх на мирных жителей Петрограда, понесли большие потери и отступили. А в общем наступлении Дыбенко вообще отказался участвовать, сославшись на то, что ему не помогли артиллерией и не обеспечили фланги.

Не захотел Павел Ефимович и перейти в подчинение начальника Нарвского участка обороны бывшего генерал-лейтенанта Дмитрия Павловича Парского, который пытался организовать оборону.

«Встревоженный сообщением Парского, — писал потом Михаил Бонч-Бруевич, — я подробно доложил Ленину. По невозмутимому лицу Владимира Ильича трудно было понять, как он относится к этой безобразной истории. Не знаю я и того, какая телеграмма была послана им Дыбенко.

Но на следующий день, всего через сутки после получения телеграфного донесения Парского, Дыбенко прислал мне со станции Ямбург немало позабавившую меня телеграмму: «Сдал командование его превосходительству генералу Парскому», — телеграфировал он, хотя отмененное титулование было применено явно в издевку».

Отряд матросов бросил фронт и самовольно ушел в Гатчину. Ленин говорил о «хаосе и панике, заставившей войска добежать до Гатчины». В результате Нарва была потеряна.

Возмущенный Ленин отозвал Дыбенко с фронта. 16 марта он

был снят с поста наркома. Павел Ефимович пытался сделать вид, будто его отставка — результат политических разногласий, и заявил, что уходит из правительства в знак протеста против Брестского мира. В его заявлении говорилось: «Стоя на точке зрения революционной войны, я считаю, что утверждение мирного договора с австро-германскими империалистами не только не спасает Советскую власть в России, но и задерживает и ослабляет размах революционного движения мирового пролетариата. Эти соображения заставляют меня как противника утверждения мира выйти из Совета Народных Комиссаров, а потому слагаю свои полномочия народного комиссара по морским делам и прошу назначить мне заместителя».

Текст заявления Павлу Ефимовичу написала Александра Коллонтай, которая действительно не согласилась с готовностью Ленина подписать мирный договор на любых условиях немцев.

Третьего марта 1918 года советская делегация заключила договор с Четверным союзом. Ехать в Брест-Литовск никто не хотел. Уговорили члена ЦК Григория Яковлевича Сокольникова, будущего наркома финансов. Поставив свою подпись на документе, он заявил:

— Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется временным и преходящим.

Первая мировая война для России закончилась. 22 марта договор был ратифицирован германским рейхстагом. А в России бушевали страсти. 6 марта открылся VII экстренный съезд партии. Коллонтай получила слово 7 марта вечером на третьем заседании и произнесла пламенную речь против мира с кайзеровской Германией:

— Товарищи, этот мир, если он будет ратифицирован, едва ли будет представлять нечто большее, чем бумажку, которую подпишут обе стороны, с тем, чтобы ее не соблюдать… Может быть, товарищи, которые стоят за подписание мира, рассчитывают именно на то, чтобы в этот короткий промежуток времени передышки собрать силы и напасть на врага… Но я думаю, что сама жизнь не дает возможности этой передышки… Будет ли подписан мир или нет, но мы должны сказать, что сейчас уже началась другая война, определенная, ясная война белых и красных. Мы видим перед собой эту разрастающуюся войну, которая прежде всего выявилась в Финляндии и сейчас уже перекидывается в Швецию… Сейчас подписание мира явилось бы предательством перед Финляндией, перед той войной, какая там идет и которая перебрасывается, несомненно, в другие страны, потому что, как вы знаете, за белогвардейцами

Финляндии сейчас стоит Швеция… Мне пришлось в эту краткую неудачную поездку быть там, и Швеция уже открыто наступала на Аландские острова. Там уже чувствуется ясно дыхание этой нарастающей и крепнущей с каждым днем борьбы, новой войны красных и белых… Там даже ставился вопрос об аресте всей нашей делегации, — это, собственно, к делу не относится, но это характеризует настроение… Мы должны использовать этот момент, создавая интернациональную революционную армию. И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие. Это будет защита не отечества, а защита трудовой республики. Да здравствует революционная война!

С этими словами Александра Михайловна сошла с трибуны. Зал откликнулся аплодисментами. Но эта речь ей дорого обошлась. Ленин не включил ее в список членов ЦК, и она утратила высокий партийный пост.

При избрании в ЦК только Ленин и Троцкий не получили ни одного голоса против. Съезд изменил название партии. Российская социал-демократическая рабочая партия большевиков — сокращенно РСДРП(б) стала называться Российской коммунистической партией с добавлением в скобках «большевиков» — РКП(б).

Четырнадцатого марта созвали IV чрезвычайный съезд Советов. Он шел три дня. Многие видные большевики возмущались Брестским миром. Левые эсеры проголосовали против ратификации. В итоге: 785 голосов было отдано за ратификацию мира, 261 против, 215 делегатов воздержались. В знак протеста наркомы от партии левых эсеров вышли из правительства.

Дыбенко арестовали прямо во время работы съезда Советов по требованию комиссаров нарвских отрядов и его бывшего заместителя и друга Федора Раскольникова. Павла Ефимовича обвиняли в том, что он беспробудно пил и в таком состоянии сдал Нарву немцам. На защиту Дыбенко встала его жена. Она сражалась за него столь же безоглядно и решительно, как и против Брестского мира на VII съезде партии и IV съезде Советов.

Восемнадцатого марта представитель французской военной миссии в России Жак Садуль встретил Александру Михайловну возле гостиницы «Националь». «Остановившись перед тележкой, она покупала какие-то фрукты, — писал он. — За последние два месяца она постарела лет на десять. Государственные заботы или ее замужество с суровым Дыбенко? Сегодня она мне кажется особенно уставшей и отчаявшейся.

Очень волнуясь, она рассказывает, что накануне был арестован ее муж, совершенно беззаконным образом, по

чудовищному обвинению, которое грозит ему расстрелом с судом или без суда в самое кратчайшее время. Он содержится в Кремле, куда она собиралась отнести ему немного еды.

По ее мнению, настоящие причины ареста ее мужа таковы:

1) это — репрессивная мера Ленина против товарища, который посмел поднять пламя бунта. Это также способ запугать большевистских лидеров, которые вздумают последовать примеру наркома по морским делам и перейти в оппозицию;

2) это верный способ помешать Дыбенко уехать сегодня вечером на юг, где он должен был принять командование над новыми большевистскими частями.

Возглавив части, Дыбенко мог (по крайней мере, Ленин должен был этого опасаться, потому что хорошо знает активность и недисциплинированность Дыбенко) либо немедленно начать военные действия против немецких сил и разорвать мир, либо выступить на Москву и возглавить движение против большевистского большинства.

Коллонтай убеждена, что следствие, начатое против ее мужа, ничего не даст; с другой стороны, верные Дыбенко матросы направили Ленину и Троцкому ультиматум, извещающий, что, если через сорок восемь часов их дорогой нарком не будет им возвращен, они откроют огонь по Кремлю и начнут репрессии против отдельных лиц. Коллонтай могла бы быть совершенно спокойна, не опасайся она в какой-то степени, что ее мужа могут поспешно казнить в тюрьме».

Матросы действительно явились к Троцкому требовать освобождения Павла Ефимовича. Эту историю описал американский промышленник Арманд Хаммер, который в те годы часто бывал в России, надеясь наладить с большевиками выгодный бизнес.

Несколько сотен моряков, выкрикивая угрозы и проклятия, собрались во дворе здания, где работал Троцкий. Они жаждали его крови. Насмерть перепуганный секретарь вбежал в кабинет Льва Давидовича:

— Моряки хотят вас убить. Пока еще есть время, немедленно бегите через задний ход. Они не слушают часовых и клянутся, что повесят вас на фонарном столбе!

Храбрости Троцкому было не занимать. Он выскочил из-за стола и сбежал вниз по парадной лестнице:

— Вы хотите говорить с Троцким? Я здесь!

Он произнес речь, самым энергичным образом объяснив свою позицию относительно Дыбенко, которого считал дезертиром. Личность Троцкого, его речи обладали такой магической силой, вспоминал Хаммер, что моряки успокоились и даже устроили ему

триумфальный прием…

Дыбенко должен был судить Революционный трибунал при ВЦИКе. Обвинителем вызвался быть его недавний коллега из Наркомата по военным и морским делам, бывший Верховный главнокомандующий Николай Крыленко, которого Ленин убрал из армии. Крыленко уже вполне вошел в роль прокурора и относился к Дыбенко как к особо опасному преступнику, а Коллонтай воспринимал как соучастницу преступления.

Александра Михайловна писала Дыбенко в тюрьму: «Вся душа моя, сердце, мысли мои, всё с тобою и для тебя, мой ненаглядный, мой безгранично любимый. Знай — жить я могу и буду только с тобой, — без тебя жизнь мертва, невыносима… Будь горд и уверен в себе, ты можешь высоко держать голову, никогда клевета не запятнает твоего красивого, чистого, благородного облика…»

Коллонтай ради Дыбенко рискнула всем. Не зря мужчины влюблялись в нее без памяти. В политике Александра Михайловна оставалась такой же неукротимой и независимой. На третий день после ратификации мирного договора с кайзеровской Германией Александра Михайловна в знак протеста вышла из состава правительства и подала в отставку с поста наркома государственного призрения.

Она проработала в правительстве всего четыре месяца. Немногим политикам удавалось за столь короткий срок сделать так много.

Июльский мятеж

Такой же яростной противницей мира с немцами была другая женщина русской революции, чья фамилия не раз встречается в записках Коллонтай: Мария Александровна Спиридонова, которую в 1917 году называли самой популярной и влиятельной женщиной в России.

Начиная с того январского дореволюционного дня 1906 года, когда Спиридонова выстрелила в царского чиновника, и до 11 сентября 1941 года, когда ее расстреляет комендант Орловского областного управления Наркомата внутренних дел, она проведет на свободе всего два года. Практически всю взрослую жизнь ей было суждено оставаться за решеткой. Менялись режимы, вожди и тюремщики, но власть предпочитала держать ее в камере.

Вот главный вопрос: знай она наперед свою трагическую судьбу, взялась бы она в тот январский день исполнить поручение боевой организации тамбовских социалистов-революционеров?

Похоже, да. Страх за свою судьбу ее бы точно не остановил. Неукротимый темперамент, обостренное чувство справедливости, железный характер определили ее жизнь. У нее не раз была возможность спастись, но она упрямо двигалась по избранному в юности пути, который закончился выстрелом в затылок.

Шестнадцатого января 1906 года в город Борисоглебск в сопровождении большой охраны прибыл советник Тамбовского губернского управления Гавриил Николаевич Луженовский. Он исполнял особое поручение тамбовского губернатора — с помощью казаков беспощадно усмирял крестьянские бунты. Он знал, что революционеры охотятся за ним, поэтому вышел из поезда в окружении казаков и полиции. Они оградили его со всех сторон, но не обратили внимания на юную девушку. Это была гимназистка седьмого класса дворянка Мария Спиридонова, член тамбовской эсеровской боевой дружины. Она успела четыре раза выстрелить в Луженовского, прежде чем его охрана схватила ее.

«Обалделая охрана опомнилась, — писала партийцам Спиридонова, — вся платформа наполнилась казаками, раздались крики: «бей», «руби», «стреляй!» Когда я увидела сверкающие шашки, я решила, что тут пришел мой конец, и решила не даваться им живой в руки. Поднесла револьвер к виску, но оглушенная ударами, я упала на платформу. Потом за ногу потащили вниз по лестнице. Голова билась о ступеньки…»

Ее отвезли в местное полицейское управление, где началось следствие: «Пришел помощник пристава Жданов и казачий офицер Абрамов. Они велели раздеть меня донага и не велели топить мерзлую и без того камеру. Раздетую, страшно ругаясь, били нагайками. Один глаз у меня ничего не видел, и правая часть лица была страшно разбита. Они нажимали на нее и спрашивали:

— Больно? Ну, скажи, кто твои товарищи?»

Самое страшное ее ждало в вагоне ночного поезда, которым ее срочно отправили в Тамбов, в жандармское управление: «Холодно, темно. Грубая брань Абрамова висела в воздухе. Чувствуется дыхание смерти. Даже казакам жутко. Брежу: воды — воды нет. Офицер увел меня в купе. Он пьян, руки обнимают меня, расстегивают, пьяные губы шепчут гадко: «Какая атласная грудь, какое изящное тело…».

Когда об этом стало известно, эсеры отомстили насильникам.

Начальнику Тамбовского губернского жандармского управления полковнику Семенову доложили, что «около 12 часов ночи в городе Борисоглебске при выходе из квартиры девиц Ефимовых тремя выстрелами из револьвера убит подъесаул 21-й Донской сотни Петр Федорович Абрамов. Убийца не обнаружен».

Казнили и второго мучителя — бывшего помощника пристава 2-й части полиции Тамбова Тихона Саввича Жданова. Спасая свою жизнь, он хотел уехать из города, да не успел.

«Не надо больше! — писала товарищам Спиридонова. — Я могу снести очень многое; я могу выдержать новые пытки, я не боюсь никаких мучений и лишений. Я скажу только: «Пусть!.. Мы все-таки победили!» И эта мысль будет делать меня неуязвимой».

Симпатии многих были на стороне Спиридоновой. Даже часовые, охранявшие камеру, тайно носили ее письма сестре. Та передавала их в газеты. О Спиридоновой узнала вся страна. Многие ей сочувствовали.

«Террор созревал в долгие годы бесправия, — считал писатель и публицист Владимир Галактионович Короленко. — Наиболее чуткие части русского общества слишком долго дышали воздухом подполья и тюрем, питаясь оторванными от жизни мечтами и ненавистью».

Накануне суда Спиридонова писала: «11 марта суд и смерть. Осталось прожить несколько дней. Настроение у меня бодрое, спокойное и даже веселое, чувствую себя счастливой умереть за святое дело народного освобождения. Прощайте, дорогие друзья, желаю жить в счастливой, освобожденной вашими руками, руками рабочих и крестьян, стране. Крепко жму ваши руки».

На суде она объяснила причины, по которым стреляла в Луженовского. Партия социалистов-революционеров считала своим долгом вступиться за крестьян, которых усмиряли нагайками, пороли и вешали. Мария Спиридонова сама вызвалась остановить одного из палачей.

Первым эсеры убили тамбовского вице-губернатора Николая Евгеньевича Богдановича. Потом Спиридонова застрелила Луженовского. И, наконец, эсеры достали и самого губернатора — Владимира Федоровича фон дер Лауница, который за проявленную им жестокость уже получил повышение и был переведен в столицу.

«Я взялась за выполнение приговора, — объясняла судьям Спиридонова, — потому что сердце рвалось от боли, стыдно и тяжко было жить, слыша, что происходит в деревнях после Луженовского, который был воплощением зла, произвола, насилия. А когда мне пришлось встретиться с мужиками, сошедшими с ума от истязаний, когда я увидела безумную старуху-мать, у которой пятнадцатилетняя красавица-дочь бросилась в прорубь после казацких «ласк», то никакая перспектива страшнейших мучений не могла бы остановить меня от выполнения задуманного».

Спиридонову приговорили к смертной казни через

повешение, но потом заменили казнь бессрочной каторгой. У нее открылось кровохарканье, как тогда говорили. Врачи составили заключение, что она нуждается в лечении, но ее отправили на Нерчинскую каторгу. Когда Спиридонову везли по этапу, ее встречали толпы. На одной станции монашка поднесла ей букет с запиской: «Страдалице-пташке от монашек».

«Заброшенная вглубь Забайкалья, отданная на полный произвол обиженной богом и людьми военщины, Нерчинская каторга, кажется, самая древняя из русских каторг, — вспоминала Спиридонова. — Каждое бревно в тюремной постройке, облипшее заразой, грязью, клоповником и брызгами крови от розог, свидетельствовало о безмерном страдании человека. Иссеченный розгами, приходя к фельдшеру с просьбой полечить страшно загноившуюся от врезавшихся колючек спину, получал в ответ: «Не для того пороли». Политические заключенные от отчаяния принимали яд или разбивали себе голову об стену».

Спиридонова провела на каторге 11 лет. Ее освободила Февральская революция. У нее неожиданно открылись ораторские и организаторские способности. Когда она выступала, в ее словах звучали истерические нотки. Но в революцию такой накал страстей казался естественным.

В октябре 1917 года партия социалистов-революционеров раскололась. Правые эсеры выступили против захвата власти большевиками. Левые эсеры поддержали Ленина, вошли в правительство, заняли важные посты в армии и ВЧК. Именно Мария Спиридонова стала вождем левых эсеров.

Первое время Ленин дорожил союзом с левыми эсерами, которых поддерживало крестьянство. У них были крепкие позиции на местах. Но это сотрудничество постепенно сходило на нет, потому что эсеры всё больше расходились с большевиками. Большевики не хотели раздавать землю крестьянам и создавали в деревне комитеты бедноты, которые просто грабили зажиточных крестьян.

Окончательный раскол произошел из-за сепаратного мира с Германией. Брестский мир, с одной стороны, спас правительство большевиков, с другой — настроил против них пол-России. Спиридонова поначалу была сторонницей немедленного мира с немцами. Потом, когда немецкие войска двинулись вперед, ее мнение изменилось. Левые эсеры провели свой съезд и потребовали расторжения Брестского договора, считая, что он душит мировую революцию.

Четвертого июля 1918 года в Большом театре открылся V Всероссийский съезд Советов. Председательствовал на нем Яков Михайлович Свердлов. Настроения в зале были

антибольшевистские. Они усилились, когда выступил представитель Украины, который сказал, что украинцы уже восстали против германских оккупационных войск, и призвал революционную Россию прийти им на помощь.

«Неистовое негодование, возмущение, — писал присутствовавший на съезде французский капитан Жак Садуль, — особенно заметно на скамьях левых эсеров, расположенных справа от президиума. Крики «Долой Брест!», «Долой Мирбаха!», «Долой германских прислужников!» раздаются со всех сторон. Дипломатической ложе грозят кулаками. В течение дня Троцкий произносит две речи. Он устал и нервничает. Его голос перекрывают выкрики левых эсеров, которые обзывают его Керенским и лакеем Мирбаха…»

Лев Троцкий уже ушел в отставку с поста наркома по иностранным делам и возглавил Красную армию, которую еще предстояло сформировать. Он лучше других знал, что военный конфликт с германской армией смертельно опасен для советской власти. Троцкий потребовал расстреливать всех, кто ведет враждебные действия на демаркационной линии с немцами: раз подписали мир, не надо их провоцировать.

Эсеры, требовавшие продолжения войны с Германией, приняли слова Троцкого на свой счет. С револьвером на боку член ЦК партии эсеров Борис Давидович Камков, заместитель председателя ВЦИКа, обрушился с бранью на немецкого посла графа Вильгельма Мирбаха и назвал большевиков «лакеями германского империализма».

Борис Камков, отражая настроения эсеров, которые были крестьянской партией, пригрозил большевикам:

— Ваши продотряды и ваши комбеды мы выбросим из деревни за шиворот.

Посол Мирбах был влиятельным человеком в Москве. От него многое зависело.

«На Украине находились немцы, — вспоминал один бывший офицер, намеревавшийся уехать в Киев, — пропуск получить можно было у германского посла в Москве графа Мирбаха. В мае я отправился в Москву. Перед германским консульством были большие толпы желавших получить пропуск на Украину. Я записался в очередь и уехал опять в Рыбинск, так как моя очередь могла быть в июне — через месяц».

Эсеры решили сорвать исполнение подписанного в Брест-Литовске мирного договора. Действовали привычными методами.

Руководителю московских эсеров, члену ЦК партии и ВЦИКа Анастасии Алексеевне Биценко поручили организовать громкий теракт. Крестьянская дочь, она сумела окончить гимназию. Как и

Мария Спиридонова, вступила в боевую организацию эсеров. Вышла замуж, но бросила мужа во имя революции.

Во время первой русской революции в Саратов для усмирения крестьян командировали генерал-адъютанта Виктора Викторовича Сахарова. Он остановился в доме губернатора, которым был тогда Столыпин. Биценко пришла туда и попросила аудиенции. Она смело протянула Сахарову вынесенный ему эсерами смертный приговор, дала время прочитать и всадила в него четыре пули.

«Психологически максимализм как-то породнился с анархическими устремлениями бунтующей души русского человека и был противоположностью осторожности и умеренности европейского человека», — считал боровшийся с эсерами Александр Павлович Мартынов, глава Московского охранного отделения.

Анастасию Биценко приговорили к смертной казни, которую заменили вечной каторгой. Наказание она отбывала в одной тюрьме со Спиридоновой. После революции Анастасию Алексеевну включили в состав делегации, которая в Брест-Литовске вела переговоры с немцами о мире. В Бресте с особым интересом разглядывали террористку. «Она словно ищет очередную жертву», — с мрачным юмором отметил в дневнике австрийский дипломат граф Оттокар Чернин.

Шестого июля 1918 года несколько членов ЦК партии эсеров демонстративно покинули Большой театр, где шел съезд Советов, и собрались в штабе отряда ВЧК в Покровских казармах в Большом Трехсвятительском переулке.

В тот же день Анастасия Биценко передала сотрудникам ВЧК эсерам Якову Блюмкину и Николаю Андрееву бомбы. Имя их изготовителя держалось тогда в особом секрете. А это был Яков Моисеевич Фишман, будущий начальник Военно-химического управления Красной армии. В царское время он бежал с каторги, уехал за границу и окончил химический факультет в Италии.

В два часа дня Блюмкин и Андреев на машине прибыли в германское посольство. Они предъявили мандат с подписью Феликса Эдмундовича Дзержинского и печатью ВЧК и потребовали встречи с послом Мирбахом…

Подпись Дзержинского на мандате, который Блюмкин предъявил в посольстве, была поддельной, а печать подлинной. Ее приложил к мандату заместитель председателя ВЧК Вячеслав Александрович Александрович (настоящая фамилия — Дмитриевский), левый эсер, которого уважали за порядочность и честность. Он был абсолютно бескорыстным человеком, мечтал о мировой революции и всеобщем благе.

Дворянин по происхождению, он шесть лет провел на каторге, устраивал голодовки, тяжело болел, бежал, кочегаром на судне из Мурманска пришел в Норвегию, где в 1915 году познакомился с Коллонтай, и у них сложились очень близкие отношения. В эмиграции он жил под псевдонимом Пьер Оранж. Томился, жаловался Коллонтай:

— Не для того я бежал из Сибири, чтобы прозябать в благополучной Норвегии. Пусть сфабрикуют лишь паспорт. Я должен, понимаете, должен выполнить возложенное на меня поручение…

«Мы долго не знали, что он в буквальном смысле умирал с голода, — вспоминала Коллонтай, — он никогда не говорил о себе. При этом он первым шел на помощь нуждающимся товарищам, и его скромная комната служила пристанищем для всех, кто искал приюта или ночлега. Чтобы не быть в тягость, он поступил рабочим на завод. Рядом с ним за станком одно время работал беглый иеромонах Илиодор. Но Александрович не подавал руки бывшему погромщику».

Илиодор (Сергей Михайлович Труфанов), один из идеологов Союза русского народа, занимавшийся изгнанием бесов, неожиданно бежал из России, отрекся от своих прежних взглядов, а после Октябрьской революции даже обратился к Ленину с просьбой его принять, чтобы он мог участвовать в «коммунистическом переустройстве жизни»…

Вячеслав Александрович с фальшивым паспортом на имя Федора Темичева летом 1916 года вернулся в Россию. «Крепко сложенная фигура небольшого роста, — таким его запомнил современник. — Продолговатая сплошь лысая голова с торчащей шишкой. Жесткие черные усики, недобрые глаза». В 1917 году его избрали в исполком Петроградского совета от левых эсеров и членом ВЦИКа. От партии левых эсеров назначили заместителем Дзержинского в ВЧК.

Феликс Эдмундович объяснял после мятежа: «Права его были такие же, как и мои. Он имел право подписывать все бумаги и делать распоряжения вместо меня. У него хранилась большая печать… Александровичу я доверял вполне».

В аппарате ВЧК Вячеслав Александрович еще и руководил отделом «по борьбе с преступлениями по должности». Он имел большие полномочия, включая право на арест. Ему было поручено: «Принять самые решительные меры для очищения рядов Советской власти от провокаторов, взяточников, авантюристов, всевозможных бездарностей, лиц с темным прошлым, с злоупотреблением властью, превышением власти и бездействием власти…»

Назначение оказалось неудачным, это была работа не для Александровича.

«Каждая встреча с ним убеждала меня, что в его душе разыгрывается темная трагедия, — вспоминала Коллонтай. — То, что творилось в ВЧК, шло резко и вразрез с убеждениями революционера, ненавидевшего страстно, непримиримо «сыск» и всё, что пахло «полицейщиной» и административным насилием…

Чем заметнее становилось противоречие между тем делом, которое изо дня в день творили Александрович и его сотрудники, и его принципами и убеждениями, тем громче требовала его революционная совесть «очищения» и искупления… В таком состоянии люди идут только на самоубийство либо на акт величайшего самопожертвования… Взрыв во дворце Мирбаха должен был быть сигналом для все еще медлящих пролетариев Германии и Австрии».

Вячеслав Александрович не только заверил печатью поддельный мандат Блюмкина и Андреева, но и написал записку в гараж ВЧК, чтобы им выделили автомобиль.

Граф Вильгельм Мирбах возглавил в Москве германо-австрийскую миссию, когда еще только начались мирные переговоры. После заключения мира и установления дипломатических отношений граф Мирбах был назначен послом. Посольство Германии обосновалось в доме 5 по Денежному переулку. Мирбаху несколько раз угрожали, и появление в посольстве сотрудников ВЧК он воспринял как запоздалую реакцию советских властей. Посол принял чекистов в малой гостиной.

Яков Блюмкин был очень молодым человеком. К левым эсерам он присоединился в 17 лет, после Февральской революции. В июне 1918 года его утвердили начальником отделения ВЧК по противодействию германскому шпионажу. Но меньше чем через месяц — после Брестского мира — отделение ликвидировали: какая борьба с германским шпионажем, когда у нас с немцами мир?

«Я беседовал с ним, смотрел ему в глаза, — рассказывал потом Блюмкин, — и говорил себе: я должен убить этого человека. В моем портфеле среди бумаг лежал браунинг. «Получите, — сказал я, — вот бумаги», — и выстрелил в упор. Раненый Мирбах побежал через большую гостиную, его секретарь рухнул за кресло. В большой гостиной Мирбах упал, и тогда я бросил гранату на мраморный пол…»

Убийство посла стало сигналом к восстанию. Левые эсеры располагали вооруженными отрядами в Москве и считали, что вполне могут взять власть. Они всё еще считали себя самой

популярной партией в крестьянской России. На выборах в Учредительное собрание деревня голосовала за эсеров, которые обещали дать им землю. На выборах в Советы им достались голоса почти всех крестьян.

Через час Ленин позвонил Дзержинскому и сообщил об убийстве германского посла: ВЧК не была тогда еще такой всевластной организацией и многие новости узнавала со стороны. После подавления эсеровского мятежа было проведено следствие, в связи с чем Дзержинский временно сложил с себя полномочия председателя ВЧК, которые решением правительства вернут ему в августе.

По указанию Ленина допросили и самого Феликса Эдмундовича: он тоже попал под подозрение, поскольку в мятеже участвовали его подчиненные. И кроме того, как он умудрился проморгать, что на его глазах готовится убийство немецкого посла и зреет заговор?

«Приблизительно в середине июня, — рассказал Дзержинский на допросе, — мною были получены сведения, исходящие из германского посольства, подтверждающие слухи о готовящемся покушении на жизнь членов германского посольства и о заговоре против Советской власти.

Это дело мною было передано для расследования товарищам Петерсу и Лацису. Предпринятые комиссией обыски ничего не обнаружили. В конце июня мне был передан новый материал о готовящихся заговорах… Я пришел к убеждению, что кто-то шантажирует нас и германское посольство».

А что делал Дзержинский в день мятежа?

«Сведения об убийстве графа Мирбаха я получил около трех часов дня от Председателя Совета Народных Комиссаров по прямому проводу. Сейчас же поехал в посольство с отрядом, следователями и комиссаром, для организации поимки убийц. Лейтенант Миллер встретил меня громким упреком: «Что вы теперь скажете, господин Дзержинский?» Мне показана была бумага-удостоверение, подписанное моей фамилией…»

Дзержинский поспешил в кавалерийский отряд ВЧК, располагавшийся в Большом Трехсвятительском переулке. Отрядом командовал эсер Дмитрий Иванович Попов, сослуживец Павла Дыбенко по Балтийскому флоту, член ВЦИКа. В декабре 1917 года он принял под командование отряд при президиуме ВЧК. В начале июля Попов заболел, отлеживался в деревне под Москвой. 5 июля Александрович отправил за ним автомобиль.

В штабе Попова собрались члены ЦК партии эсеров.

«Я с тремя товарищами поехал в отряд, чтобы узнать правду и арестовать Блюмкина, — рассказывал Дзержинский. — В комнате

штаба было около десяти — двенадцати матросов. Попов в комнату явился только после того, как мы были обезоружены, стал бросать обвинения, что наши декреты пишутся по приказу «его сиятельства графа Мирбаха»…»

Дзержинский требовал выдать Блюмкина, угрожал:

— За голову Мирбаха ответит своей головой весь ваш ЦК.

Левые эсеры отказались выдать Блюмкина и Андреева. Член ЦК партии левых эсеров Владимир Александрович Карелин, недавний нарком имуществ (ушел в отставку в знак протеста против Брестского мира), предложил разоружить охрану Дзержинского, которая не стала сопротивляться. Александрович сказал председателю ВЧК:

— По постановлению ЦК партии левых эсеров объявляю вас арестованным.

Вечером Александрович приехал в здание ВЧК и распорядился арестовать Мартына Ивановича Лациса, которого отправил в отряд Попова. Лацис (Ян Судрабс) был членом коллегии ВЧК и заведовал отделом по борьбе с контрреволюцией. Лациса матросы хотели расстрелять. Александрович его спас. Распорядился:

— Убивать не надо, отправьте подальше.

Оставшись без председателя, подчиненные Дзержинского не знали, что делать. В критической ситуации, когда речь шла о судьбе большевиков, чекисты растерялись.

Ликвидацию мятежа взял на себя нарком по военным и морским делам Лев Троцкий. Под предлогом проведения совещания из Большого театра вывели всех делегатов съезда Советов, кроме левых эсеров.

«К восьми часам вечера, — писал Жак Садуль, — в зале, не считая нескольких журналистов, остаются только делегаты левых эсеров и их сторонники. Театр окружен красноармейцами. Выходы охраняются…

Большевики проявили хладнокровие, замечательную быстроту в принятии решений, задержав в этом зале почти всех делегатов и большинство лидеров эсеров, в том числе и Спиридонову. Они завладели драгоценными заложниками и оставили эсеров без их самых самоотверженных агитаторов. Делегаты чувствуют, что они в руках безжалостного противника. В пустом на три четверти зале, который кажется темным при ярком свете люстр, левые эсеры принимают решение организовать митинг. Председательствует Спиридонова.

Стоя, все, как один, низкими голосами они поют похоронный марш, затем «Интернационал», потом другие революционные песни, пронзительно грустные. Вскоре, однако, эти молодые,

готовые бороться, пылкие люди берут себя в руки. Их охватывает чуть нервное веселье. Ораторы произносят проникновенные или юмористические речи…»

Левые эсеры захватили телеграф и телефонную станцию, напечатали свои листовки. Военные, присоединившиеся к левым эсерам, предлагали взять Кремль штурмом, пока у восставших перевес в силах. Но руководители эсеров действовали нерешительно, потому что боялись, что схватка с большевиками пойдет на пользу мировой буржуазии.

Они исходили из того, что без поддержки мировой революции в России подлинный социализм не построить. Левые эсеры всерьез полагали, что смогут развернуть революционное движение в Германии. Мария Спиридонова, объясняя, что Брестский мир задержал германскую революцию на полгода, писала Ленину: «В июле мы не свергали большевиков, мы хотели одного — террористический акт мирового значения, протест на весь мир против удушения нашей Революции. Не мятеж, а полустихийная самозащита, вооруженное сопротивление при аресте. И только».

Сравнительно пассивная позиция эсеров позволила большевикам взять инициативу в свои руки. Троцкий вызвал из-под Москвы два латышских полка, верных большевикам, подтянул броневики и утром 7 июля приказал обстрелять штаб Попова из артиллерийских орудий. Через несколько часов левым социалистам-революционерам пришлось сложить оружие. К вечеру мятеж был подавлен.

Убийцы немецкого посла Яков Блюмкин и Николай Андреев бежали на Украину, где левые эсеры тоже действовали активно. Блюмкин же принимал участие в неудачной попытке уничтожить главу Украинской державы гетмана Павла Петровича Скоропадского.

Член Всероссийской боевой организации партии эсеров-максималистов Борис Михайлович Донской 30 июля 1918 года убил в Киеве командующего германскими оккупационными войсками генерал-фельдмаршала Германа фон Эйхгорна. Всех причастных к теракту немецкий военно-полевой суд приговорил к повешению.

Смертный приговор соратнице Донского, террористке Ирине Константиновне Каховской должен был утвердить кайзер. (Ирина Каховская окончила в Петербурге Мариинский институт и Женский педагогический институт. В первую русскую революцию присоединилась к эсерам-максималистам.) Пока ждали ответ из Берлина, Ирина Каховская бежала из Лукьянове кой тюрьмы. Она же готовила убийство главнокомандующего белой армией

генерала Антона Ивановича Деникина, но всю ее боевую группу свалил сыпной тиф. Покушение сорвалось. Если бы в 1918 году эсеры убили генерала Деникина, кто знает, может быть, Гражданская война не приобрела бы такого размаха…

Николай Андреев заболел на Украине сыпным тифом и умер. Яков Блюмкин весной 1919-го вернулся в Москву и пришел с повинной в ВЧК.

На суде Блюмкин объяснил, почему он убил Мирбаха: «Я противник сепаратного мира с Германией и думаю, что мы обязаны сорвать этот постыдный для России мир… Но кроме общих и принципиальных побуждений на этот акт толкают меня и другие побуждения. Черносотенцы-антисемиты с начала войны обвиняли евреев в германофильстве, а сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей и социалист взял на себя свершение акта, являющегося этим протестом».

Брестский мир был уже забыт, в Германии произошла революция, левые эсеры были подавлены, о графе Мирбахе никто не сожалел. 19 мая 1919 года президиум ВЦИКа реабилитировал Блюмкина. Он служил на Южном фронте, учился в Военной академии РККА и работал в секретариате наркома по военным и морским делам Троцкого. В 1923 году его вернули в органы госбезопасности. На сей раз определили в иностранный отдел ОГПУ, то есть в разведку…

Командир эсеровского отряда Дмитрий Попов после подавления мятежа несколько месяцев скрывался в Москве. В конце 1918 года по поручению ЦК своей партии уехал в Харьков. Под другой фамилией служил на Украине в Красной армии. В 1919 году вступил в партию анархистов и присоединился к Нестору Махно, стал у Нестора Ивановича членом Реввоенсовета армии. Осенью 1920 года Махно поручил ему вести переговоры с большевиками о совместных действиях против белой армии генерала П. Н. Врангеля.

В удобный момент чекисты арестовали Попова и отправили в Москву. На Лубянке его допрашивали — и не только относительно июльских событий. Мартын Лацис передал следователю указание Дзержинского: «Попова держать до более подходящего момента, до ликвидации Махно, выжимая из него все сведения». Весной 1921 года его расстреляли. Уже в наши дни Генеральная прокуратура России установила: «Материалов о преступной деятельности Попова, которая бы повлекла за собой высшую меру социальной защиты (расстрел), в деле не имеется.

На Попова Дмитрия Ивановича распространяется действие закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Дзержинский приказал найти и арестовать его заместителя Вячеслава Александровича. Его сразу же, днем 7 июля, допросили. Он заявил:

— Всё, что я сделал, я сделал согласно постановлению Центрального комитета партии левых социалистов-революционеров. Отвечать на задаваемые мне вопросы я считаю морально недопустимым и отказываюсь.

Три следователя ВЧК тут же составили заключение по его делу. Вечером 7 июля смертный приговор был утвержден. Через день, в ночь на 9 июля, его расстреляли. Дзержинский очень торопился. Думал, видимо, что придется освободить Александровича, но не хотел этого.

Коллонтай пыталась вступиться за «Славушку». Но Дзержинский сказал, что его уже расстреляли, как и еще 12 чекистов из отряда Дмитрия Попова.

Александра Михайловна записала в дневнике: «Провела бессонную ночь. Нет больше нашего Славушки. Ведь он безумно хотел своим выстрелом разбудить немецкий пролетариат от пассивности и развязать революцию в Германии… Под утро мы вышли на улицу. Светлая, бело-сизая ночь, любимая ночь в любимейшем городе, переходила в день, но Славушки уже нет и не будет. Милый мой Исаакиевский собор. Зеленый скверик. Пока пустынно. Скоро город заполнится спешащими по делам людьми. Кто и что для них Славушка? А ведь он жил и страдал за них!»

Коллонтай написала об Александровиче статью в «Правду»: «Даже Троцкий признал, что Александрович умер мужественной смертью как истинный революционер. Значит, есть что-то, что заставляет склонить голову перед его светлой памятью…

Его заветная мечта сбылась: он умирал, как не раз говорил мне, с верой, что гибнет за свои принципы… Пусть мы и осуждаем террор, но моральный облик тех, кто беззаветно, во имя идеи интернациональной солидарности и ускорения мировой революции, пожертвовал собою, остается чистым и незапятнанным. Такие бойцы навсегда с нами». Статью не опубликовали.

В 1998 году Вячеслава Александровича Александровича реабилитировали. Генеральная прокуратура России установила: «Доказательств совершения Александровичем каких-либо противоправных действий против советской власти и революции в деле не имеется. Сведений о подготовке террористического акта над Мирбахом Александрович не имел, а заверение удостоверения от имени Дзержинского, дающее полномочия

Блюмкину и Андрееву на аудиенцию у посла Мирбаха, не может служить основанием для привлечения Александровича к уголовной ответственности и его осуждению».

Июльский мятеж 1918 года имел трагические последствия. Социалисты-революционеры были изгнаны из политики и из государственного аппарата и уже не имели возможности влиять на судьбы страны, российское крестьянство лишилось своих защитников. Позднее, уже при Сталине, всех видных эсеров уничтожили.

Но поначалу Мария Спиридонова верила, что партию еще можно будет восстановить. Писала единомышленникам: «Задачи партии, дорогие товарищи, всё усложняются и становятся почти грандиозными. Заново создать партию, разгромленную большевистским террором… Организация крестьянства под нашими лозунгами, во главе с нашей партией — неотложная задача, так как крестьянство опять на положении эксплуатируемого угнетенного раба, только в другом виде…»

Спиридонова взяла на себя ответственность за убийство германского посла. Характерно, что кляла она себя за непредусмотрительность, за недальновидность, за то, что поставила под удар партию, а вовсе не за то, что приказала убить невинного человека. А ведь была разница между выстрелом в немецкого посла и убийством советника Луженовского.

В любом случае казнь без приговора суда — преступление. Но царского чиновника, в которого стреляла она сама, многие справедливо называли палачом. Оправдывали ее теракт тем, что о правосудии в ту пору не могло быть и речи — чиновник исполнял высшую волю. Остановить его можно было только пулей… Но немецкий посол не совершал никаких преступлений! Его убили по политическим соображениям, и Спиридонова считала это справедливым. Она тоже была отравлена этим ядом. Придет время, и ее убьют во имя политической целесообразности.

Двадцать седьмого ноября 1918 года революционный трибунал, учитывая ее «особые заслуги перед революцией», приговорил ее к году тюремного заключения. Через два дня президиум ВЦИКа ее амнистировал. К левым эсерам отнеслись тогда достаточно снисходительно. Они думали, что Ленин испытывает к ним симпатию, помня о старшем брате-эсере Александре, повешенном в 1887 году за покушение на императора Александра III.

Возможно, эсеры переоценивали степень симпатии к ним Ленина. За Спиридоновой была установлена слежка. Она выступала перед рабочими московских заводов. Агенты ВЧК записывали каждое ее слово:

— Большевики — изменники по отношению к крестьянам. В большевистских коммунах крестьянин будет наемником у государства. Мы будем бороться против комитетов бедноты. В них вошли хулиганы, отбросы деревни, которые могут реквизировать каждый фунт спрятанной муки. В Нижегородской губернии вспыхнуло восстание, там всех запугали. Женщины боялись ставить на стол горшок со щами, ибо комитеты бедноты могли увидеть, что сварено. Только большевикам все привилегии. Им и карточки на калоши.

На основании агентурных материалов следственная комиссия ВЧК вынесла заключение: Спиридонова клевещет на советскую власть и коммунистическую партию.

В начале 1919 года ее вновь арестовали. Ее дело разбирал Московский революционный трибунал. Процесс открылся 24 февраля и продолжался один день. Обвинителем назначили председателя Моссовета Петра Гермогеновича Смидовича. Свидетелем обвинения выступал Николай Иванович Бухарин. Ни защитника, ни свидетелей защиты на заседание не пригласили.

Бухарин говорил о «погромном, антисоветском характере» выступлений Спиридоновой, объясняя их чрезвычайной неуравновешенностью ее психической структуры. Сама Спиридонова — честный человек, но она считает советскую власть и большевиков самым страшным злом в мире и ее речи опасны, потому что «недовольный элемент впитывает ее речи как губка».

Обвинитель Петр Смидович обратил внимание на то, что левые эсеры дискредитируют себя и теряют влияние, поэтому «опасности для Советской власти здесь нет и быть не может». Выступления Спиридоновой продиктованы еще и личными мотивами, скажем, неприязнью к Троцкому, которого она называла шкурником и обозником.

— Товарищ Троцкий на фронте всегда впереди, — вступился за председателя Реввоенсовета Республики Смидович, — он знает, что такое тыл и что такое фронт. Он всегда под огнем. Я видел, когда около него разорвался снаряд, он не обращал на него внимания…

Смидович просил трибунал на некоторое время избавить советскую власть от Спиридоновой:

— Для меня важно, чтобы была гарантия того, что это не вернется опять, не встанет перед нами.

Он просил дать Спиридоновой «восемь месяцев такого удаления, которое бы соответствовало тюремному удалению, чтобы в продолжение восьми месяцев с этим препятствием нам не пришлось встретиться».

Трибунал признал Спиридонову виновной в клевете на советскую власть, дискредитации власти, что означает помощь контрреволюционерам, и вынес приговор: «Изолировать Марию Александровну Спиридонову от политической и общественной жизни сроком на один год посредством заключения Спиридоновой в санаторию с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда».

Насчет санатория — это была, надо понимать, шутка. Ее держали в казарме, где размещалась охрана Кремля.

«Я живу в узеньком закутке при караульном помещении, где находится сто — сто тридцать красноармейцев, — рассказывала Спиридонова. — Грязь, шум, гам, свист, нечаянная стрельба, стук и всё прочее, сопутствующее день и ночь бодрствующей караульной казарме».

Александра Коллонтай пыталась ей помочь. Она записала в дневнике: «На днях ездила хлопотать о Марии Спиридоновой. Была у Дзержинского, Якова Михайловича (Свердлова) и Каменева. Каменев признал, что ее держали в ужасных условиях (в караульном помещении, в холоде. Уборная общая с солдатами). Дзержинский сказал, что ее перевели в Кремль. В больницу…»

Коллонтай поделилась своими переживаниями со старым большевиком Давидом Борисовичем Рязановым, будущим основателем и директором Института Маркса и Энгельса. Он тоже протестовал против репрессий, которые считал несовместимыми с революционными идеалами. Рязанов возмущался:

— Как я буду сражаться с нашими политическими противниками, если знаю, что после их выступления их арестуют? А мне отвечают: «Иначе нельзя, период Гражданской войны. Надо быть беспощадными с врагами…»

Александра Коллонтай записала в дневнике: «Да все ли сознательные враги? Ведь еще много, что можно «отсеять» и включить в наш же, большевистский улов!.. И об эсеровках, которых арестовали, а их дети — малыши — одни остались в квартире. И все боятся к ним пойти — думают засада…»

Хлопоты Александры Михайловны успеха не принесли.

В конце марта 1919 года ЦК партии левых эсеров принял решение организовать Спиридоновой побег. 2 апреля один из сотрудников ВЧК, молодой крестьянский парень, вывел ее из кремлевской тюрьмы. Она стала жить в Москве под чужой фамилией, но чекисты ее нашли и арестовали.

«Большевики готовят мне какую-то особенную гадость, — сообщала друзьям Спиридонова. — Кое-какие отрывки сведений,

имеющихся у меня из сфер, заставляют меня предполагать что-нибудь особо иезуитское. Объявят, как Чаадаева, сумасшедшей, посадят в психиатрическую лечебницу и так далее — вообще что-нибудь в этом роде».

Это была идея Дзержинского, который приказал начальнику секретного отдела ВЧК Тимофею Петровичу Самсонову договориться с Наркоматом здравоохранения: «Для помещения Спиридоновой в психиатрический дом, но с тем условием, чтобы ее оттуда не украли или не сбежала. Охрану и наблюдение надо было бы сорганизовать достаточную, но в замаскированном виде. Санатория должна быть такая, чтобы из нее трудно было бежать и по техническим условиям. Когда найдете таковую и наметите конкретный план, доложите мне».

Спиридонову действительно поместили в психиатрическую больницу с диагнозом: истерический психоз, состояние тяжелое, угрожающее жизни. Нет сомнения, что психика ее пострадала и она, несомненно, нуждалась во врачебной помощи. Но чекисты лечили ее своими методами. Эсеры были фактически поставлены вне закона: их судьбу решали закрытые инструкции госбезопасности.

Часть левых эсеров в 1920 году решила отказаться от борьбы с советской властью и призвала своих единомышленников вместе с большевиками сражаться против белого генерала Петра Врангеля и польской армии маршала Юзефа Пилсудского.

Лидер этой группы Исаак Захарович Штейнберг получил право создать Центральное организационное бюро партии левых эсеров. Штейнберг стал председателем бюро, Илья Юрьевич Баккал, недавний председатель фракции левых эсеров ВЦИКа, — секретарем.

Шестнадцатого сентября 1921 года политбюро согласилось отпустить Спиридонову под их поручительство. Штейнберг и Баккал подписали соответствующий документ: «Мы, нижеподписавшиеся, даем настоящую подписку секретному отделу ВЧК о том, что мы берем на свои поруки Марию Александровну Спиридонову, ручаясь за то, что она за время своего лечения никуда от ВЧК не скроется и за это же время никакой политической деятельностью заниматься не будет. О всяком новом местонахождении больной Спиридоновой мы обязуемся предварительно ставить в известность СО ВЧК».

Илью Баккала ГПУ в сентябре 1922 года выслало из страны. Он жил в Германии. В ноябре 1949 года чекисты до него добрались. Через 30 лет после того, как он перестал заниматься политикой, в апреле 1952 года, Особое совещание при Министерстве государственной безопасности СССР приговорило

его к десяти годам за «антисоветскую эсеровскую деятельность». Он умер в заключении. Посмертно реабилитирован.

Исаак Штейнберг несколько месяцев был наркомом юстиции, но вышел из правительства в знак протеста против расширения полномочий ВЧК. Он заявил Ленину:

— Для чего же создавали Народный комиссариат юстиции? Назвали бы его комиссариатом по социальному уничтожению, и дело с концом!

— Великолепная мысль, — мгновенно отозвался Ленин. — Это совершенно точно отражает положение. К несчастью, так назвать его мы не можем.

Штейнберг не выдержал и в 1923 году эмигрировал. Пытался отправить за границу и Спиридонову, но не удалось.

«Под честное слово» для ухода за больной Спиридоновой освободили Александру Адольфовну Измайлович. Дочь генерала, она состояла в эсеровском летучем боевом отряде Северной области, участвовала в неудачном двойном покушении на минского губернатора и полицмейстера 14 января 1906 года. Ее приговорили к смертной казни, но заменили казнь двадцатью годами каторги. Член ЦК партии левых эсеров и член ВЦИКа, член президиума ВЦИКа, она тоже была арестована после мятежа 6 июля 1918 года.

Больше со Спиридоновой они не расставались и вместе прошли свой путь…

Из всех женщин-политиков, которые вместе с Коллонтай олицетворяли русскую революцию, больше всего страданий выпало на долю Спиридоновой.

Она вышла замуж за товарища по партии Илью Андреевича Майорова, разработавшего эсеровский закон о земле. Родила сына. В 1930 году ей разрешили пройти курс лечения в Ялтинском туберкулезном санатории под присмотром местного отдела ОГПУ. Но с каждым годом положение Спиридоновой ухудшалось. Ее выслали в Самарканд. Оттуда вместе с мужем перевели в Башкирию. Она работала экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы Госбанка. И, наконец, последний арест — в феврале 1937 года. Тяжело больной женщине предъявили нелепое обвинение в подготовке терактов против руководителей Советской Башкирии.

Второго мая 1937 года следователь Башкирского республиканского НКВД написал рапорт своему начальнику: «Во время допроса обвиняемой Спиридоновой М. А. последняя отказалась отвечать на прямые вопросы по существу дела, наносила оскорбления по адресу следствия, называя меня балаганщиком и палачом… При нажиме на Спиридонову она

почти каждый раз бросает по моему адресу следующие эпитеты: «хорек, фашист, контрразведчик, сволочь» — о чем и ставлю вас в известность».

Приговор стандартный — 25 лет. Держали ее в Орловской тюрьме. Здесь провели остаток жизни многие лидеры эсеров, причем в неизмеримо худших условиях, чем те, что существовали в царских тюрьмах.

В ноябре 1937 года Мария Александровна Спиридонова отправила большое письмо своим мучителям. Она напоминала о том, что в царское время ее личное достоинство не задевалось. В первые годы советской власти старые большевики, включая Ленина, щадили ее, принимали меры, чтобы над ней по крайней мере не измывались.

Эсеры особенно болезненно воспринимали покушение на их личное достоинство. В царских тюрьмах многие совершали самоубийство в знак протеста против оскорблений. А что касается Спиридоновой, то страшная ночь в поезде не прошла бесследно. В революционные годы, пока была на свободе, Спиридонова не расставалась с браунингом, готовая пустить его в ход. Как-то призналась:

— Не могу допустить, чтобы кто-то на меня замахивался.

Она не выносила не только прямого насилия над собой, но и даже грубого прикосновения к своему телу. Однако же в сталинских застенках Марию Спиридонову сознательно унижали.

«Бывали дни, когда меня обыскивали по десять раз в день, — писала она. — Обыскивали, когда я шла на оправку и с оправки, на прогулку и с прогулки, на допрос и с допроса. Ни разу ничего не находили на мне, да и не для этого обыскивали. Чтобы избавиться от щупанья, которое практиковалось одной надзирательницей и приводило меня в бешенство, я орала во все горло, вырывалась и сопротивлялась, а надзиратель зажимал мне потной рукой рот, другой притискивал к надзирательнице, которая щупала меня и мои трусы; чтобы избавиться от этого безобразия и ряда других, мне пришлось голодать, так как иначе просто не представлялось возможности какого-либо самого жалкого существования. От этой голодовки я чуть не умерла…»

Жалобы были бесполезны. Никто не собирался их выслушивать. Она была врагом, подлежащим уничтожению. О расстреле Марии Спиридоновой и Варвары Яковлевой Александра Михайловна Коллонтай, в ту пору полпред в благополучной Швеции, ничего не знала. В газетах об этом не писали. Кто знал — молчал. А лишних вопросов Коллонтай уже давно не задавала.

Но мы забежали вперед.

В 1918 году Александра Михайловна добилась, чтобы Дыбенко выпустили под ее поручительство. Это посоветовал ей Троцкий:

— Возьмите его на поруки. Вам отдадут.

В газетах появилось сообщение, что они с Павлом Ефимовичем вступили в брак, хотя в реальности они так и не зарегистрировали свои отношения.

Через десять с лишним лет, уже будучи полпредом в Норвегии, она вспомнит эти дни: «Мы с Павлом в Лоскутной гостинице. Моя любовь к нему полна тревог за него. Мятежный он, недисциплинированный. Я вечно боюсь, что он натворит что-либо неумное, ненужное… Ночь. Павел поздно вернулся от товарищей, балтийских моряков. Неспокойные они тоже. Еще не поняли, что власть наша, готовы бунтовать.

Стук в дверь. Настойчиво-дробный звук.

Вскакиваю в испуге. Что это? Может, снова за Павлом?

И Павел вскочил, лицо нахмуренное. Вижу, что и у него те же мысли. Сердце мое стучит в висках, во всем теле… Не застегнуть платья.

— Кто там?

Спешу к двери сама. В дверях группа вооруженных матросов, огромные наганы, шапки на затылке… Пришли «отдышаться» к нам…»

Освободившись из заключения, Дыбенко с верными ему матросами уехал из Москвы. Коллонтай, которая гарантировала, что Павел Ефимович будет приходить на допросы, оказалась в дурацком положении.

Ее вызвал разъяренный Ленин:

— Именно вы и Дыбенко должны были служить примером для широкой массы, еще далеко не усвоившей новой советской власти, вы, которые пользуетесь популярностью! Как же вы поступили так необдуманно? Вы же подписку дали за Дыбенко! Как вы могли позволить ему уехать? Ведь это нарушение советских законов! Надо уметь соблюдать дисциплину именно тем, кому рабочие верят.

«Владимира Ильича тревожило: где Дыбенко? Что замышляет? — вспоминала Коллонтай. — При неустойчивом положении Советской власти — всякое неосторожное выступление представляло опасность и большую. Я успокоила Владимира Ильича, что я настою на том, что Дыбенко приедет в Москву.

— Вы уверены?

Я была уверена, потому что я любила Павла и верила ему… Я была опьянена своим чувством к Павлу… Начало 1918 года было самое страшное время всей моей жизни. Конфликт между чувством и моими партийными обязанностями. Ни для кого в мире и ни для чего я не поступалась тем, чем поступилась — партийной дисциплиной ради Павла…

Раз Павел не вернулся всю ночь. Что это была за ночь! Чего-чего не передумала я. Страдала до отказу. Наутро Павел пришел сконфуженный, с виноватой улыбкой. Уверял, что был за городом у товарища, там не было телефона и никаких средств сообщения.

В те дни я еще не знала, что Павел пьет. И, конечно, ту ночь кутил…

На другой день после отъезда Павла в здании соцобеза мне устроили проводы как наркому. Был оживленный митинг. Мне было жалко, что это дело ушло из моих рук. Сама виновата. Всё из-за Павла. Москва томила меня. Хотелось быть с друзьями. Поделиться пережитым. Разобраться: что же дальше?..»

И она, в свою очередь, уехала в Петроград.

«Бедная Коллонтай, — писал француз Жак Садуль, — она безумно влюблена в своего прекрасного Дыбенко и совершает в последнее время одну нелепость за другой… Она отчаянно кинулась в оппозицию…»

Только что назначенный председателем революционного трибунала Николай Крыленко потребовал арестовать Дыбенко, а заодно и Коллонтай.

Ядовитая Зинаида Гиппиус записала в дневнике: «Дыбенко пошел на Крыленко, а Крыленко на Дыбенко, они друг друга арестовывают, и Коллонтайка, отставная Дыбенкина жена, тоже здесь путается…»

Члены ЦК требовали судить Дыбенко и Коллонтай как дезертиров. Арманд Хаммер пишет, что Ленин нашел остроумный выход: «На заседании Центрального комитета партии, посвященном этому вопросу, Ленин подождал, пока все выскажутся, и затем спокойно сказал:

— Вы правы, товарищи. Это очень серьезное нарушение. Я лично считаю, что расстрел будет для них недостаточным наказанием. Поэтому я предлагаю приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет.

Доброта сердца Коллонтай была хорошо известна, да и Дыбенко недаром заслужил репутацию победителя женских сердец. Комитет встретил предложение Ленина взрывом хохота, и на этом инцидент был исчерпан. Но говорили, что Коллонтай так никогда и не простила этого Ленину».

Владимир Ильич не хотел ссориться с человеком,

популярным среди матросов. Поэтому из Москвы дали знать, что Дыбенко и Коллонтай ничего не грозит. И Дыбенко приехал на суд, который проходил в Гатчине.

Павел Ефимович не признал себя виновным в сдаче Нарвы. Он уверенно говорил суду:

— Я не боюсь приговора надо мной, я боюсь приговора над Октябрьской революцией, над теми завоеваниями, которые добыты дорогой ценой пролетарской крови… Нельзя допустить сведения личных счетов и устранения должностного лица, несогласного с политикой большинства в правительстве… Нарком должен быть избавлен от сведения счетов с ним путем доносов и наветов. Крыленко пачкает мое имя до суда на митингах и в газетах… Во время революции нет установленных норм. Все мы чего-то нарушали!.. Говорят, я спаивал отряд. А я как нарком отказывал в спирте судовым командирам. Мы, матросы, шли умирать в защиту революции, когда в Смольном царила паника и растерянность…

Дыбенко говорил, что его действия — «красный террор» и он действовал на основании декрета Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности!», который разрешал расстреливать врагов.

Крыленко ответил:

— Есть террор, вызываемый политической необходимостью, и террор ненужный — бессмысленно жестокого человека. Нельзя называть «красным террором» ничем не оправдываемые убийства, пятнающие революцию.

Семнадцатого мая 1918 года суд оправдал Дыбенко. В приговоре говорилось: перед ним поставили такие сложные задачи, как «прорыв к Ревелю и Нарве, к решению которых он, не будучи военным специалистом, совершенно не был подготовлен…».

Моряки вынесли его из зала суда на руках. Дыбенко на радостях загулял. К великому огорчению Коллонтай, уехал сначала в Москву, потом в Орел, к брату. А позднее пустился в совершенно авантюристическое предприятие: с документами на чужое имя отправился в Крым для нелегальной работы. Это было сделано в надежде заслужить прощение. ЦК еще в апреле исключил его из партии. Впрочем, партбилет ему вскоре вернут, восстановив партийный стаж с 1912 года.

Трудно было найти человека, менее подходящего для подпольной работы. Приметного, шумного Павла Ефимовича, не привыкшего сдерживать себя и не знающего, что такое конспирация, быстро арестовали. Он сидел в тюрьме в Севастополе. Товарищи вновь не бросили его в беде. Через месяц Совнарком сложным путем договорился об обмене Дыбенко на

нескольких пленных немецких офицеров.

Много раз возникал вопрос: почему Ленин так снисходительно относился к выходкам Дыбенко? Настоящим преступлением Владимир Ильич считал только выступления против советской власти. Да и большевиков было не так много, чтобы легко отказываться от тех, кто нарушает все мыслимые и немыслимые правила и законы.

Осенью 1918 года Дыбенко вступил в Красную армию. Так и для него началась Гражданская война. Сначала его сделали военным комиссаром полка, потом командиром батальона. Отправили в Москву и зачислили в военную академию. Но учиться Дыбенко не хотел. Заставлять его не стали.

Для Коллонтай это были очень трудные месяцы. И то, что происходило в стране побеждающего социализма, ей совсем не нравилось: «Я пишу эти строки для себя, правдиво до дна. Пишу потому, что в вихре борьбы, строительства, среди гущи людской — я всё же одна, очень одна… Я должна позволить себе роскошь поговорить сама с собою, будто говорю с другом.

Доброты нет среди нас — вот, что мне жутко. Кругом царит столько злобы! И будто каждый стыдится проявить сострадание, сочувствие, доброту… Доблесть быть жестоким. И сама я ловлю себя на том, что стыжусь порывов жалости, сочувствия, сострадания… Точно это измена делу! Точно проявить тепло, доброту — значит не быть хорошей, закаленной революционеркой!.. И все кругом такие же сухие, холодные, равнодушные к чужому горю, привыкшие не ценить человеческие жизни и как о самом пустом факте говорящие о казнях, расстрелах и крови…»

Президиум ВЦИКа утвердил декрет, в соответствии с которым люди лишились права на собственное жилье. Теперь они не могли ни продать дом или квартиру, ни передать по наследству. Зато их самих в любую минуту могли выселить, просто выгнать на улицу…

Председатель Моссовета Лев Борисович Каменев провел муниципализацию жилья: москвичей «уплотняли», к ним подселяли целые семьи, так создавались коммунальные квартиры.

«В одном из домов Советов проживали в частице своей прежней квартиры престарелый князь Волконский с семьей и старик восьмидесяти лет граф Ливен, — писала Коллонтай. — Кажется, их снабдил ордером Енукидзе (секретарь ЦИКа. — *Л. М.)*. Помогло частное знакомство, а может быть, понял, что суть гражданской войны не в том, чтобы гнать аристократов с квартир, лишая их всякого крова. Но наши красные генштабисты — Павел

(Дыбенко. — *Л. М.) и* компания — это разузнали. И вот они решили, человек пять-шесть молодых, холостых людей, притом лишь временно проживающих в Москве, «выселить графов» и занять их квартиру…

Особой надобности в этой квартире у генштабистов не было. Но из «принципа» и ради спорта решили «допечь» графов и князей — что, мол, их селят в советских домах? И добились! В двадцать четыре часа семью престарелых людей выбросили. Куда? Не знаю. А победители, начдивы и начбриги 22–28 лет, въехали в «роскошные комнаты» и им всё налицо — и белье, и посуда… Ну зачем, зачем это? И теперь, не проживши и месяца, они, эти победители, уехали на фронт. К чему отравили жизнь семье?.. Это дико, не нужно, а проистекает всё из того же — из отсутствия доброго чувства к людям, отсутствия добра, какой-то моральной тупости. И Павел их еще поощрял!..»

Вселение в квартиры «богатеев» казалось восстановлением справедливости. На самом деле это было беззаконие, которое никому не принесло счастья. Тех, кого вселили в квартиры «помещиков и капиталистов», в 1930-е годы с такой же легкостью выкидывали из квартир новые хозяева. В ходе массовых репрессий города очищались не только от «врагов народа», но и от их семей. «Освободившуюся» жилплощадь передавали чекистам, как и имущество арестованных. Впрочем, самих чекистов тоже планомерно уничтожали, так что одни и те же квартиры по несколько раз переходили из рук в руки…

Александра Коллонтай, несомненно, переживала кризис. И в общественной, и в ее личной жизни всё происходило не так, как она рассчитывала. В ее заметках за 1919 год сохранилась запись о крестьянах, посаженных большевиками в лагерь: «Недоуменный вопрос: за что? Долго ли? И будто видишь отражение полей, избенку, корову… У меня к сердцу подступает — ненависть, гнев, досада бессилия… У меня нервный криз… На другой день встала с решением — добьюсь их освобождения. Кинулась туда, сюда, по инстанциям — заторы. Пошла «по знакомству». К Надежде Константиновне — расписала, убедила. Обещала вступиться… Пошла к Ленину. Через два дня приказ — выпустить 260 человек. Крестьянок! К чему же законы и правила? Кумовство всего проще… Тошно и стыдно… Стыдно и горько…»

Владимир Антонов-Овсеенко, назначенный командовать войсками юга России, попросил направить Дыбенко в его распоряжение. Антонов-Овсеенко поставил старого друга командовать Особой группой войск, наступавшей на Екатеринослав.

Коллонтай записывала в дневнике: «16 января. От Павла

нежное письмо, и сердце полно нежности к нему, к моему большому ребенку — мужу. У него уже опять трения с комиссаром. Всегда я за него трепещу. Еще далеко не залечилась рана от всего пережитого во время суда… Странно, что я никогда не опасаюсь за его жизнь. У меня одна забота: чтобы он проявил себя дисциплинированным партийцем. Как бы опять чего-нибудь не натворил своей неукротимостью и чрезмерным усердием, а иногда и просто — как бы не наговорил глупостей…

11 февраля. Получила разрешение от партии на два дня съездить в Екатеринослав навестить Павла… Поезд, ты злостный вор… Ты крадешь у мены часы свидания с Павлом. Говорят, нет топлива… На станциях ужасные картины. Люди спят на голом полу. Кошмар… Оттепель. Снег лежит, но весь талый, грязный. Люди спят прямо в лужах, и никто не следит за порядком…

19 февраля. Харьков. Вагон особой группы штаба Дыбенко. Промелькнули эти четыре ярких, светлых дня, полные новых впечатлений. Работа сплеталась со счастьем свидания с Павлом. Почти пять дней счастья, вырванных из обычной работы. Они стоили того, чтобы преодолевать все эти мелкие трудности и препятствия путешествия…

Павел за мной выслал паровоз и вагон в Лозовую. Вагон разделен на две половины. За перегородкой постель и умывальник, спереди ковер, стол и самовар. Адъютант Дыбенко объясняет мне, что это постель бывшего архиерея. Стол накрыт красным сукном. Очень тепло, а на столе масло, булки… На перроне в Екатеринославе меня встречают несколько официальных лиц с цветами. Не столько встречают меня, сколько жену командира. Здороваюсь с Павлом официально, за руку. И так о нас много шума…

За пять дней Екатеринослава — восемь больших митингов. Но я не устала. Выступала также на съезде. Почему-то мне при Павле трудно говорить. Точно я — не совсем я. А Павел после моего выступления на съезде не преминул сказать:

— Ты сегодня хуже говорила, чем всегда…

Много рассказывают о том, как Павел под огнем штурмовал мост. Но мне неприятно, что я здесь не столько Коллонтай, сколько жена Дыбенко. Павел уговаривает меня перейти на работу на Украину. Нет, не годится. Что будет тогда с А. Коллонтай? Я окажусь только при Дыбенко. Но вместе с тем я горжусь и радуюсь его успехам. Только бы он удержался на правильной линии. Спрашиваю адъютантов — пьет ли Павел? Они уверяют, что не пьет, но ведь друзьям верить нельзя.

Павел бесконечно рад моему приезду. Он прямо говорит:

— Если бы ты не приехала, а они бы меня не отпустили

отсюда, я бы уехал в Москву, не спросившись. Я больше не могу жить без тебя…

Павел раньше меня уехал из Екатеринослава прямо на передовые позиции, и когда мы прощались, у него были такие добрые и несчастные глаза. У меня защемило сердце. И всё-таки это большое счастье — наша любовь и наши встречи».

Появление Александры Михайловны Коллонтай на Украине было событием для местных советских работников. Ее уговаривали перейти на работу в Украину:

— Вы, москвичи, там засиделись, а надо поднимать самую глубь страны. Здесь непочатый край работы, мы вас сделаем украинским наркомом.

Коллонтай записывает:

«Я отшучиваюсь и, конечно, не собираюсь ехать на Украину».

Александра Михайловна вернулась в Москву, участвовала в восьмом съезде партии и даже выступала. Но в Москве она чувствовала себя неуютно — уже не нарком и не член ЦК. И ее тянуло к мужу.

Глава третья
БОРЬБА ЗА ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

«Лично у меня итог зимы производительный, — записала Коллонтай в дневнике. — Организационное начало работы среди женщин положено. Но с «верхами» — особенно с Зиновьевым и Троцким — у меня нелады».

Среди руководителей партии и государства ее предложения о переустройстве семейной жизни практически отклика не встречали. Ленин, как и другие большевистские вожди, не принимал ее феминистских идей. В воспоминаниях Александра Михайловна писала, что понимание находила, пожалуй, только у председателя ВЦИКа и секретаря ЦК Якова Михайловича Свердлова. Но он рано умер.

Человеком номер два в большевистском руководстве тогда был председатель Реввоенсовета Республики Троцкий. Но Льва Давидовича она сильно не любила.

Троцкий (уже после того, как Сталин выслал его из страны) вспоминал: после революции «Коллонтай встала в ультралевую оппозицию не только ко мне, но и к Ленину. Она очень много воевала против «режима Ленина — Троцкого», чтобы затем трогательно склониться перед режимом Сталина».

Снова вместе

Коллонтай рвалась из Москвы поближе к Дыбенко. Еще перед партийным съездом Александра Михайловна повела беседы с партийным начальством о том, что она поедет к мужу, находившемуся в Харькове. 28 февраля 1919 года Коллонтай и Дыбенко общались по прямому проводу. Она телеграфировала мужу:

— Вчера говорила со Свердловым относительно моего перехода на Украину. Решено, что я еду туда, переговорив с Пятаковым, как целесообразнее использовать мои силы. Посылаю письмо Пятакову. Могу приехать после нашего партийного съезда. Если бы потребовалась экстренно моя работа, то смогу выехать и раньше, однако восьмого я должна быть в Москве на праздновании дня работниц…

— Завтра переговорю с Пятаковым и Затонским, — ответил Дыбенко. — Передам ответ вечером. Если можешь, приходи к аппарату.

— Завтра буду в одиннадцать часов вечера у аппарата, — обещала Коллонтай. — С Яковом Михайловичем говорили относительно комиссариата труда. Прими это во внимание при разговоре с Пятаковым. Но предложение Якова Михайловича для меня неприемлемо. Я бы взяла работу только при предоставлении мне полной инициативы. Но не в качестве помощника. Вам виднее, что сейчас требуются люди с инициативой.

— Хорошо, до свидания, до завтра.

— Очень хорошо, что ты меня сегодня вызвал…

Георгий Леонидович Пятаков, который родился на Украине, а в дни революции был председателем Киевского комитета большевиков, возглавил Временное Рабоче-крестьянское правительство республики. Владимир Петрович Затонский входил в состав первого советского правительства Украины, был председателем украинского ЦИКа и в дальнейшем занимал разные руководящие должности в республике, пока не был уничтожен Сталиным в 1938 году.

Находясь в Москве, Коллонтай заботилась о том, чтобы военные успехи молодого полководца Дыбенко своевременно освещались газетами.

Третьего марта 1919 года Дыбенко продиктовал для Коллонтай оперативную сводку:

«После упорного боя красные войска подошли к городу Херсону и обстреливают город из тяжелых орудий. Немцы и греки панически бежали. Французы отказались принимать участие в бою. Англичане во время боя не замечены. Немецкий бронепоезд, шедший из Николаева в Херсон, сбит нашей артиллерией и свален с рельс. Вокзал и депо Херсона горят. Наши конные разведчики ворвались в город, бой завязался на улицах».

Александра Михайловна телеграфировала ему:

— Твои оперативные сводки регулярно передаю в наши газеты. Наши очень радуются таким свежим и утешительным новостям. Пресненский район вынес тебе благодарность за муку, а теперь Замоскворецкий район просит: не дашь ли ты муки детям?

Дыбенко:

— Могу послать. Колоссальные запасы хлеба имеются. Но вывоз его зависит теперь всецело от Центра. Нужны маршрутные поезда. Поговори с Владимиром Ильичом. Я только могу послать как подарок от Красной армии.

Коллонтай:

— Завтра же поговорю с Владимиром Ильичом. Сделаю всё возможное, чтобы добиться разрешения на маршрутные поезда. А ты со своей стороны, если нельзя иначе, пошли хлеб

Пресненскому району именно как подарок Красной армии. У меня других новостей нет. Вызовешь меня завтра? Удобнее позднее. Или рано утром.

Дыбенко:

— Утром я буду у товарища Антонова и товарища Подвойского. Вечером могу вызвать — около двенадцати.

Коллонтай:

— Хорошо, буду около двенадцати. До свидания, милый Павел!

Вопрос о переводе Александры Михайловны на Украину зависел от республиканского руководства. Но среди украинских большевиков царил раздрай. В Харькове созвали третий съезд компартии Украины, а вслед за ним — третий съезд Советов. Туда 27 февраля выехал Яков Свердлов, руководивший всем партийным аппаратом, эта поездка окажется для него роковой, он заболеет и 16 марта уйдет из жизни…

Дыбенко связался с Коллонтай по телеграфу:

— Сегодня говорил с Затонским. Он рад, что ты приезжаешь. Сегодня относительно тебя вопрос не решен, так как он зависит от окончания съезда. Сегодня на съезде произошел маленький бой между двумя лагерями. Успех пока за Пятаковым, что дальше будет, не знаю. Приехал товарищ Свердлов, который останется до конца съезда. А теперь передаю тебе оперативную сводку по моей дивизии…

Коллонтай:

— Здравствуй, Павел. Задержалась — не было автомобиля. У нас шло заседание в Кремле с приехавшими товарищами из других стран. Что на съезде?

Дыбенко:

— Сегодня начался бой двух течений. Ни из речи докладчика, ни из дебатов по его докладу я абсолютно не мог выяснить, в чем принципиальные расхождения. Большей частью были упреки чисто персональные. Товарищ Свердлов выступал как бы примирителем и указывал недостатки одних и других. По существу же безусловно ЦК Украины настоящего состава, на мой взгляд, является безжизненным и не имеющим определенной политической линии и слишком неустойчив. Течение Пятакова более революционное. Завтра будет голосоваться резолюция по докладу ЦК. Этим голосованием будет решена участь ЦК…

А в Москве с 18 по 23 марта 1919 года тоже проходил съезд — VIII съезд партии. Коллонтай участвовала в нем как представитель Центральной комиссии работниц при ЦК РКП(б). Перестав быть наркомом и членом ЦК, Коллонтай не ушла из активной жизни. Главной ее заботой оставался женский вопрос.

Утром 22 марта на шестом заседании съезда Александра Михайловна получила слово для доклада о работе среди женщин:

— Мы рассчитывали на то, что раз мы ведем общую агитацию за коммунизм, естественно, что работницы услышат наш голос и, поняв, что такое коммунизм, начнут притекать в наши ряды. Но сама жизнь ставит этому определенные преграды. Не нужно забывать, что до сих пор даже в нашей Советской России, хотя работница, женщина трудового класса уравнена в правах с товарищами мужчинами, она закрепощена домашним бытом, она закабалена непроизводительным домашним хозяйством, которое до сих пор лежит на ее плечах. Домашнее хозяйство отнимает у нее время, отнимает силы, мешает ей отдаться непосредственному активному участию в борьбе за коммунизм и строительной работе. Приходится считаться с женщинами-работницами, как с наиболее отсталым кадром рабочего класса, и потому нужно найти способ, как к ним подойти. Только тогда, когда наша партия выработает, наконец, определенный план работы среди женского пролетариата, можем мы быть уверены, что разобьем последний оплот для контрреволюционной агитации, победим тьму, царящую среди работниц и крестьянок… Мы в течение последних лет разрабатывали план этой работы и, наконец, на нашем Всероссийском съезде пришли к определенному организационному плану, который затем в циркулярах ЦК был одобрен и разослан по партийным организациям…

Что же предложила Александра Коллонтай? Ее план включал создание разветвленной «женской» структуры внутри партийного аппарата:

— Прежде всего при каждом партийном комитете, городском, районном или уездном, образуются комиссии по агитации и пропаганде среди работниц… Тут нужны митинги, издание листовок, собрания работниц, курсы, то есть обыкновенная партийная работа… Встает еще одна задача: агитация делом… Образуются группы работниц, среди которых могут быть еще и не коммунистки, и эти группы состоят при соответствующих отделах социального обеспечения, просвещения, здравоохранения, труда, питания… Мы говорим работницам и крестьянкам: «Идите к нам, и мы научим вас, как строить новую светлую жизнь на коммунистических началах». В первую очередь нам нужны люди. Мы свяжем вас через ваши группы с соответствующими отделами Советов. Вы станете помогать комиссариату социального обеспечения строить ясли, дома материнства и так далее…

Коллонтай и ее единомышленники уже проделали немалую организационную работу:

— Только в ноябре был созван Первый Всероссийский съезд работниц. За четыре месяца мы успели установить связь со всеми губернскими организациями, где образованы партийные комиссии работниц, мы имеем живой обмен мнениями в целом ряде городов. В комиссию работниц при ЦК летят письма, запросы из глухих сел и деревень… Мы сейчас уже, товарищи, имеем первый выпуск красных агитаторш. Восемьдесят пять работниц прошли в течение шести недель специальные курсы… Есть своя газета, которую следовало бы выписывать на местах и распространять среди работниц. В Москве при «Коммунаре» два раза в неделю издается специальная страничка, посвященная агитации и пропаганде…

Александра Михайловна разрывалась между своим любимым Павлом Дыбенко и партийными обязанностями. Понимала, что не стоит оставлять молодого мужа одного. Но и бросать работу, превращаться в мужнину жену, домохозяйку категорически не собиралась. Это противоречило и ее характеру, и принципиальным представлениям о роли женщины. Она не желала стать женой комдива, как он впоследствии не пожелает стать мужем посла…

Коллонтай решила всё-таки ехать к мужу, но совместить приятное с полезным. Обратилась за помощью к Льву Борисовичу Каменеву, попросила подыскать ей работу на Украине. Мягкий и интеллигентный, Каменев был председателем Моссовета и членом политбюро. В 1902 году он женился на сестре Троцкого Ольге, которая была далека от брата. Лев Борисович легко организовал решение ЦК об откомандировании Александры Михайловны на Украину. Ей поручили вести агитационную работу среди красноармейцев, а также рабочих и работниц Харькова.

Сюда перебрались украинские большевики из Киева, где власть принадлежала Центральной раде, которая объединила социалистические партии, культурные и общественные организации и превратилась в парламент самостоятельной Украины. В Харьков же прибыл народный комиссар по военным делам Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, тот самый, который взял Смольный и арестовал Временное правительство. Его назначили командующим советскими войсками по борьбе с контрреволюцией на юге страны. Он должен был помешать Украине отделиться.

Тринадцатого декабря 1917 года в Харькове I Всеукраинский съезд Советов провозгласил Украинскую Советскую Республику, назвал ее «федеративной частью России» и образовал свое правительство. Москва обещала украинским большевикам

братскую помощь. 4 января 1918 года Харьков объявил войну Киеву. Ответом стал Четвертый универсал Центральной рады, принятый в ночь на 12 января: «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, независимой, вольной, суверенной Державой Украинского Народа… Народная Украинская Держава должна быть очищена от направленных из Петрограда наемных захватчиков…»

Одна Украина пошла войной на другую…

Коллонтай записала в дневнике: «Каменев одобрил мое решение уехать на Украину и помог его провести:

— Поработайте с другими людьми. Потом вернетесь сюда, в Москву.

Когда по районам узнали, что я уеду из Москвы, — послали к Свердлову делегацию просить меня оставить. Это рассказала мне Елена Дмитриевна Стасова…»

Елена Дмитриевна Стасова занимала пост ответственного секретаря ЦК партии, в ту пору это была не политическая, а административная должность.

Коллонтай гордо покинула Москву. Они с мужем вновь вместе!

Женщина на войне

Дивизия Павла Дыбенко весной 1919 года вошла в Крым. Реввоенсовет Республики наградил его орденом Красного Знамени.

«В период боев с 25 марта по 10 апреля 1919 года под городами Мариуполь и Севастополь он, умело маневрируя частями вверенной ему дивизии, лично руководил боем, проявил истинную храбрость, мужество и преданность делу революции; своим примером воодушевлял товарищей красноармейцев, способствовал занятию вышеуказанных пунктов и полному уничтожению противника на северо-восточном побережье Черного и Азовского морей».

Шестого мая 1919 года в освобожденном от белых Крыму было провозглашено создание Крымской Социалистической Советской республики и образовано Советское Временное Рабоче-крестьянское правительство. Республиканский Совнарком разместился в Симферополе. Персональный состав крымского руководства определили в Москве.

Политбюро решило: «Во главе Крымского правительства поставить тов. Кристи, затем ввести двух мусульман и не более двух русских. Ввиду настойчивого предложения Раковского

ввести в состав Крымского правительства Дыбенко с назначением его наркомом военных и морских дел, разрешить ему это, но обязательно разъяснить Дыбенко, что ЦК соглашается на это по настоянию Раковского и под его ответственность, и отобрать у Дыбенко подписку о беспрекословном подчинении всем велениям ЦК и указаниям общего военного командования».

Михаил Петрович Кристи, старый деятель социал-демократического движения, недолго руководил правительством. Видный искусствовед, он займет пост директора Третьяковской галереи в Москве.

Павел Дыбенко стал наркомом по военным и морским делам Крымской республики. Его дивизию преобразовали в Крымскую Красную армию. А Коллонтай в мае 1919 года утвердили наркомом пропаганды и агитации Крымской Советской республики и одновременно — начальником политотдела Крымской армии. Так что они с мужем опять были вместе — и дома, и на службе, в одном правительстве. Это устраивало решительно всех. Большевистское руководство воспринимало ее прежде всего как комиссара при Дыбенко.

Александра Михайловна записала в дневнике: «3 июня 1919 года. Неожиданно меня назначили членом правительства Крымской республики. Нечто вроде наркома пропаганды, но больше работать по военным частям…

Косиор (секретарь ЦК компартии Украины. — *Л. М.)* сказал мне доверительно:

— Мы назначили наркомвоен Крымской республики Дыбенко. Вы имеете на него большое влияние, и сейчас это необходимо. Мы всегда боимся за его самостийность. Вы сумеете его сдержать и направить настроение в военных частях по правильной политической линии.

Еду с неохотой, хотя быть с Павлом большая радость и к тому же у меня сознание, что я ему действительно помогу. Недисциплинированный он, самолюбивый и вспыльчивый».

Коллонтай: «10 июня, Симферополь. Вот я и в Крыму. Я член Крымского правительства. Во главе — брат Владимира Ильича, Дмитрий Ильич… Моя работа пока не определилась. Ну, конечно, выступаю на митингах, пишу статейки для местной газеты и прочее, но это не работа, не творчество. Но в общем я что-то вроде политкомиссара при штабе Дыбенко…»

Младшего брата Ленина — Дмитрия Ильича Ульянова, который с 1914 года жил в Севастополе, назначили наркомом здравоохранения и заместителем председателя Совнаркома. Дмитрий Ульянов писал сестре: «Передай Володе, что в Евпатории в лучшей санатории у самого берега моря я

приготовлю ему помещение, чтобы он хоть две-три недели мог отдохнуть, покупаться и окрепнуть. Там у нас есть все приборы для электро-гидро-механо- и гелиотерапии, и можно полечить ему руку. Тем более что он никогда не видел нашего Черного моря…» Ленин презрительно сказал наркому внешней торговли Леониду Борисовичу Красину:

— Эти идиоты, по-видимому, хотели мне угодить, назначив Митю… Они не заметили, что хотя мы с ним носим одну и ту же фамилию, но он просто обыкновенный дурак, которому впору только печатные пряники жевать…

Крымскими санаториями Ленин заинтересовался. Но не для себя.

Коллонтай: «От Ленина запрос Дмитрию Ильичу: нет ли хорошего санатория у Черного моря, куда хочет приехать Марья Ильинична, его сестра. Дмитрий Ильич, конечно, ответил, что положение здесь очень неспокойное, но всё же потребовал, чтобы я немедленно поехала на берег Крыма, в Гурзуф и Ялту, посмотреть на всякий случай, в каком состоянии находятся наши санатории и нельзя ли что-нибудь устроить для Марьи Ильиничны»…

Но крымская эпопея, начинавшаяся так удачно, оказалась жестоким испытанием для Александры Михайловны. Вместо счастливой жизни с любимым мужем в курортных условиях — скандал из-за мужниной неверности.

Она делилась с Зоей Шадурской: «Зоюшка, дорогая! Никогда бы не поверила, что это может стрястись со мною. Это хуже, чем в самом нелепом, бульварном и пошлом романе… Павел, как всегда, неожиданно вернулся из военкомата:

— Сейчас еду на фронт. Собери мои мелочишки, главное, не забудь портфель с бумагами…

Машина подана, и я спешно собираю вещи Павла, укладываю в сумку. Щупаю, нет ли носового платка в кармане френча, и вытаскиваю два письма: одно письмо — женский почерк и подпись — «твоя, неизменно твоя Нина». А другое — письма в ответ этой самой Нине…

Павел всегда искренен со мной. Я ведь это чувствовала, особенно в момент прощания с ним. Конечно, я ему ничего не сказала. Но, Зоюшка, признаюсь, я сделала маленькую женскую подлость: я переложила оба письма из внутреннего кармана в наружный, пусть заметит, что я их читала. И когда он переодевался, он, конечно, это заметил.

Когда машина ушла, я заметила на столе записку Павла:

«Шура, я иду в бой, может, не вернусь. Моя жизнь, как и всех нас, нужна республике. Прости меня. Помни, ты для меня

единственная. Только тебя люблю. Ты мой ангел, но мы ведь с тобою месяцами врозь. Вечно твой»…

Главное сознание: неужели Павел разлюбил меня как женщину? Самое больное было, что его письмо к этой девушке, или женщине, начиналось: «Дорогая Нина, любимая моя голубка…» Зачем он назвал ее голубкой, ведь это же мое имя? Он не смеет его никому давать, пока мы друг друга любим. Но может быть, это уже конец?

Ты скажешь, Зоюшка: «Тем лучше, твоя жизнь с Павлом сплошная мука. Ты к нему приспособляешься, ты себя забываешь, ты теряешь свой облик ради него. Выпрямись, Коллонтай, не смей бросать Коллонтай ему под ноги. Ты не жена, ты человек»…

14 июня. А я-то думала, что во мне атрофировано чувство ревности! Очевидно, это потому, что раньше я всегда умела уйти прежде, чем меня разлюбят. Страдали другие, а уходила я. Иногда жалела того, которого раньше любила, и всё же уходила. А теперь, видимо, Павел уходит от меня. Ночью написала ему длинное-предлинное письмо и, конечно, утром разорвала. Всё во мне бурлит…

Это всё еще во мне сидит проклятое наследие женщины прошлого. Пора призвать Коллонтай к порядку. Ведь и в Крым попала только для Павла. Не хочу быть женой! Пусть это будет мне уроком, и хорошим, заслуженным. Так тебе и надо, Коллонтай. Не сворачивай своего знамени человека-работника, не становись чьей-то женой».

На самом деле от такого жестокого удара не просто оправиться… Александра Михайловна бросала мужчин. И не раз. Но к мужским изменам не привыкла.

«17 июня, Гурзуф…

Павел на фронте и, может быть, в смертной опасности, а я всё еще упрекаю его за какие-то глупые поцелуи. Всё это «мой грех». Все эти месяцы на Украине я — точно не я, точно не Коллонтай. Вьюсь вокруг Павла, точно ползучее растение. Но этого я больше не хочу. Нельзя сводить все свои чувства к одному полюсу, всё отдавать одному человеку. Я же люблю мою работу, и она для меня главное. Зачем же я делаю вид, что я просто жена Павла? «Руку, товарищ Дыбенко, я твой соратник и товарищ. Но Коллонтай я тебе больше под ноги бросать не буду!»

И мне вдруг стало легко и светло на душе. Перед лицом великих событий и великой опасности для нашего дела, для Советской власти нечего возиться с психологическими драмами, да и что произошло?.. Нет, Павел меня не разлюбил, это я знаю. А разлюбил — поговорим серьезно. Словно я не учу всегда своих сотрудниц: героини Октября должны с достоинством нести свое

знамя партиек»…

Коллонтай недолго пробыла в Крыму. Надо сказать, что с самого начала неуверенность царила среди крымских большевиков:

«Нет веры в то, что это прочно. Атмосфера такая, будто воздух насыщен одним вопросом: когда эвакуация? Мы стараемся показать, что наша власть крепка и что мы не собираемся уходить. Но бои идут, и десанта опасаются все…»

Худшие опасения большевиков оправдались.

Двенадцатого июня 1919 года войска генерал-майора Добровольческой армии Якова Александровича Слащева высадились в районе Коктебеля, выбили части Дыбенко из Крыма и легко свергли на полуострове советскую власть.

Покровитель Дыбенко командующий Украинским фронтом Владимир Антонов-Овсеенко потерял свою должность, потому что фронт был расформирован. Крымскую дивизию Дыбенко включили в состав 14-й армии под командованием Климента Ефремовича Ворошилова.

Крымские ответственные работники эвакуировались в Киев, занятый Красной армией.

Коллонтай записала в дневнике:

«30 июня. В Никополе нагнал нас Дыбенко со своим штабом. С Павлом ведь не виделись после того жуткого часа, когда он с письмом от той, другой женщины, уехал на фронт. Я была счастлива, что он цел и жив, никаких упреков ему не делала, только объяснила, что если разлюбил, пусть скажет. Мы же — соратники прежде всего, значит, должна быть честность и правдивость. Сказала, что и я рвусь на свободу от нашего брака.

Павел заплакал…»

Александре Михайловне поручили руководить комиссией ЦК компартии большевиков Украины по агитации и пропаганде среди работающих женщин.

«5 июля. Еще новая задача: партия назначила меня наркомом пропаганды Украины, и вот я в Киеве… До Киева тащились больше недели… Не забыть, как на одной из небольших станций нам удалось захватить в плен несколько десятков белых. Начальник штаба дивизии Сергеев сказал мне:

— Я велел поезду двигаться немедленно, вы не вынесете картину, когда из живых людей делают котлеты.

Он был прав. Когда я слышала пулеметный огонь, направленный не против боевой линии, а на пленных, мне стало нехорошо. Странно, когда убивают пленных людей… Была благодарна Сергееву, что наш поезд скоро отошел».

Историю Украины, как говорил один историк, нужно читать с

бромом. Настолько она драматична. В те решающие послереволюционные годы нигде власть не менялась так часто, как в Киеве — Центральная рада, большевики, гетман, опять Рада, Директория, снова большевики. То немецкая армия приходит, то польская, то Добровольческая. И каждый раз смена власти сопровождалась погромами и расстрелами.

Окончание Первой мировой войны стало счастливым моментом в исторической судьбе многих народов Центральной и Восточной Европы. Они обрели собственное государство. Революция пробудила большие надежды и среди национально мыслящих украинцев. Однако же лозунг независимости, национальная идея вдохновляли в основном городскую интеллигенцию, мелкую буржуазию, студентов, гимназистов — не самый многочисленный социальный слой. Остальные скорее пассивно наблюдали за происходящим.

Среди жителей Киева в 1917 году украинцев было всего 20 процентов. Остальные — русские, поляки и евреи. В восточной части Украины, например в Харькове, русских было еще больше. Так что в городах на стороне Рады был только немногочисленный слой националистов. А деревня ее не поддержала.

Летом 1918 года власть в Киеве взял провозглашенный гетманом Павел Петрович Скоропадский, генерал-лейтенант царской армии, с помощью немецкой армии, которая пришла на Украину после подписанного в Брест-Литовске мира.

О Скоропадском принято говорить пренебрежительно-иронически, но это не справедливо. Правительство он сформировал из профессионалов, без этнических предпочтений. Он выражал интересы зажиточных крестьян, помещиков, промышленной, финансовой и интеллектуальной элиты. Украина в те месяцы стала землей обетованной. Кто мог, бежал от советской власти в Киев, потому что здесь благодаря гетману установилась жизнь, близкая к нормальной.

При гетмане Скоропадском открылись государственный театр, национальная галерея, национальный музей. По приглашению правительства Скоропадского в Киев переехал выдающийся ученый — Владимир Иванович Вернадский, чтобы способствовать созданию Академии наук Украины и духовному возрождению республики.

«Для украинского возрождения, — писал академик Вернадский, — совершилось почти историческое чудо, дав возможность достигнуть никем серьезно не чаянного благодаря стечению исключительно благоприятных обстоятельств… Но едва ли при условиях, какие есть в стране, может возродиться Украина с чисто украинским языком и культурой. Для этого нет ни одного

слоя, который бы поддерживал и был охвачен этой идеей.

Удивительно мало кругом веры в силу духовного возрождения Украины, и всюду стремление проводить силой то, что может проводиться только жизнью. Я чувствую, насколько вредит движению низкий моральный уровень украинских деятелей…»

Украинская революция превратилась в погром деревни — погром социальный, экономический, культурный. Крестьяне разграбили самые продуктивные хозяйства — помещичьи, частновладельческие. Разрушили самый эффективный сектор производства — рентабельные хозяйства с высокой агрокультурой. Сельскохозяйственные машины крестьяне не поделили между собой, а просто разломали.

Революция на селе не привела к социальному миру и равенству, а связала всех круговой порукой совершенного преступления: одни злились на других, что те успели награбить больше. Когда растаскивали помещичьи хозяйства, выиграли богатые крестьяне: у них были лошади и подводы, чтобы вывозить чужое добро.

У кормила власти в Киеве Скоропадского сменил Симон Васильевич Петлюра. Ровесник Сталина, он тоже учился в семинарии, в Полтаве, и тоже был исключен за членство в украинской революционной партии. Пробовал свои силы в журналистике, в армии не служил, но пожелал стать военным министром. Петлюра был в ту пору, пожалуй, самым знаменитым и популярным украинским вождем.

Родители назвали Петлюру Семеном. Но он предпочитал именовать себя на французский манер — Симон. У него было плохое зрение, но очки он носил только в школе. Считал, что политику, военному диктатору очки не к лицу. Постоянно щурился и, судя по его политической карьере, не всегда отчетливо разбирал, что вокруг него происходит.

Петлюра с юности интересовался сценой. Но художественному театру предпочел политический. В политике он был очень театрален. После первой русской революции жил в Питере, где работал бухгалтером в чайной компании, потом в Москве, служил там в страховом товариществе «Россия», которое занимало дом, где позже обоснуется ВЧК. Противостоять большевикам армия Петлюры не могла, потому что, как и всякое крестьянское войско, добившись первого успеха, она сразу же начала распадаться. Крестьяне, взяв Киев, решили, что дело сделано, и двинулись в родные деревни.

Пятого февраля 1919 года город был взят красноармейцами Антонова-Овсеенко.

«Весной 1919 года в Киеве, — вспоминал писатель Николай Александрович Равич, — почти все ответственные советские работники жили в гостинице «Континенталь». Там продолжал работать открытый для всех ресторан со знаменитым румынским оркестром под управлением Жана Гулеско и Корнелия Кодолбана…

Александра Михайловна Коллонтай тоже поселилась в «Континентале». И по характеру своей работы и потому, что наши номера были неподалеку один от другого, мне приходилось часто с ней встречаться…»

Рядом с ней опять был Дыбенко. Они оба делали вид, будто его измена — всего лишь досадный эпизод, оставшийся в прошлом.

«Вечером мы отправились погулять в Купеческий сад над Днепром, — писала Коллонтай. — Белый от цветущих яблонь и черемухи, розовато-лиловый от сирени, весь наполненный одуряющим ароматом весны, сад этот был так хорош, что не хотелось уходить отсюда. Солнце уже пряталось, и его красноватые лучи, как огни прожектора, скользили по ровной глади Днепра. В ресторане над обрывом музыка играла старинный вальс…»

Но жизнь под большевиками мало кому понравилась — аресты, бессудные расстрелы. Советская власть рассматривала Украину как огромный амбар, откуда надо черпать зерно, чтобы решить продовольственные проблемы революционной России. Большевики в глазах крестьянина превратились в еще одну чужеземную армию, которая их грабит.

В 1919 году произошел мощный всплеск национальных чувств — «Украина для украинцев». Это был ответ на диктатуру большевиков, военный коммунизм и акции чекистов. Вспыхнуло восстание. Оно носило характер и социального протеста — против тех, кто забирал хлеб, и национального — против чужаков, не-украинцев. По всей Украине действовали крестьянские отряды под лозунгами «Да здравствует Советская власть! Долой большевиков!». Повстанцы требовали «настоящей» советской власти, а не той, которую им навязали «москвичи».

Целые регионы были охвачены грабежами и насилием. Национальное самосознание пробудилось в самой грубой и примитивной форме: этнические чистки, погромы. Врагами стали московские большевики, русские и польские помещики, немецкие колонисты и, как водится, евреи. Антисемитизм на Украине вылился в массовые убийства и грабежи. Стимулом погромов стало желание грабить.

«Это был настоящий взрыв национал-социализма на

крестьянской почве, — считают современные историки. — Ненависть деревни обратилась на всех представителей новой власти, которая держалась только на поддержке Москвы и «чуждых» крестьянину городов. Почвой для этой ненависти послужило превращение государства в чистый аппарат насилия над деревней».

Убийство Федора Дыбенко

Когда Павла Дыбенко поставили во главе 1-й Заднепровской советской стрелковой дивизии, которую составили бывшие партизанские отряды, в его подчинении оказались отряды Нестора Ивановича Махно и Николая Александровича Григорьева. Знаменитый анархист Махно совершил в тот момент один из многих поворотов в своей бурной политической карьере и присоединился к большевикам, нуждавшимся в любых союзниках, пусть и самых ненадежных.

Но иметь с Махно дело было трудно и опасно. Как, впрочем, и с бывшим штабс-капитаном Григорьевым, который успел послужить всем, кто брал власть на Украине — Центральной раде, гетману Скоропадскому и Симону Петлюре… После поражения петлюровцев Григорьев перешел в Красную армию.

Отряды Григорьева и Махно переформировали в бригады.

В марте 1919 года Дыбенко докладывал в Москву об успешном наступлении бригады Григорьева на Херсон, где находились войска союзников. Гордый своим подчиненным, пересказал разговор Григорьева по телеграфу с греческим комендантом города, которому задал вопрос: будет ли он сопротивляться вступлению советских войск в Херсон?

Комендант ответил:

— Мы сегодня находимся на окраине Херсона по приказанию высшего командования и не можем ни уехать, ни сдать это место другим. Только получив приказ.

Григорьев:

— В таком случае мы будем вас бить! Какого черта вы, греки, тут сидите? Я думал, что имею дело с серьезным человеком, в противном случае не подошел бы к аппарату. Вы имеете дело с людьми, которые разбудили Европу. Вы же — ничтожные наемники буржуазии, пришли в нашу страну, забрались в наш дом и еще хотите устранить хозяина с оружием в руках. Бросьте затею и немедленно уезжайте. В противном случае поступим с вами так, как поступаем со злейшими врагами угнетенного класса. Затея мировой буржуазии потерпела крах, как будто вам

не известно, что происходит сейчас в Англии, Франции и Германии. Наша буржуазия ослепила вас. Откройте глаза, проснитесь. Вас в Херсоне так мало, что вы для нас не представляете силы, способной на сопротивление. Прошу ответить: будете драться или нет?

Комендант:

— Мы вас не тронем, а кто нас тронет, мы будем бить по-гречески. Спокойной вам ночи.

Григорьев:

— Спать еще рано. Мы драться умеем и по-гречески, и по-французски, и по-немецки, и по-чехословацки, и по-красновски, и по-дениковски, и по-кадетски. Слава богу, выдержали экзамен перед целым светом. Через два или три месяца все в один голос скажете: «Мы ученики Великороссии и Украины в борьбе за право быть свободным человеком, а не рабом буржуя и капитала». До свидания…

Николая Григорьева вскоре повысили — из командиров 1-й Заднепровской бригады он в апреле 1919 года стал командиром 6-й Украинской сводной стрелковой дивизии.

«На Крещатике, 25, в пятиэтажном здании помещалось Украинское телеграфное агентство, — вспоминал Николай Равич. — Агентство превратилось в БУП — Бюро печати и информации рабоче-крестьянского правительства Украины… На пятом, верхнем этаже расположился отдел осведомления правительства. Задача отдела — получение всесторонней информации из разных источников. Информация эта предназначалась не для печати, а для осведомления Совнаркома УССР.

Отдел особого осведомления имел, естественно, в лице военных представителей БУПа информаторов на всех фронтах и при всех командующих до командиров бригад включительно. В бюллетенях Отдела особого осведомления БУПа УССР, начиная с № 6, всё больше уделялось внимания атаману Григорьеву…»

В бюллетене № 6 говорилось: «Григорьев производит впечатление человека бесстрашного, с огромной энергией, крестьянского бунтаря. Среди крестьян Григорьев популярен. К горожанам относится скептически. Штаб Григорьева состоит из украинских левых эсеров (начальник штаба — Тютюнник), так же как и командный состав. Себя Григорьев считает беспартийным».

Но с красными он оставался недолго. 7 мая 1919 года Григорьев отказался выполнить приказ перебросить дивизию из Елисаветграда в Бессарабию и поднял мятеж против советской власти.

Лев Борисович Каменев, который командировал Коллонтай

на Украину, сам был назначен уполномоченным Совета обороны на Южном фронте. 10 мая 1919 года он телеграфировал Ленину: «Дорога на Екатеринослав, Знаменку, Киев отрезана бандами Григорьева. Мои сведения и сообщения из Киева дают картину полного восстания Григорьева…

Григорьев, вчера отложивший свидание со мной в Знаменке, сегодня отказывается разговаривать. Он пытается сноситься с Махно. После личного свидания с Махно и посещения Гуляй-поля полагаю, что Махно не решится сейчас поддерживать Григорьева…

Мобилизация рабочих идет полным ходом. Нет денег, нет оружия. Сейчас выезжаю в Киев с твердым решением привести сюда войско и вооружение».

Под началом Григорьева оказалось 20 тысяч штыков, 50 орудий и шесть бронепоездов. Он возглавил повстанческое движение на юге Украины под популярными лозунгами «Украина для украинцев», «Вся власть Советам без коммунистов». Его войска захватили несколько городов — Кременчуг, Черкассы, Херсон, Николаев.

Григорьев был серьезной опасностью. Боялись, что к нему начнут переходить другие части Красной армии. Но в июне 1919 года командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко с облегчением доложил: «Григорьевщина была экзаменом для нас, и экзамен армией выдержан, несмотря на ужасающие условия, в которых эта армия находится, полубосая, полураздетая, политически невоспитанная и еще далеко не оформленная. Из первой и второй дивизии ни один полк не присоединился к Григорьеву, в пятой к нему пристал только один эскадрон и один батальон, из частей второй армии к Григорьеву перешло всего несколько сот человек…»

Борьба с отрядами Григорьева представляла особую сложность, потому что повстанцы при подходе частей Красной армии прятали оружие и притворялись мирными крестьянами, а когда красноармейцы уходили, опять брались за оружие.

Вскоре красных покинул и Махно, который тоже не любил никому подчиняться. Григорьев поспешил к нему присоединиться и совершил ошибку. Нестор Иванович в союзниках не нуждался. 27 июля он распорядился убить бывшего штабс-капитана. Отряды Григорьева были разбиты и частично опять включены в Красную армию.

Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий приказал: «Пленных григорьевцев можно использовать на других фронтах, только проведя их предварительно массами через трибуналы, которые, покарав зачинщиков, рядовую массу могут условно

приговорить к расстрелу, дав двухмесячный срок для исправления…»

Рядом с бригадой Нестора Махно держала фронт 42-я стрелковая дивизия, которой командовал Федор Ефимович Дыбенко, брат Павла.

Федора Дыбенко, бывшего прапорщика, успевшего после революции послужить петлюровцам, взял к себе командующий армиями Украинского фронта Антонов-Овсеенко. Он всячески поддерживал и покрывал братьев Дыбенко.

На Павла Ефимовича потоком шли жалобы, что он окружил себя темными личностями и выступает с антисоветскими лозунгами. Павлу Дыбенко благоволил и Николай Ильич Подвойский, назначенный наркомом по военным и морским делам Советской Украины. Все же они трое — Подвойский, Дыбенко и Антонов-Овсеенко — были в составе первой коллегии Народного комиссариата по военным и морским делам России.

Но если Павла Ефимовича Дыбенко им удалось уберечь от неприятностей, то Федор Ефимович погиб. Обстоятельства его смерти вызывают споры историков.

В 1957 году в Киеве в издательстве «Радяньский письменник» вышел сборник воспоминаний «Путь славных». Автор одного из очерков Л. Л. Федоренко писал и о Федоре Дыбенко, который именовал себя «анархистом-коммунистом»: «Редко когда можно было видеть нашего комдива трезвым. Грубиян отчаянный… он знал только один метод наказания — расстрелы, не вдаваясь ни в какие объяснения».

Тридцать первого марта 1919 года части кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Андрея Григорьевича Шкуро прорвали участок фронта 374-го полка, входившего в состав 42-й стрелковой дивизии Федора Дыбенко. Когда конница белых оказалась в тылу, полк стал беспорядочно отступать. Командир и комиссар полка бежали вместе со своими бойцами. Белые без боя захватили несколько населенных пунктов.

Полк отошел к станции Дебальцево. Начальник дивизии Дыбенко прибыл туда на бронепоезде «Истребитель» и в гневе приказал расстрелять за отступление каждого одиннадцатого командира и бойца 374-го полка. Но бойцы не позволили ему устроить массовый расстрел и убили его самого.

Расследованием гибели Федора Дыбенко занялась комиссия во главе с Александрой Михайловной Коллонтай. Все, кого опрашивали, повторяли:

— Собаке собачья смерть.

Расследование закончилось, когда появились сведения о том, что Федор Дыбенко вступил в контакты с Нестором Махно и

вообще готовил предательство…

Но за честь Федора Дыбенко вступились другие бывшие красноармейцы его 42-й дивизии *(Гатченко П. Б., Пацула Д. И., Синченко Е. А.* Правда о Павле Ефимовиче Дыбенко // Вопросы истории. 1965. № 3). В их описании события выглядят иначе.

Начдив Федор Дыбенко, возмущенный отступлением своих бойцов, приказал выстроить 374-й полк и потребовал от бойцов занять прежние позиции. «Однако красноармейцы и даже некоторые командиры, подстрекаемые контрреволюционными агентами, проникшими в полк под видом бойцов, отказались выполнить приказ. Федор Ефимович Дыбенко, видя создавшееся положение, начал выявлять зачинщиков беспорядка и разоружать их. Тогда один из белогвардейских агентов закричал:

— Товарищи, у нас отбирают оружие, а нас хотят расстрелять!

Провокация возымела свое гнусное действие, и начдив был предательски убит выстрелом в спину после того, как направился к бронепоезду».

Бывшие подчиненные Федора Дыбенко утверждали, что начдива убили белогвардейские лазутчики. Политработники давно докладывали в политотдел дивизии: «Получены сведения о ведущейся преступной агитации какими-то темными личностями среди красноармейцев 374-го полка против Советской Красной Армии и ее командного состава».

Уже после убийства Дыбенко помощник командира 374-го полка и комиссар полка доложили новому начальнику дивизии: «Полк вторично отказался выступить согласно оперативному приказу. С командным составом полка, а также и свыше не желают считаться, примите экстренные меры, мы бессильны…»

Едва ли стоит говорить о белогвардейских лазутчиках, погубивших начдива Федора Дыбенко. Поведение солдат его дивизии определялось не только близостью свободолюбивых бойцов-анархистов Нестора Махно, но и общими настроениями в армии. Долгая борьба против дисциплины и порядка воспитала привычку не подчиняться приказам, которые не нравятся.

Бойцы Федора Дыбенко поступили так же, как и годом прежде моряки Павла Дыбенко под Нарвой: захотели — пошли в наступление, столкнулись с сильным врагом — побежали. В обоих случаях они считали себя вправе поступать именно так — власть-то народная, им самим и решать, как себя вести…

Советская власть, большевики установили на Украине жесточайший террор: брали заложников, расстреливали, сжигали непокорные деревни. Стоит ли удивляться, что население с такой радостью встречало приход белой армии? В июле 1919 года

перешли в наступление Вооруженные силы Юга России под командованием генерала Антона Ивановича Деникина. Это было время наибольших успехов Белого движения.

Девятого августа 1919 года Ленин телеграфировал: «Обороняться до последней возможности, отстаивая Одессу и Киев, их связь и связь их с нами до последней капли крови. Это вопрос о судьбе всей революции».

Коллонтай часто выступала на митингах, стараясь поднять боевой дух отступающей Красной армии. Однажды на проводах красноармейского отряда на фронт среди ее слушателей оказался Николай Равич: «Я увидел, как у Коллонтай потемнели зрачки и она сорвала платок с головы и оглянулась. Кто-то подставил ящик. Александра Михайловна вскочила на него и заговорила. Ее звонкий певучий голос разносился далеко во внезапно наступившей тишине, щеки раскраснелись, глаза сияли. Иногда она непроизвольным движением поправляла непокорную прядь волос, спадающую на лицо. И я тогда любовался ею так, как может любоваться молодой человек двадцати лет женщиной, которая стала для него идеалом».

А как Александра Михайловна чувствовала себя на фронте? Похоже, вполне уверенно. Она была не из пугливых. В Гражданскую войну появилась целая генерация женщин, которые во фронтовой обстановке ощущали себя как рыба в воде. Коллонтай интересовалась судьбами таких женщин…

Киев большевики не удержали, через два месяца им пришлось спешно эвакуироваться. В сентябре 1919 года войска генерала Деникина вошли в город.

«Улицы были запружены радостным, праздничным народом, — вспоминали очевидцы. — Офицеры изредка говорили речи, благодарили за то сочувствие, с которым их встречают, скромно просили прощения в том, что так долго заставляли себя ждать…»

Академик Вернадский писал одному из друзей: «Я прожил в Киеве гетманско-немецкий период, директории Винниченко, большевиков, и теперь, надеюсь, уже более прочный период Добровольческой армии, возрождающейся России. Я очень верю, что это уже начало нового, может быть, и очень тяжелого, но во всяком случае не будет того рабства и тех несчастий, к которым привел социалистический строй. В Киеве мы испытали при нем в XX веке рабство…»

Александра Михайловна вернулась в Москву в сентябре 1919 года. И едва не погибла…

Двадцать пятого сентября 1919 года в здании Московского комитета партии в Леонтьевском переулке, дом 18, шло

совещание. С докладом выступил Николай Иванович Бухарин. Ждали и Ленина, но он не пришел. Около девяти вечера раздался взрыв — в окно бросили бомбу. Погибли 12 партийных работников, среди них самым заметным был секретарь столичного горкома Владимир Михайлович Загорский, соратник Свердлова и близкий к Ленину человек. Среди жертв могла быть и Коллонтай.

«Пережили большую встряску со взрывом в Леонтьевском переулке, — вспоминала Александра Михайловна. — Совершенная случайность, что я избежала гибели. Мы с Инессой (Арманд) за полчаса до бомбы ушли из зала: спешили в ЦК, где нас ждала Надежда Константиновна, сидели близ дверей, где взорвалась бомба…

Павел как раз эти дни находился в Москве. Вбегает ко мне ночью Павел, лица на нем нет, расстроенный, взволнованный. Оказывается, узнал о взрыве, рыскал по всему городу, отыскивал «мой труп» по больницам и моргам. Кто-то сказал, что видел, как будто меня «вынесли»!

— Что ты со мной сделал, голубь мой беспокойный! Чуть ума не решился, — а сам не выпускает из объятий.

Владимир Ильич тоже очень беспокоился: где Инесса? Звонил в отдел».

Ответственность за теракт взяли на себя анархисты — они мстили за своих товарищей и наказывали большевиков за предательство идеалов революции. Чекисты их нашли и уничтожили.

Заведующая отделом ЦК

Александра Михайловна писала скульптору Марии Николаевне Кисляковой, с которой познакомилась в Швейцарии еще в 1909 году: «Я была на Украине и в Крыму, оттуда пришлось спешно эвакуироваться. В сентябре обосновалась в Москве. Но с ноября я расхворалась и очень серьезно. Лежу уже три месяца. У меня воспаление почек (уремия) и воспаление легкого. Сейчас дело идет на поправку…»

Крепкое здоровье Александры Михайловны всё же не выдерживало испытаний, которые на нее обрушила Гражданская война. Спасали воля к жизни и железный характер.

Коллонтай утвердили заместителем заведующей женотделом ЦК РКП(б).

«В конце ноября 1920 года я был в Москве, — вспоминал Николай Равич, — и шел по Тверской улице мимо «Националя»,

направляясь на Воздвиженку. Вдруг из подъезда гостиницы легкой походкой вышла женщина и пошла впереди меня. Что-то знакомое показалось мне в ее облике…

Бог ты мой, Александра Михайловна! Но как она изменилась! Лицо заострилось, глаза как будто потухли, волосы коротко подстрижены…

Она вздохнула:

— А я болела, тяжело болела. Брюшной тиф, заражение крови, да и сейчас сердце пошаливает. Теперь работаю в ЦК…

Около здания ЦК мы расстались…»

С 16 по 21 ноября 1918 года в Москве прошел I Всероссийский съезд работниц и крестьянок, о котором Коллонтай рассказывала на восьмом съезде партии. Это была ее идея. Когда Александра Михайловна была еще наркомом государственного призрения, она проехала по подмосковным городам. И одна из текстильщиц ей сказала: почему бы не собрать в столице работающих женщин со всей страны?

На подготовку съезда ушел почти год. Приехали 1400 делегаток — от фабрик, заводов, профсоюзов и партийных организаций. На съезде постановили образовать аппарат для ведения работы среди женщин. Так появились партийные комиссии по агитации и пропаганде среди граждан. Они создавались при всех партийных комитетах; их задачей было: политическое воспитание женщин, вовлечение в социалистическое строительство, охрана женского труда, материнства и детства.

Коллонтай прочитала на съезде основополагающий док-клад «Семья и коммунистическое государство», составивший целую книгу. Фактически она наметила модель новой семьи в новом обществе, определив его как «товарищеский и сердечный союз двух свободных и самостоятельных, зарабатывающих, равноправных членов коммунистического общества».

В ее представлении женщина избавляется социалистическим государством от всей домашней работы — жилье предоставляется бесплатно, появляются прачечные, мастерские, столовые, в результате жизнь станет «богаче, полнее, радостнее и свободнее». В таких благоприятных условиях женщина больше не боится остаться одна, брошенная мужчиной, потому что на ее стороне государство.

«Не должно быть одиноких, брошенных девушек-матерей, покинутых жен с младенцами на руках, — говорила Коллонтай. — Трудовое государство ставит своей целью обеспечить каждую венчанную и невенчанную мать, пока она кормит младенца, построить повсюду дома материнства, ввести

при каждом предприятии ясли, колыбельные, чтобы дать возможность женщине совместить полезный труд на государство с обязанностями материнства».

И в резолюции съезда записали: «Теперь, при переходе к социализму, домашнее хозяйство является вредным пережитком старины… Отсталое домашнее хозяйство должно исчезнуть».

И воспитание детей — тоже забота государства. Дети растут в яслях и детских садах, где за ними присматривают профессиональные воспитатели: «Пусть не пугаются работницы-матери, коммунистическое общество не собирается отнять детей у родителей, оторвать младенца от материнской груди или насильно разрушить семью. Ничего подобного!.. Государство берет на себя материальную обузу воспитания детей».

Александре Михайловне доверили на съезде и заключительное слово:

— Мы здесь исполняли общегосударственное политическое дело, теперь каждая из вас должна больше уверовать в свои силы, теперь вы уже не одиноки, за вами стоит I Всероссийский съезд. Довольно нам старых сказок о том, что женщина не в состоянии исполнять общегосударственные дела! Ваша первая задача, вернувшись на места, — организовать комиссии работниц, а самим вступать в сочувствующие при местных организациях партии.

В съездовскую резолюцию «По организационному вопросу» записали: «Работа среди женщин должна проводиться коммунистической партией, партийными комитетами на местах через посредство специальных органов пропаганды и агитации при партийных комитетах».

Руководство большевиков прислушалось к пожеланиям женщин. В ноябре 1918 года при ЦК РКП(б) была образована комиссия по агитации и пропаганде среди женщин. В нее включили и Коллонтай. Председателем стала Инесса Федоровна Арманд.

А меньше чем через год сбылась мечта Коллонтай. В сентябре 1919 года ЦК образовал по всей стране женотделы — подразделения партийных комитетов по работе среди работниц и крестьянок (вместо комиссий по пропаганде и агитации среди женщин). Женотделы должны были позаботиться о ликвидации неграмотности среди женщин и подготовке женских кадров.

Девятый съезд партии потребовал вести «самую усиленную работу среди крестьянок и работниц». Но мужчины по-прежнему считали политику исключительно своим делом. Женщин среди делегатов съездов по-прежнему было мало. Партийные работники не воспринимали их как равных. В губкомах относились к

женотделам презрительно, и существование их было «жалким», как это прозвучало на одном из съездов партии.

В аппарате ЦК партии образовали отдел по работе среди женщин. Руководить им в сентябре 1919 года поставили опять же Инессу Арманд. Отдел был небольшой — пять членов коллегии, шесть ответственных инструкторов, девять организаторов, два помощника секретаря, две машинистки, регистратор и курьер.

А Коллонтай обиделась, что ее обошли. В большевистском руководстве она считала себя женщиной номер один. Но вместе с Лениным из эмиграции приехала Инесса Арманд и стала самой влиятельной женщиной в Москве. Это был удар для самолюбивой Коллонтай, которая считала, что выбор в пользу Инессы Федоровны был продиктован ее особыми, личными отношениями с вождем…

Ленин был одним из самых знаменитых деятелей той эпохи. Люди шли за него на смерть, горы сворачивали и правительства свергали. Наверное, он, став таким популярным, нравился и женщинам. Но только одна из них любила его так сильно, горячо и бескорыстно, так слушалась его во всем.

Француженка Инесса Федоровна Арманд появилась на свет в Париже как Элизабет Стеффен. Девочкой ее привезли в Москву. Здесь она вышла замуж за Александра Арманда, чьи потомки обосновались в России еще в годы Наполеоновских войн.

У них родилось трое детей. Но брак быстро разрушился. Инесса полюбила младшего брата своего мужа, Владимира Арманда, который был моложе ее на 11 лет. Их связывал среди прочего интерес к социалистическим идеям. В те времена, кажущиеся нам пуританскими, Инесса нисколько не стеснялась адюльтера. Не считала себя развратной женщиной, полагала, что имеет право на счастье.

Инесса родила сына и от любовника, назвала его Андреем. Муж Инессы оказался на редкость благородным человеком, он принял ее ребенка, как своего, дал свое отчество. Роман оказался недолгим. Ее любовник заболел туберкулезом и умер.

Инессу Арманд волновала не только личная свобода, но и общественная. В России это самый короткий путь за решетку. Инессу сажали три раза. Из ссылки, которую она отбывала в Архангельске, она бежала за границу. Здесь и познакомилась с Лениным. Потеряв любимого человека, Арманд была открыта для новой любви.

Жена вождя, Надежда Константиновна Крупская, на фоне Арманд сильно проигрывала. Она рано утратила женскую привлекательность, располнела и подурнела. Глаза у нее были навыкате, ее зло называли селедкой. Крупская страдала

базедовой болезнью. Не знали тогда, что базедова болезнь — одно из самых распространенных эндокринных заболеваний и заключается в нарушении функции щитовидной железы. Сейчас бы ей помогли, а тогда жена Ленина фактически осталась без медицинской помощи. Базедова болезнь сказалась и на характере, и на внешности Надежды Константиновны: несоразмерно толстая шея, выпученные глаза плюс суетливость, раздражительность, плаксивость.

Но вот что важно. Ленин не оставил жену. А ведь это были самые счастливые дни его недолгой жизни. Страстная и опытная Арманд открыла Владимиру Ильичу новый для него мир наслаждений. Это оказалось почти так же увлекательно, как заниматься революцией. И тем не менее этой любовью он пренебрег. Не имея детей, Надежда Константиновна Крупская посвятила ему свою жизнь. Их объединяли общие идеалы, взаимное уважение. Нельзя сказать, что их брак был неудачным. Владимир Ильич ценил жену, сочувствовал ее страданиям.

Говорят, Крупская готова была уйти, дать мужу развод, чтобы он был счастлив. Но Ленин сказал: останься. Оценил ее преданность? Арманд смущала его свободой взглядов на интимную жизнь. Она считала, что женщина сама вправе выбирать себе партнера, а в этом смысле революционер Ленин был крайне старомоден… Роман с Инессой так или иначе тянулся лет пять, пока Ленин не прервал любовные отношения.

«Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда прежде, какое большое место ты занимал в моей жизни.

Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась бы без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать?

Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя».

Это единственное сохранившееся личное письмо Инессы Федоровны Арманд Владимиру Ильичу Ленину. Остальные письма она уничтожила. Такова была просьба Ленина. Он уже был лидером партии и думал о своей репутации. Но Арманд осталась его близким и интимным другом. Возможно, единственным.

А у Коллонтай отношения с Лениным не складывались.

«У Ленина глаза были карие, в них всегда скользила мысль, — вспоминала Александра Михайловна. — Часто играл лукаво-насмешливый огонек. Казалось, что он читает твою мысль,

что от него ничего не скроешь. Но «ласковыми» глаза Ленина я не видела, даже когда он смеялся».

Возможно, дело в том, что Владимиру Ильичу категорически не нравились ее идеи относительно решения женского вопроса. И он знал о ее соперничестве с Арманд, хотя в основных принципах обе они были единодушны.

Инесса Федоровна тоже считала, что женщину надо освободить от всех семейных забот, дабы она отдала все силы коммунистическому строительству: «Нельзя провести всеобщей трудовой повинности, нельзя провести коммунистических форм труда, не освободив женщин от заботы о семье, от печного горшка. При проведении трудовой повинности это становится ясным даже для самых слепых и упрямых».

В августе 1920 года Ленин написал Инессе, желая хотя бы на время избавить ее от разногласий с Коллонтай:

«Дорогой друг!

Грустно очень было узнать, что Вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли я помочь Вам, устроив в санатории?

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце. Он там власть. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку».

Спасая Инессу от женских дрязг в коридорах ЦК и желая сделать ей приятное, Ленин уговорил ее отдохнуть в Кисловодске. Инесса поехала с сыном. Организацией ее отдыха вождь мирового пролетариата занимался сам, уже убедившись, что созданный им советский аппарат провалит любое дело.

Восемнадцатого августа Ленин связался с председателем Северо-Кавказского ревкома Серго Орджоникидзе: «т. Серго! Инесса Арманд выезжает сегодня. Прошу Вас не забыть Вашего обещания. Надо, чтобы Вы протелеграфировали в Кисловодск, дали распоряжение устроить ее и ее сына как следует и проследить исполнение. Без проверки исполнения ни черта не сделают…»

Отдых не получался. Инесса Арманд грустила. 1 сентября 1920 года записала в дневнике: «Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к Владимиру Ильичу. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть Владимиру Ильичу и делу работы, в нем истощились все источники работы, которыми оно раньше было так богато… И люди чувствуют эту мертвенность во

мне, и они оплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили). А сейчас — иссякает и горячее отношение к делу. Я человек, сердце которого постепенно умирает…»

Отношения с Лениным, теплые и сердечные, были ограничены известными рамками, которые он сам установил. А ей хотелось настоящей любви, обычного женского счастья.

Ленин тревожился и напоминал Орджоникидзе: «Очень прошу Вас, ввиду опасного положения на Кубани, установить связь с Инессой Арманд, чтобы ее и сына эвакуировали в случае необходимости…»

Вот и напрасно сорвали ее из безопасного Кисловодска. Боялись одного, а беда подстерегла с другой стороны. На Кавказе, в Беслане, Инесса заразилась холерой и умерла. Местный телеграфист отстучал телеграмму: «Вне всякой очереди. Москва. ЦЕКа РКП, Совнарком, Ленину.

Заболевшую холерой товарища Инессу Арманд спасти не удалось. Кончилась 24 сентября. Тело перепроводим в Москву. Назаров».

С транспортом были большие проблемы. Восемь дней ее тело лежало в морге в Нальчике, пока искали оцинкованный гроб и специальный вагон. Через две недели, ранним утром 11 сентября 1920 года, гроб доставили в Москву. На Казанском вокзале поезд встречали Ленин и Крупская. Гроб поставили на катафалк и повезли в Дом союзов.

Дочь члена Реввоенсовета Республики Сергея Ивановича Гусева, писательница Елизавета Драбкина, вспоминала: «Мы увидели двигающуюся нам навстречу похоронную процессию. Мы увидели Владимира Ильича, а рядом с ним Надежду Константиновну, которая поддерживала его под руку. Было что-то невыразимо скорбное в его опущенных плечах и низко склоненной голове».

Владимир Ильич шел за гробом через весь город. О чем он думал в эти часы? О том, что напрасно отказался от любви Инессы Арманд и жестоко обделил себя? Ощущал свое одиночество? Чувствовал неотвратимо подступающую неизлечимую болезнь, которая скоро, очень скоро превратит его в полного инвалида?

«На похоронах Ленина было не узнать, — писала Александра Коллонтай. — Он был раздавлен горем. Нам казалось, что в любой момент он может лишиться сознания».

После смерти Инессы Арманд она стала заведовать отделом ЦК по работе среди женщин. В декабре 1920 года VIII съезд Советов избрал ее членом ВЦИКа.

Партийным аппаратом коллегиально управляли трое секретарей ЦК, избранных IX съездом партии: Николай Николаевич Крестинский, занимавшийся экономическими вопросами Евгений Алексеевич Преображенский и Леонид Петрович Серебряков, недавний начальник политуправления Реввоенсовета Республики.

Аппарат был еще сравнительно небольшим: отдел информации, учетно-распределительный (кадровый), организационно-инструкторский, школьно-просветительный, отдел по работе в деревне, издательский, управление делами.

Любовь пчел трудовых

Первого октября 1918 года «Правда» опубликовала статью Коллонтай ««Крест материнства» и Советская республика» о том, как облегчить неимущим женщинам тяготы материнства:

«В наших собственных интересах, в интересах крепости коммунистического строя — разбить во всех слоях, во всех классах устои старой, эгоистической, узко-замкнутой буржуазной семьи. Жизнь и та великая ломка былых устоев, которая совершается на наших глазах, очищают путь для строительства новых форм семьи — семьи социалистической, то есть для воспитания детей в детских колониях, детских общежитиях…

Первая сейчас насущная задача — накормить детей и этим помочь матерям. Надо наладить немедленно же широкую, обнимающую всю Москву, а затем и другие города сеть центральных кухонь для детей. Дети ведь уже сейчас все на учете, детские продовольственные карточки налицо. Не трудно разбить районы на мелкие участки, найти подходящее помещение для центральной детской кухни и оборудовать ее при помощи посменного дежурства и контроля матерей данного участка…

Для государства получается сразу экономия: вместо топки двухсот кухонных печей — топка одной центральной печи. Получается экономия и на провизии: из центрального котла легче накормить двести детей, чем из 200 отдельных мисок. А какое громадное, колоссальное сбережение сил и времени самих матерей! Вместо того, чтобы ежедневно простаивать за плитой полдня — дежурство в центральной кухне раз в неделю, раз в десять, даже в пятнадцать дней!»

На VIII съезде Коллонтай внушала товарищам по партии:

— Не забудьте, что революция сейчас глубоко коснулась устоев семьи. Семья разрушается на наших глазах, и от этого страдают более всего дети и женщины… Нам необходимо сейчас

идти на помощь уничтожающемуся на наших глазах непроизводительному домашнему хозяйству, заменяя его сетью потребительских коммунистических учреждений. Не бойтесь, будто мы сознательно разрушаем дом и семью, не думайте, что женщина так крепко держится за свои ложки, плошки и горшки. Наоборот, когда мы идем с агитацией на фабрики и заводы и говорим: «Стройте общественные столовые и общественные прачечные» — женщины не дают нам прохода и требуют, чтобы мы немедленно осуществили намеченный план. Если мы разъясняем значение социалистического воспитания, говоря, что такое детские колонии, трудовые коммуны, матери спешат к нам с детьми, несут их нам в таком количестве, что мы не знаем, куда их поместить… Надо идти навстречу этому стремлению работниц и крестьянок к своему полному раскрепощению. Работница должна перестать быть хозяйкой на дому, выполняющей непроизводительный домашний труд, она должна внести свою лепту в общенародное хозяйство…

Идеи коммун, как их себе представляла Коллонтай, не реализовались (пожалуй, к счастью для всех). А общий быт стал тягостной реальностью в виде наскоро сколоченных бараков для рабочих, неустроенных общежитий и огромных коммунальных квартир, где женщины были лишены минимального комфорта, а часто и радостей личной жизни.

Главной заботой Коллонтай было решить проблему трудовых ресурсов. Освободить молодую женщину от воспитания детей — значит «обеспечить трудовой республике непрерывный приток свежих работников в будущем… Трудовая республика подходит к женщине, прежде всего как к трудовой силе, единице живого труда; функцию материнства она рассматривает как весьма важную, но дополнительную задачу, притом задачу не частно-семейную, а социальную».

Вот почему женщина, по ее словам, «должна соблюдать все предписания гигиены в период беременности, помня, что в эти месяцы она перестает принадлежать себе — она на службе у коллектива — она «производит» из собственной плоти и крови новую единицу труда, нового члена трудовой республики…».

Это было характерное для функционеров тоталитарных обществ представление: детей рожают во имя интересов общества. Родила, вскормила материнским молоком — и свободна… Заметим, что сама Александра Михайловна невероятно трогательно относилась к сыну. И вовсе не воспринимала его лишь как «члена трудовой республики».

Но она искренне мечтала освободить женщину от всех тягот: «Стонет работница под семейным ярмом, изнемогает она под

тяжестью тройных обязанностей: профессиональной работницы, хозяйки и матери».

В ее представлении до революции «забота о детях и их воспитании являлась бременем, приковывающим женщину к дому, закабаляющим в семье». Что меняет советская власть? «Своей коммунистической политикой в области обеспечения материнства и социального воспитания государство решительно снимает с женщины это бремя, перекладывая его на социальный коллектив, на трудовое государство».

Александра Михайловна доказывала, что задача женщины — родить, а все заботы о ребенке обязано взять на себя государство: «Снять с матерей крест материнства и оставить лишь улыбку радости, что рождает общение женщины с ее ребенком — таков принцип Советской власти в разрешении проблемы материнства».

Коллонтай надеялась облегчить участь женщины, избавив ее от бытовых трудностей. Обещала открывать молочные кухни, ясли, прачечные, медицинские консультации. Законодательно сокращать рабочий день для молодых мам. И обязательно платить пособие беременным…

А что получилось на деле?

Советская власть — в том числе и стараниями Коллонтай — приняла важнейшие декреты: о восьмичасовом рабочем дне, о введении равной оплаты за равный труд для мужчин и женщин, об охране материнства и детства. В первой советской конституции, принятой V съездом Советов в июле 1918 года, утверждался принцип равенства женщин с мужчинами в государственной, хозяйственной, культурной и общественно-политической жизни…

Но равенство оказалось равенством тяжких обязанностей.

Вводился так называемый «трудовой паек», что означало: нетрудящихся не кормить. В городах ввели всеобщую трудовую повинность, в том числе для женщин — с восемнадцати до пятидесяти лет. Начали с Петрограда, где первой же революционной зимой женщин отправили на расчистку улиц и железнодорожных путей от снега. «Бездельниц» угрожали выселить из квартир. Колка дров, топка печек, таскание мешков, попытки раздобыть какую-то еду преждевременно состарили это поколение. Исключая тех, кто пристроился к новой власти.

«Декреты о национализации, социализации, ограничение торговли, а затем почти полное ее прекращение, — вспоминал один бывший царский генерал, — поставили обывателя в такое положение, что даже если у него и были деньги, он должен был или голодать, или идти на советскую службу, где получал пищевой паек. Был установлен принцип, что имеет право на

существование только тот, который приносит свой труд на пользу Рабоче-крестьянской республике…»

«Понемножку лишаемся всяких культурных приспособлений для здоровой жизни, — вспоминал один из москвичей, — лишились трамвая, центрального отопления, частично электрического освещения и водопровода (иногда по суткам огня и воды не дают), а сегодня что-то неладное случилось и с канализацией, так что уборные закрыты. В бане обходятся без мыла. Или выпросят у соседа, или стащат его в тот момент, когда обладатель мыла идет за водой».

Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский, географ и картограф, вспоминал о жизни в Петрограде после революции: «Электроэнергии не хватало для трамвайной сети. И вот один из зиновьевских мудрецов придумал: центральные части города населены буржуями, которые могут ходить и пешком, а окраины — рабочими, нуждающимися в трамвайном сообщении и между собой, и с центром. Поэтому трамвайное движение было сохранено только на рабочих окраинах, а через центр сохранены только две-три линии…»

Ночью 10 марта 1918 года специальный поезд № 4001 отошел от станции Цветочный Пост — он увозил в Москву советское правительство. Жить в Петрограде стало невозможно из-за роста преступности. В городе бродили несколько десятков тысяч вооруженных матросов, а еще уголовники, которые благодаря двум революциям вышли на свободу. Милиция ничего не могла сделать, потому что профессионалов — из царской полиции — не брали, а новые люди расследовать преступления не умели. Процветали наркомания и проституция. В 1920 году в Петрограде насчитывалось 300 притонов и полтора десятка тысяч проституток. Город опустел. Население Петрограда в 1916 году составляло почти два с половиной миллиона человек, к 1920 году петроградцев стало втрое меньше.

Большевики отменили плату за проезд на транспорте, за пользование почтой, телеграфом, телефоном, водопроводом, электричеством… Результатом этой пародии на коммунизм стало то, что у рабочих напрочь исчезло желание трудиться. Тогда их стали заставлять работать. В большом количестве понадобились надсмотрщики.

Ленин обещал, что после революции государство отомрет, люди сами станут управлять своей жизнью. Происходило обратное: государство как аппарат управления и принуждения рос как на дрожжах. А с ним разрастался и класс чиновников-бюрократов.

Вольница первых послеоктябрьских дней быстро сменилась

жестким бюрократизмом. Новой власти нужна была хорошо организованная государственная машина.

«При входе в круглую белую башню у Александровского сада, — вспоминал современник, — у меня были затребованы пропуск и документы. На другом конце моста, в воротах Боровицкой башни контроль был повторен с еще большей строгостью. Лишь после телефонного запроса в канцелярию, действительно ли комиссаром ожидается такой-то, я получил разрешение войти в Кремль. Идя через мост, я спиною чувствовал взоры не спускавших с меня глаз чекистов.

Здесь не было ни грязи, ни тесноты, ни беспорядка. Здесь все было чисто, чинно и просторно. Чисто и бело от нетронутого снега на тротуарах и по-старинному подтянутых солдат. Менее, чем в любом ином месте Москвы, была здесь видна революция. Здесь, откуда она исходила, еще царило старинное благообразие. В Кремле большевизм ощущался не разнузданным произволом революции, а твердою революционною властью».

Но изменить положение советской женщины к лучшему не удалось.

Коллега Коллонтай по женскому движению Анжелика Балабанова писала: «Женщины, которые были обязаны революции всеми своими новыми правами и положением, вдруг стали старыми и изнуренными, физически покалеченными своими страданиями и бесконечной тревогой за детей. Мало-помалу их единственной заботой стало достать карточку, которая могла дать им возможность когда-нибудь в ближайшем или отдаленном будущем получить платье, пальто или пару ботинок для детей».

На съезде партии Коллонтай хотела внести поправку в новую партийную программу относительно женского вопроса и семьи.

«Я прямо к Ленину, — вспоминала она. — Читает мою поправку, а по лицу вижу — не одобряет.

— Что вы хотите сказать этим выражением — «исчезновение замкнутой формы семьи»? Ишь, куда вы хватили — «при коммунизме»? Где сказано, какая форма семьи будет в осуществленном коммунизме? Программа ведь вещь актуальная, надо исходить из практических надобностей. Нам, наоборот, надо семью удержать от развала, особенно сейчас, надо детей сохранить. А вот вы куда махнули… Успеем и эти вопросы решить, как с белыми покончим…

Но в кулуарах вокруг меня, как всегда, собирался народ, и я разъясняла им мою резолюцию, что раз нет собственности, раз мы перейдем на общественное питание, раз дети будут на социальном воспитании, изменится и форма теперешней семьи. Государству она уже не будет нужна, это остаток буржуазного

строя.

Брачная пара — дело другое. Мать и дитя, главное — широкое обеспечение и охрана материнства государством и общественностью.

— А отец при чем будет? — спрашивают товарищи.

— А отец пусть дает любовь и заботу о детях добровольно.

Это кто-то услышал, подхватил, и пошло по съезду: «Коллонтай хочет отцов в добровольцев превратить».

Одни понимали иронию и смеялись, другие возмущались всерьез…»

Александру Михайловну много лет осуждали за пропаганду свободных отношений между мужчиной и женщиной.

Иван Алексеевич Бунин в книге «Окаянные дни» приводит слова Щепкиной-Куперник о Коллонтай:

— Я ее знаю очень хорошо. Была когда-то похожа на ангела. С утра надевала самое простенькое платьице и скакала в рабочие трущобы — «на работу». А воротясь домой, брала ванну, надевала голубенькую рубашечку — и шмыг с коробкой конфет в кровать ко мне: «Ну, давай, дружок, поболтаем теперь всласть!»

Обозленный революцией Бунин добавил от себя: «Судебная и психиатрическая медицина давно знает и этот (ангелоподобный) тип среди прирожденных преступниц и проституток».

Многие были к ней несправедливы… Призыв Коллонтай позволить женщине самой определять свою судьбу был реакцией на прежнее подчиненное положение женщины.

Александра Михайловна писала в журнале «Рабочий суд» в 1926 году: «Когда говорят о слишком свободных отношениях, то при этом забывают, что эта молодежь почти совсем не прибегает к проституции. Что, спрашивается, лучше? Мещанин будет видеть в этом явлении «разврат», защитник же нового быта увидит в этом оздоровление отношений».

Коллонтай вошла в межведомственную комиссию по борьбе с проституцией при Наркомате государственного призрения, который она когда-то возглавляла. В тезисах комиссии говорилось:

«1. Проституция тесно связана с основами капиталистической формы хозяйства и наемным трудом.

2. Без утверждения коммунистических основ хозяйства и общежития исчезновение проституции неосуществимо. Коммунизм — могила проституции.

3. Борьба с проституцией — это борьба с причинами, ее порождающими, то есть частной собственностью и делением общества на классы».

Шестнадцатого февраля 1921 года Коллонтай писала

Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович,

пересылаю Вам тезисы по новой коммунистической морали, которые мы будем разбирать в среду 23 февраля на Межкомиссии соцобучения по борьбе с проституцией. Крайне желательно Ваше присутствие, будут заинтересованные товарищи и те, кто хочет не только в брачных отношениях, но и в других областях внести большую ясность и четкость нарождающейся новой коммунистической морали…»

В годы Гражданской войны количество проституток уменьшилось. Во-первых, упала роль денег. Во-вторых, молодые женщины из деревни перестали перебираться в город — деревня жила лучше. В-третьих, с проститутками расправлялись довольно жестоко. Владимир Ильич Ленин рекомендовал проституток расстреливать (см.: Вопросы истории. 2004. № 9).

Коллонтай рассказывала о своем выступлении на конференции в Гааге:

«Поразило слушателей, что за годы советской власти и государственной деятельности по охране материнства и младенчества количество преступлений детоубийства брошенными женщинами-матерями резко снизилось в судебных анналах.

— У нас нет больше брошенных женщин, само понятие тоже исчезает, — это мое заявление вызвало горячий отклик.

— Какие у вас практические меры борьбы с проституцией? — послышались настойчивые вопросы делегаток конференции.

Я ответила одним словом: труд. У нас все граждане и гражданки привлечены к труду, полезному для общества и государства. Мы ведем борьбу не с проституцией, а с ее первопричиной, то есть трудо-дезертирством».

Объяснения кажутся смешными. Напомним, что в 1920 году в Петрограде насчитывалось 17 тысяч проституток и 300 притонов. Окончание Гражданской войны, если можно так выразиться, пошло проституции на пользу. Количество продажных женщин выросло.

Сарра Наумовна Равич (первая жена Григория Зиновьева и сама старая большевичка) писала в теоретическом органе ЦК журнале «Коммунист»: «Старые, гнилые устои семьи и брака рушатся и идут к полному уничтожению с каждым днем. Но нет никаких руководящих начал для создания новых, красивых, здоровых отношений. Идет невообразимая вакханалия. Свободная любовь лучшими людьми понимается как свободный разврат».

А что еще могло произойти в годы Гражданской войны, когда мораль и нравственность были почти полностью разрушены?

Рабочий-большевик, который в составе конвоя сопровождал группу офицеров на место расстрела, рассказывал: «Жена одного из них следовала за отрядом и предлагала каждому пойти с ней, чтобы мужа отпустили. Я отошел с ней в сторону, совершил акт пролетарской справедливости, но мужа все равно расстрелял».

Стакан воды

Имя Коллонтай связывают с так называемой «теорией стакана воды»: дескать, удовлетворить свои интимные потребности так же просто, как выпить стакан воды. Но это вовсе не ее идея. Воздержание, отказ от секса она считала в корне неверным, потому что во имя сохранения здоровья необходимо полное и правильное удовлетворение потребностей человека. Себя она характеризовала как «сексуально эмансипированную коммунистку».

Она придумала два термина «бескрылый эрос» (интимные отношения без любви) и «крылатый эрос» (с любовью). Статья под названием «Дорогу крылатому Эросу!» (журнал «Молодая гвардия», № 3 за 1923 год) считается призывом к свободной любви. Вероятно, так кажется тем, кто статью не читал. В реальности Коллонтай говорила о новых отношениях, которые назвала «любовь-товарищество».

На каких основаниях они могут строиться?

Коллонтай перечисляет:

«1) равенство во взаимных отношениях (без мужского самодовления и рабского растворения своей личности в любви со стороны женщины);

2) взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душой другого (чувство собственности, взращенное буржуазной культурой);

3) товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека (буржуазная культура требовала эту чуткость в любви только со стороны женщины)».

Важный мотив в ее рассуждениях — отказ от права собственности на любимого человека. Она часто возвращалась к этой мысли:

«Буржуазная идеология воспитала в людях привычку смешивать чувство любви с чувством собственности над другим человеком. Первые ласкательные слова, какими обмениваются влюбленные, — это «я твоя, ты мой». Пора этой привычке исчезнуть, это остаток буржуазного представления, что

«собственность» — это высшая ценность. Хорошему товарищу, созвучной подруге не скажешь же «мой» или «моя».

Без этих ложных представлений исчезнут и муки ревности. Надо уметь любить тепло и не ради себя, а вместе с тем всегда помнить, что ты «ничья» кроме своего дела. Тогда другой, любимый человек, не сможет ранить тебя. Ранить сердце может только «свой», а не «чужой».

Возможно, Александра Михайловна инстинктивно искала способ избежать страданий, связанных с ревностью, поскольку сама очень болезненно будет переживать разрыв с любимым мужчиной…

Коллонтай считала, что мужчина и женщина равноправны в браке, что секс так же важен для женщины, как и для мужчины, и что женщина имеет право на аборт и на рождение ребенка вне брака.

В ноябре 1920 года Совнарком согласился разрешить аборты в медицинских учреждениях. Но руководители большевиков конечно же еще не осознали права женщины на выбор. Это было решение, продиктованное чудовищными реалиями Гражданской войны.

Коллонтай записала в дневнике: «Я с увлечением рассказывала норвежской общественной деятельнице Тове Мур, врачу по профессии, какие благоприятные результаты принесло нам проведение закона, допускающего аборты. Во-первых, уменьшилось количество женских заболеваний от варварским образом проведенных нелегально абортов; во-вторых, уменьшилось число детоубийств, совершаемых чаще всего одинокими, брошенными женщинами. Это огромные достижения за короткий срок действия закона об абортах…

Когда она ушла, я вспомнила, как у нас без сопротивления прошел закон, допускающий аборты. На заседание Женотдела при ЦК партии, на которое собрались руководительницы московского и районных женотделов, пришла Надежда Константиновна Крупская, и Вера Павловна Лебедева как заведующая отделом Материнства и младенчества сделала доклад и горячо высказалась за рассматриваемый проект закона об абортах.

Но я помню, как при встрече Ленин сказал мне, что хотя он считает это мероприятие своевременным, но с укреплением социалистического хозяйства, с поднятием благосостояния всего советского населения и широкого развития всей сети охраны и обеспечения материнства и младенчества закон об абортах отомрет сам собою, он станет тогда излишним.

Я думаю, что еще долго в Советской России нам нужны будут врачебные консультации для женщин как в отношении общей

гигиены, так и по вопросу превентивных методов».

Семья будущего

«Мне попалась книга Коллонтай «Мораль и рабочий класс», — вспоминала Маргарита Ивановна Рудомино, создатель Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы. — Я поняла, что брак это что-то нужное и честное, что он должен заключаться по любви… Мораль Коллонтай — жить в браке на свободных началах. Но вместе с тем быть верными супругами. Это самое главное. Но в чем свобода? Коллонтай проповедовала однолюбие, но свободное, — жить отдельно, но быть верными супругами, а детей отдавать в детские сады или совместно воспитывать, не иметь общих денег, одной кухни, что, по Коллонтай, портит жизнь».

«Не должно быть брачной пары как узаконенного коллектива, оторванного от главного основного союза всех граждан трудовой республики… — писала Александра Михайловна. — Какая форма брака отвечает интересам трудового коллектива? Выделение брачной пары в обособленную ячейку не отвечает интересам коллектива».

Общественное важнее личного, это твердили тогда все певцы нового строя.

«Эмоциональность была одним из типичных свойств женщины прошлого, она служила одновременно и украшением, и недостатком женщины. Современная действительность, вовлекая женщину в активную борьбу за существование, требует от нее умения побеждать свои эмоции… Чтобы отстоять у жизни свои еще не завоеванные права, женщине приходится совершать над собой гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине».

«Современная женщина может простить многое из того, с чем всего труднее примирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к своему духовному «я»… Современная женщина желает и ищет бережного отношения к своей личности, к своей душе. Деспотизма она не выносит».

Для Коллонтай вынужденный брак по расчету — форма нелегальной проституции, когда женщина, не имеющая способов устроить свою жизнь, а то и просто прокормить себя, должна удовлетворять потребности мужчины. И при этом еще делать вид, что она его обожает и счастлива…

«Прежняя женщина не умела ценить личной

самостоятельности. Да и что могла она с ней начать? Что может быть более жалкого, беспомощного, чем брошенная жена или любовница, если это женщина прежнего типа? С уходом или смертью мужчины женщина теряла не только материальное обеспечение, но и рушилась ее единственная моральная опора… Современная, новая женщина не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви».

Коллонтай отстаивала право женщины получать наслаждение, как это всегда позволяли себе мужчины: «В то время как женщины прошлого, воспитанные в почитании непорочности мадонны, всячески блюли свою чистоту и скрывали, прятали свои эмоции… характерной чертой новой женщины является утверждение себя не только как личности, но и как представительницы пола. Бунт женщины против однобокости сексуальной морали — одна из наиболее ярких черт современной героини».

Александра Михайловна призывала женщину избавиться от пассивности, неуверенности в себе, внутренней слабости. Не страдать от мужской измены, не считать уход мужчины жизненной катастрофой, концом жизни: «Пора научить женщину брать любовь не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное «я». Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душой».

Коллонтай не принимала принцип нерасторжимости брака, потому что видела в этом форму «безраздельного владения». Такой брак не охраняет счастье, ограничивает свободу личности, мешает любви.

Это, надо заметить, ее давнишняя идея. Еще в написанной в 1913 году статье «Новая женщина» она восклицала: «Как трудно современной женщине сбрасывать с себя эту воспитанную веками, сотнями веков способность в женщине ассимилироваться с человеком, которого судьба выбрала ей во властелины, как трудно ей убедиться, что и для женщины грехом должно считаться отречение от самой себя, даже в угоду любимому, даже в силу любви…»

Но много лет спустя она с сожалением признала, что и сама не в силах соответствовать собственному идеалу: «Как далека я еще от типа настоящей новой женщины, которая к своим женским переживаниям относится с легкостью и даже, можно сказать, с завидной небрежностью… Я же до сих пор принадлежу к поколению женщин, выросших в переходный период истории.

Любовь со всеми своими разочарованиями, трагедиями и ожиданием неземного счастья так долго играла в моей жизни большую роль. Слишком большую роль!»

В 1921 году Коллонтай читала лекции в Университете им. Я. М. Свердлова — «О коммунистической морали в области брачных отношений».

Настоящая любовь, связывающая мужчину и женщину, — это идеал, редкий дар судьбы. Как же быть остальным? Что остается на их долю? Брак без чувств? Платная любовь? Нет, что бы ей ни приписывали, «свободную» любовь, легкую смену партнеров Коллонтай тоже отвергала.

Она предлагала свой вариант: «эротическая дружба», «любовь-игра». Если отношения разовьются, партнеры вступят в брак. Если ничего не выйдет, разойдутся: «Общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели».

Александра Коллонтай раньше других увидела, как важно самой женщине отказаться от традиционной роли — приспосабливаться к интересам и потребностям мужчины, думать лишь о том, как удовлетворять его желания, — и осознать свою самостоятельность, самоценность (см. работу профессора Татьяны Осипович «Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай»).

Коллонтай была даже сторонницей военной службы для женщин, считая ее признаком равенства: «С призывом женщины в войска окончательно закрепляется представление о ней как о равноправном и равноценном члене государства». Но Александра Михайловна слишком опередила время.

Мужчина должен отказаться от своего эгоизма и увидеть в женщине личность. Вот что Коллонтай называла самым важным: «Женщины всегда учились этому, а мужчинам не было нужды; и покуда они не разовьют в себе способности к коллективной жизни, требующей этих качеств, не может быть хорошего социалистического брака».

Да и сама женщина должна измениться, считала она, осознать свои права и возможности. И не стоит ожидать, что всё необходимое сделает мужчина. Мужских ответов на женские проблемы было недостаточно. Счастливые и полноценные отношения сложатся только при условии взаимного уважения и доверия между женщиной и мужчиной.

Она продолжала думать об этом, отправившись за границу. 22 марта 1932 года писала из Стокгольма своей подруге актрисе Юреневой: «Хотелось бы, чтобы удался Женский день. Хотя он уже всё менее и менее нужен. Проблемы, которые сейчас больно

еще ударяют по женщине, — общего характера. И одна из проблем: перевоспитание мужской психологии. Ой, как это необходимо! Как мало в них товарищества и дружеской созвучности и как много «самодовления». У них глаза не открыты, чтобы воспринимать и все оттенки нового бытия, и нас, новых женщин. Отсюда — ой, ой, сколько боли…»

Прощание с Коминтерном

Александра Коллонтай призывала выдвигать больше женщин на руководящую работу, разумеется, женщин пролетарского происхождения:

— Среди так называемых «советских барышень», которые сидят в различных комиссариатах, имеется очень много мелкобуржуазного, чуждого нам элемента. Нам надо других работников — идейных! Откуда мы их возьмем? Из работниц, из крестьянок, из пролетарок. Часто бывает, что мы ставим во главе какого-нибудь учреждения специалистку — возьмем детские колонии, ясли. Она знает свое дело, но дух у нее чужой. У нее не хватает здорового классового инстинкта… Мы возьмем эту специалистку как руководительницу по определенной отрасли, но во главе учреждения должна быть работница. Классовый инстинкт поможет ей правильно наметить путь работы…

Такой подход приводил к тому, что должности занимали непрофессионалы, хуже того — неспособные к работе люди.

Классовый инстинкт не помогал хорошо работать. Нелюбимый Александрой Михайловной Троцкий это понимал. Лев Давидович внушал соратникам по партии: не может быть какой-то особой пролетарской науки. Ехидно замечал: «Тот, кто думает, что с помощью марксизма можно наладить производство на свечном заводе, слабо разбирается и в марксизме, и в изготовлении свечей».

Появилась когорта женщин — профессиональных партийных работников, но они не радовали сердце Александры Михайловны. Вместо современных женщин-энтузиасток — скучные партсекретари, еще большие догматики, чем мужчины.

Идеи Коллонтай, связанные с сексуальной свободой, с равенством мужчины и женщины в интимных отношениях, явно опередили свое время. Ее воззрения казались невероятно радикальными. Партийные секретари, воспитанные в ханжеском духе, были в шоке.

«Всю свою жизнь, — отмечает Ирина Игоревна Юкина, заведующая кафедрой гендерных исследований Невского

института языка и культуры, — она проработала в мужской среде — в среде политических эмигрантов, партийных функционеров, пытаясь играть при этом главные роли. Партия большевиков была весьма консервативной и патриархальной именно в вопросах гендерного строительства партии. Женщин в принципе было в партии мало, и выполняли они второстепенную работу».

Возмущенная реакция аппарата породила, как отмечают специалисты, «сексуальную контрреволюцию». Через несколько лет власть начнет отменять то, что было принято в годы, когда Коллонтай состояла в правительстве и ЦК партии. В официальной жизни восторжествует ханжество, а в неофициальном бытии огромного аппарата — тщательно скрываемый разврат.

Разочарование следовало за разочарованием. В аппарате накопилось множество претензий к женотделам и к самой Коллонтай. Партийные секретари хотели от нее избавиться. Одни считали «бабью работу» вообще излишней роскошью, буржуазным феминизмом, другие выражали недовольство излишней активностью женотделов, вмешательством в дела других подразделений партийных комитетов. Встал вопрос о ликвидации всей структуры.

На IX съезде партии Александра Михайловна Коллонтай ждала, что будет сказано о женском движении. Об организационной деятельности, о работе отделов ЦК отчитывался секретарь ЦК Николай Николаевич Крестинский. Похвалив отдел работы в деревне, перешел к слабому полу:

— Не меньшей была роль отдела по работе среди женщин. Не претендуя на то, чтобы являться партийным главком, этот отдел провел в октябре всероссийское совещание товарищей, руководящих в губерниях работой среди женщин, разработал ряд инструкций по привлечению товарищей работниц и крестьянок, далеко стоящих от политики, к участию в советской работе. В этом отношении мы с удовлетворением отмечаем, что отдел работы среди женщин дал немалые результаты.

На X съезде партии в марте 1921 года секретарь ЦК Крестинский вновь делал отчет по организационным вопросам. Отметил среди прочего и работу Коллонтай:

— Женский отдел развил в текущем году очень большую работу. В печатном отчете вы найдете более детальные цифры. Я укажу только на то, что в отчетном году женским отделом были организованы два всероссийских совещания, из которых одно происходило немедленно после окончания IX партийного съезда, а другое — в декабре. На декабрьском совещании было около двухсот пятидесяти товарищей. На нем обсуждался вопрос о работе среди крестьянок, среди домашних хозяек, среди женщин

Востока и среди женщин национальных меньшинств. Все виды этой работы поставлены очень хорошо. Отдел развил большую агитационную работу. Он имеет постоянно выходящий теоретический журнал «Коммунистка», издает бюллетени, которые являются информационным органом, и большое количество брошюрной и листовочной литературы. Женский отдел принимает активное участие в советской работе и вовлекает в советскую работу работниц и крестьянок…

До избрания Сталина генеральным секретарем головное партийное ведомство не было таким уж влиятельным. Хотя аппарат ЦК быстро рос: к VIII съезду состоял из тридцати сотрудников, к IX — из ста пятидесяти, к XI — из шестисот.

Какие отделы были ключевыми в аппарате ЦК?

Учетно-распределительный — он ведал мобилизациями коммунистов на войну и всякие кампании, а также учетом ответственных работников;

организационно-инструкторский — он состоял из четырех подотделов: инструкторский — обучение местных организаций методам работы; информационный; кодификационный (собирал, редактировал и выпускал циркулярные письма ЦК); конфликтный — сюда передавались все жалобы;

отдел агитации и пропаганды — он состоял из подотдела пропаганды (партийная учеба), агитационного (проведение различных кампаний), редакционно-издательского (выпуск «Вестника агитации и пропаганды» и «Известий Центрального комитета») и подотдела распространения литературы.

Для сотрудников этих влиятельных подразделений женотдел был лишним, только мешал. В мае 1921 года Коллонтай отправила резкую записку в политбюро. Фактически это был ультиматум: или руководящие партийные органы изменят свое пренебрежительное отношение к женотделам, или она подает в отставку. Конфликт погасили, но она ощущала, что не особенно-то и нужна. Для нее это было крайне болезненно. С революционных лет, когда ее буквально рвали на части, привыкла стоять в первом ряду, а не жаться у стеночки.

Ключевую позицию в сфере, которая ее особенно интересовала, — международные связи, занимал Григорий Евсеевич Зиновьев, старый друг и соратник Ленина.

После революции Владимир Ильич сделал Зиновьева членом правящего в стране политбюро, хозяином Петрограда и всего Северо-Западного края России. Кроме того, Ленин поставил Зиновьева во главе Третьего коммунистического интернационала, объединившего все коммунистические партии мира. В те годы эта должность имела особое значение. Российская партия

большевиков считалась всего лишь одной из секций Коминтерна, таким образом, Зиновьев формально руководил мировым коммунистическим движением, намеревавшимся обратить в свою веру весь земной шар. На заседании политбюро постановили: «… тов. Зиновьев должен уделять половину времени Коминтерну и половину работе в Питере».

Коллонтай записала в дневнике: «10 марта 1919 года. В Кремле четыре дня заседал III Коммунистический Интернационал. Собрание было конспиративное, закрытое… С Зиновьевым у меня нелады. Обидно, что его поставили во главе Интернационала. Его недолюбливают и не понимают иностранные товарищи…»

Соответственно другие люди занимали посты, на которые рассчитывала Коллонтай: «Анжелика Балабанова избрана секретарем III Интернационала и ходит, как на крыльях. Ну что ж, она подходящий человек, хорошо знает иностранную обстановку и имеет связи во многих странах. Она будет полезна, хороший и умный работник. Это, конечно, объективно хорошо. Но я могла бы быть полезна там и в других областях».

У Балабановой, которая была и членом первого бюро, и секретарем Исполкома Коминтерна, тоже не сложились отношения с Зиновьевым и его командой. Разногласия были настолько значительными, что в конце концов она отказалась от всех постов и уехала в Швецию. На заседании политбюро ей предложили «ни в коем случае не допускать того, чтобы ее индивидуальная линия, которую ЦК считает в высшей степени неправильной, получила за границей какую бы то ни было огласку». Иначе говоря, отпустили, но настоятельно просили молчать.

Конечно, Коллонтай видела себя на работе в Коминтерне. Она знает иностранные языки, жила за границей, у нее много видных знакомых за рубежом… Но в Исполкоме Коминтерна хозяин — Зиновьев.

Бледный и болезненный, Григорий Евсеевич Зиновьев страдал одышкой и казался флегматиком. Но он был умелым митинговым оратором. Он зажигался во время речи и говорил с больным нервным подъемом, призывая своих слушателей к победе коммунизма во всем мире.

Михаил Афанасьевич Булгаков слушал Зиновьева перед съездом железнодорожников в Колонном зале Дома союзов (бывшее Благородное собрание): «В половине восьмого вечера появился Зиновьев. Он быстро прошел круглый зал, с наигранной скромностью справляясь, где раздеться, прошел в комнату президиума, там разделся и поднялся на трибуну. Его встретили

аплодисментами, прервавшими предыдущего оратора, который что-то мямлил. Опять засветили юпитера, и его снимали… Речь его интересна. Говорит он с шуточками, рассчитанными на вкус этой аудитории».

Оказавшись у власти, Зиновьев, как это случается со слабыми натурами, преобразился и вел себя крайне жестоко. На совещании руководителей Питера кто-то заметил, что в Зоологическом саду умирают носороги. Максим Горький поинтересовался: чем вы их кормить будете, ведь в городе голод? Зиновьев ответил: буржуями. И партийные руководители города начали обсуждать вопрос: резать буржуев или нет? Всерьез обсуждали…

Географ и картограф Вениамин Семенов-Тян-Шанский вспоминал о жизни в Петрограде после революции: «Зиновьев держался типичным сатрапом в Петрограде… Но самое замечательное было тогда, когда Зиновьев разговаривал по телефону в качестве председателя Коминтерна. Лица, при этом присутствовавшие, говорили, что он говорил таким тоном «владыки мира», каким никогда не говорили еще никакие монархи на свете…»

Но в минуту откровенности Зиновьев признался художнику Юрию Анненкову, что скучает по Парижу, где до революции скрывался от царской полиции. Главный революционер земного шара вспоминал о лиловых вечерах, о весеннем цветении каштанов на бульварах, о Латинском квартале, о библиотеке Святой Женевьевы, о шуме парижских улиц. Зиновьев горевал, что Париж теперь для него недоступен:

— Революция, Интернационал — всё это, конечно, великие события. Но, ей-богу, я разревусь, если и в Париже свершится революция!

«Ленин знал, что в лице Зиновьева у него есть надежное и послушное орудие, и он никогда не сомневался в своем умении управлять этим оружием для пользы революции… — вспоминала Анжелика Балабанова. — Ленин был больше озабочен тем, чтобы его решения были действенными, нежели способом, которым они выполнялись. Его главной психологической ошибкой было то, что он не предвидел того, что случится с революцией, когда эти средства станут целью…»

Коллонтай обиженно записала в дневнике: «Зиновьев определенно не хотел, чтобы я работала в III Интернационале, хотя Владимир Ильич меня предлагал туда. С Зиновьевым у нас острые взаимоотношения, еще с Октября. Он не прощает мне, что я тогда его разоблачала за трусость и организовывала «поход» к нему работников с запросом. Да и Лилина меня за это не терпит».

Упомянутая Коллонтай Зинаида Ионовна Лилина — жена

Зиновьева. Коллонтай крайне не нравилось, что на женских совещаниях Лилина «держала себя хозяйкой».

Во время II конгресса Коминтерна, проходившего с 19 июля по 7 августа 1920 года, состоялась Международная конференция коммунисток. Представительницы разных стран обсуждали работу коммунистических партий среди трудящихся женщин. Родилась идея создать Международный женский секретариат, который помогал бы коммунистическим партиям вовлекать женщин в пролетарскую классовую борьбу.

Исполком Коминтерна (ИККИ) 8 августа 1920 года утвердил Международный женский секретариат как составную часть Коминтерна. Его возглавила Клара Цеткин.

Накануне III конгресса Коминтерна решили во второй раз собрать конференцию коммунисток. Коллонтай поручили подготовить основной доклад. 31 мая 1921 года на заседании политбюро Коллонтай представила предложения о составе российской делегации на Международной конференции коммунисток. Политбюро поручило «тт. Зиновьеву и Молотову несколько сократить делегацию».

Конференция проходила с 9 по 15 июня 1921 года. 13 июля ИККИ вновь утвердил Клару Цеткин генеральным секретарем Международного женского секретариата. Коллонтай тоже избрали в его состав. Но это был утешительный приз. Другие люди руководили делом, которое она считала своим.

В ноябре 1921 года разочарованная Коллонтай попросила освободить ее от заведования отделом ЦК партии по работе среди женщин. Ее сменила Софья Николаевна Смидович, жена Петра Смидовича — она перешла в ЦК из Московского комитета партии.

Софья Николаевна продолжила линию Коллонтай. На совещании заведующих женотделами инструктировала своих подчиненных: «Рабочие жилища, дома-коммуны являются базой нашей работы по реорганизации быта на общественных началах. Вынести кухню за пределы семьи, организовать общую столовую, общее место пребывания детей и этим положить начало нового быта в домах-коммунах — вот наша задача».

Женотделы больше не нужны

Уйдя на дипломатическую работу, из прекрасного далёка Коллонтай всё равно испытывала желание высказаться на волнующие ее темы. И выбрала литературную форму — художественную прозу.

Вообще-то она уже пробовала себя в беллетристике. Послала

свою повесть редактору журнала «Русское богатство» Владимиру Галактионовичу Короленко. Тот повесть печатать не стал, ответил автору: «Если бы вы писали пропагандистские листовки, вы бы могли достигнуть большего. К беллетристике у вас меньше данных». Короленко оказался прав. Тем не менее Коллонтай как-то заметила: «Ведь и я все-таки немного писатель».

Первой появилась повесть «Большая любовь», в которой многие усмотрели автобиографические мотивы. Возможно, сюжет навеян ее романом с Петром Павловичем Масловым.

Коллонтай описывает сложные взаимоотношения незамужней революционерки с женатым революционером. Естественно, оба вынуждены таиться и скрывать свои чувства. Но революционерка обижена тем, что он встречается с ней с одной целью — отдохнуть, расслабиться и получить удовольствие. А для нее любовь — главное в жизни. Как настоящий большевик он произносит правильные слова о равноправии мужчины и женщины, но в реальности всё происходит по правилам, которые установил он. И думает он только о себе, а не о ней. В конце концов она уходит от него.

Героиня второй повести Коллонтай «Василиса Малыгина» тоже оставляет мужа, когда он требует от нее исполнения роли, традиционной для женщины, — служить мужу (этот сюжет — отражение сложных взаимоотношений Коллонтай с Дыбенко). А для нее это неприемлемо. Причем она уходит, будучи в положении. Но верит, что трудовой коллектив лучше поможет ей воспитать ребенка, чем отсталый муж, которого она больше не любит. Однако же попытка создать коммуну у нее тоже не получается.

Обе повести и три коротких рассказа Коллонтай, вошедшие в книгу «Любовь пчел трудовых», изданную в Ленинграде в 1924 году, рисуют не слишком оптимистичную картину. Революция совершилась, социализм строится, а женского счастья нет. Отношение к женщине не изменилось. Пессимистический настрой автора был замечен. И это ей не простили.

Партийная печать обрушилась на Коллонтай с возмущенной критикой. Ее обвиняли в мелкобуржуазности, пропаганде половой распущенности и требовали, чтобы она избавилась от «феминистского мусора»:

«Как могла она так долго считаться одним из вождей не только русского, но и международного женского коммунистического движения? Встает невольно вопрос, почему она имеет еще до сих пор читателей, читательниц и почитателей? Почему идеалистическая фразеология по форме и архиинтеллигентское содержание ее произведений могли

увлекать и нравиться даже рабочей среде?

Почему эта Жорж Санд XX века, опоздавшая своим появлением на полстолетие и копирующая свой оригинал так, как фарс копирует трагедию, могла быть властительницей дум женской части пролетариата, совершившего величайшую революцию в мире и указывающего путь к освобождению пролетариата других стран?»

Александра Коллонтай была слишком опытным человеком, чтобы не понимать: в советской печати такие нападки не бывают несанкционированными. Ее просили замолчать.

«За организацию «Рабочей оппозиции» и феминистские наклонности, — пишет профессор Татьяна Осипович, — Коллонтай устраняют от политики, а ее публикации подвергают злобной «критике», обвиняя их в мещанстве, буржуазности, порнографии и бульварщине. Серьезно относиться к Коллонтай и ее феминистским идеям после таких обвинений было невозможно.

Советская литература создает свой образ «новой женщины». В отличие от героинь Коллонтай новая героиня преимущественно мужской советской литературы — асексуальна, лишена каких-либо серьезных внутренних конфликтов и не видит в традиционных любовно-брачных отношениях никаких препятствий к своей независимости. В начале тридцатых годов окончательно формируется миф о новой советской женщине. Ей, оказывается, удалось гармонически совместить в себе героический труд на благо советской родины с традиционными обязанностями матери и жены».

Александра Михайловна и ее идеи стали предметом злых шуток и анекдотов. Над ней было разрешено подшучивать, поскольку товарищи по партии не воспринимали ее всерьез.

Художник-карикатурист Борис Ефимович Ефимов сохранил в своих мемуарах один из таких анекдотов — не шибко смешной, по существу издевка над нерусской фамилией:

Она, знакомясь, протягивает руку и представляется:

— Коллонтай.

— А это так? — недоуменно спрашивает мужчина…

В 1923 году, когда Коллонтай уже получила назначение в Норвегию, бывшая заместительница предложила ей вернуться на работу в женотдел. Александра Михайловна ответила ей искренне и с нескрываемой горечью: «Неужели Вы думаете, что мне легко стоять от нее в стороне и вместо того давать концессии на бой тюленей, «распределять» русскую рожь и «дипломатничать» с членами консервативного кабинета. Но, к сожалению, я не вижу для себя возможности работы в этой

области при существующих взаимоотношениях… Проводить «свое»? Да неужели Вы серьезно думаете, что для меня это возможно в наших современных условиях? Через месяц был бы новый конфликт, и пришлось бы либо ретироваться, либо работать «по указке». Я могу не давать всю себя в любой другой области, но в любимой работе нужен известный минимальный простор. Нельзя, чтобы «аппарат» урезывал живое искание. Быть же только «чиновником», «аппаратчиком» в дорогом мне деле — я просто не в силах».

Шестого апреля 1924 года Александра Михайловна писала Зое Шадурской из Христиании: «На днях получила книжечку: женское движение, организация работниц в России. Исторический очерк. Сознательно — всюду опущено мое имя. А составляли — свои… Ученицы, соратницы… И было больно до отчаяния. Не укол самолюбия. Боль глубже. Клевета на историю, искажение действительности, правды жизни…»

В один из приездов в Москву она записала в дневнике: «В Москве провела работу с рабфаковцами. «Быт», новый быт, с чисто практическими задачами. Уже нет увлечения сексуальными проблемами. Это новый тип молодежи. И девушки «приоделись», не стараются быть похожими на мужчин…

При осмотре выставки «Охрана материнства и младенчества» меня задело, что там нет моего портрета. Если кто поработал над охраной материнства и младенчества в первые годы революции и до нее, так это я. Здесь мой портрет по праву был бы на месте…»

В руководстве страны брал верх утилитарный взгляд на женщину, в первую очередь — это рабочая сила.

В 1925 году «Известия» — по случаю Женского дня — поместили слова Сталина: «Трудящиеся женщины, работницы и крестьянки, являются величайшим резервом рабочего класса. Выковать из женского трудового резерва армию работниц и крестьянок, действующих бок о бок с Советской армией пролетариата — в этом решающая задача рабочего класса».

Приезжая в Советский Союз, Александра Михайловна не могла не видеть, что происходит. В 1926 году записала неутешительные наблюдения: «Конечно, женщины получили все права, но на практике они всё еще живут под старым игом: без реальной власти в семейной жизни, порабощенные тысячью мелких домашних дел, несущие полное бремя материнства и даже материальных забот о семье».

Ее бывшая сотрудница Вера Павловна Лебедева, перешедшая в Наркомат здравоохранения заведовать отделом охраны материнства и младенчества, свидетельствовала: «Разрушив основы старой семьи, введя институт гражданских браков,

допустив небывалую легкость развода, мы ничем не вооружили женщину, которая беспомощно стоит перед своим разрушенным семейным очагом, освобожденная политически, но экономически всё еще зависимая от мужа, потому что справиться одной с ребенком при нашей безработице и низкой заработной плате для одинокой женщины вещь непосильная».

Лебедева опубликовала в журнале «Коммунистка» статью с пугающим названием «Самоистребление человечества». Она писала: «Мы не можем обращаться к женщине с призывом рожать, когда мы ежегодно хороним до двух миллионов младенцев… Не на отвлеченных призывах к деторождению должны мы сосредоточить наше внимание, а на борьбе с детской смертностью».

Но теперь Коллонтай больше волновало признание ее личных заслуг перед женским движением. Она была очень чувствительна к тому, что ее имя забывается и даже бывшие подчиненные не выказывают ей должного почтения.

С 10 по 17 октября 1927 года в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца и в Большом театре проходил II Всесоюзный съезд работниц и крестьянок. Пригласили и Коллонтай. 15 октября она выступила с приветствием. Но в президиум ее не выбрали. Это расстроило Александру Михайловну, о чем она написала Щепкиной-Куперник:

«Эта неделя была для меня морально очень болезненная, вроде как если муж изменяет или ребенок вдруг тебя больше знать не хочет. Но я уже победила в себе остроту огорчения. Поняла всю историческую неизбежность факта и стараюсь видеть во всем этом признак роста. Только знаешь, странно это в жизни: с годами надо всё чаще и чаще учиться отрекаться…»

И новая запись в дневнике: «Виделась с женотделками. Но всё, что касается женотдела, болезненно меня задевает. Любимое дело в руках других людей, я от него в стороне. О том, что было больно, писать не хочу…»

Она по-прежнему воспринимала себя как лидера женского движения. Работая в Мексике, записала в дневнике 1 января 1927 года: «Когда ехала сюда, всё во мне протестовало. Будто «выхожу замуж по рассудку». Но так надо было. Уйти из Наркоминдела после Норвегии — значило уйти из дипломатии. И получилось бы, что «попробовали поставить женщину на дипломатический пост, побыла три с половиной года и ушла сама — не выдержала». Я должна доказать, что женщина может быть дипломатом не хуже, а порой и лучше мужчины. «Пробить путь». Мое назначение на новый пост утверждает нас, женщин, на этой работе, право наше и в этой области труда…»

К этой мысли она не один раз вернется: «Я преодолела в себе чрезмерную эмоциональность, присущую женщинам прошлого, — именно то, что больше всего вредит в дипломатии. В дипломатии нужно: бесчувствие, объективность, холодный рассудок и никаких эмоций… Я всегда чувствую, что на меня женщинами возложена миссия показать человечеству, что мы, женщины, можем сделать часто гибче и лучше мужчин во многих областях, а особенно в дипломатии».

Одновременно со II съездом работниц и крестьянок в Москве с 10 по 12 ноября 1927 года проходил Всемирный конгресс друзей СССР. Коллонтай даже пригласили в тщательно охраняемую комнату, где в перерывах между заседаниями собирались члены высшего партийного руководства. Это был знак особого доверия.

«Политбюро совещалось по поводу текста резолюции съезда. Принесли чай, бутерброды. Ели на ходу, курили до невозможности. Но настроение веселое. Рассказывали анекдоты. Особенно Бухарин. Рыков шутит над «свободной выпивкой» после отмены стеснений по продаже алкоголя.

Подошел Иосиф Виссарионович, выслушал анекдот, посмеялся. Рыков отошел к другой группе. Сталин спрашивал меня, как Ольга Давидовна (сестра Троцкого) реагирует на совершающееся?

Сталин выглядит хорошо. Он спокойнее других и меньше всех «ораторствует». Больше внимательно слушает. Глаза его явно не видят окружающее. Послушает, даст высказаться, даст поспорить, но последнее четкое и веское предложение за ним.

Несколько раз видалась с Надеждой Константиновной. Вспоминали Инессу Арманд, работу по женотделу. Сейчас женотделы выполняют другие задачи: не сосредотачиваются на «женских делах», а втягивают женщин в общую работу. Но женские запросы в тени…

Надежда Константиновна рассказывала мне о своем детстве и о том, что Владимир Ильич любил, чтобы дочери Инессы часто заходили. Придут, а он спрашивает:

— Это вы начерно или начисто пришли?

Начерно, значит не надолго.

На ее полке стоят портреты Инессы и Владимира Ильича рядом:

— Это был верный друг — нам и партии.

Оппозиции не касались. Обе — избегали».

Наконец наступил момент, когда детище Коллонтай было ликвидировано — за ненужностью. В конце 1929 года Сталин распорядился избавиться от женотдела. Он изначально относился к этой структуре пренебрежительно. А что касается роли

женщины, то генсек определил ее так: «Работницы могут искалечить душу либо дать нам здоровую духом молодежь в зависимости от того, сочувствует ли женщина-мать советскому строю или плетется в хвосте за попом, за кулаком, за буржуазией».

Женотдел оставался к тому времени самым старым отделом внутри постоянно перекраиваемого центрального партийного аппарата. Он состоял из пяти секторов: труда и быта; массовой работы; кадров; работы по Востоку; связи с массами.

Против ликвидации возразила только наследница Коллонтай — Александра Васильевна Артюхина, которая с 1926 года заведовала в ЦК отделом работниц и крестьянок и одновременно редактировала журнал «Работница». Она железной рукой проводила политику партии.

В 1930 году Артюхина, выступая на пленуме Московского комитета партии, призвала отвергнуть «предложения о том, что надо создавать специальную индустрию, специальную промышленность, которая бы занималась улучшением личного домашнего хозяйства по образцу западноевропейских стран»:

— Задача состоит не в том, чтобы облегчить только индивидуальный быт. Наша задача — строить быт общественный. Сейчас лучше пострадать со старыми мочалками, утюгами, сковородами, с тем, чтобы имеющиеся средства и силы бросить для устройства общественных учреждений.

К Артюхиной прислушались. Со старыми утюгами и сковородками женщины страдали аж до самого крушения советского строя…

Александру Васильевну ввели в состав оргбюро ЦК и сделали кандидатом в члены секретариата ЦК. Артюхина стала самой высокопоставленной женщиной в стране. Но ненадолго.

На заседании оргбюро ЦК 30 декабря 1929 года выступал Сталин:

— До сих пор как было в аппарате ЦК? Всё дело подбора, выдвижения и распределения кадров по всем отраслям нашей промышленности находилось в одном отделе. Это не годится, это старо. Вот, товарищ Артюхина, одно из оснований, говорящее о том, что при старом аппарате надо его реорганизовать. Надо разбить работу по подбору, распределению и выдвижению кадров по всем отделам; один отдел с этим никак не сможет справиться, зашьется…

Мы функции подбора, выдвижения и распределения кадров разбиваем на все отделы, распределительному отделу мы оставляем кадры по хозяйственному, советскому строительству. Это очень важные и очень серьезные кадры. Что же касается всех

остальных, каждый отдел сам подбирает себе людей — конечно, с санкции ЦК…

Я думаю, что у нас достаточно имеется оснований для того, чтобы старую организацию аппарата заменить новой для того, чтобы поставить аппарат целиком на принципе функциональности. Не должно быть отдела, который занимается всем. Отдел чем-либо специфическим должен заниматься. Особенно я считаю, что таким отделом не должен быть отдел по работе среди работниц и крестьянок. Ничего кроме обиды нет, ни одного аргумента не видно.

Артюхина прервала генерального секретаря:

— В чем обида?

— Нас обидели, ликвидировали, — снисходительно пояснил Сталин. — Вот отдел деревенский ликвидировали тоже, почему они не обижаются? Неужели вы думаете, крестьян меньше, чем женщин. Так нельзя всё-таки. Уж какая-то особая раса получается. Неверно же выделять и консервировать, нехорошо это, товарищи. По линии профработы ведь никакого отделения нет.

— И не надо, — добавила Артюхина.

— Очень важная работа, — заметил Сталин, — однако тут никакого разделения нет между мужчинами и женщинами. По линии партработы тоже никакого отделения, специальной организации для женщин работниц и крестьян мы не заводим… Ничего такого не осталось при новом темпе работы и при новой основной перестройке, реорганизации всего аппарата, что бы давало основание для существования женотделов… Нет оснований, чтобы женотделы, которые являются универсального типа организацией, оставались. Насчет быта, так тоже это дело слилось с общим вопросом быта. Новый быт, он касается не только женщин, он, пожалуй, касается мужчин больше, чем женщин, и, мне кажется, когда одни руководители женщин стараются отстоять, из этого ничего не выйдет…

Как сделать, чтобы не замыкаться? Может быть, поставить во главе женской секции мужчину, может быть, так сделать, чтобы мужчина дрался за права женщин. Может быть, лучше пойдет. Женотдел сейчас превратился в место, где слезы льют и плачут.

— Сейчас требуют, а не льют, — уточнила Артюхина. — Не льют сейчас, товарищ Сталин. Пусть товарищ Каганович подтвердит, какие слезы там, там кулаки.

Лазарю Моисеевичу Кагановичу, члену оргбюро и секретарю ЦК, вождь поручил руководить всей кадровой работой в партии.

Сталин стоял на своем:

— Женотдел был местом, где можно слезы лить. Конечно, этими слезами не время заниматься, не стоит, нам работа нужна.

— Мы и не плачем, — заявила Артюхина.

— Причем крайне невыгодная позиция получается у отдела работниц, — как ни в чем не бывало продолжал Сталин, — если он только отстаивает права женщин… Догадов (руководитель ВЦСПС. — *Л. М.),* он что? Он доволен, в ЦК есть женотдел, пускай он работает, а сам хихикает. (Смех в зале.) Не потому ли это происходит, что дело отстаивания бытовых интересов и прочих интересов работниц и крестьянок отдано целиком только в руки женщин. Не лучше ли впрячь в это дело весь ЦК… Тут докладывает Артюхина, поэтому и хихикали — да что она может сделать одна? Надо, чтобы все впряглись, тогда и косности не будет.

— Тогда во всех отделах, — вмешалась приглашенная на заседание Надежда Константиновна Крупская, — а не только в отделе агитации и пропаганды.

Сталин:

— Я не знаю, я бы не хотел, чтобы этакая расовая разница проводилась.

Голос из зала:

— В отделе кадров можно.

Сталин согласился:

— В отделе кадров специальную часть иметь, которая занималась бы специально, это было бы очень хорошо, потому что масса способных людей из женщин пропадает, их никто не выдвигает, лежат под спудом. Это важный отдел, отдел распределения.

— Можно в отделе кадров и пропаганды, — предложил кто-то.

Сталин возразил:

— Чем отличается, например, пропаганда ленинизма среди женщин-работниц от пропаганды ленинизма среди мужчин?

— Ничем, конечно, — заметила Артюхина.

— Ничем абсолютно, — охотно повторил Сталин. — В отделе кадров можно создать такую часть, это важно, так как мужская половина дает громадное большинство кадров, а женская половина имеет очень много способных кадров, но их не выдвигают, отчасти — не хотят конкуренции, отчасти — смешливое отношение, отчасти потому, что забиты эти товарищи, не умеют двинуться… Затем, что вы на Кагановича нападаете? Инициатива это его, это факт, но мы все, члены секретариата, согласны с этим. Запросили Молотова, у нас полное единство в секретариате, так что мы единым фронтом пойдем.

Смех в зале… На этом обсуждение закончилось. История созданных когда-то Коллонтай женотделов завершилась.

Пятого января 1930 года политбюро утвердило постановление «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)». Функции упраздненных отделов по работе в деревне и среди работниц и крестьянок передали отделу агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б). Ликвидация женотдела была неприятным сюрпризом для Коллонтай.

Александра Михайловна почувствовала себя реабилитированной только в марте 1933 года. 9 марта записала в дневнике: «Вчера неожиданная огромная радость. Я награждена орденом Ленина. И главное, за мою революционную работу среди женщин».

Орденами наградили несколько бывших работников женотделов — «за выдающуюся самоотверженную работу в области коммунистического просвещения работниц и крестьянок». В советской колонии в Стокгольме это событие пышно отмечалось. Торгпред Давид Владимирович Канделаки произнес прочувственную речь. «Сотрудницы обнимают, плачут, подносят цветы. Я и сейчас еще как в тумане», — записала Коллонтай в дневнике.

Семнадцатого марта признательная Александра Михайловна написала Сталину: «То, что награждение орденом Ленина проводилось в связи с 8 марта — это очень хорошо. За награждение не благодарят, но я хочу, чтобы Вы и ЦК знали, какую ценность данный факт имеет для меня в связи с женским движением».

Глава четвертая
ОППОЗИЦИЯ

В Советской России ни следа не осталось от предреволюционного большевистского лозунга равенства. Только поначалу вожди испытывали те же трудности, что и все.

В сентябре 1918 года журналист Давид Заславский, будущий член редколлегии газеты «Правда», бежал из Петрограда, где свободную журналистику уже придушили, в Киев. Он поразился среди прочего тому неравенству, которое уже сложилось в Советской России: «В поезде, которым мы едем, — два вагона со спальными местами, один вагон второго класса и теплушки, набитые народом — простым народом, вот той беднотой, которая объявлена хозяином страны. В зале второго класса на вокзале чисто, пусто. В большом помещении столики с белой скатертью, пустой буфет и скучающие лакеи. А внизу, в зале третьего класса, на полу, в грязи, в духоте, на скарбе валяются пролетарии и пищат их дети, и ходят по их головам носильщики. На каждом шагу красноармейцы. Они водворяют порядок. Он заключается в том, чтобы простую публику не допускать в чистые помещения. И как строги эти красноармейцы, и как забита эта публика!»

В январе 1919 года Коллонтай записала в дневнике: «Заходил Александр Гаврилович Шляпников, он сейчас губернатор Астраханского края. Он меня высмеивает за то, что во мне много интеллигентщины».

Александр Гаврилович — фигура в ту пору более чем заметная. Во время Первой мировой войны Шляпников, с которым у Коллонтай был бурный роман в эмигрантские годы, нелегально вернулся в Россию и был введен в состав ЦК. В феврале 1917 года он оказался единственным членом ЦК партии большевиков на территории России. Остальные вожди находились либо в ссылке, либо в эмиграции.

После Октября они с Коллонтай вместе входили в состав правительства. Шляпников — нарком труда, затем нарком торговли и промышленности. В Гражданскую войну — уполномоченный по продовольствию на Северном Кавказе, член Реввоенсовета Южного фронта и 16-й армии Западного фронта.

— Вы говорите, что вас смущает совесть, что вы живете в Доме Советов и имеете обед и более или менее теплую комнату, а на окраинах один ужас, — говорил ей Шляпников. — Но ведь с чего-то нам начинать надо. Кто живет в домах советов? Не враги же народа, а те же рабочие-партийцы. Это вы всё ищете себе

самой оправдание и как бы обеляете себя тем, что разводите жалобу по поводу страданий народа. Выбейте из себя эту интеллигентщину. А так вы неплохой человек, товарищ Коллонтай…

Коллонтай занимала комнату № 555 во 2-м Доме Советов — это гостиница «Националь», там селили партийных работников.

Сыр для вождя революции

Леонид Борисович Красин писал семье, оставшейся за границей: «Тут у нас такое идиотское устройство, что сами народные комиссары питаются в Кремле в столовой, семьи же их не могут из этой столовой получать еду, и потому Воровский, например, питается в столовой, а Д. М. Воровская и Нинка пробавляются неизвестно как и чем. Купить же что-либо можно лишь за невероятные цены. Как вообще люди живут — загадка».

Вацлава Воровского, поскольку он давно жил в Стокгольме, сразу после революции назначили полпредом в Скандинавских странах. Вменили ему в обязанность установить контакты с державами Антанты и предложить им прекратить враждебные действия против Советской России. Но он ничего не успел сделать. 6 декабря 1918 года Швеция решила разорвать дипломатические отношения с Советской Россией. Воровский сколько мог пытался задержаться в Стокгольме, но 30 января 1919 года всем советским представителям пришлось уехать из Швеции в пломбированном вагоне.

Коллонтай:

«Когда мы, собственно, ели? Помню только раз, после Совнаркома. Кажется, это было в три часа ночи, в столовой Совнаркома. Нам принесли огромные ломти хлеба с паюсной икрой. Это было удивительно вкусно. Теперь, когда мы сыты, понимаем, что мы, в сущности, голодали всю зиму.

В ноябре шведские товарищи привезли нам (Совнаркому) ящик с провизией: консервы, колбасы, сыры. Мы делили провизию с канцелярией. Я резала круглый красный голландский сыр, когда Владимир Ильич вышел из своего кабинета и, увидев сыр, остановился:

— Сыр всё-таки вещь хорошая.

— Хотите кусочек?

— Давайте.

Я отрезала ему полумесяц. И себе — поменьше. Но тотчас началось заседание Совнаркома. Неудобно было идти с сыром, оставила в канцелярии вместе с пакетиками консервов. На столе

возле Ленина лежал еще не начатый им полумесяц с кусочком свинцовой бумажки, приставшей сбоку. Всё заседание поглядывала я на этот кусочек и радовалась своей доле, что съем дома после заседания. Но когда заседание окончилось, в канцелярии не оказалось ни сыра, ни пакетиков с консервами. Кто-то уже «экспроприировал». И тогда это было настоящее «огорчение».

Но страдания были недолгими. Советская власть организовала своим вождям усиленное питание. 14 июня 1920 года Малый Совнарком (правительственная комиссия, занимавшаяся относительно мелкими вопросами) утвердил «совнаркомовский паек».

Ответственным работникам ЦК партии полагалось на месяц в фунтах (один фунт равен 400 граммам): сахара — четыре, муки ржаной — 20, мяса — 12, сыра или ветчины — четыре, два куска мыла, 500 папирос и десять коробков спичек. Наркомам и членам политбюро давали больше. Им, к примеру, полагалась красная и черная икра. В последующие годы пайки для руководящего состава всё увеличивались и увеличивались.

Всё быстро менялось. Советские чиновники стремительно отдалялись от народа и с раздражением воспринимали жалобы на тяжкую жизнь.

«Была у Зиновьева, — записала в дневнике Коллонтай. — Характерна фраза Зиновьева: «Они все жалуются на голод! Преувеличивают! Все прекрасно одеты. Просто они (кто они? рабочие?) привыкли, что когда они вопят, мы сейчас забеспокоимся и сделаем для них всё. Набалованность!»

Ну и язык! И кто такие эти «мы и они»? Впрочем, у меня от Петрограда именно такое жуткое впечатление… Не жаль мне прошлого Петрограда — барства и нищеты. Я тот ненавидела. Но не люблю и этого города новых властителей, где убита инициатива масс, ее самодеятельность, где есть «мы» и «они» и где царит взаимная ложь, недоверие, фиглярство верхов и подобострастие, страх низов… Это о Зиновьеве».

Заводские рабочие негодовали: они голодают, лишены самого необходимого, а советские чиновники «носят галифе шириной в Черное море», сытно едят и не интересуются судьбой пролетариата (см.: Россия нэповская. М., 2002). В городах ввели карточки и сразу же установили систему привилегированного снабжения начальства.

«Что касается коммунистического сословия, — писал лидер меньшевиков Юлий Мартов, — то его привилегированное положение почти неприкрыто, или, лучше сказать, менее скрыто, чем в прошлом году. Такие люди, как Рязанов, Радек и Рыков,

которые раньше воевали против неравенства, теперь не скрывают на своих столах белый хлеб, рис, масло, мясо… бутылку неплохого вина или коньяк. Карахан, Каменев, Бонч, Демьян Бедный, Стеклов и другие просто наслаждаются жизнью. Только Анжелику (Балабанову), Бухарина и Чичерина из звезд первой величины всё еще можно отметить за их простоту нравов».

ЦК социалистов-революционеров констатировал: «Заканчивается перерождение большевизма из его первоначальной анархо-охлократической фазы в фазу бюрократическую с окончательным оформлением советской аристократии и советской бюрократии».

И это происходило на фоне невероятной нищеты и полнейшего презрения к правам трудящихся. Весной 1919 года в Москве забастовали типографские рабочие. Глава правительства Ленин и председатель Моссовета Каменев распорядились: «Московскую Чрезвычайную комиссию обязать произвести аресты беспощадно, не считаясь с прошлыми соображениями, среди забастовщиков».

Власть, называвшая себя рабочей, не признавала за рабочими даже права на забастовку.

В начале 1921 года под бременем Гражданской войны и военного коммунизма рухнула экономика. Ведь большевики сразу взяли курс на плановую экономику без частной собственности. Национализация в России началась в конце 1917 года. В 1920 году промышленное производство сократилось до пятой части довоенного уровня. Остановился железнодорожный транспорт из-за нехватки топлива. В Петрограде и Москве начались перебои с хлебом. В середине февраля 1921 года промышленность Петрограда остановилась. С октября 1921-го по май 1922 года цены выросли в 50 раз.

Голодала и Красная армия, состоявшая из крестьян. В результате власть не могла рассчитывать на собственные вооруженные силы. «Очень часто красноармейцы просят милостыню по дворам», — докладывал в Москву 11 февраля 1921 года секретарь Петроградского губкома Сергей Семенович Зорин.

Люди бежали из городов, где нечем было прокормиться. За годы Гражданской войны количество промышленных и горнозаводских рабочих сократилось вдвое. Промышленностью руководили большевики без образования, они умели только приказывать. Рабочие жаловались, что «красные директора» ведут себя как «царские жандармы». В феврале 1921 года восстали столичные металлисты: забастовка за забастовкой. Винили во всем коммунистов. Бывший нарком труда, а тогда председатель профсоюза металлистов Шляпников бил тревогу:

— Сейчас коммунистов из заводских комитетов вышибают. Основа наших союзов — фабрично-заводские комитеты становятся беспартийными.

И вот тогда Александра Михайловна Коллонтай вместе с Александром Гавриловичем Шляпниковым выступила против бюрократизма в партии.

В историю их выступление вошло как манифест знаменитой «Рабочей оппозиции», о которой говорилось во всех учебниках. В советские времена с осуждением. На самом деле старая большевистская гвардия сожалела об утрате пролетарской чистоты, пыталась бороться с разлагающим влиянием буржуазности и требовала рабочей демократии.

«Наглупили достаточно»

Противоречия в монопольно правящей страной партии накапливались давно. Верхушка пребывала в уверенности, что всё делает правильно и одерживает победу за победой.

С 29 марта по 4 апреля 1920 года в Москве в Большом театре проходил IX съезд партии. Он открылся вступительной речью Ленина:

— Внутреннее развитие нашей революции привело к самым большим, быстрым победам над противником в Гражданской войне, а, в силу международного положения, эти победы оказались не чем иным, как победой Советской революции в первой совершившей эту революцию стране, в стране самой слабой и отсталой, победой над соединенными всемирным капитализмом и империализмом… Поворот к рабочей власти не только в массах городских рабочих, но и в сельском пролетариате Германии… дает нам уверенность, что недалеко время, когда мы будем идти рука об руку с немецким Советским правительством.

Зал отозвался восторженными аплодисментами.

В отчетном докладе Ленин говорил об успехах советской власти:

— Гражданская война была войной против всемирного капитала, и этот капитал распадался сам собою в драке, пожирал себя, тогда как мы выходили более закаленными, более сильными в стране умирающего от голода, от сыпного тифа пролетариата…

Неудачи и провалы объяснил трудностями, которые всегда подстерегают первопроходцев:

— Мы наглупили достаточно в период Смольного и около Смольного. В этом нет ничего позорного. Откуда было взять ума, когда мы в первый раз брались за новое дело! Мы пробовали так,

пробовали этак… Это прошлое, когда царил хаос и энтузиазм, ушло. Документом этого прошлого является Брестский мир. Это исторический документ, больше — это исторический период. Брестский мир навязан был нам потому, что мы были бессильны во всех областях…

Ленин твердо поддержал политику продразверстки, обещал и впредь забирать хлеб у крестьянина, чтобы отдать горожанину:

— В 1918 и 1919 годах рабочие потребляющих губерний получали семь пудов в год, а крестьяне производящих губерний потребляли семнадцать пудов в год, до войны они же потребляли шестнадцать пудов в год. Вот две цифры, показывающие соотношение классов в продовольственной борьбе. Пролетариат продолжал приносить жертвы. Кричат о насилии. Но он оправдал и узаконил это насилие и доказал правильность этого насилия тем, что он принес наибольшие жертвы. Большинство населения, крестьяне производящих губерний нашей голодной разоренной России в первый раз ели лучше, чем за сотни лет в царской, капиталистической России. И мы скажем, что массы будут голодать до тех пор, пока не победит Красная армия…

Коллонтай, сидя в зале, внимательно следила за разгоравшейся дискуссией о методах управления страной и партией. Ленин весьма определенно высказался относительно вреда внутрипартийной демократии, считая, что излишние дискуссии и выборность руководителей должны остаться в прошлом:

— Это был период сплошной коллегиальности. Из этого исторического факта не выскочишь, когда говорят, что коллегиальность — школа управления… Нельзя же всё время сидеть в приготовительном классе школы! (В зале аплодисменты.) Этот номер не пройдет. Мы теперь взрослые, и нас будут дуть и дуть во всех областях, если мы будем поступать, как школьники… Все эти крики о назначенцах, весь этот старый, вредный хлам, который находит место в разных резолюциях, разговорах, должен быть выметен… Некоторые меньшевики и эсеры требуют замены единоличия коллегиальностью. Извините, товарищи, этот номер не пройдет! От этого мы отучились…

Но в партии еще существовали дискуссии и несогласные не молчали.

Тридцатого марта на утреннем заседании съезда выступил Константин Константинович Юренев, член Реввоенсовета Восточного фронта и бывший председатель Всероссийского бюро военных комиссаров. Бюро существовало при Высшем военном совете и руководило всей политической работой на фронте и в тылу.

— Я позволю себе остановиться, — говорил Юренев, — на одном из методов управления ЦК нашей партии — это система ссылок, высылок под разными видами: один едет в Христианию, другую шлют на Урал, третьего — в Сибирь. ЦК, говорят, «играет человеком», но пусть играет хорошо, но ЦК не умеет хорошо играть, он поступает так, как ему заблагорассудится. Мы читали о товарище Шляпникове, что он тепло принят норвежскими рабочими, но для нас не секрет, почему он гуляет в Норвегии, а не у нас на съезде…

Ленин ему ответил:

— Я перейду к обвинению, которое делалось товарищем Юреневым насчет товарища Шляпникова. Если бы ЦК удалял Шляпникова как представителя оппозиции перед самым съездом, такой ЦК несомненно сделал бы гнусность. Когда мы установили, что Шляпников едет, то мы в политбюро сказали, что не даем ему директив перед отъездом, и Шляпников накануне отъезда приходил ко мне и заявил, что он едет не по директивам ЦК. Таким образом, до Юренева дошел просто-напросто слух, и он его распространяет.

Юренев возразил с места:

— Шляпников говорил мне это лично.

Ленин стоял на своем:

— Я не знаю, как он мог вам говорить это лично, когда он перед отъездом был у меня и говорил, что он едет не по директивам ЦК…

Вскоре после съезда самого Константина Юренева отправили в Курск председателем губисполкома, а потом и вовсе командировали за границу.

Делегаты, выразившие недовольство методами руководства, очень скоро войдут в состав «Рабочей оппозиции», как и Коллонтай. Юрий Хрисанфович Лутовинов, член президиума Всероссийского центрального совета профессиональных союзов (ВЦСПС), критиковал бюрократический аппарат, пытающийся управлять всем и вся и упускающий из виду самое главное:

— ЦК и в особенности оргбюро превратился из высшего руководящего органа в орган исполнительный самых мелких ничтожных делишек, как, например, назначение для какого-нибудь учреждения коменданта, заведующего хозяйственной частью и т. п., и на это тратилось девять десятых времени…

Юрий Лутовинов, подпольщик, участник революции и Гражданской войны, работал в профсоюзе металлистов. Он выступал от имени коммунистической фракции ВЦСПС, которая не согласилась с точкой зрения Ленина, что «коллегиальность превратилась в болтовню» и нужно единоначалие.

Член бюро ЦК партии большевиков Украины и председатель Харьковского губкома Яков Аркадьевич Яковлев высказался на сходную тему:

— Когда встал вопрос о том, что на Украине надо создать такое ядро, которое сможет создать организации, в это время Украина превращается в место ссылки. Ссылаются туда товарищи, почему-то неугодные Москве.

В те годы партработников постоянно перемещали из одного города в другой, и создавалось ощущение, что таким образом убирают подальше строптивых и излишне самостоятельных.

Критикам возразил председатель Воронежского губисполкома Лазарь Моисеевич Каганович, которого вскоре приметит Сталин и сделает своим главным кадровиком:

— Обратимся к вопросу об единоличии и коллегиальности. Я спрошу: а что у нас, на местах, проводится коллегиальность? Есть ли коллегиальность в исполкомах? Разве в губернском комитете партии не предрешаются вопросы? Разве в отношении к уездным комитетам партии не проглядывает единоличная диктатура? Такая диктатура — факт. На местах проводится самая суровая диктатура. Правда, эта диктатура проводится иногда через три-четыре лица, но по существу это лицо едино… Что подразумевается под почетной ссылкой? Отправка товарищей-центровиков на места? Я должен сказать, что переброска товарищей необходима. Мы говорили и говорим, что работники засиживаются на месте и получается часто вместо товарищеских отношений прямо-таки приятная компания… И мы на местах проводим принцип — не давать засиживаться и гоняем работников с места на место, и когда ЦК снимает прекрасных работников, то это вполне естественно. У нас получается так: когда с места работников снимают для работы в Центре, то это — почетное назначение, а когда центральный работник снимается с места, то это наказание…

Начало раскола

«Рабочая оппозиция» как фракция коммунистической партии (тогда это еще не запрещалось) оформилась в сентябре 1920 года. С 22 по 25 сентября проходила Всероссийская партийная конференция, на которой Иван Иванович Кутузов и Юрий Хрисанфович Лутовинов обвинили партию в разложении. Они потребовали отказаться от навязанных сверху назначений и вообще вмешательства ЦК в деятельность местных партийных и советских органов.

Протест вызывала система, при которой партия отнимала у рабочих то, ради чего совершалась революция: право выбирать. Голосование превращалось в пустую формальность.

Иван Кутузов, крестьянский сын, окончил два класса сельской школы, работал на текстильной фабрике, один из создателей профсоюза текстильщиков. После революции возглавил Всероссийский союз текстильщиков. Он был крупной фигурой. Его избрали в президиум ВЦИКа.

Сторонники оппозиции выступили на Московской губернской партийной конференции в ноябре 1920 года с резкой критикой политики ЦК. Конференция проходила в Свердловском зале в Кремле. Члены оппозиции собрались отдельно, в Митрофаньевском зале.

Ленин с раздражением вспоминал об этом на X съезде:

— В ноябре, когда была конференция с двумя комнатами, когда здесь сидели одни, а в другом помещении этого же этажа — другие, когда и мне пришлось пострадать и в качестве посыльного ходить из одной комнаты в другую, — это была порча работы, начало фракционности и раскола.

В состав Московского комитета партии вошли несколько представителей «Рабочей оппозиции».

— Сущность спора, — объяснял Шляпников профсоюзным активистам, — заключается в том, какими путями наша коммунистическая партия в переживаемый период будет проводить свою хозяйственную политику: через организованные в союз рабочие массы или через их головы — бюрократическим путем, посредством канонизированных чиновников и спецов.

В кризисной ситуации внутрипартийные дискуссии приобрели необычно резкий характер.

«21 января 1921 года, — вспоминал историк Николай Михайлович Дружинин, — я был на партийной дискуссии в Большом зале Консерватории: собрание было созвано Московским комитетом и заключало в себе весь цвет московских коммунистов. На это интимное собрание, из своих, я прошел с удостоверением Агитотдела.

Дальнейший хвост чающих доступа, растянувшийся по Никитской, тщательная проверка входных и партийных билетов; в вестибюле — часовые с винтовками; зал ярко освещен и полон живой, но сдержанной толпой — рабочих, красноармейцев, интеллигентов, на которой лежит особый отпечаток сухого и сурового демократизма…

Председательствует Каменев. Докладчики — Зиновьев и Троцкий, их дополняют представители различных точек зрения, на которых раскололась еще недавно крепко спаянная, единая

партия… Расколовшиеся вожди апеллируют к массе; в воздухе носятся слова о болезни и кризисе партии, о возможности ее раскола… К идейным разногласиям примешиваются уязвленное самолюбие отдельных личностей и полемический задор увлекающихся противников.

Дипломатическая позиция Зиновьева, выражающая воззрения Ленина и других вождей из ЦК, — обща и расплывчата; длинная речь, произнесенная тонким охрипшим голосом…

Речь Троцкого была ясна, последовательна и сильна; он дополнял ее резкой и несколько угловатой жестикуляцией, много оправдывался и старался перевести вопрос в новую плоскость — изжитие кризиса профсоюзов и их усиление на новой основе — «производственной демократии».

Интересную и своеобразную струю внесла «Рабочая оппозиция» с ее синдикалистским уклоном, борьбой против бюрократии и государственности (по-видимому, это — то скрытое, могущественное течение, которое оказывает решающее влияние на группировки вождей)… Профсоюзы как независимая организация рабочей массы обречена на гибель, она мертвеет под гнетом давящей государственности…

Против выступает «Рабочая оппозиция», несущая в себе живое начало массового творчества; против комиссарства, назначенства, приказов сверху поднимается волна демократической оппозиции, которая желает воскресить старые заветы, а частью таит в себе анархические задатки. И главные вожди испугались грозящей перспективы — разрыва с передовым авангардом, а вместе с тем и с беспартийной массой…»

Лидеры «Рабочей оппозиции» были выходцами из профсоюзов. Особенно сильной поддержкой они пользовались среди металлистов, считавшихся передовым отрядом рабочего класса. Именно в этом союзе работали и Шляпников, и его главный соратник Сергей Павлович Медведев, в Гражданскую войну член Реввоенсовета 1-й армии.

Что бы ни говорили впоследствии о Сергее Медведеве, он был человеком здравомыслящим и неравнодушным. Осенью 1918 года он написал Ленину большое и честное письмо об истинном состоянии Красной армии: «Я убедился, что у нас есть толпы вооруженных людей, а не крепкие воинские части. Как только эти толпы занимали какую-нибудь деревню или село, они вызывали своей неорганизованностью и распущенностью величайшее озлобление всего населения.

Всякий мало-мальски самостоятельный житель и его дом рассматривался как белогвардейское пристанище и подвергался и явному, и тайному ограблению. Самовольные захваты лошадей,

фуража, продуктов питания, обыски в домах и при этом грабеж…

Части нашей Красной Армии никакой военной выучке не подвергались, и поэтому слишком трудно совершать с ними военные операции. Они могут совершить партизанский набег, но чуть только попадут под военный, а не под партизанский огонь — они обнаруживают всю слабость свою и панически бегут от жалкой горстки опытного противника… У нас есть некоторое количество честных бывших офицеров. Они знают, что нужно сделать, чтобы превратить нашу борьбу в борьбу военную, но терроризированы негодным в военном отношении, а часто и в моральном, элементом…»

Немногие большевики в ту пору понимали, что Красная армия нуждается прежде всего в обучении и бывших офицеров нужно срочно призывать на помощь, а не расстреливать их и не топить, как это делал Сталин в Гражданскую войну — под одобрительные возгласы своих приверженцев…

Двадцать пятого января 1921 года «Правда» опубликовала тезисы Шляпникова «О задачах профессиональных союзов» — это была платформа оппозиционной группы. Существовавшая тогда внутрипартийная демократия еще позволяла несогласным с генеральной линией, если они получают достаточную поддержку в парторганизациях, излагать свои взгляды в центральных изданиях.

Требования оппозиции: передать профсоюзам управление народным хозяйством, создать орган управления промышленностью из самих рабочих-производителей, запретить партии подбирать и назначать хозяйственных руководителей… Разумеется, реализация всего этого комплекса идей привела бы к окончательной гибели экономики, где и так не хватало инженеров и профессиональных управленцев. Но призывы Шляпникова и Коллонтай к свободному обмену мнениями, к демократизму, к борьбе с бюрократической системой имели огромное значение.

Александра Коллонтай написала брошюру «Рабочая оппозиция»:

«Рабочая оппозиция — это передовая часть пролетариата… Рабочая оппозиция родилась из недр промышленного пролетариата Советской России. Ее взрастили не только каторжные условия жизни и труда семимиллионного промышленного пролетариата, но и ряд отклонений, качаний, противоречий и прямо уклонений нашей советской политики от четких, ясных, классово выдержанных принципов коммунистической программы…

Пролетариат геройски три года Гражданской войны нес

неисчислимые жертвы революции. Он терпеливо ждал. Но теперь рабочий считает излишним «терпеть» и «выжидать»… К стыду нашему, не только в глухой провинции, но в сердце республики — в Москве — процветают вонючие, перенаселенные, антигигиенические рабочие казармы, куда войдешь, и кажется, будто революции-то и не было… Рабочий видит, как живет советский чиновник и как живет он сам, на котором держится диктатура класса».

Призывы оппозиции были созвучны настроениям рабочей массы. Экономический и политический кризис начала 1921 года мог бы развалить власть большевиков, если бы Ленин и другие члены политбюро не спохватились — буквально в последний момент.

Еще за год до этого член политбюро и председатель Реввоенсовета Лев Троцкий, видя, как гибнет экономика, и чувствуя мятежные настроения крестьянина, предложил заменить продразверстку натуральным налогом, что означало отказ от политики военного коммунизма.

Троцкий предупреждал руководство большевиков: «Продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, и не поможет никакое усовершенствование реквизиционного аппарата». Сохранение продразверстки «грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны». Политическое чутье Троцкого не подвело. А вот Ленину не хватило прозорливости, и тогда политбюро отвергло предложения председателя Реввоенсовета.

«Я настойчиво добивался перехода к новой экономической политике, — вспоминал уже высланный из страны Лев Троцкий. — В Центральном комитете я собрал всего лишь четыре голоса против одиннадцати. Ленин был в то время против отмены продовольственной разверстки и притом непримиримо. Сталин, разумеется, голосовал против меня. Переход к новой экономической политике произведен был лишь через год, правда, единогласно, но зато под грохот кронштадтского восстания и в атмосфере угрожающих настроений всей армии».

На тонком кронштадтском льду

К «Рабочей оппозиции» примкнули 45 делегатов X съезда партии. Возможно, обсуждение платформы оппозиции пошло бы иначе, если бы не вспыхнуло восстание в морской крепости Кронштадт.

Советские газеты опубликовали правительственное сообщение «Новый белогвардейский заговор!». В нем говорилось,

что происходящее в Кронштадте «несомненно подготовлялось французской контрразведкой».

На X съезде партии 8 марта 1921 года Ленин говорил:

— Несомненно, что белые генералы, — вы все это знаете, — играли тут большую роль… Совершенно ясно, что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев.

Это была ложь, прикрытие для массовой расправы.

Не стоит думать, что верхушка партии не знала реального положения. Расследованием ситуации в Кронштадте занимался особоуполномоченный при президиуме ВЧК Яков Саулович Агранов, которому очень доверял Ленин. Агранов составил секретный доклад, в котором, в частности, говорилось: «Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы… Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности…»

Теперь, когда рассекречены и преданы гласности многие документы, становится ясно, что именно тогда произошло. Кронштадтский мятеж стал одним из проявлений массового недовольства политикой советской власти.

Уже в конце декабря 1917 года одна из петроградских газет писала о стремительном ухудшении ситуации с продовольствием:

«Холодильники на Черниговской улице, в которых хранятся скоропортящиеся продукты для населения всего Петрограда, в том числе и для гарнизона, в настоящее время всецело находятся под управлением большевистского комиссара Лаврентьева, бывшего слесаря на этих холодильниках, незадолго до переворота уволенного.

Хозяйничанье большевиков привело к тому, что огромные склады холодильников теперь почти совершенно пусты, в то же время новых поступлений нет.

Так солонины всего имеется 10 000 пудов, и завтра, в четверг, ее уже не будет.

Жиров — коровьего масла — имеется около 60 000 пудов. Их хватит максимум на полторы недели. Совершенно случайно вчера прибыл один вагон сливочного масла.

Яиц нет. Битой птицы также. Зато имеется 200 вагонов сельдей и 20 вагонов кеты.

В укромном месте «на худой конец» припрятаны окорока. Но их всего 3000 пудов, то есть 120 000 фунтов, предназначенных для трехмиллионного населения!

Ой, повторится картина, описанная поэтом:

У приказных ворот собирался народ
Густо.
Говорил в простоте, что у них в животе
Пусто».

Двадцать первого ноября 1918 года Совнарком принял ключевой для политики военного коммунизма декрет «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства», означавший полное запрещение товарооборота и частной торговли. Все торговые предприятия были национализированы, и снабжение населения продуктами и предметами первой необходимости взял на себя Народный комиссариат продовольствия — через сеть государственных и кооперативных магазинов. И сразу всё рухнуло.

«Люди сидят не то что без хлеба, но вот, например, нет дров, в доме лопаются трубы и всё замерзает, в квартирах 4–6 градусов, — писал Леонид Красин родственникам, оставшимся за границей. — Нет масла, нет молока, нет картофеля, нет мыла, нет возможности вымыться, всюду очереди и безнадежные хвосты. Мне-то еще не беда, я всё-таки в привилегированном положении, но обывательская жизнь — это прямо мука… Питер совершенно пуст, магазины все закрыты, вид довольно унылый… Люди по улицам ходят изрядно обшарпанные, как дома, с которых обваливается штукатурка, и часто, встречая знакомое лицо, останавливаешься, поражаясь переменам.

Купить же что-либо можно лишь за невероятные цены. Как вообще люди живут — загадка… Положение русских больших городов теперь почти как осажденной крепости».

Вениамин Семенов-Тян-Шанский вспоминал о жизни в Петрограде после революции: «Были устроены столовые общественного питания. Питались кониной (это был деликатес), затем тюленьиной (о прибытии свежей тюленины в «столовках» вывешивалось торжественное объявление), пшеном, ржаной кашей, турнепсом и мороженой картошкой… В «столовках» обязательно подавался суп с «сущиком», то есть мелкой сушеной рыбой… Лев Семенович Берг, как ихтиолог с мировым именем, обязательно с большим терпением выуживал из супа мельчайшие рыбьи косточки, раскладывал по краям тарелки в порядке зоологической классификации и называл по-латыни и по-русски тот вид, которому каждая косточка принадлежала. Состав суповой фауны оказывался сложным, и в нем иногда попадались

редкие виды…»

Экономисты пытались объяснить большевистскому руководству, что спасение от голода — возвращение к свободе торговли. Ленин же твердо стоял на своем. Писал 29 января 1919 года: «Свобода торговли при абсолютном недостатке необходимого продукта равняется бешеной, озверелой спекуляции и победе имущих над неимущими. Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через улучшение государственной монополии к социализму. Трудный период, но отчаиваться непозволительно и неразумно».

Среди большевистского руководства Владимир Ильич был одним из самых образованных, с немалым жизненным опытом, с широким кругозором. Что особо важно подчеркнуть — не догматик, в случае необходимости легко отказывался от любых идей, которые только что проповедовал. В данном случае дело было не в слепом следовании формуле: при социализме торговля есть распределение. Вопрос о хлебе был вопросом о власти. У кого хлеб, у того и власть.

Десятого марта 1919 года Совнарком в принципе прекратил всякое пассажирское движение на железных дорогах. Ленин объяснил:

— Найдутся агитаторы, помогающие белогвардейцам, которые станут кричать: смотрите, народ голодает, а у вас отняли пассажирские поезда, чтобы вы не могли везти хлеб. Прекращение пассажирского движения освободит двести паровозов, даст возможность привезти несколько миллионов пудов хлеба. А если за это время возили бы хлеб в одиночку мешочники, голодные люди, которые бросаются кто куда, то они вывезли бы в лучшем случае полмиллиона пудов…

Ленин обещал накормить только армию и рабочих. Остальные были предоставлены сами себе. В реальности презираемые официальной пропагандой «мешочники» спасли многие жизни. Они везли в город хлеб из деревни, заменяя собой уничтоженную властью торговлю.

Деревня отказалась отдавать хлеб за обесцененные деньги. Попытки организовать социалистическое земледелие терпели неудачу. Насильственное создание совхозов провалилось — хлеба они не давали. Тогда продовольствие решили забрать силой. В деревню двинулись продотряды с полномочиями реквизировать хлеб.

Деревня возмущалась насильственной «выкачкой хлеба», что часто выглядело просто как грабеж. Крестьяне сопротивлялись. Горожане одновременно и зависели от деревни, и высокомерно относились к селянам. Пути города и деревни в революции

разошлись. Противостояние города и деревни дошло до стадии ненависти, когда крестьянам надоело, что их грабят, и они взялись за оружие. По всей стране вспыхивали крестьянские восстания.

Государство обещало взамен хлеба обеспечить деревню промышленными товарами. Но промышленность развалилась, дать было нечего. И всё равно продотряды забирали хлеб. Что особенно возмущало крестьян? Реквизированный хлеб гнил на железнодорожных станциях, продармейцы им торговали или гнали из него самогон. Но советский аппарат продолжал упрямо отстаивать правоту созданной им безумной системы.

Тринадцатого мая 1919 года Александра Коллонтай опубликовала в «Известиях» статью «Борьба с царем-голодом»:

«Что делать в борьбе с дороговизной и голодом?

Уже полтора года бьется над этим вопросом Комиссариат продовольствия.

Уничтожить всякую свободу торговли?.. Помилуйте, запротестует обыватель, а за ним и менее вдумчивый рабочий — тогда пропадут с рынка все товары! Тогда-то и начнется настоящий голод!..

А между тем — национализация торговли, строгий учет и беспощадное преследование спекуляции — это единственный путь. Централизация продовольственного дела в руках государственного аппарата обеспечивает то, что и при минимальном подвозе продуктов рабочий класс в первую очередь получает свой паек; если подвезен хлеб, сахар, рыба, мясо — первый, кто получит свою долю, это — трудящийся класс».

Ее статья означала одно: рабочих накормим, остальные нас не интересуют. Такова была политика партии: распределять продовольствие по классовому признаку. Рабочим — повышенные нормы. Но система не работала, и рабочие тоже голодали. Гарантированный паек получали только высокопоставленные чиновники и военное командование.

Руководство большевиков верило в плановое хозяйство и централизованное управление, в то, что плановое распределение ресурсов и производственных заданий всё решит. А получилась система бюрократизированная, неэффективная и разорительная.

«Жесточайшими методами проводилась продразверстка в 1920 году, — пишет историк из Ульяновска Иван Альбертович Чуканов (Вопросы истории. 2001. № 3). — Во-первых, был расширен ассортимент сдаваемого продовольствия. Сдаче подлежали овощи, мясо, молоко, птица, яйца. Установили разверстку на сдачу соломы, шкур, пеньки, меда и т. д. Во-вторых, реквизиция носила более изощренный характер… В-третьих,

продразверстка проходила в условиях неурожая, вызванного засухой и недосевом полей».

Крестьянин ответил на такую политику сокращением посевов. Сеяли только для себя. Развал экономики, продразверстки и невиданная засуха привели к страшному голоду. Умирали четверо из десяти новорожденных.

Жизнь стала вовсе не выносимой. Города голодали. Промышленность остановилась, деньги утратили свою ценность. Деревня взбунтовалась. И вспыхнула настоящая «война после войны». В одной только Сибири против советской власти восстало больше крестьян, чем там находилось бойцов Красной армии. На X съезд партии сибирская делегация отправилась с оружием в руках, предполагая, что по дороге ее ждут настоящие перестрелки. Массовые волнения прошли тогда и в Москве, и в Петрограде.

Возмущение не обошло армию и флот, состоявшие из вчерашних крестьян. Плохое питание («один хлеб и вобла»), невозможность учиться, возвращение к старому в смысле неравенства матросов и командиров, жесткость нового командующего Балтийским флотом Федора Раскольникова, запретившего отпуска, увольнения на берег и ночевки вне корабля, — всё это вызвало раздражение моряков.

«Недовольство масс Балтфлота, — докладывал начальник 1-го спецотдела ВЧК Владимир Дмитриевич Фельдман, — усугубляется еще письмами с родины. Почти все они несут жалобы на тягость жизни и сплошь указывают на несправедливости, вольные или невольные, местных властей.

Считая это явление одной из главных причин недовольства, притом не только в рамках Балтфлота, но и в общеармейском масштабе, необходимо на него обратить самое серьезное внимание. Все — и беспартийные, и партийные — в один голос жалуются на удручающие вести с родины: у того последнюю лошадь отняли, у другого старика-отца посадили, у третьего весь посев забрали, там последнюю корову увели, тут реквизиционный отряд забрал все носильные вещи и т. д.

На почве всех этих явлений вытекает и нечто весьма существенное: более сорока процентов членов РКП организации Балтфлота вышли из партии. Одни мотивировали свой уход религиозными убеждениями, другие усталостью: «надоело», третьи разочарованностью в лучшем будущем, четвертые просто порвали партийный билет…»

В те же дни Петроградская губчека сообщала в Москву, что военные недовольны отсутствием продовольствия, обмундирования и медленной демобилизацией: «Красноармейцы,

где только возможно, стараются что-нибудь обменять на хлеб, ходят по квартирам обывателей после работы. В некоторых частях были случаи отказа от нарядов из-за отсутствия обуви».

Моряки были недовольны тем, что революция ничего не принесла. Другие люди вышли в начальники и наслаждались привилегиями. Балтийцы считали, что заслуживают большего.

«Когда вышел из вагона, — вспоминал профессор Московского университета Юрий Владимирович Готье, — прежде всего меня поразила надпись: «Въезд в Кронштадт воспрещен», красующаяся на перроне. Как будто в Петроград только и едут, чтобы попасть в эту ужасную лабораторию русской революции. И в этом видно самоупоение и самопереоценка революционного хамья…

За Николаевским мостом можно видеть довольно много судов Балтийского флота, спокойно стоящих у берега, в то время как «краса и гордость революции» в брюках клеш разгуливают по набережным под ручку со своими дамами. Их особенно много вокруг крепости и около Английской набережной, где они захватили весь квартал, выселив из него жителей».

Матросы переоценили свою популярность, в стране их не очень поддержали (Отечественная история. 2004. № 1): «Матросы и лица, одетые матросами (а таких очень много), всюду требуют для себя всевозможных удобств и преимуществ в воздаяние их заслуг по утверждению Советской власти в России… Все бывшие матросы при больших деньгах и в силу этого пользуются успехом у советских девиц. Если кто и позволит себе кататься на лихачах в тех городах, где они еще сохранились в России, то это обычно молодые люди, либо одетые в кожаные куртки, либо — в матросскую форму».

Бывший председатель Центробалта Павел Дыбенко, которого рядовая масса моряков давно не воспринимала как своего, подписал обращение к старым морякам Кронштадта: «Спасайте честь славного революционного имени балтийцев, опозоренного ныне предателями. Спасайте Красный Балтфлот». Но эти призывы не возымели действия. 27 февраля Григорий Зиновьев приехал на общефлотский митинг в Морской корпус. Но питерскому вождю не давали говорить. Он был в панике, о чем уведомил Ленина.

Организатором восстания был старший писарь линейного корабля «Петропавловск» Степан Максимович Петриченко. Его избрали председателем Кронштадтского временного революционного комитета.

Местная газета «Известия ВРК» писала: «Здесь, в Кронштадте положен первый камень третьей революции, сбивающей последние оковы с трудовых масс и открывающей новый широкий

путь для социалистического творчества».

Один из моряков восхищался товарищами: «Свершилось! Лопнуло терпение, и все советы, чрезвычайки, особые отделы полетели вверх тормашками. Все коммунисты арестованы и обезврежены. Кронштадт готовится к новой жизни. Итак, ожидания сбылись. И всё это произошло без единого выстрела. Настроение у всех праздничное. Подъем духа — необыкновенный. Интересно, в какую форму выльется эта «третья революция».

Для ликвидации мятежа Троцкий приказал восстановить 7-ю армию (она была переведена на положение трудовой и называлась Петроградской революционной армией труда), назначил ее командующим будущего маршала Михаила Николаевича Тухачевского, подчинив ему все войска Петроградского округа и Балтийский флот.

В действующие части отправили примерно 300 делегатов X партийного съезда, имевших военный опыт, среди них был Павел Ефимович Дыбенко. Он принял под командование сводную дивизию Южной группы войск.

Какая невероятная коллизия! Александра Михайловна Коллонтай олицетворяла идеи, которые подняли кронштадтцев на мятеж. А ее любимый человек стрелял в них…

Общий приказ был такой: «Жестоко расправиться с мятежниками, расстреливать без всякого сожаления, пленными не увлекаться». Но красноармейцы не горели желанием сражаться против кронштадтских матросов.

В Южной группе войск, докладывали работники особого отдела своему начальству, «561-й полк, отойдя полторы версты на Кронштадт, дальше идти в наступление отказался. Причина неизвестна. Тов. Дыбенко приказал развернуть вторую цепь и стрелять по возвращающимся. Комполка 561 принимает репрессивные меры против своих красноармейцев, дабы дальше заставить идти в наступление».

Три полка — 235-й Невельский, 236-й Оршанский и 237-й Минский — наотрез отказались штурмовать Кронштадт.

«В два часа дня сегодня, 14 марта 1921 года, — докладывал малограмотный, но бдительный уполномоченный 1-го Особого отдела, — были выстроены три вышеозначенных полка. На приветствие тов. Дыбенко ответило лишь несколько человек.

В рядах говорили, что тов. Дыбенко хотел сказать речь, но красноармейцы говорили, что довольно, мы наслушались ваших речей. Из всего этого можно заключить, что прибывшие части неблагонадежны».

Непокорные части разоружили. Наиболее активных противников наступления на Кронштадт чекисты арестовали. В

237-м полку расстреляли сорок одного красноармейца, в 235-м — тридцать три. Такими мерами армию заставили штурмовать Кронштадт.

Шестого марта по радиотелеграфу бывший председатель Учредительного собрания и лидер эсеров Виктор Михайлович Чернов обратился к Кронштадтскому ревкому: «Шлю свой братский привет героическим товарищам матросам, красноармейцам и рабочим, в третий раз с 1905 года свергающим гнет тирании… Готов прибыть лично и поставить на службу народной революции свои силы и свой авторитет. Верю в конечную победу рабочего народа. Отовсюду приходят вести о готовности масс к восстанию во имя Учредительного собрания. Не поддавайтесь на удочку переговоров, начатых большевистской властью с целью выгадать время и сосредоточить против Кронштадта наиболее верные части привилегированной «советской гвардии». Слава первым, поднявшим знамя народного освобождения! Долой деспотию слева и справа! Да здравствует свобода и народовластие!»

Эсер Чернов верил, что восстание моряков — начало новой революции против деспотии большевиков. Но в реальности моряки не собирались свергать советскую власть. Они лишь хотели определенных перемен (Отечественная история. 2007. № 4). Лидер меньшевиков Юлий Мартов точнее оценил происходящее: «Это восстание, по существу, есть бунт большевистских масс против большевистской партии».

В ночь на 18 марта оставшиеся члены Кронштадтского ревкома по льду ушли в Финляндию. За подавление мятежа, то есть за расстрел недавних товарищей-моряков, Павел Дыбенко получил еще один орден.

В приказе Реввоенсовета Республики от 24 марта 1921 года говорилось: «Награждается орденом Красное Знамя… начальник Сводной стрелковой дивизии тов. Дыбенко за подвиги личной храбрости, самоотверженность и искусное управление частями войск, проявленные при штурме крепости Кронштадт и взятии города Кронштадт».

Дыбенко вообще не был обижен наградами. В автобиографии он писал, что помимо трех орденов Красного Знамени он получил золотые часы от ВЦИКа, серебряные часы от Ленинградского совета, а также лошадь.

После подавления восстания Павел Ефимович ненадолго стал комендантом Кронштадта и крепости, участвовал в работе следственной группы. Все, кто в момент восстания находился в Кронштадте, прошли через трибунал. В общей сложности расстреляли 2103 человека, шесть с половиной тысяч бывших

солдат и матросов посадили. Несколько сотен семей выселили из Кронштадта.

А Коллонтай в Москве на съезде партии решительно спорила с ленинской политикой!

Пугающие резолюции

«Рабочая оппозиция» многим нравилась своими призывами к борьбе с бюрократами. Рабочие коллективы за нее голосовали и делегировали оппозиционеров на съезд партии. На заседании 9 марта утром слово получил лидер «Рабочей оппозиции» Шляпников:

— Мы должны констатировать, что, несмотря на существующее по форме единство, у нас в партии нет органической связи между членами партии и руководящими членами ее. Это я могу сказать не только по личному опыту, но опираясь на положение дела на местах, и об этом каждый из нас знает прекрасно. Мы, Владимир Ильич, не имеем в нашей партии той былой спайки, которая у нас имелась в прошлые, не менее трудные моменты жизни нашей партии, в дореволюционный период… Тогда и спайка, и единство мысли и чувств, всё было у нас налицо. Теперь этого нет. Вот это, товарищ Ленин, и породило то, что вы называете здесь «Рабочей оппозицией»… У нас нет расхождений в основных вопросах нашей внутренней и международной политики… Но у нас много расхождений в тактических вопросах, в способах осуществления нашей общеполитической линии…

Органическая болезнь, которая наблюдается в нашей партии, заключается в оторванности наших центров от партийных масс и всего партийного аппарата от рабочих масс. Следы этой болезни несет в себе и сам Центральный комитет… Наша партия перерождается — в нашей партии замечается прилив чуждого нам элемента. Состав партии резко изменяется. Это грозит нам не только усилением влияния мелкобуржуазной стихии в нашей партии, но и тем, что эта мелкобуржуазность совьет довольно прочное гнездо внутри нашей партии…

Методы партийной работы также нуждаются в коренном изменении. Необходимо немедленно покончить с единоличием в партийной работе, прекратить ставку на уполномоченных… Не перегибайте палки в сторону борьбы с нами. Здесь вы, может быть, нас и подавите и разобьете, но от этого вы только проиграете…

На трибуну вышла и Александра Коллонтай. Она рассказала, как ей мешали излагать ее взгляды и в результате она с трудом издала брошюру «Рабочая оппозиция» тиражом всего полторы тысячи экземпляров:

— Товарищи, каждый из нас, кто работает на местах, в массе,

знает, что приходится сталкиваться с ужасающими картинами условий, в которых находятся наши товарищи-рабочие, и замалчивать этого нельзя, незачем, а, наоборот, нужно вскрыть эту болезнь…

Несмотря на всё наше личное отношение к Владимиру Ильичу, — я думаю, что мы все в глубине души имеем к нему исключительное чувство, — несмотря на это, мы не можем не сказать, что его вчерашний доклад мало кого удовлетворил… Присутствующие здесь товарищи ждали от него ответа на те события, которые происходят у нас в Советской трудовой России, — события грозные, чреваты последствиями. Мы ждали, что в партийной среде Владимир Ильич откроет, покажет всю суть, скажет, какие меры ЦК принимает, чтобы эти события не повторялись. Владимир Ильич обошел вопрос о Кронштадте и вопрос о Питере и о Москве…

К нам примазался целый ряд чуждых элементов. Постановления об очистке партии принимаются только на бумаге и не проводятся в жизнь. Я хотела бы спросить ЦК: почему до сих пор по существу не проведено постановление восьмого съезда партии относительно очистки нашей партии от чуждых ей элементов?

Почему постановление сентябрьской конференции, чтобы перестали отсылать в отдаленные места наших инакомыслящих, с точки зрения ЦК, товарищей, почему на самом деле оно не проводится в жизнь? Мы знаем, что закулисно ведется определенная оценка товарищей, расценка их, кого оставить, а кого убрать подальше от тех масс, на которые они оказывают влияние…

Мещанско-социальный состав нашей трудовой России с преобладанием крестьянства, с огромным количеством чуждых элементов, вышедших из буржуазного мира и засевших в советских учреждениях, влияет сначала на советские органы, а затем косвенно и на Центральный комитет… Я опять-таки спрашиваю ЦК: что сделал он для того, чтобы создать условия, при которых возможна была бы самодеятельность масс? О самодеятельности масс говорят на каждом партийном съезде, на каждой конференции, выносятся резолюции… Но что сделал ЦК, чтобы дать возможность осуществить на местах эту самодеятельность, чтобы облегчить проведение этой самодеятельности не только широким массам, но самим партийным работникам?..

Александре Коллонтай ответил секретарь ЦК Николай Крестинский:

— Я считаю своим долгом указать на то, что нет

назначенства, нет репрессий. Я утверждаю, что и прежде в практике ЦК этих репрессий почти не было, и указания Коллонтай на то, что были репрессии, являются голословным заявлением. Я ей крикнул с места: «Назовите имена» — она не назвала. Этих репрессий нет… Товарищ Коллонтай заведует крупным отделом ЦК: по нашей конституции все заведующие отделами являются членами организационного бюро с совещательным голосом; они имеют право посещать все заседания, и все решения обсуждаются совместно. А товарищ Коллонтай приходит на заседания только тогда, когда вопрос касается женотдела… Разве она может назвать хотя бы одно предложение о посылке того или другого циркуляра по этим больным вопросам, которое она внесла и которое не было бы обсуждено или было отклонено? Может быть, она свое время тратила на то, чтобы подготовить материал к выступлению на партийном съезде от «Рабочей оппозиции», но в практической работе она никаких подобных указаний не делала, и поэтому она меньше, чем кто-либо другой, имеет право выступать с подобными заявлениями…

Человеку не ведома его судьба. Пройдет не так много лет, и бывший секретарь ЦК Николай Николаевич Крестинский пройдет через все круги ада. В марте 1938 года его посадят на скамью подсудимых вместе с другими недавними руководителями партии и правительства. И, надеясь сохранить себе жизнь, они все подтвердят слова обвинителя, что «составили заговорщическую группу под названием «правотроцкистский блок», поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи и расчленение СССР…». Крестинского, когда-то уверявшего Коллонтай, что «репрессий нет», расстреляют…

Сергей Павлович Медведев, председатель Всероссийского союза рабочих-металлистов, говорил о бедственном положении рабочих при власти, которая называет себя пролетарской:

— Мы предлагаем, чтобы каждый член нашей партии ежегодно не менее трех месяцев отбывал трудовую повинность на заводе, фабрике, руднике, на железной дороге, чтобы он, пришедши оттуда, знал, как живут теперь рабочие, как эти рабочие, жившие во время царизма в ужасных условиях, спавшие на нарах, теперь не имеют даже этих нар. Тогда эти члены партии будут тоже говорить, что они сторонники «Рабочей оппозиции»…

На X съезде от имени оппозиции выступил и Иван Николаевич Перепечко, заместитель председателя Южного бюро ВЦСПС, член президиума съезда. К оппозиции присоединились видные фигуры: Алексей Семенович Киселев из Иваново-

Вознесенска — член ЦК, председатель ЦК Всероссийского союза горнорабочих и председатель Малого Совета народных комиссаров, Кирилл Никитич Орлов — заместитель председателя Совета военной промышленности, Александр Федорович Толоконцев — член Центрального правления артиллерийских заводов, член ЦК профсоюза рабочих-металлистов, член президиума ВЦИКа, Михаил Иванович Челышев — член Центральной контрольной комиссии партии (состоявшей в 1921 году всего из семи человек).

Критиковал оппозицию ответственный редактор «Правды» Николай Иванович Бухарин:

— В тот момент, когда нам до чрезвычайности приходится напрягать все силы, когда приходится напрягать весь остов коммунистического аппарата, чтобы удержать всеми пальцами эту расползающуюся мелкобуржуазную ткань, в это время одна из группировок «Рабочей оппозиции» проповедует выборность в нашей армии!.. То, что мы можем себе позволить внутри нашей партии, это еще не значит, что то же самое мы можем перенести на другие организации.

Он объяснял:

— Когда мы оцениваем, скажем, кронштадтские события, разве для нас главным образом опасно то, что генерал Козловский и эсеры подняли военный мятеж в Кронштадте? Нет, товарищи, самым опасным для нас является то, что накануне перед этим в Питере были волынки на ряде заводов, что у нас среди московских рабочих собирается конференция кожевников, которая выносит эсеровскую резолюцию, собирается конференция беспартийных металлистов, которая выносит тоже эсеровскую резолюцию. В этом заключается опасность, и в этом мелкобуржуазная зараза, которая захватила в своей гангренозной форме и часть рабочего класса. В этом заключается наибольшая опасность текущего момента, а вовсе не в том, что тот или иной генерал поднял военное восстание.

Ефим Никитич Игнатов, состоявший во время революции в Московском революционном комитете, затем стал членом исполкома и президиума Моссовета, выступал от рабочей оппозиции:

— Партия должна решительно встать на сторону принципов рабочей демократии, отбросить мелочную опеку и перейти на доверие к сознательности «низов». В этом заключается выход из кризиса. Без самодеятельности коммунистических «низов» и пролетарских масс, одними циркулярами, распоряжениями и так далее мы из этого кризиса не вылезем… Партия не должна бояться, а твердо идти по пути рабочей демократии не тогда

только, когда везде тишь и гладь, а когда всё волнуется кругом… А для того, чтобы наша партия сама по себе не перерождалась, благодаря тому, что она находится у власти, необходимо сделать так, чтобы все члены партии регулярно отбывали определенный срок на заводах и фабриках. Это полезно, поскольку все члены партии считаются революционерами… Далее необходимо, чтобы назначенство на партийные посты было безусловно отменено. С этим институтом уполномоченных и назначенцев нужно покончить!

Секретарь Петроградского комитета и Северо-Западного бюро ЦК Ивар Тенисович Смилга резко ему возразил:

— На протяжении всего периода после революции всяким разговорам о действительной демократии мы противопоставляли твердый военный режим, формальный демократизм и даже уклон от конституции, но всё это во имя победы, чтобы во что бы то ни стало сохранить рабоче-крестьянскую республику. И мы победили…

Ивар Смилга в Гражданскую войну был членом Реввоенсовета Республики и поддерживал Троцкого, поэтому вскоре лишился работы и партбилета. В 1929 году он заявил, что рвет с троцкизмом. Его восстановили в партии, назначили заместителем начальника мобилизационного управления ВСНХ. А после убийства Кирова в декабре 1934 года Смилгу арестовали и держали в Верхне-Уральском политизоляторе, а в феврале 1938 года расстреляли. «Твердый режим», который он когда-то защищал от Шляпникова и Коллонтай, убил и его самого…

Тринадцатого марта вечером на одиннадцатом заседании Коллонтай вновь получила слово:

— Наша «Рабочая оппозиция» твердо настаивает, что необходимо не только реорганизовать весь аппарат, но надо твердо и ясно сказать, что во все времена, а не только в момент передышки, необходима система широкого развертывания демократии, доверие к массам и обеспечение свободы мнений для товарищей не только на бумаге, но и фактически. Для этого мы вносим пункт о свободе дискуссий: надо признать за партийными течениями право устраивать дискуссии и дать возможность представителям различных течений защищать свои взгляды, то есть издавать на счет ЦК такую «вредную» брошюру, как изданная мной брошюра «Рабочая оппозиция»… Не забудьте, товарищи, что «Рабочая оппозиция» связана с широкими рабочими массами.

— И с Кронштадтом, — прозвучал голос из зала.

— Товарищи, вы знаете о том, что не было никогда случая, когда бы «Рабочая оппозиция» отказывалась от работы и не шла бы туда, куда ее посылают. На Кронштадт кто первый

откликнулся, кто первый поехал туда, как не представители «Рабочей оппозиции»? Это не красный Генеральный штаб туда поехал, туда поехали представители «Рабочей силы». Вот кто первый поехал. (В зале смех.) И повторяю дальше: когда нужно, мы умеем подчиниться партии и исполнить наш долг во имя коммунизма, во имя мировой рабочей революции…

Коллонтай на съезде досталось, пожалуй, больше всех. Рабочих Шляпникова и Медведева особо трогать не решались — с учетом настроений в стране. Александра Михайловна с ее женскими идеями представлялась более удобной мишенью.

Николай Бухарин издевательски цитировал статью Коллонтай из журнала «Коммунистка» под названием «Крест материнства», опубликованную в начале 1921 года:

— Нам говорят: «Вы вели непролетарскую политику»… Это обвинение повторяли все представители «Рабочей оппозиции», но никто не привел ни одного аргумента. А вот что касается особливой «четкости» линии «Рабочей оппозиции», то я должен привести одну небольшую характеристику из статьи представительницы «Рабочей оппозиции» товарища Коллонтай, которую умиляет, что на одном из театральных представлений женщины с умилением относились к следующей религиозно-либеральной белиберде в пьеске.

Бухарин с чувством омерзения прочитал несколько фраз, в которых восхищенно говорилось о материнстве: «Мадонна-Богоматерь, символ, олицетворение высшего начала в материнстве; любви-сострадания, любви-всепрощения; любви действенной, творческой, мудрой. Мадонна — мать, скорбящая за боль людскую, за слепоту «детей земли». Величайшими страданиями, крестом материнства дошла Мадонна до той ступени всепонимания, когда познание граничит со святостью, всепрощение — с мудростью. Для нее нет того, что люди зовут «грехом». Для нее раскрыты тайны природы, а перед ними человеческие законы и нормы морали — игра детей…»

Бухарин призвал делегатов съезда разделить с ним возмущение позицией Коллонтай:

— И то, что этим умиляются наши женщины в противоположность мужчинам, это приводит в умиление Коллонтай. А для меня это — отвратительная сентиментальная католическая пошлость!

Голоса из зала:

— Правильно!

И, ясное дело, раздались аплодисменты.

— Если мы сравним, с одной стороны, брошюру Коллонтай, — продолжал Бухарин, — со всякими

характеристиками насчет палочного воспитания и прочего, а с другой стороны, ее святейшее, наивное в своей святости, умиление перед образом всепрощающей Мадонны, то «четкость» классовой линии «Рабочей оппозиции» выявится достаточно ясно.

Николай Иванович, который считался самым либеральным из большевистских руководителей, не стеснялся в выражениях, когда говорил о Коллонтай. По другому поводу высказался крайне оскорбительно:

— Очевидно, у нее на почве религиозных воспоминаний отшибло совершенно те остатки памяти, которые должны были сохраниться.

Настанет время, когда и самого Николая Ивановича будут смешивать с грязью и в зале — возможно, те же партчиновники, которые ему еще недавно аплодировали, — станут кричать: «Сволочь! Предатель!»

Григорий Григоров, участник революции и Гражданской войны, оставил воспоминания, в которых идет речь о Коллонтай: «Она считалась крупнейшим оратором в международном рабочем движении, умела быстро овладевать вниманием любой аудитории, могла два-три часа говорить без бумажки… Пожалуй, главная ее черта — свободолюбие.

Что же привело к революции, к социал-демократии, к ее крайнему крылу — большевизму?.. В пролетариате Коллонтай увидела класс, который, по ее мнению, должен был выполнить историческую роль Геракла, очищающего авгиевы конюшни от всего, что накопилось в России за века крепостничества и деспотизма.

А в 20-е годы эти же убеждения и те же черты характера привели Коллонтай к рабочей оппозиции, которая боролась против абсолютизма ЦК, против вождизма и ограничений личной свободы… Думаю, что и в личной жизни, отстаивая принцип «крылатого эроса», свободной любви, она выражала протест против рутины в общественных и личных отношениях, протест против браков по расчету…

Я часто встречал ее во 2-м Доме Советов в сопровождении руководителей рабочей оппозиции Шляпникова и Медведева. Обычно Коллонтай что-то горячо доказывала, а мужчины слушали ее, почему-то опустив головы, иногда подавали реплики, на которые она бурно реагировала… Выступления А. М. Коллонтай отличались аргументированностью, глубиной анализа, логичностью и убедительностью:

— Партия требует голого подчинения, механической дисциплины, а мы должны обеспечить широкую, развернутую демократию… Если партия не хочет превратиться в секту,

оторванную от народа, надо признать право различных партийных течений на свободные дискуссии, дать им возможность защищать свои взгляды через массовую печать, выпускать любые «вредные» брошюры, как, например, моя брошюра «Рабочая оппозиция»…

На партийном съезде Ленин заклеймил «Рабочую оппозицию». Владимир Ильич, вообще говоря, был человеком резким и, по-видимому, злым. По словам одного из его соратников, Ленин был суровым диктатором. Он с презрением относился ко всем своим соратникам, в том числе к тем, кого сам вознес на высокие посты и приблизил.

Владимир Ильич отверг покушение оппозиции на право партии монопольно управлять всем и вся: «Пока мы, Цека партии и вся партия, будем администрировать, то есть управлять государством, мы никогда не откажемся от ‘перетряхивания’, то есть смещения, перемещения, назначения, увольнения и пр.».

Отвечая лидерам «Рабочей оппозиции», Ленин обильно цитировал брошюру Коллонтай:

— Мы переживаем время, когда перед нами встает серьезная угроза: мелкобуржуазная контрреволюция, как я уже сказал, более опасна, чем Деникин… Вы на партийный съезд пришли с брошюрой товарища Коллонтай, с брошюрой, на которой написано «Рабочая оппозиция». Вы сделали последнюю корректуру, когда знали о кронштадтских событиях и поднимавшейся волне мелкобуржуазной контрреволюции. И в этот момент вы приходите с названием «Рабочей оппозиции»! Вы не понимаете, какую ответственность на себя берете и как нарушаете единство! Во имя чего? Мы вас допросим, сделаем вам тут экзамен… Этот экзамен должен теперь произойти, и, я думаю, он будет окончательным. Довольно, нельзя так играть партией!.. Нельзя вести такую игру в такой момент, когда сотни тысяч разложившихся боевиков разоряют, губят хозяйство, — нельзя к партии так относиться, нельзя так действовать…

Владимир Ильич доказывал, что поскольку промышленность из-за Гражданской войны остановилась, рабочие ушли в деревню и перестали быть рабочими. Пролетариат деклассирован, поэтому диктатура пролетариата заменяется диктатурой партии:

— Не надо теперь оппозиции, товарищи: не то время! Либо — тут, либо — там, с винтовкой, а не с оппозицией. Это вытекает из объективного положения, не пеняйте. Не надо теперь оппозиции, товарищи! И я думаю, что партийному съезду придется этот вывод сделать, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций! (аплодисменты). Почему товарищ Шляпников, когда он был наркомом, почему товарищ Коллонтай,

когда она тоже была наркомом, не научили нас борьбе с бюрократизмом?.. У вас есть желание дискутировать, но, кроме общих заявлений, вы ничего не даете. Вместо этого вы занимаетесь чистейшей демагогией… Это — демагогия, на которой базируются анархистско-махновские и кронштадтские элементы…

Ленин установил опасную для участников «Рабочей оппозиции» связь между ними и кронштадтскими мятежниками. Изменилось его отношение к несогласным. Если раньше он старался переспорить своих оппонентов, привести такие аргументы, которые бы убедили в его правоте партийную массу, то теперь он просто заявил о вреде любой оппозиции, что было воспринято партийным аппаратом и чекистами как сигнал к действию».

«Александра Коллонтай часто бывала причиной личного и политического раздражения для партийных вождей, — писала деятельница Коминтерна Анжелика Балабанова. — Она имела мужество отпечатать брошюру для распространения среди делегатов партийного съезда.

Я никогда не видела Ленина таким разъяренным, как в тот момент, когда на съезде ему вручили одну из этих брошюр. Ленин осудил Коллонтай как злейшего врага партии и как угрозу ее единству. В своих нападках он дошел до намеков на некоторые эпизоды из личной жизни Коллонтай, которые вообще не имели никакого отношения к данному вопросу. Это была полемика такого рода, которая не делала Ленину честь… Я восхищалась Коллонтай за спокойствие и самообладание, с которыми она ответила на выпад Ленина».

Массированная атака Ленина и других руководителей партии на Шляпникова, Коллонтай и других возымела действие. При голосовании проект резолюции «Рабочей оппозиции» поддержали всего 45 делегатов.

Шестнадцатого марта на утреннем заседании съезд принял резолюцию «О единстве партии»: «Съезд предписывает немедленно распустить все без изъятия, образовавшиеся на той или иной платформе, группы и поручает всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии… Съезд дает ЦК полномочие применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии…»

Фактически эта резолюция ставила крест на внутрипартийных дискуссиях, что тогда осознали немногие. Видные большевики голосовали за резолюцию, которая потом будет использована и против них. Запрет на фракции превратился в полицейскую дубинку. Пункт — об изгнании из партии членов ЦК — тогда не публиковался. Его предали гласности после XIII съезда.

Приняли и резолюцию «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», где говорилось: «Взгляды «Рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржуазных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию коммунистической партии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции… Признать пропаганду этих идей несовместимой с принадлежностью к РКП».

Шляпников возмутился:

— Ничего более демагогического и клеветнического, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни, за двадцать лет пребывания в партии!

Но его личный авторитет оставался высоким. На X съезде Шляпников был избран в президиум, ему поручили доклад по профессиональным союзам. И вновь включили в состав членов ЦК партии.

После съезда многие отошли от оппозиции. Ивана Кутузова избрали в ЦК, а после съезда даже сделали кандидатом в члены оргбюро. Но ровно через год, в апреле 1922-го, его вывели из оргбюро. Кутузов работал в различных комиссиях президиума ЦИК СССР — бюджетной, наградной, по борьбе с детской преступностью. В 1937 году его поставили во главе комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу. А вскоре арестовали и в августе расстреляли. Алексея Киселева избрали членом президиума ЦКК и заместителем наркома рабоче-крестьянской инспекции, что, впрочем, не помешало расстрелять его в октябре 1937-го. Александра Толоконцева избирали в ЦК, он стал одним из руководителей военной промышленности. В 1937-м его тоже уничтожили…

X съезд распустил «Рабочую оппозицию» и объявил принадлежность к ней несовместимым с членством в партии. Но Шляпников и некоторые его единомышленники решению съезда не подчинились. Они не смирились, продолжали отстаивать свои взгляды.

Нэп: надежды и разочарования

Вынужденный (от страха перед крестьянскими восстаниями и повторением Кронштадтского мятежа) отказ от продразверстки, то есть от организованного ограбления крестьянства, был первым шагом в проведении новой экономической политики. Это было освобождение от провалившихся принципов военного коммунизма и попыткой вернуться к почти нормальной экономике.

Семнадцатого мая 1921 года советское правительство приостановило национализацию мелкой и средней промышленности. 7 июля разрешило создавать частные предприятия, на которых могло быть занято не более двадцати человек. Вскоре появились частные магазины. Государственные предприятия переводились на хозяйственный расчет.

Кронштадт настолько испугал партийное руководство, что в Петрограде помимо экономических свобод на некоторое время вернули и политические. Чекистов попросили умерить пыл. Можно было почти свободно высказываться. Новая экономическая политика оказалась успешной. Восстановление страны шло быстрыми темпами. К 1926 году промышленное производство достигло довоенного уровня. Сельское хозяйство, которое сократилось почти вдвое, тоже восстановилось к 1926 году.

Нэп был с энтузиазмом поддержан партийной молодежью, но отвергнут старыми коммунистами. Возвращение денег, частный бизнес казались им отказом от революционных идеалов. Они выходили из партии, разваливались целые партийные организации. Для участников «Рабочей оппозиции» нэп был предательством интересов рабочего класса, потому что возвращал частную собственность и наемный труд.

Двадцать девятого июля 1921 года Шляпников выступил на партийной конференции Бауманского района Москвы, говорил о тяжелом положении рабочего класса. Он считал, что «неправильно использовались экспроприированные блага». Бауманцам доклад Александра Гавриловича понравился. Они с ним согласились и записали в резолюции: «Мы за всё время существования Советской власти не сумели использовать экспроприированных благ буржуазии для улучшения положения рабочего класса».

«Рабочая оппозиция» руководством партии воспринималась как серьезная опасность. О выступлениях Шляпникова докладывали членам политбюро. Ленина его речи выводили из себя. 9 августа 1921 года на объединенном пленуме Центрального комитета и Центральной контрольной комиссии Ленин потребовал осудить нарушение Шляпниковым партийной дисциплины. Возмущался: как он смеет критиковать линию ЦК,

одобренную съездом? Поставили вопрос об исключении Александра Гавриловича из состава высшего партийного руководства. По уставу нужно было собрать две трети голосов. Не собрали.

Двадцать первого февраля 1922 года в Москве состоялся первый расширенный пленум Исполкома Коминтерна, в котором участвовало 150 делегатов из тридцати шести стран.

Двадцать два советских коммуниста, в основном бывшие члены «Рабочей оппозиции», 26 февраля обратились к участникам пленума с письмом. Они просили мировое коммунистическое движение высказать свое мнение относительно их спора с политбюро.

Участники оппозиции критиковали внутренний режим в партии, писали о необходимости остановить влияние буржуазной стихии (нэп) и прекратить репрессии против инакомыслящих в партии:

«Наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры…

Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии…

Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а тех, кого хотят интригующие верхушки. Такие меры приводят к карьеризму, интриганству и лакейству…»

Из подписавших письмо у Коллонтай был самый большой партийный стаж — с 1898 года. Шляпников присоединился к социал-демократам тремя годами позже.

Двадцать седьмого февраля политбюро, получив копию «заявления 22-х», решило представить Коминтерну «документы десятого съезда партии, свидетельствующие о том, что партийный съезд еще в прошлом году осудил взгляды и фракционную деятельность тех товарищей, часть которых подписала ныне заявление».

Однако в те времена политбюро не оспаривало «права отдельных товарищей обращаться к Коминтерну как к высшей инстанции».

«Заявление 22-х» было опубликовано в «Правде» 7 марта вместе с решением пленума Исполкома Коминтерна, который не признал жалобу двадцати двух правильной и призвал оппозицию

к дисциплинированной работе в рядах партии.

Исполком образовал комиссию. Итоги работы комиссии изложил Карл Крейбих, один из создателей компартии Чехословакии и член президиума Исполкома Коминтерна: нанести ущерб сплоченности российской компартии — значит изменить революции.

Коминтерн не шел против руководства российской компартии. Формально все партии равны, но, в реальности, что есть мировое коммунистическое движение без РКП, находящейся у власти в огромной стране и предоставляющей колоссальную помощь братским движениям? «Правда» призвала оппозиционеров «положить конец игре» и подчиниться решениям партии.

Подруга Коллонтай Зоя Леонидовна Шадурская, работавшая в аппарате Коминтерна, тоже поддержала «заявление 22-х». Но в последний момент испугалась. Однако ее фамилия в общем списке осталась. И это стало предметом разбирательства. 8 марта, после разгромной публикации в «Правде», она обратилась в политбюро, заявив, что не ставила своей подписи, и напомнила о своих заслугах перед партией: «Я привлекалась по делу большевиков в семнадцатом году и нас совместно с Радеком, Ганецким, Коллонтай, Зиновьевым и др. клеймили «немецкими шпионами».

Центральная контрольная комиссия занялась подписавшими заявление, обвинила их в попытке расколоть партию. Каждому припомнили все их грехи. Александре Коллонтай поставили в вину, что она в анкетах указывает 1898 год как время вступления в партию большевиков, а на самом деле она долгое время поддерживала меньшевиков…

Спор продолжился на следующем партийном форуме. XI съезд партии собрался 27 марта 1922 года. Для Ленина он станет последним. Вождь выступил на открытии съезда:

— Мы в первый раз собираемся на съезде при таких условиях, когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской Республики нет… Три с половиной года неслыханно-тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории — это мы завоевали! Конечно, мы далеко еще не завоевали этим всего и ни в каком случае не завоевали этим того, что мы завоевать должны, — действительного освобождения от нашествий и вмешательств империалистов. Наоборот, их военные действия против нас приняли форму менее военную, но в некоторых отношениях более тяжелую и более опасную для нас…

В редакционную комиссию съезда из трех человек избрали и

Александру Коллонтай, она всё равно оставалась известным в партии человеком.

На съезде Коллонтай говорила об уходе из партии передовых рабочих:

— Партия оторвалась от рабочих, не выражает их интересы, из партии уходят «красные кровяные шарики», партия становится вялой, малоактивной, безынициативной, «лимфатической»…

Кандидат в члены ЦК партии, секретарь Петроградского и Северо-Западного бюро ЦК Иван Никитович Смирнов предупреждал Ленина накануне съезда, в марте 1922 года: «Под напором рабочей оппозиции (от тяжкого материального положения эта оппозиция) наша партия действительно может дать трещину».

Видя, что некоторые «упорствуют», съезд вернулся к обсуждению «Рабочей оппозиции». Решено было раз и навсегда покончить с мятежниками. Образовали комиссию, в которую вошли Дзержинский, Сталин, Зиновьев, Киров, Ярославский и другие видные партчиновники. Комиссия заявила, что партия «имеет дело не со случайно составленной группировкой, а с фракционной организацией». И предложила исключить из партии Коллонтай, Шляпникова, Медведева, Кузнецова и Митина…

Судьба их решалась на закрытом заседании съезда.

— Когда собираются близкие товарищи, то и то говорят между собой с опаской, — говорила об атмосфере в партии Коллонтай. — Я нахожу, что страшного не было бы, если бы была большая возможность обмена мнениями… Необходимо оздоровить режим партии. Это главное и основное для того, чтобы исчезла маленькая группировка небольших верхов, которая по существу всё решает…

Шляпников заверил делегатов:

— Не было подпольной организации. Если бы мы хотели, то могли бы организовать, так как все — с подпольным стажем работы.

Голосовали несколько раз. В конце концов ограничились тем, что предупредили Шляпникова, Коллонтай и Медведева: если они продолжат антипартийную фракционную деятельность, то будут исключены из партии. Двоих исключили сразу. Николая Владимировича Кузнецова — как «чуждый пролетариату элемент», и Флора Анисимовича Митина из Донбасса — как «злостного дезорганизатора».

XI съезд по существу покончил с «Рабочей оппозицией» как организованной силой, потому что симпатизирующие ей коммунисты должны были или отказаться от своих взглядов, или порвать с партией.

Коллонтай обиделась на резкие слова Ленина и съездовскую резолюцию. Широким жестом попросила освободить ее от работы в ЦК, интерес к которой утратила. Александре Михайловне любезно предоставили отпуск для литературной работы. На самом деле она отправилась к мужу.

Павел Ефимович Дыбенко к тому времени завершил (не без труда) учебный курс в Военной академии РККА, сдал экзамены экстерном и получил повышение — был назначен командиром и комиссаром 6-го стрелкового корпуса (как старый большевик он не нуждался в комиссаре, ему доверили самому руководить политической работой среди бойцов и командиров). Корпус дислоцировался в Одессе.

Выстрел в саду

Александра Коллонтай вспоминала: «Я проводила отпуск у мужа в Одессе. Жили мы на Большой Фонтанке, на нарядной вилле какого-то бежавшего с белыми богача. Ночь, томительно-жаркая южная ночь. Удушливо-сладко пахнут розы нашего сада. Лучи луны золотом играют в темных волнах Черного моря и алмазами рассыпаются в брызгах морской пены».

Дыбенко зажил на широкую ногу, занял особняк в пригороде Одессы, обставил его реквизированной мебелью и коврами, устраивал гулянки с боевыми товарищами. Нисколько не сомневался, что заслужил такую жизнь. А вот его отношения с Коллонтай ухудшились. Переехав к мужу в Одессу, она обнаружила неприятные перемены.

Павел Ефимович просто не знал, что такое супружеская верность. Ставший известным всему городу роман Дыбенко с одной из его пассий, Валентиной Александровной Стефеловской, превратился в повод для выяснения отношений с женой, что едва не закончилось трагически: «Павла вызвали в штаб. Павел поехал верхом без вестового, обещав скоро вернуться. Шел час за часом. Я не могла читать, я не любовалась морским прибоем, я не дышала красотой южной ночи. Я ждала Павла. Мы договорились вечером покататься на лодке. Я хотела «поговорить»… Слова этого я ему не сказала. Как и все мужья, он этого слова не любит. Но про себя решила: в лодке поговорим…

Часы в столовой громко пробили девять. Я слышала их бой, сидя в саду. Потом десять, одиннадцать, двенадцать… А Павла все нет. Адъютант, уходя, сказал, что совещания в штабе нет. Где же Павел? Опять кутит с «бывшими»? А потом попадет в историю, и я же должна избавлять его от партийных неприятностей.

Часы бьют час или половину второго. Нет, я больше не в силах выносить эту муку. Что меня удерживает в Одессе? К черту не использованный отпуск! В среду идет прямой вагон на Москву. Я уеду. Уеду от Павла совсем, навсегда. Мы — больше не товарищи.

Часы бьют, два звонких удара. И за ними вслед гулко стук копыт во дворе. Павел спешит ко мне, походка твердая. Нет, он не пьян…

До этой минуты вся картина той жуткой ночи четка, как на пластинке. Четко в памяти и бой часов, и цвет моря, и аромат роз, и мои собственные мысли. Но с того момента, как Павел быстрым шагом приближается ко мне, — всё расплывается, как во сне.

Мучительно-повторное объяснение между мной и мужем происходило в саду. Мое последнее и решительное слово сказано:

— Между нами все кончено. В среду я уеду в Москву. Совсем. Ты можешь делать, что хочешь, — мне всё равно.

Ухожу от него, от мужа, навсегда.

Ответил ли на это Павел? Я не поняла. Он быстро, по-военному, повернулся ко мне спиной и поспешил к дому. У меня мелькнуло опасение: зачем он так спешит? Но я медлила. Зачем, зачем я тогда не бросилась за ним? Четко прозвучал выстрел в ночной тишине удушливой ночи. Я интуитивно поняла, что означает этот звук, и охваченная ужасом, кинулась к дому…»

Самоуверенный Дыбенко не ожидал, что Коллонтай найдет в себе силы расстаться с ним. Но и она предположить не могла, что Павел Ефимович выстрелит в себя.

«Павел лежал на каменном полу террасы, с револьвером в руке, по френчу текла струйка крови. Павел остался жив. Орден Красного Знамени отклонил пулю, и она прошла мимо сердца».

Некоторые современники уверяли, что сама Коллонтай из ревности стреляла в Дыбенко. Но нет никаких оснований ее подозревать. Она никогда не теряла присутствия духа. Да и стрелять в неверного мужа, то есть выдать свою слабость, было бы ниже ее достоинства.

«Начались жуткие темные дни борьбы за его жизнь и тревог из-за его непартийного поступка. Я ездила для доклада и объяснений в парткомитет… Только позднее я узнала, что в тот вечер «красивая девушка» поставила ему ультиматум: «либо она, либо я». Бедный Павел! Рана оказалась менее опасной, чем вначале опасались. Павел стал быстро поправляться. Но ко мне он был нетерпим и раздражителен».

Павел Ефимович долго лечился. Руководство страны и командование армии сделали вид, будто ничего не произошло. Его перевели в Бобруйск командовать 5-м стрелковым корпусом.

В 1923 году они с Валентиной Стефеловской поженились. Жизнь казалась молодому еще комкору бесконечным праздником.

Александра Михайловна укоряла Дыбенко в письме: «Твой организм уже поддался разъедающему яду алкоголя. Стоит тебе выпить пустяк, и ты теряешь умственное равновесие. Ты стал весь желтый, глаза ненормальные».

Коллонтай уже исполнилось 50 лет. В ту эпоху для женщины полувековой юбилей считался солидным возрастом. Измена Павла, ради которого она пожертвовала всем, была первым звоночком. Больше мужчины не станут из-за нее стреляться. Но она не собиралась ставить на себе крест. Поняла — она должна пересмотреть свою жизнь: «Голова моя гордо поднята, и нет в моих глазах просящего взгляда женщины, которая цепляется за уходящее чувство мужчины… Хочу разработать тему об отрыве любви от биологии, от сексуальности, о перевоспитании чувств и эмоций».

Понимая, что ей нужно вырваться из этой жизни, Коллонтай нашла в себе силы изменить всё! Рухнул брак, не удалась политическая карьера. Она решила не цепляться за прошлое, а начать всё заново на другом поприще.

Обратилась за помощью к Сталину. Она сознавала: в большую политику ей хода нет. Ленин на ее просьбы не откликнется — она дважды вставала к нему в оппозицию. Зиновьев ее не любит, а Троцкого не любит она сама. А только что ставший генеральным секретарем Сталин охотно обзаводился сторонниками.

Александра Михайловна пометила в дневнике: «Я написала Сталину всё, как было. Про наше моральное расхождение с Павлом, про личное горе и решение порвать с Дыбенко…»

Из Одессы отправила Сталину личное письмо. Откровенно поведала ему, что не может больше оставаться в Международном женском секретариате после весенней конференции Коминтерна и после XI съезда партии. Работа в близком сотрудничестве с председателем Исполкома Коминтерна Григорием Евсеевичем Зиновьевым для нее невозможна.

Александра Коллонтай просила генерального секретаря ЦК партии определить ее куда-нибудь подальше на новую работу. Может быть, на Дальний Восток, где Гражданская война затянулась и еще шла борьба за советскую власть. Или рядовым работником в одно из заграничных представительств, скажем, корреспондентом РОСТА (Российского телеграфного агентства, предшественника ТАСС)…

Сталин благожелательно отнесся к просьбе Коллонтай. Ответ пришел по телеграфу: «Мы вас назначаем на ответственный пост за границу. Немедленно возвращайтесь в Москву. Сталин».

Описывая это событие в воспоминаниях, Александра Михайловна добавила: «Этого счастливого, светлого дня, этого подарка в моей жизни я никогда не забуду». Правя рукопись, к слову «подарка» приписала: «огромного».

«Немного грустно мне сознавать, что я уже никогда не вернусь на свою любимую работу среди женских масс, работниц и других категорий трудящихся женщин, что на моем новом поприще порвутся дорогие мне связи с тысячами советских гражданок, которые встречали меня теплыми возгласами энтузиазма: «Вот она, наша Коллонтай!» Я перестану быть «наша Коллонтай!».

Но она мужественно преодолела хандру и в приподнятом настроении явилась к генеральному секретарю. Сталин сказал, что Петра Войкова отправляют полпредом в Канаду, а ее советником к нему:

— Подойдите к Чичерину в Наркоминдел, там уже сносятся с Лондоном по поводу вашего назначения в Канаду. В Наркоминделе вам всё скажут.

Канада была частью Британской империи, поэтому согласиться с кандидатурой посла просили Лондон, а не Оттаву.

Петр Лазаревич Войков, с которым Коллонтай предстояло работать, в юном возрасте присоединился к социал-демократам, в 1907 году участвовал в попытке убить ялтинского градоначальника генерала Ивана Антоновича Думбадзе, ненавидимого за самодурство и черносотенные взгляды. В коляску Думбадзе бросили бомбу. Но генерал был лишь контужен и полностью оглох. Войков уехал за границу, в Женеве окончил физико-математический факультет местного университета и там же познакомился с Лениным. После революции работал на Урале. Вошел в историю как участник расстрела царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года. После Гражданской войны работал в Наркомате внешней торговли.

В августе 1922 года Войкова хотели отправить полномочным представителем в Канаду. Но он не получил агреман. Такова дипломатическая практика: соответствующую страну конфиденциально запрашивают, не будет ли она против, если этого дипломата назначат послом. И лишь когда поступает агреман, подписывается указ о назначении. Выдача агремана — дело интимное, государство имеет право отказать, не объясняя причин. В советские времена такое случалось — по политическим соображениям.

Соответственно, не поехала в Канаду и Коллонтай.

Александра Михайловна отправилась в «Метрополь», где с апреля 1918 года располагался немногочисленный пока аппарат

Наркомата иностранных дел. Георгий Васильевич Чичерин жил рядом со своим кабинетом, считая, что нарком всегда должен оставаться на боевом посту, требовал, чтобы его будили, если надо прочитать поступившую ночью телеграмму или отправить шифровку полпреду. Дежурные секретари и шифровальная часть наркомата работали круглосуточно.

Поздно ночью Чичерин диктовал записки в ЦК и Совнарком, указания членам коллегии наркомата и полпредам, писал проекты дипломатических нот и статьи. К утру всё это перепечатывалось и раскладывалось на столе наркома, чтобы он мог подписать их и отправить. Он очень мало спал. Иностранных послов мог пригласить к себе поздно ночью, а то и под утро.

«Передо мной стоял человек, закутанный шарфом, среднего роста, с маленькими пронзительными карими глазами, бородкой и усами, и смотрел на меня поверх очков. Тонким голосом он сказал, указывая на кресло: «Садитесь». Таким представал нарком перед посетителями.

Георгий Васильевич, увидев Коллонтай, был крайне недоволен вмешательством партии в кадровые дела его наркомата. Они были хорошо знакомы по эмиграции. Чичерин знал Александру Михайловну как пламенного агитатора. Но ему нужны были не революционеры, а дипломаты, которые сумеют ладить с иностранцами! И нарком не счел нужным скрыть свое раздражение:

— Как это ЦК затевает такое щекотливое дело, не поговорив предварительно с Наркоминделом? Нашумевшая по всему свету большевистская агитаторша и вдруг — советник советского полпредства! Это неудобно! И особенно некорректно навязывать именно вас Англии. Вы для Британской империи особенно одиозная фигура. Не понимаю, — добавил Чичерин раздраженным тоном, — зачем нам провоцировать отказ в агремане, когда отношения с Лондоном и без того натянуты?

Коллонтай ушла от наркома ни с чем. Казалось, дипломатическая карьера рухнула, не начавшись.

Дельный совет ей дал Леонид Борисович Красин, остроумный и талантливый человек.

В годы первой русской революции инженер Красин руководил боевой технической группой при ЦК партии большевиков. Мечтал создать «бомбу величиной с грецкий орех».

Он пользовался немалым уважением в ЦК, потому что в свое время сыграл важнейшую роль в финансировании партии большевиков. Это он, в частности, убедил миллионера Савву Морозова и мебельного фабриканта Николая Шмидта передать большевикам огромные по тем временам средства. Борьба за эти

деньги оказалась долгой и аморальной, с использованием фиктивных браков, но увенчалась успехом.

Леонид Красин занимался и нелегальной закупкой оружия для большевистских боевых отрядов. Царская полиция его арестовала. Он сидел в Таганской тюрьме, где сумел выучить немецкий язык, прочитал в оригинале всего Шиллера и Гете. После ссылки он отошел от революционных дел, окончил Харьковский технологический институт, четыре года строил в Баку электростанции, а потом уехал в Германию, где успешно работал по инженерной части в фирме Сименса и Шуккерта в Берлине. Немцы его высоко ценили.

Красин был одним из немногих большевиков, которые понимали, что такое современная экономика и торговля. Поэтому Ленин привлек Красина к государственной работе — Леонид Борисович некоторое время возглавлял Чрезвычайную комиссию по снабжению Красной армии и Наркомат путей сообщения, в 1918 году стал наркомом внешней торговли.

Красин симпатизировал Коллонтай. Он по-дружески сказал ей, что не стоит отчаиваться: если откажет Англия, надо попробовать в Норвегию. Александра Михайловна опять пошла в ЦК. Только генсек мог заставить наркома по иностранным делам все-таки согласиться с ее кандидатурой.

Сталин принял ее. Спросил сочувственно:

— Что же мы с вами будем делать? Не хотят вас. Есть ли страны, где вы меньше нашумели?

Коллонтай назвала Норвегию.

Сталин сделал пометку на листе бумаги, лежавшем перед ним:

— Попытаемся и там.

Идея оказалась разумной. Агреман пришел быстро. 1 октября 1921 года норвежский стортинг ратифицировал торговый договор с Москвой, в тот же день его утвердил король Хо-кон VII, это означало признание Советской России де-факто. Советское представительство, получившее задание добиться признания де-юре, именовалось в Норвегии торговой делегацией.

Перед отъездом Коллонтай еще раз побывала у Сталина. Генсек ее инструктировал:

— Говорят, у вас много личных друзей в Норвегии, сумейте использовать их. Пусть ваши друзья вам в этом помогут. Члены Рабочей партии? Пускай и они на нас поработают. Но в дела компартии не вмешивайтесь. Это особый участок, он вас как представителя государства не касается.

Политбюро финансировало среди прочих компартий и норвежскую. Это держалось в особой тайне. Сейчас мы знаем, что

в конце 1924 года норвежским единомышленникам выделили 50 тысяч рублей золотом. Точно так же финансировали через Исполком Коминтерна и коммунистов Швеции, куда через несколько лет переведут Коллонтай.

В конце 1921 года НКИД переехал в шестиэтажный дом бывшего страхового общества «Россия» на пересечении Кузнецкого Моста и Лубянки, ныне — площадь Воровского. Отдельный подъезд был выделен для наркома и его заместителей. В подвале оборудовали столовую, завели собственные ателье, парикмахерскую и прачечную. Здесь дипломаты проработали три десятилетия, до 1952 года, когда Министерству иностранных дел передали высотную новостройку на Смоленской площади.

Победа в Гражданской войне показала, что советское правительство твердо контролирует всю территорию России. Противники большевиков бежали и превратились в эмигрантов. При всей симпатии к ним западные правительства больше не могли игнорировать реальность — Россия слишком большая страна, чтобы вовсе не поддерживать с ней отношения.

В марте 1921 года Англия признала Советскую Россию де-факто. Примеру Англии последовали некоторые другие европейские страны. Но это были лишь первые ласточки. Основная же часть мирового сообщества по-прежнему не желала иметь дело с коммунистическим правительством, поэтому советская дипломатия искала друзей в самых глухих уголках земли.

Советской дипломатией руководил родовитый дворянин Георгий Васильевич Чичерин. Он стал вторым после Троцкого наркомом иностранных дел и первым профессионалом на этом посту. В Первую мировую он разочаровался в либеральных меньшевиках и примкнул к более радикальным большевикам. Идеалист, глубоко преданный делу, он был трагической фигурой, не приспособленной для советской жизни. Зато он отлично подходил для дипломатии высокого уровня. Он ничем не уступал своим западным коллегам. На европейской конференции в Генуе советский нарком изумил всех тем, что легко разговаривал на разных языках, и готовностью запросто беседовать с журналистами. Это было золотое время советской дипломатии, когда она жаждала гласности, а не боялась ее.

В 1920-е годы внешнюю политику Москвы определяла неуверенность в собственных силах. Боязнь, что новая война может привести к свержению режима (царизм пал в результате Первой мировой войны), подталкивала руководство страны к нормализации отношений с соседями.

— Сама действительность, — говорил нарком Чичерин на

заседании ВЦИКа 17 июня 1920 года, — привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами.

Георгий Васильевич продолжал свято верить в скорую мировую революцию, он готовил учредительный конгресс Коминтерна, по просьбе Ленина написал обращенную к немецким рабочим брошюру с призывом установить диктатуру пролетариата по образцу российской (см.: Новая и новейшая история. 2011. № 5).

Выступая в Генуе 10 апреля 1922 года, Чичерин говорил о возможности сосуществования и экономического сотрудничества государств с различным общественным строем. Слова Чичерина следовало понимать так, что Советская Россия отказывается от экспорта революции и намерена устанавливать нормальные отношения со всем миром. Бывший Государственный секретарь США Генри Киссинджер, автор классического труда об истории международных отношений, считает, что эта речь знаменовала возвращение России к традиционной дипломатии. Советский Союз пошел на прагматический компромисс между надеждой на мировую революцию и потребностями реальной политики.

Впрочем, надежда натравить одну капиталистическую страну на другую и таким образом что-то для себя выиграть не покидала советское руководство.

На X съезде партии Сталин высокомерно отчитал Чичерина за недооценку противоречий между различными капиталистическими странами:

— Смысл существования Наркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках их противоречий. Поразительнейшим образом товарищ Чичерин недооценил этого момента… И переоценил момент объединения империалистических верхов и недооценил те противоречия, которые внутри этого треста имеются. А между тем на них базируется деятельность Народного комиссариата иностранных дел…

Переход в дипломатическое ведомство полностью изменил жизнь Александры Михайловны. Теперь ей предстояло отчитываться перед новым начальством — в наркомате. И ладить с «соседями». Так дипломаты именовали чекистов, потому что здание Наркомата иностранных дел на Кузнецком Мосту находилось рядом с ведомством госбезопасности на Лубянке. Отношения соседей складывались трудно.

Еще 3 июня 1919 года Совнарком принял постановление: «Вменить народному комиссариату по иностранным делам в

обязанность при выдаче заграничных паспортов лицам, отправляющимся за границу по поручению советских учреждений, требовать представления постановлений соответственных коллегий и ручательства этих коллегий за добропорядочность командируемых лиц и лояльность их по отношению к Советской власти».

Лояльность уезжающего устанавливали чекисты. Назначение того или иного сотрудника за границу решалось на совещании в ОГПУ, которое устраивалось раз в неделю. Председательствовал начальник иностранного отдела или один из его помощников. Присутствовали представитель ЦК, он же заведующий бюро заграничных ячеек при ЦК, и представитель учреждения, которое командирует сотрудника. Решающее слово принадлежало представителю ОГПУ…

Заблаговременно заполненная и присланная в иностранный отдел ОГПУ анкета кандидата на выезд изучалась в аппарате госбезопасности. О нем наводили справки в архивах и в картотеке. Если его фамилия фигурировала в каком-нибудь донесении агента госбезопасности — без конкретных обвинений, без доказательств сомнительности его поведения, ему отказывали в поездке и Наркоминделу предлагали представить иную кандидатуру. Старались за границу никого без особой нужды не выпускать. Но поездка Александры Михайловны Коллонтай была санкционирована Сталиным.

По дороге к месту назначения она записала в дневнике: «Ну вот, я и на территории капиталистической Финляндии с ее духом белогвардейщины. За стеной полпредства враждебный нам мир…

Первое, что я сделала, — это купила себе две пары туфелек, такие легкие, красивые и по ноге. А свои на веревочной подошве хотела выбросить, но машинистка полпредства взяла их у меня:

— Это надо отдать в музей революции, это же реликвия. Вот в такой обуви вы агитировали на многотысячных собраниях и увлекали нас, женщин, на путь революции и большевизма».

Из советского полпредства в Финляндии Коллонтай отправила в Москву свою первую шифротелеграмму. Ей не сразу это разрешили.

— Вы не удивляйтесь нашим строгостям, — объяснил сотрудник полпредства. — Шифровалка — святая святых всех наших полпредств за границей. Должна быть сугубая осторожность, враги работают повсюду.

Когда-то молодая революционерка Коллонтай, направлявшаяся на пароходе в Америку, чтобы агитировать американцев за социализм, гневно писала: «Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких

чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты».

Прошли годы, и Александра Михайловна — после скудной советской жизни — откровенно наслаждалась комфортом на шведском пароходе «Биргер Ярл»: «Завтрак был чудесный. Длинный, во всю столовую каюту стол, уставленный закусками. Целые пирамиды аппетитного финского масла с соленой слезой, рядом пирамиды разных сортов шведского хлеба, селедки со всякими приправами, блюда горячего отварного картофеля, покрытого салфеткой, чтобы не остыл, копченая оленина, соленая ярко-красная лососина, окорок копченый и окорок отварной с горошком, тонкие ломтики холодного ростбифа, а рядом сковорода с горячими круглыми биточками, креветки, таких крупных нет и в Нормандии, блюда с холодными рябчиками, паштеты из дичи, целая шеренга сыров на всякие вкусы, к ним галеты и на стеклянной подставке шарики замороженного сливочного масла.

И за все эти яства единая цена за завтрак, ешь, сколько хочешь. Если блюда на столе опустеют, их пополняют. Таков обычай в Швеции. Я набрала себе тарелку по вкусу и, сев за отдельный столик, заказала полбутылки легкого финского пива».

Норвежский пограничник, увидев ее, спросил:

— Вы мадам Коллонтай? Добро пожаловать к нам.

Она вовремя покинула Москву, где происходили большие перемены.

Полпреда вызывают на допрос

В 1922 году страшный голод охватил треть территории Советской России. Нэп уже начался, но надо было дотянуть до нового урожая. Самый страшный голод разразился в двенадцати губерниях Поволжья и Приуралья, откуда продотряды год за годом выкачивали хлеб, не оставляя зерна, необходимого для новых посевов и для корма скота. Владимир Короленко, избранный председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, писал Максиму Горькому: «У нас голод не стихийный, а искусственный». Тогда умерло несколько миллионов человек…

В 1921–1922 годах из партии вышли три четверти вступивших в нее крестьян. Партийный аппарат в деревне почти перестал существовать. Зато больше чем в полтора раза увеличили чекистский аппарат. В сентябре 1921 года в местных

структурах госбезопасности сформировали экономические отделы для «борьбы с капиталом и его представителями».

Восьмого июня 1922 года политбюро одобрило предложение ведомства госбезопасности осуществить фильтрацию студентов. Имелось в виду ограничить прием в вузы непролетарской и политически неблагонадежной молодежи, свести к минимуму собрания студентов и преподавателей. 23 ноября все чекистские подразделения, которые вели работу в высших учебных заведениях, получили приказ завести на каждого политически активного профессора и студента дело-формуляр и накапливать в нем информацию, поступающую от осведомителей.

ЦК оправился от растерянности, вернул себе уверенность и поставил перед чекистами задачу окончательно ликвидировать политическую оппозицию. В 1923 году Феликс Эдмундович Дзержинский предложил вменить в обязанность всем членам партии сообщать органам госбезопасности о любых фракционных выступлениях. Это было воспринято с энтузиазмом. Недостатка в доносах не было. А наказание за инакомыслие становилось всё более суровым.

Один социал-демократ, слушатель эмигрантской партийной школы в небольшом французском городе Лонжюмо, вспоминал, что молодой тогда Ленин предсказывал: в революции меньшевики не будут союзниками, они могут только мешать. После занятий он сказал Ленину:

— Уж очень вы, Владимир Ильич, свирепо относитесь к меньшевикам.

Всё-таки и большевики, и меньшевики принадлежали к одной и той же партии — социал-демократической, разделяли базовые ценности и идеи. До 1917 года революционеры легко переходили из одного крыла в другое. Разногласия касались тактики и методов. Меньшевики, скажем, были противниками терактов и ограблений банков, как тогда говорили, — эксов, которыми занимались большевики.

Ленин, усевшись на велосипед, посоветовал:

— Если схватили меньшевика за горло, так душите.

— А дальше что?

— Прислушайтесь: если дышит, душите, пока не перестанет дышать.

И укатил на велосипеде.

На XI съезде партии избранный членом политбюро председатель профсоюзов Михаил Павлович Томский ернически сказал:

— Большевиков за границей упрекают, что мы установили однопартийный режим. Это неверно. У нас много партий. Но в

отличие от заграницы у нас одна партия у власти, остальные в тюрьме.

Тогда еще Томский принадлежал к вождям партии и не думал, что высокое положение не вечно. В апреле 1927 года на пленуме ЦК Михаил Павлович с удовольствием вспоминал:

— Как с Троцким боролись? Троцкого оставляли в руководстве, а троцкинят снимали везде и всюду.

В какой-то момент Троцкий сказал Томскому:

— Помяните мое слово, вы на очереди.

Лев Давидович оказался прав. Разделавшись с мнимыми «троцкистами», Сталин занялся «правым уклоном», который сам же и придумал. В реальности это было устранение конкурентов и соперников, а потом уже и тех, кто имел собственное мнение и не считал нужным его скрывать. Томского вывели из политбюро, убрали с поста председателя ВЦСПС. Он был причислен к «правой оппозиции» вместе с бывшим главой правительства Алексеем Ивановичем Рыковым и партийным идеологом Николаем Ивановичем Бухариным. Рыков и Бухарин были расстреляны, а Томский в августе 1936-го покончил с собой, чтобы избежать ареста и расправы…

Александра Михайловна Коллонтай одна из первых осознала, как меняется политическая атмосфера. То, что еще недавно считалось товарищеской дискуссией, спором единомышленников о методах, теперь воспринималось как антипартийная и антигосударственная деятельность. И столь же легко, как с Павлом Дыбенко, Александра Коллонтай рассталась и со своими недавними соратниками по борьбе за общие идеалы…

Ее интимный друг Александр Гаврилович Шляпников, лидер распущенной X съездом «Рабочей оппозиции», никак не желал понять, что наступили новые и жестокие времена. Человек прямой и простодушный, он сожалел об утрате пролетарской чистоты.

Весной 1923 года его радикально настроенные единомышленники, которых партийные кары не напугали, образовали «Рабочую группу РКП» и Временное организационное центральное бюро. Участники группы требовали соблюдать принципы рабочей демократии, избавить партию от непосредственного управления хозяйством и устранить оторвавшуюся от народа партийную верхушку. Они выдвинули лозунг «Освобождение рабочих должно быть делом рук самих рабочих».

Аббревиатуру «нэп» оппозиционеры расшифровывали как «новую эксплуатацию пролетариата». Хотя в реальности нэп позволил восстановить промышленность и дал людям работу. И у

крестьянина появилась материальная заинтересованность в напряженном труде. Конечно, частное владение землей запрещалось, но можно было брать ее в аренду. Разрешили нанимать работников себе в помощь, и это позволило быстро поднять эффективность сельского хозяйства. Историки обращают внимание на то, как много в деревне появилось середняков, сегодня их назвали бы средним классом — опорой общества. В 1924 году более 60 процентов хозяйств считались середняцкими (см.: Россия нэповская. М., 2002).

В июне 1924 года Григорий Зиновьев провозгласил лозунг «Лицом к деревне!». Это означало перемену в отношении к крестьянину, которого прежде грабили и гнобили. В середине апреля 1925 года Николай Бухарин призвал: «Обогащайтесь!» Но экономическое развитие деревни рассматривалось партийным аппаратом как фактор, ведущий к буржуазной реставрации. Предприимчивость фактически приравнивалась к преступлению. Нэп в определенном смысле погубил идеологию. Коммунисты не выдержали искушения и спешили обогатиться сами.

В манифесте «Рабочей группы РКП» с гневом и возмущением говорилось о «перерождении» правящей верхушки: «Члены правления какого-нибудь треста получают ставку в 200 рублей золотом, имея при этом бесплатную машину, дешевую хорошую квартиру, имея тысячи возможностей приобрести предметы потребления дешевле рабочего, а рабочий (тоже коммунист) получает сверх госснабжения 4–5 рублей в месяц, да и из этого же платит за квартиру и свет. Разница получается значительная».

Вообще говоря, примерно о том же 28 марта 1923 года Дзержинский писал своему заместителю в чекистском ведомстве Генриху Григорьевичу Ягоде: «На почве товарного голода НЭП, особенно в Москве, принял характер ничем не прикрытой, для всех бросающейся в глаза спекуляции, обогащения и наглости. Этот дух спекуляции уже перебросился и в государственные, и в кооперативные учреждения и втягивает в себя всё большее количество лиц вплоть до коммунистов. Этому надо положить конец».

Разница состояла в том, что правящая группа считала справедливыми привилегии для начальства и возмущалась теми, кто берет не по чину. Оппозицию же в принципе возмущала воцарившаяся в советском обществе сословность, когда к должности прилагаются материальные блага, недоступные другим гражданам.

Радикальных оппозиционеров возглавил старый большевик Гавриил Иванович Мясников, бывший член ВЦИКа и глава Пермского губкома партии. Тот самый, который убил великого

князя Михаила Александровича, младшего брата императора Николая II.

Второго марта 1917 года император отрекся от трона в пользу младшего брата. Но тот, недолго подумав, подписал акт отречения: «Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, выраженная Учредительным собранием».

После Октябрьской революции, в марте 1918 года, Совнарком выслал великого князя Михаила Александровича в Пермь, где он должен был находиться под надзором. В ночь на 13 июня Мясников с группой чекистов и милиционеров вывел бывшего великого князя из гостиницы, где тот жил, и вывез за город; там его и расстреляли. Это было не исполнение приказа Москвы, а местная инициатива.

Еще Гавриил Мясников прославился страстным письмом Ленину: «Я хочу свободы слова и печати, для меня, пролетария, который состоит в партии шестнадцать лет и состоит не за границей, а в России. Из одиннадцати лет (до 1917 года) моей партийности я семь с половиной лет сижу в тюрьмах и каторге… Был нещадно избиваем, подвергался пыткам. Остальные три с половиной года проходят в бегах… Вы разве не знаете, что за такой разговор, который веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидят в тюрьмах. Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист шестнадцать лет, который свои коммунистические взгляды омыл страданиями, ко всему этому меня знает рабочая масса…»

Мясников предложил: «Отменить смертную казнь, провозгласить свободу слова, которую в мире не видел еще никто от монархистов до анархистов включительно. Этой мерой мы закрепили бы за нами влияние в массах города и деревни, а равно и во всемирном масштабе».

Ленин на это послание честно ответил: «Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделаем… Свобода слова сегодня — это свобода международной буржуазии покупать нашу прессу, свобода для контрреволюции, это гибель Советской России, между тем, мы должны сломать челюсти буржуазии».

Его доводы Мясникова не убедили: «Беда в том, что, поднимая свою руку на капиталиста, вы наносите удар рабочему. Вы очень хорошо знаете, что за такие слова, которые я сейчас произношу, сотни, возможно, тысячи рабочих томятся в тюрьме… Если бы я был обычным механиком, где бы я был теперь? В тюрьме Чека или, что более вероятно, мне устроили бы «побег» также, как я устроил «побег» Михаилу Романову. Повторяю еще раз: вы поднимаете руку на буржуазию, но получается, что я

харкаю кровью, и именно нам, рабочим, ломают челюсти».

В мае 1921 года непримиримый и бескомпромиссный Гавриил Мясников вновь обратился в ЦК. Жестко критиковал бюрократизм в партии и неравенство. В Пермской губернии он был очень популярен, особенно среди молодежи, комсомольцев. Тем не менее в марте 1922 года его исключили из партии — за разложение. Борец по натуре, он не смирился. Вместе с соратниками из Перми и Мотовилихи создал тайную организацию «Рабочая группа».

На гектографе Мясников размножил «Манифест Рабочей группы», который хотел представить XII съезду партии. Но в мае 1923 года Гавриила Ивановича арестовали. Всё его преступление состояло в том, что он, будучи правоверным большевиком, не соглашался с какими-то действиями партийного руководства.

Из камеры Мясников обратился в ЦК: «На XII съезде РКП в заключительном слове тов. Зиновьев заверил съезд, что ЦК будет бороться с Мясниковым идейно. Только успели делегаты разъехаться, как я арестован. Предъявив мне самые нелепые обвинения, срочно высылают за границу. Для идейной борьбы у ЦК РКП, как видно, необходимых для этого рода борьбы вещей не хватает. Я хочу, чтобы меня до высылки за границу освободили из-под ареста и дали бы мне возможность выехать без конвоя…»

В надежде избавиться от популярного смутьяна Гавриила Мясникова выслали в Берлин. Уже без него «Рабочая группа», к которой присоединились активисты «Рабочей оппозиции», в июле провела конференцию, на которой избрали секретариат из четырех человек и бюро для работы среди молодежи. После ареста Мясникова группой руководил Николай Владимирович Кузнецов. В деятельности «Рабочей группы РКП» не было ничего антисоветского, лишь тон критики стал более жестким. Но сам факт создания группы был воспринят как выпад против существующей власти.

В Москве рассчитывали, что, оказавшись в эмиграции, Гавриил Иванович успокоится и перестанет заниматься политикой. Но он продолжал активно выступать и критиковать советское партийное руководство. Тогда было решено заставить его замолчать.

Седьмого сентября 1923 года Дзержинский отправил письмо полпреду в Германии Николаю Крестинскому (недавнему секретарю ЦК партии):

«Прошу Вас по возможности лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР. Отмена высылки совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным

вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установления им контакта с левым крылом германской компартии. Необходимость непременного возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами.

Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно создаться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал».

Крестинский не отказался исполнить сомнительное поручение, хотя понимал, что ждет на родине оппозиционера, которого он уговаривал вернуться. Мясников с радостью поехал в Россию. Ему обещали, что ЦК проведет с ним переговоры и он сможет нормально работать. Старый большевик и предположить не мог, что его обманули.

Дзержинский сокрушался:

— Нам по линии ГПУ следить за «Рабочей группой» было очень трудно, потому что их идеи находят свое распространение среди группы коммунистов. Мы узнали от товарища Лутовинова, что за последнее время «Рабочая группа» становится довольно сильной организацией, что она насчитывает до двухсот человек, что она имеет на ряде заводов ячейки более крупные, чем ячейки нашей партии…

В сентябре арестовали 28 его единомышленников. Самого Юрия Лутовинова отправили заместителем торгпреда в Берлин. В мае 1924 года Лутовинов покончил с собой.

Второго октября 1923 года Дзержинский обратился в политбюро, которое должно было заседать на следующий день: «В пункте 19 повестки заседания Политбюро поставлен т. Молотовым вопрос о моем отпуске. Считаю, что давать мне сейчас отпуск вредно для дела и для меня лично по следующим соображениям… По линии партийной: в связи с неликвидированным еще вопросом о «Рабочей группе» уезжать мне тоже не следует, ибо могу понадобиться…»

Арестованный чекистами один из руководителей «Рабочей группы» Николай Кузнецов из следственного изолятора обратился в Исполком Коминтерна: «В чем моя вина и вина всех товарищей по заключению: в том, что мы нравственно сочувствовали друг другу, одинаково близко понимали нищету, страдания, горести, принуждения и несправедливость, переживаемые рабочими массами, пороки, преступления и безнаказанность одних, преследование за всякую малую попытку что-либо сказать — других…»

Закончить и отправить письмо ему не позволили. Уже написанные листки отобрали. Президиум Центральной

контрольной комиссии (партийная инквизиция) постановил: «Считать необходимым более решительную борьбу с этой группой; одобрить меры, принятые по отношению к этой группе — арест этой группы… Особенно суровое отношение должно быть к Кузнецову».

Жертвой этого дела вполне могла стать Александра Михайловна Коллонтай. 25 июля 1923 года она приехала в Москву и оставалась в Советской России до 6 сентября. Она много общалась со старыми товарищами. Встречалась и с членами «Рабочей группы РКП», вероятно, не зная, что за оппозиционерами пристально следят чекисты.

Задним числом она записала в дневнике: «Заходил два раза Кузнецов из бывшей «Рабочей оппозиции». Раз приводил двух незнакомых с завода. Один мне очень не понравился. Ставил вопросы какие-то провокационные».

В сентябре 1923 года Николая Кузнецова допросил заместитель начальника секретного отдела ОГПУ Яков Агранов, будущий первый заместитель наркома внутренних дел. Агранов в чекистской среде считался интеллектуалом. Ему благоволил Ленин. Впоследствии Яков Саулович станет доверенным лицом Сталина.

Агранова интересовала и Александра Коллонтай, ее роль в оппозиции. В протоколе допроса записали показания Кузнецова: «Наше совещание с А. Коллонтай состоялось в июле месяце с. г. (в ее последний приезд в Москву). Она одобрила (принципиально) наше организационное оформление и не возражала против выдвинутых нами задач: лозунга восстановления Советов рабочих депутатов на фабриках и заводах и выпрямления линии партии. Она обещала сообщить о своем согласии войти в Центр…»

Участие Коллонтай в оппозиции не было забыто. В кругу профессиональных партийных аппаратчиков и в чекистской среде Александра Михайловна числилась по разряду неблагонадежных. А гайки закручивались быстро.

Девятнадцатого ноября 1923 года Дзержинский обратился к секретарю ЦК Вячеславу Михайловичу Молотову: «Считаю пребывание Мясникова на свободе сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и является доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в отношении «Рабочей группы». Затем Мясников, вернувшись сюда и не находя того, за чем сюда приехал (переговоров и договора с ЦК), теряет всякую почву и, будучи психически неуравновешенным, может выкинуть непоправимые вещи… Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован. О дальнейшем необходимо решить после его ареста. Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно

было ему бежать».

Так и было сделано. Мясникова арестовали и упрятали за решетку. А с полпредом в Норвегии было велено разобраться Центральной контрольной комиссии. 24 ноября политбюро поручило председателю Центральной контрольной комиссии Валериану Владимировичу Куйбышеву: «Вызвать тов. Коллонтай и переговорить с ней». Указание было исполнено.

После беседы Куйбышев составил записку, которую отправил в два адреса: в политбюро и в президиум ЦКК:

«Для меня совершенно очевидно, что т. Коллонтай скрывает свое истинное отношение к «Рабочей группе» и что на деле она близка к ней. Это с очевидностью вытекает из материала, добытого следствием по делу «Рабочей группы»…

Следствием установлено следующее:

Во время пребывания т. А. М. Коллонтай в Москве (июнь — сентябрь 1923 г.) на ее квартире было устроено два совещания с представителями «Рабочей группы»: Кузнецовым, Махом и Кочновым… Ответы т. Коллонтай на мои вопросы в связи с данными следствия явно уклончивы и неискренни… Следствием не установлено, что т. Коллонтай состояла членом «Рабочей группы» или входила в заграничное бюро «Рабочей группы». Но безусловно установлен факт ее связи с активными деятелями этой группы, устройства с ними конспиративных совещаний, одобрения ею организационного оформления и общей политической линии этой группы…

На основании изложенного и ввиду высказанного т. Коллонтай недоверия к партии и нежелания ее сказать всю правду, партия имеет право не доверять т. Коллонтай ту ответственную работу, которая она сейчас ведет. Тов. Коллонтай должна быть отозвана из-за границы, и дело ее должно быть передано на рассмотрение ЦКК».

Валериан Владимирович Куйбышев был одним из верных помощников Сталина на всех постах, которые ему доверил вождь. Но он рано ушел из жизни. Причиной смерти Куйбышева, как считается, стало пристрастие к горячительным напиткам… Вообще говоря, записки Куйбышева было достаточно для того, чтобы остаток своей жизни Коллонтай провела в общении с чекистами. Все ее бывшие товарищи по «Рабочей оппозиции» погибли.

Ссылка за океан

Осень 1923 года — время острого социально-экономического

кризиса в стране. «Свертывание промышленности, — говорилось в сводке информационного отдела ГПУ, — ухудшило материальное положение рабочих, усилив безработицу». Закрывались предприятия, без работы осталось больше миллиона человек. В крупных промышленных центрах рабочие ответили забастовками.

Одновременно обострилось недовольство новым правящим классом — партийно-государственные чиновники без всякого стеснения наслаждались благами власти. Они безоговорочно поддерживали линию Сталина, который устроил аппарату комфортную жизнь. В этом лагере всё было просто: привилегии в обмен на лояльность и беспрекословное исполнение указаний.

Троцкий предупреждал, что в партии исчезает демократия, дискуссии становятся невозможными, партийные организации привыкают к тому, что не избранные, а назначенные сверху секретари ими просто командуют. 5 октября 1923 года Лев Давидович отправил в политбюро очередное письмо, в котором писал, что «секретарскому бюрократизму должен быть положен предел… Партийная демократия должна вступить в свои права, без нее партии грозит окостенение и вырождение».

Президиум Центральной контрольной комиссии декларировал: «В переживаемую нами историческую эпоху, когда на плечи нашей партии в связи с наступающей революцией в Германии ложатся исключительно трудные задачи, выступления, подобные выступлениям т. Троцкого, могут стать гибельными для революции»…

Пятнадцатого октября 1923 года 46 известных в стране людей, старые большевики, активные участники революции и Гражданской войны, члены ЦК и наркомы, обратились в ЦК и ЦКК с письмом: «Продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии» и требовали создать внутри партии режим «товарищеского единства и внутрипартийной демократии». Обеспокоенные положением в стране авторы письма выступили против диктата высшего руководства.

Правящая группа была занята не поиском решений, которые позволили бы вывести страну из кризиса, а целиком сосредоточилась на уничтожении Троцкого. Для Сталина и его окружения главным было сохранить и укрепить свою власть. Аппарат сплотился против инакомыслящих: партийцев, которые хранили верность идеалам, призывали учесть интересы рабочего класса и требовали свободного обсуждения ситуации в стране и сохранения внутрипартийной демократии.

Троцкий воспринимался как лидер оппозиции, которая в

реальности никак не оформилась. Льва Давидовича обвинили в том, что он создает в партии оппозицию, представляющую опасность для государства, поскольку в поддержку председателя Реввоенсовета высказывались партийные организации в вооруженных силах и молодежь.

После допроса у Куйбышева Александра Михайловна Коллонтай бросилась к Сталину: уверила, что полностью поддерживает генеральную линию партии. Эта клятва верности имела для Сталина большое значение.

Ленин еще был жив. И никто не знал, что будет. А вдруг он каким-то чудом поправится? И вернет себе рычаги управления? 18 декабря 1923 года Ленина в последний раз привезли в Кремль, он побывал у себя в квартире. Сталин знал, что Ленин им очень недоволен и уж точно не позволит разделаться с Троцким… Так что в тот момент Сталину требовались любые союзники, которых он только мог привлечь в свой лагерь. Ради этого он мог простить Коллонтай ее прежние шашни с «Рабочей оппозицией», потерявшей политическое значение.

На прощание Александра Михайловна с чувством произнесла:

— Я вам за многое неизменно благодарна. Ваша товарищеская отзывчивость, вы такой чуткий…

Сталин насмешливо переспросил:

— Даже чуткий? А говорят — грубый.

Движением руки отвел ее возражения:

— Может, я и в самом деле грубый, но не в этом дело…

Генеральный секретарь взял Коллонтай под свое покровительство. Докладная записка Куйбышева, который во всем прислушивался к Сталину, отправилась в архив.

«В Стокгольме, по дороге в Москву, — записала в дневнике Коллонтай, — полпред в Швеции Осинский сказал мне, что «дело» обо мне связано с письмом Мясникова и посещением меня Кузнецовым летом в Москве. В партии идут жаркие дискуссии, арестован Богданов и многие из «Рабочей группы». В Москве только и живут разногласиями… Неизвестность отравляла дни в Москве. По телефону справилась в ЦК, когда же мне прийти за ответом, так как я должна уехать в Норвегию. Мне ответили, что приходить незачем, так как «дело» выяснено и снято с меня…»

Сталин выполнил свою часть обязательств. Она — свою.

Благополучно вернувшись в Осло, Александра Михайловна записала в дневнике: «Я рада, что в Москве повидала Александра Гавриловича и Медведева, и в этот раз встреча была хорошая, товарищеская. В прошлый приезд у них в отношении меня был злобно-иронический тон:

— Вам, товарищ Коллонтай, значит, нравится ваша «почетная

ссылка»?

Или:

— Конечно, вы теперь на большом посту, где же вам со старыми товарищами дружбу водить!

Это было очень неприятно и несправедливо, да и не похоже на всегда доброго Александра Гавриловича, которого мы в годы эмиграции звали «золотое сердечко». Но, конечно, это всё влияние Медведева. Не люблю его».

К этой теме она вернется не раз: «Но пережить пришлось много и глубоко. Было много тяжелых встреч с товарищами. Дороги разошлись. Александр Гаврилович Шляпников меня не понимает и считает «карьеристкой». Это больно».

В 1923 году Шляпникова утвердили членом редколлегии Госиздата. На следующий год отправили советником посольства во Францию. Но в отличие от Коллонтай дипломатическая стезя его не влекла. Скучал вдали от России, жаждал возвращения к активной жизни. В 1924 году его вернули в Москву. Пребывание за границей никак на него не повлияло. Александр Гаврилович остался таким же бунтарем, каким был.

А пути их с Коллонтай расходились всё больше. Она понимала, что ее вывели из-под удара и что за благодеяние нужно платить. И платила.

Двадцать первого января 1924 года Ленину стало плохо, а вечером он умер. Отмучился, как сказали бы раньше. Его жизнь закончилась после страшной агонии. Владимир Ильич болел долго, сознавал свое бедственное положение и страдал невероятно.

При вскрытии обнаружилось: позвоночные и сонные артерии сильно сужены. Левая внутренняя сонная артерия просвета вообще не имела. Из-за недостаточного притока крови произошло размягчение ткани мозга. Непосредственная причина смерти — кровоизлияние в оболочку мозга.

После смерти Ленина борьба за власть в Москве обострилась. Коллонтай издалека непросто было разглядеть все ее хитросплетения и угадать исход подковерных сражений. Страной фактически правила тройка — Сталин, Зиновьев и Каменев. Из этой тройки Коллонтай предпочитала Сталина. И ориентировалась на генсека.

В июне 1924 года Коллонтай написала «Письмо другу», которое начинается обращением «Дорогой Александр». Надо понимать, это полемика со Шляпниковым. Она пыталась доказать, что теперь рабочий класс не должен вести борьбу за свои права, потому что нынче задача номер один — «поднять производительность, содействовать непрерывному нарастанию

общественной прибавочной стоимости». А борьба рабочих за свои права, выходит, этому только мешает: «Тот, кто у нас будет защищать «догму» классовой борьбы, явится реакционером, врагом прогресса, врагом человечества, живущего под знаком плановости, координации сил и накопления общественной прибавочной стоимости… Ошибочен клич Бухарина — «обогащайтесь». Дело не в росте индивидуальной прибавочной ценности, а в повышении производительности… Высшая добродетель — умение повысить интенсивность своего труда до высшей точки».

Вот и всё: близкий (а еще недавно очень близкий) человек и товарищ — превратился в «реакционера» и «врага человечества». Наверное, Коллонтай и сама не заметила, как легко она предала своего любовника и единомышленника. А может быть, и понимала прекрасно, что делает. Зато спаслась! А тех, кто упорствовал, в покое не оставили.

Десятого июля 1926 года в «Правде» появилась разгромная статья «О правой опасности в партии». Сергей Медведев был обвинен в том, что призывал передать крупную промышленность страны в аренду иностранцам. Его и Шляпникова назвали идейными руководителями «бакинской оппозиции» — никогда не существовавшей.

Статья появилась по личному распоряжению Сталина. Он получил полуторамесячный отпуск и уехал из Москвы. Находясь на отдыхе, 26 мая 1926 года написал Молотову: «Надо напомнить Бухарину о статье против «Рабочей оппозиции». Откладывать дальше нельзя. Надо написать ее незамедлительно. Нам выгоднее, чтобы она была написана Бухариным…»

Поводом для новой кампании репрессий стало давнишнее (от января 1924 года) письмо Сергея Медведева, адресованное единомышленнику — Валериану Барчуку, который работал в Баку в республиканском Наркомате просвещения. В объемном послании один из лидеров «Рабочей оппозиции» изложил свои взгляды. Два десятка членов партии, в основном рабочих, собрались, чтобы обсудить его идеи.

Об этом стало известно чекистам. И в Баку затеяли дело. Первым секретарем ЦК компартии Азербайджана был Сергей Миронович Киров, считающийся почему-то либералом. Несколько бакинских коммунистов исключили из партии. Обвиняли их в намерении образовать «подпольно-оппозиционную группу» под руководством Шляпникова и Медведева. А реальным их «преступлением» было всего лишь чтение медведевского письма. Любое несогласие, критика, выражение сомнений воспринимались сталинской группой в политбюро как угроза

власти.

Шляпникова «правдинская» статья возмутила. Он написал ответ с требованием покончить с системой «уголовных дел, доносов, общественной клеветы и угроз».

Медведева и Шляпникова вызвали в Центральную контрольную комиссию.

— Александр Гаврилович и я живем в одной квартире, — объяснял Медведев. — Конечно, мы обмениваемся мнениями. Абсурдно представлять себе, что мы можем сидеть за одним столом и говорить: нет, я не хочу с тобой разговаривать, потому что я боюсь, что меня назовут функционером.

Но Медведев настаивал, что он — единственный автор письма и Шляпников к письму отношения не имеет.

— Вы висите на волоске, — предупредил их секретарь ЦКК Емельян Михайлович Ярославский. — Либо вас надо исключать из партии, либо вы сделаете что-то, чтобы партия могла понять, почему мы вас оставляем…

Обвинения обоим предъявляли самые нелепые. Например в меньшевизме.

— Даже если будут угрожать подвалами ГПУ, — отрезал Медведев, — меня не заставят признать, что я меньшевик.

А Валериан Куйбышев угрожающе заявил:

— Шляпников и Медведев не поняли перемен в партии. Шляпников напрасно думает, что пользуется в партии неким моральным авторитетом.

Атака на бывших руководителей «Рабочей оппозиции» рикошетом ударила и по Коллонтай. В августе 1926 года она получила неприятное известие: ее намечают послать полпредом в Мексику. Ей не хотелось уезжать так далеко. Латинская Америка играла минимальную роль в мировой политике. Александра Михайловна боялась оказаться вовсе на периферии внимания. Заместитель наркома по иностранным делам Литвинов боялся, что ее здоровье не выдержит тамошнего климата. Но секретарь ЦК Молотов твердо сказал, что надо ехать.

Семнадцатого сентября 1926 года Коллонтай назначили полпредом и торгпредом в Мексике. Она же хотела вернуться на партийную работу: «Мои сомнения относительно Мексики, очевидно, дошли до Сталина через тов. Молотова. Скоро после его приезда в Москву он принял меня. Я решила поговорить с ним очень откровенно, так как я узнала, что оппозиционный блок старался показать, будто я на их стороне. Это меня возмутило».

Видимо, это и была причина нового назначения.

1926–1927 годы — последний этап политической борьбы в стране. На стороне оппозиции оказались учащаяся молодежь,

студенты, преподаватели, ученые, то есть образованная и интеллигентная часть партии. Они жаждали полнокровной политической жизни, борьбы различных мнений. Оппозиционеры, Троцкий в первую очередь, импонировали этим людям своей критикой партийной бюрократии. В ответ Сталин принял решение провести «орабочивание» партии — принимать рабочих «от станка». А «непролетарские элементы» не принимать вовсе!

Генсек расширил состав ЦК за счет своих сторонников с мест и превратился в хозяина партии. Это был один из главных его лозунгов — обновление руководства партии. Высшие должности отдавал людям, которые своим восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле Сталина. Они его за это боготворили.

Сталин вел борьбу не только против Троцкого, но и против других членов политбюро, не желавших воспринимать его как вождя. Так в оппозиции неожиданно для самого себя оказался Григорий Евсеевич Зиновьев, который после смерти Ленина кем-то воспринимался как глава партии. Некоторое время они со Сталиным выступали единым фронтом против Троцкого, а потом генсек избавился и от Зиновьева.

Весной 1926 года Сталин лишил его власти над Ленинградом и в нарушение устава партии распустил ленинградские партийные органы, состоявшие из зиновьевских чиновников. Григорий Евсеевич наивно верил, что Ленинград предан ему лично, и повторял:

— Нашу крепость не взять.

Он сильно ошибался. Ему не хватало качеств политического бойца. Зиновьев был человеком напыщенным, но недалеким и — главное — бесхарактерным. В минуты опасности начинал паниковать. По словам людей, знавших его, от Зиновьева исходило ощущение дряблости и скрытой неуверенности…

Лишился своих постов и Лев Борисович Каменев. Он-то был человеком без политических амбиций и надежным работником, за что его и ценил Ленин, именно ему в свое отсутствие поручал вести заседания политбюро и правительства. Но Лев Борисович попал под влияние Зиновьева, поэтому Сталин и с ним расправился.

Свалив Зиновьева и Каменева, Сталин боялся их объединения с Троцким. Для огромной страны эти трое всё еще оставались вождями революции и соратниками Ленина. Поэтому Сталин то одним, то другим намекал на возможность сотрудничества. Ему нужно было выиграть время, запутать своих оппонентов и не дать им объединиться, пока партийный аппарат и пропагандистская машина не уничтожат остатки их влияния в партии и стране.

Оппозиционеров старались отослать подальше. В списке неблагонадежных числилась и Коллонтай.

Александра Михайловна подробно описала встречу с генсеком:

«Свидание состоялось 6 октября около часу дня. Я прошла в комнату, смежную с его кабинетом. Секретарь сказал, что мне придется обождать, у товарища Сталина идет совещание. Но ждать мне пришлось недолго.

Товарищ Сталин встал мне навстречу со словами:

— Что, очень не хочется вам ехать в Мексику?

— Конечно, Мексика уж очень далеко от Москвы. Такая оторванность тяжела. Но, с другой стороны, может быть для меня полезнее издалека и потому более беспристрастно подумать над вопросами, которые волнуют партию. Разумеется, я не разделяю позицию блока. Мои личные отношения к Зиновьеву и Троцкому вам известны. Я целиком поддерживаю генеральную линию и полностью разделяю вашу установку в курсе внешней политики, что показала на работе в Норвегии. Но есть некоторые вопросы внутрипартийной демократии, в которых я еще на перепутье.

Сталин:

— Где вы стоите, это уже вопрос вашей партийной совести, и тут вас никто неволить не станет. Но как же вы мыслите взаимоотношения с оппозицией? Стоите вы за фракционность, что ли?

Мы долго и искренне говорили о больных вопросах. Я сказала, что фракции уже существуют. Если их задушить силой, они опять возникнут. Сталин перебил меня:

— Не силой, а партийной логикой и дисциплиной. Если партия хочет сохранить свою силу, она не может, не должна допустить фракций. Дискуссия уже сейчас выливается за пределы партии. Парламентаризма в партии мы не допустим.

Он привел ряд фактов, доказывающих, что рабочие массы резко восстают против «всяких теоретических споров», считая их выдумкой интеллигентов. Рабочие определенно заявляют:

— На что нам фракции? У нас разногласий нет, ссорятся только верхи…

Сталин решительно не допускал даже мысли о группировках в партии и заявил, что если бы их допустить, они неизбежно выродятся в образование второй партии:

— Наша сила в единстве, и пора положить конец дискуссиям. Кто не за генеральную линию, тот фактически уже вне партии…

У дверей я остановилась:

— Могу я рассчитывать при затруднениях на поддержку ЦК?

Сталин:

— Можете писать прямо мне. Где надо, поддержим.

Наша беседа длилась около полутора часов».

Генеральный секретарь, надо понимать, сделал свои выводы. Александра Михайловна Коллонтай, безусловно, на его стороне. Троцкого и Зиновьева терпеть не может. Но всё еще находится в плену иллюзий относительно полезности фракций, дискуссий и разномыслия в партии. Вывод: пусть себе едет в далекую Латинскую Америку. Это, в конце концов, не худшее наказание. С ее недавними соратниками обращались иначе…

Двадцать третьего октября 1926 года Центральная контрольная комиссия постановила: Сергея Медведева из партии исключить, Александру Шляпникову вынести строгий выговор с предупреждением. Они апеллировали к политбюро. Признали, что проповедовали ошибочные взгляды, и призвали своих союзников распустить подпольные фракционные группы. ЦКК отменила свое решение. На следующий день, 31 октября, в «Правде» появилось их покаянное письмо. Признание во «фракционности», что считалось смертным грехом, должно было окончательно скомпрометировать оппозиционеров.

Взамен они получили работу.

Александра Шляпникова убрали из Москвы — в начале 1927 года назначили представителем Металлоимпорта в Берлин. Сергея Медведева утвердили председателем Всесоюзного синдиката цветной металлопромышленности.

А Коллонтай ждала дальняя дорога. Из Германии она написала Сталину: «Завтра покидаю Берлин, чтобы через два дня отплыть в Мексику… Перед отъездом хочется послать Вам самый искренний мой привет. Пусть этот привет будет знаком моего искреннего и теплого к Вам товарищеского отношения.

Из Мексики напишу. Только уж очень, очень это далеко! Оторванно…»

Двадцать первого ноября 1926 года она села во Франции на пароход «Лафайет», который взял курс на Кубу, а оттуда пошел в Мексику. «Наша плавучая тюрьма, — обреченно писала Коллонтай, — я всегда себя чувствую пленником на пароходе».

Двадцать седьмого ноября писала своему недавнему подчиненному Владимиру Максимилиановичу Андерсону: «Жестоко было послать меня одну в столь далекие страны: совсем иначе путешествовалось бы, чувствовалось бы, если бы на этом же пароходе ехали и Вы с Валентиной Андреевной. Пин-на Васильевна всё время лежит, я по сравнению с ней «морской волк»… Не думайте, дорогой Владимир Максимилианович, что я «сложила оружие», что я не буду добиваться того, чтобы и Вы по моим следам переплыли океан… Но этот «нажим» я смогу лишь

сделать оттуда, о чем и условилась с людьми из высокого учреждения».

Владимир Андерсон работал под началом Коллонтай первым секретарем полпредства в Норвегии (Валентина Андреевна — его жена). Но Александре Михайловне не удалось добиться его перевода в Мехико. Андерсона перевели в Турцию.

С Коллонтай поехала ее личный секретарь Пинна Васильевна Прокофьева:

«В руках Пинны Васильевны неизменная сумка с самым драгоценным нашим багажом — новым шифром. Пинна Васильевна не выпускает сумку из рук, сидит на ней за столом, обедая, и ночью спит на ней. Пинна поговорила со знакомыми пассажирами и скрылась. Прошло довольно много времени. Пинна не показывалась. Пошла ее искать. Ее нигде нет.

Меня это начало беспокоить. Ведь у Пинны в сумке новый шифр. Что если на нее напали, отняли сумку и сбросили Пинну в море? Прошел час, два, почти три — Пинны всё нет… Я пошла к помощнику капитана, прося содействия. Он поднял на ноги служащих, и по всему судну пошли поиски. До трюма включительно. Целая паника… И в тот момент, когда я хотела убежать в каюту, чтобы отдаться приступу отчаяния, появляется Пинна под руку с помощником капитана, прижимая к сердцу драгоценную сумку.

— Пинна, Пинна, где же вы были все эти часы?

— Где я была? Да просто у парикмахера, делала перманент, готовилась к Мексике!»

Шестнадцатого декабря Коллонтай добралась до Мехико-сити. Мексика первой на латиноамериканском континенте — 4 августа 1924 года — установила дипломатические отношения с Советским Союзом.

Попытки возобновить отношения предпринимались и ранее. Мексика — единственная латиноамериканская страна, которая после большевистской революции не разорвала отношения с Россией, а лишь их приостановила.

В апреле 1919 года Ленин назначил первым генеральным консулом РСФСР в Мексике Михаила Марковича Бородина (Грузенберга). В октябре 1919 года Бородин прибыл в Мексику, ему удалось встретиться с руководителями государства и видными политиками, но не добиться официального признания советской власти. Он больше преуспел в налаживании отношений с левыми социалистами. В Мехико появилось латиноамериканское бюро Третьего интернационала. В 1920-е годы Михаил Бородин стал политическим советником главы Китая генерала Чан Кайши, а его сын Норман Бородин —

крупным разведчиком.

Полпредство России в Мексике было маленькое.

«Первый секретарь Хайкис представил мне штат полпредства, — пишет Коллонтай. — Кроме него самого есть еще заведующий канцелярией Цирлин, он же и машинистка; хорват Видас, высокий и крепкий с виду сторож, — наша охрана…

— У Пинны Васильевны с Видасом вышло разногласие по поводу портретов на стене, — сказал Хайкис. — Пинна Васильевна говорит, что вы не хотите у себя портрет Троцкого… Это верно?

— Верно, — подтвердила я».

Прекрасно говоривший по-испански Леон Яковлевич Хайкис (Гайкис) работал первым секретарем полпредства (а после отъезда Коллонтай он станет еще и торговым представителем в Мексике). Когда он уезжал из Москвы, Лев Троцкий был опальным, но всё же вождем партии. За эти несколько месяцев многое переменилось. 23 октября 1926 года объединенный пленум ЦК и ЦКК вывел Троцкого из состава политбюро, Каменева — из состава кандидатов в члены политбюро, Зиновьев потерял пост председателя Исполкома Коминтерна.

Шестнадцатого декабря 1926 года Коллонтай писала Литвинову из Мехико: «На вокзале в Мехико и на пристани в Веракрусе встречало много рабочих, студентов и сочувствующих нам лиц с красными флагами и возгласами «Да здравствует Союз!». От речей воздержалась. Вся пресса посвятила много внимания приезду нового полпреда… Кубинские власти, эти вассалы Соединенных Штатов в полном смысле слова, не разрешили мне спуститься в Гаване наравне с другими пассажирами под предлогом, что по кубинским законам об иммиграции одиноко едущим женщинам спуск на берег воспрещен. Пароход «Лафайет» был подвергнут блокаде всё время стоянки, на него не допускали посторонних…»

Иностранным журналистам Александра Михайловна рассказывала, что сама выбрала Мексику, потому что устала от работы в Норвегии и много слышала о древней цивилизации ацтеков. Женщина-посол произвела на мексиканцев впечатление (см.: Независимая газета. 2004. 5 апреля): «Думали, что госпожа Коллонтай будет похожа на суфражистку или на престарелую преподавательницу-протестантку. Но когда появилась элегантная дама в красивой шляпке, мы увидели, что госпожа Коллонтай, к счастью, на них не похожа. Перед встречающими предстала прекрасная женщина в полном расцвете».

Она сменила в Мехико первого советского полпреда Станислава Станиславовича Пестковского, польского

революционера. Ему пришлось покинуть Мехико, потому что полпредство обвиняли во вмешательстве во внутренние дела страны — поддержке компартии. А Коллонтай попросили быть осмотрительнее, не поддаваться «соблазнам революционных авантюр».

Верительные грамоты президенту Мексики Плутарко Кальесу Александра Михайловна вручила 24 декабря 1926 года: «Прием в Национальном дворце. Черное шелковое платье, строгое. Шляпа и туфли куплены здесь. Белые перчатки — в руке… Пока идем через зал, надо сделать три поклона. Волнуюсь. Но я умею владеть собой в такие минуты».

Двадцать шестого декабря 1929 года из Мехико она писала Щепкиной-Куперник: «Живу я в отеле, так как в нашем официальном доме нет отопления, а я мерзну по вечерам… Как странно писать, сознавая, что ответ я получу лишь через два месяца! Ведь я почти на другой половине земного шара!»

Четвертого января 1927 года Александра Михайловна пометила в дневнике: «Не понимаю, как можно работать, когда в штате всего два ответственных человека: Хайкис и я. Других сотрудников всего трое. И даже нет настоящей охраны. И потом — нет диппочты. Деловые письма идут пароходами или через Нью-Йорк. Но тоже простой почтой. Письма сами шифруем. Мы страшно оторваны. Это жутко и грустно».

Коллонтай предложила президенту Мексики подготовить торговый договор, и в 1927 году коммерческие отношения между двумя странами, прерванные революцией, восстановились.

Запись от 8 апреля: «Максим Максимович Литвинов, узнав о моем нездоровье, предлагает мне сменить Мексику на Уругвай… Однако я считаю, что политический момент не позволяет мне именно сейчас заявлять об отозвании… Живем без денег. Финчасть еще сократила наши «кредиты» (ассигновки)… Прошу Литвинова о доассигновках. Георгий Васильевич Чичерин меня бы в этом поддержал, но он решительно не вмешивается в мексиканские дела, — это область Литвинова. Отношения же между ними еще обострились. Хайкис рассказывает, что бывали периоды в НКИД, когда Максим Максимович и Георгий Васильевич так друг друга не выносили, что вместо встреч переписывались из кабинета в кабинет. Хайкис, один из бесчисленных секретарей Чичерина, разносил эти записочки весьма ядовитого тона…»

За океаном Коллонтай чувствовала себя совсем оторванной от России. Грустное настроение ее не покидало. Иногда мучившие ее мысли прорывались наружу: «Я ненавижу инквизицию, ненавижу всё, что давит живой дух человека, что заковывает

человека насильственно в шоры принятых моральных норм, если они ему чужды и непонятны…»

Жаловалась Андерсонам из Мехико: «У Вас весна, а у нас всё то же неизменное солнце днем и сухость, от которой трескается кожа. Я понимаю, почему у крокодилов она такая шершавая, и у нас с Пинной Васильевной кожа становится издали похожей на крокодилью…»

Но продержали Коллонтай в Мехико совсем недолго. Наркомат по иностранным делам информировал Александру Михайловну, что она может вернуться.

«Отозвание меня, — писала она в наркомат, — безусловно, нам невыгодно. Это будет истолковано как изменение курса нашей политики по отношению к Мексике… Самое выгодное для нас — это к началу лета заявить, что я еду в летний отпуск для лечения. Это будет самая безболезненная для Союза смена полпреда здесь».

Шестнадцатого мая Коллонтай записала в дневнике: «Москва дала согласие на мой отпуск. Значит, конец моей работы в Мексике. Надо бы радоваться, а я почти огорчена: согласие опоздало. Сейчас я уже втянулась в работу и привыкаю к климату и высоте…»

Пятого июня: «Накануне отъезда полиция задержала наш автомобиль, такси, конечно. Минута была неприятная. Быть окруженной мексиканской полицией с револьверами и ружьями наперевес в душную мексиканскую ночь, когда всегда слышишь необъяснимые глухие выстрелы… Иммунитет полпреда? Пока мы объяснились, пока подоспел Хайкис…»

Впоследствии она иногда не без удовольствия будет вспоминать Мексику, ее необычную для европейского человека красоту. Писала Зое Шадурской: «Красочно и странно нереально. Точно всё это в другой жизни, вне времени. И тишина Мексики, придушенность ее голосов. И оранжевость гор. И что-то мрачное, мистическое в воздухе, в настроениях. Какой-то примитивный страх и беспомощная покорность перед чем-то непонятным и вне нас стоящим. Я это объясняла вулканичностью почвы — ведь там нет земли — одна лава, покрытая тонким слоем пыли. И вся атмосфера точно напоена жаром вулканов. И так же придушена, как «спящий» вулкан…»

Осенью 1927 года оппозицию практически разгромили. Видных оппозиционеров (в общей сложности почти полтораста человек) выслали в отдаленные города под надзор чекистов. 15 октября в Ленинграде прошла юбилейная сессия ВЦИКа, посвященная десятилетию революции. На сессию приехали Троцкий и Зиновьев. Перед Таврическим дворцом устроили

демонстрацию.

«Лидеров оппозиции, — писал сотрудник Коминтерна Виктор Серж (настоящее имя Виктор Львович Кибальчич, он из семьи известных революционеров), — поместили на трибуне отдельно от официальной группы. Толпа смотрела только на них… Процессия достигла возвышения, где стояли эти легендарные люди, ничего больше не значащие в государстве. В этом месте манифестанты молча замедляли шаг, тянулись тысячи рук, машущие платками или фуражками. Немой, сдавленный, трогательный клич приветствия.

Зиновьев и Троцкий принимали его с открытой радостью, уверенные, что видят свидетельство своей силы. «Массы с нами!» — говорили они вечером. Но что могли массы, смирившиеся до такой степени обуздания своих чувств? На самом деле каждый в этой толпе знал, что малейшим неосторожным жестом он рискует своим хлебом, хлебом своей семьи…»

Оппозиция прекратила свое существование. И для судьбы Коллонтай всё это имело значение. Сталину стало легче, и совсем уже бывшие оппозиционеры его в тот момент не беспокоили.

Александра Михайловна пометила в дневнике: «В Москве большие, серьезные сдвиги. Раскол партии — вот где опасность… Массы не идут за оппозицией, массы решительно ее не понимают. Я так и написала свою статью в «Правде», прочувствовав это, побывав по низам».

Тридцатого октября главная газета страны «Правда» поместила резкую статью Александры Коллонтай «Оппозиция и партийная масса»:

«Чем ниже спускаешься по партийной лестнице, чем глубже в массы рядовых членов партии, тем определеннее и резче отрицательное отношение к оппозиции. Это явление характерно. Враждебность, горькое до злобы раздражение на оппозицию царят в партийных низах. Объяснять это явление тем, что аппарат «зажал» массу, что задушен ее истинный голос, как это делает оппозиция, нельзя уже по одному тому, что раздражение против оппозиции носит массовый характер…

Масса не верит оппозиции. Все заявления оппозиции она встречает «со смешком»… Масса с резкой враждебностью отмежевывается от критики и положений оппозиции — они не соответствуют тем настроениям, которые преобладают в гуще партийных низов…»

Статья была заметной, откликов было немало. Коллонтай вспоминала: «Когда я приехала в Москву, вокруг меня стояла атмосфера холода.

— Думали, что вы пойдете с оппозицией, — сказала мне

Елена Стасова.

Было много тяжелых встреч с товарищами. Дороги разошлись с ними… Оппозиция Троцкого и Каменева мне чужда до глубины души. И вредна она, нехорошая.

Встретила Людмилу Сталь:

— Вы, конечно, с нами?

— Конечно, нет.

Сталь идет с ними. Таких встреч было много…»

Людмила Николаевна Сталь работала с Коллонтай в Международном женском секретариате Исполкома Коминтерна и была подчиненной Александры Михайловны в отделе ЦК РКП(б) по работе среди работниц и крестьянок. Последние годы Сталь заведовала отделом массовой литературы для работниц и крестьянок в Государственном издательстве.

Зато в окружении Сталина были приятно обрадованы. От Коллонтай ждали такого демонстративного разрыва с прошлым и отповеди оппозиционерам.

«Когда мое заявление в виде статьи появилось в «Правде», Анастас Иванович Микоян позвонил мне рано утром:

— Мы рады, что вы с нами. Это хорошо, что написали. Это надо было сделать.

С Молотовым у меня было несколько долгих бесед».

К Александре Михайловне политических претензий больше не было. 7 октября 1927 года Коллонтай назначили полпредом в Норвегию — во второй раз. В Осло она сменила Александра Михайловича Макара, который отправился в Мексику.

А вот ее недавних единомышленников ждала тяжкая участь.

Наказание без преступления

В 1930 году Шляпников выступил с признанием своих ошибок. Его назначили начальником строительного сектора Государственной общеплановой комиссии (Госплан) РСФСР, в 1932 году ввели в состав президиума Госплана.

Но Александр Гаврилович Шляпников позволял себе говорить о системе «внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз» (см.: Исторический архив. 2002. № 1). Чашу терпения генсека переполнили четырехтомные воспоминания бывшего наркома, печатавшиеся с 1923 по 1931 год. Мемуары разозлили вождя.

Девятнадцатого февраля 1932 года оргбюро ЦК приняло постановление о мемуарах Шляпникова:

«Ввиду того, что тов. Шляпников не только не признает этих

своих ошибок, а продолжает настаивать на своих клеветнических против Ленина и его партии измышлениях, ЦК постановляет:

1. Прекратить печатание и распространение «исторических» работ т. Шляпникова («1917 год», «Канун 1917 года»).

2. Предложить т. Шляпникову признать свои ошибки и отказаться от них в печати. В случае же отказа со стороны т. Шляпникова выполнить пункт второй — исключить его из рядов ВКП(б)».

Александр Гаврилович пытался объяснить, что пишет не научный труд, а воспоминания, просил дать возможность продолжить работу, чтобы он, в частности, мог исправить все неточности. Но на его публикации был наложен запрет.

В Госплане РСФСР Шляпникова в прямом смысле травили. 9 мая 1932 года «Правда» поместила его покаянное письмо. Но 17 июля 1933 года комиссия по чистке партийных рядов всё равно исключила Шляпникова «как окончательно порвавшего с большевизмом, двурушника, оставшегося в рядах партии».

Тогда лишали партбилета всех, кто имел хотя бы какое-то отношение к «Рабочей оппозиции». Например, изгнали из партии человека, которому в 1921 году, когда возникла эта группа, было всего 12 лет, но его дядя числился в одном из ее списков…

Одновременно Александр Шляпников лишился работы. Он жил в дачно-строительном кооперативе «Работники науки и искусства» на Николиной Горе. В 1934 году он предложил журналу «Новый мир» новые воспоминания — на сей раз о работе в Царицыне вместе со Сталиным, явно не понимая, что покусился на краеугольный камень в биографии вождя.

Главный редактор журнала Иван Михайлович Гронский (партийный работник, затем редактор «Известий») воспоминания отверг, отметив в частности: «Усиленное выпячивание себя, своей роли привело тов. Шляпникова к неверной оценке деятельности тов. Сталина и его роли в описываемых тов. Шляпниковым событиях. По мнению тов. Шляпникова, оборона Царицына только в основном направлялась и контролировалась тов. Сталиным. Если принять эту формулу тов. Шляпникова, то совершенно нельзя объяснить, почему тов. Сталин не может покинуть Царицын и уехать в Новороссийск для выполнения решения о потоплении Черноморского флота? Ответ на этот возникающий законный вопрос дают воспоминания К. Е. Ворошилова и последующие замечания самого тов. Шляпникова, из которых явствует, что тов. Сталин держал в руках и продовольствие, и транспорт и руководил всеми органами власти и всеми вооруженными силами, само собой разумеется, через специально поставленных на это дело товарищей…

Другим большим недостатком воспоминаний тов. Шляпникова является недооценка работы врага по дезорганизации нашего тыла. Так, например, описывая состояние царицынского железнодорожного депо и падение трудовой дисциплины рабочих, он обвинил их в низкой производительности труда, в чем угодно, но только не в саботаже и прямом контрреволюционном вредительстве спецов, которые, как он сам замечает, относились к советской власти враждебно.

Враждебность эта толкает спецов на какие-то действия, в чем-то она проявлялась. К сожалению, Шляпников этой темы в своих воспоминаниях не касается. А зря! Она имеет большой и далеко не проходящий интерес».

Познакомившись с рукописью, Гронский сразу увидел, что опубликовать ее в таком виде невозможно. И вот почему.

Двадцать девятого мая 1918 года в Совнаркоме решили командировать некоторых наркомов на продовольственную работу — «выкачивать» хлеб. Первым в Царицын отправился Сталин, вслед за ним уехал Шляпников. Они получили одинаковые мандаты.

Ленин поинтересовался у Шляпникова его взаимоотношениями со Сталиным и просил сказать откровенно, нужно ли ему разграничить обязанности между ними. Шляпников ответил, что у него со Сталиным отношения самые товарищеские и о распределении обязанностей они договорятся на месте. Что они и сделали, писал Шляпников. Из его воспоминаний следовало, что они с будущим генсеком были тогда на равных. А это противоречило уже созданной легенде о выдающейся роли Сталина в Царицыне.

Более того, Шляпников рассказал эпизод, рисующий вождя в малопривлекательном свете. Ленин распорядился, чтобы Сталин немедленно выехал в Новороссийск и убедил моряков больше не стрелять в немцев, потому что подписан мир. Но будущий генсек сказал Шляпникову, что ему покидать Царицын весьма опасно, и уговорил взять дело на себя. Александр Гаврилович поехал. Выяснилось, что моряки не желают признавать Брестский мир и капитулировать перед немцами. Большевиков, которые уже пытались их уговорить, они едва на штыки не подняли. Получалось, что расчетливый Сталин переложил опасное поручение на менее искушенного Шляпникова…

Доработать текст в соответствии с пожеланиями главного редактора (не сложно понять, с кем он советовался) Шляпников не успел. Сам Иван Гронский тоже будет арестован в 1938 году…

Примерно в то время, весной 1934 года, Коллонтай писала Шадурской из Стокгольма: «Века, не годы прошли за этот период.

И сами мы стали совсем иные. Четче, выкованнее, чеканнее в смысле психики человека коммунистического строя. Ведь это совсем иной подход ко всему!»

Ее некогда любимого человека Александра Гавриловича Шляпникова вызвали в секретно-политический отдел ОГПУ. Не предъявив никакого обвинения, от него потребовали покинуть Москву в течение трех суток. Пользуясь старым знакомством, он по вертушке (аппарату телефонной правительственной связи) обзвонил членов политбюро — Молотова, Ворошилова и Калинина. Все они делано удивлялись и обещали выяснить, в чем дело. Но ни один, разумеется, и пальцем не пошевелил, чтобы помочь товарищу, потому что знали: его судьба решена вождем.

Шляпникова отправили в Карелию, на станцию Медвежья Гора, где строилась Туломская гидростанция. Бывшего наркома определили в планово-экономическую часть. Там Александр Гаврилович искал своего единомышленника Сергея Павловича Медведева, который работал в мастерских.

Но встретиться им не удалось.

Медведев тоже был в ноябре 1933 года исключен из партии и отправлен на Медвежью Гору. Но в январе 1935 года его арестовали. Весной Особое совещание при НКВД, рассмотрев дело «Московской контрреволюционной организации — группы рабочей молодежи», вынесло приговоры восемнадцати обвиняемым. 10 сентября 1937 года Медведева расстреляли.

На Медвежьей Горе у Шляпникова обострилась старая болезнь, 7 апреля его так же неожиданно, через ОГПУ, вернули в столицу. Александра Гавриловича продолжали по инерции лечить в кремлевской поликлинике. И он еще по-свойски обращался к высшим чиновникам государства. Писал, как привык за все послереволюционные годы, в политбюро: «Во время всех своих разговоров в ЦК ВКП(б) (с Н. И. Ежовым) и в ОГПУ я пытался выяснить какой-либо политический смысл во всём том, что предпринималось против меня, но без успеха. За свои годы революционной и социалистической борьбы я привык во всём искать политической осмысленности. Того же я ищу и в тех местах, которые предпринимались против меня, начиная с момента чистки, и не вижу ее. Сам я никакой вины перед ВКП(б) за собой не знаю и поэтому крайне удивлен тому, что со мной проделали».

Более всего просил дать ему возможность лечиться, потому что боялся подступающей глухоты. 28 ноября 1935 года Шляпников написал письмо Ежову, будущему наркому внутренних дел, а тогда новоиспеченному секретарю ЦК:

«Дорогой Николай Иванович!

Все мои собеседники (М. И. Калинин и др.), при всем «добром» их отношении ко мне, дают всё же только один совет: обратиться к Сталину, т. к. сами что-либо сделать «не могут». Ты в разговоре предложил переговорить со Сталиным. Если это для тебя не представляет неудобства, то передай ему мою писульку…»

Секретарей ЦК, помимо Сталина, было всего трое: Андрей Александрович Жданов, работавший в Ленинграде, Лазарь Моисеевич Каганович, больше занимавшийся Наркоматом путей сообщения, и Николай Иванович Ежов, который фактически и ведал всеми партийными делами. Сталин ценил Ежова за надежность, безотказность и преданность. Николай Иванович не делал ничего без его указания. Так что Шляпникову пришлось обратиться к Сталину: «В марте с. г. я находился в отпуску по болезни, но это обстоятельство не помешало отправить меня в ссылку под Мурманск. В апреле я был возвращен в Москву со значительно ухудшенным здоровьем. Болезнь моя — последствия контузии, которую я получил во время партийно-советской работы — головокружения, воспаление слухового нерва и лабиринта, сопровождается потерей слуха. Работать мне не рекомендуют…

Врачи скрывают от меня серьезность положения, но я наблюдаю прогрессивное ухудшение слуха на оба уха. Потерять слух на 50-м году, имея в остальном крепкий организм, я не хочу, так как предполагаю еще много лет быть полезным революционному пролетарскому делу…»

Шляпников по наивности жаловался Сталину, что ему не дают персональную пенсию, на которую он имеет право. Просил отправить его лечиться за границу и предоставить какую-то работу по торговой линии в Париже.

Он сообщил Сталину, что пишет мемуары о Гражданской войне, и заодно просил решить вопрос с издательствами — «так как мое имя бойкотируется издательствами из боязни нажить неприятности, хотя я готов идти на предварительный просмотр, исправления и поправки». Но само упоминание о мемуарах действовало на Сталина как красная тряпка на быка.

Второго января 1935 года Александра Гавриловича Шляпникова арестовали. Особое совещание при НКВД приговорило его к пяти годам содержания в лагерях особого назначения. В конце 1935 года концлагерь заменили ссылкой в Астрахань. А потом новый приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного суда, уже смертный, — 3 сентября 1937 года бывшего наркома расстреляли.

Глава пятая
ПОСОЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Двадцать третьего июня 1921 года член политбюро и председатель Реввоенсовета Республики Лев Давидович Троцкий обратился к делегатам III конгресса Коминтерна, представлявшим коммунистическое движение почти всего земного шара:

— Капитал всё еще царствует во всем мире, и нам необходимо взвесить, всё ли еще остается верной, в общем и целом, занятая нами позиция, рассчитанная на мировую революцию?

Услышав эти слова Троцкого, иностранные компартии обвинили русских коммунистов в пессимизме и осторожности. Еще в сентябре 1920 года на девятой партийной конференции Ленин говорил:

— Мы стремимся помочь России осуществить коммунистический строй, но чисто русскими силами обойтись не можем. Мы говорим, что революция может быть создана только усилиями передовых рабочих передовых стран.

Но у советских руководителей, как свидетельствовали слова Троцкого, уже возникли интересы, отличные от коминтерновских. Во внешней политике политбюро преследовало две главные цели. Не допустить иностранной военной интервенции, поскольку вполне реалистично оценивало силу Красной армии и опасалось крестьянских волнений. И получить западные кредиты для восстановления экономики.

Адольф Иоффе, недавний полпред в Берлине, 4 декабря 1921 года отправил членам политбюро записку: «Буржуазный мир не может без нас обойтись». Смысл его обращения: пора перестать твердить о враждебном окружении, настало время активизировать внешнюю политику. У разных стран различные интересы, надо договариваться.

Советские дипломаты, в том числе Александра Михайловна Коллонтай, рассказывали иностранцам об огромных богатствах России, о прибылях, которые принесут концессии на разработку природных ископаемых, о выгодах двусторонней торговли. На фоне послевоенного экономического кризиса Россия представлялась важнейшим рынком, упускать который не хотелось. И началась эпоха признания советской власти. Вслед за дипломатами, а то и вместе с ними в Москву потянулись деловые люди.

Красные раки на завтрак

Четвертого октября 1922 года Александру Коллонтай назначили советником российской торговой делегации в Норвегии. Покидая Россию, она утешала себя: «О том, что я первая женщина в дипломатии, я как-то не подумала, и что это как бы практическое осуществление нашей женотдельской работы и призыва партии: выдвигать женщин на ответственные посты».

В ее записках не раз мелькнет ностальгия по бурным революционным годам, когда она была в центре событий, когда казалось, что мир вращается вокруг нее: «Тоскую по Москве, по напряженной спешке женотдельской работы, забывая ее трудности, неприятности, сопротивление… Не понимают еще многие женщины даже у нас, в Москве, чего я хочу. Портят мои начинания и по неразумию считают, что я «иду слишком далеко налево»… Я живу здесь настоящим. А оно такое непохожее на атмосферу годов Гражданской войны и строительства женотделов с лозунгом: «Раскрепощение женщин во всех областях и полное их равенство в правах».

Но по крайней мере она отправлялась в любимые края, знакомые ей с детства.

Десятого октября 1922 года: «Море, северное Балтийское море, знакомое и милое сердцу… Волны его тяжелые, серо-свинцовые, такое оно не похожее на богатство красок Черного моря. Но там, на юге, морская красота жарко-томительная, и о ней вспоминать не хочу. А здесь ветер хлещет с моря и бодрит, в воздухе чувствуешь пряный запах осени. Что хочешь, а я люблю север…»

Александра Михайловна быстро оценила прелести иностранной жизни. Прямо она, разумеется, никогда этого не говорила и не писала. Но по запискам видно, как решительно всё изменилось, едва она пересекла государственную границу: «Приехали в Гельсингфорс и прямо в ресторан, где на окне красовались огромные красные финские раки. Еще утро, уборщицы за приборкой. Ничего! Заказываем две дюжины раков. Несут блюда. Молча, деловито едим. Услужающая удивляется: с утра раки!..»

Но мыслями Коллонтай была еще дома: «День в Стокгольме прошел сумбурно. Он разбудил во мне затихшие личные чувства муки и боли. И сейчас, перечитывая письмо мужа, я всплакнула и не могла заснуть».

Писала подруге — Зое Леонидовне Шадурской: «Я купаюсь в бассейне одиночества. Только из недр собственной, а не чужой, даже любящей души, можно получить накопление новых сил для

труда и борьбы на моем новом пути. А путь этот новый и немного жуткий своей неясностью».

Руководителем российской торговой делегации, фактически полпредом в Норвегии был Яков Захарович Суриц, видная фигура в советской дипломатии. Со временем он станет полпредом в Турции, Германии, Франции… А в Скандинавии ему было скучновато. Александре Михайловне он показался недостаточно энергичным: «Жаль, что Суриц никогда не вел работы у меня в женотделе, он бы знал тогда, что надо уметь поднять кампанию в момент, когда вопрос становится живым и актуальным».

В начале 1920-х годов дипломатический корпус состоял из старых большевиков, людей образованных, бывавших за границей, знавших языки. Понемногу их вытесняли «выдвиженцы», как тогда говорили, то есть мобилизованные на дипломатическую работу партийцы, совершенно неподготовленные и не «испорченные» знанием иностранных языков.

Общение с иностранцами дозволялось только дипломатам. Остальные — то есть технический и административный аппарат полпредства — должны были вариться в собственном соку. Это порождало в небольшом коллективе конфликты похуже, чем в тесной коммунальной квартире. Ссорились, писали друг на друга доносы полпреду и прямо в Москву. Все уезжавшие за границу сдавали партийные билеты, но в полпредстве проходили собрания партийной ячейки, могли раскритиковать и полпреда, сообщив свое мнение в аппарат ЦК.

В Норвегии обнаружился дальний родственник Александры Коллонтай — поэт Игорь Северянин, волновавший сердца русской молодежи в предреволюционную эпоху. Его сестра Зоя Георгиевна Домонтович (по мужу Соколова) — троюродная сестра Коллонтай.

Игорь Северянин жил в Эстонии. Когда эстонцы отделились, не поехал в Россию, а остался в эмиграции. 21 октября 1922 года Александра Михайловна написала ему: «Вы помните Шурочку Домонтович, Вашу троюродную сестру, подругу Зоечки, теперь «страшную Коллонтай»?.. У нас с Вами много общих воспоминаний: детство, юность, муж Зои, Клавдия Романовна, дом на Гороховой, на Подьяческой… Я помню Вас мальчуганом с белым воротничком и недетски печальными глазами. Я помню, с каким теплом Зоечка говорила всегда о своем маленьком брате Игоре…

Прошлое — сметено. Но оно еще живет легкой, зыбучей тенью в нашей памяти. И когда вдруг встретишь эту тень в душе другого, ощущаешь, как оно оживает в тебе. Мне захотелось из

далекого для Вас мира большевиков подать свой голос, сказать Вам, что в этом чуждом Вам мире кто-то помнит то же, что помните Вы, знает тех, кого Вы любили, жил в той же атмосфере, где выросли Вы…

Если Вам захочется вспомнить прежнее, Зоечку, детство, напишите мне: Норвегия, Христиания… Я здесь советник полномочного представительства РСФСР и пробуду, вероятно, всю зиму. Я люблю Ваше творчество, но мне бы ужасно хотелось показать Вам еще одну грань жизни — свет и тени тех неизмеримых высот, того бега в будущее, куда революция — эта великая мятежница — завлекла человечество. Именно Вы — поэт — не можете не полюбить ее властного, жуткого и всё же величаво прекрасного, беспощадного, но мощного облика».

Игорь Северянин конечно же ее прекрасно помнил: «Мы жили тогда в своем доме на Гороховой ул., 66, и сестры Мравинские — Адель и Женя — и их сестра от второго брака их матери, Александры Александровны, Шура Домонтович, часто бывали у нас».

Поэт вспоминал эту семью и в стихах:

Наш дом знакомых полон стай:
И математик Верещагин,
И Мравина, и Коллонтай.

Но от лестного предложения Игорь Северянин отказался. Предпочел Советской России буржуазную Эстонию.

А Коллонтай еще время от времени вспоминала. Тоже — художественная натура: «Вечер выдался на славу. Полная луна на ясном небе в рамке причудливых очертаний гор Нормаркена и Аскера. Легкий мороз, но ни малейшего ветра, а значит, сосны и ели на горах опушены снегом и принимают вид фантастических, сказочных чудовищ… Ленный свет серебрит снег на деревьях, и снег бриллиантится, как пишет Игорь Северянин. А небо такое странно близкое и совсем светлое от луны и звезд».

Вдали от бурлящей Советской России Коллонтай поначалу показалось скучновато: «Я привыкла в Москве, чтобы меня рвали на части, вечно спешить, недоедать, недосыпать, всем я нужна, меня хотят видеть и в Международном женском секретариате, и в МК, и в редакции, а здесь я какой-то привесок и притом нежеланный».

Нарком внешней торговли Леонид Красин отправил ее сына Михаила в Берлин в торгпредство, и тот многие годы работал за границей. Александра Михайловна пользовалась любой возможностью повидать сына. Хотя Берлин не очень ей нравился:

«Поселили меня в комнате, где всегда останавливается Чичерин. Неуютно и без комфорта: турецкий диван, походный умывальник, зеркальце на стене и письменный стол. За окном уныло-малолюдный Унтер-ден-Линден».

Разгромленная Германия оказалась главным партнером Советской России. Парии послевоенной Европы тянулись друг к другу, хотя дружбой, разумеется, и не пахло: голый расчет.

Союзники обязали Германию в наказание за ее агрессивную политику выплатить к маю 1921 года репарации в сумме 20 миллиардов золотых марок. Золотая марка — это не монета, это предвоенный курс марки, которая тогда стоила четыре доллара. Но в 1921 году за доллар давали уже 60 обесценившихся марок! Выплата колоссальных репараций оказалась непосильной для Германии.

Но недавние противники, которые четыре года провели в окопах, не были склонны сочувствовать и входить в положение. Французский премьер-министр Раймон Пуанкаре в принципе был настроен антигермански. В конце 1922 года правительство Германии объявило о дефолте: оно не могло выплачивать репарации. Заявив, что Берлин срывает поставки угля и древесины, президент Франции 11 января 1923 года ввел 100 тысяч французских и бельгийских солдат в Рурскую область, угольный и стальной центр страны.

Немецкое правительство призвало немцев оказывать французам пассивное сопротивление. Всем забастовщикам платили зарплату. События в Рурской области сыграли на руку экстремистам. На митинг в Мюнхене послушать молодого Адольфа Гитлера пришли десятки тысяч. Они собирались вокруг статуй объединителя Германии канцлера Отто фон Бисмарка и других исторических персонажей и исступленно кричали:

— Германия, Германия превыше всего!

Немецкое правительство, лишившись Рурской области с ее угольными шахтами и сталелитейными заводами, включило печатный станок. Зарплаты выдавали ничем не обеспеченными бумажными марками. Начался неконтролируемый рост цен. В 1922 году булка стоила 100 с лишним марок, через год — два миллиона! Инфляция оказалась для Германии губительнее французских войск.

«Живем под знаком серьезного события: Рурская область оккупирована французами! — писала Коллонтай. — После окончания мировой войны новое обнагление штыка казалось невероятным. Но это факт. В день оккупации в полпредство явился с визитом немецкий посланник доктор Ромберг, взволнованный и возмущенный до крайности…

Суриц старался убедить его, что мы тут ни при чем, а я успокоила его тем, что напомнила ему: Советской республике так же невыгодно и нежелательно усиление Франции и Англии, как и самой Германии…»

Яков Суриц и Александра Коллонтай, находившиеся в Норвегии, не знали, что в Москве решили использовать рурский кризис для ускорения революции в Германии. Некоторые немецкие коммунисты призывали националистов и фашистов объединяться против Запада. На плакатах, призывавших к свержению французского империализма, красная звезда соседствовала со свастикой.

Руководителей компартии Германии вызвали в Москву и предложили такой план действий. Коммунисты берут власть в пролетарских районах. Федеральное правительство отправляет туда войска. Пролетарские сотни дают правительственным войскам решающий бой и побеждают, и коммунисты приходят к власти во всей Германии.

Генеральный секретарь ЦК партии Сталин отправил открытое письмо Августу Тальгеймеру, главному редактору газеты коммунистов «Роте фане» («Красное знамя»). Оно было опубликовано 10 октября 1923 года: «Грядущая революция в Германии является самым важным мировым событием наших дней. Победа революции в Германии будет иметь для пролетариата Европы и Америки более существенное значение, чем победа русской революции шесть лет назад. Победа германского пролетариата, несомненно, переместит центр мировой революции из Москвы в Берлин».

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин в этот момент находился как раз в Германии. Услышав по радио о письме Сталина в редакцию «Роте фане», он решил, что это фальшивка. Запросил Молотова: «Является ли это сообщение чистой выдумкой или же что-либо за ним скрывается?»

Каково же было изумление наркома, когда выяснилось, что слова генсека — подлинные. Он еще не знал, что Сталин, охваченный идеей мировой революции, на заседании политбюро 20 сентября, где обсуждалась ситуация в Германии, сформулировал самую радикальную позицию: «Революция назрела, надо взять власть…»

Георгий Чичерин сам занимался отношениями с Германией, считая ее не только ближайшим партнером России, но и важнейшим государством Европы. Часто ездил в Берлин и страдал, когда некомпетентные партийные вожди вмешивались в международные дела, подрывая его усилия.

Немецкий посол в Москве граф Ульрих Карл Христиан фон

Брокдорф-Ранцау 4 июня 1923 года приехал в Наркомат иностранных дел. Его принял заместитель наркома Максим Максимович Литвинов.

— У германского правительства, — заявил посол, — складывается впечатление, что у вас имеются два течения: одно — наркоминдельское, стоящее за постепенное и медленное разрушение Германии, второе — коминтерновское, считающее настоящий момент вполне подходящим для более решительных действий…

У руководителей Советской России уже закружилась голова. Секретарь Центральной контрольной комиссии Сергей Иванович Гусев, недавний начальник политуправления Красной армии, обратился к членам политбюро: «В случае германской революции и нашей войны с Польшей и Румынией решающее значение могли бы иметь наступление наше на Восточную Галицию (где поднять восстание нетрудно) и «случайный» прорыв наш в Чехословакию, где вполне возможна революция (в «присутствии» наших двух-трех дивизий).

Таким образом мы: 1) вышли бы в глубокий тыл Польше и ее участь была бы решена; 2) получили бы через Чехо-Словакию «коридор» в Советскую Германию…»

Четвертого октября 1923 года в Москве политбюро наметило дату вооруженного восстания в Германии — 9 ноября. Член Исполкома Коминтерна от германской компартии Эдвин Хёрнле 19 октября, побывав у Григория Зиновьева, доложил в Берлин: «Выяснилось, что теперь решения, которые русские товарищи принимают в своем кругу, будут напрямую направляться в Германию и мы, как представители германской партии, практически выведены из игры».

Руководители Советского Союза готовили Красную армию к необходимости помочь немецким революционерам. Но правительство Германии с помощью рейхсвера подавило восстание и запретило компартию…

Сторонники традиционной дипломатии в Москве вздохнули с облегчением.

Бои местного значения

Тем временем Яков Суриц получил новое назначение — полпредом в Турцию. Уезжая, передал дела Коллонтай. 3 мая 1923 года решением политбюро ее утвердили полномочным представителем в Норвегии, но пока в статусе руководителя торговой делегации. Впрочем, торговля и оставалась пока что

главной сферой ее интересов.

Второго августа 1923 года политбюро в Москве рассматривало вопрос об экспорте хлеба. Это был главный товар, позволявший зарабатывать валюту.

Доклад делал нарком внешней торговли Леонид Красин:

— Мы шли двумя путями. Один в направлении понижения цен — здесь мы делали иногда ошибки. И второй в отношении качества хлеба. Качество нашего хлеба настолько высоко, что мы на всех рынках бьем Америку, так что даже уже сейчас, после продажи только сорока миллионов пудов, у нас создалась совершенно определенная репутация на рынке. Сейчас наш хлеб спрашивается в Европе. Коллонтай только что приехала из Норвегии. Норвежцы хотят покрыть всю потребность Норвегии нашим хлебом.

— А не переборщили вы в качестве хлеба? — поинтересовался председатель Высшего совета народного хозяйства Алексей Иванович Рыков.

Отраслевых наркоматов тогда не было: они возникли в 1932 году, и ВСНХ, подразделявшийся на главные управления, занимался всей промышленностью.

— Нет, пока еще нет, — ответил Красин. — Разумеется, при каждом урожае, как это принято у американцев и канадцев, приходится стандарт изменять. Он зависит от условий данного года. В Финляндию целиком рожь будем доставлять мы. В последние дни появился спрос на нашу муку, и у нас есть уверенность, что мы повезем в этом году в Польшу и Прибалтику муку. Но соглашения с Америкой не удалось достигнуть, а в Англии можно ожидать бойкота тех торговцев, которые заинтересованы в сбыте американского и канадского хлеба…

Четвертого октября 1923 года в поезде Берлин — Христиания (Осло) Коллонтай написала Щепкиной-Куперник: «Застегнулась на все пуговицы рабочего мундира и помчалась в Берлин по торговым и отчасти дипломатическим делам. Пять дней спешки, в нервной, неустойчивой, политически напряженной атмосфере Берлина… Деловые переговоры, хлеб, нефть, жмыхи, пресса, старые знакомые…»

Вообще говоря, Россия еще не оправилась от страшного голода. Неурожай 1921 года заставил правительство обратиться за помощью к международной общественности. Советскую Россию большинство государств не признавали, поэтому просьбы о помощи и ответы на просьбы передавались по радио.

Откликнулась Американская администрация помощи *(American Relief Administration,* сокращенно *ARA),* которой руководил министр труда Герберт Гувер, будущий президент

Соединенных Штатов. Бедняк-сирота, он окончил Стэнфордский университет и проложил себе путь наверх. Успешно занимался бизнесом, много заработал и охотно тратил деньги на благотворительность.

Американская администрация помощи первоначально обещала кормить голодающих детей, беременных женщин, кормящих матерей. Потом стали выдавать пайки пациентам в больницах. Оценив бедственность ситуации, взялись кормить и взрослых. Конгресс США выделил десятки миллионов долларов для закупки продовольствия, которое пароходами доставлялось в советские порты.

Безумие состояло в том, что одновременно в Европу шли пароходы с российским зерном. Спешили доставить российский хлеб на рынок раньше, чем на рынке появится более дешевый из Северной и Южной Америки. Советские руководители хотели в первую очередь заработать валюту, а кормить российское население должны были американцы…

Научный сотрудник Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова И. И. Литвинов писал: «В Советской России голодают миллионы крестьян; существование советской власти в величайшей опасности. И кто же помогает голодным? Мировой пролетариат? Коминтерн, на который так надеялся Зиновьев? Профинтерн? Ничего подобного. Рабочие во всех странах собрали, быть может, двести тысяч рублей золотом. Зато американские миллиардеры жертвовали десятки миллионов золотом. Они кормят миллионы детей… Десятки докторов — буржуа чистейшей пробы — приезжают со всех стран и гибнут в борьбе с эпидемиями в голодающих районах. И детские очереди около американских столовых, и больницы, и врачи — герои-жертвы эпидемий, и поезда с американским хлебом — как это наглядно подтверждает нашу теорию о классовом характере культуры и этики в «буржуазном» обществе».

Американцы открывали детские столовые и снабжали продовольствием детские дома. Кормили детей в возрасте до четырнадцати лет. Меню: понедельник — какао с хлебом, вторник — рисовый пудинг, среда — рис с лапшой, четверг — какао, пятница — пудинг, суббота и воскресенье — рис с лапшой. Американцы полагали, что это всего лишь добавка к ежедневному рациону, но иногда оказывалось, что это единственная еда, которая доставалась российским детям (см.: Отечественная история. 2007. № 5).

Герберт Гувер выдвинул условие: распределением помощи должны заниматься его люди на местах. Советское правительство долго не соглашалось, но вынуждено было принять это условие. В

Россию поехали молодые американцы — вчерашние фронтовики, ковбои, искатели приключений. Потрясли их не только ужасный голод, но и невежество населения и подозрительность власти. Американцы не принимали фатализма, пассивности, инертности, боязни ответственности, неорганизованности, бесконечных перекуров (Вопросы истории. 2003. № 11). Они поражались кражам продуктов, предназначенных для детей, требовали гласного суда над пойманными ворами.

«В Оренбурге из беженцев американцы организовали бригады по очистке города, — пишет Наиль Вакилович Усманов, доцент Бирской государственной социально-педагогической академии. — Им регулярно выдавалась горячая пища. Не убиравшиеся в течение нескольких лет от грязи и нечистот улицы города были приведены в порядок. Такие же бригады были созданы в Орске, Илецке, Актюбинске». В Оренбурге работали всего семеро американцев…

Российских граждан, в свою очередь, поражали оптимизм американцев, эффективность, деловой подход, отсутствие эмоций. Раздражались из-за того, что американцы работали и в праздники. Верили, что они зарятся на природные ресурсы Урала, хотят получить концессии на золотые и платиновые прииски.

Чекисты докладывали начальству о настроениях публики: «Деятельность АРА население истолковывает как захват американцами власти в стране… Населением работа АРА принимается как продажа России американцам…»

Миллионы людей остались живы благодаря Американской администрации помощи (см.: Вопросы истории. 2007. № 12). Попутно американцы проводили массовую вакцинацию от тифа и холеры, обязательные для тех, кого они кормили. Вакцины получали из Института Пастера в Париже. Открывали бесплатные аптеки, детей водили в баню, раздавали им мыло, одежду отправляли на дезинфекцию.

Летом 1923 года деятельность АРА прекратилась. Когда американцы уезжали, остатки продовольствия: муку, сахар, консервированное молоко, какао — американцы оставляли губернским властям. В Москве распорядились: «При отъезде АРА приветствия, благодарность, проводы могут быть устроены, но должны носить абсолютно официальный характер — от имени местных ЦИКов, СНКомов, Губисполкомов. Ни в коем случае не должно быть массовых, от имени населения благодарственных актов и выступлений».

И Коллонтай в дневнике сочла нужным изложить официальную позицию: «АРА больше занималась разведкой и материальной поддержкой контрреволюции и всяких враждебных

советской власти организаций, чем помощью голодающим…»

Между наркомом и генсеком

Четырнадцатого февраля 1924 года Александра Михайловна записала в дневнике: «Нет, женотдельская работа и агитация на фронте или в Наркомсоцобесе куда приятнее, чем эти сложности, заминки и вечные волнения в дипработе».

Двадцать пятого апреля: «Я уже убедилась в правоте слов Талейрана, что в дипломатических вопросах чрезмерное усердие и спешка часто ведут к плохому».

Пятнадцатого мая: «Сегодня официальный обед, который кабинет министров дает в мою честь. Как добросовестная камеристка-горничная я сама себе приготовила все принадлежности вечернего туалета. На моей постели аккуратно разложено темно-лиловое бархатное платье, золотые парчовые туфли, такой же миниатюрный ридикюль с тонким батистовым платком и гребеночкой, ведь я всё еще ношу коротко остриженные волосы. И после тифа в двадцатом году они продолжают виться, но расческа всегда под рукой, чтобы иметь презентабельный вид».

Александра Михайловна освоилась в новой жизни. И некоторые хлопоты личного свойства были весьма приятны ей как женщине: «С платьем к этому обеду у меня вышла лихорадка. Заранее некогда было подумать о платье. Утром сообразила, что, если все мужчины будут во фраках, надо надеть что-нибудь отвечающее случаю. А такого платья у меня не оказалось. Поехала по магазинам. Всё кричаще дорого. Но нашла белое маркизетовое платье, вся юбка в маленьких оборочках, и стоило сто крон. К нему белое: туфли, чулки, перчатки, сумочка. Вышло свежо, по-летнему и к лицу».

Трудновато на расстоянии разобраться в хитросплетениях московской политики, сложных взаимоотношениях в высшем эшелоне власти и среди ее непосредственного начальства — в Наркомате иностранных дел.

Восемнадцатого июня: «Литвинов в отпуске. Остался один Чичерин, это хуже. Как человек и товарищ он обаятельный, но директив его не люблю — не четки, многословны».

Многие дипломаты утверждали, что организатор из Чичерина был никудышный. Георгий Васильевич хватался за все дела сам и наставлял других: «Чтобы удостовериться, что что-либо делается, надо лично разговаривать, проверять исполнение. Надо изредка проверять, например, функционирует ли организация на случай

пожара, или всё ли делается для борьбы с крысами и молью, уничтожающими документы».

Чичерин мало кому доверял, пытался читать все бумаги, приходившие в наркомат, даже те, на которые ему не стоило тратить время. Разговоры об этом доходили до наркома, он очень обижался, считал, что эти слухи распускает Литвинов. Говорил, что во всём виновны бесконечные чистки аппарата НКИД. «Чистка, — констатировал Чичерин, — означает удаление хороших работников и замену их никуда не годными».

Георгий Васильевич был человеком непростым, и ладить с ним удавалось не каждому. Ему назначили двух заместителей — больше в те годы не позволялось. Вся коллегия наркомата состояла из четырех-пяти человек. Первым заместителем был старый большевик Максим Максимович Литвинов (он ведал западными странами), вторым — Лев Михайлович Карахан (он курировал государства Востока). С Караханом Чичерин прекрасно ладил. С Литвиновым враждовал.

Споры руководителей наркомата иногда ставили Коллонтай в трудное положение, иногда, напротив, позволяли маневрировать. Скажем, Чичерин и Литвинов были разного мнения относительно судьбы Шпицбергена (Норвегия требовала признать ее исключительный суверенитет над архипелагом). Коллонтай, получив директивы, с изумлением увидела под ними две подписи: «Удивилась: в Москве Литвинов был другого мнения по этому вопросу. Огорчилась его уступке Чичерину. Но оказалось, что в конверт вложена записочка Литвинова на тоненькой бумажке и написано следующее: «Подписал письмо, чтобы избежать препирательств. Ваша позиция в этом вопросе правильная, оставайтесь на этой же позиции».

У Чичерина и Литвинова были разные представления о механизме работы наркомата. Литвинов полагал, что Георгий Васильевич не годится на роль наркома, и держался самостоятельно. Чичерин жаловался, что Максим Максимович, который ведал отношениями с Западом, вообще не ходил к наркому, все решал сам: «По Западу я был ничто, рядовой член коллегии, а так как я барахтался, пытался влиять, была вечная напряженность. Обязательное участие т. Литвинова в политбюро по делам Запада упрочивало его роль; я проводил участие т. Карахана в Политбюро по делам Востока для ослабления исключительной роли т. Литвинова».

Бывший помощник Сталина Борис Георгиевич Бажанов писал в эмиграции, что Чичерин и Литвинов ненавидели друг друга. Чичерин жаловался, что его заместитель — хам и невежда, которого нельзя подпускать к дипломатической работе. Литвинов

отвечал, что нарком — гомосексуалист, ненормальный, который работает только по ночам и дезорганизует работу.

Георгий Чичерин с ранних лет участвовал в социал-демократическом движении, но в партию большевиков был принят только в 1918 году, когда вернулся в Москву. Это определяло его невысокое положение внутри партийной элиты, гордившейся большим дореволюционным стажем подпольной работы. Год вступления в партию был куда важнее опыта работы, образования и профессиональной пригодности. Только в 1925 году Чичерина избрали членом ЦК.

«Сам я был политически настолько бессилен, — писал Чичерин, — что мое выступление в политбюро в пользу какого-нибудь мнения бывало скорее основанием для обратного решения («нереволюционно»). Не понимаю: если мне не доверяли, почему не хотели меня использовать на другой работе? Теперь уже поздно, я точно игрушка, сломанная неосторожным ребенком…»

Александра Михайловна пыталась понять, что происходит в наркомате. Расспрашивала всех москвичей, которые оказывались в Норвегии: «Из Москвы приехал Флоринский. Он заведует протокольным отделом и сейчас объезжает полпредства и инструктирует по части «дипломатического протокола». О Москве рассказать не умеет, вернее, ничего не знает, что за стенами Наркоминдела. Но говорит, что Георгий Васильевич хворает и хочет ехать лечиться».

Заведующий протокольным отделом Наркомата иностранных дел Дмитрий Тимофеевич Флоринский, сын ректора Киевского университета, расстрелянного большевиками в 1919 году, был профессиональным дипломатом. До революции он окончил юридический факультет Киевского университета и поступил в Министерство иностранных дел. Работал в посольствах в Константинополе и Рио-де-Жанейро. В 1920 году Флоринского взяли в Наркоминдел. Он руководил протокольной частью и одновременно отделом Скандинавских стран. Флоринский был человеком Чичерина.

Судьба его сложилась трагически. В 1933 году на заседании политбюро решили: «Утвердить проект закона об уголовной наказуемости за педерастию». Весной 1934 года заместитель председателя ОГПУ Яков Агранов докладывал Сталину:

«ОГПУ при ликвидации очагов гомосексуалистов в Москве выявлен, как гомосексуалист, зав. протокольной частью НКИД Флоринский Д. Т.

Вызванный нами Флоринский подтвердил свою принадлежность к гомосексуалистам и назвал свои гомосексуальные связи, которые имел до последнего времени с

молодыми людьми, из них большинство вовлечено в гомосексуальные отношения впервые Флоринским.

Вместе с этим Флоринский подал заявление на имя Коллегии ОГПУ, в котором он сообщил, что в 1918 году являлся платным немецким шпионом, будучи завербованным секретарем германского посольства в Стокгольме…

Мы считаем необходимым снять Флоринского с работы в НКИД и привлечь его к ответственности».

Сталин отреагировал так:

«1. Предлагаю принять предложение ОГПУ (НКВнудела).

2. Поручить тов. Кагановичу проверить весь состав служащих аппарата НКИД и доложить о результатах в ЦК».

Проверка сексуальной ориентации советских дипломатов вылилась в элементарную чистку наркомата. Госбезопасность готовила большое дело по обвинению дипломатов в шпионаже. Судя по всему, в центре заговора собирались поставить самого Георгия Васильевича Чичерина, которого тоже считали гомосексуалистом.

Странный, одинокий, замкнутый Чичерин всегда избегал женщин и жил анахоретом. Его единственным другом был поэт и музыкант Михаил Кузмин, утонченный эстет, которого Анна Ахматова называла своим учителем. Кузмин — одно из самых громких имен Серебряного века русской поэзии. Он не скрывал своих гомосексуальных предпочтений и считался певцом однополой любви. Свою нежную дружбу Чичерин и Кузмин пронесли через всю жизнь. Они родились и умерли в один год.

Но самого Георгия Васильевича эта история с разоблачением заговора гомосексуалистов в Наркомате иностранных дел всё же обошла стороной.

Побывав в Москве, Александра Михайловна записала в дневнике: «У Чичерина была два раза, всегда ночью. Чичерин умеет «очаровывать», когда захочет. От него ни советов, ни директив. Интереса к тому, что мы делаем в Норвегии, мало. Но задача прежняя: добейтесь де-юре и больше никаких!»

Пока что Норвегия, как и некоторые другие страны, признавала Советскую Россию только де-факто, это предполагало более низкий уровень отношений. Коллонтай выполнила поручение наркома. 15 февраля 1924 года Норвегия — одной из первых — признала Советскую Россию де-юре (то есть в полном объеме) и установила с ней дипломатические отношения.

— Это один из счастливейших дней моей жизни, достигла-таки! — говорила Коллонтай.

Сотрудники полпредства отметили радостное событие в ресторане. Один из ее подчиненных плакал от счастья, другой

запел…

Вот тогда Александру Михайловну утвердили полпредом и одновременно торговым представителем в Норвегии. Женщина впервые в мире заняла высший дипломатический пост.

Девятого августа записала в дневнике: «Важное и приятное сообщение из Москвы: я назначена посланником в Норвегии, до сих пор после признания числилась поверенным в делах. Теперь я уже в глазах норвежцев полномочный и чрезвычайный посланник или по-здешнему «министр».

Но меня всегда радует не то, что радовало бы других, и наоборот. Умом я этого хотела. Чтобы добиться, чтобы доказать, что и это всё можно для женщин. И чтобы утвердить себя как женщину-человека и как государственного работника. А когда получила весть, сразу подумала: «Ну, вот! Теперь надолго привязали к дипломатии».

Коллонтай велели со всеми вопросами обращаться к заместителю наркома Максиму Максимовичу Литвинову, Чичерина не беспокоить. На дипломатическом поприще она не стала менее активной. Если не могла переубедить своих начальников, ехала в Москву и добивалась правды в высоких кабинетах. Она отчаянно сражалась за двусторонние проекты, которые считала важными и полезными.

Шестого ноября 1924 года: «Мне еще нехорошо, это последствия моей болезни в 1920 году (тиф и почки). Да и замоталась я в Москве… День за днем я проводила по коридорам и приемным в наркоматах и хозучреждениях. А толку нет. Дозваниваюсь к председателю Совнаркома Рыкову. Он назначает мне время в тот же день. Но разве это то же, что поговорить с Лениным?»

Любопытная запись. Как раз Владимира Ильича ей редко удавалось убедить в своей правоте. Но Рыков скоро будет уничтожен, и разве может в записках Коллонтай, многократно переписанных и отредактированных, сохраниться доброе о нем слово?

Член политбюро Алексей Иванович Рыков, уважаемый и умелый администратор, после смерти Ленина стал главой правительства. Он мало занимался чисто политическими вопросами, но по экономическим — и человеческим! — соображениям возражал против сталинского курса на ускоренную коллективизацию, то есть ограбление деревни. Выходец из крестьянской семьи, русский, Рыков многим в стране представлялся более подходящей фигурой для руководства Россией. Сталин несколько лет методично подрывал авторитет главы правительства, пока не убрал его.

«Председатель Совнаркома внимателен, но его все время перебивают телефонные звонки и секретари со спешными бумагами, — пишет Коллонтай. — Чувствую, что мое дело до него просто не дошло… Куда кинуться? В приемной председателя кремлевский телефон, и я звоню товарищу Сталину, прошу повидать его обязательно завтра по государственно важному делу до заседания Совнаркома. Назначает мне десять часов утра в Кремле.

В назначенный час вхожу в частную квартиру Сталина.

— Кто вас обидел, Литвинов или Чичерин? — первый шутливый его вопрос.

— Оба, товарищ Сталин, — мой ответ.

— Это уже хуже, расскажите, в чем дело, — уже серьезно добавляет товарищ Сталин…

На заседании Совнаркома меня тревожит, что Сталина нет.

Рыков суммирует прения, ясно, что аргументация Чичерина победила. И я прошу слова до голосования. В этот момент из задней двери залы появляется Сталин. Его присутствие меня воодушевляет, и я горячо, почти по-митинговому доказываю, что нельзя давать разрешение на убой тюленей до 15 марта, иначе с гибелью маток гибнет и приплод, а это ведет к полному истреблению стада:

— Мы должны сохранить наших беломорских тюленей для себя. В договор надо внести точное указание срока, с какого мы допускаем охоту.

За спиной слышу шутливое замечание:

— Коллонтай перешла теперь на охрану материнства и младенчества тюленей.

И голос этот Сталина. Все смеются. Мое предложение принимается единодушно.

Переходят к пункту о навигации. Сталин не садится к столу, а покуривая и глядя куда-то вдаль, ходит легкими, неслышными шагами взад и вперед по комнате… Меня тревожит, что дискуссия затягивается, а Сталин ходит и покуривает, будто и не слушает. Но когда председатель собирается голосовать, Сталин останавливает его рукой:

— Дайте и мне слово.

Сталин резюмировал:

— Если торговый договор с норвежцами нам выгоден и дает то, чего мы еще не имеем от других государств, пусть себе получат каботаж как компенсацию.

Предложение Сталина принято, и обсуждение торгового договора закончено. Когда я подхожу к выходу, Сталин стоит у двери.

— Ну что, довольны вы постановлением? — бросает он вполголоса, не переставая курить и чуть улыбаясь.

Отвечаю:

— Еще бы, это благодаря вам, горячее спасибо.

И я, не дождавшись лифта, бегу по лестнице».

Благорасположение генерального секретаря еще не раз спасет ее от множества неприятностей…

Двадцать первого января 1918 года ленинское правительство аннулировало царские долги. К концу Первой мировой войны долг России составлял 13,8 миллиарда рублей. Основными кредиторами были Франция, Англия, США и Бельгия. Объявленный советским правительством дефолт, то есть отказ платить по долгам, нанес тяжкий удар европейским странам, обескровленным войной.

Европа требовала от России признания долгов, сделанных царским правительством и Временным правительством, а также возвращения иностранным владельцам национализированной собственности. В общем, это были элементарные условия возобновления торгово-экономических отношений и предоставления новых кредитов. Европа не требовала сразу вернуть все долги, но она говорила: признайте хотя бы, что вы все-таки взяли у нас деньги. Понятно и требование компенсации тем иностранцам, которых лишили собственности в России: как может любое европейское правительство предоставлять новые займы стране, которая ограбила его граждан?

Красин предлагал считать хотя бы часть требований справедливыми и признать долги царской России. Его поддержал Чичерин: «Я не хозяйственник. Но все хозяйственники говорят, что нам до зарезу, ультранастоятельно нужна помощь Запада, заем, концессии, экономическое соглашение. А если это так, нужно не расплеваться, а договориться…»

Ленин категорически с ними не согласился. Советская печать с гневом сообщала, что проклятые империалисты выставляют большевикам заведомо неприемлемые условия, потребовали отказаться от всех завоеваний социализма, поскольку задались целью удушить государство рабочих и крестьян.

Возникла идея заманить иностранных бизнесменов предоставлением концессий на добычу полезных ископаемых, прежде всего драгоценных металлов и нефти. Однако же в общем и целом ничего из этого не вышло. Советская система в принципе отвергала капиталистическую экономику. К концу 1920-х годов задавили собственный частный сектор, закрыли всё среднее и мелкое производство. Страна осталась без товаров. И западные капиталисты не сумели приспособиться к такой среде, да и не

хотели их здесь видеть. Наркомат внешней торговли мог сколько угодно доказывать, как выгодно такое сотрудничество, но вся советская система сопротивлялась присутствию иностранного капитала.

Иностранных владельцев просто выставляли, всё их имущество переходило в полную собственность Советского государства. На тех же станках и по тем же чертежам выпускали ту же продукцию, которая считалась полностью отечественной. Реализовывались только крупные договоры о поставке оборудования. Закупали в Соединенных Штатах целые заводы. На импортном оборудовании построили Днепрогэс, Государственный подшипниковый завод в Москве, автомобильный завод в Горьком (ГАЗ).

Из задуманного получалось немногое. Но полпред в Норвегии неутомимо налаживала отношения, веря, что личные контакты выручат в самой сложной ситуации.

«В 1925 году, — вспоминала Александра Михайловна, — я в первый раз устроила прием 7 ноября для дипломатов, правительства и норвежской общественности. Прием был обставлен с подобающей роскошью в полпредстве. На шести столах стояли двухкилограммовые банки со свежей икрой — роскошь небывалая в Осло. Даже на обедах у короля свежая икра подается лишь на маленьких сандвичах.

Живые цветы, лакеи с «‘Советским Абрау-Дюрсо» усердно подливали в бокалы, а в перерыве давался концерт русской музыки, и молодая норвежская танцовщица танцевала на манер Дункан под русские мелодии…»

Коллонтай поручили закупить в Норвегии большую партию рыбы, чтобы заинтересовать крупных промышленников. Она успешно вела переговоры. Оставалось только согласовать цену. Александра Михайловна руководствовалась цифрой, определенной Наркомвнешторгом. А норвежцы хотели больше и снизить цену никак не соглашались.

— Ну, ладно, — сказала Коллонтай, — ради наших будущих отношений я готова принять вашу цену. Хотя разницу мне до конца жизни придется оплачивать из собственного кошелька.

Прозвучало это из ее уст очень эффектно. Норвежцы попросили объявить короткий перерыв, вышли в соседнюю комнату. Вернувшись, столь же эффектно ответили, что они — джентльмены, принять ее жертву не могут и согласны на ее цену. Это был чисто мужской жест…

Но иногда то, что она женщина, ей вовсе не помогало. Один министр иностранных дел, когда она заводила речь о щекотливых материях, ловко переводил разговор:

— Мадам Коллонтай, какое у вас сегодня красивое платье. Оно вам очень идет.

— Послушайте, господин премьер-министр, — отвечала она. — Я и вчера была в этом же платье.

— Это не мешает ему быть очаровательным. Вам в нем очень хорошо…

И Коллонтай не могла его сдвинуть с этой темы.

Немногие политики в ту эпоху соглашались с тем, что женщины предназначены для чего-то большего, чем домашнее хозяйство. А скандинавы были более продвинутыми, они понимали, как важно запретить труд несовершеннолетних, ввести равную оплату женщинам и мужчинам, найти в бюджете деньги на медицинскую помощь матерям и маленьким детям.

Жена американского президента Франклина Делано Рузвельта Элеонор, которая тоже пыталась изменить место женщины в обществе, всегда говорила, что мужчины идут в политику ради победы на выборах, а женщины — для того, чтобы изменить мир. Но при этом повторяла, что женщина, занимающаяся политикой, должна обладать такой же толстой кожей, как у носорога…

Иногда Коллонтай охватывали грустные мысли. Не пора ли завершить карьеру?

Июль 1925 года: «Лучше уйти, пока помнят добром. А удержать ни счастья, ни любви, ни удачной полосы творчества в политике или иной области — нельзя. Кто хочет удержать, кто хочет сказать моменту «остановись», тот обречен на неудачу и вечное недовольство. Нет, надо уметь уйти. Правда?»

Тридцать первого июля 1925 года Коллонтай писала Литвинову: «Я намереваюсь ехать в Москву с целью просить высокое учреждение и Коллегию освободить меня от моей работы в Норвегии. Так или иначе переговоры с норвежским правительством приходят к концу и свою миссию здесь я могу считать законченной. После перенесенной зимою болезни я чувствую себя неважно, устала нервами от постоянного напряжения. Врач требует лечения, отдыха, вод и т. д. Но брать длительный отпуск всегда вредно для дела. Поэтому я и прошу Вас, дорогой Максим Максимович, подготовьте Коллегию к моему решению и посодействуйте мне в проведении моей просьбы. Повторяю, устала и морально и физически от вечного мундира, которого требует данная работа».

Но природная жизнерадостность брала свое.

Осень 1925 года. Лиллехаммер: «У меня новое увлечение. Танцы!.. Как это случилось? Вечеринка. Все танцуют. И я. Вдруг понравилось. Ритм. Движение. Какую-то легкость в себе

чувствуешь. Если это можешь, значит, еще силы на борьбу с жизнью есть, значит, «соки» не иссякли на новое творчество…»

Писала Зое Шадурской: «Что я сейчас ненавижу — это карты и вино. Да, это бич, но и показатель какой-то духовной опустошенности. Помнишь, как мы в молодые годы «бунтовали» против тех, кто просиживает за картами день и ночь? Мы думали, что это присуще лишь чиновникам и армейским офицерам старого режима. Танцы? Это совсем не то. Танцы — это ритм, это подъем, это эмоция радости. А карты — в них что-то опустошающее, игра ума без результатов, что-то от онанизма…

Ах, Зоюшка, как я люблю этих новых молодых женщин-летчиц. Их теперь много развелось. И, знаешь, женщины завоевывают воздух. Это новая отрасль, и женщины смело ринулись на завоевание воздуха. Я их люблю!»

Двадцать девятого ноября 1925 года — Татьяне Щепкиной-Куперник: «Сама для себя я научилась мудро брать жизнь. У меня много внешних тревог, неприятностей, сложностей. Но я радуюсь всему, что дает жизнь: снегу под окном, лучу солнца, ночной тишине, вплоть до физического, вбирая тепло, когда войдешь с холоду в свою комнату, где тихо и тепло… Понимаешь?»

Пятнадцатого декабря 1925 года Норвегия и Советский Союз подписали договор о торговле и мореплавании — это был серьезный успех полпреда. Легко ничего не давалось. 14 марта 1926 года Коллонтай сообщила Щепкиной-Куперник: «Теперь уже решено, что я отсюда поеду на шесть недель полечиться в Висбаден. Опять дают себе чувствовать почки (белок) и сердце. Как у всех нервных людей, когда не надо больше держать себя на узде, вдруг проявляются все болезни.

Мне хочется отдыха — одиночества…»

Второго мая, отдыхая в Баден-Бадене, поделилась с Щепкиной-Куперник: «Нервы истрепались до такой степени, что, когда приехала сюда, в Баден-Баден, я ходила, будто в чаду. Никакое впечатление не доходило до сознания. Чудесная, тропическая природа? Да, мой глаз ее видит, но я ее не чувствую, нутро мое на нее не откликается…»

Беседы с чекистами

После короткой командировки в Мексику в ноябре 1927 года Александра Коллонтай была вторично утверждена полпредом в Норвегию. Перед назначением ненадолго вернулась на родину. Иностранные дипломаты в Москве демонстрировали ей свое расположение.

«В Москве германский посланник Брокдорф-Ранцау, — вспоминала Коллонтай, — пригласил меня одну на интимный обед в свое мрачное, в темных тонах посольство. Граф играет в друга большевиков и говорит, что верит в наше будущее. Очень хорошо он отозвался об уме и мужестве Клары Цеткин:

— Она тип настоящей германки, и, несмотря на ее речи об интернационализме, она настоящая патриотка в душе. И никогда не примирится с унижением Германии…»

Граф Ульрих Карл Христиан фон Брокдорф-Ранцау, старомодный, но умный и резкий в суждениях, был достойным собеседником Коллонтай. Он происходил из знаменитой семьи. Ходили слухи, что один из его предков, маршал Ранцау — настоящий отец французского императора Людовика XIV. Один француз поинтересовался у графа Ранцау, так ли это.

Тот ответил с неподражаемым апломбом:

— О да, в нашей семье Бурбонов всегда считали незаконнорожденными Ранцау!

Еще до революции граф служил секретарем германского посольства в России. В конце Первой мировой войны стал министром иностранных дел, а 6 ноября 1922 года вручил свои верительные грамоты в Москве.

Брокдорф-Ранцау был сторонником сотрудничества России и Германии, исходил из того, что обе державы должны противостоять победителям в Первой мировой войне. Немецкий посол, как и Чичерин, был холостяком, не интересовался женщинами, предпочитал работать по ночам. Они с Георгием Васильевичем часто встречались за полночь и вели беседы, в том числе на литературные и философские темы, подкрепляясь ликерами и винами. Партийные руководители с сомнением взирали на отношения наркома с иностранным послом: соблазняют искушенные немцы наивного Чичерина… Граф скончался от рака горла 8 сентября 1928 года. На смертном одре просил брата передать Чичерину, что сближение двух народов было главной целью его жизни…

Помимо приятных у Коллонтай были и весьма непростые хлопоты: «Еще выпала на мою долю забота: у норвежского поверенного в делах Якхельна арестовали русского шофера. Обратился ко мне по этому поводу дуайен дипкорпуса, персонально. Он уверял, что этот арест произвел очень неблагоприятное впечатление на весь дипкорпус».

Ее ждали сложные переговоры в Норвегии, в этой ситуации оказать услугу норвежскому дипломату было бы весьма уместно. Прютц Антон Фредерик Винтер Якхельн в 1911 году приехал в Архангельск вице-консулом, а в 1917 году стал поверенным в

делах Норвегии в России.

Александра Михайловна поехала на Лубянку к Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому, бывшему заместителю Дзержинского.

Тридцатого июля 1926 года, через десять дней после смерти Дзержинского, Вячеслава Рудольфовича назначили председателем ОГПУ. Менжинский занимал этот пост восемь лет, пока не ушел в мир иной. Он часто болел и, даже приезжая на Лубянку, принимал посетителей лежа. Никого это не удивляло.

Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек — таков образ руководителя госбезопасности, утвердившийся в истории. Но именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса (наиболее эффективной части крестьянства), отправлял террористические группы за границу — убивать врагов советской власти и подготовил потрясшие мир первые московские судебные процессы, фальсифицированные с первого до последнего слова.

В частном разговоре Менжинский сказал Чичерину:

— ОГПУ обязано знать всё, что происходит в Советском Союзе, начиная от политбюро и кончая сельским советом. И мы достигли того, что наш аппарат прекрасно справляется с этой задачей.

Нарком отлично понимал, что имеет в виду глава госбезопасности.

Советник полпредства в Париже Григорий Зиновьевич Беседовский, оставленный исполнять обязанности поверенного в делах, не пожелал возвращаться в Москву и 2 октября 1929 года попросил политического убежища во Франции. Он выложил французам всё, что знал. Пересказал и слова наркома иностранных дел Чичерина: «Меня тоже подслушивают. У меня делали здесь, в кабинете, ремонт и, несомненно, этим ремонтом воспользовались, чтобы установить микрофонный аппарат. Менжинский даже не считает нужным скрывать это обстоятельство».

Наркомат иностранных дел и госбезопасность часто ссорились, потому что интересы ведомств постоянно входили в противоречие. Арбитром выступал ЦК. Время от времени под строгим присмотром партийного руководства составляли кодекс взаимоотношений. В 1923 году политбюро одобрило очередной протокол.

Договорились, что Наркомат иностранных дел сам решает, кого брать на работу, но не позднее чем за три дня о каждой кандидатуре ставит в известность чекистов. Если ГПУ возражает, вопрос о приеме человека на службу решается коллегией НКИД.

Некоторые сотрудники подбирались только при участии чекистов: заведующий дипкурьерской службой, заведующий столом личного состава, заведующий учетом сотрудников иностранных миссий, главный комендант помещения Наркомата иностранных дел.

Обговорили вопрос об аресте иностранцев: «В случае ареста того или иного сотрудника иностранных миссий ГПУ по требованию НКИД обязано представить обвинительное заключение и по возможности материал, послуживший причиной ареста того или иного иностранца».

Особо выделили вопрос о выезде за границу: «Решение коллегии НКИД о посылке того или иного сотрудника за границу — без уведомления соответствующего сотрудника о предстоящей командировке — сообщается предварительно ГПУ. В случае отвода со стороны ГПУ окончательно решает коллегия НКИД. В каждом отдельном случае отвод ГПУ должен быть мотивированным».

В последующие годы эта ситуация только ухудшилась. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что ему «нецелесообразно» выезжать за границу. Даже руководители наркомата, а затем Министерства иностранных дел могли только гадать, чем не угодил «соседям» тот или иной человек…

Это была не первая и не последняя договоренность, которая просуществовала недолго. Ведомство госбезопасности всё равно считало своим долгом контролировать Наркомат иностранных дел и особенно влиять на кадры.

Полпреды ощущали, что находятся под постоянным контролем, и всегда ожидали какой-нибудь пакости со стороны резидента. И позже резиденты бдительно следили за послами и обо всех промахах докладывали в Москву, поэтому послы тихо ненавидели и боялись своих помощников-разведчиков.

Но Александра Михайловна Коллонтай чувствовала себя достаточно уверенно. К тому же с Менжинским они были давно знакомы. В первом советском правительстве, где она была наркомом, Вячеслав Рудольфович получил пост заместителя наркома финансов.

Коллонтай, войдя в его кабинет, полушутя, но весьма уверенным тоном, не оставлявшим сомнений в решимости добиться своего, заявила:

— Я не уйду отсюда, пока вы, Вячеслав Рудольфович, не выпустите шофера норвежского посланника.

Менжинский убеждал ее, что норвежцы ведут «нехорошую работу» — не для себя, конечно, а для Англии, что есть

«доказательства» насчет шофера. Разговор шел один на один. И Коллонтай разгорячилась:

— Речь идет о признании нас Норвегией де-юре, а вы арестовываете какого-то шофера! Не учитываете большую политику.

Менжинский при Коллонтай вызвал начальника контрразведки Артузова. Велел еще раз проверить дело.

Артур Христианович Артузов (настоящая фамилия — Фраучи) — один из самых известных чекистов. Он родился в семье сыровара, эмигранта из Швейцарии. В советских анкетах называл себя то швейцарцем, то итальянцем. Артур Фраучи прекрасно пел, у него был сильный тенор, он участвовал в любительских спектаклях. Но его тянуло не к искусству, а к политике. В январе 1919 года Артузова взяли в ВЧК, в июле 1922 года утвердили начальником важнейшего контрразведывательного отдела.

На Лубянке каждый иностранец априори считался разведчиком, поэтому и был арестован ни к чему не причастный посольский водитель. Контрразведчики Артузова демонстрировали масштабную борьбу с иностранцами, пренебрегая возражениями хозяйственников, которые дорожили работавшими в России специалистами и иностранными концессиями. Леонид Красин, покровительствовавший Александре Коллонтай, пытался после революции наладить торговые отношения Советской России с внешним миром. Говорил Ленину, что сотрудничество с западными державами вполне возможно. Главное препятствие, объяснял Красин, произвол чекистов. На то же жаловался и Чичерин. Ленин периодически занимал их сторону, требовал «подвести под расстрел чекистскую сволочь». Но Ленина не стало…

Александра Михайловна Коллонтай ушла с Лубянки только, когда ей пообещали, что будет сделано всё, что возможно. На следующий день ей позвонил норвежский посол Якхельн и поблагодарил: шофер уже за рулем посольской машины.

Александру Михайловну в Норвегии ждали некоторые перемены в жизни советской колонии. Нравы стали жестче, работавшие под прикрытием чекисты — подозрительнее.

Дело в том, что 12 мая 1927 года британская полиция провела обыск в помещении «Аркос» *(All Russian Cooperative Society Ltd.)* — совместного советско-британского акционерного общества, которое с 1920 года занималось внешней торговлей от имени различных советских организаций. Частная компания «Аркос» располагалась в одном здании с советским торгпредством, так что полиции попали в руки и переписка торгпредства, и все шифры. Познакомившись с документами, 25

мая британское правительство разорвало дипломатические отношения с Советской Россией.

Политбюро приняло ряд решений, стараясь извлечь уроки: «Послать по линии ОГПУ шифротелеграмму о принятии срочных мер по соблюдению конспирации в работе и уничтожению компрометирующих документов…

Обязать полпредов немедленно уничтожить все секретные материалы, не являющиеся абсолютно необходимыми для текущей работы как самого полпредства, так и представителей всех без исключений советских и партийных органов, включая сюда ОГПУ, Разведупр и Коминтерн…

Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

Шифры менять каждый день, проверить состав шифровальщиков. Послать специальное лицо с неограниченными правами по осуществлению строжайшей конспирации шифровальной работы, имея в виду в первую очередь объезд таких стран, как Франция, Италия, Варшава, Токио, Берлин (кандидатуру наметить особо).

Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна…»

В Норвегии произошли большие политические перемены. В октябре 1927 года на парламентских выборах победила рабочая партия (социал-демократы). Левые смогли сформировать правительство, которое обещало действовать в интересах рабочего класса и идти к «социалистическому обществу».

Коллонтай в телеграммах отмечала это как большой успех, и на заседании политбюро 2 февраля 1928 года решили: «В отношении с норвежским рабочим правительством принять предложение НКИДела относительно заключения пакта о ненападении и нейтралитете».

В остальном в Норвегии Коллонтай всё было знакомо. 20 декабря 1927 года она записала в дневнике: «Опять та же забота: помещение. Парадные комнаты очень хороши, но дом почти пустой, и мне предстоит его меблировать. Будь у меня жена, она бы с меня сняла эти скучные хлопоты. В этом неудобство женщины-полпреда — нет жены-хозяйки и несешь двойную нагрузку…»

Конец 1920-х годов в Европе — это кинематограф, варьете, автомобильные гонки, джаз и танцевальная лихорадка. В моде спорт, туризм, диета и забота о фигуре. Идеал красоты — спортивные фигуры и холодные глаза. Темп новой жизни завораживал. Переменился весь духовный и общественный

климат. 6 сентября 1929 года Коллонтай поделилась с Шадурской: «Дорогая Зоюшка, была я на днях на говорящем кино. Технически это просто комбинация кино и граммофона, который стоит за экраном, но, конечно, нужно, чтобы совпадали звуки и слова с тем, что происходит на экране. Мне пока не понравилось. И не потому, что еще много несовершенств: слышно шипение штифта, голоса будто из погреба — особенно женские, но главное, опять появляются ненужные длинноты, разговоры там, где и так всё ясно…»

Находились и поводы для огорчения: «Из-за режима экономии у полпредства нет своей машины, и я пользуюсь наемным автомобилем. В торжественных случаях на него водружаем наш советский флаг. В аппарате НКИД кто-то решил, что в малых странах своя машина — лишняя роскошь: надо включить в штат еще шофера и проч. Неверно. Именно в малых странах соблюдают особо тщательно знаки престижа послов…»

Сбежавший атташе

Восемнадцатого января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ оформило принятое политбюро решение о высылке бывшего члена политбюро и председателя Реввоенсовета Республики Льва Давидовича Троцкого за пределы Советского Союза.

Троцкого с семьей на поезде доставили в Одессу. Его архив и библиотеку заранее погрузили на борт парохода «Ильич». 10 февраля 1929 года Льва Давидовича привезли на пароход. Капитан получил запечатанный конверт с указанием вскрыть его в море.

Троцкий хотел обосноваться в Норвегии. 18 февраля 1929 года во время приема в советском посольстве председатель Верховного суда Норвегии Поль Берг, влиятельная фигура в государстве и фактически второе лицо после премьера, вполголоса попросил Коллонтай уделить ему несколько минут для уединенной беседы.

Берг спросил Александру Михайловну:

— Что бы сказали в Москве и что бы вы, как друг Норвегии, посоветовали нам? Вам, вероятно, уже известно, что господин Троцкий запросил у норвежского правительства визу для себя и жены для проживания в Норвегии?

— Понятия об этом не имею, — ответила Коллонтай. — Вы говорите, что виза запрошена официально, неужели через советское полпредство в Берлине?

— Нет, не ваше посольство в Берлине просит визу для господина Троцкого, а его личные друзья, профессора, писатели, видные имена в Германии. Если мы им откажем, поднимется шум в газетах. Удобно ли это? Москва, может быть, не хочет шума вокруг Троцкого?

— Вы, норвежское правительство, можете указать, что Троцкий нежелателен в Норвегии из-за шума, который он всегда вызывает вокруг себя. Норвежское правительство сумеет сформулировать отказ.

— Это ваш совет, мадам Коллонтай?

— Да, мой совет как друга Норвегии. Лично мне пребывание Троцкого в Норвегии было бы очень неприятно. Но всё это я говорю вам частным образом как друг норвежского народа, не как посланник. На этот счет у меня нет директив моего правительства. Я лишь добавлю, что при рассмотрении в правительстве вопроса о визе Троцкому учтите сами отношение моего правительства к этому ренегату. Он и вам наделает хлопот.

Мнение Коллонтай было учтено. 7 мая 1929 года Александра Михайловна удовлетворенно записала в дневнике: «Отказ правительства в визе Троцкому и его жене как эмигрантам наделал много шума. Кабинет упрекают в нарушении основ норвежской конституции и потворстве советскому полпредству».

Александра Михайловна не только исполняла волю Москвы. Она действительно не любила Троцкого. С той поры, как они случайно встретились в Соединенных Штатах накануне революции.

Пятнадцатого ноября 1929 года Александра Михайловна побывала у Сталина:

«Торжественный спектакль в Большом театре. Иду к правительственной ложе. Красноармеец у входа: нельзя. Назвала себя, справился и пропустил…

Во время антракта Сталин обернулся ко мне:

— Давно приехали?

— Я здесь в отпуске, товарищ Сталин. Очень хочу вас повидать.

— Что же, давайте. После пленума. После восемнадцатого созвонимся…

Дни идут, пленум закончился, а звонка от Сталина всё нет. Из кабинета скандинавского отдела НКИД звоню в Кремль к Сталину по прямому телефону, «по вертушке» в просторечии. Попадаю прямо в его кабинет.

— Иосиф Виссарионович?

— Да, кто говорит?

— Коллонтай. Когда можете принять меня?

Секунда молчания.

— Сейчас можете?

— Конечно, могу.

Я в приемной у Сталина, жду вызова. Сталин вызывает секретаря. Вхожу за ним и я. Сталин приподнимается мне навстречу…»

Генсек не пожалел для нее времени, расспросил о норвежских делах, о ситуации в среде местных коммунистов:

— Нет ли в партии уклонов? Кто уклонисты?

Посоветовал:

— Следите внимательно за нашей политикой. Крепнем, растем. Выходим на большую дорогу в международной политике.

Беседа была приятной и полезной для Коллонтай. Но в Норвегии ей становится скучновато.

Одиннадцатого апреля 1930 года написала Щепкиной-Куперник: «Трудно сейчас быть вне Союза. Всё настойчивее тянет домой и всё несноснее вся показная сторона моей здешней работы. Многое сделано, достигнуто. Пусть бы другие сняли с плеч эту тяжесть и понесли дальше сами. Но это лишь мечта…»

И тут у соседей, в Швеции, разгорелся громкий скандал — политического убежища попросил советник полпредства Сергей Васильевич Дмитриевский.

С 1923 года он работал в Наркоминделе, сначала в торговом представительстве в Германии, потом его перевели первым секретарем полномочного представительства в Грецию. Отозвав в Москву, утвердили управляющим делами НКИД. В 1927 году Сергей Дмитриевский прибыл в Стокгольм и стал вторым человеком в полпредстве.

Коллонтай записала в дневнике: «Обстановка в советских полпредствах всего мира и в нашей колонии в Осло тяжелая, полная возмущения, гнева и ненависти к предателям-невозвращенцам. Тяжело ударило по нашим советским учреждениям предательство Беседовского в Париже, но еще возмутительнее измена Дмитриевского в Стокгольме.

Советник нашего полпредства на виду у всех, о нем имелись лестные отзывы, у него «большие связи» среди шведской общественности, и этот негодяй не просто ушел, а умышленно шумно, со скандалом, с использованием шведской прессы. Может ли быть что-нибудь более позорное и преступное? Я вся дрожу, когда читаю газеты…»

И в советской колонии в Норвегии началась охота на ведьм.

«Рьянее всех взялся за разоблачения торгпред, — пишет Коллонтай. — Всех подозревает у себя же в торгпредстве, но и допекает меня доносами-подозрениями на моих же сотрудников:

— Вы ему верите? Вы это отрицаете? Вот увидите, что я прав, вы же поплатитесь за свое доверие.

Только что ушел торгпред, как за ним является его заместитель вместе с экспортником, и оба полны догадок-подозрений насчет самого торгпреда:

— Это следующий кандидат в невозвращенцы.

В своем рвении и, кстати, сведении личных счетов с торгпредом его зам и экспортник дошли до того, что ночью взломали стол торгпреда и сделали обыск его кабинета (без приказа). Ничего не нашли и теперь дрожат».

Вслед за советником полпредства Дмитриевским политического убежища попросил и военный атташе Александр Александрович Соболев. Бывший царский офицер, он добровольно вступил в Красную армию, дослужился до должности начальника штаба морских сил Каспийского моря. После Гражданской войны был назначен военно-морским атташе в Турцию, затем в Швецию… Соболева отозвали в Москву. Он предпочел не возвращаться.

Эта ситуация отразилась на служебных обязанностях Коллонтай: «Срочная телеграмма из Москвы: политбюро назначило меня временным поверенным в делах в Швеции с оставлением меня на посту в Норвегии, выезжать немедленно… Полпред в Швеции Виктор Леонтьевич Копп безнадежно болен и находится в больнице. Советника нет (Дмитриевский), остался только секретарь полпредства, но с ним МИД не считается как с не имеющим официальных полномочий».

Виктор Копп когда-то играл важную роль в налаживании отношений с Германией, он установил широкие связи с ведущими германскими политиками, военными и даже разведчиками. Но поссорился с влиятельными фигурами в Москве, в Наркомате внешней торговли, и после долгой склоки покинул Берлин. Потом два года проработал послом в Японии, а в 1927-м получил назначение в Стокгольм. Он заболел раком. Из Швеции его увезли на носилках. Ему было всего 50 лет, когда он ушел из жизни.

Александра Михайловна перебралась в Швецию. Состояние местной советской колонии Коллонтай решительно не понравилось: «Картина безотрадная: работники потеряли голову. Фактически полпредство бездействует… О землячестве (парторганизация) писать не хочу. Нехорошее, нездоровое впечатление. Это уже не склока личного свойства, какая бывала и в Осло, нет, это нечто худшее: растерянность и страх. Страх, как бы в Москве не поплатиться, что недоглядели невозвращенцев. Истерические настроения, женщины плачут и клянутся в верности советской власти…»

Чекисты были в бешенстве: измена за изменой. В Стокгольм командировали оперативного работника с заданием ликвидировать если не ущерб, то по крайней мере самого перебежчика. Александра Михайловна была в ужасе, представляя себе, чем такая попытка может увенчаться.

Двадцать пятого апреля она записала в дневнике: «У нас совещание по делу Соболева с секретарем полпредства, тов. Ш., присланным из Гельсингфорса «со специальной миссией», и с секретарем Соболева, тов. Д.

Тов. Ш. живо заявляет:

— Я сумею извлечь Соболева из засады, доставлю в Союз живым или трупом.

Такая постановка вопроса мне совсем не нравится. Она противоречит директиве моего шефа, несерьезно это и чревато новыми осложнениями. Удалось установить, что Соболев вернулся на свою квартиру вместе с женой, но никого к себе не пускает.

— А я проникну к нему, — задорно заявляет тов. Д. — Если этот мерзавец нас не впустит, мы с вами, тов. Ш., подстережем его на улице, и если уговоры не подействуют, у нас есть доводы и посерьезнее. Акт самообороны, так сказать. Нечего время терять, идем.

Я решительно воспрещаю обсуждать такие дикие выходки. Это значит лить воду на мельницу наших врагов.

— А если Соболев выдаст военные тайны? — говорит Ш.

Но я его пристыдила. Он же знает, что военному атташе недоступны серьезные военные тайны».

Возникал очевидный вопрос: почему советские дипломаты бегут? В разных странах, бывало, дипломаты не соглашались с политикой собственного правительства и просто уходили в отставку. Советские же люди бежали с родины.

В ночь с 1 на 2 мая Коллонтай записала в дневнике: «Меня заботят случаи бесшумного невозвращенчества более мелких, менее ответственных работников наших советских учреждений. А такие измены имели место и в Берлине, и в Лондоне, и в Париже.

Почему безупречный Соболев (так его аттестует начальство) стал невозвращенцем? Почему Ш. в Берлине отказался ехать на родину? Почему жена Г. (служащего в «Нафта») говорила мне дрожащим голосом, что «она боится, не отзовут ли ее мужа». «Бояться» вместо того, чтобы радоваться возможности возвращения на родину. Это ненормально. Тут надо поискать причину, чтобы ее пресечь, чтобы центр принял меры…

Первой и главной причиной невозвращенчества я считаю существование оппозиции».

Но бежали вовсе не оппозиционеры, а прошедшие проверку надежные большевики. Еще до начала массовых репрессий, только за один год, с осени 1928-го по осень 1929 года, 72 сотрудника загранаппарата отказались вернуться в Советский Союз.

В 1929 году неприятная для власти ситуация обсуждалась на заседании политбюро. «О беспорядках, выявленных в советских загранпредставительствах» доложил старый большевик Борис Анисимович Ройзенман, член президиума Центральной контрольной комиссии и член коллегии Наркомата рабоче-крестьянского контроля. Он занимался загранкадрами и проверкой работы загранучреждений.

Борис Ройзенман действовал не слишком удачно. Он в начале октября 1929 года приехал в Париж. Отсутствовавшего полпреда там заменял советник Григорий Беседовский. Ройзенман устроил ему разнос, обвинил в уклонении от партийной линии и сказал, что его отзывают в Москву. Беседовский не стал рисковать. Вышел в посольский двор, перелез через стену и пошел в полицию…

Отбор стал еще более жестким — не пускали тех, у кого обнаруживались родственники за границей, «непролетарское происхождение» или отклонения от партийной линии. Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений сотрудников ГПУ для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями. Такая практика существует и по сей день.

Нарком Чичерин тяжело переносил кампании, которые периодически проводились партийным аппаратом: «Я писал т. Сталину, что прошу на моей могиле написать: «Здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток». Чистка означает удаление хороших работников и замену их никуда не годными».

Чичерин возмущался приемом на дипломатическую работу партийно-комсомольских секретарей: «Открыты шлюзы для всякой демагогии и всякого хулиганства. Теперь работать не нужно, нужно «бороться на практике против правого уклона», т. е. море склоки, подсиживаний, доносов. Это ужасное ухудшение госаппарата особенно чувствительно у нас. Осуществилась диктатура языкочещущих над работающими. Бюро ячейки явилось с резолюцией, в которой турецкая политика НКИД расценивалась как правооппортунистический уклон!!!»

Коллонтай приходилось учить азам дипломатической науки присылаемых из Москвы выдвиженцев. Иногда не получалось.

Записывала в дневнике: «Секретарь т. Ш. отозван. Я сама этого добивалась, не подходящий он в здешней обстановке. А сейчас мне уже жалко, я бы и из него выработала полезного работника. Партиец он крепкий и уже начал понимать, что такое быть секретарем полпредства среди всех трудностей и бушующего моря ненависти и недоверия к представителям Советского Союза».

Поездки за границу становились всё более и заманчивыми, и трудными — даже для высшей номенклатуры. В 1920-е годы высшим чиновникам и знаменитым деятелям культуры разрешали лечиться за рубежом. Отменили и это послабление.

В решении политбюро записали:

«Ввиду необходимости максимально беречь валюту и ввиду того, что ответственные товарищи нередко и без нужды уезжают за границу полечиться, несмотря на то, что они могли бы поправить здоровье в СССР, ЦК постановляет:

1. Отпускать ответственных работников за границу для лечения лишь в случае крайней необходимости и лишь при наличии проверки медицинских данных о том, что они не могут обойтись без заграничного лечения.

2. Выдавать уезжающим за границу для лечения товарищам необходимые деньги с строжайшим соблюдением нормы.

3. Безусловно запретить органам НКВнешторга и НКИД выдачу дополнительных сумм уезжающим за границу для лечения товарищам без санкции ЦК».

Сотрудники полпредств старались на людях хаять страну пребывания и вообще заграничную жизнь. Знали, что среди слушателей обязательно окажется секретный сотрудник госбезопасности, который бдительно следит за моральным состоянием аппарата полпредства. Если советскому дипломату нравилась буржуазная действительность и он не умел это скрыть, его быстро возвращали на родину.

А очень многим хотелось поработать за рубежом — на родине было голодно, скудно и опасно. Хорошо известный Александре Михайловне Коллонтай один из первых социал-демократов, член группы «Освобождение труда» Лев Григорьевич Дейч недоумевающе-горестно отметил в дневнике в июле 1930 года: «Крупнейшим событием этого месяца был XVI партийный съезд, констатировавший чрезвычайные успехи, сделанные во всех сферах за два с половиной года, протекшие после XV. В особенности поразителен сдвиг в земледелии, рост колхозного и совхозного движения. Колоссален также успех в индустриализации… И рядом с этим — неимоверная нужда в самых первых продуктах питания, повсюду крик: «Есть нечего!»

Очереди во всевозможных лавках бесконечные. В последних пусто, продавцы стоят сложа руки. Контраст между восторженными отзывами ораторов съезда по поводу наших успехов и жалобами полуголодного населения по поводу всё увеличивающейся нужды — небывалый, как, думаю, ни в одной стране».

Оттого командировка за границу воспринималась как высшее счастье. Ради этого надо идти на всё — унижаться перед начальником, исполнять любые указания, предавать старых товарищей и некогда любимых мужчин.

«Если работающая за границей советская дама рассказывает, как безумно ее тянет в Москву, то, конечно, каждый прекрасно понимает, как должно относиться к таким словам, — писал Максим Яковлевич Ларсоне, некоторое время служивший большевикам, а потом уехавший за границу. — Если партийная коммунистка, жена высокого советского сановника за границей, проживающая в прекрасном доме в одном из лучших кварталов крупной европейской столицы, заявляет мне, что она была бы счастлива, если бы вместо этого прекрасного дома ей представлялась возможность иметь хотя бы две сырые комнаты в Москве, то положительно не знаешь, что думать об этом смехотворном лицемерии. Оно лучше всего характеризуется иронической советской поговоркой: «Они безумно рвутся в Москву, но никак не могут вырваться».

Муза Васильевна Канивез, жена Федора Федоровича Раскольникова, некогда влюбленного в Коллонтай, а затем коллега по дипломатическому корпусу (полпред в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии), оставила воспоминания о посольской жизни. Когда они с мужем приезжали в Москву в отпуск и искренне говорили, что им надоело жить вдали от родины, один из коллег шепотом отвечал:

— Не спешите, Музочка, вернуться из-за границы. Здесь адская жизнь.

Через несколько лет Федор Раскольников отказался от возвращения в Советский Союз и написал Сталину нашумевшее по всему миру открытое письмо с обвинениями в терроре и массовых расправах.

Седьмого мая 1930 года Коллонтай пометила в дневнике: «Были и такие шведы, которые, услышав мое имя, тревожно спрашивали:

— А что вы сделали с Дмитриевским и Соболевым? Живы ли они еще?

Это в связи с постановлением советского правительства о двадцати четырех часах сроку для возвращения в Союз, иначе

невозвращенцы объявляются «вне закона»…

Самое главное, что я тут сделала для нашего престижа, — это удержала необузданные планы «горячих голов». Они выдумывали новые планы, как бы выкрасть Соболева, и уже начали действовать за моей спиной. Шаг — и мы в руках провокаторов. Но после приказа Литвинова подчиняться целиком полпреду Ш. быстро уехал…»

Ликвидация невозвращенцев началась несколько позже, и эти операции не всегда были успешны.

А в Стокгольм прислали комиссию из Москвы. К Коллонтай как новенькой у проверяльщиков претензий не было. Она перенесла присутствие гостей хладнокровно. 18 июня записала в дневнике: «Комиссия по чистке полпредских и других советских аппаратов за границей уехала. Здесь прошло очень просто и быстро. Две недели заседали, но зато результаты справедливые и нужные. Я осталась удовлетворена, отстояла тех, на кого клеветали зря, и добилась снятия действительно морально вредной публики. Многие уже уехали…»

Сама перед собой поставила задачу: «Учтя опыты пережитого нами в связи с невозвращенцами, полпред, естественно, должен с особой бдительностью следить за личным составом служащих и за их семьями. Надо поднять политико-просветительскую работу, надо изучить людей».

И не знаешь, всерьез она это написала? Или на тот случай, если дневник окажется в чужих руках? Она никогда не упускала из виду такой возможности. Предосторожности оказались не лишними — так, в конце концов, и произойдет много позже…

Новые хлопоты из-за Троцкого

Десятого июля 1930 года Коллонтай писала Шадурской: «К концу этого месяца вырешится вопрос о том, где буду в дальнейшем? Внутренне я уже примиряюсь с тем, что и этот «отрез» жизни пришел к концу. Я органически люблю Норвегию и ее стойкий, трудолюбивый, дисциплинированный и жизнеспособный народ. Но я знаю, что сейчас настал час, когда надо уйти на другое. Я знаю, что я буду тосковать об Осло. Но мы с тобою — цыганки. Мы не можем остаться «навсегда».

Двадцатого июля 1930 года Александру Коллонтай утвердили полпредом в Стокгольме. Поначалу она была недовольна. Вспоминала пушкинские строки о «надменном соседе», называла Швецию самодовольной, сытой и кичливой. Норвегия зависела от поставок в СССР рыбы и промышленных товаров. Высокоразвитая экономика Швеции советскими заказами не интересовалась.

Поделилась с Щепкиной-Куперник: «Молодость я похоронила в милой Норвегии. В ней горячим пламенем в последний раз вспыхнули все чувства, все переживания, слезы и улыбки, что способна вызывать лишь молодость, на что способен человек, когда в нем есть избыток неизжитых сверх сил. Не оттого ли я так люблю Норвегию?»

Александра Михайловна погорячилась. И в Швеции нашлись мужчины, постаравшиеся завоевать ее сердце. Когда одного из них перевели из Стокгольма, Коллонтай сильно переживала: «Я, как кошка, живуча. Но, очевидно, меня убивают мелочи жизни, которых у меня раньше не было».

Ей предстояло проработать в Стокгольме почти полтора десятка лет, и это будут профессионально самые успешные годы. Когда началась Первая мировая война, в сентябре 1914 года, министр внутренних дел Швеции приказал арестовать опасную смутьянку Коллонтай. Тогда король Густав V подписал указ о высылке ее из страны. В 1930 году тот же король принял ее верительные грамоты.

— Прошу вас сесть, — уважительно произнес король. — Мне еще никогда не приходилось принимать даму с такой высокой миссией.

Работать в Швеции Коллонтай было тем проще, что в 1932 году к власти в Швеции пришли социал-демократы. Советское полпредство разместилось на улице Виллагаттан, в доме 17, а квартиру она нашла себе по соседству в доме 15. Теперь ей в

Швеции были рады, у нее было много знакомых, занимавших в политическом истеблишменте видное положение.

Вопрос о Троцком возник и в Стокгольме. 30 ноября 1932 года Александра Михайловна записала в дневнике: «Еще одна забота — это попытка друзей Троцкого получить для него визу в Швецию для прочтения лекций. Из Берлина он переехал в Данию. Его друзья атакуют кабинет просьбой о визе Троцкому. Пришлось и мне мобилизовать моих шведских приятельниц и друзей для контратаки. В визе Троцкому шведы отказали».

В апреле 1934 года французское правительство, на которое давили и коммунисты, и фашисты, решило выслать Троцкого, которому поначалу дало приют. Но ни одна страна не соглашалась его принять. Тогда изгнанник вновь попытался приехать в Норвегию.

«Норвежское рабочее правительство как будто твердо обещало визу, — записал Троцкий в дневнике 8 мая 1935 года. — Придется, видимо, ею воспользоваться. Дальнейшее пребывание во Франции будет связано со всё большими трудностями… Мы с Наташей можем оказаться в одной из колоний. Конечно, не в сравнительно благоприятных условиях Северной Африки, а где-нибудь очень далеко… Это означало бы политическую изоляцию. В этих условиях разумнее покинуть Францию вовремя.

Норвегия, конечно, не Франция: неизвестный язык, маленькая страна, в стороне от большой дороги, опоздание с почтой и пр. Но всё же гораздо лучше, чем Мадагаскар. С языком можно будет скоро справиться настолько, чтобы понимать газеты. Опыт норвежской Рабочей партии представляет большой интерес… Конечно, в случае победы фашизма во Франции скандинавская «траншея» демократии продержится недолго. Но ведь при нынешнем положении дело вообще может идти только о «передышке»…»

В конце мая норвежское правительство выдало визы Троцкому и его жене Наталье Ивановне Седовой. Лев Давидович вспомнил слова одного старика-рабочего в Алма-Ате: «Праздник вечного новоселья». Записал в дневнике: «Наташа готовит обед и укладывает вещи, помогает мне собирать книги и рукописи, ухаживает за мной. По крайней мере это отвлекает ее несколько от мыслей о Сереже и о будущем. Надо еще прибавить ко всему прочему, что мы остались без денег: я слишком много времени отдавал партийным делам, а последние два месяца болел и вообще плохо работал. В Норвегию приедем совершенно без средств. Но это наименьшая из забот…

Сколько «обстановок» мы переменили за тридцать три года совместной жизни: и женевская мансарда, и рабочие квартиры в

Вене и Париже, и Кремль, и Архангельское, и крестьянская изба под Алма-Атой, и Принкипо, и Франция… Я легко мирюсь с грязью и беспорядком вокруг — Н. никогда. Она всякую обстановку поднимет на известный уровень чистоты и упорядоченности и не позволит ей с этого уровня спускаться. Но сколько это требует энергии, изобретательности, жизненных сил!.. Прожили мы с Н. долгую и трудную жизнь, но она не утратила способности и сейчас поражать меня свежестью, цельностью и художественностью своей натуры».

Девятнадцатого июня 1935 года они прибыли в Осло. Визы им выдали только на полгода — и с условием воздержаться от политической деятельности. Норвежские власти попросили их поселиться в деревушке подальше от столицы.

«Газеты без труда раскрыли наше убежище, — записал в дневнике Троцкий. — Фашисты устроили митинг протеста под лозунгом: «Чего глава мировой революции хочет в Осло?» Одновременно сталинцы объявили меня в тысячу первый раз главой мировой контрреволюции».

Знаменитого гостя заехали проведать Мартин Транмель, главный редактор газеты Норвежской рабочей партии, и министр юстиции Трюгве Ли, будущий Генеральный секретарь ООН. Министр Ли уверял, что советское правительство даже не пыталось помешать переезду Троцкого в Норвегию.

Но и здесь изгнанник не задержался. Сталин никогда не выпускал его из поля зрения. Нужен был только повод. Он нашелся — в Москве состоялся суд над бывшими членами политбюро Зиновьевым и Каменевым. На процессе Троцкого называли организатором террора.

Секретарь ЦК Лазарь Каганович, который на время отпуска вождя оставался в Москве «на хозяйстве», переслал находившемуся на отдыхе Сталину проект заявления советского правительства относительно Троцкого. Сталин потребовал атаковать «верхушку норвежской рабочей партии»: «Этой норвежской сволочи надо бросить в лицо открытое обвинение в поддержке уголовно-террористических замыслов».

Двадцать седьмого августа 1936 года советское правительство потребовало от норвежского правительства лишить Троцкого права убежища. Утвержденный Сталиным текст официального заявления гласил:

«Можно считать установленным, что проживающий в Норвегии Л. Троцкий является организатором и руководителем террористических действий, имеющих целью убийство членов Советского правительства и вождей советского народа…

Советское правительство полагает, что дальнейшее

предоставление убежища Л. Троцкому, организатору террористических действий, может наносить ущерб существующим между СССР и Норвегией дружественным отношениям и противоречило бы современным понятиям о нормах международных отношений.

Можно по этому случаю вспомнить, что, в связи с убийством югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту, отношение правительств к подготовке на их территории террористических действий против членов других правительств было предметом обсуждения в Совете Лиги Наций 10 декабря 1934 года, когда была констатирована обязанность членов Лиги Наций помогать друг другу в борьбе с терроризмом и даже было признано желательным заключение с этой целью международной конвенции.

Советское правительство рассчитывает, что Норвежское правительство не преминет принять соответствующие меры для лишения Троцкого дальнейшего права убежища на норвежской территории».

Полпред в Норвегии Игнатий Семенович Якубович 29 августа 1936 года передал текст заявления советского правительства в министерство иностранных дел. Правительство Норвегии не рискнуло ссориться с Советским Союзом. В первых числах сентября Троцкого интернировали, 19 декабря выслали из страны.

«Норвежское правительство интернировало меня по обвинению в том, что я веду литературную работу в духе и смысле Четвертого Интернационала, — записал в дневнике Лев Троцкий. — Мы с женой выехали из Норвегии после 4-месячного интернирования на танкере «Руфь». Подготовка к отъезду была произведена в совершенной тайне. Норвежское правительство, насколько я понимаю, опасалось, как бы танкер не стал жертвой моих политических противников… Для контроля нас сопровождал старший полицейский офицер».

Троцкий несколько раз пытался приехать в Англию. Об этом стало известно совсем недавно, когда англичане рассекретили документы министерства иностранных дел. Его просьбу поддерживали выдающиеся писатели Бернард Шоу и Герберт Уэллс, но британское правительство не хотело раздражать Советский Союз, принимая злейшего врага Сталина. Приют Троцкий нашел только в Мексике, далекой от основных политических битв того времени. Когда в 1937 году Троцкий приехал в Мехико, его поселил в своем доме выдающийся мексиканский художник и коммунист Диего Ривера.

Когда в Советском Союзе развернулись коллективизация и раскулачивание, что обернулось уничтожением крестьянства, Александра Михайловна отправила Татьяне Львовне Щепкиной-Куперник необычно печальное послание: «Тяжело, трудно жить — не потому лишь, что всё страшно, текуче, неустойчиво и неопределенно, что себя всё время чувствуешь пылинкой, которую кружит ветер-великан. Нет, самое мучительное это то, что сейчас сумма страданий умножилась, что уже очень высока цифра слагаемого человеческих мук и горя…

Сама же стоишь невероятно беспомощная. Вот эта беспомощность отвратительна и мучительна. Раньше видела способ борьбы, раньше были слова утешения. А сейчас знаешь — это неизбывно. Это надолго. Целое поколение, может, два, три поколения вынуждены будут жить под этим знаком страдания. Пока не родится новое. Новая жизнь во всех областях, а с ней и новый человек… Говорю о заветном».

Некоторые исследователи полагают, что ее слова — реакция на происходящее в России. В ту пору, конечно, очень немногие ездили за границу. В основном это были «проверенные товарищи». И совсем единицы рисковали хотя бы вполголоса делиться тем, что творится на родине. Но у Коллонтай было очень много знакомых.

После рассказа приехавшего из Москвы гостя о том, как в процессе коллективизации выселяли в Сибирь кулаков («Подлое вышло дело, просто смертоубийство. Везли в товарных вагонах, навалили в них народ, как баранов, — детей, стариков, больных и калек. Мороз такой, что младенцы у груди матери замерзали. Сколько за дорогу трупиков ребят из вагонов прямо в снежные сугробы выкидывали»), Коллонтай записала в дневнике: «Гость уехал, а я после его рассказов не сплю по ночам, всё мне мерещатся матери с замерзающими младенцами и другие ужасы».

Задача колхоза состояла в том, чтобы заставить крестьян за бесценок сдавать государству абсолютно всё, что они выращивали.

Коллективизация и раскулачивание для многих, кто когда-то искренне поддержал большевиков и в Гражданскую войну сражался на стороне красных, стали Рубиконом. Сошлюсь на своего дедушку, Владимира Михайловича Млечина, который совсем молодым человеком воевал против белых в рядах Красной армии, на фронте вступил в партию большевиков. Через много лет, вспоминая те годы, он записал для себя: «У Маркса, если не ошибаюсь, есть понятие: «смелость невежества». Я бы еще сказал:

«смелость невинности». Ребенок без дрожи зайдет в клетку к самому лютому тигру, протянет ручку погладить злую собаку — он не ведает опасности. Так, детьми, жили и мы, пока не разразилась катастрофа.

Конечно, были признаки тревожные. Но всё-таки жили по инерции, жили беззаботно, хотя и напряженно, трудно порой, пока небо не раскололось над собственной головой. И вот я заглянул в бездну. И, как часто происходит с людьми, пережившими смертельную опасность, я иными глазами посмотрел на происходящее. И понял не только то, что сам хожу у края пропасти — я стал постигать, что идеей великой революционной целесообразности прикрываются дела невыносимые, преступные, ужасные.

Когда-то Достоевский больше всего потряс меня изображением детских страданий. Может быть, потому что рос я в условиях отнюдь не легких, помню мать в слезах, когда не было хлеба для ребят. Помню ее маленькую, слабую с мешком муки — пудик, полтора — за спиной, кошелкой картофеля в одной руке, а в другой ручка маленькой, едва ли двухлетней сестры, шлепающей по грязи Суражского тракта, помню окружающую нищету, неизмеримо более горькую, чем у нас.

Словом, страдания детей — мой пунктик. Сколько прошло времени с 1929 года, а я и по сию пору не могу забыть крестьянских ребятишек, которых вместе с жалким скарбом грузили в подводы и вывозили из насиженных мест, порой в дождь, в слякоть, в холод. Я этого видеть не мог…»

И с той поры началась для него эпоха двоемыслия, когда произносились слова, за которыми ничего не было, эпоха тягостного разочарования, растянувшаяся на десятилетия…

А что же Александра Михайловна Коллонтай?

Малоприятные новости из Советского Союза, конечно, доходят, но дурные вести Коллонтай гонит от себя, списывает на уныние и малодушие своих старых подруг: «Дома трудная полоса, недород сказывается — еще не овладели новыми формами хозяйства. Партия работает, шлет по деревням хороших работников, но есть перегибы. В Ленинграде и Москве (даже в столицах!) голодно. Мои приятельницы из Ленинграда, друзья моей юности, до сих пор не вжились в новые условия. Письма от них, от сестры моей Адели полны жалоб и просьб выслать шведские кроны на Торгсин».

Торгсин — это Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, где принимали как валюту, так и золотые изделия. Советская финансовая система разрушилась. Продовольствие выдавали по карточкам. Магазины опустели.

Продукты остались только в закрытых распределителях или в магазинах Торгсина, как и описано в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель — для других закрытый.

«Сестра Адель и ее семья, подруги моей юности — такие они все исхудавшие, голодные, пришибленные и безынициативные, — записывает в дневнике Коллонтай. — Работают, а работа им чужда. Особенно жаль мне сестру Адель. Всё плачет о трагической смерти сына (труп Михаила Домонтовича был найден в лесу только через год после его трагической гибели. — *Л. М.)*. И это когда-то красивое лицо, исхудалое, прозрачно-бледное. Пьет чай, а кусочки сахара кладет в потертый ридикюль, и на него капают слезы когда-то гордой, энергичной и шикарной Адель.

У них многое от безволия, много нытья и неумения жить в новых условиях… Раздала всю свою валюту, что имела на руках, но разве это помощь? Посылаю им всем ежемесячно из Швеции на Торгсин… Чувство, точно я перед ней и всеми этими «тенями прошлого» виновата».

Александра Михайловна понимала, конечно, как ее жизнь отличается от жизни ее друзей в России. 29 января 1933 года написала своей ближайшей подруге Шадурской: «Зоюшка, четыре доллара выслала тебе для мамы».

Разрушение деревни привело зимой 1932/33 года к голоду, который унес от четырех до пяти миллионов жизней. Хуже всего ситуация была на Украине и в Казахстане, который, может быть, пострадал больше других республик. Из-за голода и последовавшей за ним эпидемии тифа погибли 1 миллион 700 тысяч человек. Это 40 процентов всего казахского населения. Еще несколько сотен тысяч казахов бежали в соседние Китай, Монголию, Афганистан…

Местные органы госбезопасности и прокуратуры получили секретное письмо ОГПУ, прокуратуры и Наркомата юстиции: «Ввиду того, что существующим уголовным законодательством не предусмотрено наказание для лиц, виновных в людоедстве, все дела по обвинению в людоедстве должны быть немедленно переданы местным органам ОГПУ».

Сознавала ли Коллонтай, что происходит в стране реального социализма? Или даже самой себе не желала признаваться, что революция, дело всей ее жизни, не принесла счастья людям? Что в таком случае и она виновата в том, что происходило со страной?

Нет, это предположение она отвергала с порога.

Да, ей многое не нравилось из того, что происходило в России: «Появился новый тип, это новые люди на высоких постах, верхушка государственных служащих, по образу жизни и положению оторванная от широких масс, верхушка, которая не знала подполья, у которой закружилась голова от «величия» занимаемой ими должности. Они не только не здороваются за руку с нашим швейцаром или солидной горничной, но даже не отвечают на их «здравствуйте».

Но она наотрез отказывалась принять критику тех, кто утверждал, что Сталин и его малограмотное окружение ведут страну в неверном направлении: «Но еще хуже по-моему — «старики», точнее, старые, заслуженные большевики. Они всё критикуют, охаивают, иронизируют. А спросишь их: ну, а что вы предлагаете? Какие конкретные меры? Их у них нет. Говорят с раздражением:

— Так продолжаться не может. Мы теряем верный курс. Компас испорчен».

Если страна идет не туда, то почему ты в этом участвуешь? Признаться в порочности выбранного курса — немыслимо.

Коллонтай записала в дневнике осенью 1928 года: «Дипломатическая работа — неблагодарная работа. Это вроде, как плести кружева. Плетешь месяцами тонкую нить. А свое же правительство или правительство той страны, где работаешь, возьмет да и дернет за ниточку из-за «более важных целей». Тррр — весь узор пошел прахом. Начинай сначала, но уже за прежнюю ниточку не ухватишься…

И надо иметь смелость говорить правду своему правительству, не «подыгрывать», не бояться, что Максим Максимович тебя «оборвет» будто бы за непонимание. Хуже всего, вреднее всего — дезинформация».

Слова верные. Но насколько точно она информировала Москву, если сама себя утешала экономическими трудностями Швеции (ничтожными на фоне голода на родине): «В магазинах толкучка, и на улицах люди спешат, нагруженные свертками. А кризис? А безработица? Армия спасения собирает «подаяние» на детей безработных… Это всё не по мне. И я тоскую особенно остро по Москве, с ее пустоватыми универмагами и недохватом продуктов, но зато есть работа и кусок хлеба у каждого…»

Известный исследователь Арктики, до революции избранный почетным членом Петербургской академии наук норвежец Фритьоф Нансен собирал гуманитарную помощь для России еще в годы Гражданской войны. В знак благодарности Нансен получил медаль от ВЦИКа. Ее переслали в полпредство в спичечном коробке. Коллонтай заказала футляр и только после того вручила

Нансену.

Когда разразился новый голод, он опять захотел помочь. 10 января 1929 года Коллонтай записала в дневнике: «У Нансена еще остались средства, собранные сектой менонитов во время неурожая на Украине, и он предложил переслать их в губернии СССР, где еще есть голод. Но я отклонила его предложение (по указанию Москвы), у нас нет больше голодающих губерний. Нансен не поверил мне, но ничего не сказал…»

И всё! Больше никаких комментариев. Голод случился потому, что руководители Советского государства приняли простое решение: силой забрать все ресурсы. В городе взять было практически нечего, поэтому ограбили деревню. Главным ликвидным средством было зерно. Поскольку добровольно крестьяне зерно не отдавали, то власти прибегли к раскулачиванию крепких хозяев, то есть уничтожению самой производительной части крестьянства.

Писатель Михаил Михайлович Пришвин отметил в дневнике 5 февраля 1930 года: «Долго не понимал значения ожесточенной травли «кулаков» и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила всё их достояние. Теперь только ясно понял причину злости: все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которым до сих пор мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие».

Разрушение деревни и привело к голоду. Борис Иванович Стукалин, который был заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, уже на пенсии вспоминал: «Городские жители получали хлеб по карточкам… Во многих же районах, где случился неурожай, а последние запасы зерна были изъяты государством, наступило настоящее народное бедствие. Миллионы людей хлынули в города в надежде устроиться на работу или продержаться за счет подаяний…

В те дни мне встречались десятки этих несчастных. Многие уже ничего не просили, а просто лежали на земле, прислонившись к стене дома или забору, и с мольбой смотрели на прохожих. Страшно было видеть их распухшие ноги, изможденные, потемневшие лица… Люди умирали тут же на улицах и подолгу оставались лежать неубранными.

Голодающие не только заполняли улицы, они наводняли дворы, ходили по квартирам, вымаливая хоть немного любой еды. Ходили больше женщины с детьми. Увы, подавали им редко и

скупо, ибо многие горожане сами страдали от недоедания».

Посол Мексики в СССР Сильва Эрсог в 1929 году встретился с Коллонтай, которая приехала в Москву в отпуск. Спросил Александру Михайловну:

— Не думаете ли вы, что происходящее сегодня в России несколько отличается от того, чего желал Карл Маркс?

И, по его словам, Коллонтай ответила:

— И от того, чего хотел Маркс, и от того, о чем мечтал Ленин… Нам, тем, кто делал революцию в России, остается только одно — писать мемуары.

Возможно, Александра Михайловна всё видела и понимала, но ее это не интересовало.

Восьмого января 1933 года записала в дневнике: «У меня обедал Прютц. Приехал он не один, а с очень молоденькой женой. Приехал он неожиданно к самому обеду. Обед был тонкий и легкий: крем д'орже, рябчики, хороший французский сыр, вино «шабли-мутон». Икры не было в доме. Но обед оказался во вкусе Прютца».

Нарком Чичерин заставил партийное руководство признать, что дипломатическая работа требует соблюдения протокола и выработанных столетиями правил. Например, высокопоставленных гостей следует кормить вкусно и дорого. Как ни странно это звучит, многие приходят на прием в посольство именно за этим. Но только так складываются формальные и неформальные связи, необходимые для успешной работы дипломата.

Коллонтай, кстати, жаловалась, что на дворцовых приемах не удается поесть: только делаешь вид, что орудуешь вилкой. Возвращаясь из дворца, просила водителя остановиться у ларька, где продавали горячие сосиски с горчицей на хорошо пропеченной белой булочке…

«Если ЦКК прикажет сморкаться в кулак, — писал Чичерин генсеку, — я буду сморкаться в кулак в гостиной Штреземана (канцлер и министр иностранных дел Германии. — *Л. М.).* Я не вызову его уважения, но испорчу наше международное положение. И без сморканья в кулак я мог достаточно убедиться за все эти годы, что наша простота или бедность вызывают не «уважение», но насмешки и вредят нашей кредитоспособности, торговой и политической, ибо торгуем мы с буржуазией и кредиты получаем от буржуазии, а не от компартий…

Я счастливо приближаюсь к вытекающему из циркуляров тт. Молотова и Орджоникидзе идеалу самоизоляции, столь хорошо достигавшейся московскими послами XVII века, которые, однако, не нуждались в кредитах от греховного Запада».

В определенном смысле Александра Михайловна вернулась к стародавним временам, когда юная Шурочка Домонтович ездила на балы и ее родители принимали гостей. Нормы поведения советских дипломатов быстро менялись. Коллонтай записала в дневнике: «Умер французский посланник. Семья в горе. Нам наркоминдел разрешил в связи с этим ходить в церкви — на похороны и свадьбы». Приходилось осваивать правила протокола. Советское полпредство в Норвегии не подняло флаг в день рождения кронпринца Олафа. Не знали, что так положено. А вышел скандал, пришлось объясняться.

В гостях у Молотова

Помимо политических задач перед полпредом стояли и экономические. Получить на Западе значительные кредиты и добиться инвестиций не удалось. Германия ссудила в 1926 году 300 миллионов долларов, но продолжения не последовало. Деловой мир с опаской следил за происходящим в Советском Союзе и не желал рисковать. Деньги в страну побеждающего социализма не шли. Экспорт по-прежнему оставался единственным источником жизненно важной валюты.

В соседнюю Финляндию в марте 1926 года торгпредом назначили видного военного деятеля Валентина Андреевича Трифонова (его сын Юрий станет известным писателем). Он докладывал в Москву, что бюрократизм и некомпетентность ведут к серьезным экономическим потерям и падению доверия к СССР, что советские предприятия не заинтересованы в экспорте (см.: Вопросы истории. 2001. № 11–12).

В 1927 году Валентин Трифонов отправил наркому внешней и внутренней торговли Анастасу Ивановичу Микояну записку «К вопросу об усилении экспорта»: «Наш экспорт носит судорожный характер, мы то появляемся на рынке с тем или другим товаром, то надолго исчезаем, никак не можем научиться аккуратной работе, срываем экспорт часто из-за пустой небрежности или нежелания ввести то или другое незначительное изменение в качество или упаковку товара, требуемого заграничными рынками».

Трифонов требовал отправлять на загранработу профессионалов, а не только преданных членов партии и чекистов, считал, что торгпредам надо предоставить большую самостоятельность. Каким был ответ? 9 февраля 1928 года Трифонова отозвали из Финляндии в Москву и поручили ему заняться созданием Всесоюзной академии сельскохозяйственных

наук им. В. И. Ленина.

Двадцатого января 1931 года политбюро рассмотрело вопрос о соглашении с финнами и шведами по экспорту леса. Выступали нарком внешней торговли (единый наркомат за год до этого разделили на два) Аркадий Павлович Розенгольц, бывший член Реввоенсовета Республики и бывший начальник Главного управления воздушного флота, председатель акционерного общества «Экспортлес» Карл Христианович Данишевский, в годы Гражданской войны председатель ревтрибунала республики, и Максим Максимович Литвинов.

Аркадий Розенгольц считался умелым организатором. Подруга Коллонтай писательница Лариса Рейснер восхищалась его талантами еще в Гражданскую войну: «Розенгольц в своем вагоне сразу, чуть ли не с первого дня оброс канцелярией Реввоенсовета, обвесился картами, затрещал машинками, бог знает откуда появившимися, — словом, стал строить крепкий, геометрически правильный организационный аппарат, с его точной связью, неутомимой работоспособностью и простотой схемы».

На заседании политбюро постановили:

«а) Принять предложение наркомвнешторга о вступлении в переговоры с шведскими и финскими лесопромышленниками о соглашении по лесоэкспорту на основе предложенной НКВТ схемы.

б) Поручить т. Розенгольцу согласовать с т. Молотовым цифры компенсации за нерасширение экспорта».

Экономический кризис привел к падению цен на лес, а это был важнейший источник получения валюты. Экспорт хлеба стал невозможен в результате коллективизации и раскулачивания. Советский Союз вывозил лес низкого качества и в больших количествах, но задешево (см.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с западными соседними государствами. СПб., 2000).

А конкуренты — финны и шведы — тоже сильно зависели от этого экспорта. Для Финляндии торговля лесоматериалами составляла половину всего экспорта. Финны и шведы обвиняли Москву в демпинге. Устраивали бойкот советским товарам. Призывали не покупать русский лес, поскольку его валят заключенные, что было недалеко от истины. Раскулаченных крестьян отправили на самые тяжелые работы в лесную промышленность. Ссыльных стариков, подростков и детей использовали на лесозаготовках. Женщин — на раскорчевке земель. В составе Наркомата внутренних дел образовали Главное управление лесной промышленности, рабочую силу составляли

заключенные…

Такого рода обвинения грозили введением экономических санкций, что вовсе могло оставить страну без валюты. Поэтому решили сговориться с финскими и шведскими фирмами, закрепить за каждой страной квоты на вывоз леса.

В Москву вызывали полпредов в Финляндии Ивана Михайловича Майского и в Швеции — Александру Михайловну Коллонтай.

«На очереди актуальная задача экономико-политическая: лесное соглашение со Швецией и Финляндией, основными экспортерами леса на мировой рынок, — записала в дневнике Коллонтай. — Наши конкуренты подняли гвалт, что мы сбиваем цены».

Двадцатого февраля 1931 года политбюро опять занялось соглашением с финнами и шведами относительно экспорта лесоматериалов. Постановили:

«а) Констатировать, что постановление политбюро о соглашении с финнами и шведами по лесоэкспорту Наркомвнешторгом ни в какой степени не выполнено.

б) Поручить СНК СССР принять меры к тому, чтобы Наркомвнешторгом было выполнено постановление политбюро».

В январе 1932 года в Стокгольме шли переговоры советской, шведской и финляндской делегаций, обсуждалось соглашение об экспорте леса. Но не договорились.

Семнадцатого января Коллонтай пожаловалась в письме Зое Шадурской: «Вчера я провела день в тупой прострации. Как после похорон близкого человека. Да это и были похороны творческих рабочих сил годовой работы. Это надо переварить и пережить. Пока еще больше острота переживания, ведь сколько сил, думушек, силы желания ушло на это дело. Досадно и грустно. И всё кажется: было ли так непреложно непреодолимо? Может быть, чего-то недоделано?»

Договориться о разделе рынка никак не удавалось. Между тем добывание валюты приобрело первостепенное значение для советских ведомств. Исчезло само понятие «второстепенный экспорт» (ягоды, грибы, раки), всё стало «первостепенным». Москву интересовали только деньги. Коллонтай считала это неправильным: главное — устанавливать хорошие отношения с влиятельными лесопромышленниками Скандинавии, дружеские и деловые контакты позволят потом договориться…

Пятнадцатого ноября 1935 года в Копенгагене все-таки заключили соглашение о регулировании вывоза леса на иностранные рынки и согласовании цен. Подписали его восемь стран: СССР, Швеция, Финляндия, Польша, Румыния, Югославия,

Чехословакия и Австрия. Это результат работы Коллонтай и торгового представителя в Швеции Давида Владимировича Канделаки. Он приехал в Стокгольм вслед за Александрой Михайловной и произвел на нее благоприятное впечатление: «Культурный, приятная внешность, приятные манеры, умный».

Экономические отношения с Швецией развивались очень интенсивно. В 1931 году товарооборот увеличился на 38 процентов по сравнению с предыдущим годом. Из Швеции импортировали машины и прокат черных металлов. Поставляли шведам сельскохозяйственную продукцию, нефть и нефтепродукты. Швеция — страна без энергоресурсов.

Каждый приезд в Москву Коллонтай использовала для встреч не только с подругами, но и с высшими чиновниками. Ей хотелось возобновить знакомство с Молотовым. В конце 1930 года Вячеслав Михайлович возглавил правительство вместо Рыкова. Теперь Молотов считался вторым после Сталина человеком в стране.

«К Молотову Коллонтай не испытывала особых симпатий, — писал один из ее стокгольмских сотрудников. — При этом она считала, что сыграла важную роль в его жизни, познакомив с будущей женой Полиной Семеновной Жемчужиной».

— Полина работала у меня, — вспоминала Коллонтай, — а Молотов, когда стал секретарем ЦК, нас курировал. Он заходил. Хотя вообще-то, если нужно было решить срочный вопрос, я обращалась к Сталину. С Молотовым не договоришься…

Двадцать пятого февраля 1934 года Александра Михайловна записала в дневнике: «Интересно мне было побывать у Молотовых в Кремле. Жемчужина же «моя ученица» по женотделу. И познакомились они с Молотовым на заседаниях в женотделе, куда от оргбюро ЦК приходил Вячеслав Михайлович.

Квартира мне понравилась, совсем модерн, мало вещей, немножко сухо, не индивидуально, но в общем — здоровый стиль рационализма, гигиенично и удобно для уборки. Обед, по-моему, слишком обильный, нездорово столько мяса и супов…»

Полина Семеновна Жемчужина (Карповская) была на семь лет моложе Молотова. Она родилась в Екатеринославе и с четырнадцати лет трудилась набивщицей на папиросной фабрике. В мае 1917 года заболела туберкулезом. Не могла работать, лечилась и жила у сестры.

После революции Жемчужина вступила в Красную армию. В 1918 году ее приняли в партию, в 1919 году назначили инструктором ЦК компартии Украины по работе среди женщин. В 1921 году она вслед за Вячеславом Михайловичем перебралась в Москву и стала инструктором Рогожско-Симоновского райкома

партии. В том же году они с Молотовым поженились. Через год после свадьбы, в 1922 году Молотов направил молодую жену лечиться в Чехословакию, потом сам ее навестил. Высокопоставленные большевики быстро осваивали все преимущества власти.

Вячеслав Михайлович всю жизнь преданно любил Полину Семеновну. Она была столь же пламенной коммунисткой, как и Молотов, а Сталина, пожалуй, любила даже больше, чем мужа.

После свадьбы Полина Жемчужина пошла учиться. В 1925 году она окончила в Москве рабочий факультет им. М. Н. Покровского, в 1927 году — курсы марксизма при Коммунистической академии. Летом 1927 года Жемчужина стала секретарем партийной ячейки на парфюмерной фабрике «Новая заря». Год проработала инструктором Замоскворецкого райкома. В сентябре 1930 года ее назначили директором «Новой зари».

В те годы Сталины и Молотовы дружили семьями. Судя по воспоминаниям Микояна, в начале 1930-х годов Сталин очень прислушивался к мнению Полины Семеновны. Она внушала вождю, что необходимо развивать парфюмерию, потому что женщинам нужно не только мыло, но и духи, и косметика. Жемчужина сначала возглавила трест мыловаренно-парфюмерной промышленности, а летом 1936 года — Главное управление мыловаренной и парфюмерно-косметической промышленности Наркомата пищевой промышленности. Через год она стала заместителем наркома.

Трехэтажный дом в Кремле, в котором находилась квартира Молотова и где обедала Коллонтай, больше не существует. На этом месте построили Дворец съездов. А раньше это была Коммунистическая улица, там находились гаражи, медпункт, прачечная, парикмахерская и другие службы, обеспечивавшие быт членов высшего партийного руководства. У входа в жилой дом и на каждом этаже дежурили охранники. Мебель в кремлевских квартирах была государственная с жестяными номерками. И вообще сохранялось ощущение казенности и скуки. Центрального отопления не было. В комнатах стояли печи, которые каждое утро прислуга топила дровами.

В дневнике Коллонтай не отмечено, пришла ли она к Молотовым с подарками. Другие полпреды не забывали этого делать. Федор Раскольников вспоминал, как в 1931 году привез Молотовым подарки от их старинного приятеля Александра Яковлевича Аросева, полпреда в Чехословакии.

Раскольников созвонился с Вячеславом Михайловичем и нагруженный картонками и свертками поехал в Кремль. Машина затормозила у въезда в арку Боровицких ворот. Офицеры охраны

проверили документы и доложили дежурному. У жен и детей членов политбюро были специальные пропуска, выданные комендантом Кремля.

— Аросев разложился, стал обывателем, — с напускным осуждением сказал Молотов, но заграничные подарки охотно принял.

Аросев прислал ткань на костюм для Вячеслава Михайловича, зеленое спортивное пальто для его жены Полины Семеновны и детские вещи для дочери Светланы. С восхищением разглядывая вязаный детский костюмчик, Полина Семеновна воскликнула:

— Когда у нас будут такие вещи?!

— Ты что же, против советской власти? — шутливо перебил ее Молотов.

Коллонтай старалась наладить отношения и с Анастасом Ивановичем Микояном. Он был влиятельным человеком и считался близким к Сталину. Приехав летом 1932 года в Москву, она пожелала повидаться с народным комиссаром снабжения в неофициальной обстановке.

Записала в дневнике: «Жаркий июльский вечер. Микоян звонил, что заедет вечерком. Накрыли стол на террасе, выходящей в сад. Холодный цыпленок, блюдо со свежими травами — укропом и петрушкой, огурцы, сыр, земляника и «напареули» во льду…

Микоян приехал во втором часу. В военном — сбросил шинель и портфель на кресло. Стройный, красивый, динамичный. Микоян — одна из тех молодых сил, которые несут с собою всё очарование молодой честности и энтузиазма… Неурожай на Украине его меньше заботит, чем недостача сырья и материалов, чтобы осуществить гигантские планы индустриализации…»

В три часа ночи Анастас Иванович заторопился:

— У меня еще небольшое совещание.

Коллонтай поразилась:

— Так поздно? Когда же вы отдыхаете?

— Отдохнем, когда построим социализм…

Характерная деталь. На Украине и в других районах страны — страшный голод. Но советских руководителей это мало интересует. Анастас Иванович Микоян был незаурядным политиком, и я глубоко уважаю многих представителей микояновского семейства — особенно его сына Степана Анастасовича, летчика-испытателя, Героя Советского Союза. Но цинизм и умение абстрагироваться от страданий людей были необходимым условием успешной карьеры в сталинские времена.

На пленуме ЦК Николай Бухарин с возмущением произнес:

— Когда я товарища Микояна спрашивал относительно

положения дел с продовольствием в Москве, он объяснял, что это «ничего», что это происходит от того, что слишком много народ кушает… Полное право гражданства в партии получила теперь пресловутая «теория» о том, что чем дальше к социализму, тем больше должно быть обострение классовой борьбы и тем больше на нас должно наваливаться трудностей и противоречий… При этой странной теории выходит, что чем дальше мы идем в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костьми…

Федор Яковлевич Угаров, председатель Ленинградского областного совета профсоюзов, говорил на пленуме:

— Вы знаете, что положение трудное. Вы все знаете, что зарплата у нас в реальном исчислении падает. В Ленинграде мы часто сталкиваемся с этими настроениями, ибо положение Ленинградской области чрезвычайно тяжелое — есть голодные смерти.

Анастас Микоян с привычным равнодушием откликнулся:

— Смерти вообще есть…

В Норвегии Коллонтай вспоминала ночной разговор с ним: «Микоян развивал мне план обращения всего нашего крестьянского хозяйства в коллективное. Он говорил с пламенным, юношеским увлечением. Сейчас это уже факт».

О Сталине в дневнике Коллонтай отзывается только восторженно. Приезжая в Москву, всякий раз старалась попасть к нему на прием. Понимала, что расположение хозяина — единственная гарантия безопасности.

Вождь принял ее 16 января 1931 года в четыре часа дня. Она была первой в тот день посетительницей и провела у Сталина целый час.

Полпреда пригласили на заседание политбюро, где решались главные вопросы внутренней и внешней политики страны:

«На политбюро председательствовал Сталин и всех поставил на свое место. Заседало политбюро в круглом зале Кремля, где пережито столько волнений и принято столько исторических решений на наших партийных съездах. Но зал перестроен, перекрашен, и я его не сразу узнала.

В перерыве все члены политбюро прошли в одну из соседних комнат, где был накрыт холодный завтрак. Сталин шел один впереди, остальные немного поодаль за ним. За столом справа от Иосифа Виссарионовича сидел Молотов, слева — Ворошилов. Пили только нарзан и боржоми. Вина не было. Ели спешно, вполголоса перекидывались короткими вопросами и ответами.

Иосифу Виссарионовичу подали холодную курицу и сыр. Он первый встал, поевши на скорую руку, и снова прошел в круглый зал…»

Хорошее отношение к Коллонтай отмечали все чиновники. Когда летом 1932 года Коллонтай вновь оказалась в Москве, Сталин отбыл на Кавказ. Ее принял — в сталинском кабинете — Лазарь Каганович. Он был необычайно любезен, обещал решить все ее проблемы. Распорядился выделить ей машину с шофером из совнаркомовского гаража:

— Вас надо поставить в хорошие условия работы.

Двадцать восьмого июля 1933 года записала в дневнике:

«Не стало смелого борца за права женщин, умной, милой Клары Цеткин. Она жила последнее время в Архангельском, сильно болела… Катафалк в Доме Союзов, почетный караул… Я отошла вглубь Колонного зала, где стояли Сталин и Ворошилов.

— Смерть — это удел каждого, — сказал Иосиф Виссарионович. — Но старушка за свой век много сделала. И Цеткин мы хороним со всеми почестями…»

Сталин в принципе не возражал, когда полпреды обращались к нему напрямую. Это позволяло ему получать дополнительную информацию, в том числе о взаимоотношениях внутри наркомата, хотя никакой самодеятельности дипломатам генеральный секретарь не позволял. Главным в сталинской дипломатии было сознательное самоограничение: каждый должен заниматься тем, что ему поручено, точно и буквально исполнять указания руководства.

Следующая встреча Коллонтай с вождем состоялась 26 февраля 1934 года. В кабинете Сталина находились члены политбюро Молотов, Каганович, Куйбышев, Ворошилов, Орджоникидзе, нарком иностранных дел Литвинов, его заместитель Григорий Яковлевич Сокольников и нарком внешней торговли Розенгольц. Коллонтай пробыла в кабинете вождя 50 минут. Вышла вместе с Розенгольцем. Остальные остались.

Четвертого июля ей удалось еще раз побывать у Сталина. Она сама попросилась на прием.

«Позвонила по ночному телефону. Попала на «хозяина».

— Кто говорит?

— Это я, Коллонтай. Я в отпуске в Москве, очень хочу вас повидать, Иосиф Виссарионович…»

Записала в дневнике впечатления от встречи: «Иду по длинным коридорам, отремонтированные, в коврах, чистота пароходная.

Сталин не у своего письменного стола, а у большого стола, где заседало политбюро. Тужурка цвета хаки. Лицо свежее, чем в

прошлом году, в богатых волосах проседь ровная цвета стали, точно голова инеем покрыта.

— Как нашли Москву?

Улыбается кончиками губ, когда отмечаю достижения.

— Нет, Москва еще никуда не годится. Что это за город! Кривые улицы, тесно. Надо еще много ломать, очищать и строить. Но мы из Москвы сделаем мировой центр во всех смыслах…

Сталин спрашивает, а сам думает, взвешивает. Сталин слушает. Глаза упорно опущены. Он редко глядит на собеседника. Ленин любил пронизывать собеседника взглядом, любил читать его мысли по глазам. Сталин не глядит, а слушает. Берет от собеседника то, что ему надо, мысль работает в нем, независимо от внешних впечатлений».

Вдвоем они побыли недолго. К Сталину пришел новый секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов («благообразный, мягкие движения», отметила Коллонтай). Сталин пребывал в хорошем настроении:

— Скажи свое мнение. Я как «правый уклонист» говорю Коллонтай: пусть сюда едет сын шведского короля, он хочет побывать на наших археологических раскопках. Ты как «левый уклонист» что скажешь?

— Пусть едет, — сказал Жданов.

Он остался, а Александра Михайловна через 15 минут вышла. Но и короткий разговор с вождем — свидетельство высокого положения — придавал аппаратного веса и уверенности в разговорах с чиновниками любого ранга. Один сталинский помощник посоветовал человеку, назначенному на высокий пост:

— Почаще ходи к Сталину, тебя все бояться будут и слова поперек не скажут.

Двадцатого июля Коллонтай записала в дневнике: «Я всё еще мыслями в Москве. Парад на Красной площади в честь челюскинцев… Сталин поднялся первый по ступеням мавзолея. Поднялся и подошел один к балюстраде, оперся на нее и застыл, оглядывая площадь, давая площади увидеть его целиком. И одного. Это длилось секунды. Но это было величаво и картинно. И в этом жесте был молчаливый призыв к овации любимому вождю».

Двадцать второго июля — столичные наблюдения: «Москва еще далеко не «социалистическая столица мира». В ней притаилось слишком много отрицательных бытовых черт. В ней мне не хватает материальных благ, отсюда — чувства зависти, недовольства, доносов, подхалимства…»

Чичерин ушел

Нарком иностранных дел Чичерин стал часто болеть. Лечиться ездил за границу. В ноябре 1926 года он уехал из России и вернулся только в конце июня 1927 года. Его заменял Максим Максимович Литвинов. Чичерин приступил к работе, но чувствовал себя по-прежнему очень плохо, да и дурные отношения с Литвиновым отравляли ему жизнь. Георгий Васильевич заговорил о том, что его надо либо освободить от наркомата, либо вновь отправить лечиться. 11 августа 1928 года политбюро постановило предоставить Чичерину трехмесячный отпуск для лечения за границей и запретило — по просьбе врачей — заниматься делами во время лечения.

Но когда стало ясно, что вылечить наркома невозможно, отношение к нему в Москве переменилось. Он перестал быть нужным, и стало жалко тратить на него деньги. Кроме того, в политбюро возникла другая нехорошая мысль: а ну как при его нынешних настроениях Чичерин захочет остаться за границей? И так уже много невозвращенцев…

Во время встречи с вождем Коллонтай заговорила о Чичерине:

— Верно ли, что он безнадежно болен и лечится в Германии, но нуждается в средствах? Это же для престижа Союза нехорошо.

Сталин ответил сухо, чуть раздраженно:

— Всё это сплетни. Ни в чем он не нуждается. Не столько лечится, сколько по концертам таскается, и пить стал. Вот это для нашего престижа не годится. А средствами мы его не ущемляем. Но пора ему назад на родину. Не время сейчас просиживать на заграничных курортах, дома обставим его, как следует, полечим, где и как надо. Пускай отдохнет. Литвинов и один справится…

Сталин распорядился аккуратно вернуть Чичерина на родину. Молотов обещал Георгию Васильевичу: «Мы обеспечим вам лечение, отдых и удобства не хуже, а лучше, чем вы имеете за границей». В январе 1930 года Георгий Васильевич вернулся в Москву, но к работе, разумеется, не приступал. 21 июля ЦИК официально освободил его от обязанностей наркома. Он превратился в персонального пенсионера союзного значения.

Новым наркомом стал Максим Максимович Литвинов. Собрав иностранных корреспондентов, он объяснил, что внешняя политика останется прежней.

В 1932 году Коллонтай случайно встретила Чичерина. Сказала, что хотела бы его навестить, но позвонить не решалась.

— Я вам расскажу один анекдот, тогда поймете, что никого не принимаю, — ответил бывший нарком. — Один английский сановник вышел в отставку и, хотя остался жить в Лондоне, в свой замок не поехал, как принято. Никого не принимал и ни к

кому в гости не ездил. Король решил всё же навестить своего старого слугу и друга. Королю отказать нельзя. Сановник принял короля, беседовал оживленно, ни на что не жаловался. А как только король уехал, сановник тут же умер от разрыва сердца. Вот и я боюсь, как бы со мной того же не случилось. Пока жив, мне этого довольно.

«С тем распрощались, — записала в дневнике Коллонтай. — Мне рассказали, что Чичерин живет очень уединенно, нигде не бывает, никого к себе не пускает. Навещает его лишь его бывший секретарь. Чичерину предлагали переехать в дом правительства.

— Ни за что! Мне придется со всеми на лестницах встречаться, разговаривать. Не хочу!

У Чичерина диабет. Лечился в Германии и хотел там и доживать свой век на курорте. Но партия вызвала его в Москву и предложила устроиться, как ему самому приятнее. Он занял маленькую квартиру в частном доме в Спасском переулке, но отказался кого-либо видеть. Работать он не может по болезни, но много читает и играет на рояле.

Я написала ему теплое письмо после встречи на лестнице, и он тотчас же ответил мне длинным письмом на неожиданную тему: критику некоторых наших новых беллетристов… Имя его останется в истории — своеобразной, оригинальной личности, высокообразованного человека с тонким умом и гибкостью дипломата, с чудачествами оригинала, но и с беспредельной преданностью идее коммунизма… Писал он часто, но к себе не звал».

Когда-то нарком Чичерин дал генеральному секретарю очень дельный совет: «Как хорошо было бы, если бы вы, Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу с переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность. Возмутительнейшая ерунда «Правды» предстала бы перед вами в своей наготе…»

Георгий Васильевич был человеком в каком-то смысле не от мира сего, поэтому писал вождю, искренне думая, что сумеет ему что-то объяснить и исправить дело. Сталин к совету не прислушался, так и не побывал за границей. Если не считать коротких поездок в занятый советскими войсками Тегеран в 1943-м и в поверженный Берлин в 1945-м. Стремительно меняющегося мира вождь не видел, не знал и не понимал. Опирался на донесения разведчиков, послов и собственные представления, всё более далекие от жизни.

В конце 1930 года, когда Чичерин уже стал пенсионером, Сталин написал Молотову, кто представляет военную угрозу для Советской России: «Поляки наверняка создают (если уже не

создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР… Как только обеспечат блок, — начнут воевать (повод найдут)…»

Сейчас такая оценка международного положения кажется смешной — настолько она далека от реальности. Но ведь политика огромной страны строилась в соответствии с мнением главы государства.

Сменивший Чичерина менее эмоциональный Литвинов лучше приспособился к новой жизни. Он прекрасно сознавал, что можно и чего делать нельзя. Но при этом умел быть принципиальным, отстаивал свою точку зрения и говорил правду в глаза. Эти редкие качества предопределили и его взлет, и его падение.

Максим Максимович, став наркомом, продолжал курировать 3-й отдел — близкие ему англо-саксонские и романские страны. 2-м западным отделом — Центральная Европа и Скандинавия — руководил его первый заместитель Николай Николаевич Крестинский, хорошо известный Коллонтай по совместной работе в партийном аппарате. Бывший секретарь ЦК был отстранен от партийных дел из-за близости к Троцкому.

Крестинский оставался доступен и прост. А вот нарком был подчеркнуто сух и резок, возможно, подражал стилю Сталина. Но с Литвиновым можно было спорить. Дискуссии в Наркоминделе прекратились только с приходом Молотова.

Коллонтай записала в дневнике: «Буду прислушиваться к Литвинову. Он не дает указаний словами, но надо улавливать его настроение. У него чуткое ухо и зоркий ум в политике… Трения, существовавшие между Максимом Максимовичем и Георгием Васильевичем, закончились всё же, что и ясно было, победой более точной и ясной линии внешней политики СССР, то есть Литвинова. Чичерин был полезен нам в первые годы советской власти, когда словами в дипломатических нотах полезно было не всё договаривать. Теперь мы вступили в период, когда мощь Союза и наше окрепшее положение требуют ясности нашей линии, и нечего бояться выявления водораздела между дружественными и враждебными к нам странами…»

Приехав в Москву, Коллонтай была приглашена на дачу Литвинова, которую он получил в подарок от правительства за умело проведенные переговоры об установлении дипломатических отношений с США. К наркому приехал и будущий министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден. Ему понравилось, что к столу было подано свежее сливочное масло с красноречивой надписью по-английски — *Peace is indivisible* (мир неделим — эти слова Литвинов часто повторял).

Максим Литвинов был реалистом, вполне приземленным человеком. Старался делать всё, что мог. Но обстоятельства были сильнее. Его попытки объединить европейские страны против гитлеровской Германии оказались бесплодными, потому что европейцы не доверяли Сталину так же, как и Гитлеру. Процессы в Москве, сообщения о массовых репрессиях, коллективизация и голод привели к тому, что Сталину и вообще Советской России окончательно перестали верить. Хуже того, западные политики не видели большой разницы между двумя диктаторами — Гитлером и Сталиным, искренне надеялись, что они подерутся между собой.

Столкнуть своих противников лбами надеялись и в Москве. В марте 1935 года, беседуя со своими подчиненными — работниками аппарата президиума ВЦИКа, Михаил Иванович Калинин, формально занимавший пост президента страны, откровенно говорил:

— Мы не против империалистической войны, если бы она могла ограничиться, например, только войной между Японией и Америкой или между Англией и Францией.

Творческое «я» заперто на ключ

Временное правительство Александра Федоровича Керенского 18 октября 1917 года поместило запас золота (в слитках) в «Стокгольме Эншильда-банк» — в обеспечение полученных от Швеции кредитов.

Коллонтай хорошо знала хозяина банка Маркуса Валленберга, главу знаменитой династии шведских финансистов и одного из самых богатых людей страны. Коллонтай долгое время вела с Валленбергами переговоры о возвращении денег — пока не договорилась! Золото вернулось в Советскую Россию — за вычетом задолженности перед шведским правительством.

Двадцать девятого января 1933 года она писала Шадурской из Стокгольма: «Стояние, почти ежедневное, за чаями, сидение утомительное за обедами и после обедов — переполняют чашу, и нет ни сил, ни времени даже на письмо к самым близким, дорогим. Я застегнулась до горла в рабочий мундир и не позволяю себе ощущать и чувствовать. Идет еще к тому процесс приспособления к Мещерякову. Как будто — налаживается… Одним словом, с утра и до постели ночью я — на посту советским часовым. А на посту надо быть на высоте…»

Третьего марта 1933 года сообщила Шадурской: «Когда-то, лет двадцать тому назад, в молодые годы, было время на всё, на

всё хватало: и на чтение книг, и на «переживания», и на переписку с друзьями. А сейчас радуешься, если хватает на необходимое, текущее, на провертку заданий и на мысли на ходу… Я живу, замкнувшись в себе. Сурово и деловито. Ни одна пуговка не смеет быть расстегнутой. Когда мои нервы не выдерживают, пью бром…»

Через год, 16 марта 1934 года, Александра Коллонтай подписала с министром иностранных дел Швеции Рикардом Сандлером соглашение о предоставлении Советскому Союзу долгосрочного займа в 100 миллионов крон для закупки промышленных и сельскохозяйственных шведских товаров. Ради этого Коллонтай ездила в Москву. Вопрос обсуждался на политбюро, были возражения. Но Сталин вновь ее поддержал:

— Примем.

Вокруг соглашения продолжалась острая борьба. Коллонтай сильно переживала («жуткие дни»), но отчаянно сражалась. В Москве опасались, что риксдаг отклонит соглашение. Не хотели унижения. Решили не ждать голосования. ЦИК демонстративно отказался ратифицировать соглашение, объяснив невыгодностью его условия для Советского Союза. Шведы сожалели, что упустили такой контракт, сообщала Коллонтай Литвинову.

Но Щепкиной-Куперник она пожаловалась 10 мая 1934 года: «Это были трагические дни. Так надо было. Но это всё равно, что собственной рукой взорвать тщательно и любовно выстроенный мост. Да, это было трагично. И эти дни вписаны черными буквами в летопись моей жизни. Но я сейчас уже взяла себя в руки. Учла, что так было нужно. Переступила через боль и огорчение своего «я» и иду дальше…»

Коллонтай становилось скучно в тихой и стабильной Скандинавии. Хотелось поработать в более важной с точки зрения мировой политики стране.

Писала из Стокгольма: «Наша хорошая дружба с Канделаки дает много приятных минут (есть и «уколы», вероятно, объективно неизбежные), а у меня на душе тоска. Всё не по мне. И главное, мне неинтересно. Будто мое творческое «я» заперто на ключ. Именно творческое «я»… Я мечтаю о тихой комнате, с окнами в лес, над фиордом. Бумага, чернила и мои недоделанные, зовущие рукописи… А в мире — огромные события: Испания. И многое другое. Может быть, это тоска от того, что в мире снова назревает нечто большое, неизбывное? Что копятся события?»

В августе 1934 года Коллонтай попросилась в Испанию, где от престола отрекся король Альфонс XIII, создалась республика и коммунисты успешно боролись за власть. После установления

дипломатических отношений с Испанией полпредом в Мадрид отправили Анатолия Васильевича Луначарского, бывшего наркома просвещения. Он до места назначения не доехал — скончался. Должность оставалась вакантной. Но Коллонтай не перевели в Мадрид.

Литвинов прислал письмо:

«Дорогая Александра Михайловна.

Согласно своего обещания, я поставил в надлежащем месте вопрос о назначении Вас в Испанию, но неожиданно я натолкнулся там на сопротивление. Единственным мотивом было выставлено указание на большое значение для нас Швеции по сравнению с Испанией… Ничего больше предпринять в этом деле не могу…»

Коллонтай записала в дневнике: «Значит, не вышло с Испанией. Обидно! Стиснула зубы и живу дальше».

Нарком иностранных дел не мог самостоятельно назначить полпреда.

Еще 12 июня 1923 года оргбюро ЦК приняло постановление «О назначениях». Установили порядок учета, назначения и смещения руководящих работников решением секретариата ЦК — по согласованию с ОГПУ. Так создавалась номенклатура должностей, назначение на которые определялось решением высших партийных органов. Полпреды входили в номенклатуру политбюро. Иначе говоря, последнее слово оставалось за руководителями страны.

В конце 1934 года Сталин внезапно отозвал торгового представителя в Швеции Давида Канделаки (за год до этого вождь спрашивал Коллонтай: толковый у вас торгпред?). Просочились слухи, что торгпреда ждет новое почетное назначение, и советская колония в Стокгольме провожала его с особой теплотой.

Когда-то Канделаки состоял в партии эсеров. После Гражданской войны присоединился к партии большевиков. Он руководил органами просвещения Грузии, пока его не командировали в Стокгольм. Коллонтай его высоко ценила: «Работа по закреплению наших торговых взаимоотношений ширится. И в этом Давид Владимирович великолепен». Его жена — Евгения Александровна Канделаки-Бубнова — работала врачом.

Канделаки действительно ждала важная миссия.

Сталин пренебрежительно относился к моральным соображениям в политике, и его раздражали подчиненные, прибегающие к такого рода аргументам.

Нарком иностранных дел Литвинов летом 1935 года выразил

сомнения: стоит ли поставлять хлеб и другие продукты фашистской Италии, напавшей на Абиссинию (ныне Эфиопия)? Агрессию Муссолини в Африке поддержала только нацистская Германия.

Второго сентября отдыхавший на юге Сталин в телеграмме Молотову и Кагановичу отверг соображения своих дипломатов: «Я думаю, что сомнения Наркоминдела проистекают из непонимания международной обстановки… Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две антанты: антанта Италии и Франции, с одной стороны, и антанта Англии и Германии, с другой. Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем выгодно продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе не выгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой».

Сталин, конечно, сильно промахнулся, распределяя европейские государства по лагерям. Фашистская Италия и нацистская Германия были на одной стороне, демократические Англия и Франция — на другой. Но надежда, что европейцы станут воевать между собой, его не покидала.

В сентябре 1935 года на партийном съезде в Нюрнберге министр народного просвещения и пропаганды Германии Йозеф Геббельс произнес антисоветскую речь. Советский полпред предложил заявить протест нацистскому правительству. Литвинов, находившийся в тот момент в Женеве, на заседании Лиги Наций, одобрил текст ноты. Но из Сочи, где отдыхал Сталин, пришла шифротелеграмма: не реагировать. Коллонтай, которая тоже была в Женеве, отметила растерянность наркома и других советских дипломатов — они не понимали, почему Советский Союз должен молчать.

Сталин искал исполнителей, не склонных обсуждать приказы. Он вспомнил Давида Владимировича Канделаки, которого знал с дореволюционных времен, и в конце этого же, 1935 года, отправил его в Берлин торговым представителем. Сталин вновь не был согласен с наркомом Литвиновым, который 3 декабря докладывал вождю: «Я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области…»

В Германии уже без малого два года у власти находились нацисты. Миссия Канделаки состояла в том, чтобы начать

сближение с нацистским режимом, предложив Адольфу Гитлеру широкие торгово-экономические отношения (см. журнал «Отечественная история», № 1 за 2005 год). Дело в Европе шло к вооруженному конфликту. Германия казалась вождю предпочтительным партнером.

Еще в мае 1934 года Михаил Иванович Калинин принял в Кремле группу военных разведчиков (см. журнал «Исторический архив», № 6 за 2008 год), говорил им:

— Вот Гитлер действительно крупнейший агитатор. Если бы Гитлер был коммунистом, это был бы мировой агитатор. Язык у него очень простой. Все говорят, что он неумный человек. Не могу я с этим согласиться… У Гитлера тяжелое положение, но он очень умно защищает свое дело. Например, в своей речи он пустил такую громкую фразу: «Всем женщинам дадим мужей». Это, видимо, ораторский подход — посмешить людей, пошаржировать массу. Затем, замечательна его речь после вступления в должность канцлера… Германское правительство через год-два будет слабо, оно держится на прямом терроре, это же чувствуется. Террор всё-таки ограниченное время может действовать…

Перед отъездом нового торгпреда в Германию его дважды принимал вождь. Кстати говоря, это вообще подтверждение особой важности миссии Канделаки — за два года Сталин принимал его 18 раз. Такого внимания другие дипломаты не удостаивались.

Давид Канделаки докладывал в Москву, что нацистский министр экономики и президент имперского банка Яльмар Шахт — «один из самых горячих сторонников развития нормальных отношений и больших экономических дел с Советским Союзом». По словам Канделаки, Шахт сказал:

— Да! Если бы состоялась встреча Сталина с Гитлером, многое могло бы измениться.

Сталин прочитал доклад Канделаки и написал: «Интересно».

Некоторые надежды возникли и в связи с назначением второго человека в рейхе Германа Геринга уполномоченным по четырехлетнему плану развития экономики. 13 мая 1936 года Геринг принял Канделаки и сказал ему, что «все его старания направлены на то, чтобы вновь прийти к более тесным контактам с Россией и в политической сфере, и он видел бы путь, ведущий к этому, прежде всего в углублении и расширении двухсторонних торговых отношений».

Но, похоже, это была личная инициатива Германа Геринга, желавшего отличиться на новом поприще. Министр экономики Шахт не выразил ни малейшего желания заключать новые контракты. Объяснил торгпреду Канделаки, что прогресс в

торгово-экономической сфере невозможен без улучшения политических отношений.

В Москве сочли это приглашением к переговорам и тут же составили «Проект устного ответа Канделаки» министру Шахту: «Советское правительство не только никогда не уклонялось от политических переговоров с германским правительством, но в свое время даже делало ему определенные политические предложения… Советское правительство не отказывается и от прямых переговоров через официальных дипломатических представителей; оно согласно также считать конфиденциальным и не предавать огласке как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом».

Сталинский расчет оказался неверным. Шахт о послании из Москвы информировал министра иностранных дел Константина фон Нейрата. Тот ответил министру экономики: «Вчера во время личного доклада фюреру я говорил ему о ваших беседах с Канделаки и особенно о заявлении, сделанном Вам от имени Сталина и Молотова… Я согласен с фюрером, что в настоящее время переговоры с русскими не приведут ни к какому результату…»

Яльмар Шахт на встрече с советским торгпредом 29 января 1937 года не захотел обсуждать предложение Канделаки, ответив, что он внешней политикой не занимается. А на следующий день Адольф Гитлер заявил в рейхстаге:

— Я не хотел бы оставлять никакого сомнения в том, что мы усматриваем в большевизме невыносимую для всего мира опасность. Мы избегаем любых тесных отношений с носителями этих ядовитых бацилл. Любые новые немецкие договорные связи с нынешней большевистской Россией были бы для нас совершенно бесполезными.

За публичным выступлением фюрера последовал и официальный ответ Берлина. 16 марта 1937 года Канделаки пригласили в министерство экономики. Он услышал разочаровывающий ответ: «Немецкая сторона не видит в настоящее время различия между советским правительством и Коминтерном. Вследствие этого немецкая сторона не считает целесообразным продолжить переговоры, ибо не видит для них базы».

Канделаки отозвали в Москву, назначили — с повышением — заместителем наркома внешней торговли. А в 1938-м расстреляли…

Видя, как идет в гору Канделаки (и не предполагая, что его ждет), Александра Михайловна предприняла новую попытку

сменить Стокгольм на более важную столицу. Написала Сталину в 1935 году: «Я очень пожалела, что в Бельгию, видимо, назначается т. Рубинин. Мне представляется, что мои старые связи в Бельгии с Вандервельде, де Брукером, Деманом и пр. могли бы быть нам полезны во многих отношениях. Бельгию я хорошо знаю по эмиграции. В Скандинавии же я исчерпала за пять лет всю свою энергию. Есть момент, когда перестаешь двигать вперед работу. В Бельгии я помогла бы завоевывать «симпатии к Союзу».

Но ответ был прежним: оставайтесь на своем месте.

Ситуация в Европе менялась к худшему. Фюрер и канцлер Германии Адольф Гитлер ввел всеобщую воинскую повинность, вермахт и военная промышленность росли как на дрожжах. 7 марта 1936 года немецкие войска вошли в Рейнскую зону, которую Версальский мирный договор объявил демилитаризованной. И никто не остановил Гитлера!

Через три недели, 29 марта 1936 года, состоялись выборы в рейхстаг. Они походили на советские. В каждом округе выставлялся только один кандидат — от нацистской партии. Одновременно проходил референдум, ответить предстояло на один вопрос: поддерживаете ли вы политику фюрера? Гитлер получил почти 99 процентов голосов. Министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс пометил в дневнике: «Историческая победа. Фюрер объединил народ. Даже в самых смелых мечтаниях мы не могли этого представить. Фюрер завоевал мандат против всего окружающего мира».

Москву интересовало, найдет ли Германия союзников в Европе и не объединятся ли они все против Советского Союза.

В те годы в руководстве страны не хватало хорошо информированных аналитиков, способных верно оценить расстановку сил и выработать правильную внешнеполитическую линию. Во враги зачисляли вовсе не тех, кто представлял реальную опасность для страны. Что касается Скандинавии, то непредвзято мыслящему человеку было очевидно, что при всех колебаниях политиков в Финляндии, Швеции и Норвегии опасаться этих стран не стоит. И не надо демонстрировать враждебность к ним, отталкивать.

Но разведка бдительно сигнализировала начальству об опасных замыслах скандинавов. Часто информация не имела никакого отношения к реальности. Одни агенты советской разведки были людьми левых убеждений, антифашистами, которые считали Советский Союз союзником в борьбе с Гитлером. Другие агенты просили за информацию деньги. Работа аккордная — чем больше принесешь, тем больше получишь. И получалось,

что за дезинформацию платили больше.

Еще одна проблема состояла в том, что полученную информацию в Москве не могли правильно осмыслить. Сталин не доверял аналитическим способностям своих чекистов, предпочитал выводы делать сам и требовал, чтобы ему клали на стол подлинники агентурных сообщений.

В августе 1936 года полпред Коллонтай отправила заместителю наркома Крестинскому обширное послание, начинавшееся словами «Дорогой и глубокоуважаемый Николай Николаевич»: «Я еще раз проверила Ваше задание относительно слухов в польской печати о будто бы состоявшемся военном соглашении между северными странами — скандинавами и Финляндией. По проверке подтверждается, что такая акция не имела места. Сообщение это надо отнести за счет всё того же источника — Германии, весьма заинтересованной в том, чтобы создавать впечатление, будто ей удалось уже вовлечь в свою орбиту не только Финляндию, но и скандинавские страны».

Коллонтай пыталась ответить на важнейшие вопросы: «Можно ли при современных политических настроениях, господствующих в Швеции и двух других скандинавских странах, считать эти страны уже окончательно вовлеченными в германскую ориентацию? И какова будет позиция Швеции, если Финляндия оказалась бы активно вовлеченной в войну? Пожертвует ли Швеция выгодами своей «формальной нейтральности» для защиты интересов «свободной» Финляндии?..

Я считаю, что будет ошибкой, если мы будем исходить из предпосылки, что Швеция уже находится в группе прогерманских стран, и этим ставить Швецию под одну скобку с Финляндией или Венгрией. Внешнеполитическая ориентация Швеции далеко еще не определилась, в ней идет глубокий процесс борьбы политических сил… В Швеции существуют веские политические силы и социально-хозяйственные интересы, оказывающие весьма заметное сопротивление германизации Швеции. Широкая шведская общественность, несмотря на всю огромную политическую работу, какую проделывает здесь Германия, продолжает оставаться антигерманской…

Промышленный и банковский мир не только теснейшим образом связан с английскими финансами и дорожит английским рынком, но немцы раздражают деловые финансовые сферы Швеции своим добросовестным отношением к германской задолженности. При расчетах по клирингу шведы снова оказываются одураченными немцами… Германия покупает в Швеции сырье, т. е. в огромном количестве руду и продукты сельского хозяйства…

Конечно, в Швеции очень силен еще традиционный страх перед «восточным соседом», этот страх можно легко использовать в антисоветском наплавлении, и я нисколько не считаю, что предубежденность против Союза в Швеции изжита…»

Александра Михайловна предлагала проявить активность, привлекая влиятельных шведов на свою сторону: «Почему нам не попытаться «поухаживать» за шведским комсоставом, как это делают немцы и англичане? Пригласить в Союз отборную публику, показать, что мы с ними считаемся и прочее. Я не могу давать указания, как проводить эту работу, но ясно, что одной деятельности здесь военного атташе и полпредства совершенно недостаточно. При всех симпатиях к Германии среди военных есть и такие, которые учитывают мощь Союза и выгоду не вступать с нами в драку. Военная сила Союза импонирует. Известную часть шведского офицерства еще можно обработать…»

Ответив на интересовавшие Крестинского вопросы, Коллонтай не удержалась и поведала о своих успехах: «Не знаю, читали ли Вы любопытное сообщение из Парижа, что на Международном конгрессе женщин — представительниц делового мира и профтруда установлены были «высшие рекорды» женщин, пользующихся мировой известностью. Меня признали «достойной» второго места, на первом мисс Перкинс, министр труда в Соединенных Штатах, на третьем профессор химии Ирен Жолио-Кюри…»

Александра Михайловна обратила внимание куратора из наркомата и на свою неустанную пропагандистскую деятельность:

«По вопросу о новом нашем законе об абортах я дала интервью в еженедельный журнал «Тидепарнег». Интервью прилагаю. Его перепечатали в целом ряде левых изданий Швеции и в норвежском официозе».

Как не вспомнить, что, когда Коллонтай еще работала в ЦК, в 1920 году, в Советской России разрешили аборты. Александра Михайловна ратовала за это, отстаивала разумность такой меры! Прошло полтора десятилетия, и позиция власть имущих в Москве полностью переменилась. 27 июля 1936 года появилось постановление ЦИКа и Совнаркома «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве об абортах».

Аборт стал уголовно наказуемым преступлением, что привело к резкому скачку женской смертности. Потому что искусственно прерывать беременность стали не в медицинском

учреждении, а подпольно: на дому, в антисанитарных условиях, часто неквалифицированно.

Тоталитарное государство не могло не проповедовать патриархальные взгляды: обязанность женщины — работать и рожать. Реальная эмансипация женщины отвергалась. Отказались от весьма либеральных законов о браке, семье и опеке, принятых в 1926 году и признававших фактические (то есть незарегистрированные) браки. Разводы подверглись осуждению (от судов требовали, чтобы поменьше разводили, поскольку советская семья — самая крепкая).

Вновь стали различать детей, рожденных в браке и вне брака. Когда-то Коллонтай предлагала создать специальный фонд, который бы финансировал воспитание детей, рожденных вне брака. Идею возмущенно отвергли, обвинив ее в пропаганде распущенности. Пошли иным путем. Указ президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1944 года не только усложнил процедуру развода, но и запретил установление отцовства внебрачных детей. Хотели укрепить советскую семью, а в реальности причинили страдания множеству людей. Бросающийся в глаза пропуск в анкетной графе «отец» стал причиной нравственных страданий многих молодых людей, которых государство сделало второсортными.

В указе говорилось: «Только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов». В ситуации незарегистрированных отношений это полностью освобождало мужчин от обязанностей по отношению к детям. Все заботы ложились на мать. При мизерных зарплатах, жалком быте это обрекало матерей-одиночек на нищету.

Сталинское руководство свернуло то, чего женщины добились после революции — в том числе стараниями Коллонтай. Но требовалось демонстрировать довольство всем происходящим. В женский день газеты выходили с огромными заголовками «Советские женщины — самые счастливые женщины в мире!».

Писатель Илья Ильф (соавтор «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка») пометил в дневнике: «Женский автомобильный пробег в честь запрещения абортов»…

И что же Коллонтай? Александра Михайловна не моргнув глазом теперь защищала то, что заведомо считала порочным. И справедливо считала! Статистика покажет, что запрет не помог: число рождений сокращалось, а абортов, несмотря на запреты, — росло.

Ни Советскому Союзу, ни Германии драконовские меры нисколько не помогли. В Германии рождаемость падала, как и в

других европейских странах. Это, правда, компенсировалось сокращением детской смертности. Но нацисты говорили о «вымирании нации», призывали женщин отдать себя семье, рождению детей и рейху.

В 1920-е годы в Германии появились консультативные центры (в основном с помощью левых сил, компартии и социал-демократов), где давали консультации относительно современных средств контрацепции. Но очень многие прибегали к абортам.

Нацисты считали аборт преступлением. Взяв власть, закрыли центры планирования семьи. В уголовный кодекс ввели жестокое наказание за искусственное прерывание беременности. В 1935 году врачам было предписано сообщать обо всех случаях выкидышей и преждевременных родов. Это была попытка выяснить, не скрывается ли за этим криминальный аборт. Запретили изготовление и продажу контрацептивных средств, хотя армейское начальство пыталось этому помешать: считало, что солдаты вермахта должны пользоваться презервативами, чтобы избежать венерических заболеваний.

В 1943 году в Германии ввели смертную казнь за производство абортов, потому что из-за войны рождаемость резко упала. Глава карательного аппарата рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер распорядился завести досье на всех врачей и акушерок, которых подозревали в том, что они помогают беременным избавиться от нежеланного ребенка. Но и гестапо не смогло помешать производству нелегальных абортов, их делалось столько же, сколько и до прихода нацистов к власти, — полмиллиона в год.

Не исправили ситуацию и другие меры. Нацисты учредили в Германии День матери. Многодетных женщин награждали «Крестом за материнство». Награда имела три степени. Бронзовый крест вручали за рождение четвертого ребенка, серебряный — за шестого, золотой — за восьмого. Членам гитлерюгенда было предписано салютовать женщинам, награжденным «Крестом за материнство», их без очереди принимали в государственных учреждениях. Не помогло…

Увеличить рождаемость пытались и с помощью денег. 1 июня 1933 года приняли закон о предоставлении беспроцентного займа молодым семьям, если оба супруга имели арийское происхождение. С рождением ребенка сумма, подлежавшая возврату, сокращалась на четверть. За рождение четвертого ребенка сумма займа списывалась полностью. В 1935 году начали выдавать премиальные отцам шести детей, правда, не деньгами, а ваучерами. В 1936 году платили уже наличными — пособие

полагалось семьям с низким уровнем доходов при рождении пятого ребенка. А в 1938 году премиальные выдавали уже при рождении третьего ребенка. Но денежные выплаты не меняют демографических тенденций. Уровень рождаемости при нацистах оказался ниже, чем в 1920-е годы. Им не удалось добиться, чтобы в каждой семье было хотя бы двое детей…

А ведь в Скандинавии Коллонтай увидела иную модель жизни.

Конечно, появление одиноких, самостоятельных женщин, которые сами зарабатывали на жизнь, создавало в консервативных и церковных кругах ощущение кризиса семьи, тем более что детей заводили меньше, чем до войны. Мужчины по-прежнему пребывали в уверенности, что у женщины другая психология и иначе устроены мозги, да и вообще женщины менее развиты, чем мужчины. Они желали возвращения к прежним устоям: девушка получает образование и навыки, необходимые для исполнения роли жены и матери; она может работать, но только до вступления в брак, а потом ее основная задача — обслуживание семьи и домашняя работа…

Да только женщины в Европе и Северной Америке не стремились возвращаться к этой роли! В XX веке они стали жить дольше, чем мужчины. Медицина позволила избежать тяжких осложнений при родах. Сокращение детской смертности означало, что можно иметь столько детей, сколько захочется, чему способствовало и появление контрацептивных средств и более безопасной техники абортов. Это, в свою очередь, открыло перед женщинами возможность делать карьеру, заниматься чем-то помимо воспитания детей и домашней работы. Бурное развитие экономики, появление машин и станков понизило спрос на грубую физическую силу, появились рабочие места для женщин.

Коллонтай не очень нравилось то, что она видела: «Женщины здесь в Норвегии дошли до того, что весят тридцать шесть кило, едят один виноград и затем из-за истощения попадают на месяц в клинику. Но в «плоской» фигуре есть вполне логический момент. Материнство в буржуазном обществе отступает на задний план. Идет, особенно в профессионально-интеллигентской среде, ожесточенная борьба за места в конторах. Чтобы выдержать конкуренцию, женщина должна производить впечатление, что она с материнством ничего общего не имеет, что она — третий пол».

Молодые женщины с восхищением взирали на мгновенно ставшую знаменитой немецкую актрису Марлен Дитрих, блистательно игравшую роль эмансипированной женщины. Марлен удивительным образом сочетала женственность с

внешней маскулинностью. Марлен была неотразима. Она стала секс-символом в те времена, когда только смельчаки решались рассуждать о сексе. Задолго до того, как огромная зрительская аудитория увлеклась выяснением волнующего вопроса, было ли белье на актрисе Шэрон Стоун в знаменитой сцене из фильма «Основной инстинкт», мужчины с неменьшим волнением вглядывались в полуобнаженную Марлен Дитрих на экране.

Европейские женщины отстаивали свою независимость на службе и в постели. Женщины предъявили права на собственную сексуальность — на свои фантазии, на свои пристрастия и на право их удовлетворять.

Одни восторженно считали это новой революцией, другие — брезгливо — декадентством. Одни были благодарны переменам — их избавили от страха проявить свои искренние чувства, позволили быть самими собой, обрести счастье! Другие с ненавистью говорили: ваша свобода — это свобода извращений и половой распущенности, немыслимой для народа! И это вы называете демократией и правами человека?

Большевистская Россия законодательно освободила женщину (свою роль в этом Коллонтай всегда могла поставить себе в заслугу), Америка благодаря влиянию кинематографа и музыки раскрепостила ее культурно. Новая женщина ездит на машине, носит шелковые чулки или теннисную юбочку, ее можно увидеть в баре или на спортивной площадке. Что не мешает завести не одного, а несколько детей… Коллонтай это нравилось. Да только у нее на родине всё это не поощрялось. И ей приходилось помалкивать.

«Научиться быть одной»

В шведской столице в королевском театре поставили оперу выдающегося композитора Дмитрия Дмитриевича Шостаковича «Катерина Измайлова». В Москве опера подверглась разнузданной критике. В Стокгольме — вызвала раздражение советского полпреда.

«Мне не нравится, что в музыке чересчур подчеркнута сексуальность, — писала Коллонтай. — Я никогда не слышала музыки, в которой преобладали бы в такой степени сексуальные переживания… Неприятно… Потом досадно, что по фабуле шведы будут судить о нас, русских. Не поймут, что вся грубость и жестокость нравов относится к дореволюционному быту России. Что общего в нравах и быте советских людей с этой оперой? Не следует пускать такие вещи за границу».

Как быстро менялась Коллонтай… Постепенно она становится другим человеком. Сама удивлялась этим переменам: «Меня заинтересовала эта затея — придать полпредству более элегантный и представительный вид. Вспомнила, что когда я выходила замуж за Коллонтая, мать моя тщательно пыталась заинтересовать меня обстановкой будущего семейного очага. Только бы у меня был свой письменный стол и книжный шкаф, остальное неинтересно и неважно. А сейчас я обдуманно и с любовью выбирала каждую вещь для новой гостиной.

Наш праздник провели в новой гостиной, всем очень понравилось. Но я боялась за ковер, и сотрудники закусывали в большой канцелярии».

Что же осталось от некогда мятежной, непокорной, прямой до резкости, принципиальной до невозможности, жаждавшей справедливости и готовой сражаться за нее Коллонтай?

Отчего так? Люди с возрастом меняются? В юности бунтарь, в зрелые годы — консерватор? Иссякла любовная страсть, во многом управлявшая поступками Коллонтай. И стало ясно, что она предельно холодный и эгоистичный человек, думающий только о себе. И не была ли та единственная свобода, которой она действительно жаждала, свободой выбирать себе партнеров и свободой от обязательств перед другими? Для этого, правда, пришлось совершить революцию…

Она сохранила бесконечную жажду жизни, однако стала циничной и изощренной. Но не эти ли качества позволили ей сохраниться? Она предпочла пожертвовать всем, чтобы остаться на плаву. Ей повезло, что природа наградила ее железными нервами.

Наученная горьким опытом, она руководствовалась простым правилом: всегда ожидай предательства. В любви она боялась вновь быть брошенной (история с Павлом Дыбенко оставила глубокий шрам), в политике — вообще быть выброшенной из жизни. Да и пришло трезвое осознание, что времена наступили опасные. Это против царского правительства можно было бунтовать. Что не так — вытребовал загранпаспорт и — в свободные края, Цюрих, Париж, Лондон. А еще кричали «тюрьма народов»… А вот при советской власти по-настоящему стало страшно.

Сталин не разрешил трогать Коллонтай, и тяжелейшие для страны годы она провела далеко от родины в весьма комфортных условиях. Работавшие под посольской крышей чекисты следили за ней, докладывали в Москву о ее поведении. Зато в нарушение всех норм и установлений ее сыну (и невестке) тоже разрешили работать за границей.

Сын Коллонтай Михаил Владимирович работал в Германии в железнодорожном отделе советского торгпредства — инженером и начальником тепловозной группы. Его посылали и в Англию — следить за исполнением советских заказов, затем, когда Александра Михайловна была в Норвегии, Михаила Владимировича перевели в соседнюю Швецию — принимать купленную здесь тысячу паровозов, что ее крайне обрадовало.

Девятого мая 1929 года Коллонтай писала Шадурской: «Неожиданная операция у Миши, поездка в Берлин, текущие местные заботы так заполонили меня, что я перестала жить. Была пунктуально работающая машина, не человек с мыслями и ощущениями. Представь, мне кажется, будто я так и не была в Берлине — ведь кроме комнат Хохлика, его постели я как-то ничего не восприняла. Теперь это позади, и надо думать, что опухоль действительно не злокачественная и не повторится…» Александра Михайловна постоянно беспокоится о сыне. Делится своими заботами с Зоей Шадурской: «Меня сейчас заботит Мишуня. Самое неприятное положение — неопределенность и ожидание. Я с тоскою думаю о нем и о тех неожиданностях, которые как-то все время вертят им. Ему жизнь дается не просто. И мало, очень мало в ней бликов радости. У нас в его годы было иначе. Мы себя считали обокраденными, если не было хороших и радостных дней».

В январе 1930 года Михаил Коллонтай получил назначение в Соединенные Штаты, куда отправился с женой и сыном Володей. Коллонтай работал в Амторге представителем Всесоюзного объединения «Станкоимпорт» — покупал станки.

Амторг — частное иностранное акционерное общество, созданное в Нью-Йорке 1 мая 1924 года для экспортно-импортных операций с Россией. Дипломатические отношения с Соединенными Штатами были установлены только осенью 1933 года. До этого времени Амторг исполнял функции советского торгового представительства в Соединенных Штатах. Через него оформлялась покупка тракторов, горного оборудования, автомобильной техники.

Михаил Коллонтай провел за океаном почти десять лет. Когда вернулся в Москву и трудился в Станкоимпорте, он, конечно, ощутил разницу в уровне жизни. Несмотря на усилия Александры Михайловны, Коллонтай-младший не мог получить никакого жилья. Всё решило новое назначение на работу в США.

В сентябре 1939 года он писал матери: «Какое трудное и напряженное время переживает опять человечество. Где ты теперь — в Женеве? В Стокгольме? Мысли особенно упорно рвутся к тебе. Знаю, что мировые события в дипломатических кругах

воспринимаются особенно остро. Какая бурная и пестрая жизнь выпала на нашу долю. Мы пережили и переживаем целые исторические эпохи. Когда и как вернешься ты в Стокгольм, поездом или опять по воздуху?

Наша личная, маленькая жизнь течет пока довольно ровно. Володя за это лето сильно вырос и, кажется, окреп. Много купался в море. Выучился плавать. С прошлой недели он ходит в школу… Мы все трое здоровы и крепко-крепко тебя целуем».

По словам близкого знакомого, «Михаил Владимирович Коллонтай был человеком глубоких знаний, редкой интеллигентности и душевной мягкости». И это чувствуется в его письмах.

Летом 1939 года сын с невесткой побывали у Александры Михайловны в Швеции. С борта парохода Михаил Коллонтай писал матери: «Подходим к Гельсингфорсу, но мысли наши все еще в Стокгольме — точно ниточки протянулись через море. Кажется, слышим твой родной голос, чувствуем твою близость. Мы вчера долго следили за твоей машиной, видели, как водитель выезжает с пирса. Спасибо за всё тепло и ласку — словами не скажешь, как они дороги и нужны. Эти недели, проведенные в одном доме с тобой, вошли яркой, светлой и радостной полосой в нашу жизнь. Твоя забота и душевное тепло — источник новых сил и энергии для бодрого преодоления жизненных трудностей.

Переход от Стокгольма был исключительно удачный — теплый ясный день, чистенький, уютный пароход. Кормили нас прекрасно, но тем, кто избалован твоей кухней, всё кажется менее удачным. Из Гетеборга попытаюсь переслать тебе проявленный кинофильм, если это возможно. Володя вчера обыграл меня в шахматы, и я должен констатировать, что за всё время пребывания в Стокгольме он сильно попрактиковался… Наш сердечный привет всем сотрудникам…»

И невестка приписала; «Целую вас крепко-крепко, дорогая Александра Михайловна, и спасибо еще раз за всю заботу и любовь, которой вы нас окружили».

Мать и сын были удивительно близки. Вот характерное письмо Михаила Коллонтая: «Сейчас неожиданно должен выехать в Чикаго. Так как завтра уходит пароход — пишу тебе два слова, чтобы сказать, что крепко люблю, думаю и мысленно часто-часто с тобой.

Все мы здоровы. Очень встревожило и огорчило меня известие, что ты была простужена. С нетерпением жду твоих писем. В Нью-Йорк вернусь через два-три дня. У нас отвратительная погода, и аэропланы из Нью-Йорка не вылетают, приходится ехать на поезде. Крепко-крепко целую тебя…»

Иногда сын утешал и поддерживал мать, хотя, казалось, из всей семьи у нее самый сильный характер. Он прислал ей большое письмо, когда она сильно переживала уход из жизни близкой подруги: «Весть о постигшем нас горе поразила меня, как громом, и я до сих пор еще не вполне осознал ее, как-то не понимаю, не верю… Но чем тяжелее утрата, тем дороже, тем нужнее живые связи с близкими, родными существами. Как хотелось бы мне быть около тебя, окружить тебя той нежностью, любовью, которые наполняют мою душу. У нас осталось великое счастье, надежная опора в жизни — наша духовная близость, созвучность, понимание. С нею можно жить, с нею можно найти в себе силы и мужество перенести тяжесть утраты.

Какие события назревают на политическом горизонте? Близость, неизбежность войны чувствуется сейчас особенно остро. Сколько жестких, ненужных страданий готовит себе человечество. Пиши мне, родная, любимая моя, как можно чаще, хотя бы два-три слова. Твои весточки сейчас особенно нужны, особенно дороги.

Сделай усилие, включись в работу всем существом, всеми мыслями. Сейчас твоя работа особенно нужна, а ты нужна мне теперь, как никогда».

В конце концов Михаила Коллонтая с семьей перевели в Стокгольм, в советское торгпредство, под заботливое мамино крыло. В советские времена это было совершенно исключено. Дело было не только в том, что боролись с семейственностью. Действовало и другое, негласное правило. Если кто-то в семье работал за границей, остальным выезд за рубеж был закрыт: держали в заложниках, чтобы не сбежали все вместе. Александра Михайловна прекрасно понимала, от кого зависело ее личное благополучие и благополучие ее сына с семьей.

А сын трогательно относился к матери, и его присутствие рядом имело огромное для нее значение. В своем архиве она хранила короткую записку от сына: «Спокойной ночи, родная. У тебя было совещание, поэтому не мог тебя повидать».

Жена сына Ирина Романовна Коллонтай преподавала английский и немецкий языки в советской школе в Стокгольме; внук Владимир Михайлович Коллонтай, родившийся в 1927 году, со временем стал доктором экономических наук и профессором.

Отправившись на работу за границу, Коллонтай захлопнула за собой дверь в прошлую жизнь. Но оторваться от Павла Ефимовича Дыбенко оказалось не так просто. Она делилась с ближайшей подругой: «Видишь ли, мой муж стал засыпать меня телеграммами и письмами, полными жалоб на свое душевное одиночество, что я несправедливо порвала с ним, что случайная

ошибка, «мимолетная связь» не может, не должна повлиять на чувства глубокой привязанности и товарищества, и все прочее… Письма были такие нежные, трогательные, что я уже начала сомневаться в правильности своего решения разойтись с Павлом, прервать наш брак.

И вот явилась моя секретарша Мария Михайловна. Первое, что она рассказала мне, что Павел вовсе не одинок, что, когда его корпус перевели из Одесского округа в Могилев, он захватил с собою «красивую девушку», и она там живет у него…

Взбесило меня другое. Моя секретарша тут же рассказала, что Павел заказал на мое имя и будто бы по моему поручению всякого рода женского барахла. Ты знаешь мою щепетильность на этот счет, и вдруг «заказ» в Наркомпрод для Коллонтай — сапоги, белье, шелковый отрез и бог знает что еще. Все это для «красивой девушки» под прикрытием имени Коллонтай.

Я не помню, когда я возмутилась и взбесилась в своей жизни… Тут же написала письмо в ЦК партии, прося их не связывать моего имени с именем Павла, мы с ним в разводе де-факто. Я ни в чем не нуждаюсь и прошу известить Наркомпрод, что никаких заказов не делала и впредь делать не стану. В Норвегии всё необходимое имею и купить могу… Пусть Павел поплатится…»

И все-таки Павел Михайлович Дыбенко с личного разрешения Сталина приехал к ней повидаться. Она еще работала в Норвегии.

«Завязалась оживленная переписка — перестрелка с Павлом. Он извещал, что один, его единственные спутники жизни — лошади. Поверила и растаяла. Особенно, когда письмо за письмом летело ко мне из Могилева с рефреном: «хочу в Норвегию», «тоскую», «люблю»… Захотели повидаться и пришлось поднять на ноги для этого не только наше ЦК и НКИД, но и Мининдел Норвегии.

Как? Дыбенко, «красный генерал» — едет за границу? Что это значит? Не пускали. Торговалась, ездила к министрам, объясняла. Со вздохом ради полпреда-женщины пустили. С оговорками».

Заведующий протокольной частью министерства иностранных дел Норвегии пожаловался Коллонтай, что приезд ее мужа вызовет массу непреодолимых трудностей:

— Вы первая в мире женщина-дипломат, и это уже создает ряд неразрешимых и не установленных по этикету задач. А тут еще приедет ваш супруг. Как мы будем сажать его во время приемов, с кем знакомить, кто идет перед ним, кто за ним?

«Визы удалось добиться только после моей беседы с министром иностранных дел Мувинкелем. Я говорила с ним начистоту: собственно, с Дыбенко я уже разошлась, у него другая

жена, но нам надо еще повидаться и поговорить окончательно.

— Я понимаю, — сказал Мувинкель сочувственно, — когда брак расторгается и люди расходятся, есть всякие материальные и юридические вопросы, которые надо урегулировать.

Я внутренне улыбнулась, но не стала разубеждать его».

Юхан Людвиг Мувинкель много лет был главой правительства и министром иностранных дел. Либерал, он очень доброжелательно относился к России и лично к Александре Михайловне.

Павел Ефимович приехал в Норвегию. Он не хотел терять Коллонтай.

Считается, что женщины более ревнивы, чем мужчины. Вероятно, это так. Для мужчины ощутить ревность означает признаться себе в том, что женщина позволила себе выйти из-под его контроля. Мужчины отказывают себе в чувствах, чтобы не сознавать свое поражение на любовном фронте. Дыбенко, безусловно, ревновал Коллонтай, хотя не знал, кто счастливый соперник.

Когда-то безумно любившие друг друга, они вновь были близки.

«Первое время на душе было светло, хотя… оттеночек чего-то недосказанного чувствовался. И рада, и будто «любят», а что-то в душе на дне грызет… Иду из полпредства и думаю: «Ну, чего же тебе еще надо, неудовлетворенная, мечущаяся душа? Павел здесь, все ясно, отношения — без боли, нежные. Чего же не хватает?»

А мне тоскливо… Как бывало только летом в Одессе, когда я слепая, не знающая, что-то чувствовала, улавливала, отбрасывала, сама стыдилась своих подозрений и страдала от клубка лжи, что нас всех окутывал.

Вхожу в комнату, Павел пишет письмо… Увидела — ей!.. Сначала думала, что лечу в мировое пространство (что пропасть! Именно чувство, что теряешь связь с землей, нет опоры). Объяснялись, всё, как полагается. Вспылила. Потом пришла в отчаяние. Потом была минута чисто женского удовлетворения — мести. Ага, всё-таки любит! Ага, сейчас он со мною! Потом невероятная усталость и тупая до отчаяния тоска.

Два дня ходила во хмелю тоски-боли. Потом приняла веронал, заперлась на ночь одна. На утро встала будто новая, внутренне освобожденная. Поняла: надо «уступить», немедленно уступить ей, Павлиной красавице, место «жены». Если он любит еще частью сердца — останется душевная связь со мной. Но роль жены — нет, довольно!

Вся история-то из-за того, что все последние годы щеголяла в роли жены. Мне душно в этом наряде, я сама не своя…

Пожалуйста, Валентина Александровна, вы желаете стать женой Павла Ефимовича? Честь и место. Я отхожу.

И с этого дня отношения наши с Павлом круто изменились. Я точно сбросила с себя чужую мне личину, я перестала «угождать». Павел увидел меня «новую», и в нем вспыхнул огонек — не любви, а тяготенья-страсти. Мы пережили угар, какого еще не было. Горечь, боль пережитого, неизбежность расставания подхлестывали страсть, придавая ей напряженность небывалую.

Раньше фоном наших отношений с Павлом была моя забота о нем матерински-настороженная и его бережливая нежность ко мне как к чему-то «маленькому» и «хрупкому». Меньше всего я была для Павла женщиной. Сейчас это вдруг изменилось. Угар крутил нас со странной силой и мукой… А счастья, светлой, греющей радости — не было ни часу…

Одним решением, оба сразу мы решили, что пора расстаться. Павел уехал спешно, точно оба боялись, что угар минует и тогда останется один серый, холодный и страшный, перегоревший пепел страсти… А у меня-то еще любовь жива… Злая волшебница еще держит меня в своих чарах…»

Общество по-разному относилось к изменам мужчин и женщин. Изменять — это вроде как привилегия мужчин. Однако же Коллонтай ни в чем не уступала мужчинам.

Преимущество мужчины состояло в том, что он мог сделать женщину счастливой, а мог лишить ее счастья. В те времена женщина завидовала независимости мужчины, его свободе, его власти, хотела, но не могла быть такой же.

Склеить разбитое не удалось. Коллонтай уверяла норвежцев, что Дыбенко на приемы и светские рауты ходить не станет и пробудет максимум один месяц. Они не выдержали вместе и трех недель.

Шестого апреля она записала в дневнике: «Я на этом сама настояла, так лучше, справедливее, и мне это легче, не могу совмещать работу с личными переживаниями.

С уходящей почтой написала Сталину, что оповещаю партию, что прошу больше не смешивать имен Коллонтай и Дыбенко. Трехнедельное его пребывание здесь окончательно и бесповоротно убедило меня, что наши пути разошлись. Наш брак не был зарегистрирован, так что всякие формальности излишни. В конце письма я горячо поблагодарила Иосифа Виссарионовича за всё, что он сделал для меня, чтобы вывести меня из личного тупика жизни и за всегда чуткое отношение к товарищам.

«Красивой девушке» — жене Дыбенко — я также написала теплое и хорошее письмо, желая им обоим счастья, и в душе я действительно чувствую облегчение. Надо всегда ставить точку

на личные неприятности, тогда открывается незасоренный путь для дальнейшей работы и творчества».

Александра Михайловна написала о разрыве всем, кому могла, — не только самым близким подругам, с которыми до поры до времени делилась сокровенными мыслями:

«Я известила «друзей» в Москве, что рада за счастье Павла Ефимовича и что у него «прелестная молодая жена». Этим я хочу пресечь невыносимое положение «жены», от которой тщательно скрывают всему свету известную связь мужа».

А у подруг просила совета, правильно ли поступила: «Теперь мучает еще одно. Кто она? По типу, облику. Скажете, не все ли равно? Нет, Павел — в значительной мере мое творение. Он растет, и в этом что-то мне дорогое. А вдруг она потянет его вниз, в болото обывательщины?

Слухи-сплетни говорят, что она из типа «совбарышень — содержаночек». Она заказала Павлу список подарков из-за границы… Н-да… Типично… Павел о ней говорит, как о «замечательной красавице», дочери «польского аристократа» (гм… гм). Кое-чему она научила Павла. Танцевать, носить шелковое белье — на ночь. Но есть и положительное. Павел бросил пить, кроме пива — и то за едой… И всё-таки у меня щемит, что Павел нашел именно ее… Боль матери…

Представьте, здесь никто не догадывается о том, что со мной. Я работаю вовсю. И после «Эроса» с его муками и изломами сразу деловито перехожу к закупке стольких-то бочек сельди, к шкурам тюленей, к продаже зерна, к бесконечному вопросу о Шпицбергене».

Да, воле и целеустремленности Коллонтай можно только позавидовать.

Больше уже они никогда не были вместе. Александра Михайловна занимала одну дипломатическую должность за другой. Павел Ефимович делал военную карьеру.

Двадцать восьмого мая 1924 года Коллонтай писала скульптору Марии Кисляковой: «Милая Микочка! Последний раз мы встретились с Вами в трудную и тяжелую для меня полосу жизни: назревал разрыв с Дыбенко. Теперь это уже всё заволоченное дымкой прошлое. Ранки не только зарубцованы, но потеряли всякую чувствительность. Жизнь взяла свое. И я этому рада, так как совершила сама над собою громадные усилия, большую работу, чтобы преодолеть и боль, и чувство, тогда далеко еще не изжитое. Прочтите «Пчелок» — поймете…»

Александра Михайловна имела в виду вышедшую в Петрограде в 1923 году ее книгу художественной прозы «Любовь пчел трудовых» из серии рассказов «Революция чувств и

революция нравов».

А ведь в душе она не могла забыть Павла Ефимовича: «День в Стокгольме прошел сумбурно. Он разбудил во мне затихшие личные чувства муки и боли. И сейчас, перечитывая письмо мужа, я всплакнула и не могла заснуть».

Иногда она мысленно писала ему письма. Приезжая по делам в Москву, часто встречала Дыбенко, занимавшего крупные посты в армии.

Пятого июля 1923 года поделилась своими размышлениями с Марией Федоровной Андреевой, актрисой и женой Максима Горького: «Если я Вам скажу кратко: тов. Дыбенко сейчас не один в России; с ним юное, очаровательное существо… Вы за этим кратеньким сообщением прочтете целую повесть, которая разворачивается за кулисами деятельно-ответственной работы «на виду»… Улыбнетесь и скажете: знакомо! А когда я прибавлю к этому: но вместе с тем т. Дыбенко ни за что не хочет меня терять, и мы очень близки, и я уже приняла девочку и даже забочусь о ней. Вы покачаете головой и скажете: банально до скуки!..

Раньше они уходили от жен к нам, свободным Лилит… Сейчас — это обычное, очень обыкновенное, юное, безличное существо, кто побеждает нас. В чем очарование этих девочек? Юность? Нет, не только это. Их сила в том, что «их» — нет, нет личности… Они не мешают мужской индивидуальности. Они, как зеркало, — ловят и отражают… Это отвечает мужскому самодовлению. В этом их скрытая власть. И потом — они такие беззащитные, их всегда надо жалеть… Верно?..

Знаю, что Вы человек — крепкий. Но Вы вместе с тем и женщина, а значит, и у Вас бывают часы, когда надо чье-то тепло, чьи-то нежно жалеющие глаза, чей-то душевный отклик… В такие часы — вспомните обо мне…»

Александра Михайловна нашла в себе силы вырвать старую любовь из сердца. В глубоко личном письме советовала подруге: «Надо иметь дух себе самой признаться: в нашем возрасте влюбленности в нас быть не может. Есть многое другое, что привязывает мужчин к нам: вспышка-тяготение, удобство (мы умеем создавать комфорт и удобство), польщенное самолюбие и т. д. Но всё же это не любовь, не та любовь, какую мы получали, когда были в юном возрасте.

Что сделать, чтобы от того не страдать? Мой совет: отмежеваться. Я одно, он другое. А любимого брать, как приемлешь приятную, необязательную встречу с интересным, приятным человеком… Брать встречи, как читаешь с наслаждением час-другой интересную книгу. Закрыл книгу, положил на стол — и до следующей свободной минуты. Если

вздумаешь на отношениях к «ним» в наши годы строить жизнь, получится одно горе, одни унижения, уколы, муки… Надо научиться быть одной, внутренне одной. Ни на кого не рассчитывать!

Скажешь: холодно? Да. И немножко горько. Но зато меньше мук. Зато как подхватываешь неожиданную радость, брошенную «им»! И внутренне удивляешься: «Да ну! Неужели он еще так любит?».

Она не привыкла ощущать рядом пустоту. Такого еще не было: «Я купаюсь в бассейне одиночества. Только из недр собственной, а не чужой, даже любящей души можно получить накопление новых сил для труда и борьбы на моем новом пути. А путь этот новый и немного жуткий своей неясностью».

Но мужчины не оставляли Коллонтай вниманием. Вот представительный и умеющий ухаживать коллега приглашает в театр на «Веселую вдову», потом везет поужинать. Ужин затягивается до утра.

«За окном розовеет утро, и розовые его тени мешаются с матовым отблеском лампочки на столе. Зал опустел. Лакеи свернули скатерти и обнажили некрашеные доски столов. Пора и нам наконец.

Он предлагает пройтись и проводить меня до гостиницы. Идем по аллее, светло и незнакомо безлюдно. Я снимаю свою легкую летнюю шляпу и несу в руке. Он предлагает:

— Дайте, я понесу вашу шляпу.

Я внутренне улыбаюсь. Когда мужчина любезно предлагает освободить свою даму даже от легкой ноши, это значит, что дама ему не совсем безразлична и что он сегодня разглядел, что она не только полпред, но и женщина.

Мне вдруг стало весело».

О, она сама никогда не забывала, что она — прежде всего женщина.

Пометила в дневнике: «За какие-нибудь десять-двенадцать лет женщины сумели изменить свою фигуру. Нет больше «боков», исчезли груди-подушки. Многие не носят корсетов. А в нашу молодость не носить корсетов — это был «вызов» обществу…»

Расставание с корсетом шло только девушкам с завидной внешностью. Остальные расплылись в бесформенных одеяниях. Но потом в моду вошли фасоны, подогнанные по фигуре, осиные талии и плоские силуэты.

Александра Михайловна по-прежнему заботилась о своей внешности, следила за модой. На фигуру ей грех было жаловаться.

Считается, что в Норвегии у нее завязался роман со вторым

секретарем полпредства Марселем Яновичем Боди. Его жена — Евгения Павловна — служила в полпредстве машинисткой. Когда его перевели во Францию, всё кончилось.

Однажды в Мехико она вдруг засела за письмо к Дыбенко: «Я хочу описать тебя во весь рост. Ты ведь «дитя революции», ее создание. Это она вынесла тебя на своих волнах на бушующий гребень политики… Ты — создание новых нравов, новой психологии с ее светлыми и теневыми сторонами. То, что было «качеством» в момент разрушения и ломки, перестает быть плюсом в укладке человека в период строительства новой жизни… К тебе мы предъявляли слишком жесткие запросы.

Я помню твой яркий образ в очистительном пламени первых месяцев революции. И таким я люблю вспоминать тебя еще и сейчас…»

Но это письмо она не отослала.

А что происходило с самим Дыбенко?

В апреле 1924 года Павел Ефимович принял 10-й стрелковый корпус. 8 мая 1925 года получил повышение. Его перевели в Москву и утвердили начальником Артиллерийского уп-равнения Рабоче-крестьянской Красной армии. Но его военная грамотность оставляла желать лучшего, а руководство артиллерийским делом требовало специальных познаний, поэтому 16 ноября 1926 года его перевели начальником Управления снабжения. Чиновничья должность не привлекала Дыбенко. Он жаждал самостоятельности и добился своего — в октябре 1928 года вступил в командование войсками Средне-Азиатского военного округа, штаб которого располагался в Ташкенте. Там еще сражались с остатками басмачей — отрядами местных жителей, желавших сохранить независимость.

Его жена Валентина не поехала вслед за мужем, предпочитала жить в Москве и сына к отцу не отпустила. Дыбенко, который продолжал писать Коллонтай, жаловался: «Мадам стала совсем невыносимой. Так мало отрадного в личной жизни».

В Ташкенте Павел Ефимович познакомился с Зинаидой Ерутиной, спортсменкой, которая хорошо бегала на короткие дистанции. Они стали жить вместе. Но семьи не получилось. Они прожили всего два года и расстались. Она оставила ему мальчика, которого назвали Тауром — по названию колодца в степи Янга-Таур, где Дыбенко едва не погиб.

Приезжая в Москву, Александра Михайловна иногда встречала Дыбенко. В Советскую Россию прибыл с визитом афганский король Аманулла. Коллонтай была приглашена на все, как говорят дипломаты, протокольные мероприятия — деловые

завтраки, официальные обеды и приемы.

Записала в дневнике: «На обеде Михаил Иванович Калинин стал развивать ему нашу политику укрепления и сохранения мира, «мы за разоружение». Аманулла слушал несочувственно:

— Я за войну. Я хочу сделать мою страну сильной, вооруженной. Только вооруженная страна может быть крепкой. У нас много врагов.

Аманулла боится Англии, но и боится и нас. Мы чествуем хана Афганистана, но подумываем, как бы он не окреп через меру и не вздумал «скушать» Хиву и Бухару…

На ужине в Здании армии и флота Ворошилов произнес тост за совместную борьбу с «общим врагом, худшим империализмом мира — Англией». Афганский министр ахнул. Но король выслушал тост, поднял бокал и ничего не ответил…

Сталин пригласил Амануллу в Кремль на «мужской обед». Об этом в НКИД узнали только на другой день. Обед в Кремле не входил «в программу». Максим Максимович Литвинов был недоволен:

— Вы не знаете, кто еще был в Кремле на обеде?

Я не знала…»

На приеме у афганского посла к ней подсел Павел Дыбенко. Подошел и Федор Раскольников. Двое некогда влюбленных в нее мужчин… Втроем сели за маленький столик. Ели мороженое.

— Будто семнадцатый год, — пошутил Раскольников.

И, как тогда, на него тотчас огрызнулся Павел: мол, Раскольников растолстел и похож на «буржуя».

— Что ты такой злой, Павлуша? — обычный вопрос Раскольникова.

Коллонтай записала в дневнике: «Что-то сейчас, как и тогда, кипит у Павла против Раскольникова. Ревность прежних лет? Или память мрачных, жутких дней весны восемнадцатого года? Я посмотрела на себя в зеркало. Очень я другая, чем в семнадцатом году? О себе судить трудно. А к Павлу у меня всё умерло. Ни тепла, ни холода. Равнодушно. Странно…»

С 12 декабря 1930-го по 6 июня 1931 года Дыбенко с другими командирами Красной армии находился в Германии, изучая опыт рейхсвера. В декабре 1933 года он принял Приволжский округ и обосновался в Самаре (в 1935-м город переименовали в Куйбышев) с сыном Тауром, но без жены.

Здесь Павел Ефимович познакомился с Зинаидой Викторовной Карповой, 27-летней учительницей. Она ушла к Дыбенко от мужа. Это был третий, последний и счастливый брак Павла Ефимовича. У нее был сын от первого мужа Лёва, которого Павел Ефимович воспитывал как своего. Таура теперь звали

Володей, и Зинаида Викторовна стала ему матерью.

В августе 1932 года Коллонтай занесла в дневник: «В Москве видала Дыбенко. Он на видном командном посту на юго-востоке Союза. Рассказывал, что в армии чувствуется «два настроения», почти что два лагеря. Одни целиком и полностью за генеральную линию. Другие за генеральную линию, но с оговорками. Это не столько принципиальные расхождения, ничего общего с троцкизмом не имеющие, сколько столкновения по ряду военно-технических и организационных вопросов: недовольны назначением того-то или снятием того-то…

Рассказал, что весной этого года Сталин созвал на вечер комсостав, якобы для того, чтобы «помирить два лагеря» (а по-моему, чтоб самому посмотреть, в чем же расхождение и что у них, у комсостава, на уме и на душе). Прием был великолепный. После ужина Сталин расспросил о делах в его частях и неожиданно спросил:

— А скажи-ка мне, Дыбенко, почему ты разошелся с Коллонтай? Большую глупость сделал.

— Это ты, товарищ Коллонтай, виновата, — упрекнул меня Дыбенко. — Зачем ты меня на другой женила? Это ты всё сделала. Почему ты послала мне вслед телеграмму в Гельсингфорс?

Мне смешно стало от его слов, я уже не помню, что я ему телеграфировала в двадцать третьем году, вероятно, советовала жениться поскорее. Странно, как можно изжить такое глубокое чувство. И я перелистываю дневник двадцать третьего года и удивляюсь, что так больно, когда дороги с Дыбенко разошлись окончательно.

А тут еще странная встреча с бывшей женой Павла Дыбенко. Они уже разошлись, и она теперь жена какого-то высокопоставленного красного командира. Она пополнела и потому подурнела. Неужели я из-за нее столько ночей не спала?»

Шестого июля 1935 года Александра Михайловна писала из Стокгольма Щепкиной-Куперник: «Разве не странно, что тело, организм чувствуют, сколько лет и весен отсчитано, а дух — нет. Если меня спросят «честно», сколько мне лет, я могу «честно» ответить — по чувствам, подуху — между тридцатью и сорока. Бывает больше, но бывает и меньше. А вот тело — его чувствуешь порою, точно изношенное и ужасно ставшее неудобным платье. То тут жмет, то там давит…»

Через год, 17 октября 1936 года, поделилась своими печалями с Зоей Шадурской: «Да, ты права — другим легче, у кого есть возле свой, близкий человек… Иногда ночью проснешься и так, так тоскливо… Меня всё прерывают! Пришли

вешать гардины. Рагна прибежала с жалобой, что «свет не горит», и так далее. Одним словом, я не столько полпред, сколько «его жена». И только теперь я осознала, сколько времени берет эта незаметная, но неизбывная работа хозяйки дома. Вот отчего другие полпреды успевают писать, а я нет».

Коллонтай ощущает течение времени, но завидное здоровье и неукротимый дух делают ее моложе. Окружающие часто и не задумываются о ее возрасте.

Первое апреля 1937 года — Шадурской: «Заюшка, родная, друг всей жизни! Сегодня мне шестьдесят пять лет… Это переход в новую ступень жизни. До сих пор можно было говорить: пожилые годы. Сейчас — эпитет «старость» станет скоро привычным. А ведь этому не веришь! Мы с тобой душою, сердцем очень молодые… Годы нехороши тем, что «тело мешает»…

Она могла последовать за мужем

Советский Союз вступил в полосу массовых репрессий. Безумная борьба с «врагами народа» распространилась и на советскую колонию в Швеции.

Девятнадцатого июня 1937 года заместитель ответственного руководителя ТАСС Яков Семенович Хавинсон, пришедший с партийной работы, обратился к Сталину и членам политбюро с запиской о враждебной деятельности своего начальника:

«В результате деятельности Долецкого корреспондентская сеть ТАСС за границей находится в исключительно тяжелом положении. Из общего количества работающих в заграничной сети ТАСС 57 человек (включая и технических сотрудников) — 26 подданных иностранных государств… Необходимо срочно и самым серьезным образом заняться кадрами иностранной информации ТАСС, подобрать проверенных и квалифицированных людей, добиться того, чтобы, как правило, в отделениях ТАСС за границей работали советские граждане…»

В списке политически неблагонадежных числился корреспондент в Швеции. «В Стокгольме работает шведский гражданин Бекстрем Кнут. Необходимо заменить», — докладывал Хавинсон.

Резолюция Молотова: «Просьбу т. Хавинсона поддерживаю».

Поначалу большевики широко использовали местных коммунистов и друзей Советской России. Но постепенно иностранцы вышли из доверия — в основном усилиями чекистов. Массовые репрессии в стране сопровождались чисткой заграничных представительств. Сомнительных иностранцев

выгоняли, своих отзывали.

Эпоха массовых репрессий не обошла и Наркомат иностранных дел. Дипломатов брали одного за другим. Выжившие вспоминали:

— Сговоришься с коллегой встретиться по какому-то вопросу, а на другой день его уже нет в наркомате — арестован. Не решались говорить друг с другом.

В общей сложности в Наркоминделе было репрессировано две с половиной тысячи сотрудников. Посадили полсотни полпредов, почти всех руководителей отделов. Нормальная работа прекратилась. Отделами руководили временно исполняющие обязанности. В полпредствах и консульствах вообще не осталось старших дипломатов. Некоторые советские учреждения просто закрылись.

Александра Михайловна знала о репрессиях в стране из первых рук.

Коллонтай включили в состав советской делегации на ассамблею Лиги Наций — международной организации, существовавшей между двумя великими войнами. Это была предшественница ООН, но с меньшими правами и полномочиями.

В Москве невысоко оценивали Лигу. В узком партийном кругу Ленин когда-то выразился очень откровенно:

— Что такое Лига Наций? Она плевка не стоит.

Тем не менее после признания советского правительства Америкой в 1933 году было решено вступить в эту международную организацию (СССР получил право на постоянное место в совете Лиги), хотя в принципе отношение к ней не изменилось.

Четырнадцатого октября 1933 года Гитлер объявил, что Германия выходит из Лиги Наций и не станет участвовать в переговорах по разоружению. Он назвал это решение вынужденным, обвинив западные державы в том, что они дискриминируют Германию.

Сталин с «большим пониманием» отнесся к выходу Германии из Лиги Наций. Глава правительства Молотов и секретарь Каганович предложили отменить поездку в Берлин заместителя наркома иностранных дел Крестинского.

Сталин возмутился: «Непонятно, почему должен отпасть вопрос о заезде Крестинского. Какое нам дело до Лиги Наций и почему мы должны произвести демонстрацию в честь оскорбленной Лиги Наций против оскорбившей ее Германии?»

Формальное участие в работе Лиги продолжалось. Александра Коллонтай регулярно приезжала в Женеву то на сессии, то для участия в заседаниях Комитета защиты женских

прав. Это позволяло общаться не только с ведущими дипломатами мира, но и с наркомом Литвиновым и его помощниками, узнавать, что происходит на родине.

После очередного разговора с Литвиновым в Женеве записала его слова: «В Наркоминделе сейчас семь вакантных полпредств». Отметила, что важные должности в посольствах занимают некомпетентные чиновники «из другого ведомства».

В июле 1937 года Коллонтай привезла в Москву шведскую делегацию. Глава правительства Молотов устроил рабочий завтрак.

Александра Михайловна записала в дневнике свои впечатления: «Всегда жизнерадостный Ворошилов, вносивший живое веселье в любой коллектив за столом или после собраний, был задумчив:

— Как дружно работает против нас вся капиталистическая шайка. И ловко работают, надо признать. Бдительности в нас мало.

Лицо Ворошилова потемнело от страдания, и он непривычно сгорбился.

— Климент Ефремович, я много, очень много думаю о вас в это тяжелое для нас время. Ничего нет страшнее в жизни, чем потерять веру в моральный облик близких друзей. Это очень больно. Это жуткое горе…

Ворошилов быстро обернулся в мою сторону и пристально посмотрел мне в глаза:

— Вы это понимаете? Чувствуете? Жуткое горе, да, да.

Показалось мне, или в его глазах были слезы?»

Ворошилов поднял бокал с шампанским и обратился к шведскому военному атташе Нильсу Линду на русский манер:

— Что вы взгрустнули, Николай Иванович? Давайте выпьем за нашу дружбу против всякого агрессора, в первую очередь против немцев. Наши шефы заняты беседой, они нас не услышат…

В Москве обсуждалась таинственная история переписи населения, проведенной в январе 1937 года. Результаты были признаны «вредительскими», проводивших ее работников арестовали, а данные засекретили.

В 1926 году, когда провели первую всесоюзную перепись населения, в СССР жили 147 миллионов человек. На XVII съезде партии, в 1934 году, Сталин с гордостью объявил, что население достигло 168 миллионов и каждый год увеличивается на три с лишним миллиона. В таком случае в 1937 году советских людей должно было бы стать 180 миллионов…

А перепись 1937 года дала другую цифру, куда меньшую, —

всего 162 миллиона. Выходит, за три года население не только не увеличилось, а, напротив, уменьшилось. Коллективизация с раскулачиванием, тяжелые условия на промышленных объектах, стройках и лесоповалах, массовые репрессии погубили миллионы людей…

Тридцатого сентября 1937 года Коллонтай записала в дневнике: «Боюсь газет, еще больше расстроюсь, опечалюсь. Последнее, что сказал мне Суриц, что Д. В. снят с работы и арестован (Коллонтай имела в виду Канделаки. — *Л. М.)*. Он, который пользовался «особым» доверием… Нехорошо на душе, холодно и жутко… Да, такой напряженной атмосферы я не помню. Многое неясно, запутанно, темно. Но одно ясно: наши подлые враги, Берлин да и другие, сумели развить широко и глубоко свою подрывную работу. Перед их злоумышлением и коварством бледнеют все происки и интриги дворов папы в Риме в былые времена…»

Поговорила с ближайшей подругой — Зоей Леонидовной Шадурской: ««Пожаловались» с Зоей друг другу, что жизнь стала трудной. Главное, сколько на нас «надо» и «должно». А мы избалованные были, дороже всего ценили свою независимость».

Коллонтай наверняка обратила внимание на опубликованную в январе 1938 года заметку Германа Пёрцгена, московского корреспондента немецкой газеты «Франкфуртер цайтунг», под названием «Отставка дипломатов»:

«Из целого ряда столичных городов исчез добрый десяток советско-русских дипломатов, репрезентировавших Советский Союз. Большинство из них официально отозвано в Москву, они уехали, не попрощавшись, и в один прекрасный день советское правительство сообщило о назначении преемников. Так, например, было в трех прибалтийских государствах.

В отношении бывшего посла в Дании Тихменева было указано, что он оставляет дипломатическое поприще, чтобы снова посвятить себя врачебной деятельности. Советское посольство в Варшаве мотивировало отсутствие своего шефа семейными делами. О причинах отзыва Карахана из Анкары недавно сообщил московский Высший военный суд. Говорят, что преемник Карахана — Карский, также смещен со своего поста, а о Юреневе известно, что он не вернется больше в Берлин.

Бывший советский поверенный в делах в Греции, очевидно, своевременно сделал выводы из судьбы своих коллег. Его не отзывали в Москву, ему было достаточно того, что советский капитан пригласил его на чашку чая на свой корабль. Немедленно запаковав чемоданы, он отбыл в Париж…

Пять послов и столько же, или еще больше, посланников для

внешнеполитического аппарата страны — это мощное кровопускание. О правительстве, характеризующем своих послов и посланников как каналий и шпионов, в свою очередь создается своеобразное впечатление. Легко представить, как приятно обмениваться рукопожатием с человеком, который, может быть, завтра будет болтаться на виселице».

Корреспондент особо выделил полпреда в Швеции: «Советский посол в Стокгольме г-жа Коллонтай пребывает сейчас в Америке, но из чувства справедливости следует заметить, что опасения престарелой дамы, может быть, и напрасны. Пока она еще пользуется милостью в Кремле».

Немецкий журналист ошибся только в отношении Николая Сергеевича Тихменева и полпреда в Эстонии Алексея Михайловича Устинова, умерших по естественным причинам.

Судьба остальных сложилась трагически.

Полпреды в Латвии Стефан Иоахимович Бродовский и в Литве — Борис Григорьевич Подольский были расстреляны.

Полпред в Польше — Яков Христофорович Давтян, первый начальник советской разведки, по возвращении в Москву был арестован недавними коллегами-чекистами и уничтожен. Как и Лев Михайлович Карахан, бывший заместитель наркома, которого в Москве обвинили в причастности к «военно-фашистскому заговору». Казнили и Михаила Андреевича Карского, проработавшего полпредом в Турции всего несколько месяцев, и отозванного из Берлина Константина Константиновича Юренева, который полтора десятка лет провел на дипслужбе.

А вот поверенный в Греции — Александр Григорьевич Бармин, который совмещал дипломатическую службу с разведывательной, не стал дожидаться пули в лоб. Он распрощался с советской властью, получил политическое убежище во Франции, потом переехал в США, где дожил до глубокой старости…

Эти фамилии — лишь часть обширного списка дипломатов, уничтоженных в годы массовых репрессий. Всего несколько человек предпочли смерти невозвращенчество, как тогда говорили. Они ослушались приказа вернуться и тем самым сохранили себе жизнь…

Одиннадцатого мая 1937 года командарма 2-го ранга (генерал-полковника в нынешней табели о рангах) Дыбенко внезапно сняли с должности командующего войсками Приволжского военного округа и назначили членом Военного совета Сибирского военного округа. Павел Ефимович не понимал, за что он наказан, ведь ему никаких претензий не предъявляли. Он не знал, что этот приказ был частью большой комбинации.

На его место в Приволжский округ перевели из Москвы маршала Михаила Николаевича Тухачевского. Едва тот прибыл в Куйбышев, как его арестовали. Такова была сталинская мера предосторожности. Он предпочитал перед арестом сорвать военачальника с прежнего места службы, отправить подальше от друзей и товарищей. Вождь боялся, что кто-то из военных вздумает сопротивляться да еще поднимет подчиненные ему войска…

Дыбенко не пришлось ехать в Сибирь. Настроение вождя переменилось. В конце мая 1937 года его утвердили командующим войсками более крупного Ленинградского военного округа. Дыбенко принял Сталин и поручил ему миссию особой важности. Павел Ефимович был включен в состав Специального судебного присутствия, рассматривавшего дело Тухачевского и его соратников. Дыбенко своим авторитетом должен был подкрепить смертный приговор выдающимся военным, обвиненным в чудовищных преступлениях.

Поддерживая официальную пропаганду, поэт Александр Ильич Безыменский сочинил:

Беспутных Путн фашистская орда,
Гнусь Тухачевских, Корков и Якиров
В огромный зал Советского суда
Приведена без масок и мундиров.

Тухачевский и Дыбенко не любили друг друга. Маршал, вероятно, самый талантливый советский военачальник, не уважал коллег, которые не желают учиться и живут старыми представлениями о быстроразвивающемся военном деле. Павел Ефимович считал бывшего офицера царской армии Тухачевского и его единомышленников высокомерными выскочками и не без удовольствия вынес смертный приговор людям, которые еще недавно смотрели на него свысока.

Павлу Дыбенко суждено было руководить Ленинградским округом всего полгода. Причем у него почти сразу начались неприятности. В сентябре 1937 года на окружных маневрах выброска парашютного десанта закончилась трагедией — погибли четыре красноармейца. Нарком обороны Ворошилов отстранил Дыбенко от должности. Комиссия признала виновными командира 3-й авиадесантной бригады и командующего военно-воздушными силами округа, их отдали под трибунал. Дыбенко получил строгий выговор с предупреждением.

В ноябре 1937 года на заседании Высшего военного совета при наркоме обороны Дыбенко доложил, что командный и

начальствующий состав Ленинградского военного округа очищен органами НКВД. При этом, правда, выяснилось, что теперь дивизиями командуют майоры, танковыми и механизированными бригадами — капитаны.

Бывший нарком уже и сам был на очереди.

Причины для увольнения Дыбенко подыскали пустяшные: встреча с американскими представителями — в присутствии сотрудников Наркомата иностранных дел — в те годы, когда Дыбенко командовал Средне-Азиатским военным округом, ну и, разумеется, служебная командировка в Германию были удобными поводами для обвинения в шпионаже в пользу немцев.

Наступил 1938 год. 21 и 22 января в ЦК рассматривали дела маршала Александра Ильича Егорова, маршала Семена Михайловича Буденного и командарма 2-го ранга Дыбенко. На них в ЦК были подобраны доносы и показания арестованных. Счастливчик Буденный отделался легким испугом и остался на своей должности. Дыбенко для начала освободили от должности, как и маршала Егорова.

Двадцать восьмого января 1938 года Сталин и Молотов подписали постановление ЦК и Совнаркома:

«СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают установленным, что

а) т. Дыбенко имел подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия живущей в Америке своей сестре;

б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким агентом. Хотя это сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о бывшей провокаторской работе Шеболдаева при проверке оказалось правильным;

в) т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ВКП(б) постановляют:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.

2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отозвать в распоряжение ЦК ВКП(б).

3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.

4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК

ВКП(б) и командующим военными округами».

Конечно, обвинения против Дыбенко были липовыми. Но думал ли он в тот момент, что столь же нелепыми были обвинения против маршала Тухачевского и других военачальников? А ведь Дыбенко вел себя на том процессе очень активно, яростно обличал недавних сослуживцев, нисколько не сомневаясь, что подсудимые — враги и немецкие шпионы. Теперь в роли обвиняемого оказался он сам и столкнулся с тем, что никто не желал верить в его невиновность.

Пытаясь спастись и надеясь оправдаться, Дыбенко написал вождю:

«Дорогой тов. Сталин!

Решением Политбюро и Правительства я как бы являюсь врагом нашей родины и партии. Я живой, изолированный в политическом отношении, труп. Но почему, за что?

Разве я знал, что эти американцы, прибывшие в Среднюю Азию с официальным правительственным заданием, с официальными представителями НКИД и ОГПУ, являются специальными разведчиками. На пути до Самарканда я не был ни одной секунды наедине с американцами. Ведь я американским языком не владею.

О провокаторском заявлении Керенского и помещенной в белогвардейской прессе заметке о том, что я якобы являюсь немецким агентом. Так неужели через двадцать лет честной, преданной Родине и партии работы белогвардеец Керенский своим провокаторством мог отомстить мне? Это же ведь просто чудовищно.

Две записки, имеющиеся у тов. Ежова, написанные служащими гостиницы «Националь», содержат известную долю правды, которая заключается в том, что я иногда, когда приходили знакомые ко мне в гостиницу, позволял вместе с ними выпить.

Но никаких пьянок не было.

Я якобы выбирал номера рядом с представителями посольств? Это одна и та же плеяда чудовищных провокаций…

У меня были кулацкие настроения в отношении колхозного строительства. Это чушь…

Я понимаю, что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины.

Тов. Сталин, я умоляю Вас дорасследовать целый ряд фактов дополнительно и снять с меня позорное пятно, которое я не

заслуживаю».

Вождь равнодушно переправил письмо наркому Ворошилову. Участь Дыбенко уже была решена.

Девятнадцатого февраля 1938 года Павла Ефимовича вызвали в Москву.

Его вдова, Зинаида Викторовна, рассказывала много лет спустя, что, когда Дыбенко собирался на вокзал, ему машину не дали и никто из недавних подчиненных или знакомых не пришел его провожать. Они приехали на вокзал вдвоем. Он поставил чемоданчик в купе. С женой вышли в тамбур — постоять последние минуты. Поезд тронулся, она спрыгнула уже на ходу и еще шла по перрону, провожая. Думала, что они больше не увидятся.

Но он вернулся, рассказал, что ему предъявлены серьезные обвинения — в потере революционной бдительности, разглашении военной и государственной тайны, что его уволили из рядов вооруженных сил, но назначили заместителем наркома лесной промышленности СССР. Он немного воспрянул духом, надеясь, что худшее позади, поехал в командировку на Урал. Из Свердловска прислал жене телеграмму: «Доехал благополучно. Подробно напишу письмом».

В Перми его арестовали и этапировали назад, в Москву. Назначение в Наркомат лесной промышленности и командировка были все тем же испытанным способом оторвать командарма 2-го ранга от боевых товарищей — на всякий случай. Следствие шло пять месяцев. Бывшего наркома избивали. Заставили подписать показания о том, что он еще в 1915 году стал агентом царской охранки и выдавал революционных матросов.

В обвинительном заключении говорилось:

«В 1918 году Дыбенко, будучи послан ЦК КП(б)У на подпольную работу в Крым, при аресте его белогвардейцами выдал подпольный большевистский комитет и затем был завербован германскими оккупантами для шпионской работы. С 1918 года и до момента ареста в 1938 году Дыбенко проводил шпионскую, а затем и пораженческую деятельность по заданию германской разведки…

С 1926 года Дыбенко устанавливает связь с правыми в лице Егорова А. И., бывшего тогда командующим Белорусским военным округом, Левандовским — командующим Кавказской армией и другими и, начиная с 1929 года, входит в руководство организации правых в РККА, связанной с Рыковым, Бубновым, Томским и другими руководителями правых…»

Поскольку Дыбенко ездил в Германию на маневры рейхсвера, последовало стандартное обвинение: «По заданию германской

разведки и руководства военной организации правых Дыбенко проводил подрывную вредительскую деятельность в боевой подготовке, военном строительстве, укрепрайонах и т. д. Наряду с этим он передавал систематически германской разведке шпионские материалы о Средне-Азиатском, Приволжском и Ленинградском округах, которыми он командовал…»

Военная коллегия Верховного суда рассматривала его дело 29 июня 1939 года. Председательствовал армвоенюрист (высшее звание для военного юриста) Василий Васильевич Ульрих. Дыбенко задали вопрос, признает ли он себя виновным. В протоколе суда записано, что он признал свою вину…

Седьмого июля единственного мужчину, которого Коллонтай когда-то любила так, что себя готова была потерять, расстреляли. Жену Дыбенко Зинаиду Викторовну посадили за недонесение о преступных действиях мужа. Она провела 18 лет в карагандинских лагерях. Сыновей «врага народа» отдали в детприемник. Но они выжили. Лев Михайлович Карпов со временем стал полковником авиации, Владимир Павлович Дыбенко окончил Ленинградский транспортный институт, работал инженером.

Повезло одной только невенчанной жене первого наркома по морским делам Александре Михайловне Коллонтай, которая отреклась от всего, что было ей дорого в молодые годы, и от всех, кто ее любил. Александра Михайловна пережила своего любимого Павла Ефимовича на 14 лет.

А чекисты получили от Дыбенко показания и на бывшую жену Например, в протоколе допроса от 13 мая 1938 года записано, что Дыбенко сообщил: Коллонтай поддерживает антисоветскую связь с невозвращенцем Раскольниковым, а тот связан с Троцким и троцкистскими организациями. Следователи знали, что НКВД в определенном смысле должен походить на универсальный магазин: нужны дела на всех, потому что неизвестно, кого еще вождь пожелает уничтожить…

В документах Наркомата внутренних дел, в материалах, составленных на основе показаний, выбитых из уже осужденных и уничтоженных людей, фигурировала и фамилия Коллонтай. Полпред в Швеции значилась среди тех, кто ведет «враждебную деятельность» против Советского государства. Похоже, готовился отдельный процесс и над дипломатами, которых намеревались обвинить в предательстве и работе на врага. Среди других на скамье подсудимых оказалась бы и Александра Михайловна Коллонтай. Но замысел по разным причинам не реализовался.

Глава шестая
ДИПЛОМАТИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Посольская жизнь продолжалась как обычно. 23 февраля 1939 года состоялся большой прием в честь Красной армии. Секретарь посольства Сысоев шепчет Коллонтай:

— Александра Михайловна, дайте распоряжение, чтобы в кабинет подали еще водочки. Вся вышла, а Анна Ивановна не дает.

— Вероятно, в кабинете собрались все наши, советские, оттого Анна Ивановна и не дает еще водочки. Скажите нашим, пусть идут занимать гостей, а не сидят отдельно. Выпить успеют потом…

Успех Коллонтай в роли посла объяснялся ее широкими связями и контактами. Лидеров социал-демократии она знала еще с дореволюционных времен. При королевском дворе помнили ее аристократическое происхождение. Яркий человек, писательница и блестящий оратор, она не могла не привлекать внимание.

А события в Европе развивались стремительно. Континент раскололся на два лагеря. С одной стороны — нацистская Германия и ее союзники. С другой — западные державы.

Александру Коллонтай пригласил к себе наследный принц Швеции и будущий король Густав Адольф VI. Принц задал полпреду вопрос, волновавший многих в Европе:

— Советское правительство не намерено повернуть свой курс на дружбу с Берлином?

— Откуда у вас такие мысли, ваше высочество? — удивилась Коллонтай. — Советский Союз и фашистская Германия — это же огонь и вода!

— Да, но у вас есть нечто общее, — хладнокровно заметил кронпринц, — вы не признаете демократии и управляетесь диктатурой.

Двадцать третьего февраля 1939 года, в день, когда в советском посольстве был большой прием, умерла подруга детских лет Коллонтай — Зоя Шадурская. Узнав об этом, 12 марта Александра Михайловна написала ее сестре — актрисе Вере Юреневой: «Великая боль утраты Зоюшки с каждым днем становится больше, тяжелее. Понимаете, для меня Зоечка — это была половина моей жизни, личной жизни, личных отношений. У меня ведь лично близких, кроме нее, и нет… Я знаю, как Зоечка горячо, с энтузиазмом переживала бы XVIII съезд и какие я бы

получала от нее полноценные и правдивые, богатые впечатления!.. Как же жить теперь?..»

Не поймешь: про партийный съезд Коллонтай писала осознанно, понимая, что ее послания читаются под микроскопом, или же это происходило автоматически?

Писательница Изабель де Паленсия была в 1935–1939 годах послом республиканского правительства Испании в Швеции. Они с Коллонтай подружились, и потому Александра Михайловна с особым интересом следила за происходящим на Пиренеях.

На выборах в Испании победил Народный фронт, к нему присоединились коммунисты. У власти в стране оказались радикально настроенные социалисты, что многих напугало. Набожные католики опасались антицерковных настроений левых. Это спровоцировало гражданскую войну. Обе стороны проявили невероятную жестокость.

Война на Пиренейском полуострове расколола не только самих испанцев, но и Европу. Мятежникам помогала нацистская Германия, республиканцам — Советский Союз. Левые потерпели поражение. В марте 1939 года мятежные войска генерала Франциско Франко заняли Мадрид. После победы в гражданской войне, 4 августа, генерал объявил себя пожизненным «верховным правителем Испании, ответственным только перед Богом и историей».

Александра Коллонтай писала Изабель де Паленсии: «Мне иногда казалось, что жизнь обокрала меня, лишив дара слез. Но сегодня утром, читая о героизме великого испанского народа, твердости его воли, его упорстве и величайших жертвах, я не могла удержаться от рыданий… Посылаю Вам две небольших корзинки клубники… И еще немного кофе — мой любимый сорт…»

В апреле 1939 года в Швецию прибыл представитель нового испанского правительства. Изабель де Паленсия эмигрировала в Мексику. Восхищавшаяся советским полпредом, она написала книгу «Александра Коллонтай, посол из России». В 1946 году эта книга вышла и на шведском языке.

Паленсия описала свой разговор с Коллонтай в марте 1938 года, когда Александра Михайловна позвонила и неожиданно предложила прогуляться за городом.

«В эти дни, — писала Паленсия, — я болела сердцем за Александру. И не потому, что ей пришлось выслушать столько жестких слов в адрес своей страны, а из-за того, что среди тех, кто предстал перед судом, был и Дыбенко, ее последний муж… Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что она пережила в эти дни. Ее лицо было суровым, без тени смятения. Александра

посмотрела на деревья, глубоко вздохнула и произнесла: «Было время, когда все наши мужчины были, как нам казалось, такими же прямыми, твердыми и чистыми, как эти деревья». В ее глазах были слезы».

Никаких сомнений в правоте Сталина она себе не позволяла. Ведь ее он не тронул. Что касается остальных… Значит, они виновны.

Молотов сменяет Литвинова

А в Москве происходили большие перемены в дипломатическом ведомстве. 21 апреля 1939 года в сталинском кабинете нарком Литвинов подвергся уничтожающей критике. Особенно усердствовал глава правительства Молотов.

Третьего мая на заседании политбюро сменили руководителя советской дипломатии. Когда вопрос о радикальных переменах в Наркомате иностранных дел был решен, в сталинский кабинет ненадолго пригласили Максима Максимовича Литвинова. Ему сказали, что он смещен с должности. Для многих это была полная неожиданность — 1 мая Литвинов стоял на трибуне мавзолея вместе с руководителями партии и правительства.

На следующий день, 4 мая, с самого утра здание Наркомата иностранных дел в Москве окружили чекисты. На новое место работы приехал назначенный наркомом иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов. Его сопровождали секретарь ЦК, начальник Управления руководящих кадров Георгий Максимилианович Маленков и нарком внутренних дел Лаврентий Павлович Берия.

Руководителей отделов и старших дипломатов по одному вызывали в кабинет наркома, предупредив, что там заседает комиссия ЦК. За столом на главном месте расположился Молотов, слева от него — Берия и Маленков. В некотором отдалении сидел Литвинов.

Вячеслав Михайлович что-то записывал. Георгий Максимилианович не проронил ни слова. Лаврентий Павлович слушал внимательно и охотно высказывался. Он лучше других знал тех, кто предстал в тот день перед комиссией, — на них в соседнем здании, где располагался НКВД, годами собирали материалы.

После этого Литвинов сразу уехал на дачу. Телефон правительственной связи ему отключили. Обычно после увольнения следовал арест. Он ждал этого, но вида не показывал. Отправленный в отставку нарком боялся не за себя, а за семью.

Его сын Михаил навсегда запомнил, как Максим Максимович обреченно говорил:

— Вас обязательно возьмут.

Его невестка Флора Литвинова рассказывала мне:

— Мы с Мишей уже жили вместе — без всяких там загсов. А вот когда Максим Максимович это сказал, мы на следующий день побежали расписываться. Я знала, что сведения об арестованных дают только ближайшим родственникам…

В наркомате провели собрание. Молотов объяснил, почему убрали его предшественника:

— Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат, но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в наркомат.

Собрание единогласно приняло резолюцию:

«ЦК ВКП(б) и лично товарищ Сталин уделяют огромное внимание Наркоминделу, и лучшим примером и доказательством этого является то, что во главе Народного Комиссариата Иностранных Дел поставлен лучший соратник товарища Сталина — Вячеслав Михайлович Молотов».

Новый нарком обошел все политические отделы, познакомился с новыми подчиненными.

Полпредам отправили подписанную Сталиным шифротелеграмму с объяснением причин отставки Литвинова: «ввиду серьезного конфликта между председателем СНК т. Молотовым и наркоминдел т. Литвиновым».

В Стокгольме Коллонтай записывала в дневнике московские новости: «Литвинов больше не наркоминдел… Это я узнала только вчера, но известие это вызвало такое волнение в прессе и в общественности всего мира, что мне кажется, прошло не полтора дня, а недели или даже месяцы… Осаждали меня люди, наши, чужие, всех надо было успокоить, образумить, найти причину и объяснение, которых у меня самой еще не было… Это непонятно, загадочно. Где причина? Что стряслось в Москве? И все-таки должна себе признаться, что где-то в глубине моего сознания уже давно жило чувство, что Москва недовольна Максимом Максимовичем. Неуловимые симптомы, но эти симптомы имелись…»

Мир реагировал на отставку Литвинова по-разному. Бывший премьер-министр Франции Эдуар Эррио, который в свое время установил дипломатические отношения с Советской Россией,

выступая в парламенте, с горечью отметил:

— Ушел последний великий друг коллективной безопасности в Европе.

Через несколько дней после отставки Литвинова иностранные корреспонденты увидели его в театре, затем на сессии Верховного Совета СССР. Он оставался депутатом, но никакой работы ему не давали.

Никита Сергеевич Хрущев вспоминал: «Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МГБ, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее какое-то время жил на той же самой даче…»

Генерал Вениамин Наумович Гульст, который перед войной был заместителем начальника отдела охраны высших руководителей страны, рассказал: «Весной 1940 года Берия приказал мне вызвать мою машину и подать ее к первому подъезду наркомата. В машину сели Берия, его шофер Борис Сергеев и я. Берия приказал ехать на дачу Литвинова, она была в тридцати километрах от Москвы.

Я показал Берии дачу, и он приказал ехать обратно. Когда мы отъехали километров пять, на крутом повороте Берия вылез из машины и сказал мне, что надо подготовить диверсионный акт против Литвинова. Берия обследовал место и наметил следующий план: когда машина Литвинова будет возвращаться из города на дачу, из-за поворота ему навстречу должна была выйти грузовая машина, за рулем которой должен был сидеть я, а в помощь мне придавался Сергеев. Обстановка местности, рельеф ее не позволяли уйти легковой машине из-под удара грузовой, которая должна была развить предельную скорость и врезаться в легковую.

Необходимость такого диверсионного акта Берия мотивировал полученным указанием от одного из руководителей партии и правительства. Через несколько дней Берия меня вызвал вторично и сообщил, что необходимость диверсионного акта отпала, и приказал молчать и никому не говорить о его задании».

Сталин передумал.

Когда Литвинова в 1941 году вывели из ЦК, маршал Ворошилов сказал:

— У вас в наркомате окопалось слишком много «врагов народа».

Максим Максимович не сдержался:

— У вас не меньше! — И возмущенно спросил Сталина: —

Что же, вы считаете меня «врагом народа»?

Сталин вынул трубку изо рта и ответил:

— Не считаем.

Литвинова не арестовали.

В Берлине отставка наркома Литвинова, еврея и сторонника системы коллективной безопасности, привлекла внимание Адольфа Гитлера. Германская печать и партийно-пропагандистский аппарат получили указание прекратить критику Советского Союза и большевизма, писать о новом наркоме Молотове в уважительном тоне и не упоминать, что его жена еврейка. В середине августа 1939 года Гитлер, который уже готовился к нападению на Польшу, понял, что нуждается как минимум в благожелательном нейтралитете Советского Союза.

Ситуация в Европе накалялась. Москве предстояло определиться, кого поддерживать — нацистскую Германию или западные демократии. В 1939 году Советский Союз оказался в выигрышном положении: оба враждующих лагеря искали его расположения.

Коллонтай имела возможность убедиться, что в Москве существуют различные взгляды относительно того, в каком направлении следует развивать внешнюю политику. На Александру Михайловну произвел впечатление диалог Литвинова и его первого заместителя Владимира Петровича Потемкина в Женеве — сразу после выступления наркома иностранных дел на ассамблее.

— У вас, Максим Максимович, меня поражает ваше богатство мыслей и новых утверждений в ваших речах, — начал Потемкин. — Я не могу не спрашивать себя: когда вы успели согласовать всё это с политбюро? Ведь шифровками передать всё это невозможно.

— Я и не передавал, — объяснил Литвинов. — Если я являюсь руководителем нашей внешней политики, естественно, что я могу на ассамблее изложить ее основную линию, наши требования к Лиге Наций и нашу критику политики других стран. Я же здесь не несу отсебятины, мои мысли и положения являются выводом из всей нашей внешней политики и из наших перспектив. По-вашему, Владимир Петрович, выходит так, что руководить внешней политикой политбюро мне доверяет, а говорить о ней я могу, лишь согласовав каждую фразу с политбюро.

Потемкин высказал то, что ему не понравилось:

— Но не кажется ли вам, Максим Максимович, что ваша враждебная установка к Германии перехлестнула через край?

Литвинов неожиданно остановился и внимательно посмотрел на Потемкина:

— Вам что-нибудь передали из Москвы? Говорите прямо, нечего юлить.

— Нет, это мои личные размышления. Видите ли, мы еще нуждаемся в Германии против Англии, — ответил Потемкин.

— Вы верите в эти сказки? — изумился Литвинов. — Отсрочить войну мы можем только твердым разоблачением Гитлера со всем его средневековым мировоззрением. Вы заражены франко-английскими иллюзиями, что умиротворение Гитлера возможно.

Потемкин остался при своем мнении:

— Больше вероятия, что Гитлер будет искать нашей опоры против Англии. Ваша ненависть к гитлеровской Германии туманит ваш всегда такой зоркий взор, дорогой Максим Максимович…

Коллонтай записала в дневнике: «Не люблю я В. П. Потемкина. Умный, образованный, но не искренний. Перед Литвиновым слишком «извивается», подхалимство, а иногда в отсутствие Литвинова прорываются нотки недружелюбия, будто Потемкин не хуже Литвинова мог бы быть наркомом по иностранным делам.

— У Максима Максимовича большой недостаток, как министр иностранных дел он не придает значения внешним признакам престижа, окружающей его обстановке, помпезности приемов иностранцев, — разоткровенничался как-то Потемкин.

Он ревнует или, вернее, завидует Литвинову.

— Кажется, все качества налицо у Максима Максимовича быть наркомом, а всё же не умеет он внешним своим окружением подчеркнуть выросший престиж Союза, — вырвалось у Владимира Петровича.

Он подробно доказывал, что у всех старых подпольных работников та же черта: пренебрежение к внешней обстановке, к антуражу.

— Вот у Сталина этого нет, посмотрите, как он отделал Кремль. Это уже будет памятник нашей эпохе, стиль Сталина. В Максиме Максимовиче крепко сидят привычки нелегальщины, чай с колбасой и на столе окурки. Нам пора забыть аскетизм времен военного коммунизма и перейти к подчеркиванию нашего внешнего благополучия и богатства, умения выставить напоказ ценности великой страны России и наш русский стиль…»

Любопытное совпадение. Молодой помощник Молотова, которому поручили очистить письменный стол Литвинова, обнаружил в ящиках «промасленные бумажки из-под бутербродов». У него это тоже вызвало высокомерно-презрительную реакцию: что это за член правительства, который

удовлетворяется бутербродами?..

В Гражданскую войну Владимир Петрович Потемкин служил в политотделе Южного, а затем и Юго-Западного фронта, где Сталин был членом Реввоенсовета. Потемкин обратил на себя внимание Сталина, и эта симпатия помогла Владимиру Петровичу пережить репрессии.

Лев Троцкий вспоминал, как в Гражданскую войну на Южном фронте посетил политотдел: «Потемкин, которого я видел впервые, встретил меня необыкновенно низкопоклонной и фальшивой речью. Рабочие-большевики, комиссары, были явно смущены. Я почти оттолкнул Потемкина от стола и, не отвечая на приветствие, стал говорить о положении фронта…

Через известное время политбюро с участием Сталина перебирало состав работников Южного фронта. Дошла очередь до Потемкина.

— Несносный тип, — сказал я, — совсем, видимо, чужой человек.

Сталин вступился за него: он, мол, какую-то дивизию на Южном фронте «привел в православную веру» (то есть дисциплинировал). Зиновьев, немного знавший Потемкина по Питеру, поддержал меня…

— Да чем же он, собственно, плох? — спросил Ленин.

— Царедворец! — отвечал я».

После Гражданской войны Потемкин работал в Турции, Греции и Италии. 2 сентября 1933 года Потемкин вместе с вождем итальянских фашистов Бенито Муссолини подписал советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете. В Наркомате иностранных дел он сменил Николая Крестинского, которого в марте 1937 года перевели в Наркомат юстиции, а в мае арестовали и вскоре расстреляли.

Сталин пришел к выводу, что Адольф Гитлер ударит по западным державам. И ему хотелось подтолкнуть фюрера в этом направлении. Если после Первой мировой войны родилась социалистическая Россия, то после Второй появятся новые социалистические государства.

В феврале 1939 года, накануне партийного съезда, журнал «Большевик» опубликовал статью, которую по указанию Сталина написал заместитель наркома иностранных дел Потемкин, скрывшийся под псевдонимом В. Гальянов: «Фронт второй империалистической войны всё расширяется. В нее втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». В мае 1939 года на XVIII съезде партии Потемкина ввели в состав ЦК. Теперь они с Литвиновым были на равных, это свидетельствовало о личном

расположении вождя.

Первый заместитель наркома Владимир Потемкин встречал 23 августа 1939 года неожиданно для всего мира прибывшего в Москву министра иностранных дел нацистской Германии Иоахима фон Риббентропа, который прилетел на личном самолете Гитлера.

Уже ночью были подписаны соглашения между Советским Союзом и нацистской Германией. Договор и секретный протокол с советской стороны подписал Молотов, поэтому этот печально знаменитый документ стал называться пактом Молотова — Риббентропа. Этот протокол многие десятилетия оставался главным секретом советской дипломатии. Все советские руководители знали, что протокол есть, но упорно отрицали его существование, понимая, какой это позорный документ. Секретные протоколы к договору с Германией Молотов долго хранил в личном архиве. Уходя из Министерства иностранных дел, он сдал их в архив политбюро. Но до самой смерти доказывал всем, что никаких протоколов не было.

Они втроем — Сталин, Молотов и Риббентроп — всё решили в один день. Это были на редкость быстрые и откровенные переговоры.

Советские коммунисты и немецкие национал-социалисты распоряжались судьбами европейских стран, не испытывая никаких моральных проблем. Сразу же договорились о Польше: это государство должно исчезнуть с политической карты мира. Сталин не меньше Гитлера ненавидел поляков.

Риббентроп предложил поделить Польшу в соответствии с границами 1914 года, но на сей раз Варшава, которая до Первой мировой войны входила в состав Российской империи, доставалась немцам. Сталин не возражал. Он сам провел синим карандашом линию на карте, в четвертый раз поделившую Польшу между соседними державами.

Кроме того, Риббентроп предложил, чтобы Финляндия и Эстония вошли в русскую зону влияния, Литва отошла бы к Германии, а Латвию поделили по Даугаве. Сталин потребовал себе всю Латвию и значительную часть Литвы. Пояснил: Балтийский флот нуждается в незамерзающих портах Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс).

Риббентроп обещал немедленно запросить Берлин. Сделали перерыв. Риббентроп уехал в германское посольство. В начале девятого вечера в Берлин ушла срочная шифротелеграмма: «Пожалуйста, немедленно сообщите фюреру, что первая трехчасовая встреча со Сталиным и Молотовым только что закончилась. Во время обсуждения, которое проходило

положительно в нашем духе, обнаружилось, что последним препятствием к окончательному решению является требование русских к нам признать порты Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) входящими в их сферу влияния. Я буду признателен за подтверждение согласия фюрера».

Ответ из Берлина не заставил себя ждать. Фюрер просил передать своему министру: «Да, согласен». В тот момент Гитлер был готов на всё — ведь Сталин избавил его от страха перед необходимостью вести войну на два фронта.

Второй раунд переговоров начался в десять вечера. Риббентроп сообщил, что Гитлер согласен: незамерзающие латвийские порты больше нужны России. Атмосфера на переговорах сразу стала дружественной. Ближе к полуночи все договоренности закрепили в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 года.

Гитлеру позарез нужен был договор.

Начальник экономического управления вермахта генерал Георг Томас за две недели до нападения на Польшу доложил Вильгельму Кейтелю, начальнику личной военной канцелярия фюрера, что эта кампания приведет к длительной мировой войне, которую Германия из-за нехватки сырья и продовольствия не выдержит. Кейтель слушать его не захотел, ответил, что никому нет дела до Польши, а договор с Советским Союзом вообще всё меняет.

Сталину же важнее был секретный протокол. Этот документ вводил в оборот понятие «сфера интересов», которое понималось как свобода политических и военных действий, направленных на захват территорий. Германия согласилась с планами Сталина и Молотова присоединить к Советскому Союзу прибалтийские республики и Финляндию. Это была плата за то, что Москва позволяла Гитлеру уничтожить Польшу. Гитлер не возражал и против того, чтобы Сталин вернул себе Бессарабию, потерянную после Первой мировой войны.

Разговаривая с Риббентропом, Сталин был любезен и добродушно-шутлив. Когда имперский министр заметил, что Англия всегда пыталась подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом, Сталин охотно подхватил тему:

— Британская армия слаба. Британский флот больше не заслуживает своей прежней репутации. Что касается английского воздушного флота, то ему не хватает пилотов. Если несмотря на всё это Англия еще господствует в мире, то это происходит лишь благодаря глупости других стран, которые всегда давали себя

обманывать.

Заканчивая переговоры, Сталин сказал Риббентропу:

— Советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Я могу дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера.

После переговоров в кабинете Молотова был сервирован ужин. Сталин встал и произнес неожиданный для немцев тост — он сказал, что всегда почитал Адольфа Гитлера:

— Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и потому хотел бы выпить за его здоровье.

Сталин произнес и тост в честь рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера как гаранта порядка в Германии. Читая потом отчет Риббентропа о визите в Москву, нацистские лидеры были потрясены: Гиммлер уничтожил немецких коммунистов, то есть тех, кто верил в Сталина, а тот пьет за здоровье их убийцы… Альфред Розенберг, один из идеологов нацизма, который в 1941 году возглавит имперское министерство по делам восточных оккупированных территорий, записал в дневнике: «Большевикам уже впору намечать свою делегацию на наш партийный съезд».

Молотов не упустил случая предложить тост за Сталина, который положил начало новым политическим отношениям двух стран. На следующий день 24 августа «Правда» писала: «Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета».

Оказалось, что Потемкин лучше Литвинова понимал настроения вождя и его окружения. Владимир Петрович, вероятно, рассчитывал сам руководить советской дипломатией. Но кресло наркома занял Молотов, а ему Потемкин оказался не нужен.

Двадцать девятого февраля 1940 года его утвердили наркомом просвещения РСФСР, через две недели ему присвоили — без защиты диссертации — ученую степень доктора исторических наук и звание профессора. В апреле 1943 года Потемкина избрали действительным членом Академии наук СССР по отделению истории и философии и поставили во главе только что созданной Академии педагогических наук. Он вместе с соавторами дважды получал Сталинскую премию за многотомную «Историю дипломатии».

Резкая перемена внешней политики требовала смены действующих лиц.

Первого сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу. В этот же день был назначен новый полпред в Германии — Александр Алексеевич Шкварцев. Вместе с несколькими

сотрудниками он срочно отправился в Берлин. Среди них был Владимир Николаевич Павлов, будущий переводчик Сталина и Молотова, назначенный первым секретарем полпредства в Берлине.

«3 сентября 1939 года, то есть на третий день после вторжения Германии в Польшу, Шкварцев и я вылетели из Москвы в Стокгольм, — писал Павлов. — Из столицы Швеции немцы должны были доставить нас в Берлин специальным самолетом.

В Стокгольме мы навестили советского полпреда в Швеции А. М. Коллонтай. Она приняла нас у себя на квартире. Помню, что Александра Михайловна показала нам узкопленочный кинофильм. Когда на экране появились кадры, отображавшие церемонию вручения верительных грамот королю Норвегии, Александра Михайловна обратила наше внимание на свой богатый туалет. На меня это произвело странное впечатление. Чувствовался ее длительный отрыв от родины».

Владимир Павлов принадлежал к молотовскому призыву. Его взяли в Наркомат иностранных дел сразу после окончания теплоэнергетического факультета Московского энергетического института. Вячеслав Михайлович Молотов очищал Наркомат иностранных дел от гуманитарной интеллигенции, склонной к либерализму и своеволию. Привел новых людей. Молотовский призыв состоял большей частью из партийных работников и технической интеллигенции, готовых подчиняться введенной им жесткой дисциплине. Более всего Молотов ценил в работниках исполнительность.

Вячеслава Михайловича спрашивали: кого он считает наиболее сильным советским дипломатом?

— Сильным дипломатом? — переспросил Молотов. — У нас централизованная дипломатия. Послы никакой самостоятельности не имели. И не могли иметь, потому что сложная обстановка, какую-нибудь инициативу проявить послам было невозможно. Это неприятно было для грамотных людей, послов, но иначе мы не могли… Роль наших дипломатов, послов, была ограничена сознательно, потому что опытных дипломатов у нас не было, но честные и осторожные дипломаты у нас были, грамотные, начитанные.

Коллонтай это уловила: «Урок: НКИД не любит поддерживать инициативу, которая не продиктована им. Я же привыкла, что моя настойчивость, мое объединенное чухонско-хохлацкое упрямство (от матери и отца) как-то обычно побеждало препятствия и доводило до цели. В дипломатической работе этого нет. Тут три четверти зависит не от тебя, а от внешних сил. В нашей работе не

надо быть слишком инициативной. Надо «проводить задания», а не создавать и находить прицелы».

Из Стокгольма нового советского полпреда на немецком самолете доставили в Берлин. Его встречали с почетным караулом и духовым оркестром. На следующий день Александра Шкварцева принял Гитлер. «После вручения верительных грамот, — сообщила «Правда», — между Гитлером и советским полпредом состоялась продолжительная беседа».

Решается судьба Финляндии

Двадцать четвертого августа 1939 года, когда появилось сообщение о приезде в Москву имперского министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа и о подписании пакта с нацистской Германией, Коллонтай записала в дневнике: «Смелый шаг Москвы. Господа империалисты и не думали, что мы проявим такую решительность и так верно учтем мировую политическую конъюнктуру… Я сама узнала об этом важном событии только сегодня из шведских газет. Рука моя не выронила газету, я даже не особенно удивилась. Шаг с нашей стороны вернейший…»

Александра Михайловна больше не позволяла себе сомнений в линии партии. Или, скорее, не доверяла их дневнику: «Я только рассердилась и досадую, что нас, полпредов, так мало информируют. Шифровка из Москвы, инструктивная, пришла только поздно днем. А сотрудники полпредства и торгпредства с утра взволнованно обступили меня, хотят понять, что этот договор значит? Не все понимают логику такого политического хода…

После шифровки из Москвы кое-кого из дипломатов приняла, но журналистам отказывала: «Читайте наш ТАСС и официальные сообщения из Москвы». Шведы ошеломлены и сбиты с толку…»

Через несколько дней добавила: «Чтобы избежать атаки дипломатов, журналистов и представителей передовой шведской общественности, я скрылась в пансионе, но и здесь нет отбоя от вопроса: «Неужели Советский Союз готов идти с Гитлером? Значит, конец малым странам. Нацизм и большевизм вместе завоюют весь мир!».

Читая пересылаемые ей советские газеты, Коллонтай отметила, что из них начисто исчезла критика нацистского режима. Напротив, появились сообщения о благотворном воздействии германского духа на русскую культуру.

Второго октября 1940 года уполномоченный Совнаркома

СССР по охране военных тайн в печати и начальник Главлита Николай Георгиевич Садчиков отправил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) список книг, подлежащих изъятию из продажи и библиотек. Имелась в виду антифашистская литература, изданная после прихода Гитлера к власти.

В списке, в частности, значилась книга Эрнста Отвальта «Путь Гитлера к власти», изданная Государственным социально-экономическим издательством в 1933 году. Изъятие этой книги объяснялось следующим образом: «В книге имеется ряд мест, которые сейчас, после заключения СССР договора о дружбе с Германией, нежелательны. Плохо говорится о Гитлере (на многих страницах)». Садчиков, молодой выдвиженец из Ленинградского обкома партии, привел неприемлемые, с его точки зрения, цитаты из книги: «Теперь фашизм торжествует. Он справляет кровавые оргии по всей стране, истребляя коммунизм».

И в Германии антисоветская пропаганда практически прекратилась. Даже переименовали журнал «Анти-Коминтерн», издававшийся Всеобщим союзом антикоммунистических организаций, а в реальности внешнеполитическим отделом ЦК нацистской партии.

Коллонтай не была посвящена в детали переговоров с министром Риббентропом. Не знала, какие договоренности закрепили в секретном дополнительном протоколе к советско-германскому договору о ненападении. Но смысл соглашения между Сталиным и Гитлером был понятен.

Личный референт германского посла Ханс фон Херварт немедленно встретился с сотрудником американского посольства в Москве Чарлзом Боленом и рассказал ему не только о переговорах, но и о тайных договоренностях и будущих территориальных приобретениях Германии и СССР. Таким образом, на Западе сразу же узнали о секретном протоколе.

Недавний начальник Коллонтай, а тогда полпред во Франции Яков Захарович Суриц сообщил в Москву: в Париже ходят слухи о том, что между Германией и СССР «заключено секретное соглашение, предусматривающее то ли раздел Польши, то ли единый дипломатический фронт».

Восемнадцатого сентября 1939 года премьер-министр Франции Эдуард Даладье пригласил к себе Сурица и прямо спросил: не является ли вступление советских войск на территорию Польши результатом советско-германского соглашения?

— Для французского правительства, — объяснил свой интерес Даладье, — решающим является вопрос: мы имеем дело с

единым германо-советским фронтом, общей акцией или нет?

Полпред доложил о разговоре в Москву. Через десять дней принес премьер-министру Франции жесткий ответ от Молотова: «В Москве оскорблены тоном вопросов, которые напоминают допрос, недопустимый обычно в отношениях с равноправными государствами… СССР остается и думает остаться нейтральным в отношении войны в Западной Европе, если, конечно, сама Франция своим поведением в отношении СССР не толкнет его на путь вмешательства в эту войну».

Это была прямая угроза. Советский нарком самым недипломатичным образом сообщил, что Красная армия вполне может присоединиться к вермахту.

Двадцать седьмого сентября Риббентроп вновь прилетел в Москву. Первая встреча в Кремле началась в десять вечера и продолжалась до часу ночи. На следующий день переговоры возобновились в три часа дня. Потом был обед, вечером поехали в Большой театр смотреть «Лебединое озеро», а в полночь продолжили переговоры. 29 сентября Молотов и Риббентроп подписали второй договор — «О дружбе и границе», а заодно еще несколько секретных документов.

Для ратификации советско-германского договора собрали сессию Верховного Совета. 31 октября Молотов произнес знаменитую речь в защиту гитлеровской идеологии:

— Английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде идеологической войны, напоминающей старые Религиозные войны… Такого рода война не имеет для себя никакого оправдания. Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом борьбы за «демократию»…

Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп 24 октября выступал в городе Данциге (Гданьске), ставшем немецким. Он назвал Советский Союз наряду с Италией и Японией «внешнеполитическими друзьями Германии, чьи интересы солидарны с немецкими».

Тридцатого ноября Сталин в интервью французскому информационному агентству Гавас назвал Францию страной, «выступающей за войну», а Германию — страной, «отстаивающей дело мира». Отвечая на вопросы главного редактора «Правды», Сталин развернуто изложил свою оценку ситуации в Европе: «Не

Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну… Правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны».

Последствия сближения Гитлера и Сталина вскоре ощутила и Коллонтай. Началась советско-финляндская война.

Подписав договор с Германией, Сталин получил всё, что хотел. Он вошел во вкус территориальных приобретений. Осечка вышла только с Финляндией, которая оказалась крепким орешком.

Секретный протокол к пакту, который 23 августа 1939 года подписали в Москве Молотов и Риббентроп, относил Финляндию (как и Прибалтику) к сфере «советских интересов». После введения советских военных гарнизонов в Литву, Латвию и Эстонию финны поняли, что они следующие. На какие-то уступки были готовы — скажем, предоставить морские базы и аэродромы на финских островах в Балтике. Но требования СССР оказались куда ббльшими.

Пятого октября 1939 года Молотов пригласил в Москву финскую делегацию, даже не объяснив, что именно намерен обсуждать. Делегация приехала только 12 октября, что уже разозлило Вячеслава Михайловича. Он уже привык, что перепуганные соседи спешат исполнить его волю.

Переговоры с финнами шли почти целый месяц, до 9 ноября.

Советскую делегацию возглавлял сам Сталин, финскую — будущий президент страны Юхо Кусти Паасикиви. В Москве намеревались заключить такой же договор, какой был подписан с прибалтийскими странами и предусматривал создание на их территории советских военных баз. В Кремле считали, что с финнами решат вопрос так же легко, как с тремя прибалтийскими республиками.

Сталин требовал, кроме того, передать Советскому Союзу часть островов Финского залива, часть Карельского перешейка, полуостров Рыбачий, сдать в аренду часть полуострова Ханко. В ответ СССР готов был передать территорию в Восточной Карелии.

Зачем надо было требовать от Финляндии территориальных уступок? Советская официальная версия: отодвинуть границу подальше от Ленинграда, обезопасить город и другие жизненно важные центры от финской угрозы. Финны не понимали объяснения. О какой угрозе может идти речь, если сам Молотов на сессии Верховного Совета издевательски заметил, что в Ленинграде столько же населения, сколько во всей Финляндии? Неужели кто-то верит, что эта маленькая страна может напасть на

огромный СССР?

В президентском архиве найден документ, датированный 1 апреля 1938 года. На нем пометки Сталина. Документ не подписан. Историки склоняются к мысли, что его составил майор госбезопасности Борис Аркадьевич Рыбкин (он работал под псевдонимом Ярцев), резидент внешней разведки в Хельсинки.

В нем говорится: финское правительство не является германофильским и стремится к улучшению отношений с Советским Союзом. В 1938 году Финляндия юридически закрепила свой нейтралитет. Запретила в стране профашистскую партию. Весной 1939 года отвергла договор о ненападении с Германией.

Один из финских министров говорил:

— Почему СССР на нас напал? Финляндия находится на пути советских интересов. Финляндия как свободное, независимое государство должна исчезнуть с карты, стать вассалом Советского Союза, чтобы он проложил себе прямой путь в Швецию, Норвегию и Прибалтику…

Директор Института российской истории член-корреспондент Академии наук Андрей Николаевич Сахаров считает, что советское руководство пыталось «при помощи благоприятных международных комбинаций решить исконные геополитические задачи: вернуть утраченные территории на подступах к Балканам, воссоздать границы империи на Западе» (см.: Российская история. 2009. № 5).

Финская делегация отказалась от подписания договора о взаимопомощи, от обмена территориями и от передачи Советскому Союзу островов в Финском заливе и полуострова Ханко в аренду для создания там советской военной базы.

«Молотов стал нервничать, срываться на угрозы, чем накалял и осложнял обстановку на переговорах, упуская из-за этого появлявшиеся иногда возможности выхода на альтернативные решения», — вспоминал помощник наркома иностранных дел Владимир Иванович Ерофеев.

Коллонтай записала в дневнике: «В душе злюсь и осуждаю нашу прессу, ее тон в отношении Финляндии — вызывающий и потому не к месту. Он усиливает нервность в странах Севера и дает пищу для раздувания враждебного к нам настроения и страха перед нами. Это же на руку только немцам».

Финны отправились за помощью и советом в Берлин.

Тринадцатого октября 1939 года нарком внутренних дел Берия доложил Сталину: «Начальник разведотдела финского военного министерства ездил в Берлин, где пытался выяснить, какую позицию займет Германия в случае военного столкновения

между Советским Союзом и Финляндией. Он возвратился оттуда очень разочарованным».

Руководство третьего рейха, храня верность договору с Москвой, посоветовало финнам удовлетворить советские требования. 5 ноября 1939 года Герман Геринг, второй человек в нацистской Германии, посоветовал министру иностранных дел Финляндии Юхо Элиасу Эркко передать Советскому Союзу военно-морскую базу. Предупредил: если Москва начнет войну, Финляндии не стоит рассчитывать на поддержку Германии.

И все же финны — в отличие от латышей, эстонцев и литовцев — вознамерились отстаивать свою независимость.

Сталин решил: раз финны сопротивляются, придется забрать эти территории силой, а может быть, и полностью включить Финляндию в состав Советского Союза. Еще до начала переговоров, 10 октября 1939 года, нарком обороны маршал Ворошилов подписал приказ о подготовке военной операции против Финляндии.

Впоследствии, выступая на совещании начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии, Сталин 17 апреля 1940 года поставил точки на «i»:

— Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась четыре раза… Мы попытались ее пятый раз потрясти. Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса — выбирайте из двух одно — либо идите на большие уступки, либо мы вас распылим…

Александра Михайловна Коллонтай чувствовала, что война подбирается к Скандинавии: «Перечисление знакомых с детства финских названий заставило мое сердце сжаться. Неужели война коснется этих мирных мест, насыщенных воспоминаниями детства и юности? Неужели сгорит старый дедушкин дом и срубят тенистый парк?»

Коллонтай полагала, что в Москве плохо представляют здешнюю ситуацию. 17 октября 1939 года попросила разрешения у Вячеслава Михайловича приехать в Москву.

Наркомат иностранных дел находился на Кузнецком Мосту. Весь третий этаж этого старого здания занимали апартаменты Молотова, его секретариат и охрана. Но Молотов принял Коллонтай в Кремле. Это было 2 ноября. Ей пришлось долго ждать в приемной. Она обратила внимание, что кремлевские аппаратчики друг с другом не разговаривают, лица у всех хмурые.

— Приехали, чтобы похлопотать за ваших финнов? — Молотов был недоволен.

Александра Михайловна пыталась предупредить наркома:

— Мне кажется, в Москве не представляют себе, что повлечет

за собой вооруженный конфликт с Финляндией. Все прогрессивные силы Европы, не одни только Скандинавские страны, будут на стороне Финляндии.

Вячеслав Михайлович раздраженно заметил:

— Это вы капиталистов Англии и Франции величаете прогрессивными силами? Их козни нам известны.

«Молотов был по натуре человеком сухим, жестким, желчным, часто занудным, — вспоминал Владимир Ерофеев. — Шуток не любил и не понимал». Словом, беседовать с ним было тягостно.

— Договориться с финнами нет никакой возможности, — подвел черту Молотов. — Нам ничего не остается, как заставить их принять наши разумные и скромные предложения, которые они упрямо, безрассудно отвергают. Наши войска через три дня будут в Гельсингфорсе, и там упрямые финны вынуждены будут подписать договор, который они не подписали, будучи в Москве.

Коллонтай получила указание — «Удержать скандинавов от вхождения в войну. Пусть себе сидят в своем излюбленном нейтралитете. Одним фронтом против нас будет меньше».

«Молотов не доверял Коллонтай как человеку, с его точки зрения, прозападных, либеральных настроений, — вспоминал Андрей Михайлович Александров-Агентов, который в 1942–1947 годах работал в полпредстве в Стокгольме. — И конечно, тоже считал ее необъективной в отношении Швеции, а заодно и Финляндии. Характерна фраза, которую он бросил в разговоре с Коллонтай сразу после начала советско-финляндской войны в 1939 году:

— Не беспокойтесь за свою Финляндию, через три дня всё будет кончено.

Ошибся тогда нарком в своих расчетах, крепко ошибся…»

Коллонтай надеялась пробиться к Сталину, но Молотов распорядился, чтобы она на следующий день в шесть утра вылетела в Стокгольм. Она покинула Москву удрученная.

Незнаменитая, но кровавая

План удара по Финляндии представил Сталину командующий Ленинградским военным округом командарм 2-го ранга Кирилл Афанасьевич Мерецков. Первоначальные наметки Мерецков докладывал Сталину и Ворошилову еще в июле 1939 года и получил одобрение. Сталину только не понравилось, что на проведение операции Мерецков просил целых две недели. Вождь считал, что разгром маленькой Финляндии не займет столько времени.

Двадцать девятого октября военный совет Ленинградского округа представил Ворошилову уточненный «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии». План был весьма поверхностным. В штабе округа исходили из того, что финны не окажут серьезного сопротивления, а финские рабочие вообще будут приветствовать наступление Красной армии. Продолжительность операции — десять-пятнадцать дней.

Начальник Генерального штаба маршал Борис Михайлович Шапошников предложил отложить начало военных действий на несколько месяцев, чтобы подготовиться получше и перебросить к границе дополнительные соединения и тяжелое оружие. Сталин удивился:

— Вы требуете столь значительных сил и средств для решения дела с такой страной, как Финляндия? Нет необходимости в таком количестве.

Население Финляндии составляло 3 миллиона 650 тысяч человек. Сталин был уверен, что быстро справится с этой маленькой страной.

Девятого ноября 1939 года правительство в Хельсинки заявило: «Финляндия не может предоставить другому государству военные базы в пределах своей территории и своих границ».

Теперь для войны нужен был только повод.

Двадцать шестого ноября 1939 года в 15 часов 45 минут, сообщил ТАСС, финская артиллерия обстреляла советскую пограничную заставу на Карельском перешейке у деревни Майнила, четыре красноармейца убиты, девять ранены.

Нигде и никогда не были названы имена этих «убитых» и «раненых». Они таинственным образом исчезли, будто и не существовали. За десятилетия, прошедшие с того дня, не нашлось ни одного факта, который бы подтвердил, что финны стреляли первыми. Да и с какой стати они бы открыли огонь? В Хельсинки пытались избежать войны с Советским Союзом.

Финские пограничники зафиксировали выстрелы с советской территории. Так оно, видимо, и было. Судя по некоторым свидетельствам, перестрелку на границе устроил начальник управления НКВД по Ленинградской области комиссар госбезопасности 2-го ранга Сергей Арсеньевич Гоглидзе. После финской войны, в апреле 1940 года, он получил орден Красного Знамени. В 1953 году Гоглидзе расстреляли вместе с Берией.

Вопрос о том, кто же все-таки начал войну, снял сам Сталин. Выступая на секретном совещании в ЦК партии, он говорил:

— Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Второй вопрос, а не поторопилось ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября — начале декабря. Нельзя ли было отложить этот вопрос, подготовиться и потом ударить? Нет. Всё это зависело не только от нас, а от международной обстановки. Там, на Западе, три самые большие державы вцепились друг другу в горло. Когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда их руки заняты и нам предоставляется благоприятная обстановка для того, чтобы в этот момент ударить…

Двадцать девятого ноября 1939 года Молотов вручил финскому посланнику ноту. В ней говорилось: «Советское правительство не может больше поддерживать нормальные отношения с Финляндией». Полпред в Хельсинки получил от первого заместителя наркома Владимира Потемкина шифротелеграмму: всей советской колонии немедленно покинуть страну.

В тот же день, 29 ноября, Молотов заявил по радио:

— Враждебность в отношении нашей страны нынешнего правительства Финляндии вынуждает нас принять немедленные меры по обеспечению внешней государственной безопасности Советского Союза.

Тридцатого ноября части Ленинградского округа перешли границу. Советская авиация бомбила Хельсинки. При налете восьми бомбардировщиков Балтийского флота погибли 91 человек (см.: Военно-исторический журнал. 2006. № 3). На самом деле приказа атаковать столицу Финляндии с воздуха не отдавали, это была ошибка летчиков, но она имела серьезные политические последствия. А вот в 1940 году города бомбили уже целенаправленно. И бомбежки сильно подействовали на финское население. 2 февраля 1940 года 5-я бомбардировочная авиабригада (84 самолета) военно-воздушных сил 13-й армии, выполняя приказ «уничтожить город Сортавала», сбросила 40

тысяч фугасных и 12 тысяч зажигательных бомб.

Советские войска получили приказ разгромить финскую армию, освободить финский народ от гнета помещиков и капиталистов и выйти на границу со Швецией и Норвегией, то есть изначально речь шла о полной оккупации страны, а вовсе не о том, чтобы лишь отодвинуть границу от Ленинграда.

Что же испытывала Александра Михайловна Коллонтай, когда началась война и советская авиация бомбила Хельсинки, город, который она так любила? Каково ей было следить за ходом боевых действий Красной армии против финнов — «мужественного народа, с которым у меня всегда были тесные связи и по крови, и по симпатиям».

В сводках с театра военных действий Коллонтай с горечью читала названия мест, где отдыхала ребенком у дедушки. В ее дневниках и письмах столько сказано о Финляндии!

«Знаешь, иногда я завидую тебе, что ты среди моей незаменимой финляндской природы, — писала она Щепкиной-Куперник. — Ярко всплыла она со своими светлыми ночами в моей памяти, когда на днях писала статью для финляндцев, нечто вроде моих воспоминаний из времен начала рабочего движения в Финляндии, в котором я принимала участие…

Временами до боли тоскую о Финляндии… Душно, дышать нечем, и снова, когда я читала твое описание осени в Финляндии, потянуло, потянуло туда… Как я любила сентябрь в Куузе! Кажется, это был мой любимый месяц! И эти холодные лунные ночи, и запах осени, и паутинки, и росистая мгла по утрам… Никогда и нигде так не работалось, как там, у окна с видом на мирные поля, далекую кирху и милую, журчащую Кантеле. Кланяйся финляндской осени, скажи, что я тоскую о ней и люблю, как любят воспоминание о первой любви».

В Стокгольме Александре Михайловне было тягостно. На улице ей кричали:

— Агрессоры-большевики, вон отсюда!

2-й спецотдел Наркомата внутренних дел занимался перлюстрацией писем военнослужащих Красной армии. Для своего начальства чекисты составляли сводки с выдержками из писем красноармейцев:

«В 8 часов утра началась война против Финляндии. Первой выступила артиллерия и с час била по Финляндии из разных калибров. Ударили очень крепко. Близ границы сравнялась вся земля. Ночью хорошо видно, как по всей границе горят финские деревни и города…»

«Берем деревню за деревней, и горит вся Финляндия, наверное, у вас (в Ленинграде) видно зарево, деревни жжем… Не

могу смотреть, что делается с людьми — ужас».

«Финляндия вспыхнула заревом от ворошиловских килограммов и от наших метких пуль. Финляндия со всех сторон объята огнем и превратилась в огненное зарево».

«Сегодня идем в бой. Они такие черти упрямые, что их бьешь, а они все равно не отступают и не сдаются».

Когда еще шли переговоры с финнами, 26 октября 1939 года, нарком обороны Ворошилов приказал сформировать 106-й особый стрелковый корпус из советских финнов, карелов и ингерманландцев. Командиром корпуса был назначен Аксель Моисеевич Анттила, получивший боевой опыт в Испании (на следующий год он стал генерал-майором). Корпусу, усиленному танками и авиацией, предстояло стать основой Финской народной армии, которая восстала бы против правящего в Хельсинки режима. Русские офицеры, зачисленные в 1-й корпус народной армии Анттилы, получили финские фамилии.

Советские газеты сообщили о создании «народного правительства» Финляндии во главе с одним из руководителей финской компартии Отто Вильгельмовичем Куусиненом, который с 1921 года работал в Москве в аппарате Коминтерна. «Правительство» сформировали с трудом, поскольку многих финских коммунистов, работавших в Москве и Карелии, уже успели уничтожить. Министром внутренних дел стал зять Куусинена. Министром по делам Карелии сделали Павла Степановича Прокофьева, который стал Прокконеном.

Первого декабря правительство никогда не существовавшей Финляндской демократической республики на машинах привезли из Ленинграда в финский приграничный поселок Териоки, только что занятый советскими войсками (ныне город Зеленогорск). Отобранные Куусиненом финские коммунисты провели заседание, которое стенографировал сын самого Куусинена по-русски, и призвали финский народ встретить Красную армию как освободительницу.

Член политбюро, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома Андрей Александрович Жданов собственноручно составил текст сообщения ТАСС о создании «народного правительства». Он распорядился сообщать в печати, что эти документы — «перевод с финского» и получены путем «радиоперехвата».

Накануне, 30 ноября, Молотов доверительно предупредил немецкого посла в Москве графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга:

— Не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство — дружественное Советскому Союзу, а также

Германии. Это правительство будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать. Но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться…

Второго декабря Куусинен уже вернулся в Москву. Его принял Сталин. Молотов подписал с Куусиненом договор о взаимопомощи и дружбе. Отто Вильгельмович, как и сам Вячеслав Михайлович, возложил на себя обязанности министра иностранных дел.

Договор между советским правительством и Куусиненом предполагал передачу Советскому Союзу островов, прикрывавших вход в Финский залив. Полуостров Ханко передавался в аренду на 30 лет. В обмен Советский Союз был готов уступить Финляндии территорию советской Карелии вместе с населением, которое никто не собирался спрашивать, желает ли оно оказаться в составе другой страны…

К договору, как водится, приложили «конфиденциальный протокол», который рассекретили только в конце 1990-х годов. В протоколе говорилось: «Установлено, что СССР имеет право держать на арендованной у Финляндии территории полуострова Ханко и примыкающих островов до пятнадцати тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил».

Молотов немедленно обратился в Лигу Наций с заявлением: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря заключен договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы».

По части цинизма Вячеслав Михайлович кому угодно мог дать 100 очков вперед.

Сформировали правительство Финляндской демократической республики, Финскую народную армию и систему местного самоуправления — комитеты трудового народного фронта. Стали печатать газету «Кансан Валта». Занимался этим по-соседски Андрей Жданов. По его распоряжению ленинградская радиостанция организовала вещание на финском языке. Готовились провести выборы финляндского сейма, который примет решение о вхождении республики в состав СССР, как это было с Прибалтикой.

Отто Куусинен собственноручно написал обращение к вождю от имени «бойцов и командиров 1-го корпуса Народной армии Финляндии»: «Мы, сыны финляндского и карельского народов, охваченные пылом сегодняшней борьбы за освобождение

финляндского народа от ига преступной плутократии и империализма, шлем Вам, дорогой товарищ Сталин, проникнутый глубоким уважением наш пламенный боевой привет… Гордость и радость овладевают нами сегодня, когда вместе с десятками тысяч наших товарищей, борющихся по ту сторону фронта, во внутренней Финляндии, против белофинских палачей народа, присоединяемся к боевым приветствиям, посылаемым Вам, товарищ Сталин, трудящимися со всех концов земного шара…»

Сегодня историки отмечают, что эта идея, похоже, возникла спонтанно, без подготовки. Рассчитывали, что Куусинен сумеет расколоть финское общество (см.: Военно-исторический журнал. 2006. № 3). Но никакой поддержки он не получил. Никто не захотел иметь дело с «правительством» Куусинена, которое воспринимали как марионеточное.

Коллонтай констатировала: «Куусинен популярен среди финских коммунистов, но поддержки в народе он не имеет».

Нападение на Финляндию вызвало возмущение в мире.

Второго декабря 1939 года полпред Яков Суриц сообщал в наркомат из Парижа: «В связи с финскими делами очередной взрыв негодования. Больше всего ярости вызвало появление на сцене правительства Куусинена… даже больше, чем сами военные действия… Мы сейчас зачислены в число прямых врагов».

Лига Наций пригласила советских дипломатов приехать в Женеву для обсуждения инцидента у деревни Майнила, с которого началась война. Москва отказалась. 14 декабря Советский Союз исключили из Лиги Наций как агрессора. В Кремле этому даже не огорчились, считая, что настало время дел, а не слов… Германия вышла из Лиги сама, Японию уже исключили.

Европейцы окончательно поставили знак равенства между Гитлером и Сталиным. Премьер-министр Даладье отозвал французского посла из Москвы и сказал финскому посланнику, что готов разорвать отношения с Москвой, но это надо сделать синхронно с Англией. Реакция Лондона была более осторожной. Англичане исходили из того, что война в Финляндии по крайней мере мешает Сталину снабжать Гитлера сырьем и продовольствием.

Финляндия получила французское оружие: за четыре месяца в Хельсинки перебросили 175 самолетов, почти 500 орудий и пять тысяч пулеметов. Даладье был готов отправить в Финляндию англо-французский экспедиционный корпус и одновременно нанести бомбовый удар по нефтепромыслам в Баку. Он хотел не столько помочь финнам, сколько помешать поставкам советского

горючего нацистской Германии.

Англичане и французы не пошли на это потому, что главным противником все-таки был Гитлер, а фюрер был бы только рад такому повороту событий. Союзники боялись, что Гитлер перебросит на Кавказ немецкую авиацию на помощь советской противовоздушной обороне. А если немцы помогут Сталину на Кавказе, Сталин в ответ пошлет свои танки против французов…

Только в Берлине после некоторых колебаний все-таки однозначно встали на сторону Сталина: «Основой нашей политики в северном вопросе является наша дружба с Советской Россией». Гитлер публично поддержал Советский Союз в войне с Финляндией, сказав, что Сталин всего лишь хотел получить выход к незамерзающему морю. Немецкие суда снабжали советские подлодки в Балтике продовольствием и горючим. Немцы блокировали Ботнический залив, чтобы Запад не смог помочь Финляндии.

«Немцы в Москве очень довольны и смеются, — отмечал сотрудник американского посольства в СССР Чарлз Болен. — Они полагают, что чем больше русские завязнут в Финляндии, тем выгоднее это для Германии, так как она будет держать Советский Союз в руках и сможет выставлять любые требования политического и экономического характера, угрожая в противном случае оказать помощь Финляндии».

Соединенные Штаты и Швеция предложили Москве и Хельсинки посредничество, чтобы поскорее закончить войну. Шведы, связанные с финнами почти родственными отношениями, болезненно воспринимали происходящее.

Молотов ответил: «Советский Союз не признает так называемого финляндского правительства, которое находилось в Хельсинки… Советское правительство признает только правительство демократической Финляндии, во главе которого находится Куусинен».

В Москве были уверены в скорой победе Красной армии и свержении финского правительства. Председатель исполкома Коминтерна Георгий Димитров записал в дневнике, как 21 декабря 1939 года, когда отмечали шестидесятилетие вождя, Сталин откровенно сказал гостям:

— В Союзе стало тесновато. Финляндия, Бессарабия, Черновцы нам не помешают.

Через месяц, 21 января 1940 года, на дружеской вечеринке по случаю дня рождения Ленина, Сталин произнес тост:

— Пока мы убили в Финляндии шестьдесят тысяч человек. Теперь надо убить остальных, и тогда дело будет сделано. Останутся только дети и старики.

Превосходство Красной армии над финнами в живой силе и технике было многократным. Численность Советской армии составила почти миллион человек, финской армии — втрое меньше. Думали, что Финская кампания будет такой же легкой прогулкой, как вторжение в Польшу в сентябре 1939 года. А пришлось вести тяжелые, кровопролитные бои. Война шла не полмесяца, как предполагали в Генеральном штабе Красной армии, а три с половиной месяца. Отчаянное сопротивление финской армии опрокинуло все планы Сталина. Завоевать маленькую Финляндию не удавалось.

Главный удар на Карельском перешейке наносила 7-я армия, состоявшая из двух корпусов, усиленных танками; ее возглавил сам Кирилл Мерецков. Другие соединения и части должны были играть вспомогательную роль. Но глубина и надежность финской обороны оказались неожиданностью.

По инициативе барона Карла Густава Маннергейма, генерал-лейтенанта царской армии и фельдмаршала финской, на Карельском перешейке еще в 1920-е годы была создана система долговременных оборонительных сооружений. В 1938–1939 годах она была модернизирована. Однако «сотрудники нашей разведки, — вспоминал Мерецков, — считали эту линию не чем иным, как пропагандой». Советские танки подрывались на минах и не могли прорвать финские укрепления. Артиллерия не пробивала бетонные стены финских дотов. Советские части по вине неумелых командиров попадали в окружение, несли большие потери. Несмотря на огромное превосходство Красной армии над финнами, зимняя кампания протекала на редкость неудачно.

Особый отдел 18-й стрелковой дивизии докладывал своему начальству: «Все полки уничтожены полностью, нас беспрерывно днем и ночью забрасывают снарядами. Продержимся немного, умрем, не сдадимся. Торопите с помощью, иначе будет поздно. Дни наши сочтены, выручайте».

18-я дивизия была окружена, пыталась вырваться, но попала под сосредоточенный огонь противника, к своим пробились немногие. Виновным признали командира дивизии Григория Федоровича Кондрашова, по приказу Сталина его отдали под суд.

Рассекреченные документы особых отделов Красной армии, пишет член-корреспондент Академии наук Андрей Сахаров, «показывают катастрофические недостатки в состоянии советских вооруженных сил: слабый профессионализм командных кадров — выдвиженцев времен Гражданской войны, дремучий уровень рабоче-крестьянских бойцов, коррупцию, воровство и пьянство в армейских частях, нарастающую враждебность красноармейцев к

бессмысленно жестоким армейским порядкам, слабую техническую подготовленность сухопутных и авиачастей…».

С 14 по 17 апреля 1940 года в ЦК партии проходило совещание начальствующего состава армии, посвященное итогам войны с Финляндией. Стенограмма рассекречена. Многие военачальники высказывались очень откровенно — наболело.

Плохо работали штабы, терялись в боевой обстановке, не знали ситуации на фронтах. Командование Ленинградского округа делало ставку на массированное применение танков, артиллерии и авиации. Но незамерзающие болота, леса, снег, отсутствие дорог помешали использованию тяжелой техники. Без нужды отдавались приказы перебросить танки с одного фланга на другой, но танки не обеспечивались горючим. В результате 600 танков стояли без движения, превратились в груду металла.

Авиации у Красной армии было больше, чем у финнов, но выяснилось, что летчики умеют летать только в хорошую погоду, да и аэродромы не готовы к зимним полетам.

Комдив Михаил Петрович Кирпонос рассказал:

— В восемнадцать часов наши истребители летят ужинать или чай пить, а в это время противник летит нас бомбить.

— Противник знает, когда наши летчики чай пьют? — удивился Сталин.

— Конечно, — подтвердил Кирпонос.

Комдива ждал стремительный взлет. Накануне Кирпоносу присвоили звание Героя Советского Союза. К началу войны генерал-лейтенант возглавит Киевский особый военный округ. Не имея достаточного военного опыта и знаний, он погибнет, обороняя город, а вместе с ним многие тысячи его бойцов и офицеров…

Финские солдаты защищали родину. Красноармейцы не очень хорошо понимали, во имя чего они воюют. В 1940 году объявили, что потери Красной армии в войне с Финляндией составили 48 тысяч человек. Сегодняшние подсчеты дали другую цифру: 130 тысяч убитыми. Финская армия потеряла 23 тысячи, в шесть раз меньше.

Выяснилось, что командование Красной армии не имеет точных данных не только о противнике, но о количестве собственных бойцов и командиров. Армии и дивизии не могли сообщить, сколько у них в строю, сколько убито и ранено, сколько попало в плен…

«Лыжи вовремя в армию не поступали, а когда, наконец, доставлялись до соединений, то оказывалось, что они были без креплений и без палок, — отмечал Андрей Сахаров. — Красноармейцы, не готовые к лыжным переходам, как это было в

8-й армии, бросали их… Наступали сильные холода, а часть красноармейцев оставалась в летних пилотках, без теплых рукавиц, ходили в ботинках, потому что валенки вовремя также не поступали, не было и полушубков. Росло количество обмороженных, но по забитым дорогам раненых и больных бойцов невозможно было доставить в тыл, в госпитали, и бойцы сутками не получали необходимой медицинской помощи…»

К Финской кампании не подготовились интендантские службы. Солдаты получали промерзшие буханки хлеба, которые приходилось пилить или рубить топором. Кусочек мерзлого хлеба клали в рот, он таял, тогда его можно было разжевать… Армия голодала. Сухари стали спешно сушить уже во время войны. Красная армия вступила в войну в летнем обмундировании.

— 163-я дивизия пришла на фронт босая, — сказал на совещании Мерецков.

Командарм 2-го ранга Владимир Николаевич Курдюмов, начальник управления боевой подготовки Красной армии, признал:

— На финском театре в первый период войны было много обмороженных, потому что люди прибывали в холодной обуви, в ботинках даже, а не в сапогах. Причем часть ботинок была рваной. Я здесь докладываю с полной ответственностью, что воевать при сорокаградусном морозе в ботинках, даже не в рваных, а в хороших сапогах, нельзя, потому что через несколько дней будет пятьдесят процентов обмороженных…

Наши части, отступая, бросали тяжелораненых. Люди, которых могли спасти, умирали. Один из участников совещания горько заметил:

— Такой момент надо учесть — своевременно увозить погибших и раненных в бою. Это имеет большое моральное значение на войне для участников боя. Это нужно учесть. Враги-финны старались подбирать своих убитых…

Рассекреченные документы особых отделов рисуют еще более страшные картины: после боя находили останки красноармейцев, которых еще живыми поедали животные.

«Особый колорит общему облику Красной армии, — писал Андрей Сахаров, — придают многократно упомянутые в материалах спецслужб случаи мародерства на захваченной финской территории. Тащили из домов, покинутых жителями, или даже в их присутствии, буквально всё, что можно — велосипеды и швейные машинки, патефоны, шелковые женские платья, одежду, обувь, всякую утварь. С наивным восторгом советские бойцы — обитатели деревенских лачуг, пригородных бараков, «коммуналок» входили в благоустроенные, чистые,

ухоженные, полные неведомого им быта дома финских городских обывателей, сельских, хуторских жителей и забирали всё, что попадало под руку…»

Сталин со злой иронией высказался о частях, попавших в окружение:

— Окружена была всего лишь одна дивизия, а сюда телеграммы шлете — партии Ленина-Сталина: герои сидят, окружены, требуют хлеба… Сидели, кормили дармоедов… Каждый попавший в окружение считается героем…

Слова вождя запомнили. Попавшие в окружение воспринимались как плохие солдаты, а то и как предатели. Финны вернули советским властям 5572 пленных красноармейца. 180 человек отказались возвращаться в СССР, и они уцелели. Вернувшимся на родине не были рады, встречали их отнюдь не с цветами.

Девятнадцатого апреля 1940 года нарком внутренних дел Берия обратился к Сталину:

«Учитывая, что среди принимаемых военнопленных, безусловно, будет значительное количество лиц, обработанных финской, а возможно, и другими разведками, НКВД СССР считает необходимым обеспечить тщательную фильтрацию принятых военнопленных и проведение среди них соответствующих чекистско-оперативных мероприятий, для чего необходима их фильтрация на срок не менее двух-трех месяцев.

Для осуществления этого считаем целесообразным военнопленных поместить в Южский лагерь НКВД, находящийся в Ивановской области в 47 километрах от железнодорожной станции Вязники. В этом лагере в прошлом помещалась исправительно-трудовая колония НКВД для несовершеннолетних преступников. Лагерь рассчитан на 8000 пленных и вполне приспособлен для организации и размещения в нем военнопленных.

Оперативно-чекистская группа будет доведена до пятидесяти человек и обеспечена соответствующим руководством».

Из числа возвращенных военные трибуналы 350 человек приговорили к расстрелу. 4354 бывших пленных отправили в лагеря на срок от четырех до восьми лет. Освободить — и то через несколько месяцев — Берия предложил только 450 человек, «попавших в плен ранеными, больными и обмороженными».

Финнов попало в плен в семь раз меньше — всего 792 человека.

Финны противопоставили превосходящим силам Красной армии хорошо подготовленные небольшие подразделения бойцов. Стала ясна разница между плохо обученным призывником и

военным профессионалом.

Началось дезертирство, красноармейцы, попав под огонь, впадали в панику, бежали с поля боя, бросая оружие. Армейский комиссар 2-го ранга Александр Иванович Запорожец, член военного совета 13-й армии, подтвердил плохое моральное состояние вооруженных сил:

— Много было самострелов и дезертиров.

— К себе в деревню уходили или в тылу сидели? — уточнил Сталин.

— Было две категории. Одна — бежала в деревню, потом оттуда письма писала. Вторая — бежала не дальше обоза, землянок, до кухни. В одном полку было сто пять человек самострелов.

— В левую руку стреляют? — спросил Сталин.

— Стреляют или в левую руку, или в палец, или в мякоть ноги…

Финские солдаты были подготовлены к ближнему бою и несравненно лучше вооружены — в первую очередь автоматами и минометами, а еще финны оснастили свою армию пистолетами-пулеметами «суоми», удобными в бою. Красноармейцы имели только винтовки. Треть красноармейцев оказалась вовсе не обученной.

Расплата за поражения не заставила себя ждать.

«Следовали кары — аресты, предание военному трибуналу, расстрелы, создание контрольно-заградительных отрядов для борьбы с дезертирами, — писал Андрей Сахаров. — Так, в январе 1940 года за упущения и военные неудачи был расстрелян весь штаб 44-й стрелковой дивизии. Однако это, видимо, і^а-ло помогало, потому что вплоть до конца боевых действий сводки спецслужб и донесения руководства НКВД «наверх» по-прежнему изобиловали всё теми же обвинениями, что и прежде.

Все эти материалы рисуют весьма рельефно общую цивилизационную картину состояния Красной армии в канун предстоящего жестокого противоборства с гитлеровской Германией…»

В конце декабря 1939 года Ставка Главного командования приостановила боевые действия, чтобы подготовиться посерьезнее. Войну начали, сосредоточив на финском фронте двадцать одну дивизию, а потом пришлось наращивать силы и довели их число до пятидесяти восьми. Таким образом добились тройного превосходства в силах. На финский фронт перебросили дополнительное вооружение, прежде всего артиллерию большой мощности и авиацию. 11 февраля 1940 года после мощной артиллерийской подготовки советские войска начали новое

наступление, теперь уже более успешное.

Все месяцы войны Коллонтай с волнением следила за развитием событий. Она не знала, какие планы Сталин вынашивает относительно Скандинавии. Не намерен ли после Финляндии таким же способом решить и судьбу Швеции?

Командование Красной армии воспринимало Швецию как потенциального врага. Хотя Швеция после 1809 года ни разу не воевала. Миролюбивая политика, сознательное уклонение от конфликтов заложили основу ее завидного процветания — политического и экономического. Но в Москве не верили в искренность шведов. Считали, что они тайно помогают Финляндии и готовы вступить в войну на стороне врагов Советского Союза.

Двадцать первого октября 1939 года штаб Ленинградского военного округа отправил в Генеральный штаб и в 5-е (разведывательное) управление Красной армии сводку № 30. В ней, в частности, отмечалось: «Швеция начала поставку большого количества оружия Финляндии через порт Сундсвалл на Вааза».

Восьмого октября 1939 года Коллонтай писала из Стокгольма Щепкиной-Куперник: «Рвусь в Москву душою и сердцем. Тяжело в заграничной обстановке, хотя мы и гордо с радостью сознаем, что ключ от мировых событий в руках Москвы…

С восхищением чувствую, как в мировой политике Советский Союз несет новые методы, утверждает свою мощь, свое величие. Чудесно жить и видеть, как идеалы, за которые боролись в молодости, стали действительностью!»

Чем чаще она это пишет, тем меньше доверия к ее словам…

Пятнадцатого октября 1939 года снова пишет подруге из Стокгольма: «Мировая обстановка полна тревоги. Только в нашей благодатной и чудесной Советской стране жизнь идет радостно вперед».

В декабре 1939 года Коллонтай подготовила обширное письмо Молотову, а копию адресовала наркому обороны Ворошилову. Для начала охарактеризовала ситуацию в Швеции: «Новый кабинет будет держаться политики нейтралитета — попустительства, стараясь не дать явных поводов к тому, чтобы Швеция была втянута в войну. Затяжка операций на севере, однако, не исключает возможности инцидентов. «Материальную помощь» шведы почти открыто оказывают Финляндии, и, как известно, военно-техническая помощь Англии переправляется через север обеих скандинавских стран…»

Дальше Коллонтай переходит к главному, ради чего решилась всё это написать, — это просьба призвать работающих в Стокгольме советских разведчиков к сугубой осторожности.

«Чего добиваются наши враги здесь — как местные активисты, давящие на шведское правительство, так и Англия. Разрыва дипотношений с нами из-за какого-либо «шпионского конфликта»… Это развяжет руки нашим врагам, чтобы уже без стеснения… оказывать помощь Финляндии в смысле снаряжения…

Пока Советский Союз имеет здесь свое представительство, работа по снабжению Финляндии затруднена. От разрыва с нами ни одна группа промышленников не пострадает, наши торговые связи крайне ничтожны. Некоторой острасткой разрыва с нами является реагирование на это Германии. Но достаточный ли это фактор, пока учесть трудно.

Прошу указаний: в каком положении наши отношения с Швецией в орбите всей мировой политики. Вам это виднее. Мы делаем, как нам и полагается, всё, чтобы где и как можно препятствовать разрыву, не упуская, разумеется, наших интересов и престижа. Но у нас в Союзе может быть учет хода вещей иного характера, и «дела» уже зашли за пределы надежд сохранить со Швецией добрососедские отношения?..

Что может грозить непосредственно в смысле наскоков на нас?

Налет на полпредство не считаю возможным… Другое дело — торгпредство и Интурист. Эти учреждения, несомненно, под известной угрозой. Крайне важно, чтобы из Москвы:

во-первых — руководству были даны соответствующие указания соблюдения сугубой осторожности (например, беспрекословное подчинение требованиям работников секретно-шифровального отдела);

во-вторых — лиц, ведущих определенную работу, лучше не иметь в торгпредстве. При аресте сотрудника торгпредства (а на определенной работе такой случай вполне реален) будет создан именно тот «инцидент», которого ищут, добиваются наши враги…

Я помогаю всем, чем могу, указаниями, советами и проч., но сейчас нужны здесь опытные работники, лучше не портить «престижа» торгпредства, а использовать для определенной работы официально числящихся работников по военной линии. При их провале — это дело «естественное» и не повлечет за собою тех последствий, вредных для СССР, как, например, при «разоблачении» официального торгового представительства СССР как «гнезда». Учтите.

Положение трудное и серьезное.

Не могу не указать, что пока у меня нет помощника, не с кем даже посоветоваться, так как все новые и их всех еще надо учить и учить. Делаю всё, что в силах. Конечно, и как всегда, морально

бодра и оптимистична, но Ваши поддержка и указания мне крайне нужны в этой обстановке».

И от руки дописала постскриптум:

«Крайне желательно ускорить приезд сюда тов. Никитушева».

Полковник Николай Иванович Никитушев был назначен советским военным атташе в Стокгольме. Выпускник командного факультета Военной академии механизации и моторизации, он в 1938 году поступил в Академию Генерального штаба. Оттуда в сентябре 1939 года офицера-артиллериста взяли в разведывательное управление Красной армии. Так что в Стокгольме ему предстояло иметь дело с резидентурой военной разведки, не имея соответствующего опыта.

Во время Второй мировой полковник Никитушев руководил широкой сетью агентов, правда, шведская контрразведка их методично вылавливала. С Коллонтай он сотрудничал вполне успешно. Александра Михайловна нуждалась в компетентных помощниках, когда перед ней ставились такие сложные задачи. Она вспоминала, что Никитушев понимал ситуацию в Швеции и ей было с ним просто работать. В отличие от других присланных из Москвы людей, далеких от дипломатии и потому беспомощных. Они злобствовали и требовали от полпреда «держать шведов в строгости», делать им выговоры, грозить… Коллонтай объясняла им, что они в полпредстве, а не в губкоме: «Наша задача держать шведов нейтральными, а не раздражать их по пустякам».

Парламент Финляндии обратился за помощью к народам всего мира, заявив, что страна стала жертвой агрессии. Швеция поддержала Финляндию в войне с Советским Союзом. От Коллонтай требовали делать всё, чтобы удержать Швецию на нейтральных позициях.

Двадцать девятого декабря 1939 года она пожаловалась Вере Юреневой: «От перегрузки слегла в особом «припадке переутомления». Это новая болезнь — всё сразу: сердце, печень, почки. Шесть дней лежала и спала или полуспала два дня. А потом — потребовалось во что бы то ни стало работать, и я лежа приняла за день четырнадцать посетителей и всё по серьезным вопросам. Но сегодня я уже снова на ногах…»

Видя, что творится в мире, Сталин спешил закончить неудачную войну. Начались тайные переговоры с финнами — через посредство шведов — о заключении мира. Вот тут и понадобилась Александра Михайловна Коллонтай.

В январе 1940 года шведы попросили Коллонтай узнать в Москве, примет ли СССР шведское посредничество и готов ли он заключить мирный договор с Финляндией. Шифровки от

Молотова не было несколько дней. Полковник Никитушев успокаивал Коллонтай: в Москве не выработали основу для переговоров, оттого и не отвечают. Ответ от Молотова содержал такие требования, пойти на которые финны не были готовы.

Коллонтай с ее дипломатическими талантами, широкими и давними связями в политическом истеблишменте Скандинавии играла в секретных переговорах главную роль.

Лидер социал-демократической партии и министр иностранных дел Финляндии Вяйне Альфред Таннер тайно приезжал в Стокгольм, чтобы поговорить с советским полпредом. Они беседовали в гостиничном номере. Коллонтай сочла его предложения разумными и передала в Москву. Ответ был обескураживающий: «Ваше предложение не может служить базой для мирных переговоров».

Телеграммы из Москвы носили характер приказа. Коллонтай, как могла, смягчала их тон. У нее возникли трения с резидентурой НКВД. Политическая разведка хотела показать Сталину, что это ее люди заставят финское правительство принять условия мира.

Уже после смерти Зои Ивановны Воскресенской, автора детских книг о Ленине (за что она удостоилась Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола), появились ее воспоминания о работе в разведке. В том числе в Скандинавии.

«В конце 1939 года, — писала Зоя Воскресенская, — я была направлена в Стокгольм с заданием восстановить связи с агентурой в Финляндии. Необходимо было знать истинное положение в стране. Прилетела самолетом, явилась в полпредство к Коллонтай, но Александра Михайловна встретила меня холодновато:

— О вашем приезде я не была осведомлена. С какой миссией вы прибыли?

— Война с Финляндией, — пожала я плечами.

— Вот этого я и опасалась, — сказала она. — За нашим полпредством и всеми нашими работниками ведется наблюдение. Любое неосторожное действие может привести к тяжелейшим последствиям…

Она отправила телеграмму Молотову с просьбой отозвать меня, «поскольку деятельность советской разведки в Швеции в данной обстановке может привести к осложнениям». На эту шифровку последовал ответ: «Товарищ такая-то выполняет задание своего руководства».

В воспоминаниях Коллонтай Зоя Воскресенская не упоминается. Видимо, будущая писательница не была заметной для посла фигурой. А вот появление другого представителя НКВД

в бумагах полпреда отмечено.

В марте 1940 года, в разгар переговоров, в стокгольмское полпредство прислали нового сотрудника. Новичок не понравился Коллонтай: «Самоуверенный зазнайка и ничего не знает о дипломатической работе (он из другого ведомства). Он всё пристает ко мне и допытывается, как идут переговоры, но именно этого я не могу ему сказать.

— Я прислан сюда, чтобы вам помочь, а если я не буду в курсе, вам же хуже. У вас могут получиться крупные неприятности, от которых именно я смог бы вас избавить.

Он ревнует и следит за моими беседами с военным атташе.

— С ним вы делитесь положением дел, почему вы скрываете от меня вашу работу, не доверяете мне? Спросите Москву!

Его жалобы мне так надоели, что я запросила Молотова и получила ответ, подтверждающий прежнюю директиву: сохранение полной секретности, никого из членов полпредства не вводить в курс переговоров. Отношения мои с новым секретарем не налаживаются. Я отмахиваюсь от этой ненужной помехи в работе, но меня раздражает постоянная его обидчивость…»

Иногда ей приходилось мчаться в шведское министерство иностранных дел по ночам. И так продолжалось четыре недели. Таннер говорил ей:

— Что еще желает Москва? Карельский перешеек мы уступаем вам, Ханко и острова отдаем… Но на что вам Выборг? Это историческая реликвия финского народа. Отдать эту старую, ненужную, но дорогую сердцу каждого финна крепость — это бьет по гордости каждого финна.

Коллонтай спокойно возразила:

— К чему такие слова, господин министр? Мир, мир нужен финскому народу. Купить его нужно ценой Выборга.

В конце концов финны приняли советские условия.

Переговоры тяжело дались Коллонтай: «После этих напряженных дней я уже не была прежней «вечно юной Коллонтай», как пелось в частушке обо мне».

В ночь с 12 на 13 марта 1940 года в Москве был заключен мирный договор. С финской стороны его подписал министр без портфеля Юхо Кусти Паасикиви. Сталин не мог себе позволить затягивать столь непопулярную в стране и мире войну. Во внешней политике потери были очень большими, хотя Молотов смело назвал войну «новым международным успехом Советского Союза».

Тринадцатого марта Коллонтай получила телеграмму от Молотова: «Ввиду Ваших больших заслуг во всем этом деле горячо поздравляю вас».

Третьего апреля политбюро постановило:

«В связи с окончанием военных действий разрешить НКВД СССР:

1. Установленный порядок передвижения граждан по Кировской железной дороге по индивидуальным пропускам — отменить.

2. Изъятые у гражданского населения радиоприемники личного пользования возвратить.

3. Отменить распоряжение о закрытии радиостанций наркоматов и ведомств».

Финны сохранили свою независимость, но им пришлось отдать всё, что от них требовал Сталин. Советский Союз получил все территории, которые хотел, а сверх того — в аренду весь полуостров Ханко, где должна была появиться советская военно-морская база. Границы СССР на Карельском перешейке отодвинулась на 150 километров. Финляндия потеряла целую провинцию, ее жителям пришлось бросить свои дома. Отнятые у соседей территории включили в состав образованной 31 марта 1940 года Карело-Финской союзной советской республики.

За десять дней до этого, 21 марта, Куусинена и его министров Анттилу и Прокконена пригласили к Сталину. Там им, видимо, объявили, что деятельность «народного правительства» прекращена. Большинство его активистов пристроили в Карелии.

В 1920—1930-е годы Карелия была автономной республикой в составе Российской Федерации. Во время мирового экономического кризиса 1929 года советская пропаганда зазывала в Карелию финнов. Около двенадцати тысяч финнов перебрались в советскую Карелию. Приехали даже несколько тысяч финнов из Америки. Они всё бросили, распродали имущество и поехали в счастливую страну, где нет безработицы и эксплуатации. А попали в глухие карельские леса, в тяжелейшие условия, где трудились за гроши. Паспорта и валюту у них отобрали. Целые группы американских финнов приезжали со своей техникой, ее отбирали и передавали в совхозы. Из-за присутствия иностранцев в Карелии постоянно происходили чистки, шла борьба с «финским буржуазным национализмом». Наибольшее недоверие вызывали те, кто по своей воле перебрался в Советский Союз, желая участвовать в строительстве социализма…

Теперь Карельскую АССР переименовали в Карело-Финскую и повысили ее статус до союзной республики. Соответственно Карельский обком преобразовали в ЦК компартии Карело-Финской ССР. Сталина не покидала надежда целиком присоединить Финляндию к Советскому Союзу, поэтому он отправил в Петрозаводск Куусинена. Но назначил его не первым

секретарем ЦК, а с расчетом на будущее международное признание председателем президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

«Мы понесли тогда огромные потери, — вспоминал Никита Сергеевич Хрущев. — В ответ было сменено военное руководство: смещен Ворошилов с поста наркома обороны… Отношения между Сталиным и Ворошиловым были мало сказать дружескими: я всегда видел их вместе, они были неразлучны. Если Сталин пошел на это, то можно себе представить, как был он поражен слабостью нашей армии в войне с финнами!»

Финская кампания показала, что советские вооруженные силы не готовы к серьезному военному конфликту. Во всяком случае именно такой вывод сделал Адольф Гитлер:

— Состояние русской армии — катастрофическое. Ее едва ли можно использовать для боевых действий. Отсюда, видимо, и такое упорство финнов… Россия в данный момент не опасна. Она внутреннее ослаблена… В настоящее время боеспособность русских вооруженных сил незначительна…

Наблюдая за ходом боевых действий Красной армии, Гитлер пренебрежительно сказал Геббельсу:

— Хорошенького же союзника мы себе выискали.

До столкновения с Германией оставалось немногим больше года. Если бы уроки были извлечены, многое удалось бы исправить.

Но Сталин велел считать Финскую кампанию победоносной:

— Финнов победить — не бог весть какая победа. Мы победили еще их европейских учителей — немецкую оборонительную технику победили, английскую оборонительную технику победили, французскую оборонительную технику победили. Не только финнов, но и технику передовых государств Европы. Не только технику, мы победили их тактику, их стратегию. В этом основная наша победа!

А раз победили, то зачем что-то менять? Маршал бронетанковых войск Павел Семенович Рыбалко вспоминал: «В Финляндии мы опозорились на весь мир. Армией командуют неграмотные люди — командиры эскадронов, вахмистры без образования и опыта». В июне 1941-го Красной армией командовали те же командиры.

Большая игра

В сентябре 1940 года начальник 2-го отделения информационного отдела разведывательного управления

Генштаба полковник Завьялов подписал справку «К положению в Швеции»:

«По полученным за последнее время сведениям, в Швеции происходят события, показывающие, что Швеция медленно, но верно «осваивается» германским империализмом и превращается в придаток германской империи.

Прежде всего необходимо отметить факт транзита немецких войск через Швецию, расцениваемую населением и кругами, близкими к руководящей шведской верхушке, как потеря свободы и независимости Швеции, от которых осталась одна фикция, так как непосредственная оккупация важнейших центров, как Мальме, Буден, Долиден, Кируна и др., может быть произведена немцами в любой момент, который они найдут подходящим.

Для этой задачи предпринимаются меры к удалению из состава шведского правительства лиц, не отвечающих по своей ориентации деланиям и стремлениям Германии…»

Военная разведка отметила, что по требованию немцев из шведского правительства вывели министра иностранных дел Рикарда Сандлера; если уберут и министра обороны Пера Эдвина Шельда, это «будет означать победу германофильствующего и нациствующего офицерства шведской армии»: «Буржуазией и особенно ее лакеями — шведской социал-демократией предприняты меры к обработке общественного мнения в том духе, что в свободной Швеции необходимо проявлять «единство национального сознания», направленного в сторону соседних «братских стран с общегерманской культурой»… Другим не менее значительным фактором в общественной жизни Швеции является обострение антисоветских настроений шведской буржуазии в связи с вхождением Прибалтийских государств в состав СССР…»

Александр Андреевич Завьялов, выпускник командного факультета Военной академии механизации и моторизации, был взят в военную разведку, служил военным атташе при полпредстве в Латвии, затем его отозвали в центральный аппарат. В октябре 1940 года 38-летний полковник скоропостижно скончался от туберкулеза. Его с почестями похоронили на Новодевичьем кладбище.

Сближение Швеции с Германией рассматривалось как «недоработка» советского полпреда в Стокгольме. От Коллонтай требовали объяснений и предложений. Позиция Швеции имела особое значение, поскольку в Москве всё-таки намеревались окончательно решить «финский вопрос».

На республиканском партийном съезде в Петрозаводске еще в апреле 1940 года говорилось, что скоро «пролетариат и трудящееся крестьянство Финляндии… поднимутся с новой

сокрушающей силой и сбросят в мусорную яму всю эту продажную шайку Маннергеймов. В нужный момент мы протянем братскую руку помощи народу Финляндии в его борьбе против эксплуататоров».

На партийно-комсомольском собрании аппарата президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин сказал:

— Если бы, конечно, присоединить Финляндию, то положение еще больше улучшилось с точки зрения стратегии.

В ноябре 1940 года нарком Молотов приехал в Берлин договариваться с Гитлером.

Немцы предложили проект соглашения четырех держав — России, Германии, Италии и Японии, чтобы координировать политику и поделить сферы влияния. Идея наркому нравилась. Но он хотел всё уточнить. Вячеслав Михайлович в том числе сказал фюреру, что они со Сталиным рассчитывают, что Германия признает, что «Финляндия должна быть областью советских интересов». Гитлер не без колебаний согласился с этим.

— В той же степени, как, например, Эстония и Бессарабия, — уточнил Молотов.

К тому времени Бессарабия и Эстония уже стали частью Советского Союза. Вячеславу Михайловичу нужно было получить прямое согласие Гитлера на присоединение Финляндии.

— Я не хочу войны в Финляндии, — ответил Гитлер. — Кроме того, Финляндия является для Германии важным поставщиком.

— Это оговорка является новым моментом, — заметил Молотов. — Прежде советские интересы в Финляндии признавались без оговорок.

— Нет ничего нового, — возразил Гитлер. — Когда вы вели войну с Финляндией, мы сохраняли лояльность. Мы советовали Финляндии согласиться на ваши требования. Но как вы говорили, что война в Польше будет источником осложнений, так я теперь заявляю, что война в Финляндии будет источником осложнений. К тому же Россия уже получила от Финляндии львиную долю того, что она хотела…

Двадцать пятого ноября 1940 года, вернувшись в Москву, Молотов пригласил к себе германского посла Шуленбурга и сказал, что Советский Союз готов принять проект пакта четырех держав, но выдвигает свои условия: «Немецкие войска должны покинуть Финляндию, которая по советско-германскому соглашению 1939 года является сферой влияния СССР. Экономические интересы Германии в Финляндии (поставки леса и никеля) будут обеспечены».

Покинув Берлин, Молотов оставил там нового полпреда —

Владимира Георгиевича Деканозова, которого в Наркомат иностранных дел перевели из НКВД. 19 декабря 1940 года Деканозов вручил верительные грамоты Гитлеру. Во время беседы нового полпреда с фюрером обсуждался только один внешнеполитический вопрос: Швеция и Финляндия.

«Приняв верительные грамоты и поздоровавшись со мной, Гитлер предложил сесть, — докладывал Деканозов в Москву. — Он спросил, происхожу ли я из той местности, где родился Сталин, знаком ли я со Сталиным издавна по совместной революционной работе. Я ответил, что родители мои происходят из той же местности Грузии, где родился Сталин, сам я родился в Баку, совместную революционную работу в Грузии со Сталиным не вел, сказал, что мне сорок два года, а т. Сталину около шестидесяти одного года.

Гитлер сказал, что я самый молодой посол в Берлине. В былые времена раньше шестидесяти пяти лет никто не становился послом, теперь всё изменилось. Я заметил, что в Германии теперь также происходит выдвижение молодых кадров на разные отрасли государственной работы. Гитлер подтвердил это…

Обратившись затем к Риббентропу, он спросил его, говорил ли тот со мной по политическим вопросам. Риббентроп ответил Гитлеру, что посол Деканозов спрашивал его, что известно германскому правительству о намечающемся соглашении между Швецией и Финляндией по вопросу о слиянии внешнеполитической деятельности этих стран, и что он, Риббентроп, ответил мне, что им об этом ничего не известно. Гитлер это выслушал молча и только кивнул головой. Риббентроп сказал, обращаясь ко мне, что он примет меня для беседы на будущей неделе».

Возможен ли военно-политический союз Швеции и Финляндии — вот что в декабрьские дни 1940 года волновало советских руководителей.

Седьмого октября 1940 года Александра Михайловна Коллонтай подписала с министром финансов и народного хозяйства Швеции соглашение о торговле и кредите. Она старалась объяснить Москве реальную картину взаимоотношений Швеции и Германии.

Конечно же и в Берлине, и в Стокгольме были сторонники сближения и даже тесного союза двух стран. Скажем, второй человек в рейхе — Герман Геринг. В 1917 году молодой летчик кайзеровского военно-воздушного флота Геринг сбил двадцатый вражеский самолет и получил высшую награду за храбрость. После войны, демобилизовавшись в звании капитана, уехал в

Швецию, где работал пилотом на коммерческих авиалиниях. Здесь он встретил будущую жену — Карин фон Кантцов. Во время пивного путча 1923 года, когда нацисты в первый раз пытались взять власть, Геринг был ранен. Его увезли в Австрию, где он провел полтора месяца в больнице. Врачи не жалели для него морфина, и он привык к наркотикам. Отучали его от наркотиков в шведском санатории. Геринг приезжал в Швецию на могилу первой жены, что с неудовольствием отмечала Коллонтай.

Нацисты позаимствовали у шведов кое-что «полезное».

Первый институт расовой биологии появился в Швеции в 1922 году. Главная идея состояла в том, чтобы лишить «неполноценных людей» возможности иметь детей. Шведы приняли закон о стерилизации умственно отсталых и психически больных. Разрешалось стерилизовать и тех, кто ведет антисоциальный образ жизни: «показанием к стерилизации являются цыганские черты и склонность к бродяжничеству». Политики считали, что такая программа выгодна еще и с финансовой точки зрения. Зачем плодить детей, которых придется кормить из государственного бюджета?

Но от этой программы в Швеции вскоре отказались, осознав ее аморальность. Настоящие поклонники этой идеи нашлись только в Германии. Заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс сказал, что национальный социализм — это «не что иное, как прикладная биология».

Четырнадцатого июня 1933 года немецкие национал-социалисты приняли закон «О предотвращении потомства с нездоровой наследственностью». Принудительной стерилизации подлежали те, кого считали носителями тяжелого наследственного заболевания. К таким порокам относили слепоту и глухоту. Стерилизации подверглось примерно 400 тысяч человек. Вслед за стерилизацией началась эвтаназия — «умерщвление людей из гуманных соображений». Эвтаназия сменилась фабриками смерти…

Немецкие нацисты причисляли шведов к арийцам. Адольф Гитлер сделал политическую карьеру, утверждая, что только одна группа людей на земле является созидателями — это арийская раса, высокие, сильные белокурые люди с голубыми глазами, уроженцы Северной Европы. Они одни от природы наделены гениальными способностями. Они только и могут взвалить на себя бремя ответственности за развитие человечества.

Но цивилизация, первые города, письменность возникли на Ближнем Востоке и в Азии, то есть очень далеко от мрачных и холодных лесов Северной Европы. История сохранила представление о древних германцах как о варварах. Как же

доказать, что древние германцы и, следовательно, их наследники — современные немцы представляют расу господ, если их вклад в развитие цивилизации так скромен?

Переписать историю взялся рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. В штабе СС создали псевдонаучную организацию — «Немецкое наследие предков. Общество по изучению духовной истории» (сокращенно «Аненербе»).

Вокруг «Аненербе» ходит множество легенд, не имеющих никакого отношения к реальности. Рассказывают, будто ее сотрудники овладели сверхъестественными силами, создали чудо-оружие. Что они вообще были магами и чародеями. На самом деле это была организация, занимавшаяся мифотворчеством во имя псевдонаучного обоснования расовых идей нацистской партии.

Президентом общества «Аненербе» Гиммлер утвердил Германа Вирта, произведя его в гауптштурмбаннфюреры СС. «Вирт — художник, который заставляет камни говорить, психолог, который слышит биение сердец сквозь столетия, религиовед, который ощущает вечные истины ума и духа, передающиеся из поколения в поколение», — писал один из его поклонников.

Герман Вирт доказывал, что западная культура идет к краху. Единственное спасение — обращение к прошлому, к идеям и духовности нордической цивилизации. Вирт понял, чего от него ждут — полностью переписать историю человечества. Гиммлер поручил Вирту возглавить первую заграничную команду «Аненербе». В июле 1936 года экспедиция отправилась в Швецию. Искали следы самой старой письменности — будто бы утерянного арийского алфавита. Вирт взялся изучать древние надписи на гранитных холмах в Швеции. Он был уверен, что это и есть священные тексты нордической цивилизации…

Во время Второй мировой войны рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер порадовал Адольфа Гитлера сообщением о том, что «недавно в состав войск СС было зачислено двести пятьдесят шведов, вслед за которыми, несомненно, потянутся и другие». Фюрер ответил, что «всемерная пропаганда именно германской идеи есть, безусловно, верный шаг. Тем самым можно как магнитом извлечь из германских народов лучшие, так сказать, металлические элементы, стальных людей и притянуть их к себе».

Но в Швеции оказалось мало желающих воевать за третий рейх. И вообще поклонников Гитлера и его идей оказалось немного. Другое дело — экономика. В этой сфере сотрудничество было тесным и жизненно необходимым для обеих стран. Третий рейх крайне нуждался в шведском сырье. Немецкая экономика в

принципе не могла существовать без импортных поставок. Германия в избытке имела только уголь. Остальное приходилось покупать.

Летом 1937 года начальник экономического управления вермахта Георг Томас составил меморандум, отразивший возмущение военных: «Вооруженные силы не понимают, почему государство, партия и промышленность позволяют себе затевать большие строительные проекты, когда не хватает металла и строительных материалов для казарм».

После начала Второй мировой войны Германия еще и оказалась в экономической изоляции. Весь мир полагал, что третий рейх хорошо приготовился к войне, что вермахт обладает полным превосходством в силах, что накоплены огромные запасы оружия, горючего и сырья. Но это была фикция. Для Германии вступление в войну было невероятной авантюрой. Франция и Англия отрезали ее от поставок из-за рубежа. Импорт важнейших видов сырья — нефти, железной руды, меди — упал до кризисно низкого уровня. Экономика, полностью зависящая от импорта, была на грани полного развала.

Начиная с ноября 1937 года и до последних дней существования третьего рейха сталь и другие важнейшие виды сырья распределялись лишь с личного разрешения Адольфа Гитлера.

Во время войны немецкие танкисты получали памятку: «За каждый снаряд, который ты выпустишь по врагу, твой отец заплатил сто марок в виде налогов, а твоя мать неделю простояла за станком на фабрике… Танк «Тигр» стоит восемьсот тысяч марок, это триста тысяч рабочих часов. Тридцать тысяч человек отдали свой недельный заработок, шесть тысяч работали целую неделю, чтобы ты получил этот «Тигр». Все они работали ради тебя. Думай о том, какое оружие теперь оказалось в твоих руках!»

В 1940 году больше половины железной руды поступало в Германию из-за границы, из них 83 процента закупалось в Скандинавии. Но и Швеция зависела от немецких поставок каменного угля. Своих энергоресурсов в стране не было; когда исчез бензин, в Стокгольме машины работали на дровах, в том числе автомобиль короля. Премьер-министр добирался до министерства на трамвае. В апреле 1939 года социал-демократическое правительство в Стокгольме заверило Берлин, что продолжит поставлять руду и в случае войны.

Германию беспокоили маршруты доставки шведской руды. В зимние месяцы она поступала через норвежский порт Нарвик. Немцы боялись, что, если англичане захватят Нарвик, сталелитейные заводы в Руре остановятся. По приказу премьер-

министра Уинстона Черчилля британские войска именно это и попытались сделать. Гитлер тоже приказал захватить Норвегию (а заодно и Данию). После трехмесячных боев британским войскам пришлось эвакуироваться, и транзит через Нарвик не прекращался до самого конца войны.

Чтобы гарантировать поставки шведской железной руды, Германия фактически пожертвовала своим флотом. Британские корабли потопили все десять современных эсминцев, которые сопровождали немецкий десант в Нарвик. Главком военно-морских сил гроссадмирал Эрих Рёдер отправил и два тяжелых крейсера «Гнейзенау» и «Шарнхорст» в норвежские воды, где их сильно повредили британские торпеды. Немецкий надводный флот перестал существовать как серьезный военный фактор.

Лето 1940-го было временем невероятных успехов третьего рейха.

«Когда передовые немецкие части достигли Парижа, а в сводке вермахта сообщили о победоносном завершении боев в Норвегии, — вспоминала кинорежиссер Лени Рифеншталь, большая поклонница нацистов, — по всей Германии три дня звонили колокола. На улицах реяли флаги».

Лени Рифеншталь послала Адольфу Гитлеру поздравительную телеграмму: «С неописуемой радостью и волнением, преисполненные горячей благодарности, мы переживаем, мой фюрер, величайшую победу — Вашу и всей Германии. Вы совершаете невиданные в истории человечества деяния… Слова бессильны выразить Вам переполняющие меня чувства».

Оккупировав Норвегию, немцы сделали главой марионеточного правительства Видкуна Квислинга. В 1917 году он был норвежским военным атташе в Петрограде и всерьез подумывал о присоединении к большевикам. Но потом создал собственную праворадикальную партию «Национальное объединение», ориентировавшуюся на национал-социалистическую партию Гитлера. Видкун Квислинг настолько жестоко расправлялся с норвежскими патриотами, что его имя стало нарицательным обозначением коллаборационистов, сотрудничавших с нацистами.

Александра Коллонтай видела, как вздрогнули шведы в тот апрельский день 1940 года, когда немецкий экспедиционный корпус высадился в Норвегии.

Главной заботой шведов в ту пору было любыми путями избежать судьбы Норвегии. Они шли навстречу немецким требованиям, чтобы не спровоцировать вторжение вермахта. Страны, не оккупированные немцами, примерялись к новой

реальности. Европейские фирмы поставляли товары Германии, а расплачивались за них местные банки, потом они выставляли консолидированный счет рейхсбанку. Но Берлин не платил по счетам всю войну. В 1944 году рейхсбанк был должен 30 миллиардов марок по внешнеторговым счетам. Но с такими важными государствами, как Швеция, Германия обращалась иначе. Шведские счета оплачивались в первую очередь.

В мае 1940 года Коллонтай писала: «Здесь много перемен. Европа перестраивается на военный лад. Кофе, мыло, сахар — всё по карточкам. В Стокгольме мы почти всё время сидим без света, напряжение колоссальное, но у шведов образцовый порядок, и, вопреки трудностям, у них все хорошо организовано».

Коллонтай очень уважительно относилась к шведам. Когда уже шла война, писала: «Шведы не теряют присутствия духа и демонстрируют прекрасную дисциплину. Они обладают даром организовывать быт даже в самых трудных условиях».

«На моем балкончике, — меланхолически пометила в дневнике Коллонтай, — стеклянное блюдо со спелой садовой земляникой, ананасной, значит, сладкой. Напоминает петербургскую клубнику, какую я больше не встречала. В 1917 году ее уже не было. Почему вывелся этот чудесный сорт земляники? Или огородники под Питером обладали особым секретом, как ее выращивать? И секрет этот пропал с войной и новым бытом?..»

В войну не только советским гражданам, работавшим за границей, Швеция казалась землей обетованной. Для немцев последнее нейтральное государство Скандинавии приобретало всё большее значение.

Увеличение налогов в 1941–1942 годах вкупе с еще большим ограблением оккупированных территорий позволяло имперскому министерству финансов оплачивать военные расходы. К тому же большие накопления немцев тоже использовались для финансирования военной промышленности. Денег третьему рейху хватало. Но после поражения под Сталинградом механизм финансирования войны развалился. Немцев охватила паника. Побежали забирать деньги из банков. Расцвел черный рынок. Когда туда хлынули деньги, финансовая система затрещала. Государство не получало назад выплаченные в качестве зарплаты деньги. Ясно было, что накопления сгорят в гиперинфляции — если не военной, то послевоенной, поэтому зарплата потеряла значение. Подскочила цена реальных товаров — продовольствия, сигарет, одежды. Да и компании потеряли интерес к бумажным деньгам. Какой смысл накапливать деньги на счетах, если на них нечего купить? Промышленники пытались экспортировать

капитал, чтобы спасти деньги в нейтральных странах, прежде всего в Швеции.

Во время Второй мировой войны уже половина шведского импорта и больше сорока процентов шведского экспорта приходились на Германию. Руда доставлялась в Германию морским путем. В Ботническом заливе транспорты топили подводные лодки. Шведы доказательств не имели, но считали, что эти лодки — советские. Делали Коллонтай постоянные представления. И были правы. Балтийский флот пытался помешать поставкам Германии стратегического сырья.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года изменило и жизнь советских дипломатов в далекой от линии фронта Швеции. Каждый день приходили плохие новости. Утром Коллонтай не хотелось брать в руки газеты — шведская печать сообщала о стремительном продвижении вермахта вглубь России. Спасение, как всегда, искала в работе.

Советские представительства в континентальной Европе, оккупированной немцами, прекратили свою работу. И посольство в Стокгольме приобрело особую ценность. Из Москвы шли инструкции, означавшие, что внешняя политика развернулась на 180 градусов. Вчерашние союзники и партнеры стали врагами. А вчерашние противники — западные державы — превратились в союзников.

После 22 июня 1941 года интересы Советского Союза в Германии стало представлять посольство Швеции. Шведские дипломаты связались с советскими дипломатами в Берлине, подлежащими интернированию, посредничали в их эвакуации. Москва просила шведскую миссию взять на себя охрану имущества СССР в Германии. Но 21 августа Коллонтай доложила со слов шведских дипломатов, что нацисты всё захватили. В здании советского посольства в Берлине разместилось министерство по делам восточных оккупированных территории Альфреда Розенберга.

Пятого октября 1941 года Коллонтай писала испанке Паленсии в Мексику: «Жизнь изменилась. Сократился импорт, что создает некоторые неудобства. Я пью кофе только раз в неделю. Но это такая мелочь, когда сердце переполнено скорбью при мысли о тех страшных лишениях, которые терпит любимая страна».

Беседы в санатории на деликатные темы

В Стокгольме под крылом Коллонтай начинали работать

дипломаты, сделавшие потом изрядную карьеру. Владимир Иванович Ерофеев стал помощником Молотова. Андрей Михайлович Александров-Агентов — помощником Брежнева. Владимир Семенович Семенов — заместителем Громыко.

Андрей Александров-Агентов, назначенный корреспондентом ТАСС, прилетел в Стокгольм в июле 1940 года вместе с женой на самолете.

«Коллонтай приняла нас обоих в своем заваленном книгами и бумагами маленьком кабинете, — вспоминал он, — приняла радушно и приветливо и долго расспрашивала о нашей жизни, учебе, о наших планах, немного рассказав попутно об обстановке, сложившейся в Швеции. В ответы вслушивалась внимательно, как если бы стараясь определить, что перед ней за люди, каковы их потенции и природа».

Александров-Агентов в 1935 году поступил в Ленинградский институт философии, литературы и истории, который преобразовали в филологический факультет университета. Учился на скандинавском отделении. Сразу после его окончания Александрова-Агентова командировали в Швецию. Он мечтал туда попасть и наслаждался жизнью в Стокгольме.

Он обрабатывал местную прессу, по телефону диктовал обзор шведских газет стенографисткам ТАСС в Москве. Информация, не предназначенная для широкой публики, отправлялась закрытой служебной почтой. По характеру кабинетный работник, он очень много писал. Владел шведским, английским, немецким, латынью. Его жена Маргарита Ивановна Панкрашова, тоже знавшая несколько европейских языков, работала переводчиком в торгпредстве.

«В миссии, — вспоминал Александров-Агентов, — всё крутилось вокруг «мадам», определялось ее личными традициями, вкусами, привычками. В парадных залах висели ее портреты и фотографии выдающихся деятелей из мира международной политики и искусства с автографами. Секретарь аккуратно вела альбомы вырезок из прессы разных стран, где что-либо говорилось о Коллонтай. Находясь на излечении в санатории, она одно время вызывала к себе дипломата из посольства, хорошо владевшего французским языком, и диктовала ему дневниковые записи по-французски…

Главные связи — с членами правительства, дворцовыми кругами, «королями» экономики поддерживала лично (пока позволяли силы). На приемах блистала. До сих пор у меня перед глазами картина: стройная, хрупкая (а ведь почти 70-летняя) Коллонтай в черном бархатном платье с белым испанским кружевным воротником и с букетом роз, лежавшим на руке,

танцует вальс, меняя язык своих бесед почти так же часто, как партнеров по танцу.

А вот обобщенными выводами из собранной ею обширной информации, анализом и оценкой важнейших событий делиться не любила даже со старшими дипломатами посольства, оставляя основное «про себя»…

Шофер у Коллонтай был нанятый ею швед (пока из Центра не заставили его заменить), а самую доверенную секретаршу она в последнее время оплачивала не за счет Центра, а из собственных средств. Всё сказанное вовсе не означает, что Коллонтай была безразличной к судьбам и нуждам сотрудников посольства и вообще советских людей в Швеции. Напротив, она всегда была очень внимательной ко всем их нуждам и бедам…

А как же с «блестящей изоляцией» и стилем «маленького герцогства»? Тщеславие? Да, в какой-то мере было и это».

В марте 1942 года Александре Михайловне Коллонтай исполнилось 70 лет. А в августе у нее случился инсульт. Ее госпитализировали. Рядом с ее постелью сидела пресс-атташе посольства, о которой людям знающим было известно, что она представляет ведомство госбезопасности. Это была Зоя Воскресенская, и она никого не подпускала к Коллонтай.

«В больнице она долго лежала без сознания с почерневшим лицом, и врачи серьезно опасались за ее жизнь», — вспоминал Александров-Агентов. Ее лечила известная в Швеции профессор Нанна Шварц, и она сумела продлить Александре Михайловне жизнь. Хотя передвигаться Коллонтай могла только в коляске и левую руку парализовало. Потом она обосновалась в приморском санатории в Сальтшёбадене, неподалеку от столицы.

Приехавший в Стокгольм молодой дипломат Владимир Ерофеев вспоминал: «Коллонтай находилась в санатории Сальтшёбадене под Стокгольмом, восстанавливая свои силы после тяжелой болезни. Ее разбил паралич. Левые рука и нога у нее не действовали. Меня она принимала, сидя в кресле-коляске, без которого уже не могла обходиться… Говорила она с трудом, но старалась держаться бодро, улыбалась, была достаточно оживленной, ко всему проявляла большой интерес, короче, не сдавалась».

Владимир Ерофеев после школы по желанию родителей подал документы в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. В конце августа 1939 года его вызвали в Ленинградский обком, в Смольный. Предложили учиться на только что созданных двухгодичных курсах переводчиков при ЦК партии. Курсы находились в Москве, в отдельном здании на Миусской площади. Занятия начались в

октябре 1939 года. Учили немецкому, английскому и французскому языкам.

Когда началась война, Ерофеева отправили в отдел радиопрослушивания иностранных передач ТАСС, который готовил информационные вестники для руководителей страны. Служба находилась в подвале старого здания ТАСС на Тверском бульваре.

Летом 1942 года его вызвали к заместителю наркома иностранных дел Владимиру Деканозову. Тот сообщил о решении послать Ерофеева в Швецию, стажером в советскую миссию в Стокгольме.

Два месяца ушли у него на дорогу. Добирался долго, до Англии на британском корабле, до Швеции — на американском самолете. В Стокгольм Владимир Ерофеев прибыл только в начале ноября 1942 года.

Узнав, что он владеет французским языком (единственный в полпредстве), Александра Михайловна обрадовалась:

— Как удачно! Видите ли, я должна написать мемуары для одного издательства в Мексике на французском языке.

И несколько месяцев Коллонтай диктовала свои заметки Ерофееву.

— Это была приятная работа, — рассказывал мне Владимир Иванович. — Она останавливалась, что-то комментировала. Она произвела на меня сильнейшее впечатление. Я бы не сказал, что она была очень красива, но с большим шармом. Подкупали ее обходительные манеры. У нее были голубые глаза, и когда она их закатывала, казалось — ангел. На самом деле жесткая, требовательная — к себе и другим.

По мнению Ерофеева, она обладала всеми качествами прирожденного дипломата:

— Я все-таки потом десять лет был помощником у Молотова — по внешнеполитическим делам, я был переводчиком у Сталина и знал многих послов. Коллонтай была лучшей. У нас в послы приходили с партийной работы, не знали языков, не имели понятия о том, что такое дипломатия. Конечно, личность посла всегда накладывает отпечаток на посольство. Советское полпредство в Стокгольме было ее домом, где всё соответствовало ее вкусам и привычкам. Мы с Александровым работали с прессой и теснились в одной комнате, забитой газетами, на которых мы могли прилечь, чтобы отдохнуть. Но в апартаментах Александры Михайловны всё было устроено по этикету.

Прислугу она держала только шведскую — шофер, горничная, секретарь. Советским дипломатам это казалось

странным. Но ее не устраивали отобранные управлением загранкадров проверенные товарищи, как правило, бездельники и неумехи. Многим запомнился завхоз стокгольмского полпредства, который каждому входящему предлагал рюмку водки — без ножки. Поставить ее на стол было невозможно, только выпить залпом… Влиять на отбор дипломатов (и тем более разведчиков) она не могла. Но хотя бы прислугу набирала сама.

«Новый шофер Эрнст Вистрём оказался именно таким шофером, какой нужен советскому полпреду для полноты престижа, — записала Коллонтай в дневнике. — Вышколенный, вежливый, приятная наружность, услужливый без назойливости, скуп на слова, но заботливо укутывает ноги пледом, молча забирает пакеты с покупками в магазинах и успевает широко распахнуть передо мною двери машины, одним словом, выказывает все нужные знаки уважения начальству…»

В полпредстве стены были увешаны фотографиями тех, с кем Александра Михайловна была связана, начиная с Ленина, Чичерина и Красина и заканчивая американским журналистом и поклонником революции Джоном Ридом и британским драматургом Бернардом Шоу. Повсюду стояли цветы, которые она обожала. Стены зала, где устраивались официальные приемы, украшали фарфоровые тарелки, подаренные ей рабочими завода, где они выпускались. На тарелках необычные для шведского высшего общества надписи, вроде «Кто не работает, тот не ест» или «Царству рабочих и крестьян не будет конца».

По словам Ерофеева, своих подчиненных Коллонтай собирала не часто, но всегда рассказывала, что происходит на родине, что делается в Швеции, раздавала задания. Она не терпела необязательности, когда ее сотрудники не отвечают немедленно на письмо, не отзванивают, если их ищут шведы.

— Дипломатом не может быть человек, который не создает друзей для своей страны! — считала Коллонтай и требовала от сотрудников изучать историю и жизнь Швеции.

— Я никогда не считала себя иностранкой в стране, в которой работала, а жила интересами ее народа, — говорила она. — Успех ждет дипломата только в том случае, если он знает страну и любит ее.

На время болезни Александры Коллонтай временным поверенным в делах стал Владимир Семенович Семенов, в будущем — одна из виднейших фигур советской дипломатии.

Он родился в городе Кирсанове Тамбовской области. Учился в Московском институте истории, философии и литературы, преподавал в Ростовском педагогическом институте. Семенов приехал в Москву на совещание заведующих кафедрами

марксизма-ленинизма, выступил с докладом об изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» и обратил на себя внимание присутствовавшего там Вячеслава Михайловича Молотова.

В 1939 году Владимира Семенова взяли в Наркомат иностранных дел и сразу назначили советником полпредства в Литве. Когда Прибалтика стала частью Советского Союза, он был отправлен советником полпредства в Германию. После начала войны вернулся в Москву и стал руководить в наркомате 3-м европейским отделом НКИД.

Четвертого декабря 1941 года заведующий 3-м европейским отделом Владимир Семенов доложил заместителю наркома Соломону Абрамовичу Лозовскому, что через Болгарию получены запросы немецкого, венгерского и румынского правительств относительно судьбы их солдат, попавших в советский плен. В ответ были готовы сообщить данные об оказавшихся в плену красноармейцах.

«В свое время, — напоминал Семенов, — было указание тов. В. М. Молотова не отвечать немцам на их запросы. Это тем более относится к запросам персонального характера, так как в данном случае получение сведений может представлять интерес для разведки противника.

Однако встает вопрос, следует ли нам запрашивать НКВД о соответствующих лицах в порядке внутренней информации, как это делалось прежде. В разговоре со мной заместитель начальника 2-го Управления тов. Райхман высказал мнение о нецелесообразности такой переписки, так как она практически в настоящее время бесцельна и может только загрузить НКВД излишней работой.

Я вполне присоединяюсь к этому мнению, тем более что в свое время аналогичную точку зрения высказывал в личной беседе со мной тов. В. Г. Деканозов».

В июне 1942 года Семенов приехал в Швецию советником миссии.

— Это важный пункт, — объяснил ему Молотов. — У нас есть представительство в Болгарии, но практически оно на замке, и в Турции, где у нас мало контактов с Европой. Полпред в Стокгольме — Александра Михайловна Коллонтай. Имейте в виду — это не большевичка. Сами управляйтесь.

Слова Молотова Владимир Семенов записал в дневник, который вел всю свою дипломатическую карьеру.

«У Александры Михайловны в середине мая был спазм сердечных сосудов, — вспоминал Семенов, — и она некоторое время находилась в больнице. Александра Михайловна встретила меня и мою семью с присущим ей радушием. Два года совместной

работы стали для меня хорошей дипломатической школой».

По мнению других дипломатов в Стокгольме, понимания между посланником и советником не было.

«Уж очень разные это были люди, — отмечал Александров-Агентов, — и по воспитанию, и по жизненному опыту, и по стилю работы… Найти общий язык с Коллонтай ему было трудно. Насквозь «идеологизированный», довольно жесткий и бескомпромиссный, это был в то время типичный дипломат сталинско-молотовской школы… С «либералкой» Коллонтай и нейтральными шведами у него дело шло как-то со скрипом…»

— Семенов очень любил подписывать бумаги, уходящие в Москву, — рассказывал мне Владимир Ерофеев. — Мы ему говорили: как же так, мы составили этот обзор, пусть под ним стоят наши фамилии. Он отвечал: не валяйте дурака, если в Москве увидят ваши фамилии, это никто читать не станет. А если я подпишу, прочитают…

Владимиру Семенову запомнилась интересная манера Коллонтай готовить послания в Москву; она не торопилась, писала их и переписывала.

— Эти донесения прочтут наверху, — говорила она Семенову. — А наверху люди, занятые тысячью других дел, усталые. Им можно слать только хорошо проверенные, важные по сути и легко доступные по форме депеши. Вы лучше отложите, если возможно, донесение на два-три дня, а потом перечитайте, почеканьте, улучшая и уточняя.

На долю Семенова досталось решение сложной проблемы.

Двадцать пятого сентября 1942 года шведская полиция арестовала руководителя стокгольмского отделения «Интуриста» Василия Александровича Сидоренко. Советская миссия заявила протест министерству иностранных дел. Сидоренко работал успешно, от двух военных — за деньги — получал сведения о боевой технике. Арестовали всех. Арестованный отказался давать показания, объявил голодовку. Шведские врачи стали подозревать у него нервное расстройство. В резидентуре забеспокоились: не начнет ли он давать показания?

Семенов запросил Москву. И получил, как он сам вспоминал, жесткую отповедь: «Вы должны действовать сами твердо и решительно, а не просить беспомощно указаний». «Полностью осознаю верность ваших указаний, обещаю подтянуться», — ответил он.

Семенов навестил арестованного, напомнил ему многозначительно, что за ним стоит «великий Советский Союз». Освобождением Сидоренко занялись серьезно. Шведского посла в СССР и военного атташе объявили персонами нон-грата.

Сидоренко все равно судили. Но потом положили в больницу, а в конце концов помиловали и отправили в Москву. Больше о нем ничего не известно. Вероятно, Сидоренко — фамилия прикрытия, тогда практически разведчики работали за границей под чужим именем…

Владимир Семенов не знал шведского языка и уговорил Александрова-Агентова перейти в миссию. Добился согласия Москвы, и в декабре 1942 года Александрова-Агентова зачислили в штат посольства переводчиком, потом назначили атташе и, наконец, сделали вторым секретарем. Так началась дипломатическая карьера человека, который со временем станет помощником генерального секретаря ЦК КПСС и будет серьезно влиять на внешнюю политику страны.

Осенью 1943 года Коллонтай вернулась из санатория и приступила к работе, хотя была нездорова.

Все эти годы ее именовали полномочным представителем — эта должность дипломатического представителя РСФСР была установлена декретом Совета народных комиссаров 4 июня 1918 года. Революционные времена ушли, и указом президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 года был введен ранг «чрезвычайного и полномочного посла». 28 мая появился указ о введении дипломатических рангов для работников Наркомата иностранных дел, посольств и миссий за границей. Постановлением Совнаркома вводилась форменная одежда со знаками различия — вышитыми золотом звездами на погонах.

В сентябре 1943 года Коллонтай стала чрезвычайным и полномочным послом. Будь она мужчиной, ей бы полагался мундир с погонами без просвета (генеральскими!) с вышитыми звездочками и металлической позолоченной эмблемой — двумя скрещенными пальмовыми ветками.

Советские дипломаты видели, как трудно приходится Коллонтай — и не только по причине нездоровья.

«Сталин (как и Молотов) считал, что Коллонтай пристрастна к шведам, слишком им симпатизирует и поэтому необъективна в своей информации, — писал Александров-Агентов. — В Москву из Стокгольма перевели британского посла сэра Арчибальда Кларк-Керра. Сталин поинтересовался его мнением, не считает ли он, что Швеция вступит в войну на стороне Германии».

— Нет, не считаю, — ответил Кларк-Керр, — думаю, шведы сохранят нейтралитет. И ваш посол мадам Коллонтай тоже так считает.

— Ну, наш посол в Стокгольме не очень хорошо видит, — хмуро заметил Сталин…

Помимо того, что советские вожди закоснели в догмах, важно

отметить и другое: к ним со всех сторон возвращались те идеи, которые они сами высказывали. Посольства, разведка, аппарат ЦК заваливали их шифровками, справками и записками, которые развивали и подтверждали их собственные умозаключения. В реальности это было сознательное искажение информации и подгонка реальности под мнение высшего руководства.

«Коллонтай было очень тяжело жить и работать в Стокгольме, — писал Андрей Александров-Агентов, — потому, что она была окружена стеной недоброжелательности и недоверия со стороны советских людей. Причем и сверху, и снизу. Ее не любили и фактически открыто не доверяли ей Сталин и Молотов…

По свидетельству ее бывшего секретаря Марселя Боди, она еще в 1930 году, приехав из Москвы в Стокгольм, сказала ему:

— Что касается меня, то я запрятала свои принципы в дальний уголок своего сознания и осуществляю, насколько могу, политику, которую мне диктуют.

Трудно, конечно, поручиться за точность цитаты, но смысл этих слов, вероятно, отражает действительное состояние духа Коллонтай».

«Она не пропускала случая напомнить Сталину о себе, — вспоминал Владимир Ерофеев, — продемонстрировать ему свои старые товарищеские симпатии: каждый раз, приезжая в Москву, старалась его посетить, а из заграницы послать ему какую-нибудь приветственную телеграмму».

Это не слишком помогало. Ее не трогали, но и не любили, о чем Москва давала знать на каждом шагу.

Отношение шведов к Советскому Союзу резко ухудшилось из-за нападения на Финляндию и присоединения Прибалтики.

Советскую разведку особо интересовали эмигранты из Литвы, Латвии и Эстонии, бежавшие в Швецию от Красной армии.

Резидент сообщал в Москву: «Развернувшаяся в Швеции борьба политических течений по прибалтийскому вопросу является положительной в том отношении, что она показала яснее, чем когда-либо все антидемократические и антисоветские течения, круги и лица… Большую антисоветскую работу ведут здесь нацисты, бежавшие из Прибалтики и Финляндии. Они очень умело используют свои связи среди шведского общества».

Шведское правительство в 1940 году закрыло посольства Литвы, Латвии и Эстонии, но покровительствовало бывшим дипломатам из Прибалтики и не мешало работе эмигрантских организаций. Шведское правительство разрешило открыть Балтийское пресс-бюро и печатать «Балтийские известия» на шведском и эстонском языках. Больше всего было выходцев из

Эстонии — свыше тридцати пяти тысяч человек. Работа эмигрантских центров сильно раздражала Москву. Но помешать этому ни дипломаты, ни разведчики не смогли.

Во время войны Коллонтай всеми силами старалась пробудить у шведов симпатии к Советскому Союзу. Издавала информационный бюллетень «Новости из Советского Союза», расходившийся большим тиражом. Ее старания не пропали втуне. В 1944 году шведы собрали и отправили в Советский Союз несколько тонн продовольствия и одежды — гуманитарную помощь детям блокадного Ленинграда. Александра Михайловна Коллонтай добилась в конце 1944 года возобновления торговли со Швецией через Балтику.

Но главное — она понадобилась Москве для тайной дипломатии вокруг Финляндии…

Двадцать второго июня 1941 года в начале восьмого утра нарком обороны маршал Семен Тимошенко, член Главного военного совета Георгий Маленков и начальник Генштаба Георгий Жуков подписали директиву войскам № 2. В ней упоминалась и Финляндия: «На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Финское правительство заявило о нейтралитете. Но 25 июня советская авиация бомбила немецкие самолеты на финских аэродромах. 26 июня правительство в Хельсинки заявило, что Советский Союз напал на Финляндию и она вынуждена защищаться.

Четвертого августа 1941 года Сталин попросил президента Соединенных Штатов Франклина Делано Рузвельта выступить посредником в переговорах с Хельсинки. В обмен на перемирие Советский Союз был готов на «некоторые территориальные уступки с тем, чтобы замирить Финляндию и заключить с нею новый мирный договор». Американский посланник встретился с президентом Финляндии Ристо Рюти и передал ему советское предложение. Но в Хельсинки отказались от переговоров, не сомневаясь в победе Германии.

На территории Финляндии развернулись части немецкого горнострелкового корпуса «Норвегия». Финские войска наступали в Карелии, высадились на острове Ханко. И помогли вермахту замкнуть кольцо окружения вокруг Ленинграда.

«Когда вермахт захватил Мгу — восточнее Ленинграда, — писала финская газета «Ууси Суоми», — а финские войска достигли реки Свирь, судьба города была решена». Гитлер намеревался сровнять Ленинград с землей, а потом отдать финнам. Военная газета «Похьян Поика» писала: «Уничтожение Ленинграда будет означать решающий исторический поворот в

жизни финского народа».

Хорошо подготовленные к боям в суровых условиях финны были опасным противником. И немцы никогда не считались слабыми солдатами, но «гораздо хуже драться с финнами», — признался на совещании в штабе Карельского фронта командующий генерал-лейтенант Валериан Александрович Фролов (см.: Новая и новейшая история. 2008. № 3).

Шестого декабря парламент Финляндии объявил об освобождении территорий, утерянных в результате зимней войны. Наступление финнов грозило лишить Советский Союз американских поставок военной техники, стратегически важных материалов и продовольствия. Льды перекрыли вход в архангельский порт. Суда союзников с грузами для Красной армии принимал только незамерзающий мурманский.

Финские войска, наступая, перерезали Кировскую железную дорогу, ведущую к Мурманску. Товарные поезда пустили по другой ветке. Но если бы финны еще продвинулись, они бы полностью прервали железнодорожное сообщение. Главной задачей Карельского фронта было обеспечение бесперебойных поставок по ленд-лизу.

В 1941-м немецкие и финские войска оккупировали две трети территории Карело-Финской ССР. Осенью Петрозаводск пришлось оставить.

Десятого октября 1941 года бюро ЦК компартии постановило: «Считать необходимым перевести Правительство КФССР в г. Беломорск. Для размещения аппарата СНК и ЦК КП(б) освободить помещение, занимаемое Управлением Кировской железной дороги».

Это был городок, состоявший, собственно, из небольших островков. Там было всего несколько каменных зданий. Беломорцы обитали в обычных избах, тротуары и мостовые тоже были деревянными. Канализация в Беломорске отсутствовала. Вокруг — тундра. Бомбоубежищ в городе не было. Для населения вырыли щели. Начальство решили укрыть понадежнее. 10 июня 1943 года бюро ЦК постановило «в кратчайший срок построить вблизи здания ЦК бомбоубежище». Впрочем, ни немцы, ни финны город практически не бомбили.

В декабре 1941 года наступательный потенциал немецких и финских войск истощился. Да и главнокомандующий финскими вооруженными силами маршал Карл Густав Маннергейм понял, что вермахту войну не выиграть. В феврале 1942 года он написал своему родственнику: «Я отказываюсь от наступления на Петербург, поскольку ни один русский никогда не забудет, если мы это сделаем». Союз финнов с Гитлером произвел удручающее

впечатление на страны, отношениями с которыми в Хельсинки дорожили, — на Соединенные Штаты и Швецию.

Два с половиной года линия фронта не менялась. Немецкие и финские войска не могли прорвать советскую оборону. А у Красной армии пока не было сил и средств, чтобы выбить врага.

В октябре 1942 года через одного шведского журналиста Москва сделала финскому правительству новое предложение: перемирие в обмен на возвращение к границам 1939 года (см.: Исторический архив. 2002. № 1). В Хельсинки не воспользовались выгодным предложением, о чем, вероятно, позднее пожалели.

Весной 1943 года американские дипломаты вновь пытались организовать обсуждение условий перемирия. Но в Хельсинки по-прежнему не были готовы к разрыву отношений с Германией. Немцы дорожили Финляндией еще и потому, что получали с рудников Петсамо три четверти потребляемого военной промышленностью никеля.

Тайная дипломатия была поручена Александре Коллонтай. С ней и шведы, и финны были готовы разговаривать откровенно. Они ей доверяли. С находившимися у власти социал-демократами она была близко знакома еще с дореволюционных времен. Некоторые шведские министры были ее старинными приятелями.

В Стокгольм заместителем резидента по финским делам прислали будущего генерала госбезопасности Елисея Тихоновича Синицына. Он работал на Дорогомиловском химическом заводе в Москве, пока в 1937 году его не взяли в НКВД. После разведшколы отправили в Польшу, точнее, во Львов — под прикрытием сотрудника советского консульства. Но началась война, Львов стал советским городом, так что первая загранкомандировка Елисея Синицына продлилась всего два с половиной месяца. Почти сразу, поздней осенью 1939 года, его командировали в Финляндию.

«Перед отъездом, — вспоминал Синицын, — мне в Наркомвнуделе выдали за деньги пальто, костюм и ботинки ярко оранжевого цвета, других не оказалось. В магазинах обуви вообще не было».

В Хельсинки его жена, вернувшись из полпредства, сказала, что на совещании видела двух его работников.

— Откуда ты это взяла? — удивился Синицын.

— У них одинаковые, не по сезону ярко-оранжевые ботинки, как у тебя.

С началом Великой Отечественной войны Синицына отозвали на родину, он стал заместителем начальника скандинавского отделения в разведке. В августе 1943 года ему приказали готовиться к поездке в Швецию. Из Архангельска на британском

пароходе он плыл до Лондона, который немцы нещадно бомбили. Оттуда на самолете — с угрозой быть сбитым немецким истребителем — прибыл в Стокгольм.

Секретарь Александры Михайловны Коллонтай провела его в кабинет посла, попросив не задерживаться.

«За столом увидел небольшую, сутуловатую старую женщину с лицом, покрытым крупными морщинами, — вспоминал Синицын. — Она сидела на высоком стуле, а рядом с ней стояла коляска, на которой она передвигалась. Ее левая рука неподвижно лежала на столе, а правой она перебирала какие-то бумаги. Я много слышал об Александре Михайловне, о ее уме, красоте, необыкновенном революционном прошлом и бурной жизни. Теперь только яркие молодые глаза напоминали о былой красоте. Когда я поздоровался, она улыбнулась половиной рта».

Елисей Синицын, как положено, представился послу, объяснил, что официально он — первый секретарь посольства, а фактически — работник внешней разведки НКВД и назначен заместителем резидента по финским делам. Когда будет заключено перемирие с Финляндией, он отправится в Хельсинки.

«Мне показалось, — рассказывал Синицын, — что Коллонтай сделала движение, чтобы встать, но паралич левой ноги помешал ей это сделать. Она только огорченно задвигалась на стуле и уже не дребезжащим голосом, а твердо сказала, что рада знакомству со мной и готова оказать мне помощь… С горечью заметила, что прошлые представители моей службы игнорировали ее попытки оказать им помощь, и это не пошло на пользу их работе».

Александра Михайловна нашла в министерстве иностранных дел Швеции партнера для деликатных бесед о мирном урегулировании.

«Мои посреднические усилия начались в конце 1943 года, — вспоминал генеральный секретарь министерства иностранных дел Швеции Эрик Бухеман. — До этого русские и финны контактировали при посредничестве бельгийского посла в Стокгольме принца де Круа, но ни к чему не пришли.

20 ноября мадам Коллонтай попросила меня ее навестить. Она была больна и приняла меня в халате, сидя в кресле-каталке (после перенесенного инсульта). Причина неожиданного приглашения, пояснила она, состояла в том, что она получила весьма важное и срочное сообщение: если финская сторона желает направить своего представителя в Москву для обмена мнениями, то в советской столице его готовы принять».

Коллонтай уточнила, что у советского правительства нет желания превратить Финляндию в «русскую провинцию».

Шведы, встревоженные судьбой соседей, охотно исполнили

свою миссию. На сей раз финны уже не отказывались от контактов. Эрик Бухеман принес Коллонтай письменное изложение финской позиции относительно возможной договоренности.

Николай Николаевич Вуколов, который двадцать с лишним лет проработал корреспондентом ТАСС в Стокгольме, отмечает, что Коллонтай, можно сказать, спасла маршала Маннергейма.

В октябре 1943 года в Лондоне была создана комиссия Объединенных Наций по расследованию военных преступлений нацистской Германии. Задача комиссии состояла в том, чтобы составить список нацистских преступников. Каждая из стран антигитлеровской коалиции называла комиссии имена преступников, которые действовали на ее территории.

Финнов тревожила судьба маршала Маннергейма: не включат ли его в список военных преступников? Эрик Бухеман передал Коллонтай, что, если это произойдет, шведы не смогут продолжать свои посреднические усилия. «Коллонтай сказала, что поняла мои соображения и обратится прямо к Сталину, минуя Молотова. Через несколько дней она сообщила, что после консультаций на высшем уровне может меня заверить: этого не произойдет. В данном случае — в отличие от многих других — русские сдержали слово».

Но шведские дипломаты по долгу службы держались крайне осторожно. А Москва хотела ускорить дело. В начале 1944 года Александра Коллонтай решила с помощью шведского крупного финансиста и промышленника Маркуса Валленберга установить неофициальные контакты напрямую с финским правительством. В феврале Коллонтай встретилась с Валленбергом. Озабоченный судьбой своих капиталовложений в Финляндии, он тоже был заинтересован в том, чтобы страна вышла из войны.

После разговора с советским послом Валленберг отправился в Хельсинки. Там готовность Коллонтай к диалогу была воспринята вполне серьезно. Из Хельсинки прислали государственного советника Юхо Кусти Паасикиви, хорошо знакомого с Коллонтай, поскольку в 1930-е годы он был посланником Финляндии в Швеции.

Двенадцатого февраля 1944 года он прибыл в Стокгольм вместе с женой. Поездку объяснил чисто личными причинами. Местом встречи наметили курортный городок Сальтшёбаден, где в Гранд-отеле отдыхала и лечилась Коллонтай.

Ей на помощь явились советник посольства Владимир Семенов и заместитель резидента Елисей Синицын. Поздно вечером они встретили Паасикиви и проводили в комнату Коллонтай. Она провела с представителем Хельсинки первую

беседу об условиях выхода Финляндии из войны. Беседовали они недолго, всего полчаса. Александра Михайловна зачитала ему условия перемирия, присовокупив, что они кажутся ей неожиданно мягкими.

Как раз в феврале Хельсинки трижды бомбила советская авиация. Военный эффект авианалетов был незначительным — в отличие от психологического. Финны понимали, что дальше будет хуже. Советские войска наступали по всему фронту.

Но финны не спешили договариваться. Тогда 1 марта 1944 года советский Наркомат иностранных дел позволил себе невероятную гласность — опубликовал следующее сообщение:

«За последнее время в иностранной печати распространяются различные слухи и вымыслы о якобы ведущихся между Советским Союзом и Финляндией переговорах относительно прекращения Финляндией военных действий против СССР и выходе Финляндии из войны. В действительности же официальные переговоры между Советским Союзом и Финляндией еще не начались, а дело идет о подготовке таких переговоров.

В середине февраля с. г. один видный шведский промышленник обратился к советскому посланнику в Стокгольме А. М. Коллонтай с сообщением, что в Стокгольм прибыл представитель финского правительства г-н Паасикиви, имеющий поручение выяснить условия выхода Финляндии из войны…»

Нацистская Германия терпела поражение. Будущее рисовалось финнам во всё менее радужных тонах. «По мере продвижения Красной армии, — вспоминала Коллонтай, — наши требования в отношении Финляндии становились тверже и непоколебимее, что вполне естественно в таких случаях».

Шведы опасались полного краха Финляндии и стали давить на Хельсинки — не без влияния Коллонтай. И ее старания увенчались успехом. В марте 1944 года финская делегация — всё тот же Юхо Кусти Паасикиви, имевший большой опыт переговоров с советскими вождями, и отставной генерал-лейтенант Оскар Энкель, бывший начальник Генштаба, — приехала в Москву.

Два дня, 27 и 29 марта, напряженно спорили и торговались. Москва продиктовала свои условия: Финляндия разрывает отношения с Германией, интернирует части вермахта, находящиеся на ее территории, возмещает ущерб, нанесенный Советскому Союзу, и передает ему богатый природными ресурсами район Петсамо.

Условия показались в Хельсинки слишком жесткими. 16 апреля правительство Финляндии заявило, что отказывается продолжать переговоры.

Президент страны Ристо Рюти заявил:

— Если мы потеряем независимость, то вновь обретем ее через полвека. Россия — отсталая страна, ориентирующаяся на восток. Россия уничтожает малые народы, но сейчас она ослаблена. Нужно дожить до мирной конференции.

Летом 1944 года развернулось наступление советских войск и под Ленинградом, на Карельском перешейке. Финские руководители пребывали в растерянности. С одной стороны, просили Гитлера о срочной военной помощи. С другой — зондировали возможность договориться с Москвой.

Двадцать второго июня 1944 года в Хельсинки прилетел германский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп. Он привез ответ фюрера: помощь будет оказана, но придется подписать соглашение о союзе. В тот же день по просьбе финнов генеральный секретарь министерства иностранных дел Швеции Эрик Бухеман беседовал с Коллонтай. Она отправила запрос в Москву. Ответ последовал на следующий день: переговоры возможны, но правительство Финляндии обязано заявить, что готово немедленно капитулировать.

В Хельсинки испугались: Советский Союз намерен оккупировать Финляндию. 26 июня президент Ристо Рюти отправил Гитлеру письмо: мы не подпишем мир, если его условия не будут одобрены Германией. Тяжелые бои продолжались. Финны несли потери, но сопротивлялись ожесточенно.

«Удивляешься тому, что русские вообще перешли в наступление против Финляндии, — вспоминал маршал Маннергейм. — Масштабное наступление на этом второстепенном направлении ослабило их наступательную мощь на прибалтийском направлении, а финская проблема и так была бы решена после разгрома вооруженных сил Германии».

Маннергейм был прав. Наступление объяснялось не только военными, но и политическими причинами. Сталин опасался такого поворота событий: Финляндия выходит из войны, не очистив территории, занятые в 1941-м. И как тогда заставить ее вернуться к границам, установленным после «зимней войны»? Союзники — Соединенные Штаты и Великобритания — точно бы Сталина не поддержали, потому что в той войне сочувствовали финнам. В связи с этим до подписания мира в Москве решили отбросить финнов к границам 1940 года. И тогда уже подписывать соглашение.

Войска Карельского фронта под командованием генерала армии Мерецкова выбили финнов с занятой ими территории. В Петрозаводск 28 июня 1944 года первыми ворвались морские пехотинцы, десант высадила Онежская военная флотилия. Но

каждый метр давался с боем. Командованию Красной армии было ясно, что сокрушение финской обороны потребует слишком больших усилий и большой крови. А это мешает противостоянию с главным врагом — Германией.

Упорно защищаясь, финны создали себе надежные переговорные позиции.

Четырнадцатого июля советское посольство в Швеции получило указание передать финнам, что Москва готова вести переговоры о мире. Требование о капитуляции на сей раз не упоминалось. Но в Хельсинки должны произойти политические перемены: для возобновления диалога нужны новые лица.

Коллонтай в точности исполнила указание.

Первого августа 1944 года Ристо Рюти подал в отставку. 4 августа президентом страны стал маршал Маннергейм. 17 августа в Финляндию прибыл генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, руководитель личного штаба фюрера. Гитлер предпринял последнюю попытку сохранить ценного союзника. Но было поздно: в Хельсинки решились. Деваться было некуда. 30 июня уже и Соединенные Штаты разорвали дипломатические отношения с Финляндией.

Двадцать четвертого августа финский посол в Стокгольме Георг Грипенберг обратился к Коллонтай: его правительство просит Москву принять делегацию для ведения мирных переговоров.

Двадцать девятого августа Коллонтай информировала финских дипломатов: переговоры возможны, если Финляндия разорвет военный союз с Германией и приступит к разоружению частей вермахта на своей территории. В ночь с 3 на 4 сентября радио Хельсинки сообщило, что страна выходит из войны и прекращает боевые действия.

Пятого сентября Коллонтай получила письмо от финского посла в Стокгольме о том, что его правительство согласно на предварительные советские условия.

Для Коллонтай это были тяжелейшие недели и месяцы. «Я поплатилась во время переговоров параличом левой ноги и руки, — вспоминала она, — но продолжала работать и оставалась на поле брани до отъезда делегации финского правительства в Москву, после чего слегла от истощения и воспаления легких».

Утром 7 сентября финская делегация во главе с министром обороны генералом Карлом Рудольфом Вальденом на машине с белым флагом подъехала к линии фронта. Финским военным позволили перейти на советскую территорию, посадили в самолет и доставили в Москву.

Двенадцатого сентября Сталин приказал командующему

фронтом генералу Мерецкову остановить войска: «Ставка ВГК запрещает Вам вести самостоятельные наступательные операции… Ставка требует от Вас точного выполнения ее указаний и еще раз предупреждает, что невыполнение указаний Ставки и Ваши попытки забегания вперед повлекут за собой отстранение Вас от командования фронтом».

Переговоры, в которых участвовали и британская делегация, и американский посол в Москве, проходили в доме приемов Наркомата иностранных дел на Спиридоновке и завершились успешно. 19 сентября Советский Союз и Англия подписали с Финляндией соглашение о перемирии. В Хельсинки обязались отвести войска к границам 1940 года и разоружить находящиеся на территории страны немецкие части. Итак, Финляндия вышла из войны. Это был последний дипломатический успех первой советской женщины-посла.

Президент Финляндии Урхо Кекконен писал впоследствии: «Искреннее стремление госпожи Коллонтай помочь Финляндии выйти из войны мы вспоминаем с большой благодарностью».

Группа финских политиков выдвинула кандидатуру Александры Михайловны Коллонтай на Нобелевскую премию мира в 1946 году. Премию ей не присудили, но сам факт признания ее заслуг имеет немалое значение.

Довольны были не только финны, но и сама Коллонтай. Однако тяжелые переговоры ей дорого обошлись: ее силы не были безграничны.

Принципиально важным было решение советского руководства не оккупировать Финляндию. В Москве считали, что ввод войск в уже прекратившую сопротивление страну вызовет негативную реакцию Соединенных Штатов, а мнением американцев тогда дорожили и не стали рисковать.

Уже после войны член политбюро Андрей Жданов, назначенный председателем Союзной контрольной комиссии в капитулировавшей Финляндии, с большим сожалением сказал члену югославского партийного руководства Милована Джиласу:

— Мы сделали ошибку, что не оккупировали Финляндию. Теперь всё было бы уже кончено.

Сталин добавил:

— Да, это была ошибка, мы слишком оглядывались на американцев, а они бы и пальцем не пошевелили.

Может быть, Сталин и политбюро действительно опасались резкой реакции Соединенных Штатов, но, скорее, помнили, какое ожесточенное сопротивление оказали финские войска в «зимней войне»…

Так или иначе, отказ от оккупации заложил основы успешных

послевоенных отношений двух стран. Уже когда Александра Михайловна Коллонтай, освобожденная от должности посла в Швеции, покинула Стокгольм, 6 апреля 1948 года, в Москве подписали Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Финляндией.

Финнам не нравился пункт о «взаимной помощи» в военных делах, но деваться им было некуда. Всё-таки Советский Союз признавал нейтралитет Хельсинки. А для советского руководства важнее всего было исключить соседнюю Финляндию из числа возможных членов Северо-Атлантического блока.

Глава седьмая
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Один из стокгольмских подчиненных полпреда переправил в Москву донос на Александру Михайловну Коллонтай. Первый заместитель наркома иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский, ознакомившись, переслал его Молотову.

«Донос был грязненький и мелочный: мало информирует своих сотрудников, окружила себя шведской обслугой, падка на лесть, поселила в здании миссии сына и невестку и т. п., — писал Андрей Михайлович Александров-Агентов, который работал в Стокгольме под ее началом. — Не поленившись прочитать эту бумагу, Молотов начертал на ней крупными буквами синим карандашом: «Надо о т. Коллонтай подумать. Кстати, почему ее сын с семьей находятся там?»

Обычно, по нормам того времени, такая резолюция должна был означать отзыв посла, «разбирательство» и… бог знает что дальше. Но вся штука в том, что грозная резолюция была наложена… 19 июня 1941 года. Через три дня началась война, и тут уж было не до разбирательств с доносом на Коллонтай. А потом у нее был инсульт, а потом… ее услуги вновь понадобились для организации вывода Финляндии из войны…

Но сама-то Коллонтай, конечно, хорошо знала об отношении к ней высшего советского руководства. Тем более что там, на месте, на Виллагатан, 17, оно имело свои довольно осязаемые материальные последствия: наше представительство было буквально наводнено работниками госбезопасности, действовавшими под разными «крышами», но имевшими задание не столько собирать нужную стране информацию о внешнем мире, сколько… следить за Коллонтай.

Я видел в архивах и другие, уже более «профессиональные» доносы на нее: куда поехала, с кем встречалась, почему не составила запись беседы и т. п. И не случайно Александра Михайловна посадила клеить в альбомы вырезки из газет и журналов присланную ей из Москвы «личную секретаршу»: у нее тоже было аналогичное задание. Можно себе представить, как всё это действовало на нервы Коллонтай, как мешало ее ответственной, действительно нужной народу работе».

Неприятности чекисты способны были доставить любому дипломату, хотя бы и послу.

Резидентом политической разведки в июле 1941 года в Стокгольм направили майора государственной безопасности Бориса Аркадьевича Рыбкина, действовавшего под псевдонимом Ярцев.

Юношей он работал в типографии, учился в Горном институте в Екатеринославе. В 1920 году он вступил в 2-ю Конную армию. На следующий год стал чекистом. Год учился в Высшей пограничной школе ОГПУ. Служил в Сталинграде и в Средней Азии. По линии внешней разведки работал в Иране и Финляндии.

В Хельсинки Борису Ярцеву поручили важную дипломатическую миссию. В апреле 1938 года его вызвали в Москву. Сталин назначил его поверенным в делах и поручил вести с финнами секретные переговоры по территориальным делам. В принципе ничего особенного в этом нет. Иногда политикам не нравится протокольное общение через чопорных и медлительных дипломатов, они хотят ускорить дело, напрямую связаться друг с другом, и тогда они обращаются за помощью к разведчикам. Но переговоры с финнами успехом не увенчались, и началась война.

Помощником и по совместительству женой Бориса Рыбкина была Зоя Воскресенская. В последние годы она удостоилась неумеренных похвал, пишут, что «они вдвоем с Коллонтай вывели Финляндию из гитлеровской коалиции». Это не имеет отношения к реальности.

На резидентов внешней разведки была возложена обязанность «контрразведывательного обслуживания» советской колонии. Имелось в виду противодействие иностранным спецслужбам, чтобы они не проникли в советское представительство и никого не завербовали. В реальной жизни это выродилось в полицейский надзор за всеми советскими гражданами, работавшими за рубежом.

Полная автономия разведчиков привела к двоевластию в полпредстве. Резидент формально должен был подчиняться полпреду. Поначалу полпреды требовали информировать их о работе резидентуры и показывать им телеграммы, уходившие в Москву. Позднее это стало невозможно. Полпреды смирились и понимали, что с резидентом ссориться нельзя — себе дороже. У него своя связь с Центром, и неизвестно, что он докладывает в Москву. Разведка — часть госбезопасности, а вступать в конфликт с этим ведомством опасно.

Полпред ощущал, что находится под постоянным контролем,

и ожидал какой-нибудь пакости со стороны резидента. Александра Михайловна Коллонтай в чекистской среде вызывала большие подозрения, особенно у одного из них.

«Петров работал шифровальщиком в посольстве и кассиром в резидентуре, — вспоминал Владимир Иванович Ерофеев, начинавший свою дипломатическую карьеру в Стокгольме. — Одновременно он был помощником резидента по наблюдению за коллективом советской колонии, включая сотрудников посольства. Это был развязный грубиян, пьяница, тиранивший свою жену, и, как выяснилось, человек, нечистый на руку.

Однажды шведская полиция подобрала его пьяным в канаве и доставила в посольство. В кармане у Петрова были ключи от сейфов и печать. Хотя об этом случае было сообщено в Москву, он продолжал оставаться в резидентуре. Старый работник органов, Петров был прислан в Швецию в 1942 году».

Петров вызвал Ерофеева на беседу и потребовал, учитывая близость молодого дипломата к Коллонтай, информировать резидентуру о ее поведении, настроениях, связях, телефонных разговорах. Ерофеев отказался.

— Ты что, не видишь, что она — не наш человек, окружила себя подозрительными людьми, — со значением говорил Петров. — Ее давний личный секретарь — шведка, горничная — тоже, водитель также швед. Ее любимый консул женат на дочери шведского писателя Стриндберга, все ее близкие знакомые здесь — шведы. А кто ее друзья в Союзе? Многие из них арестованы, а ее муж, Дыбенко, расстрелян… И ты не желаешь помогать нам, нашему делу? Смотри, пожалеешь…

Самое поразительное — дальнейшая судьба бдительного чекиста Петрова. Впоследствии его сослуживцы стали писать и говорить о нем как о жалком и гнусном человеке. Но в те времена они явно думали иначе. Петрова повышали в звании и должности, отправляли то в одну загранкомандировку, то в другую, что было высшим выражением доверия…

В 1951 году Владимир Михайлович Петров получил назначение в резидентуру в далекой Австралии. Отслужив три года, 2 апреля 1954 года бдительный чекист, теперь уже подполковник, работавший под прикрытием третьего секретаря советского посольства в Сиднее, попросил у австралийских властей политического убежища.

Что заставало его перейти на другую сторону?

Подполковника Петрова вызывали в Москву. Похоже, он сильно не захотел возвращаться на родину, где после смерти Сталина и расстрела Берии (вместе с другими крупными чекистами) происходили большие перемены. Да и жизнь в

Австралии куда комфортнее… Он передал австралийской контрразведке хранившиеся в резидентуре шифровки из Центра и назвал тех, с кем работали советские разведчики.

Его жену Евдокию пытались отправить на родину двое крепких чекистов, называвших себя дипкурьерами. Фотографии, запечатлевшие, как ее тащат в самолет в Сиднее, обошли весь мир. Австралийская полиция всё-таки не позволила вывезти ее в Москву. Когда самолет сел для дозаправки в аэропорту Дарвина, в салон поднялись полицейские. «Дипкурьеров» обезоружили, а Евдокию освободили. Ей дали возможность поговорить по телефону с мужем. После беседы она заявила, что тоже не желает возвращаться в Советский Союз. Петров с женой получили австралийское гражданство.

Шпионский скандал привел к разрыву дипломатических отношений Советского Союза с Австралией, которые восстановились только через несколько лет.

Украденный сундук

Резидент внешней разведки лишил Александру Михайловну того, чем она дорожила больше всего. Дневники, документы, письма, фотографии, скопившиеся за многие годы, были аккуратно разложены по папкам и хранились в ее личном сундучке. Она повсюду возила его с собой.

«В ее комнате стоял сундук, — вспоминал Владимир Ерофеев, — она время от времени поднимала с моей помощью его крышку, на оборотной стороне которой красовалась этикетка с царским гербом, доставала то, что ей требовалось. Меня поражало, как быстро она находила то, что ей нужно».

В 1944 году Ерофеева отозвали в Москву. Он стал работать в секретариате Молотова. Вячеслав Михайлович поинтересовался:

— Как там Коллонтай?

— Дела идут успешно, но она больна.

— Да, ей пора возвращаться, — сказал Молотов, — она человек старого склада. Шифротелеграмм не пишет, присылает длинные письма…

По свидетельству подчиненных, уезжая в командировку, Коллонтай обращалась к своему близкому другу и личному врачу Аде Нильсон с просьбой позаботиться о ее личных бумагах, «если со мной случится какое-нибудь несчастье». А вот когда ее свалил инсульт, она, ясное дело, не успела отдать никаких распоряжений относительно архива…

Как только пришла в себя, попросила доставить ей сундучок.

Выяснилось, что сундучок пуст. Резидент внешней разведки полковник госбезопасности Борис Рыбкин (Ярцев) переслал весь ее архив в Москву. Кроме того, полковник вскрыл личный сейф полпреда.

«Сталина, судя по всему, беспокоило содержание мемуаров Коллонтай, — писал Александров-Агентов. — Недаром, если верить свидетельству тогдашнего шифровальщика резидентуры НКВД в Стокгольме Петрова, когда у Коллонтай случился удар, Сталин систематически требовал информацию о состоянии ее здоровья, а агенты НКВД в нашем посольстве получили (и выполнили) указание тайно вскрыть сейф Коллонтай и сфотографировать его содержимое. Но, как видно, ничего страшного не нашли: Коллонтай была достаточно осторожным человеком».

Едва ли вождь этого потребовал. Если бы его интересовали бумаги Коллонтай, не стали бы ждать ее болезни. Скорее всего, это была ведомственная инициатива.

Но вот что важно отметить.

Как поступила Коллонтай, узнав, что у нее украли архив? Бесстрашная Коллонтай, которая не боялась толпы в революцию, оказалась в тюрьме при Временном правительстве, спорила с Лениным? Вызвала резидента и сказала: как вы посмели? Я здесь хозяйка!..

Увы. Наученная жизнью Коллонтай даже не посмела возмутиться…

К тому времени полковник Рыбкин покинул Стокгольм. В августе 1943 года его вернули в Москву. В Четвертом управлении Наркомата госбезопасности (террор и диверсии в тылу противника) он стал заместителем начальника 2-го отдела, который ведал диверсионной работой на территории Германии.

После войны, в мае 1947 года, он получил большое повышение. Полковника Рыбкина утвердили заместителем начальника службы «ДР» (проведение актов террора и диверсий) Министерства госбезопасности СССР. Вместе с женой, Зоей Воскресенской, он поехал отдыхать в Чехословакию, в Карловы Вары, курорт с мировым именем. Поездка оказалась для него роковой — возвращаясь назад, Рыбкин погиб в автомобильной катастрофе.

В Стокгольме его сменил Василий Трифонович Разин (он же — Василий Петрович Рощин, настоящее имя Яков Федорович Тищенко). В годы Гражданской войны он партизанил на Дальнем Востоке. С конца 1925 года служил в разведке — в Китае и Германии. Был резидентом в Австрии до 1938 года, когда она вошла в состав третьего рейха. В том же 1938-м его уволили из

разведки, но в 1941-м вернули.

А с Коллонтай по поводу пропавших документов объяснялся заместитель резидента Елисей Тихонович Синицын.

«Я знал, что этот архив был по сути выкраден у нее из-под больничной кровати, — рассказывал Синицын, уже будучи пенсионером, — поскольку мой предшественник полагал, что такое же может сделать и шведская спецслужба, чтобы прочитать совершенно уникальные заметки старого деятеля большевиков и ее характеристики партийных коллег.

Когда личный секретарь Коллонтай Эмми Лоренсон вынуждена была рассказать больной Александре Михайловне об этом неприятном происшествии в больнице, Коллонтай очень переживала и огорчилась».

Синицын сообщил полпреду:

— Поскольку я в Центре руководил разведкой по Скандинавским странам, то два ваших чемодана — один большой, один поменьше — поступили к нам в отделение с поручением наркома Берии: прочитать содержимое от первой до последней строчки и письменно доложить ему о прочитанном. Откровенно говоря, такое приказание Берии означало, что я должен изучить ваш архив на предмет вашей политической неблагонадежности. Не скрою, что ваши мемуарные материалы прочитал с большим интересом и ничего в них не обнаружил такого, что бы представляло интерес для Берии. Мою докладную записку начальник разведки Фитин направил Берии и позднее сказал мне, что с ней ознакомлен Сталин. Вскоре я получил указание сложить материалы назад в чемоданы, как они лежали при вскрытии их, опечатать чемоданы сургучными печатями НКВД и отвезти их в Институт Маркса — Энгельса — Ленина, где сдать в архив на хранение.

По словам Синицына, выслушав его, Коллонтай и бровью не повела:

— Спасибо за рассказ об архиве и за то, как вы доложили о нем Берии. Теперь я, наконец, буду спокойна! А то, чего только я не думала.

Можно себе представить, как ей было обидно! Она считала, что всегда помогала разведке, чем могла. В частности, приложила немалые усилия, чтобы выручить из беды агента советской разведки — немецкого коммуниста Эрнста Вольвебера.

Эрнст Фридрих Вольвебер имел кличку «Красный матрос», потому что он участвовал в восстании матросов в Киле осенью 1918 года, что было первым раскатом немецкой революции, разрушившей кайзеровский режим. В ноябре 1918 года моряка-подводника Вольвебера избрали председателем Совета

солдатских и матросских депутатов в Киле. В 1921 году он вступил в компартию Германии.

Двадцать второго августа 1923 года в Москве приняли решение о начале вооруженного восстания в Германии. Осенью компартия Германии получила из Москвы 250 тысяч долларов. Вольвебер возглавлял военную организацию КП Г (организация «М») в Гессен-Вальдеке, затем в Тюрингии и Силезии. Восстание началось 21 октября, через два дня было подавлено. Вольвебера посадили. Но вскоре отпустили (см.: Военно-исторический журнал. 2002. № 4). В 1928 году его избрали депутатом прусского ландтага, в 1932-м — депутатом рейхстага. Он возглавлял профсоюз моряков и портовых рабочих в Гамбурге.

Эрнст Вольвебер руководил подпольной разведывательной и контрразведывательной структурой компартии, принимал участие в подготовке диверсантов, которые в нужный момент должны были помочь Красной армии — начать вооруженное восстание в Германии.

После прихода нацистов к власти Вольвебер эмигрировал в Москву. В 1936 году он приехал в Данию, где создал разветвленную подпольную организацию для совершения диверсий против немецкого и итальянского флота. Его люди в Швеции готовили взрывные устройства, замаскированные под куски угля, и подбрасывали на суда, которые везли оружие для войск генерала Франко в Испанию.

После оккупации Дании Вольвебер перебрался в Норвегию. 9 апреля 1940 года немецкие войска высадились и в Норвегии. Эрнст Вольвебер искал спасения в соседней Швеции. Датский паспорт у него был фальшивый, поэтому его арестовали прямо на границе. Шведский суд приговорил Вольвебера к шести месяцам исправительных работ, после чего его должны были выслать из страны. Но это было лишь начало.

Один из подпольщиков-шведов пришел в полицию и назвал имена людей, которые подкладывают мины на шведские суда с грузом железной руды для нацистской Германии и франкистской Испании. Основываясь на его показаниях, в июне 1941 года в Швеции арестовали больше семидесяти человек, которых подозревали в диверсионных акциях. Большую часть арестованных вскоре отпустили, 11 посадили на скамью подсудимых. Эрнста Вольвебера приговорили к трем годам лишения свободы.

Немцы попытались его заполучить. Германский посол в Стокгольме передал в МИД ноту с требованием выдать Вольвебера, виновного «в совершении тяжких преступлений против Германии». Вслед за немецким послом к генеральному секретарю

МИДа Эрику Бухеману пришла Александра Михайловна Коллонтай. Она доверительно сообщила шведскому чиновнику, что Советский Союз просит ни при каких обстоятельствах Вольвебера Германии не выдавать.

Шведы попали в трудное положение. Им не хотелось ссориться ни с Берлином, ни с Москвой. Эрик Бухеман ответил Коллонтай, что по закону преступника следует выдать той стране, гражданином которой он является. Тогда шведского посла в Москве Вильгельма Ассарссона пригласил заместитель наркома иностранных дел Соломон Абрамович Лозовский и потребовал выдачи советского гражданина Вольвебера…

Советские дипломаты посоветовали ему признаться в шпионаже против Швеции.

«Мне позвонили из стокгольмской полиции, — вспоминал заместитель резидента советской внешней разведки Елисей Синицын, — и сообщили, что завтра повезут меня в тюрьму для встречи с Вольвебером. Когда я вошел в камеру, Вольвебер просматривал газеты. Камера была обставлена с некоторым комфортом: маленький столик у кровати, пружинная кровать с матрацем, хорошее освещение. В камере чисто».

В Стокгольме напряженно искали выход. И нашли: раз Эрнст Вольвебер совершил преступление против самой Швеции, то здесь он и будет отбывать наказание. Москву это устраивало. «Мы предположили, — вспоминал Эрик Бухеман, — что война Германии с Советским Союзом продлится три года. И 12 ноября 1941 года Вольвебер был приговорен к трем годам заключения».

Он вышел на свободу 27 июня 1944 года. Исход Второй мировой войны был очевиден, и шведским властям уже не было нужды угождать терпящим поражение немцам.

«В ноябре, — вспоминал генеральный секретарь МИДа Швеции, — я был приглашен на коктейль в советскую миссию. Мадам Коллонтай подвела ко мне приземистого, темноволосого человека, которого представила мне как господина Вольвебера. Он поблагодарил меня за оказанную ему протекцию и за приятное во всех смыслах пребывание в шведской тюрьме. На следующий день он отбыл из Швеции».

После войны Эрнст Вольвебер возглавил в Восточной Германии министерство государственной безопасности. Но министром он оставался недолго. Его подсидел собственный заместитель — Эрих Мильке. На сей раз Москва за него вступаться не стала.

Рауль Валленберг. «Кремировать без вскрытия»

Последнее, чем пришлось заниматься Александре Коллонтай в Стокгольме, — выяснением судьбы пропавшего шведского дипломата Рауля Валленберга.

История этого человека — сплошные загадки. Не очень ясно, чем точно он занимался. Агентом какой разведки он был — советской, американской, немецкой? И был ли он вообще чьим-то агентом? Непонятно, за что его арестовали, почему два года держали в тюрьме и не допрашивали. И, наконец, неизвестно, как именно он ушел из жизни — не выдержало сердце, или же его отравили, или расстреляли? В советских тюрьмах после Второй мировой войны сидели десятки тысяч иностранцев. Но нет второй такой загадочной судьбы.

В январе 1945 года после ожесточенных боев войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Родиона Яковлевича Малиновского вышли к Будапешту. Вечером 12 января советские солдаты появились в доме 12 на улице Бенцур, где находился кабинет секретаря шведской миссии в Будапеште Рауля Валленберга.

Потом историки будут задаваться вопросом: почему он вовремя не уехал, по собственной воле сунул голову в пасть тигру? Но откуда же ему было знать, что с ним сделают? Уж если немцы его не тронули, почему же он должен ожидать чего-то дурного от русских? Именно шведское посольство в годы войны представляло в Венгрии интересы Советского Союза.

Валленберга было приказано изолировать, помешать ему связаться с внешним миром. Шведских дипломатов (десять человек) намеревались вывезти из Венгрии.

Донесение о Рауле Валленберге, как положено, отправили советскому руководству, и 17 января поступило распоряжение члена Государственного Комитета Обороны, заместителя главы правительства, заместителя наркома обороны генерала армии Николая Александровича Булганина маршалу Малиновскому: «Обнаруженного в восточной части Будапешта на улице Бенцур Рауля Валленберга арестовать и доставить в Москву. Соответствующие указания контрразведке «СМЕРШ» даны… Время отправки в Москву и фамилию старшего сопровождающего лица донесите».

Двадцать пятого января начальник штаба 2-го Украинского фронта генерал-полковник Матвей Васильевич Захаров подписал сообщение в Москву: «Арестованный Рауль Валленберг отправлен…»

Почему судьбой рядового дипломата заинтересовался сам Булганин, близкий к Сталину человек? С этого момента начинаются сплошные загадки.

Валленберга привезли в Москву как иностранного гостя.

Заместитель наркома иностранных дел Владимир Деканозов, недавний чекист, человек, близкий к Берии, 16 января 1945 года сообщил шведскому посланнику Стаффану Сёдерблюму, что Валленберг найден советскими войсками в Будапеште, он жив и здоров. Советский посол в Стокгольме Александра Коллонтай сказала матери Валленберга Май фон Дардель: не беспокойтесь, Рауль в безопасности, вскоре его вернут на родину.

«Мадам Коллонтай позвонила мне и пригласила на чашку чая, — вспоминала Ингрид Гюнтер, жена тогдашнего министра иностранных дел Швеции Кристиана Гюнтера. — Она попросила меня передать мужу: Рауль Валленберг жив, с ним хорошо обращаются, и для него самого было бы лучше, если бы шведское правительство не поднимало шума вокруг этого дела. Я, конечно, передала этот совет мужу, и он ему внял».

Но судьба Валленберга уже решилась. Его арестовало Главное управление военной контрразведки Смерш, которым руководил генерал-полковник Виктор Семенович Абакумов. А шведы интересовались пропавшим соотечественником. И советское правительство начало врать самым откровенным образом.

Деканозов трижды отвечал шведам на запросы о судьбе Валленберга. Сначала: он у нас. Затем: он погиб в Будапеште. И наконец: мы его не нашли.

В 1947 году, когда Валленберга уже не будет в живых, другой заместитель министра иностранных дел Андрей Вышинский сообщит шведам, что «Валленберга в Советском Союзе нет и нам он вовсе не известен». А прежняя информация о том, что его нашли в Будапеште, — это вообще ошибка.

Через советские тюрьмы и лагеря прошли многие миллионы людей. Валленберг, наверное, единственный заключенный, чье дело уничтожено. Уничтожены вообще почти все следы его пребывания в заключении. Чекисты пытались представить дело так, будто этот человек вообще не существовал.

Так кто же такой этот загадочный Валленберг?

Рауль Густав Валленберг родился в 1912 году в Стокгольме. Его рано умерший отец — двоюродный брат крупных финансистов и промышленников Якоба и Маркуса Валленбергов. В школе Рауль изучал русский язык, не предполагая, что ему это пригодится. В Соединенных Штатах он выучился на архитектора, но работы по специальности не нашел. Обратился к богатым дядям с просьбой подыскать ему место. И с их помощью занялся международной торговлей. Некоторое время работал в голландском банке в Хайфе, в Палестине, где беженцы из Европы рассказывали об истреблении евреев нацистами.

В начале 1944 года в США образовали управление по делам военных беженцев, чтобы попытаться спасти тех, кто еще жив. Раулю Валленбергу американцы предложили поехать в Будапешт и постараться помочь венгерским евреям.

Под давлением Вашингтона он был включен в состав шведской дипломатической миссии в скромной должности секретаря. Шведский дипломатический паспорт и американские деньги были инструментом. В других руках они бы не сработали. Но Рауль Валленберг был щедро наделен умом, смелостью, умением ладить с людьми и желанием помочь попавшим в беду.

Нацисты составили план уничтожения евреев по всей Европе. Венгерские власти до последнего оттягивали исполнение этой акции, пока в 1944 году в Будапешт не прибыл уполномоченный по окончательному решению еврейского вопроса оберштурмбаннфюрер СС Адольф Эйхман, которого после войны будут судить и приговорят к смертной казни. Эйхман колесил по Европе, выискивая неучтенных евреев и договариваясь с местными властями об их вывозе в лагеря уничтожения.

Венгерских евреев стали отправлять в нацистские лагеря уничтожения после того, как в октябре 1944 года местные фашисты свергли правившего страной Миклоша Хорти, пытавшегося разорвать союз с Гитлером и договориться с союзниками о перемирии. При Хорти антиеврейские акции были редкостью. Когда он узнал, что вывезенных из страны евреев сразу убивают, то приказал прекратить депортации евреев из Венгрии…

Зато новые властители Венгрии рьяно принялись за дело. Венгерские фашисты действовали более эффективно, чем гестапо: они отправили в нацистские лагеря 600 тысяч евреев всего за пять месяцев. 70 тысяч венгерских евреев загнали в гетто в Пеште, на берегу Дуная. Они умирали от голода и холода.

Одиннадцатилетняя девочка по имени Агнеш в октябре 1944 года училась в еврейской школе при синагоге Будапешта:

— Однажды, когда мы вышли после занятий, перед школой стояли грузовики. Они принадлежали партии венгерских нацистов. Нас загнали в грузовики — детей в один, матерей и учителей в другой. Одна женщина — высокая, красивая, взяла меня за руку и зашептала, чтобы я говорила, будто я ее дочь. Меня посадили в грузовик для взрослых. Что стало с детьми на другом грузовике, не знаю. Нас отправили в Дахау. Путешествие продолжалось неделями, иногда нас везли в вагонах для скота, но в основном шли пешком. Когда мы пошли к Дахау, я увидела человека, который выглядел таким истощенным, что на него было страшно смотреть. Повсюду лаяли собаки, надзиратели кричали:

— Вперед, вперед, вперед!

Нас повели на дезинфекцию, постригли наголо. Надзиратели били нас. Они вели себя, как животные. Мне было страшно, и я расплакалась. Ко мне подошел истощенный мальчик с большими глазами и сказал:

— Ты не должна плакать. Они тебя убьют.

Я затихла. Ни один из немцев ни разу не проявил к нам симпатии. Наоборот. Меня отправили работать не на завод, а на свиноферму. Однажды когда кормили кур, я схватила пригоршню зернышек и отправила ее в рот. Думала, что сделала это незаметно. Но жена крестьянина увидела и пожаловалась солдатам. Один из них силой раскрыл мне рот и стал выковыривать зерно…

Если бы даже Рауль Валленберг спас одного человека, он был бы достоин уважения. Он спас тысячи. Валленберг выдавал людям, которых ждала смерть, временные шведские паспорта, какие дипломатическое представительство имеет право выписать взамен утерянных. Такими охранными грамотами он снабдил 20 тысяч евреев, вырвав их из лап смерти. Он покупал целые здания, вывешивал шведский флаг и расселял там венгерских евреев.

С немецкими и венгерскими чиновниками он вел себя нарочито высокомерно, намекал на свои широкие связи и оттого казался очень влиятельным человеком. Он представлялся значительной фигурой с особыми полномочиями в центре Европы, интерес к нему со всех сторон возрастал невероятно.

У Валленберга были деньги, и он использовал их для того, чтобы спасти людей, которых ждала смерть. Он просто подкупал немцев, платил им наличными за каждого спасенного. Валленберг обещал спасти столько людей, сколько возможно. И он это делал. В самом конце войны высокопоставленные нацисты, предчувствуя поражение, были готовы на всё, лишь бы избежать смерти. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер первым попытался установить контакты с американцами. Он обещал им прекратить уничтожение евреев, если ему гарантируют жизнь и свободу.

Ставки были высоки. Американцы использовали желание Гиммлера спастись. Возникла идея уговорить немцев отпустить обреченных на смерть евреев в обмен на грузовики, кофе и т. д. Установились некие контакты между американскими разведчиками и эсэсовцами.

А Сталин очень боялся сепаратного мира немцев с Западом. Он даже запретил наркому госбезопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову в 1943 году организовать покушение на Гитлера, боясь, что его менее одиозные преемники сумеют договориться с Западом. Разведка сообщала Сталину о контактах

нацистов с западными политиками, предсказывала: это приведет к тому, что все танковые и механизированные части будут сняты с Западного фронта и переброшены на Восточный фронт.

В Москве были уверены, что Генриху Гиммлеру нужны не грузовики, а канал связи с Соединенными Штатами, поэтому никаких переговоров с немцами быть не может. А Валленберг знал обо всех переговорах, и он стал казаться более значительной фигурой, чем был на самом деле. Так, может быть, Смерш арестовал его как американского агента? Ведь его фактически послали американцы.

Мог ли он работать на американскую разведку? В Вашингтоне это всегда опровергали. И, похоже, искренне. Валленбергу это было не нужно. Он пользовался их помощью. Может быть, он играл с разведками?..

Валленберг просидел во внутренней тюрьме на Лубянке и в Лефортове два года. За это время его допрашивали всего пять раз (а его водителя — восемь раз!), но и эти протоколы допросов тоже уничтожены. Так что в чем его обвиняли и о чем спрашивали, остается неизвестным. И даже дату его смерти тоже можно датировать только условно.

Завершивший свою миссию в Москве шведский посланник Сёдерблюм 15 июня 1946 года был принят Сталиным. Он упомянул о пропавшем Валленберге и попросил выяснить, что с ним случилось. Через какое-то время шведы поинтересовались, что удалось выяснить. 2 января 1947 года Молотов перепоручил дело своему заместителю Деканозову.

Одиннадцатого января тот обратился к Абакумову, уже назначенному министром государственной безопасности: «Прошу сообщить, что известно по этому вопросу для доклада тов. Молотову В. М.».

Чекисты официально отвечать не хотели. Но начальник контрразведки генерал-лейтенант Павел Васильевич Федотов сказал одному из дипломатов, что Валленберг на Лубянке. Тогда 14 мая Вышинский отправил записку Молотову: «Поскольку дело Валленберга до настоящего времени продолжает оставаться без движения, я прошу Вас обязать тов. Абакумова представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации».

Молотов, недовольный тем, что МГБ не реагирует на его запросы, оставил краткую резолюцию: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне».

Семнадцатого июля 1947 года от Абакумова пришел ответ. В документах Министерства иностранных дел, отмечал заместитель директора историко-документального департамента МИДа Владимир Васильевич Соколов, есть пометка, что Молотов письмо

от министра госбезопасности получил (см.: Дипломаты вспоминают. Т. 10. М., 2002).

Но само письмо исчезло. Надо полагать, уничтожено. Датировано оно тем же днем, что и рапорт полковника Александра Смольцова, начальника санчасти Лубянской внутренней тюрьмы, 17 июля 1947 года он доложил генерал-полковнику Абакумову, что «Валленберг сегодня ночью в камере внезапно скончался — предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда».

Похоже, к предложению Вышинского, бывшего прокурора, «ликвидировать» дело Валленберга прислушались…

Тюремный врач спрашивал, кому поручить вскрытие. Абакумов приказал кремировать труп без вскрытия. Смольцов, написавший рапорт о сердечной недостаточности, был человеком, которому поручалось закрывать глаза на грязные дела. Ветераны госбезопасности вспоминали: если что-то не так — вызывали Смольцова.

Через несколько месяцев полковника отправили на пенсию. Его сын впоследствии рассказывал, что отец никуда из дома не выходил, никого к себе не приглашал, ни с кем не разговаривал. Посвященный в тайны, он был напуган. 7 мая 1953 года Смольцов умер.

Восемнадцатого августа 1947 года Вышинский передал шведскому посланнику в Москве ноту следующего содержания: Деканозов, сообщивший в январе 1945-го, что Валленберг найден, ошибся. Валленберг или погиб тогда в Будапеште, или был захвачен венгерскими фашистами.

По степени наглости и вранья руководители сталинской дипломатии не знали себе равных…

Что же приключилось с Валленбергом, которому в 1947 голу было всего 35 лет? Конечно, шведский дипломат мог и сам умереть в заключении. Наверное, в нем могли подпитывать надежду, что со временем отпустят. Но чем дальше, тем яснее он понимал бедственность своего положения. С этого момента в нем начал работать механизм разрушения.

Но еще незадолго до смерти он не чувствовал себя больным. На сей счет остались воспоминания генерал-лейтенанта Сергея Александровича Кондрашева, который в разведке работал на германском направлении. Он стал заместителем начальника внешней разведки, и коллеги за глаза называли его «кронпринцем», считая, что он будет следующим руководителем Первого главка. А тогда молодой лейтенант госбезопасности Кондрашев участвовал в допросе Валленберга и мог засвидетельствовать, что месяца за три до своей смерти

заключенный был абсолютно здоров.

Историки полагают, что Валленберга убили. Он — не единственный иностранец, с которым так поступили.

Один бывший работник КГБ, ссылаясь на своего товарища, который ведал в госбезопасности скандинавским направлением, рассказывал, что Валленберга расстреляли на Лубянке как германского шпиона.

Александр Николаевич Яковлев, член политбюро и секретарь ЦК, рассказывал мне, что однажды — после заседания высшего партийного руководства — тогдашний председатель КГБ Владимир Александрович Крючков доверительно сообщил ему:

— Валленберга расстреляли. — И уточнил: — Расстреляли его как двойника. Он запутался…

Тогда еще Яковлева и Крючкова связывали вполне доброжелательные личные отношения. Председатель КГБ информировал секретаря ЦК вполне по-дружески.

Но если Крючков говорил так уверенно, значит, опирался на какие-то документы.

Владимир Крючков много лет был у Андропова помощником и руководителем секретариата. Бумажная душа, он верил только документам. Трудно представить себе, что в таком серьезном деле он полагался только на чьи-то рассказы. В его словах — «Валленберг — двойник» — весь секрет дела Валленберга.

Известный военный историк Лев Александрович Безыменский, с которым я работал в журнале «Новое время», написал серьезную книгу о деле Валленберга. Безыменский пришел к выводу, что шведский дипломат был связан с Советским Союзом. Немецкий солдат, который некоторое время сидел с ним в камере, поведал потом, что Валленберг ему жаловался:

— Я так много сделал для СССР. А в благодарность за свою работу получил тюрьму.

Такая версия существует: советская разведка давно установила с Валленбергом какие-то контакты. Он не был завербован. Но помогал. А ветераны госбезопасности говорили, что после войны тех, кто был связан с советской разведкой, отзывали в Москву и сажали. Точно так же поступили с Валленбергом.

Он был доставлен в Москву по личному распоряжению Булганина. Значит, был связан с военной разведкой, ГРУ? Ему показали столицу, Московский метрополитен. Поначалу всё было неплохо. Разные спецслужбы хотели получить Рауля Валленберга в свое распоряжение. Но верх взял самый в ту пору влиятельный — министр госбезопасности Абакумов. Вероятно, кто-то подозревал шведа в работе на американцев.

И тут столкнулись ведомственные интересы. Абакумов, возможно, надеялся доложить Сталину, что он завербовал Валленберга. Но не получилось. Тогда решили Валленберга уничтожить. Не отпускать же его, чтобы он рассказал, что от него требовали на Лубянке. Ни одному ведомству не хотелось признавать свой провал.

Когда были уничтожены документы по делу Валленберга?

Вероятно, после смерти Сталина, когда его наследники оказались перед необходимостью что-то решать. Имя Валленберга изымали из всех архивных материалов. Однажды отыскали старую книгу учета вызовов на допрос. Так вот в этой книге фамилии Валленберга и его шофера Лангфельдера вытравлены. В годы перестройки эксперты восстановили эти имена.

Но немецкие военнопленные, вернувшиеся на родину, рассказали о нем. Шведы требовали информации.

Министр иностранных дел Молотов и председатель КГБ Иван Александрович Серов сказали товарищам по президиуму ЦК, что, поскольку содержавшиеся на Лубянке иностранцы видели Валленберга, то придется кое-что признать. Решили сообщить, что шведский дипломат был арестован и погиб в заключении, но процесс этого признания растянули… Только в феврале 1957 года Громыко объявил, что Валленберг скончался от сердечного приступа.

Через десятилетия после убийства Валленберга, после многолетних исторических изысканий приходится констатировать, что мы по-прежнему можем только строить версии и делать предположения. Что передали шведам? Акт о том, что Валленберга вызывали на допрос. Но о чем его спрашивали, никто не знает.

Бывшие военнопленные, сидевшие в советских тюрьмах, или просто заключенные рассказывали, что они видели в том или ином лагере живого Рауля Валленберга. Но, увы, невозможно себе представить, чтобы чекисты оставили в живых такого опасного свидетеля.

Рауль Валленберг обрел мировую славу.

Пятого октября 1981 года президент Соединенных Штатов Рональд Рейган записал в дневнике, изданном после его смерти: «Трогательная церемония. Я подписал закон, который делает Рауля Валленберга вторым в истории почетным гражданином нашей страны (первым был Уинстон Черчилль. — *Л. М.)*. Он швед, который спас сто тысяч венгерских евреев от нацистов. Когда война закончилась, русские его похитили, и есть свидетельства того, что он всё еще жив и находится в ГУЛАГе. Теперь, когда он становится гражданином США, мы намерены

потребовать его возвращения. Присутствовали его брат и сестра. И конгрессмен Том Лантос, который внес этот законопроект. Том — один из тех, кого спас Валленберг. Ему было тогда шестнадцать лет».

Других родственников шведского дипломата на церемонии не было. Мать Валленберга, Мария Вайсинг Валленберг, и его отчим, Фредерик фон Дардел, приняли снотворное и покончили с собой в феврале 1979 года.

Можно ли еще рассчитывать на какие-то неожиданные находки в этом деле? Скорее всего, уничтожили все документы, дабы этот позор советских спецслужб не стал достоянием мировой общественности. Судьба Валленберга — это история гнусного убийства порядочного и смелого человека и пример трусости власти, которая так и не нашла в себе силы признать собственное преступление.

Последняя тайна

Считается, что в конце войны в Стокгольме шли совершенно секретные переговоры между советскими и немецкими дипломатами на предмет мирного соглашения. Попытки нацистской Германии заключить сепаратный мир и спастись и по сей день волнуют историков и писателей. Это последняя неразгаданная тайна Второй мировой.

Летом 1944 года правительство Великобритании попросило Москву внести ясность: что означают сообщения о секретных переговорах в столице Швеции между советскими и немецкими представителями?

Ответ на запрос британских союзников подготовил заместитель наркома иностранных дел Андрей Вышинский: «Посольство СССР в Стокгольме в течение лета получило большое количество анонимных писем с информацией о том, что некто доктор Кляйст намерен установить контакт с советскими представителями. Посольство СССР не обратило никакого внимания на эти письма и никак не реагировало на них…» Упомянутый Вышинским Бруно Петер Кляйст — немецкий дипломат, в имперском министерстве иностранных дел он заведовал восточным отделом. В 1939 году приезжал в Москву вместе с министром Иоахимом фон Риббентропом. После начала войны Кляйста перевели в министерство по делам восточных оккупированных территорий. Но весной 1942 года он вернулся в МИД. В конце войны несколько раз приезжал в Швецию.

Что же делал в Стокгольме начальник восточного отдела германского МИДа?

Шведская полиция, присматривавшая за наиболее опасными гостями, докладывала, что 28 июня 1944 года Бруно Петер Кляйст побывал на вилле советника посольства СССР в Швеции Владимира Семеновича Семенова на острове Лидин-гё (см.: Международная жизнь. 2002. № 2).

Семенов остался старшим дипломатом в посольстве, когда Александру Коллонтай поразил инсульт. Она говорила с трудом и не покидала инвалидной коляски. При разговоре с немцем, по шведским данным, присутствовал советский военный атташе полковник Николай Иванович Никитушев.

Шестнадцатого июня 1944 года шведская газета «Нюа даглигт аллеханда» выпустила специальный номер, в котором сообщала о тайных переговорах под Стокгольмом советских и немецких представителей. Москва и Берлин опровергли это сообщение

почти одновременно.

Швеция оставалась нейтральной. Здесь сохранились посольства и стран оси, и Объединенных Наций. Стокгольм кишел дипломатами и разведчиками. Как тогда говорили, это маленький город, где плетутся большие интриги. Здесь в конце войны различные немецкие эмиссары пытались наладить контакты с союзниками.

Впрочем, эти попытки предпринимали не только немцы. В своих воспоминаниях Владимир Семенов рассказывает, что трижды встречался с послом фашистской Италии, с которой Советский Союз тоже находился в состоянии войны. Итальянцы искали способ с минимальными потерями отказаться от союзнических отношений с Гитлером. Несколько раз Семенов конспиративно беседовал и с румынами, которые осознавали, что их ждет…

В Стокгольме действовал агент абвера (военная разведка и контрразведка) Эдгар Клаус, женатый на шведке. Резидентура абвера 17 июня 1942 года доложила в Берлин: Клаус установил «особо хорошие отношения с советской миссией». Разведчикам свойственно преувеличивать собственные успехи. Как и любой агент, Клаус создавал впечатление собственной значимости. Но какие-то контакты с советскими людьми в Стокгольме у Клауса явно были.

Эдгар Клаус считал, что советские руководители мечтают поскорее покончить с войной, внушал приезжавшим из Берлина высокопоставленным гостям:

— Я гарантирую, что, если Германия согласна вернуться к границам 1939 года, мир можно заключить в течение одной недели…

Агент абвера ошибался.

Двенадцатого ноября 1943 года нарком Молотов информировал американского посла Аверелла Гарримана и британского — Арчибальда Кларк-Керра: «Сотрудник советской миссии ответил Клаусу, что ни о каких переговорах или контактах советских представителей с немцами не может быть и речи».

Заявление наркома было ответом на недоумение, выраженное союзниками. 29 сентября американский посланник в Швеции поинтересовался у первого секретаря советской миссии, соответствуют ли действительности слухи о тайных контактах с немцами. Нарком подтвердил, что с Эдгаром Клаусом действительно состоялась беседа. По словам Молотова, «сотрудник советской миссии категорически отказался от ведения каких-либо переговоров и от дальнейших встреч».

Кто именно разговаривал с Клаусом?

Владимир Семенов считал, что это были разведчики. Сначала этим занимался Борис Рыбкин, потом сменивший его на посту резидента Василий Разин.

«Упоминавшаяся в ноте Молотова встреча с Клаусом одного из советских работников была проведена, если не ошибаюсь, Андреем Михайловичем Александровым, — писал Семенов. — Кляйст и Клаус были недовольны манерой Александрова, который обставлял разговор бесконечными ссылками на то, что он не уполномочен обсуждать такие вопросы, и уходил от определенных ответов».

Немецкий дипломат Фриц Гессе предлагал шведским политикам стать посредниками в переговорах нацистов с союзниками. Германия, говорил берлинский посланник, готова уйти со всех оккупированных территорий.

— И учтите, если война и разорение будут продолжаться, — пугал Фриц Гессе своих шведских собеседников, — немцы перейдут на сторону коммунизма. Разница между нацизмом и коммунизмом не столь велика. Гитлер готов объединиться со Сталиным.

О немецком предложении доложили британскому премьер-министру Уинстону Черчиллю. Он не проявил к этому интереса. Но самое любопытное, что о тайных контактах с немцами узнали шведские журналисты. В одной из газет появилась статья «Нацистский зондаж о мире через Стокгольм? Англия и Соединенные Штаты отвергли предложения Риббентропа».

Иоахим фон Риббентроп рассказывал, как после высадки англо-американцев в Северной Африке в 1942 году напросился на прием к Гитлеру: «Я придерживаюсь взгляда, что фюреру необходимо совершенно решающим образом облегчить ведение нами войны, а потому прошу его немедленно предоставить мне полномочия для установления через советского посла в Стокгольме мадам Коллонтай контакта со Сталиным с целью заключить мир — причем, раз уж того не миновать, со сдачей большей части завоеванных на Востоке областей.

Едва я заговорил о сдаче захваченных восточных областей, как фюрер тут же отреагировал на это самым бурным образом. Лицо его налилось кровью, он вскочил, перебил меня и с неслыханной резкостью заявил, что желает разговаривать со мной исключительно об Африке, и ни о чем ином!»

Факт такого разговора подтвердил в своих воспоминаниях адъютант фюрера по авиации полковник Николаус фон Белов: «6 ноября 1942 года из Берлина поехали в Мюнхен… В Бамберге нас уже ожидал Риббентроп. Он хотел поговорить с фюрером.

Министр высказался за то, чтобы через русское посольство в Стокгольме установить контакт со Сталиным и предложить далекоидущие уступки на Востоке. Гитлер на это не пошел. Он сказал: момент слабости для переговоров с врагом не годится».

«До сталинградской катастрофы мы еще имели несравнимо более благоприятную позицию для переговоров с Москвой, чем после того, — считал Риббентроп. — В тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением… Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему всё свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит…

Пользуясь этим случаем, а также в более поздней памятной записке я снова предложил немедленно провести мирный зондаж в отношении Москвы. Участь этой памятной записки, которую я передал через посла Хевеля (Вальтер Хе ведь — представитель министерства иностранных дел при Ставке фюрера. — *Л. М.),* оказалась бесславной. Хевель сказал мне: фюрер и слышать не желает об этом, и отбросил ее прочь.

В дальнейшем я еще несколько раз заговаривал об этом с Гитлером. Он отвечал мне: сначала он должен добиться решающего военного успеха, а уж тогда посмотрим, что нам делать дальше… Но я всё же установил через своего связного Кляйста косвенный контакт с мадам Коллонтай в Стокгольме. Однако без его одобрения Гитлером я ничего решительного сделать не мог…»

Девятнадцатого мая 1944 года Владимир Семенов доложил в Москву, что получил письмо, в котором сообщалось: «…приехал человек, хорошо в Наркоминделе известный, господин Бруно Кляйст… Он имеет поручение найти возможность начать переговоры о сепаратном мире с Советской Россией».

Последовали и другие письма с предложением организовать личную встречу Кляйста с Семеновым как временным поверенным в делах СССР в Швеции (см.: Международная жизнь. 1992. № 1).

Семенов писал, что его участие ограничивалось получением писем от немцев и конспиративными разговорами по телефону. Лишних вопросов разведчикам он не задавал: «Ясно было, что канал работает напрямую в Москву и что контакты касались очень крупных вопросов — отнюдь не стокгольмского масштаба».

Немцы говорили о возможности уже в 1943 году закончить войну.

Двадцать второго мая Семенов получил шифровку от Молотова: «Обязываю вас: а) последнюю анонимку переслать в шведский МИД, сообщив ему в сопроводительном письме, что вы не хотите принимать подобных анонимных провокационных писем, посылаемых по почте темными лицами из враждебного Советскому Союзу лагеря; б) сжечь все прежние письма и материалы, которые ранее были получены от анонима…» Приказ Молотова был исполнен.

«Когда Муссолини после своего освобождения был доставлен в ставку фюрера, — рассказывал Риббентроп, — Гитлер совершенно неожиданно для меня заявил дуче: он хочет договориться с Россией. На мою просьбу дать мне соответствующее указание я, однако, определенного ответа не получил. А на следующий день Гитлер опять запретил мне установление любого контакта с Россией…»

Но тема не была закрыта. 7 мая 1944 года Коллонтай доложила в Москву о разговоре с американским посланником, который не без улыбки поинтересовался, насколько правдивы гуляющие по Стокгольму слухи о ночном визите Кляйста на виллу Семенова. Коллонтай ответила, что подобного рода слухи нелепы.

Шестнадцатого августа заместитель наркома Вышинский задал по шифросвязи Коллонтай поразительный вопрос: «Правильно ли мы понимаем этот ваш ответ в том смысле, что Семенов вообще не имел никаких встреч с Кляйстом?» Иначе говоря, в Москве вовсе не исключали такой возможности.

Через день Коллонтай ответила: «Разумеется, никакого свидания ни у кого из наших дипработников с Кляйстом не было. На такой шаг мы бы никогда не пошли без ваших указаний».

Двадцать девятого августа германское информационное агентство распространило официальный ответ представителя нацистского министерства иностранных дел на вопрос корреспондента относительно слухов о тайных контактах Берлина со своими противниками через нейтральные страны. Представитель Риббентропа высокомерно ответил: «Германия вступает в контакт со своими противниками исключительно на поле брани. Об иных контактах не может быть и речи»…

Связаться с союзниками пытались не только чиновники третьего рейха, но и антигитлеровская оппозиция. Офицеры вермахта, которые 20 июля 1944 года пытались убить Гитлера, понимали, что поражение Германии и оккупация ее территории неизбежны, но не хотели отдавать страну Советскому Союзу. Если уж сдаваться, то союзникам, которые спасут Германию от мести

Красной армии.

В конце мая 1942 года представители церковной оппозиции доктор Шенфельд и пастор Дитрих Бонхёфер приехали в Стокгольм и беседовали там с британским священником.

Двадцать третьего ноября 1943 года группа шведских дипломатов и экспертов, в которую входил и банкир Якоб Валленберг, прибыла в Берлин для обсуждения вопроса о возобновлении судоходства между Гётеборгом и портами в Исландии, Испании, Португалии, Турции и Греции. Но накануне переговоров бомбардировка разрушила дом, в котором разместилась шведская делегация, и она немедленно вернулась в Стокгольм. Шведы приехали вновь только 1 декабря для переговоров, которые продолжались два дня.

С 3 по 6 января 1944 года состоялся второй раунд бесед — уже в Стокгольме. В состав немецкой делегации входил граф Бертольд фон Штауфенберг, старший брат полковника Клауса Шенка фон Штауфенберга, который 20 июля попытается убить Гитлера, чтобы прекратить войну.

Бертольд фон Штауфенберг, специалист по международному праву, занимался научными исследованиями в Институте кайзера Вильгельма. Его тема — законы войны на море. Во время Второй мировой его определили в правовое управление военно-морского командования. В Стокгольме Штауфенберг попытался наладить контакты с англичанами, но безуспешно. Вернувшись в Берлин, он рассказал о неудаче и добавил:

— Самое ужасное состоит в том, что мы не можем добиться успеха, и всё-таки мы должны это сделать ради нашей страны и наших детей.

Его брат Клаус тоже не верил ни в успех задуманной им попытки государственного переворота, ни в то, что он останется жив. Но считал, что Германия должна сама освободиться от власти преступников, которые ею управляли. 19 июля 1944 года вечером он встретился со старшим братом. Они провели вдвоем эту последнюю ночь. Утром Бертольд проводил Клауса на аэродром. Покушение не удалось. Гитлер остался жив. Попытка военного переворота была подавлена. Старшего брата казнили вслед за младшим…

Немецкий дипломат Адам Вернер фон Тротт цу Зольц несколько раз ездил в Швецию и пытался разговаривать с западными дипломатами.

Адам фон Тротт был сыном прусского министра и сторонником социал-демократов. После прихода нацистов к власти ему пришлось скрывать свои взгляды. Он был близок к полковнику Клаусу фон Штауфенбергу; предполагалось, что

после убийства Гитлера он займет пост статс-секретаря в министерстве иностранных дел. Его бабушка была американкой. Он окончил Оксфорд, жил в США. Словом, Адам фон Тротт казался самой подходящей фигурой для контактов с Западом.

Социал-демократ Вилли Брандт, который в 1969 году станет канцлером Федеративной Республики Германия, бежал от нацистов и в годы войны находился в Швеции. К нему и пришел Адам фон Тротт.

«То, что решившиеся на бунт офицеры стремились заключить сепаратный мир с западными державами, чтобы продолжить войну с Советским Союзом, — писал Вилли Брандт, — это одна из многих легенд, сложившихся вокруг 20 июля. Не говоря о том, что никто на Западе на это бы не пошел. Тротт отправился в Швецию, имея наказ не ввязываться ни в какие дела, которые выглядели бы как попытка поссорить союзников».

О чем же просил союзников Адам фон Тротт? После убийства Гитлера позволить самим немцам сформировать новое правительство и не требовать безоговорочной капитуляции. Но союзники не хотели делить немцев на плохих и хороших. Чем дольше продолжалась война, тем больше становилось известно о зверствах гитлеровцев.

Заговорщики не могли предъявить доказательства, что они представляют сколько-нибудь широкие круги. Они производили впечатление одиночек, каковыми они и были в реальности. Британские политики не верили в возможность военного путча против Гитлера: да и есть ли разница между окружением фюрера и этими немецкими националистами?

Британский премьер-министр Уинстон Черчилль еще в 1941 году приказал своему министерству иностранных дел не откликаться на попытки немцев договариваться о сепаратном мире:

— Нашей реакцией на все такого рода запросы или предложения должно быть полное молчание…

В январе 1943-го Уинстон Черчилль и президент Соединенных Штатов Франклин Рузвельт договорились на встрече в Касабланке: цель войны — безоговорочная капитуляция нацистской Германии.

Адам фон Тротт сообщил единомышленникам: нет надежды договориться с западными державами. Может, попробовать установить контакты с русскими? Эта мысль понравилась генералу Хеннигу фон Трескову, который был мотором военного заговора против фюрера.

Для него Сталин ничем не отличался от Гитлера. Сталин произнес важную фразу: гитлеры приходят и уходят, а немецкий

народ остается. Что означает эта формула? Если не станет Гитлера, Сталин готов вести переговоры? Советский вождь позволил военнопленным и эмигрантам создать Национальный комитет «Свободная Германия» — значит, готов разговаривать с немцами? Запад упорствует, а Москва, измученная войной, решили заговорщики, не прочь заключить сепаратный мир с Германией на хороших условиях. Всё это указывало на возможность контактов с Востоком — пока немецкая армия еще представляла силу.

Вести переговоры мог бывший посол в Москве граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Он играл важную роль в предвоенном сближении Москвы и Берлина, и у него сложились хорошие отношения со Сталиным и Молотовым. После начала войны он вернулся в Берлин, где получил в имперском министерстве иностранных дел малозначащий тогда пост руководителя русского отдела.

Граф Шуленбург считал так: если холодный и расчетливый Сталин готов дать Гитлеру шанс, тем более он даст его антигитлеровской оппозиции. Ради беседы со Сталиным Шуленбург дал согласие быть переброшенным через линию фронта.

Уже после войны, 1 ноября 1945 года, начальник 2-го отдела Главного управления военной контрразведки Смерш полковник Сергей Николаевич Карташов и оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела капитан Даниил Григорьевич Копелянский допросили бывшего советника министерства иностранных дел Германии Готтхольда Штарке. До войны он был референтом по печати в немецком посольстве в Москве.

Штарке рассказал: «Шуленбург был исключительно сильно потрясен фактом войны между Германией и Советским Союзом. Позднее Шуленбург был зачислен в состав личного штаба министра иностранных дел Риббентропа. Летом 1943 года, перед началом наступления на Курской дуге, от германского посланника в Стокгольме поступили данные о том, что Россия якобы готова вести мирные переговоры с Германией. Шуленбург использовал это сообщение и пытался убедить Риббентропа в необходимости заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Риббентроп доложил заявление Шуленбурга Гитлеру, который самым решительным образом его отклонил…

Шуленбург был обижен тем, что Риббентроп относился к нему как к мальчишке, был груб с ним и мало считался с его мнением. Всё же Риббентроп его не отпускал и когда бывал в ставке Гитлера, то его иногда сопровождал Шуленбург…

Шуленбург был возмущен тем, что окружение Гитлера, и в

первую очередь сам Гитлер, не желало идти на сближение с Советским Союзом, несмотря на то, что военно-политическое положение Германии было катастрофическим. Когда я спросил Шуленбурга, на что, собственно говоря, надеются в ставке, он мне ответил: «Там надеются на смерть царицы Елизаветы». Он имел в виду исторический эпизод, когда смерть царицы Елизаветы фактически спасла Пруссию от разгрома.

Когда я 13 или 14 августа 1944 года приехал к графу фон дер Шуленбургу, он мне объявил, что в связи с событиями 20 июля он ежеминутно ожидает ареста. Министр иностранных дел фон Риббентроп дал честное слово, что он не является активным участником заговора и не осведомлен о деталях всего дела. Теперь, однако, продолжал граф, министру сообщили, что он, Шуленбург, «изменническим образом» поставил себя на службу заговорщикам, и, таким образом, Риббентроп не сможет более воспрепятствовать его аресту.

Перед арестом он желает мне сообщить, что он верен своей постоянной политике «ориентации на восток» и пытался убедить своих товарищей по заговору в правильности своей внешнеполитической линии. Более того, он объявил им о своей готовности перейти с белым флагом в руках через линию фронта и вымолить у русских условия перемирия, сделав, таким образом, последний шаг к спасению германского народа.

Затем посол обратился ко мне с просьбой в случае его казни и если я сам останусь в живых передать после окончания войны, которая, вероятно, завершится капитуляцией Германии, народному комиссару иностранных дел Советского Союза Молотову свое последнее слово:

«Сообщите господину Молотову, что я умер за дело, которому я посвятил свою жизнь в Москве, то есть за советско-германское сотрудничество. Тягчайшим часом для меня явилось то раннее утро 22 июня 1941 года, когда я, согласно приказу, передал господину Молотову безумное объявление войны, и это лишь спустя несколько часов после нашей совместной беседы о последних возможностях предотвращения великой катастрофы…

Я заявил одному господину из круга заговорщиков, возглавляемых доктором Гёрделером, о своих взглядах на необходимость мира, то есть о немедленном установлении контакта с Советским Союзом, причем я предложил себя в качестве посредника во время первых переговоров с Красной Армией. Неудача путча и, таким образом, невозможность выполнения моей миссии не являются моей виной, так же, как и та роль, которую я вынужден был играть 22 июня 1941 года.

В последние дни апреля 1941 года я, находясь в Берлине,

предупреждал Адольфа Гитлера и дошел в своей беседе с ним до границы возможностей имперского чиновника. Теперь я пожертвовал жизнь за свои политические убеждения…».

Девятнадцатого октября 1944 года Шуленбурга арестовали. 23 октября Народный трибунал, рассматривавший дела участников антигитлеровского сопротивления, приговорил его к повешению. 10 ноября его казнили во дворе тюрьмы Плётцензее.

Адам фон Тротт хотел для начала связаться с советским послом в Швеции Александрой Коллонтай через профессора Гуннара Мирдаля, чтобы выяснить, как поведет себя Советский Союз, если участникам сопротивления удастся убить Гитлера и взять власть в стране. Скандинавские друзья Вилли Брандта обещали устроить такую встречу. Но через два дня Тротт попросил не устанавливать контакт с советскими представителями. Объяснил: это опасно, в советском посольстве в Стокгольме есть немецкий агент, который сообщит о нем в Берлин.

И вот поразительное совпадение!

Ровно через месяц, 18 октября 1944 года, начальник Главного управления военной контрразведки Смерш Абакумов отправил Сталину донесение, которое могло бы служить основанием для немедленного отзыва Коллонтай в Москву, ареста и расстрела. Ее заслуги не для всех имели значение: «Представляю протокол допроса арестованного агента английской разведки Гусева, являвшегося секретарем советского военного атташе в Швеции, — о чем Вам было доложено 1 октября сего года».

Майор Петр Михайлович Гусев окончил академию им. Фрунзе в 1939 году и служил в военной разведке. 15 июня 1944 года его отозвали из Стокгольма. По прибытии на родину он был арестован. Допросы на Лубянке проводились так, что он подписал протокол, в котором говорилось, что в июле 1943 года его завербовала британская разведка. Заодно следователи получили от него показания и на Коллонтай.

«Особого внимания, — докладывал генерал Абакумов Сталину, — заслуживают показания Гусева о наличии среди сотрудников советского посольства в Швеции иностранцев — шведов, норвежцев и немцев…»

«Должен заявить, — говорилось в протоколе допроса Гусева, — что в советском посольстве в Стокгольме работает сотрудник, который является агентом шведской полиции.

— Назовите фамилию этого сотрудника, — потребовал следователь.

— Выстрем — шведский подданный, по национальности швед, работающий личным шофером советского посла Коллонтай

Александры Михайловны».

Речь шла об Эрнсте Вистрёме.

«Выстрем, — продолжал Гусев, — пользуется поддержкой у Коллонтай, имеет свободный доступ в здание посольства, часто его можно видеть у дверей кабинетов советников, секретарей и других сотрудников посольства и военной миссии… Я понял, что Выстрем это делал не случайно, а по заданию шведской полиции вел наблюдение за работниками советского посольства…

В посольстве работали и другие иностранцы, которые, видимо, подставлены шведской полицией или германской разведкой в целях шпионажа… Эти иностранцы составляют личное окружение Коллонтай, пользуются ее покровительством и, несмотря на то, что все эти лица не внушают доверия, работают при посольстве по нескольку лет…

Я лично, видя, как вокруг Коллонтай группировались иностранцы, приходил к выводу, что она больше доверяет немецким и шведским специалистам, нежели русским… Симпатии Коллонтай к иностранцам в Стокгольме известны, и она не случайно пользуется у шведов авторитетом».

Донос начальника Смерша не возымел действия. Мнение Сталина о Коллонтай не изменилось. Но, выходит, немецкий дипломат Адам фон Тротт был прав, опасаясь немецкого агента в советском посольстве? Нет, теперь мы знаем, что подозрения генерала Абакумова не имели под собой никаких оснований. В советском посольстве в Стокгольме не было немецких агентов…

Адама фон Тротта арестовали через пять дней после неудачной попытки немецких военных убить Гитлера 20 июля 1944 года. Через месяц Тротта казнили по приговору Народного трибунала.

«Впоследствии стало известно, — вспоминал Вилли Брандт, — что чиновник из ведомства Риббентропа, зондируя почву, встречался в Стокгольме с советником посольства Владимиром Семеновым. Аппарат Гиммлера тоже пытался установить через Стокгольм ни к чему не обязывающий контакт с Россией».

Чиновник, которого упоминал Брандт, — это всё тот же Бруно Петер Кляйст.

Летом 1944 года имперский министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп возобновил свои попытки: «От Кляйста поступила информация, что русские тоже выразили желание вступить в контакт с нами. Я передал это сообщение фюреру и наконец-то получил от него разрешение распространить мой зондаж на Стокгольм. Правда, я несколько сомневался в истинности этого сообщения и испытывал такое чувство, что

здесь, скорее, желаемое принималось за действительное. Русский представитель так и не появился.

Моя жена осенью 1944 года написала фюреру письмо, в котором она как «разведенная» женщина, которую он может в любой момент дезавуировать, выражала готовность вступить в контакт с мадам Коллонтай, чтобы таким образом, возможно, получить отправные точки для суждения о том, имеются ли вообще какие-либо возможности для серьезного разговора с Россией о мире. Однако Гитлер эту инициативу отверг…»

В марте 1945 года тяжелобольную Александру Коллонтай вывезли в Москву. Именно в эти дни министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп вызвал к себе бывшего советника немецкого посольства в Москве Густава Хильгера. Тот прекрасно говорил по-русски и считался знатоком русских дел. Риббентроп предложил Хильгеру отправиться в Стокгольм, связаться с советскими дипломатами и выяснить возможность сепаратного мира на условиях, которые устроят руководство Германии.

— Хильгер, вы должны ответить мне откровенно, — сказал Риббентроп. — Как, по-вашему, согласится ли Сталин снова вступить с нами в переговоры?

Хильгер не стал лукавить:

— Что же, раз вы настаиваете, вот мой ответ. До тех пор, пока Германией управляет нынешнее правительство, нет ни малейшей надежды, что Сталин когда-нибудь станет вести с нами переговоры.

Вместо Хильгера в Стокгольм поехали двое — уже упоминавшийся Бруно Кляйст и Карл Юлиус Шнурре. До войны Шнурре руководил восточноевропейским сектором отдела экономической политики министерства иностранных дел. Этот молодой и амбициозный дипломат ведал торговыми отношениями с Советским Союзом и участвовал в сближении с Москвой.

Карл Шнурре в Стокгольме заболел и вынужден был необходимое время провести в постели. Кляйсту же удалось встретиться с оперативником американской разведки, который объяснил, что Германии остается только одно — капитулировать.

Риббентроп сказал фюреру, что готов вместе с семьей вылететь в Москву, чтобы убедить советских вождей в готовности заключить мир. Гитлер вспомнил, каким скандалом закончился полет его заместителя по партии Рудольфа Гесса в Англию в мае 1941 года, и раздраженно ответил министру:

— Риббентроп, только не устраивайте такой же истории, какую устроил Гесс!

Двадцать второго марта 1945 года имперский министр

народного образования и пропаганды, руководитель столичной партийной организации Иозеф Геббельс записал в дневнике: «В Стокгольме находится один влиятельный человек из Советского Союза, который выразил желание поговорить с кем-либо из немцев. В принципе от такой возможности не обязательно отказываться. Я считаю, что было бы хорошо по крайней мере переговорить с представителем Советского Союза. Но фюрер считает, что в настоящий момент пойти навстречу врагу означало бы признать свою слабость».

Кто всё это придумывал? В марте 1945-го Сталин точно не хотел ни о чем договариваться с нацистскими главарями. Но Геббельс хватался за соломинку любого спасительного слуха. Гитлер же понимал, что никто разговаривать с ним не станет и его ничто не спасет. Если ему суждено умереть, решил он, то пусть вместе с ним исчезнет и вся Германия. Министру вооружения Альберту Шпееру он сказал:

— Если война проиграна, то пусть погибнет и народ. И незачем сохранять то, что потребуется народу для его дальнейшей примитивной жизни. Напротив, лучше самим все разрушить. Немецкий народ показал свою слабость. Если кто-то и выживет в этой войне, то это всего лишь неполноценные люди, ибо все достойные погибли.

К концу войны Адольф Гитлер перестал спать, потому что внешний мир прорывался сквозь защитный кокон, которым он пытался себя окружить. Он говорил, что как только он закрывает глаза, перед глазами появляются карты со стрелами. У него было очень высокое давление. Кардиологи диагностировали артериосклероз — сужение сосудов, снабжающих кровью сердце. Стали заметны симптомы болезни Паркинсона.

Причина его недугов состояла в непосильном напряжении. Бездельник по характеру, он не привык к систематической работе и психологически не справлялся с нагрузкой последних месяцев войны. И конечно же его преследовал страх.

Бункер, построенный под имперской канцелярией, — единственное место — под восьмиметровой толщей стали и бетона, где он чувствовал себя в относительной безопасности. В бункер было несколько прямых попаданий, но толстые бетонные перекрытия выдержали. Гитлер пострадал от отравляющего газа в Первую мировую войну и смертельно боялся, что русские применят усыпляющий газ и захватят его живым. Гитлера преследовал и другой кошмар — рядом были грунтовые воды, он боялся, что мощная бомба пробьет стены, в бункер хлынет вода и он утонет.

От природы он был лишен мужества, болезненно переживал

неудачи и всегда был готов капитулировать. Малейшее поражение рождало в нем растерянность. Он понял, что потерпел катастрофу, что его дни сочтены, и еще больше боялся тех, кто его окружал. Подозревал, что любой из них может попытаться убить его в надежде заслужить прощение союзников. Или хуже того — похитит, чтобы передать Сталину или Черчиллю.

Фюрер смертельно боялся попасть в руки союзников, понимая, что его ждет. 6 июля 1942 года британское правительство обсуждало предложение создать комиссию Объединенных Наций по нацистским преступлениям.

— Исходим из того, что если Гитлер попадет к нам в руки, мы его обязательно казним, — твердо сказал Черчилль. — Он не монарх, который может оправдываться тем, что за всё отвечают министры, как это утверждал кайзер Вильгельм. Этот человек — олицетворение зла. Способ казни? Посадим на электрический стул, как гангстера. Мы сможем получить электрический стул у американцев по ленд-лизу, — пошутил премьер-министр.

Последнюю попытку заключить сепаратный мир с союзниками предпринял рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Адольф Гитлер отказался капитулировать и собирался сгореть в пламени погибающего рейха. Гиммлер, напротив, хотел жить. Он был уверен, что Германия без него не обойдется и он будет играть ведущую роль в послевоенной Европе. А союзники закроют глаза на то, что делали СС.

К переговорам Гиммлера подталкивал его подчиненный — начальник внешней разведки бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг. Он сетовал на нерешительность Гиммлера. Но возможности Гиммлера были ограничены существовавшей в нацистской Германии машиной власти. Он был всевластен, пока действовал в рамках системы. Попытка выйти из нее была бы для него губительной.

Молодого Вальтера Шелленберга в третьем рейхе высоко ценили. Он был, говоря современным языком, мастером пиара и неустанно создавал себе образ гения шпионажа. В реальности особыми успехами похвастаться он не мог.

В конце войны от немецкой разведки потребовали ответа: действительно ли президент Рузвельт намерен вести долгую войну против Германии? Существуют ли влиятельные американские круги, готовые найти взаимопонимание с Германией? Шелленберг обещал выяснить, есть ли возможность посеять рознь среди руководителей антигитлеровской коалиции. Но агентура у него была ненадежная.

Агенты немецкой разведки сообщали, что командующий объединенными силами союзников генерал Дуайт Эйзенхауэр

готов заключить мир с немцами, если Германия откажется от территориальных претензий в Европе и удовлетворится колониями в Африке. Что генерал Эйзенхауэр — противник высадки в Европе, потому что операция дорого обойдется американской армии. Что Эйзенхауэр ненавидит евреев и подчеркнуто дружелюбен к попавшим в американский плен офицерам вермахта… Вся эта информация агентов Шелленберга была сплошной липой.

Вальтер Шелленберг был холодным и расчетливым офицером СС. Это он в последние месяцы войны стал предлагать союзникам сделку: он отпускает какое-то количество узников концлагерей в обмен на грузовики и другую технику, которая пойдет на Восточный фронт. Это была акция, направленная на раскол союзников. Шелленберг надеялся, что о переговорах станет известно Сталину и начнется распад антигитлеровской коалиции.

Это была смертельная игра. Отказаться от возможности спасти хоть кого-то немыслимо! Но и сотрудничать с Гиммлером и его людьми было столь же немыслимо.

Вальтер Шелленберг с санкции Гиммлера стал действовать через бывшего президента Швейцарии Жан Мари Мюзи и шведского графа Фольке Бернадота. Предлагалось прекратить уничтожение узников в лагерях в обмен на прекращение боевых действий на Западном фронте или как минимум на смягчение вины эсэсовцев. Шелленберг не спасал людей, он их использовал в торговле. А выторговать он пытался жизнь и свободу для высших нацистских чинов.

Генрих Гиммлер не понимал, какое отвращение вызывает его имя на Западе. Он считал, что все обвинения в его адрес — это только пропаганда. Когда Запад осознает, какую опасность представляет большевизм, все поймут, что в Германии иметь дело можно только с ним. Он верил, что американцы горят желанием поскорее заключить мир в Европе, чтобы сосредоточиться на войне с Японией…

В самом конце войны, 17 февраля 1945 года, граф Фольке Бернадот, племянник короля Швеции Густава V и глава шведского Красного Креста, побывал в Берлине. Его принял Гиммлер. Граф рекомендовал рейхсфюреру прекратить бессмысленное сопротивление. Гиммлер сказал Бернадоту:

— Как я могу предать Гитлера? Я создал СС на основе принципа лояльности. Этот принцип нерушим.

В последние недели существования рейха Гиммлер заметался. Он то был исполнен чувства верности Гитлеру, то видел себя наследником фюрера, который заключает пакт с Западом против большевизма. Он то беседовал с графом

Бернадотом, то приказывал отборным эсэсовским частям уничтожить узников концлагерей. Он хотел остаться при фюрере и одновременно мечтал о его смерти, он жаждал одобрения со стороны Запада и в то же время желал его поражения.

Двадцатого апреля Гиммлер покинул Берлин. Он обещал Бернадоту освободить женщин-узниц из лагеря Равенсбрюк. Комендант лагеря отказывался освободить женщин, ссылаясь на приказ главного управления имперской безопасности: всех уничтожить. После долгих переговоров 15 тысяч женщин были спасены.

Двадцать пятого апреля американский президент Гарри Трумэн из Белого дома отправился в министерство обороны, чтобы по секретному трансатлантическому телефону поговорить с Черчиллем. Граф Бернадот передал предложение Гиммлера о капитуляции — но только перед западными державами.

Впоследствии графа Фольке Бернадота обвинили в излишне тесном сотрудничестве с нацистами: после войны многие нацисты с документами Красного Креста улизнули из поверженного рейха. В 1948 году Бернадота назначили посредником ООН в Палестине, разделенной между арабами и евреями. 17 сентября 1948 года его автомобиль пересекал границу нейтральной зоны в Иерусалиме и вынужден был остановиться перед устроенным на дороге завалом. Бернадота застрелили. Убийц не нашли. Подозревались израильские радикалы, которые не простили ему дружбы с нацистами…

А в окруженном Берлине контакты имперской канцелярии с внешним миром поддерживались с помощью автомобильной радиостанции, установленной на угольном складе. Дежурный радист записал сообщение британского информационного агентства Рейтер: «Гиммлер установил связь с руководителем шведского общества Красного Креста графом Фольке Бернадотом для переговоров с западными державами о сепаратном мире. Гиммлер информировал графа Бернадота, что фюрер блокирован в Берлине и к тому же страдает от нарушений мозговой деятельности».

Когда это сообщение показали Гитлеру, тот пришел в бешенство: «верный Генрих» ведет переговоры с врагом! Приказал арестовать рейхсфюрера СС. Но Генрих Гиммлер благоразумно сбежал подальше от фюрера.

Адольф Гитлер напрасно беспокоился. Черчилль и Трумэн отвергли это предложение Гиммлера — они договорились, что нацисты должны капитулировать только перед всеми союзниками.

Сталин болезненно реагировал на сообщения разведки о

контактах нацистов с любыми представителями Запада. В реальности союзники не собирались договариваться с нацистами о сепаратном мире. По этой причине в конце войны Англия и Соединенные Штаты отказались даже от контактов с антигитлеровским сопротивлением…

В годы холодной войны изыскания зарубежных историков воспринимались как враждебная акция. Публикации, относящиеся к тайной дипломатии времен Второй мировой войны, вызывали у советских руководителей особое раздражение. Решено было дать отпор «злобным измышлениям» врагов советской власти, и поручили это Коллонтай.

Александре Михайловне было приятно, что о ней вспомнили. Она отправила письмо в редакцию газеты «Известия», которое 29 июля 1947 года было опубликовано:

«Я прочитала в американском журнале «Либерти» статью двух авторов Пауля Шварца и Гея Ричардсона. Эта статья вызвала у меня чувство глубокого возмущения той клеветой по адресу Советского Союза, которую преподнес журнал своим читателям…

Эти два провокатора решили сделать сенсационное «разоблачение» будто бы имевших место весною 1943 года в Стокгольме, под моим руководством как посланника СССР, попыток переговоров о сепаратном мире между Москвой и Берлином…

Шварц и Ричардсон прежде всего сочиняют длинную повесть о приезде весною 1943 года из Москвы в Стокгольм сотрудника МИД А. М. Александрова с поручением ко мне выяснить возможности сепаратного мира с Германией. Но легко проверить, что А. М. Александров в 1943 году находился в Австралии, будучи там советником Миссии СССР, и вообще никогда в Стокгольм не приезжал.

Затем следует подробное описание, как я старалась найти посредников для установления связей с немцами, хотя было известно, что именно весною 1943 года я была тяжело больна и находилась в клинике Красного Креста, о чем, между прочим, сообщало агентство Рейтер.

Этим фантазии соавторов относительно «фактов» деятельности моей и Александрова не исчерпываются, они уверяют своих читателей, что дело сорвалось из-за сомнений Гитлера, нет ли капли еврейской крови у Александрова…

Слухов о попытках сепаратного мира не только в 1943 году, но и за все время войны было очень много, в частности в Стокгольме. Они обычно исходили непосредственно из штаба Геббельса и Гиммлера. Корреспонденты английских газет «Дейли экспресс» и «Дейли мейл» сообщали в своей печати о попытках

немцев установить через них связь с англичанами в Стокгольме…»

Опровержение Коллонтай не поставило точку в изысканиях историков. Похоже, ей не очень поверили. Что касается пассажа относительно Александрова, то произошла некоторая путаница. Фамилия распространенная. Один дипломат с такой фамилией действительно служил в Австралии, другой всю войну проработал в Стокгольме, под руководством Коллонтай…

Александра Михайловна ушла из жизни раньше, чем журналисты смогли до нее добраться. Зато они пытались разговорить Владимира Семеновича Семенова. Но — тщетно…

Со временем Владимир Семенов стал заместителем министра иностранных дел Советского Союза. Помимо дипломатии он интересовался живописью.

«Вначале он собирал передвижников, — рассказывал посол Роланд Михайлович Тимербаев, — потом выгодно их распродал и увлекся русским авангардом… Сами художники в большинстве своем уже вымерли, вдовы их чуть ли не голодали, и за небольшие подачки (дубленки и пр.) можно было создать хорошие коллекции. Семенов вовремя это понял».

Его последняя должность — посол в ФРГ. Уйдя в отставку в перестроечные годы, он остался в Германии. Как утверждают, вместе с собранной им бесценной коллекцией русской живописи. Умер он в Кёльне. До конца жизни Владимир Семенов наотрез отказывался отвечать на вопросы историков и журналистов о переговорах в Стокгольме.

О том, что происходило тогда в реальности, знали немногие. И никто из них не захотел об этом вспоминать. Некоторые историки уверены, что участники этих переговоров унесли тайну стокгольмских встреч с собой в могилу. И правды нам уже никогда не узнать.

Дама в коляске

Недуги один за другим обрушивались на Александру Михайловну, и ей уже было тяжело работать. В конце 1944 года к ней приехал шведский министр финансов и предложил миллиардный кредит для возобновления прерванных войной экономических отношений с СССР. Миллиард вместо 100 миллионов, которые обсуждались в 1934 году…

Соглашение было подписано осенью 1945 года. Но уже без Коллонтай. В конце концов в Москве приняли решение ее отозвать. В марте 1945 года Александра Михайловна вернулась

на родину.

Молотов предполагал оставить послом в Стокгольме Владимира Семенова, которому симпатизировал.

«Я долго ожидал решения моей судьбы, — вспоминал сам Семенов. — Еще в октябре 1944 года меня вызвал Молотов и сказал, что имеется в виду меня назначить послом в Швецию. Я стал умолять Вячеслава Михайловича не делать этого — и я надоел шведам, и они мне, и нечего мне там будет делать после войны.

— Лучше атташе, но в Германию.

— Но там же война, — возразил В. М.

Я ответил, что войне скоро конец и надо готовить оккупационный аппарат. Вот туда мне и место. В. М. крякнул и отпустил меня с миром. И больше не приставал».

Молотов ценил Семенова, и его пожелания учли. Когда после разгрома третьего рейха формировалась оккупационная администрация, его срочно отправили в Берлин. В июне 1945 года Владимира Семеновича утвердили заместителем политического советника при главноначальствующем Советской военной администрации (СВАГ) в Германии. Администрацию возглавил маршал Георгий Константинович Жуков, а советником стал Андрей Януарьевич Вышинский. Однако Вышинский немецких дел не знал и во многом полагался на Семенова, которого 5 сентября произвели в первые заместители политсоветника по общим вопросам и вопросам внешней политики. Вышинский вскоре вернулся в Москву. И 31 мая 1946 года постановлением правительства Семенов стал политсоветником СВАГ, то есть фактически ему было поручено заниматься послевоенным переустройством Германии.

А в Стокгольме Александру Коллонтай сменил другой ее недавний подчиненный — советник посольства Илья Семенович Чернышев. Выпускник исторического факультета Московского университета, он был в 1940 году приглашен на работу в Наркомат иностранных дел одним из помощников Деканозова.

Уже упоминавшийся в этой книге Владимир Георгиевич Деканозов родился в Баку. Он был достаточно образованным человеком — окончил Тифлисскую гимназию, два года учился на медицинском факультете Саратовского, затем Бакинского университетов. Летом 1921 года Деканозова назначили уполномоченным отдела по борьбе с бандитизмом Азербайджанской ЧК, потом заместителем начальника экономического отдела. Там он и познакомился с Лаврентием Павловичем Берией.

Берия сделал его секретарем ЦК компартии Грузии по

транспорту, затем наркомом пищевой промышленности Грузии и, наконец, председателем республиканского Госплана. Переехав в Москву в 1938 году, Лаврентий Павлович взял с собой надежного соратника. Деканозов был назначен начальником разведки. Но разведкой он руководил недолго. В мае 1939 года его утвердили заместителем наркома иностранных дел.

В конце 1940 года Молотов доверил ему важнейший дипломатический пост — постоянный представитель в Германии. Вместе с Деканозовым уехал в Берлин и Чернышев. Молодой человек получил должность атташе в полпредстве в Германии. Андрей Александров-Агентов отмечал в нем природный ум, деликатность, скромность, умение ладить с людьми.

В 1944 году Илья Чернышев прибыл в Стокгольм. 27 июля 1945 года он стал чрезвычайным и полномочным посланником. Чернышев отправил в Центр письмо относительно «неблаговидных действий» своей предшественницы.

Любезные шведы выражали сожаление в связи с отъездом посла, которая столько лет проработала в Стокгольме. Чернышев находил это крайне подозрительным, о чем поспешил донести в Москву. В подкрепление своих слов Чернышев записал в свой дневник слова болгарского посланника: «Чрезмерное восхваление шведской прессой заслуг Коллонтай перед шведами крайне подозрительно и производит очень неприятное впечатление… Если все шведские круги озлоблены сменой Коллонтай, то в этом кроется что-то серьезное».

Илья Чернышев сделал хорошую карьеру. В начале 1960-х годов уехал послом в Бразилию, где жизнь его закончилась самым неожиданным и трагическим образом. В воскресенье 21 октября 1962 года в Рио-де-Жанейро он пошел купаться в океане вместе со своим 22-летним помощником Валерием Ивановичем Яриковым. Океан коварен. Сильное течение утащило посла от берега, его накрыла волна. Помощник бросился ему на помощь. Они утонули оба…

Возвращению Коллонтай в СССР предшествовала довольно длительная переписка с Центром о бытовом устройстве в Москве. Александра Михайловна, ссылаясь на плохое состояние здоровья, добивалась разрешения взять с собой шведку — опытную и умелую медицинскую сестру. Ей обещали выделить для ухода лучшую медицинскую сестру из штата Лечебно-санитарного управления Кремля, но Александра Михайловна на уговоры не поддавалась. В конце концов в Москве согласились на шведскую медсестру.

Коллонтай вернулась вместе с личным секретарем. Долгое время ее ближайшей помощницей была Пинна (Инна) Васильевна

Прокофьева. Но в 1932 году она вышла замуж и уехала в Испанию. Александра Михайловна переживала: «Лишиться хорошего личного секретаря — это гораздо большая потеря, чем выдать дочь замуж». Пинну Прокофьеву сменила Эмми Генриховна Лоренсон. Она состояла в компартии Швеции. В 1946 году получила советское гражданство. После смерти Коллонтай работала в шведской редакции (недолго существовавшей) внешнеполитического еженедельника «Новое время».

Коллонтай поселилась на Большой Калужской улице (ныне Ленинский проспект) в доме 11, в квартире 149.

Девятого мая 1945 года, когда страна праздновала великую Победу, Александра Михайловна, прикованная к коляске, не могла присоединиться к москвичам, вышедшим на улицы города. Но она разделяла вместе со всеми это ощущение полного счастья и ожидания какой-то новой и необыкновенной жизни, которая теперь должна начаться… Годы и недуги не мешали ей строить большие планы.

Хотя Александра Михайловна была тяжело больна (фактически парализована), она не желала мириться с ограничениями, которые накладывало на нее нездоровье. Пыталась вести активную жизнь, общалась в достаточно узком кругу московского дипломатического корпуса. Однажды даже приняла у себя в квартире английского посла в СССР сэра Арчибальда Кларк-Керра.

Британский посол был рад побывать дома у кого-то из советских людей. Он жаловался, что в Москве живет, как в клетке. Мало кто из советских граждан рисковал принять приглашение на прием в британское посольство. А уж о приглашении домой не могло быть и речи! Послу позволяли встречаться только с узким кругом советских функционеров. За ним постоянно следили. Его утешало только одно:

— Меня окружали четверо, а японского посла восемь человек.

А ведь холодная война еще не началась, и сэр Арчибальд представлял в Москве союзника по совместной борьбе против общего врага… Но во враждебном и подозрительном мире сталинской Москвы иностранных дипломатов отрезали от общения не только с простыми людьми, но и даже с чиновниками.

Двадцать пятого мая 1945 года в Москву прилетел специальный представитель американского президента Гарри Гопкинс. Сменивший Франклина Рузвельта на посту президента Соединенных Штатов Гарри Трумэн не знал, как иметь дело с Советским Союзом. Надеялся, что Гопкинс сумеет уладить растущие разногласия. Знал, что Сталин высоко ценит Гопкинса за то, что тот добрался до Кремля в первые недели после

нападения Германии.

Гарри Гопкинс был символом успешного союза военного времени. Он встречался со Сталиным трижды — в Москве в июле 1941 года, на Тегеранской конференции в 1943-м и в Ялте в январе 1945-го. Покойный президент Франклин Рузвельт попросил именно его руководить программой ленд-лиза. Они с Рузвельтом так сблизились, что Гопкинс даже жил в Белом доме. В 1945-м Гопкинсу было 55 лет, но он был очень болен — страдал от рака желудка. Однако же не смог отказаться от просьбы Трумэна и взялся исполнить личное поручение президента.

Владимир Павлов, переводчик Сталина и Молотова, вспоминал: «Во время пребывания Гарри Гопкинса в Москве МИДом СССР был устроен прием в его честь в особняке на улице Алексея Толстого. А. М. Коллонтай получила пригласительный билет. По залам особняка, где было полно гостей, ее в кресле катал внук. Вдруг, завидев Г. Гопкинса с Молотовым, она потребовала от внука, чтобы тот подвез ее к Г. Гопкинсу. После некоторого маневрирования в толпе гостей она, наконец, подъехала к шагавшему широким шагом Гопкинсу, повернула к нему голову и представилась.

Гопкинс, задержавшись на миг перед коляской, сказал «рад с вами встретиться» и, смерив взглядом немощную старушку, снова зашагал вперед. Тут он меня спросил:

— Это та мадам, которая писала про любовь?

Получив утвердительный ответ, Гопкинс громко рассмеялся».

Искренняя неприязнь молотовских аппаратчиков (не говоря уже об их неучтивости) преследовала Александру Михайловну и после того, как она перестала быть послом…

Но сталинское покровительство продолжало действовать. Тяжелобольную Коллонтай даже не отправили на пенсию. С 18 марта 1945 года она числилась советником Народного комиссариата иностранных дел, что было важно не только материально, но создавало важное для нее ощущение востребованности. После победы, 5 сентября 1945 года, ее наградили орденом Трудового Красного Знамени — за успешное выполнение заданий советского правительства во время Великой Отечественной войны.

Посол Уругвая Эмилион Фругони, поэт и публицист, встречал неутомимую Коллонтай в доме приемов Наркомата иностранных дел на Спиридоновке: «Паралич ног заставлял ее передвигаться в кресле-каталке. Когда она проезжала на нем через салон, к ней подходили многочисленные друзья. Сейчас она уже в почтенном возрасте, совсем седая, с приятной улыбкой, освещающей интеллигентное лицо».

Десятого июня 1946 года в норвежском посольстве в Москве ей вручили Большой крест ордена Святого Олафа 1-й степени с лентой. В 1947-м посол Мексики Нарсисо Бассольс передал Коллонтай орден Ацтекского орла, которым отметили ее заслуги в сближении двух народов.

Александра Михайловна много читала, переписывалась со старыми знакомыми. Остроте ума физическое нездоровье не вредило. Старалась возобновить старые знакомства. Забыв былую неприязнь, 26 августа 1945 года из правительственного дома отдыха «Сосны» написала прежнему начальнику в Наркомате иностранных дел Потемкину:

«Дорогой Владимир Петрович,

Благодарю Вас и Марию Исаевну за приглашение к Вам, но из-за ноги я не могу подыматься по лестнице и пока лишена удовольствия быть в Вашем радушном доме. Может быть, проезжая мимо «Сосен», Мария Исаевна и Вы заглянете ко мне по старой памяти. Буду очень рада».

Владимир Потемкин ушел из жизни раньше Коллонтай. 10 февраля 1946 года он стал депутатом Верховного Совета СССР, а 23 февраля скончался.

Коллонтай написала и Михаилу Ивановичу Калинину: «Живу я в доме СНК и, конечно, была бы бесконечно рада, если бы удосужились заехать ко мне. Я почти всегда дома. Для меня было бы большой радостью пожать Вам руку. По снимкам в газетах Вы по-прежнему молодцом, и это меня радует. Я тоже, несмотря на перенесенную болезнь, бодра и работоспособна. Радуюсь, что я в Москве. Нелегко нам за границей».

Член политбюро и председатель президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин долгие годы занимал пост, который в других странах считают президентским. Формально у него в руках была высшая государственная власть. Фактически он лишь оформлял решения, принятые политбюро. «Молодцом» он выглядел только на хорошо отретушированных снимках в партийной печати.

Его жена, Екатерина Ивановна Калинина, была арестована еще 25 октября 1938 года 2-м отделом Главного управления государственной безопасности НКВД. Обвинили ее в антисоветской деятельности и связях с троцкистами и правыми. В справке, которую Берия представил Сталину, говорилось:

«Следствием установлено, что Калинина с 1929 года была организационно связана с участниками антисоветской вредительской и террористической организации правых и содействовала им в их антисоветской деятельности… Калинина предоставляла им свою квартиру для контрреволюционных

сборищ, на которых обсуждались вопросы антисоветской деятельности организации, направленные против политики и руководства ВКП(б) и Советского правительства…

Осуждена Военной Коллегией Верховного Суда СССР 22 апреля 1939 года по статьям 17-58-6, 17-58-8 и 58–11 УК РСФСР к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на 15 лет с поражением в правах на 5 лет».

Калинин не посмел замолвить за жену словечко. Боялся, что и его самого посадят. Знал, что у чекистов заготовлены материалы о его связях с «правыми», Бухариным и Рыковым, которых уже расстреляли. Сталин распорядился ознакомить Калинина с этими материалами.

Девятого мая 1945 года, вДень Победы, рассчитывая на милосердие вождя, жена «всесоюзного старосты» обратилась к Сталину с покаянным письмом: «Я совершила тяжкую ошибку, усугубленную тем, что Вы своевременно мне на нее указывали, а я эти указания не учла… Я полностью сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь… Уже несколько лет я нахожусь на полной инвалидности. Моя единственная надежда на Ваше великодушие: что Вы простите мне мои ошибки и проступки и дадите возможность провести остаток жизни у своих детей».

Двенадцатого мая Екатерина Ивановна отправила более короткое письмо и на имя председателя Верховного Совета РСФСР Николая Михайловича Шверника: «Я совершила тяжкие проступки, за которые понесла суровое наказание. Я сознаю свою вину и глубоко раскаиваюсь. Но я никогда не была враждебна коммунистической партии и советской власти и эти проступки совершены мной несознательно. Сейчас мне 63 года. Уже несколько лет медицинской комиссией я переведена на полную инвалидность. Прошу Вас о снисхождении к моему искреннему раскаянию и тяжелому положению и о помиловании меня».

Поскольку речь шла о жене Калинина, который оставался членом политбюро, письма принесли наркому госбезопасности Всеволоду Николаевичу Меркулову. Одно нарком отдал адресату — Швернику. А письмо на имя Сталина переслал его помощнику Александру Николаевичу Поскребышеву. Тот доложил вождю.

Сталин вынес резолюцию прямо на письме: «Т. Горкину. Нужно помиловать и немедля освободить, обеспечив помилованной проезд в Москву».

Неожиданная милость вождя объяснялась просто. Михаил Иванович Калинин был уже смертельно болен, доживал последние дни. И держать его жену в лагере больше не имело смысла…

В 1946 году Коллонтай поехала в Барвиху — это было лучшее

место для отдыха и лечения высших руководителей страны. Санаторий принадлежал Лечебно-санитарному управлению Кремля. 3 июля сообщила старой приятельнице Аде Нильсон: «Это санаторий, где имеются все виды лечения. Как в клинике, хороший массаж, массажистка здесь не хуже, чем в Швеции. На сей раз я очень послушный пациент: витамины В, ванны, массаж и полный отдых…

Здесь прекрасные места для прогулок в парке и даже в лесу, а в моем новом кресле я могу легко выехать на лужайку и посидеть там в тени, наблюдая за птицами…

Эми в Барвихе нравится. Питание здесь отличное, пища легкая и разнообразная. В нашем распоряжении целая квартира. Спальня и гостиная, ванная, туалет и балкон. Так роскошно я никогда еще не жила ни в одном санатории…»

Четвертого июля 1946 года Александра Михайловна из Барвихи писала Вере Юреневой: «Читаю, сижу в саду. Эми катает меня по зеленым дорожкам, беседую со старыми товарищами (здесь несколько старых большевиков). Но воспоминаний не пишу. Не хочу прошлого. Я живу тем, что сегодня и что достигает наша страна для будущего, что делаем для укрепления мира».

Актриса Вера Леонидовна Юренева до революции играла в Александринке, а потом — в Ленинградском академическом театре драмы и МХАТе-2. Во время Гражданской войны Юренева записала в своем дневнике о Коллонтай: «Она прекрасна неистощимым творчеством. Точно дорогой металл льется в ней вместо крови. Я хотела бы когда-нибудь о ней книгу написать».

Вера Юренева так и не засела за книгу. Зато сама Александра Михайловна оставила обширные мемуары, хотя долгое время скрывала работу над ними.

Когда-то еще в Норвегии на приеме у премьер-министра французский дипломат поинтересовался у нее:

— Вы, верно, пишете мемуары?

— Нет, — красиво-снисходительно ответила Александра Михайловна, — я предпочитаю наслаждаться своей жизнью, а не писать о ней.

Все с удовольствием рассмеялись.

В реальности к работе над воспоминаниями она приступила еще перед войной. Одному писателю, интересовавшемуся ее записками, Коллонтай объяснила: «Я считала себя «личностью незаурядной», которая сама пробивает путь женщинам, и будущему человечеству будет интересно читать именно о внутренней жизни таких, как я».

Архив вернули!

В 1939–1940 годах Коллонтай подготовила первый вариант своих записок под названием «Мечты сбываются» — на английском языке, предполагая издать их за границей. В декабре 1944 года дисциплинированно переслала рукопись наркому Молотову. Тот по-английски не читал. Велел своему старшему помощнику Борису Федоровичу Подцеробу (впоследствии генеральный секретарь МИДа и заместитель министра) отдать рукопись Ивану Михайловичу Майскому, а потом еще и показал своему переводчику Владимиру Павлову.

«В поезде по пути в Берлин на Потсдамскую конференцию Молотов поручил мне прочесть воспоминания А. М. Коллонтай, написанные по-английски, — рассказывал Павлов. — Я отметил те места в машинописном экземпляре воспоминаний, которые мне казались заслуживающими внимания. Среди них была страничка, на которой Коллонтай рассказывала о том, как еще в четырехлетием возрасте стала революционеркой.

С ней это случилось, когда ей довелось однажды зимой наблюдать тяжкий труд двух полотеров, натиравших полы в роскошных апартаментах особняка в Петербурге, где она жила со своими родителями. Отец ее был генералом, занимавшим видный пост при дворе царя. Заметив, что во второй раз пришел продолжать работу лишь один из полотеров, она спросила у него, почему он пришел один. Тот ответил, что товарищ его простудился и умер. Он добавил, что у него не было теплого пальто и не на что было его купить.

Девочка Коллонтай была поражена этим фактом, и, размышляя о нем, она пришла к пониманию контраста между ее семьей, жившей в полном довольстве, и положением несчастного полотера. У нее пробудилось сознание необходимости встать на сторону угнетенных».

Александре Михайловне, как всякому автору, не терпелось увидеть книгу опубликованной. 26 января 1945 года она обратилась из Стокгольма к директору издательства «Художественная литература» Петру Ивановичу Чагину:

«Дорогой товарищ,

В начале декабря я послала на имя В. М. Молотова «Мои воспоминания детства» — рукопись на машинке приблизительно в 300 страниц. Это — описание моего детства и юности до моей поездки в Цюрих для поступления в Цюрихский университет, то есть до политической эмиграции. Книгу эту я написала на английском языке, так как имела в виду шведских и английских читателей. Начала такую же книгу на русском языке для наших читателей, но, как Вам, может быть, известно, тяжело заболела. Когда я вернулась к работе в прошлом году, у меня уже не

хватало ни сил, ни времени дописать свою книгу по-русски…

Поэтому я бы хотела с Вами договориться относительно того, нет ли у Вас хорошего переводчика с английского, который мог бы по моей английской рукописи вчерне переводить главу за главой и с дипломатической почтой пересылать мне для уточнений и исправлений…

Английскую рукопись Вы можете получить в секретариате Вячеслава Михайловича… Может быть, они уже передали ее Вам или кому-либо другому. Об этом справьтесь в секретариате или у самого тов. Молотова».

Разумеется, ни одно издательство не могло проявить инициативу, если судьбу рукописи решал член политбюро. Поторопить Молотова, второго человека в стране, попросить его поскорее решить вопрос с рукописью — об этом директор издательства и подумать не мог. Так что Александре Михайловне пришлось ждать.

Двадцать первого марта 1945 года, одолев рукопись, Майский написал Молотову:

«Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Мне переслали из Вашего секретариата воспоминания т. А. М. Коллонтай о ее детстве и юности на английском языке. Товарищ Подцероб ознакомил меня также с содержанием письма А. М. Коллонтай к Вам по поводу этих воспоминаний.

Я прочитал рукопись, и мое заключение сводится к следующему: воспоминания написаны с литературной стороны хорошо, живо, интересно, в том стиле, который вообще свойственен Коллонтай. Есть в рукописи некоторые места, которые лучше было бы опустить по соображениям не столько политического, сколько персонального характера (об этом я недавно лично написал А. М. Коллонтай), но они составляют лишь очень маленькую часть всего произведения. Всё остальное было бы желательно и полезно издать…

А. М. Коллонтай — одна из наиболее выдающихся женщин, выдвинутых русским революционным движением, и ее воспоминания, конечно, заслуживают внимания со стороны как современников, так и потомков. К тому же А. М. Коллонтай хорошо владеет пером, — качество, не всегда встречающееся у мемуаристов, — поэтому ее воспоминания дают ценные зарисовки различных уголков русской жизни… По всем этим соображениям, мне думается, воспоминания А. М. Коллонтай нужно выпустить в Москве.

Не менее важно опубликование их за границей. А. М. Коллонтай в качестве главного мотива для издания своих мемуаров в Швеции выдвигает свое желание раз и навсегда

ликвидировать всякие басни и небылицы, которые о ней рассказывают досужие иностранцы. Соображение правильное. Могу засвидетельствовать, что и сам я во время моего долголетнего пребывания за границей неоднократно наталкивался на самые фантастические россказни об А. М. Коллонтай — в печати и не в печати, — с которыми желательно покончить…»

Но еще более важным Майский считал покончить с традиционным представлением о русском человеке: «прекраснодушный мечтатель, не умеющий навести порядка даже в собственном доме». Это представление, по его мнению, создала классическая русская литература.

«Средний европеец на основе нашей старой литературы не верил в способность русских что-либо построить и организовать в крупном масштабе.

Помню, в начале 1936 года я показывал в Лондонском посольстве наш фильм «Киевские маневры» перед избранной военно-политической аудиторией. В этом фильме впервые были засняты парашютные десанты. Мои гости, за малыми исключениями (среди которых, между прочим, были Черчилль и недавно умерший генерал Дилл), отнеслись к этому военному нововведению крайне скептически. А на другой день в курилке парламента небезызвестный генерал Альфред Нокс суммировал общее впечатление от фильма так: «Я всегда был убежден в том, что русские — это нация мечтателей». И, наконец, 22 июня 1941 года: едва ли может подлежать сомнению, что когда Гитлер напал на Советский Союз, то это старое, укоренившееся на западе представление о характере русского человека играло далеко не последнюю роль в его военных расчетах…

Борьба с ложным представлением о русском человеке в странах запада представляется очень важной. И вот именно с этой точки зрения я считаю полезным опубликование мемуаров А. М. Коллонтай за границей…»

Судьба самого Ивана Михайловича Майского, взявшегося помочь Коллонтай с мемуарами, необычна. Мало того что он некогда принадлежал к меньшевикам (хотя и этого было достаточно, чтобы отправиться по пятьдесят восьмой статье уголовного кодекса на Колыму). В Гражданскую войну он находился на стороне врагов советской власти. Самое удивительное, что Майскому это сошло с рук!

После Октябрьской революции Иван Михайлович остался с меньшевиками, был избран в состав ЦК. Принял участие в последней попытке сохранить на территории России демократическое устройство. Депутаты разогнанного

большевиками парламента собрались в Самаре. Они образовали Комитет членов Учредительного собрания, который вошел в историю как Самарский Комуч. В августе 1918 года в Самару приехал Майский и стал управляющим ведомством труда (фактически министром) в Самарском Комуче.

Комуч продержался недолго, Самару заняла Красная армия. Иван Михайлович в 1919 году отправился в Монголию во главе экономической экспедиции, выпустил книгу «Современная Монголия». 20 февраля 1920 года написал в Москву наркому просвещения Анатолию Васильевичу Луначарскому: «Не грозят ли мне… «кары земные» за мои политические грехи… Найду ли я хороший прием среди деятелей Советской Республики. Не станет ли мне поперек дороги мое политическое прошлое?»

Луначарский посоветовался в ЦК, после чего по-дружески рекомендовал Ивану Михайловичу покаяться, что Майский и сделал письмом в «Правду». В феврале 1921 года его приняли в партию большевиков и утвердили председателем Сибирской общеплановой комиссии.

Ему пригодились давние знакомства. Время в эмиграции (после первой русской революции) он провел с пользой. Окончил экономический факультет Мюнхенского университета, познакомился с Георгием Чичериным и Максимом Литвиновым. Они подыскали ему работу в Наркоминделе. Литвинов поставил его заведовать отделом печати, а в мае 1925 года отправил в Лондон советником полномочного представительства. Летом 1927-го Англия разорвала отношения с Советским Союзом, дипломатам пришлось вернуться домой. Майский два года был советником в полпредстве в Японии, еще три года — полпредом в Финляндии, где подготовил двусторонний договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов. Он по-соседски наведывался в Стокгольм.

«С Майским интересно, — записала в дневнике Коллонтай. — Майский — живой человек с глазами, умом и чувствами, открытыми для восприятия жизни во всех ее проявлениях и областях».

В октябре 1932 года Иван Михайлович вновь прибыл в Лондон — уже в роли полпреда. Коллонтай поразилась: после маленького поста полпреда в Финляндии и вдруг Лондон… Иван Михайлович оставался на этом посту больше десяти лет. В 1941 году Сталин включил его в состав кандидатов в члены ЦК. Майский много сделал для укрепления отношений между странами антигитлеровской коалиции.

Но в 1943-м, раздраженный очередной отсрочкой в открытии второго фронта, Сталин решил демонстративно понизить уровень

представительств: из Соединенных Штатов отозвал Литвинова, из Англии — Майского. В Вашингтоне послом стал Андрей Андреевич Громыко, в Лондоне — Федор Тарасович Гусев. Это было маленькой местью Сталина Рузвельту и Черчиллю. Гусева перед отъездом принял Сталин. Новому (и неопытному) послу в Англии было всего 37 лет. Гусев честно сказал, что молод для такого поста.

Сталин развеял его сомнения:

— У нас нет других людей. Многие сейчас на фронте. Нам же нужно отозвать посла Майского, который слишком оправдывает действия англичан, саботирующих открытие второго фронта в Европе.

После возвращения в Москву Майского назначили заместителем наркома иностранных дел. Но без определенного круга обязанностей. В 1944 году Сталин потребовал от дипломатов анализа послевоенной ситуации в мире. Сформировали несколько комиссий. Возглавляли их заместители наркома Литвинов, Лозовский и Майский. Собрали лучших экспертов, работали несколько месяцев.

Все предложили по существу одно и то же: создать вокруг Советского Союза буфер безопасности, обезвредить Германию, не допустить создания в Европе военного блока, имеющего антисоветскую направленность, подписать с восточноевропейскими странами договоры о взаимопомощи и поддерживать хорошие отношения с Западом, прежде всего с Соединенными Штатами и Англией.

Совет не был принят.

В Наркомате иностранных дел Майский был отстранен от практической работы. В начале 1945 года ему поручили возглавить комиссию по возмещению ущерба, нанесенного гитлеровскими захватчиками. А в 1946-м убрали из Министерства иностранных дел. Владимир Семенов находился в кабинете Молотова, когда в телефонном разговоре со Сталиным решилась судьба Майского. Нарком спросил у вождя:

— Куда его девать?

Сталин поинтересовался, пишет ли что-нибудь Майский. Вячеслав Михайлович вспомнил, что перу его заместителя принадлежат работы о британском рабочем движении. Вопрос был решен. Иван Михайлович приступил к работе в Институте истории Академии наук. В порядке компенсации его в ноябре 1946 года избрали академиком. Так что у него появилось время для того, чтобы консультировать Коллонтай…

Посоветоваться Александре Михайловне особенно было не с кем. Те, кого она знала, исчезли — частично в результате

естественных причин, но в основном в результате репрессий. Так что участие Майского было крайне важным.

Тридцать первого августа 1948 года Коллонтай сообщила ему: «Глубокоуважаемый и дорогой друг Иван Михайлович, поручаю Вам весь мой личный архив — дневники, письма, записки и проч, в случае моей смерти. Часть моего архива уже сдана в ИМЭЛ, где имеется фонд моего имени…

Мои воспоминания, первая и вторая часть, изданы за границей, но еще полностью не появились в Советском Союзе. Полная рукопись имеется в моем архиве, а также в гранках у тов. Жданова».

Когда Коллонтай вернули на родину, она сразу занялась поисками пропавших в Стокгольме документов. Первым делом попросила Молотова вернуть ей все бумаги, которые забрал резидент внешней разведки. Но в Наркомате иностранных дел ее бумаги не обнаружились. Через два месяца ей ответили, что архив, видимо, утерян. В Институте Маркса-Энгельса — Ленина при ЦК ей тоже ничем не помогли. Там о ее бумагах никто и не слышал.

Семнадцатого августа 1945 года Александра Михайловна решилась побеспокоить единственного человека, который мог ей помочь:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович.

Обращаюсь к Вам с горячей просьбой, не только в своих интересах, но и в интересах истории партии. Когда я тяжело заболела в Швеции в 1942 году, я просила сотрудников, чтобы в случае моей смерти мой личный архив (ручной небольшой чемодан) отправили в ИМЭЛ. Когда я поправилась, я узнала, что советник Миссии тов. Ярцев, считаясь с напряженной обстановкой в Швеции, уже отправил в Москву весь мой архив, дневники, записки и проч. Я была уверена, что найду всё в ИМЭЛе, однако в ИМЭЛе моего архива не оказалось. Директор ИМЭЛа тов. Кружков наводил справки, но следов его не нашел.

Вы поймете, что меня беспокоит и огорчает пропажа моих бумаг, которые я аккуратно собирала и сохраняла в течение стольких лет еще с эмиграции, и моя просьба к Вам дать распоряжение, чтобы разыскали личный архив Коллонтай и чтобы передали все в ИМЭЛ, где имеется фонд моего имени.

Для меня будет большой радостью узнать, что мой архив в целости, тем более что в нем есть материал, который я могу еще обрабатывать.

Пользуюсь случаем высказать мою сердечную благодарность Вам лично, партии и правительству за внимательное отношение ко мне, которое я чувствовала с первого дня моего возвращения

на Родину. Я очень счастлива быть дома. Еще раз спасибо.

С глубоким уважением и преданностью».

Надо понимать, вождь реагировал на ее обращение благожелательно. Архив ей всё-таки вернули. Правда, процесс возвращения почему-то занял больше года. 21 ноября 1946 года Коллонтай написала благодарственное письмо и адресовала его сталинскому помощнику Александру Николаевичу Поскребышеву. Его особая роль ей была известна.

Разные люди работали в секретариате Сталина. Одних он выдвинул на повышение, от других избавился. Только одного Поскребышева постоянно держал возле себя. Человек необразованный, но исполнительный, оказался идеальным помощником. Его жену посадили, а он продолжал служить Сталину.

Коллонтай писала:

«Дорогой Александр Николаевич.

Очень прошу Вас при случае передать Иосифу Виссарионовичу мой самый душевный привет и горячую благодарность. Оба чемоданчика с моим личным архивом я на днях получила. Это облегчит мне работу над III частью моих воспоминаний, включая 17 год, я надеюсь, что книга выйдет к 30-летию (имелась в виду годовщина революции. — *Л. М.)*.

Скажите Иосифу Виссарионовичу, какую огромную радость он доставил мне возвращением материалов, которые я уже считала потерянными. Думаю, что книга будет полезна партии и нашим задачам сейчас. Спасибо и Вам, дорогой Александр Николаевич, за содействие и помощь.

С искренним товарищеским приветом и уважением

А. Коллонтай».

Александра Михайловна не привыкла сидеть без дела. Трудилась над мемуарами. Каждый день к ней приходила машинистка. В 1945 году воспоминания Коллонтай были опубликованы на шведском языке в Стокгольме. Небольшой отрывок появился в журнале «Октябрь», в девятой книжке за 1945 год.

Она попросила прозаика Абеля Наумовича Пантилева, чтобы он взял на себя разбор ее дневников дореволюционного периода. Писательницу Валерию Анатольевну Герасимову (первую жену председателя Союза советских писателей Александра Александровича Фадеева и двоюродную сестру кинорежиссера Сергея Аполлинариевича Герасимова) уговорила взять на себя ту часть дневников, где речь шла о женском движении. Герасимова до войны редактировала журнал «Смена». А общее руководство работой Коллонтай поручила академику Майскому, о чем

написала ему в августе 1948 года.

Старые знакомые уходят

Александру Михайловну очень радовали сын, невестка и внук. Не забывали и другие родственники. 17 ноября 1948 года она поделилась с Щепкиной-Куперник: «Мои праздники прошли очень приятно, у меня жили Миша и Ира, тоже как бы приехавшие ко мне в деревню, на Калужское шоссе.

Володя (внук. — *Л. М.)* и его хорошенькая и симпатичная приятельница забегали подкрепиться и шли дальше с группой студентов, в один вечер успеть побывать на четырех концертах и потанцевать, не покупая билетов, по их выражению, «прорываться в зал». Здесь сейчас дирижер Мравинский, мой племянник. Он культурный и симпатичный человек, на днях был у меня.

Понемногу работаю с Ларисой Ивановной…

За детей моих я сейчас тоже спокойнее. Ира встала на работу, а Миша, благодаря переводу на инвалидность, может соблюдать необходимый ему режим, и поэтому чувствует себя лучше…»

Размеренное течение жизни лишь иногда нарушали форсмажорные обстоятельства. Ей часто писала одна восторженная студентка из Красноярска. Александра Михайловна дисциплинированно отвечала. А студентка вдруг прилетела в Москву, пришла к Коллонтай и честно призналась: она желает стать дипломатом, а жить во время учебы вознамерилась у Александры Михайловны… Коллонтай и Эми пришли в ужас. Пришлось Коллонтай отправить ее обратно в Красноярск за свой счет — денег девушке хватило только на поездку в столицу.

Четырнадцатого мая 1949 года Александра Михайловна писала о своей жизни Вере Юреневой: «Мы с Эми живем очень тихо, однообразно, как полагается летом. Я строго распределила день: утром два часа работаю, потом Эми везет меня на чудесные прогулки в парк или в лес, оттуда вид на реку Клязьму, в четыре часа обед, вечером Эми мне читает вслух «Ярмарку тщеславия» Теккерея… Эми ходит в кино два раза в неделю…

Я отдыхаю без разговоров и встреч.

Жду Мишу и Иру в июле…»

Ее по-прежнему волновала текущая политика. В начале марта 1949 года Коллонтай с удивлением прочитала в «Правде», что Вячеслав Михайлович Молотов освобожден от поста министра иностранных дел, как говорилось в официальном сообщении, в связи с необходимостью сосредоточиться на руководстве Советом министров СССР.

Эта формула не могла ввести ее в заблуждение: Молотов снят. Но за что? Вот этого она не понимала.

По Москве пошли разговоры, что арестована жена Молотова — Полина Семеновна Жемчужина, которая некогда работала у Коллонтай в женотделе. 29 декабря 1948 года на заседании политбюро Жемчужину исключили из партии.

Молотов не посмел и слова сказать в защиту жены. И лишь при голосовании позволил себе воздержаться. Естественный, но в те времена мужественный поступок (были и такие партийные лидеры, которые просили дать им возможность своими руками уничтожить своих родственников, объявленных «врагами народа»).

Сталин сказал Молотову:

— Тебе нужно разойтись с женой.

Молотов всю жизнь страстно любил Полину Семеновну. Вернувшись домой, пересказал жене разговор с вождем. Жемчужина твердо сказала:

— Раз это нужно для партии, значит, мы разойдемся.

Характера ей тоже было не занимать. Она собрала вещи и переехала к родственнице — это был как бы развод с Молотовым.

Двадцатого января Вячеслав Михайлович, пытаясь спастись, написал Сталину покаянное письмо: «При голосовании в ЦК предложения об исключении из партии П. С. Жемчужиной я воздержался, что признаю политически ошибочным…»

Письмо Молотова — это предел человеческого унижения, до которого доводила человека система. Самые простые человеческие чувства — любовь к жене и желание ее защитить — рассматривались как тяжкое политическое преступление.

Двадцать шестого января 1949 года Жемчужину арестовали. Членам ЦК Министерство государственной безопасности разослало материалы из ее дела. Там было много гнусных подробностей, придуманных следователями с явным желанием выставить Молотова на посмешище. В материалах МТБ утверждалось, что Жемчужина, уже не юная дама и вовсе не легкомысленная по характеру, была неверна мужу, и даже назывались имена ее мнимых любовников…

Все послевоенные годы прошли в бесконечных интригах. Члены политбюро постоянно менялись местами в зависимости от часто менявшегося настроения Сталина. Вождь устал и очевидно терял интерес к делам. Возраст и состояние здоровья не позволяли Сталину полноценно работать. Но снимать и назначать он еще мог.

У Сталина не было вечных друзей. У него был только вечный интерес — сохранение полной и единоличной власти. А друзья и

соратники менялись. И он предпочитал держать их в страхе, в том числе арестовывая их жен, детей и других близких родственников.

Коллонтай поразило, что Сталин произвел в министры иностранных дел Андрея Януарьевича Вышинского, бывшего меньшевика.

Почему Вышинский выжил? Это изумляло не только Коллонтай. Никто не в состоянии проникнуть в логику Сталина, но надо понимать, что при очередном повороте истории и Вышинский тоже мог попасть под колесо. И он-то об этом знал, помнил, не забывал ни на секунду, что любой день на свободе может быть для него последним. Ему завидовали, а его во сне преследовали кошмары. Сталину как раз и нужны были люди, которых гонит страх и которые поэтому превращаются в лакеев.

Андрей Вышинский с его хорошо организованным и дисциплинированным умом оказался очень полезен — умел то, чего не могли Молотов и другие: с ходу диктовал любой документ — ноту, проект соглашения, речь. А ведь дипломатические документы требуют исключительной отточенности формулировок. На дачу вождь Вышинского не приглашал — за своего не считал. Но очевидные таланты ценил. На фоне малограмотных, косноязычных партийных работников Вышинский казался светочем мысли.

Молотов и Вышинский, кстати говоря, ненавидели друг друга. Сталина это устраивало. Молотов, второй человек в стране, не смел возразить Сталину и смирился с замом, которого не переваривал. Вячеслав Михайлович при всяком удобном случае отчитывал Андрея Януарьевича, повторяя:

— Вам бы только речи произносить!

Пока Молотов был министром, он держал в руках все рычаги управления дипломатией. Заместителям он оставлял только мелкие текущие дела. Вышинского явно одолевала обида, что ему не дают развернуться, заставляют заниматься рутиной. Отыгрался, когда Молотова сняли: не посылал своему недавнему начальнику никаких бумаг, хотя тот формально оставался куратором МИДа от политбюро.

Вышинский был, наверное, самым образованным подручным Сталина, знал европейские языки — польский и французский свободно, немецкий и английский вполне прилично и изящно объяснялся с иностранцами, которых следовало очаровать. Не лишенный обаяния и остроумный, он нравился некоторым иностранным дипломатам, но в основном тем, кто ничего не понимал в советской жизни.

Рабочий день министра Вышинского начинался в 11 часов

утра, а заканчивался в четыре-пять утра следующего дня. Совещания проходили ночью, когда люди мало что соображали. Сам Вышинский был исключительно работоспособен. К тому же он смертельно боялся отсутствовать на рабочем месте — вдруг позвонит Сталин.

Существовал такой порядок: если звонит вождь, всем полагалось немедленно покинуть кабинет министра. Несколько раз он звонил во время заседаний коллегии МИДа. Вышинский неизменно вставал и говорил:

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

Члены коллегии немедленно вскакивали со своих мест и бросались к двери, чтобы оставить министра одного. Но дверь — узкая, сразу все выйти не могли. Вышинский тому, кто выходил последним, своим прокурорским голосом говорил:

— Я замечаю, что, когда я говорю с товарищем Сталиным, вы стремитесь задержаться в кабинете.

После таких слов в дверях возникала давка, и в результате сотрудники выходили в два раза медленнее…

При Вышинском жесткий порядок сменился жестоким и бесчеловечным. В МИДе произошла определенная деградация. Новый министр вел себя с подчиненными грубо, по-хамски, оскорблял их последними словами. После его разносов на заседаниях коллегии людей выносили с сердечным приступом. К тому же в министерстве постоянно появлялись новые люди. Они Коллонтай не знали. Но иногда ее все-таки вспоминали. В январе 1951 года она уехала в санаторий в Чкаловское, чтобы написать для Министерства иностранных дел подробную записку о Скандинавии.

В самом конце 1951 года ушел из жизни Максим Максимович Литвинов, который ее навещал. Он был человеком спокойным, уверенным в себе, жизнерадостным. Но последние годы, которые пришлись на пик злобной антисемитской кампании, мало располагали к оптимизму. Пожалуй, ему повезло, что он уже был в отставке.

В декабре 1951 года у Литвинова случился третий инфаркт. Его интенсивно лечили. Но медицина оказалась бессильна. 31 декабря, в последний день уходящего года, он скончался. Сразу же явились сотрудники Министерства госбезопасности, просмотрели все его документы и письма, отобрали то, что их заинтересовало, и унесли. 3 января 1952 года появился небольшой некролог в «Правде». На следующий день Максима Максимовича похоронили на Новодевичьем кладбище.

Почему Литвинову было позволено умереть в своей постели? Он уже давно был на пенсии, не играл никакой роли в политике.

И главное — как и в случае с Коллонтай, Сталин до конца жизни сохранил к нему какую-то симпатию.

Послевоенные годы оказались мрачными и трудными не только по причине голода и медленного восстановления народного хозяйства. Накормить людей власть была не в состоянии. Зато могла напугать и отбить желание жаловаться и говорить о трудностях. Послевоенное время запомнилось масштабными идеологическими акциями. Они начались с громких постановлений о литературе, музыке, кино. Самые знаменитые из них появились в голодном 1946 году — «О журналах «Звезда» и «Ленинград» и о кинофильме «Большая жизнь».

Сталин читал сводки Министерства госбезопасности и знал, что с окончанием войны люди связывали огромные надежды: жаждали сытной жизни, либерализации и спокойствия. Крестьяне надеялись, что распустят колхозы. Эти слухи распространялись по всей стране. Но ожидания не оправдались, пришло разочарование.

В аппарате госбезопасности выяснили, кто же недоволен положением в стране. Получалось, что это те, кто побывал на Западе и хотя бы краем глаза увидел западную жизнь, — то есть бывшие солдаты и офицеры Красной армии и бывшие военнопленные, те, кого немцы увезли на принудительные работы.

Константин Михайлович Симонов рассказывал, как Сталин собрал руководство Союза писателей. Заговорил о «неоправданном преклонении перед заграничной культурой».

— Эта традиция идет от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами — засранцами. — Сталин позволил себе неприлично пошутить. — У военных тоже было такое преклонение. Теперь стало меньше…

По всей стране развернулась борьба с «низкопоклонством перед Западом». Всё, что шло из западных стран, даже в точных науках, называлось реакционным. Ученым приходилось вычеркивать ссылки на иностранных авторов. Таким примитивным образом утверждался приоритет отечественной науки. Это были худшие времена для советских ученых, отрезанных от мировой интеллектуальной жизни.

Кибернетика была запрещена как буржуазная наука. Разгрому — под руководством малограмотного «народного академика» Трофима Денисовича Лысенко — подверглась биологическая наука, что на десятилетия обусловило отставание аграрного

сектора и фармакологии. Химическое отделение Академии наук провело сессию в подражание лысенковской, что нанесло тяжкий ущерб химической науке.

Атмосфера холодной войны помогла сбить волну недовольства, критики власти. Как только людям сказали, что придется ждать новой войны, настроения изменились. Ради сохранения мира люди были готовы на новые жертвы. Понятно, что понадобились и «внутренние враги», которых надо было разоблачить и обезвредить.

Ощущая общественную атмосферу, Коллонтай держалась невероятно осторожно. Ее письма безукоризненно верноподданнические. 1 апреля 1949 года она сообщала ленинградской писательнице Евгении Ивановне Фортунато: «У меня всё по-обычному, понемногу работаю, а больше воспринимаю интересную нашу жизнь. Каждая газета приносит радость и новый сдвиг, увеличивая счастье нашего народа».

Семнадцатого ноября 1950 года отправила письмо старому знакомому — Семену Максимовичу Мирному (они познакомились в Гражданскую на Украине, а в конце 1920-х он служил первым секретарем полпредства в Швеции): «Я не базируюсь на документах, в этом ценность моих записок. Пишу о том, что видела сама, о тех людях и впечатлениях, которые вынесла лично. Сверяю иногда лишь какую-нибудь дату, если ее упустила в записках. Для будущих историков интересно будет непосредственное впечатление живого участника тех лет…»

В институтах Академии наук, творческих союзах, издательствах, как и во всех других идеологических учреждениях, развернулась борьба с «сионистами» и «космополитами», которая оказалась выгодным делом. После подметных писем и открыто антисемитских выступлений освобождались места и должности. Карьеры стали делаться почти так же быстро, как в 1937 году, когда расстреливали вышестоящих, открывая дорогу нижестоящим. Еще оставалось некоторое количество евреев на достаточно заметных местах; они вносили вклад в науку, медицину, искусство. В первую очередь с ними боролись как с конкурентами. В борьбе с «космополитами» появилась сплоченная когорта профессиональных разоблачителей, как правило, бездарных людей, надеявшихся сделать карьеру за счет уничтожения коллег. Эти кампании были сигналом к поиску внутренних врагов, что, судя по всему, должно было стать обоснованием нового большого террора.

Всё это вело к оскудению духовной и интеллектуальной жизни страны. Вместо творческих дискуссий и обсуждений по существу реальных проблем — споры начетчиков,

соревновавшихся в подборе цитат классиков марксизма.

«Маркс говорил по такому-то вопросу одно; «поздний» Энгельс — другое; Ленин — третье, — вспоминал Георгий Валентинович Шумейко, много лет проработавший в ЦК. — Это часто вызывало тупиковое состояние… Письма растерянного интеллектуала в идеологический аппарат ЦК отражали человеческую боль и надежду получить какое-нибудь разъяснение… В толще политизированной интеллигенции, партийной и беспартийной, била ключом инициатива сотворения мифов, легенд о бессмертии Сталина и его гениальных идей».

Еще во время войны на Старую площадь шли критические отзывы о лекциях Емельяна Михайловича Ярославского, бывшего крупного партийного работника, а тогда руководителя лекторской группы ЦК, члена редколлегии «Правды» и академика. Бдительные начетчики сигнализировали о том, что лекции по истории партии он читает по старинке, а от него требовали строго следовать не только духу, но и букве «Краткого курса»…

Ярославский был свидетелем и участником революции, Гражданской войны, борьбы за власть в 1920-е годы. Казалось бы, какая удача для слушателей — всё узнать из первых рук. Но молодые партийные работники вовсе не желали знать, как всё было на самом деле! Им достаточно было усвоить ходовые идеологические формулы, необходимые для успешной карьеры.

«Емельян Ярославский увлекался рассказами о различных этапах истории партии, наполнял их упоминанием выдающихся имен, нивелируя вольно или невольно роль Сталина с другими участниками революционного прошлого», — вспоминал Георгий Шумейко.

В результате на лекциях Ярославского, руководившего кафедрой истории ВКП(б) в Высшей партийной школе (на Миусской площади), слушатели выражали недовольство и высказывали претензии человеку, который еще оставался кандидатом в члены ЦК:

— Освещайте факты по «Краткому курсу». То, что вы рассказываете, там не нашло отражения.

Пытаясь сохранить спокойствие, Емельян Михайлович отвечал, что он сам был свидетелем событий, о которых рассказывает.

— Мало ли что! — раздавалось из зала. — Есть официальное толкование.

В результате Ярославский выступал все реже и реже…

Формировался определенный тип партийного работника, который в идеологической сфере ни себе, ни другим не позволял отклоняться от генеральной линии.

«За годы работы в аппарате, — продолжал Шумейко, — я привык к дисциплине, делающей служебной нормой уклонение товарищей от того, чтобы углублять разговор на «нежелательную тему» или вообще обрывать его без видимой причины. «Признано нецелесообразным» — на том ставилась точка!»

Александра Коллонтай старалась не отвлекаться от главного — работы над воспоминаниями. 19 января 1950 года она сообщала Щепкиной-Куперник:

«Не звонила, так как бронхит мой вдруг забрал власть. Всё уже позади — я за письменным столом. Да, самое страшное для нас — это не творить, не работать… Для меня во время болезни самое страшное было: не успеть написать, то есть обработать годы войны — 1940–1945. Работа кропотливая, интересная и важная, а сил будто не хватит…»

Первого января 1952 года она благоразумно отправила в Кремль 58 страниц, посвященных встречам со Сталиным:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович.

Прежде чем передать мои записки за годы дипломатии в секретный партархив ИМЭЛа, считаю своим долгом послать Вам выписки всех моих встреч и бесед с Вами за этот период для Вашего ознакомления.

По рассмотрении этого материала прошу дать распоряжение, чтобы его вернули в ИМЭЛ товарищу Поспелову.

Разумеется, весь этот материал, то есть мои записки за годы дипломатии, так же как и эти выписки из них, не подлежат печати, а поступают на хранение в ИМЭЛ как исторический материал.

Шлю Вам мои наилучшие пожелания на новый 1952 год и прежде всего полной победы нашей политики мира над поджигателями войны.

Глубоко преданная Вам и неизменно благодарная».

Вождю в те дни было не до ее воспоминаний. Он читал и правил рукопись поважнее. По его заданию советские экономисты трудились над текстом нового учебника — «Политическая экономия».

Жизнь после смерти

Двадцать восьмого января 1952 года Александра Михайловна сообщала Щепкиной-Куперник: «Одну основную свою работу по дипломатии кончила и отдала раньше срока, а теперь принялась за приведение в порядок бумаг, относящихся к периоду до 1917 года, это и интересно и всегда грустно, так как хочется

поделиться впечатлениями, а уже никто не помнит того времени… Зато радуюсь на моих внуков, которые живут полной жизнью и кому жизнь дается легче, чем моему поколению…»

Ее навестил председатель шведской компартии Свен Линдерут, привез подарки, последние достижения капиталистического общества — соковыжималку, картофелечистку, кухонные щетки (см. журнал «Эхо планеты», от 29 мая 1998 года).

Со свойственным ей юмором и умением мужественно переносить тяготы Александра Михайловна 29 февраля 1952 года писала Ивану Михайловичу Майскому:

«Было высокое давление и что-то с сердечным клапаном. Но мои кремлевские врачи взялись за меня основательно. По-старомодному пустили кровь, и я почувствовала себя маркизой XVIII века, которая при каждом недомогании или любовной горести прибегала к кровопусканию. Оказывается, это очень хорошо. Сегодня я улыбаюсь на солнышко и проблески весны… Читаю записки Пржевальского, интересно. Я его лично знала, он часто бывал у моего отца».

Когда Александра Михайловна писала это письмо, она не знала, что до адресата оно не дойдет. 19 февраля 1952 года Майского арестовали.

Его обвинили в связях с британской разведкой и в том, что он считал западных лидеров друзьями Советского Союза. Вслед за ним арестовали троих его недавних подчиненных, бывших сотрудников советского посольства в Лондоне, в том числе известного публициста Эрнста Генри (он же Семен Николаевич Ростовский, он же Леонид Аркадьевич Хентов, человек с фантастически интересной биографией, автор двух знаменитых в 1930-е годы книг — «Гитлер над Европой» и «Гитлер против СССР»).

После смерти Сталина, как сказано в следственном деле, Майский «от своих показаний отказался, заявив, что они вымышленные». Но его всё равно не отпускали. Через два года после смерти Сталина, в мае 1955 года Майского судила Военная коллегия Верховного суда по обвинению в измене родине. Но в июле 1955-го его, наконец, освободили, и он вернулся в Институт истории Академии наук.

Однако мрачная тень нелепых обвинений висела над ним. В начале 1957 года обсуждался вопрос о новом издании «Истории дипломатии» и «Дипломатического словаря». Нужен был главный редактор. Лучшей кандидатуры, чем академик Иван Майский, предложить было трудно.

Но секретарь ЦК по идеологии Дмитрий Трофимович

Шепилов отправил членам президиума ЦК записку, в которой назвал это нецелесообразным: «Майский И. М. признан виновным в злоупотреблении служебным положением в бытность свою послом СССР в Англии и осужден; в дальнейшем Майский реабилитирован не был, а лишь помилован в порядке частной амнистии».

Двадцать первого февраля 1957 года вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК. Новый министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко попросил Майского в редколлегию не вводить и тем более не делать главным редактором: он даже не член партии! Майского исключили из партии после ареста и не восстановили. Приговор ему отменили только в 1960 году. Так что особенно помочь в публикации трудов Коллонтай Иван Михайлович не мог…

При советской власти из ее воспоминаний публиковались лишь отрывки. Записки Коллонтай в двух томах вышли в Москве только в 2001 году — при помощи немецкого Фонда им. Розы Люксембург.

Довольно долго советские чиновники не могли простить Коллонтай самостоятельности в политической и личной жизни.

Пятнадцатого ноября 1967 года начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете министров СССР Павел Константинович Романов пожаловался в ЦК КПСС на постановку в театре «Современник» спектакля «Большевики» по пьесе молодого тогда драматурга Михаила Филипповича Шатрова «Тридцатое августа»:

«Это — совершенно недопустимый и беспрецедентный случай нарушения установленного порядка, в соответствии с которым драматические произведения современных советских авторов могут показываться на сцене лишь после разрешения их текстов к постановке органами Главного управления по охране государственных тайн в печати.

Текст пьесы М. Шатрова «Тридцатое августа» не был подписан нами для исполнения, так как содержал ряд существенных недостатков идейно-политического характера… Пьеса получила отрицательное заключение Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС…

Рассмотрение этого произведения показало, что в нем, например, допускалось искажение ряда мыслей В. И. Ленина… Вызывала также сомнение историческая достоверность и политическая оправданность введения в число действующих лиц пьесы таких персонажей, как Стеклов, Коллонтай, Крестинский, которые как до событий, изображаемых в пьесе, так и в последующем были в оппозиции к В. И. Ленину, выступали

против политики партии по принципиальным вопросам, примыкали к различным антипартийным группировкам…

А. Коллонтай в марте 1918 года демонстративно, в знак протеста против ленинской линии в вопросе о Брестском мире, вышла из Совнаркома. В 1920–1921 годах была активной участницей «Рабочей оппозиции»; ее брошюра «Рабочая оппозиция», выпущенная накануне X съезда партии, стала идейной платформой этой группы. Несмотря на ленинскую резолюцию X съезда «О единстве партии», осудившую взгляды «Рабочей оппозиции», брошюра Коллонтай была распространена оппозиционерами среди работников Коминтерна. Антипартийная деятельность Коллонтай получила резкую оценку и в резолюции XI съезда партии (1922 г.) «О некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции». <…>

Пьесы Михаила Шатрова всегда трудно проходили через цензуру, а театр «Современник» для идеологических чиновников был как красная тряпка. Появление на сцене уже почти забытой Коллонтай давало цензорам желанный повод обвинить авторов спектакля в пренебрежении основополагающими партийными документами и оценками.

Деятельность Коллонтай начальник цензуры Романов, бдительный догматик, называл «антипартийной». Негодовал, как вообще можно выводить на сцену такой сомнительный персонаж! Павел Константинович перед войной окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б) и курсы военных комиссаров при Военно-политической академии.

В партшколе его наблюдала Галина Ерофеева, жена не раз упоминавшегося на этих страницах Владимира Ивановича Ерофеева: «На киносеансе свободных мест не оказалось. Рядом у стены стояла пара — подчеркнуто грубоватый брюнет и голубоглазая пухлощекая блондинка, за которой он ухаживал. Она попросила его принести стул. «Постоишь, корова!» — услышала я оторопело его «галантный» ответ будущей жене. Я вряд ли припомнила бы этот сочный эпизод, если бы этот человек не был в течение многих лет бессменным руководителем Главлита, сумевшим попортить немало крови советским журналистам и литераторам своим «галантным» обращением и с авторами, и с их трудами».

После войны Павел Романов был начальником Комиссии по работе с военнопленными при ЦК партии. В 1948 году его взяли в аппарат ЦК, где он, взбираясь по служебной лестнице, служил до 1957 года, когда его сделали главным цензором страны. Он просидел на этой должности без малого 30 лет — аж до горбачевских времен!

Самоуверенный по характеру Павел Романов претендовал на большую роль, чем ему было положено. Не он один желал руководить идеологией, были и другие чиновники высокого ранга, имевшие на то основание и не позволявшие конкурентам вторгаться в их епархию. Разгневанное послание начальника Главлита не встретило понимания у высшего руководства страны. Давние уклоны и колебания Коллонтай — не повод, чтобы вычеркивать ее из истории. И так уже почти никого не осталось из революционной когорты, пантеон опустел, а потребность в героях ощущалась.

В 1969 году вышла на экраны посвященная ей кинокартина «Посол Советского Союза». Художественный фильм по пьесе Ариадны и Петра Тур «Чрезвычайный посол» снял известный режиссер Георгий Григорьевич Натансон. Музыку к фильму написали Вениамин Ефимович Баснер и Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Главная героиня ленты носит иную фамилию, и не упоминается Швеция. Но все знали, что это фильм о Коллонтай. Ее играла актриса Театра им. Вахтангова Юлия Константиновна Борисова. В кино она снималась мало. Ее высоко ценили не только зрители, но и начальство. Политически важную роль доверили не только народной артистке СССР, но еще и депутату Верховного Совета РСФСР. Юлию Борисову ждали Государственная премия и золотая звезда Героя Социалистического Труда.

Среди зрителей был Владимир Семенович Семенов, бывший подчиненный Александры Коллонтай. Теперь он сделал изрядную карьеру в дипломатии и в 1955 году стал заместителем министра иностранных дел. Семенов с чувством глубокого внутреннего удовлетворения отметил, какую важную роль в фильме играет некий советник посольства. Пометил в дневнике: «Даже по внешним данным сделали под меня». Снисходительно оценил работу кинематографистов: «Профессионально — это развесистая клюква. Но всё сделано трогательно».

Фильм «Посол Советского Союза» имел большой успех, стал, как бы теперь сказали, лидером проката. А экранный образ в массовом сознании навсегда заменил реальную Александру Михайловну Коллонтай. Зато она вернулась из небытия и прочно вписалась в советскую историю…

Когда-то, попав в больницу, она писала подругам: «Как странно подумать, что мы все трое прошли такую путаную, страдную, необычайную дорожку жизни. Шли вместе, разбредались и снова встречались на холме, на перекрестке…

И вдруг пропала дорожка моя. Где она? Направо? Налево?

Нет ни гор, ни долин. Тишина. Покой холодный, чужой. Кругом всё бело. Чисто, четко бело. Белые косынки, белые стены, белая кровать…

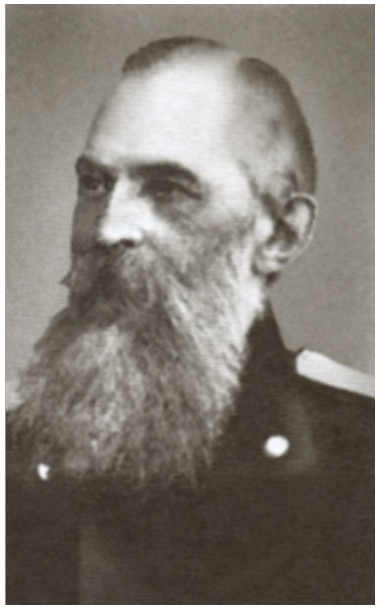
Закроешь глаза — плывет прошлое. Будущего нет. Прошлое и прочитанное… Если выживу, нельзя же по старой тропе? Не пойдешь, не осилишь… Надо понять, всё понять и не бояться правды. Люди кругом: врачи, сестры… А нет никого. Так и по дорожке моей жизни…»

Александра Михайловна Коллонтай скончалась от инфаркта 9 марта 1952 года, не дожив двух недель до восьмидесятилетия, которое собиралась пышно отметить в особняке Министерства иностранных дел на улице Алексея Толстого.

«Всё случилось очень быстро, — писала ее верная помощница Эмми Лоренсон. — 7 марта, в пятницу, Александра чувствовала себя очень хорошо, успела закончить большую работу и сдала ее в архив. 15 марта мы собирались ехать в Барвиху. Но вечером у нее случился сердечный приступ, а через сутки всё было кончено. Она уснула у меня на руках. Врач был рядом, ей впрыснули камфару, дали кислород. А я всё думала о профессоре Нанне Шварц, которая, быть может, смогла бы помочь ей еще раз…»

Никого из мужчин, которых она любила или которые любили ее, уже не осталось в живых. Все они были значительно моложе ее, но ни к кому из них судьба не была столь благосклонна. Или, может быть, никто из них не был наделен такой счастливой способностью легко расставаться с идеалами юности и забывать о любимых людях?

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Мать Александры — Александра Алексеевна Масалина

Отец — Михаил Алексеевич Домонтович

Шурочка Домонтович

С мужем Владимиром Людвиговичем Коллонтаем

Михаил Иванович Драгомиров

Александра Михайловна с сыном Мишей

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник

Александра Михайловна Коллонтай

Анжелика Исааковна Балабанова

Вера Леонидовна Юренева

Елена Дмитриевна Стасова

Карл Либкнехт

Клара Цеткин

Роза Люксембург

Александра Коллонтай

А. М. Коллонтай среди беспризорников. ***Начало 1918 г.***

А. М. Коллонтай (в верхнем ряду, в центре) среди детей детского сада ее имени во время эвакуации из Киева. 1919 г.

Заседание Совнаркома с участием В. И. Ленина. Пятая слева — А. М. Коллонтай. Петроград, 1918 г.

Александр Гаврилович Шляпников

Павел Ефимович Дыбенко стал вторым мужем Александры Михайловны Коллонтай

Матросы революции

Дыбенко и Коллонтай после примирения

Павел Ефимович Дыбенко — нарком по военным и морским делам Крымской советской республики

Инесса Арманд

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Горках. 1922 г.

Григорий Евсеевич Зиновьев

Лев Давидович Троцкий

А. М. Коллонтай перед вручением верительных грамот королю Норвегии Хокону VII. Осло, сентябрь 1924 г.

А. М. Коллонтай и президент Мексики Элиас Кальес после вручения верительных грамот. Мехико, 24 декабря 1926 г.

Леонид Борисович Красин

Валериан Владимирович Куйбышев

Николай Николаевич Крестинский

Петр Павлович Маслов

А. М. Коллонтай

И. В. Сталин

Прибытие А. М. Коллонтай водворен короля Швеции для вручения верительных грамот Густаву V. Стокгольм, 30 октября 1930 г.

Король Швеции Густав V

А. М. Коллонтай — чрезвычайный и полномочный посол СССР в Швеции

А. М. Коллонтай со знакомыми в кафе. Стокгольм

А. М. Коллонтай уезжает в Москву

Адольф Гитлер и Карл Густав Эмиль Маннергейм (в центре)

Юхо Кусти Паасикиви и Карл Густав Эмиль Маннергейм

Отто Куусинен

Георгий Васильевич Чичерин (в центре) в окружении советских дипломатов

Георгий Васильевич Чичерин

Максим Максимович Литвинов

Вячеслав Михайлович Молотов (в центре) с женой Полиной Жемчужиной (вторая справа) на дипломатическом приеме

Заслуги А. М. Коллонтай на дипломатическом поприще были оценены очень высоко

Сотрудники советского посольства в Швеции

Александра Михайловна с внуком Владимиром

В рабочем кабинете. Стокгольм

Даже когда Александра Михайловна Коллонтай была в преклонном возрасте, ее трудоспособности можно было позавидовать

В минуты отдыха

Коллонтай слушает радио

Евгений Александрович Мравинский

Владимир Иванович Ерофеев

Владимир Семенович Семенов

Иван Михайлович Майский

Мемориальная комната А. М. Коллонтай в посольстве СССР в Швеции. 1982 г.

Александра Михайловна Коллонтай

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. М. КОЛЛОНТАЙ

1872, 19 марта (1 апреля) — родилась в Санкт-Петербурге, в семье полковника Генерального штаба Михаила Алексеевича Домонтовича и его жены Александры Алексеевны (урожденной Масалиной).

1888 — сдала экзамен на аттестат зрелости, получила право преподавать.

1892 — первая поездка с семьей за границу.

1893 — вышла замуж.

1896, май — июль — собирала деньги в помощь участникам стачки текстильщиков в Петербурге.

1898 — поступила в Цюрихский университет на факультет экономики и статистики. Опубликовала свою первую работу «Основы воспитания по взглядам Добролюбова».

1899, лето — поездка в Англию.

1900 — первые научно-публицистические работы о Финляндии.

1901 — за границей устанавливает отношения с видными социал-демократами — Георгием Плехановым, Карлом Каутским, Розой Люксембург.

1903 — написала книгу «Жизнь финляндских рабочих».

1905, 9 января — участвует в демонстрации рабочих у Зимнего дворца. Во время первой русской революции пишет антиправительственные листовки, участвует в митингах.

1906 — публикует сборник статей «Финляндия и социализм».

1907 — создает в Петербурге организацию работниц.

1908 — против Коллонтай возбуждают дело, она уходит на нелегальное положение и уезжает из страны.

1909 — поселилась в Грюнвальде, пригороде Берлина, вступила в немецкую социал-демократическую партию, ездит по стране в роли пропагандиста-агитатора.

1910, август — на Международной конференции женщин-социалисток выступила с речью об охране материнства и детства. Вместе с Кларой Цеткин добивается решения о праздновании 8 Марта — Международного дня работниц. Избрана членом Международного секретариата по руководству женским социалистическим движением.

1911, весна — перебралась в Париж, где находилось Бюро

помощи политической эмиграции под руководством Чичерина. Пишет книгу «По рабочей Европе» (вышла в ноябре 1912 года), много выступает.

1912 — ездит с лекциями по Европе, работает в Британском музее над книгой «Общество и материнство».

1913 — возвращается в Германию, где занимается литературной работой.

1914, 3 августа — после начала мировой войны арестована в Берлине. С помощью Либкнехта освобождена.

Середина сентября — уехала в Данию.

Октябрь — перебралась в Швецию.

Середина ноября — арестована, из стокгольмской пересыльной тюрьмы переведена в крепость Мальмё.

Конец ноября — ее выслали из Швеции.

1915, начало февраля — обосновалась в Осло (Христиании), выступает, пишет на антивоенные темы, выпустила брошюру «Кому нужна война?».

8 октября — прибыла в Нью-Йорк и начала агитационную поездку по Америке.

1916, 6марта — приехала в Норвегию; в Петербурге издана ее книга «Общество и материнство».

Конец августа — вновь отправилась в Америку, участвовать в социалистическом движении.

1917, 28 января — вернулась в Норвегию.

18(31) марта — приехала в Петроград.

27 марта (11 апреля) — избрана депутатом Петросовета от военной организации большевиков, затем членом Петроградского исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, членом бюро большевистской фракции Совета.

3 (16) апреля — встречала Ленина на Финляндском вокзале.

Участвовала в VII апрельской Всероссийской конференции РСДРП как делегат от Петроградской организации.

Май — включена в состав редакции журнала «Работница».

15–18 июня — представитель ЦК на IX съезде социал-демократической партии Финляндии.

3—24 июня (16 июня — 7 июля) — участвует в работе I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов.

Сентябрь — инициатор создания Бюро по работе среди женщин.

10 (23) октября — участница экстренного заседания ЦК РСДРП, на котором принято решение о вооруженном восстании. В ночь взятия власти находилась в Смольном.

На II съезде Советов вошла в состав Совета народных комиссаров — нарком государственного призрения.

1918, 17 февраля (2 марта) — отправилась во главе делегации ВЦИКа за границу — в Швецию, Англию, Францию, чтобы рассказать о том, что происходит в России.

Март — на VII съезде партии выступила против Брестского мира. *19 марта* — ушла с поста наркома.

Ездит по стране, выступает, пишет статьи, включена в комиссию по пропаганде и агитации среди работниц при ЦК РКП(б).

1919, апрель — командирована на Украину.

Июль — август — нарком пропаганды и агитации Крымской советской республики, начальник политотдела Крымской армии, нарком пропаганды Украинской ССР.

Сентябрь — вернулась в Москву, назначена заместителем заведующей отделом работниц ЦК РКП(б). Представитель ЦК партии в ЦК РКСМ. Заведует отделом ЦК по работе среди женщин

1920, декабрь — на VIII съезде Советов избрана членом ВЦИКа.

1921 — читает лекции в университете им. Я. М. Свердлова — «О коммунистической морали в области брачных отношений».

Март — X съезд партии, где Ленин критикует «Рабочую оппозицию». *Июнь* — на Второй международной конференции коммунисток избрана в состав Международного женского секретариата при Коминтерне.

1922, 4 октября — утверждена советником полпредства в Норвегии.

1923, 30 мая — назначена полпредом и торгпредом в Норвегии.

1924, 15 февраля — подписан договор о взаимном признании СССР и Норвегии.

1926, 17 сентября — полпред и торгпред в Мексике.

1927, 4 июня — покидает Мексику.

Октябрь — вновь полпред в Норвегии.

Опубликовала книгу «В тюрьме Керенского».

1930, осень — посланник в Швеции.

1933, 7 марта — награждена орденом Ленина.

1942, 4 апреля — награждена орденом Трудового Красного Знамени «за выдающиеся заслуги перед Советским государством и в связи с 70-летием со дня рождения». Дуайен дипломатического корпуса в Швеции.

1943, 16 сентября — указом президиума Верховного Совета СССР присвоен ранг чрезвычайного и полномочного посла.

1945, 5 сентября — награждена орденом Трудового Красного Знамени «за успешное выполнение заданий советского правительства во время Великой Отечественной войны».

1945–1952 — советник Министерства иностранных дел СССР.

1952, 9 марта — Александра Михайловна Коллонтай умерла от инфаркта. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. Воспоминания дипломата, советника А. А. Громыко, помощника Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова и М. С. Горбачева / Под общ. ред. Н. Ф. Огородниковой. М.: Международные отношения, 1994.

История дипломатии: В 5 т. Т. 4. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1975.

Коллонтай А. М. Дипломатические дневники. Т. 2. 1922–1940 гг. М.: Академия, 2001.

Маннергейм К Г. Мемуары. М.: Вагриус, 1999.

Млечин Л. М.

М 72 Коллонтай / Леонид Млечин. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 479[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1449).

ISBN 978-5-235-03642-0

УДК 94(474-57)(092)
ББК 63.3(2)6-8

знак информационной продукции 16 +

Млечин Леонид Михайлович
КОЛЛОНТАЙ

Редактор *И. И. Никифорова*
Художественный редактор *И. И. Суслов*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 20.05.2013. Подписано в печать 09.09.2013. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 25,2 + 1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1310760.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiva.ru

ARVATO ЯПК

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97